

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

Е.Т. ГАЙДАР

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА
И ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА
Л.И. Лопатников

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровски,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. May, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Рогов, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 10

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»
МОСКВА · 2014

Содержание

Нам нужна скучная Россия. 17 января 2005 г.	11
Сладкие идеи передела. 20 января 2005 г.	17
Сила есть... 25 января 2005 г.	27
«Мы не несчастные. И не обреченные!». 31 января 2005 г.	30
Если отбросить краткосрочные моменты, Россия будет либеральной, рыночной страной. Январь 2005 г.	36
Мы сразимся на интеллектуальном поле. 7 февраля 2005 г.	45
«Управляемая демократия – это экзотика XXI века». 16 марта 2005 г.	55
Он спас Россию от краха? 16 марта 2005 г.	60
«Пускать Стабфонд на инвестиции – это путь к катастрофе». 4 апреля 2005 г.	72
Монетизация покажется цветочком. 15 июня 2005 г.	74
Диета от Гайдара. 28 июня 2005 г.	79
Рим подписал себе смертный приговор, как только стал империей. 11 июля 2005 г.	86
Демократы задумались об обновлении. 6 декабря 2005 г.	91
Клубная карта. 10 января 2006 г.	94
Гайдар переходного периода. 20 января 2006 г.	98
Он предлагает обороняться. 23 января 2006 г.	107
Исповедь Гайдара: 15 лет спустя. 15 марта 2006 г.	109

Гайдар, Е.Т.
Г14 Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 10/Е.Т. Гайдар.— М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.— 648 с.

ISBN 978-5-7749-0864-6 (Т.10)
ISBN 978-5-7749-0690-1

В томе собраны интервью, данные Е. Т. Гайдаром с 2005 по 2009 г., и дополнения к
интервью 1992, 1993, 1995 гг.

Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого
круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0864-6 (Т. 10)
ISBN 978-5-7749-0690-1

© Стругацкая М. А., 2014
© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2014
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2014

Асы транзитологии. 24–30 марта 2006 г.	114
«Я не обсуждаю вопрос о том, что будет, я обсуждаю вопрос о рисках». Март 2006 г.	119
Из потребительского бума может вырасти гражданское общество. 24 апреля 2006 г.	125
О Ельцине. 15 мая 2006 г.	132
Владимир Ильич Ленин был глубоко прав. 29 мая 2006 г.	144
Загнать джинна в бутылку очень сложно. Май 2006 г.	149
Общество устает от глупостей. 1 июня 2006 г.	158
Головокружение от нефти. 29 мая–4 июня 2006 г.	165
«Ресурсное богатство увеличивает политические риски». 21 июня 2006 г.	168
«Отец хотел, чтобы я занялся экономикой». Июнь 2006 г.	174
[О «Гибели империи».] Июнь 2006 г.	183
[О «восьмерке».] 10 июля 2006 г.	189
Откуда пошли реформаторы. 6 сентября 2006 г.	192
«В политике я сделал все, что мог». 12–18 сентября 2006 г.	203
Не дай нам Бог эпоху перемен... 29 сентября 2006 г.	206
Воспоминания о будущем. 30 октября 2006 г.	216
«ЕС заинтересован в России не меньше, чем мы в ЕС». 10 ноября 2006 г.	224
«Уезжать из страны не собирался». 20 ноября 2006 г.	228
Гибель советской империи: как это было. 4 декабря 2006 г.	238
«От себя: понимаю, что выжил чудом». 7 декабря 2006 г.	245
Бремя дружбы. 12 декабря 2006 г.	250
«Россия обречена на демократию». 25 декабря 2006 г.	256

Громкие убийства вредят России. 30 декабря 2006 – 1 января 2007 г.	259
Репутация государства – серьезная проблема для экономики. Февраль 2007 г.	266
«Вскрытие Стабилизационного фонда сведет все усилия на нет». 17 марта 2007 г.	274
[Беседы А.Коха с Е. Гайдаром.] Март – апрель 2007 г.	277
У российской экономики есть три года. 13 апреля 2007 г.	306
Нечастный капитал. 18 апреля 2007 г.	312
Продолжение эпохи. 30 апреля 2007 г.	319
«Он не хотел насилия, но только он не был слабаком». 30 апреля 2007 г.	323
Будущее начинается сегодня. Апрель 2007 г.	330
Борис Березовский: революционер или провокатор? 15 июля 2007 г.	337
«У моих американских коллег бледнеют лица и отвисают челюсти». 16 июля 2007 г.	342
Разбогатеют ли россияне? 1 августа 2007 г.	347
До 2011 года системных кризисов не просматривается? 24 сентября 2007 г.	350
У нас есть резервы примерно на три года плохой конъюнктуры. 27 ноября 2007 г.	357
«Реформы – это тяжелое бремя». Январь 2008 г.	361
Егор Гайдар: «Будут более жесткие условия». 28 января – 3 февраля 2008 г.	367
«Обществу пора отдохнуть». 26 февраля 2008 г.	370
Сейчас власти могут себе позволить не думать о деньгах. 14 марта 2008 г.	377
«Снижение добычи нефти и газа – непредвиденный властями результат начала ренационализации нефтегазовой отрасли». Май 2008 г.	386
Власть расслабилась. 10–17 июня 2008 г.	394

Все не могли стать миллиардерами. 24 июня 2008 г.	399
«Расслабились – и тут же получили по морде». 21 июля 2008 г.	407
Дефолт победителей. 12 августа 2008 г.	413
Егор Гайдар: «Информационную войну мы проиграли». 22 августа 2008 г.	419
Кризис – это механизм очищения экономики от слабостей. 20 октября 2008 г.	422
Над иерархией ситуаций. 21 октября 2008 г.	428
В зоне серьезной турбулентности. 22 октября 2008 г.	433
Егор Гайдар: «Катастрофы не вижу». 22 января 2009 г.	436
Доллар не рухнет ни при каких условиях. 10 февраля 2009 г.	446
Он-лайн конференция в «Новой газете». 19 февраля 2009 г.	450
Егор Гайдар: «За рюмкой ключевые вопросы не решались». 25 февраля 2009 г.	454
«Как потратить». 2 марта 2009 г.	465
«Играть против рубля бессмысленно». 2 марта 2009 г.	471
Мир выйдет из кризиса более жестким. 23 марта 2009 г.	473
Егор Гайдар: «Кризис приведет к изменению существующей системы». Март 2009 г.	479
Не надо думать, что последние десять лет все держалось исключительно на высоких ценах на сырье. Март 2009 г.	489
Егор Гайдар: «Я предпочел бы мягкие, постепенные реформы...». 13 апреля 2009 г.	496
Нынешний кризис – самый жесткий со времен Великой депрессии. 17 апреля 2009 г.	501
Егор Гайдар: «С мерами стимулирования экономики надо повременить». Апрель 2009 г.	506
Тяжелый выбор. 11 мая 2009 г.	513
После победы. Какой станет экономическая карта мира после кризиса. 6 июля 2009 г.	518
Егор Гайдар: «Тон власти стал меняться». 6 июля 2009 г.	522

Мы через 10 лет: олигархи перевоспитаются, пенсии вырастут? 8–14 июля 2009 г.	527
Судьбоносные развилки. Июль 2009 г.	532
Режим может рухнуть неожиданно, за два дня. 19 ноября 2009 г.	565
«На волшебную палочку надеяться не стоит». 21 декабря 2009 г.	570
Егор Гайдар: «Я бы воздержался от прогнозов по срокам окончания экономического кризиса». Декабрь 2009 г.	577
Дополнения	
«В этой игре ставки слишком высоки». 19 февраля 1992 г.	581
Егор Гайдар: «Чтобы не было бедных...». 13 января 1993 г.	595
Второй Октябрьской революции Россия не выдержала бы. 3 ноября 1993 г.	606
Егор Гайдар считает: в России происходит экономико-политический переворот. 11 января 1995 г.	618
Раскол демократов ведет к катастрофе. 19 июля 1995 г.	621
«Если к урнам придет не более 40 процентов избирателей, Россия вернется к очередям и пустым прилавкам». 6 ноября 1995 г.	629

Нам нужна скучная Россия

Первый в новейшей истории глава российского правительства Егор Гайдар в интервью «Дням. ру» рассказал о последствиях «дела ЮКОСа», о том, чем опасна тупая элита и нужна ли России новая революция.

— Егор Тимурович, сейчас представители российского бизнеса обеспокоены возможностью пересмотра итогов приватизации, «схлопывания» частного сектора в экономике, полномасштабного отката назад. Вы считаете подобный вариант возможным для России? Ведь уже очевидно, что под ударом чиновников оказался не только крупный бизнес, но и средний, и даже малый — сотни частных фирм и предприятий, даже самых малых, по стране или уже закрылись, или находятся на грани банкротства из-за неумелого, а зачастую и злонамеренного вмешательства «государственных мужей» в экономику.

— Малый и средний бизнес, несмотря ни на что, существуют. Для того чтобы в этом убедиться, не нужно смотреть на количество зарегистрированных предприятий — многие из них уже давно мертвые, многие оказались в полулегальном и даже в нелегальном секторе экономики, да и кто их реально сосчитает? Но обратите внимание на другой факт: занятость в России увеличилась за последние годы на 10 млн рабочих мест. В крупном бизнесе роста рабочих мест не наблюдается. Куда же отправились эти 10 млн? В малый и средний бизнес.

Все-таки те меры, которые были приняты правительством и парламентом для deregулирования экономики, пусть и с временным лагом, но принесли позитивный эффект. Но сейчас ситуация опасная. Это связано с влиянием демонстрационного эффекта. Власти изо всех сил стремились показать, многократно говорили и даже, как мне кажется, всерьез думали, что «дело ЮКОСа» уни-

Интервью брал Андрей ЦУНСКИЙ.
Опубликовано в: Дни. ру. 2005. 17 января.

кальное, связанное с политической борьбой, с тем, что нужно было преподать урок олигархам, и только, а повторяться подобное никогда не будет. Но местные власти, региональные власти — они же следят не за тем, что центральная власть говорит, а за тем, что она делает. И если так можно обращаться с крупнейшей нефтяной компанией, которая добывает больше нефти, чем вся Ливия, то многие рассуждают: «А почему я, Иван Иванович, не могу вызвать на ковер предпринимателя и сказать ему: «Если ты, сволочь, не положишь требуемую сумму в мой избирательный фонд, то я тебе устрою такую проверку, что мало не покажется»?»

— В сложившейся ситуации бизнес может опереться только на общественное мнение, но в глазах общества бизнесмен часто отрицательная фигура, от него ничего хорошего не ждут. Что следовало бы делать российскому бизнесу, чтобы поднять свое реноме в глазах общества?

— Конечно, наш бизнес, который в силу исторических причин не имеет традиций этичного поведения, рожденный в специфических обстоятельствах революции, сделал много, чтобы наши граждане относились к нему плохо. Вызывающее хамство, демонстративное потребление, выставляемое на глаза, бесстыдное соревнование в этом потреблении (у кого дороже галстук?), известное по анекдотам ранней постсоветской эпохи, — все это было глупо, опасно и отвратительно, но, видимо, неизбежно. Когда частной собственности не было на протяжении десятилетий — откуда взяться культуре и традициям, согласно которым принято не хвататься своими яхтами и вертолетами, а открывать центры наподобие рокфеллеровского, вкладывать деньги в гуманитарные и социальные проекты? В последние годы эти традиции стали возникать, причем не в сегодняшней пародийной форме «государственно-частного партнерства» в смысле «а ну-ка поделись!», а в нормальной, скажем, в такой, в какой начал это делать Ходорковский в рамках «Открытой России»: поддержка средств массовой информации, интернет-проектов, образовательных и социальных структур. Чего еще желать? Но самое обидное, что именно в этот момент от государства идет сигнал: «Ничего этого нам не надо! Когда и что будет надо, мы вам сами скажем!». А от того, что государству будут дарить яйца, пусть даже самые драгоценные и исторические, общественное мнение людей о бизнесе не изменится.

— Государство действительно ведет себя так, как будто в формировании нормального бизнеса в стране не заинтересовано. Но оно ведь не статично. Каким может стать режим в ближайшие годы? Будет ли он меняться сам и менять свое отношение к предпринимательскому сословию?

— Каким будет режим, не хочу прогнозировать. Думаю, что он радикально не изменится. Не надо недооценивать его устойчивость в краткосрочной перспективе. Важно другое. В шахматах иногда позицию не просчитывают, а оценивают. И если позицию оценивать, думать о том, какой она была в 2005 г., а какой может стать к 2010 г., можно сказать одно — в крупных индустриально развитых государствах с образованным населением авторитарные режимы неустойчивы. Каким образом рушатся авторитарные режимы? Всегда по-разному, может быть много причин, начиная со стихийной катастрофы и заканчивая обвалом цен на основные экспортные товары. Такие режимы внутренне неспособны спрятаться с серьезными проблемами, с вызовом времени. Убежден, что в России в среднесрочной или долгосрочной перспективе будет сформирована полноценная демократия. Хотелось бы, чтобы это произошло мягко, без насилия, без революции. Не дай Бог нам пережить еще одну. В прошлом веке этого России досталось с избытком.

Чем умнее будет элита, чем яснее она будет понимать, что переход к полноценному демократическому общественному устройству неизбежен, тем спокойнее это произойдет. Чем тупее будет элита — тем, к сожалению, страшнее будут потрясения. Сделать Россию глупой и необразованной не удастся. Можно спровоцировать волну эмиграции наиболее способных и перспективных интеллектуалов и профессионалов, молодой элиты, например, угрозой службы в армии — но страна от этого не станет неграмотнее. Талантливых людей в ней станет меньше, это правда, и это отразится на ее экономическом росте в XXI в., но управляемой и послушной, традиционной, аграрной страна не станет.

— Наверное, Вы смотрите с грустной улыбкой на многие прожекты современных политиков, после того как вам довелось постоять у руля страны в действительно роковые для нее минуты?

— У меня был длительный опыт практической политики — и в исполнительной, и в законодательной ветвях власти. Этот опыт дает

многое для понимания того, как и что развивается в социально-экономической и социально-политической сферах. К сожалению, даже очень умный и квалифицированный исследователь, не имеющий такого опыта, многие из этих вещей если и может понять, то с трудом. Помню по себе — формулируешь набор предположений, основываясь на книгах, теориях. А потом, увидев, как в реальности идут эти процессы, начинаешь понимать больше. Мне сейчас легче понять, что происходило во время французской или русской революции, потому что я видел сходные процессы. Они другие — но сходные и по многим механизмам близкие. Этот опыт дает много, для того чтобы потом, перечитав множество книг и статей, смотреть на них по-другому.

— И все же — как Вам кажется, какой будет страна и ее руководство в ближайшие годы?

— Не знаю ответа на этот вопрос. Причина, по которой не хочу «предсказывать», давать прогнозы, в том, что раньше я думал, что могу сказать, какие можно сделать глупости, решая ту или иную проблему, и сколько можно их сделать. Теперь я убедился, что я не могу взять на себя предсказание количества глупостей, которые способна совершить российская власть.

— Постсоветское пространство тем не менее снова охвачено революционными порывами — «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» в Украине... Как Вы думаете, а у нас сохраняются предпосылки для следующей русской революции?

— То, что произошло в Украине, — это попытка наверстать то, чего Украина не прошла за эти годы. Она не переживала такой революции, как Россия, где революционные перемены прошли намного глубже, серьезнее — и опаснее. У нас поразительное историческое отношение к революции как к чему-то хорошему: «Революция — это романтично, это здорово!». На деле революция — это ужасно. Это драматический излом судьбы целого народа, трагический момент истории. Мы переживали это в начале 90-х годов. Потом эти потрясения стали входить в русло более-менее стабильной жизни. Надеюсь, что Украине не придется пережить всего этого в той же форме. Дай Бог.

А о возможности новой революции у нас... Вы задали этот вопрос сегодня. Два года назад я был уверен, что подобное в России крайне маловероятно. ...Мне казалось, что мы постепенно превра-

щались в общество достаточно стабильное и вместе с тем скучное. Это, собственно, нам и необходимо — нам надо несколько десятилетий побывать «скучной Россией», чтобы отдохнуть от всех «приключений» XX в. Я еще и сейчас надеюсь, что нам удастся избежать кошмара новой русской революции в XXI в. Мне довелось руководить правительством в годы революции — и честно скажу, что врагу этого не пожелаю.

— Вы как-то сказали, что прекрасно понимаете, что каждое правительство, которое берет на себя ответственность за первую стадию реформ в постсоциалистическом обществе, — «заранее обреченное правительство».

— Это так. Даже в тех странах, где в силу исторических причин переход от социалистического строя к демократии был менее сложным, чем в России, — в Венгрии, Чехии, Эстонии — проблемы вставали колоссальные. Взять пример Польши — там реформы поддерживала католическая церковь, там еще не был забыт досоциалистический уклад. И тем не менее... Лешек Бальцерович, мой друг и один из величайших реформаторов XX в. — я это говорю не потому, что он мой друг, а потому, что так и есть, — тем не менее вынужден был нести на себе тяжкий крест, и большая часть населения Польши его просто проклинала.

— Что бы Вы могли назвать главным достижением Егора Гайдара-экономиста, что — главным достижением Гайдара-политика и что — важнейшим делом Егора Тимуровича Гайдара — частного лица, обычного человека?

— Думаю, что ответ на все три вопроса один. Когда я пришел работать в российское правительство, СССР объявил себя банкротом. Золотовалютные резервы составляли 16 млн долл. — не миллиардов, а миллионов, т. е. практически ноль. У Российского государства не было хлеба, чтобы накормить собственное население. Зато было 30 тыс. ядерных зарядов, из которых 11,5 тыс. — стратегические и оперативно-тактические, а остальные — тактические. У России не было своего Центрального банка, потому что было 16 банков, которые печатали общие деньги, у России не было таможенной службы, в крупнейших портах таможня не подчинялась ни союзным, ни российским властям, у России не было пограничной службы, у России де-факто не было границ. Страна находилась на пороге полномасштабной катастрофы глобального масштаба, большей,

чем та, с которой столкнулась наша страна после революции 1917 г., уже хотя бы потому, что у нас было 30 тыс. трудноконтролируемых ядерных зарядов. И эту катастрофу при всех проблемах, которые впоследствии возникли, нашему правительству под руководством Бориса Николаевича Ельцина удалось предотвратить. И это, я думаю, из всего, что я вместе с моими коллегами сделал, главное.

— *О Вашей частной жизни вообще известно очень мало — только разве то, что Вы не стали олигархом, не сколотили крупного состояния, предпочли остаться ученым, что Вы женаты на Марии Стругацкой, дочери известного писателя-фантаста, что Вы счастливый отец.*

— Когда работал в правительстве, приезжал домой в три часа ночи и уезжал в восемь утра. Дети долго росли без меня, видели они меня только по телевизору. Сейчас мы видимся, слава Богу, чаще.

— *А какую стезю выбрали Ваши дети, когда выросли?*

Старший сын работает в среднем бизнесе, окончил Академию народного хозяйства, второй работает аналитиком в рейтинговом агентстве, дочь начала бурную карьеру в информационном агентстве, а потом решила заниматься теоретической экономикой. Теперь получает во много раз меньше, чем в агентстве, но ей нравится дело, которым она занимается. Младший сын пока учится в школе. И еще — 10 января родилась внучка, имя ей еще не дали. Пока проходит под кодовым названием «Петровна».

Сладкие идеи передела

Любая неопределенность в отношении собственности ведет к остановке экономического роста

— *Во время украинских событий у Вас не было двойственного отношения к ним? Любой русский — носитель имперского сознания, в то же время Вы либеральный экономист.*

— Я не думаю, что независимая, демократическая, ориентирующаяся на интеграцию в Европу, Украина — потеря для России. Другое дело, что мы делали немало ошибок в ходе украинских выборов. Мне это не нравится. Никогда не злорадствую по поводу ошибок, которые делает моя страна. Просто обидно. Я понимал, что для Украины демократический выбор умного, компетентного и некоррумпированного президента — хороший выбор.

Я не носитель имперского сознания. Хорошо знаю историю XX в. В прошлом веке распадались многие империи. СССР стал последней империей, которая распалась. Для территориально интегрированных империй, какими были, скажем, Австро-Венгрия, Югославия (микроимперия) или Османская империя, мы распались относительно безболезненно. Да, была масса конфликтов — от Карабаха до Абхазии и Приднестровья, но в целом советская империя распалась намного менее кроваво, чем это можно было ожидать. Если бы кого-нибудь в 1989 г. спросили, где будет больше крови, если распадутся Югославия или Советский Союз, я вас уверяю — большинство специалистов сказало бы, что в Советском Союзе. Сегодня надо адаптироваться к миру, уважать другие государства, возникшие на постсоветском пространстве, их право на независимость, устанавливать с ними дружеские, добрососедские отношения, не смотреть сверху вниз. Когда мы смотрим на другие пост-

Интервью брал Олег ХРАБРЫЙ.

Опубликовано в: Эксперт (украинский деловой журнал). 2005. 20 января.

советские государства свысока, это наших партнеров раздражает. Раздражало бы и нас.

— У Вас нет ощущения, что в последние годы начался какой-то второй период распада постсоветского пространства? Российский президент попытался сшить часть этого пространства новыми структурами — взять то же, создать некие наднациональные органы. И вдруг украинская революция обрушивает эти построения.

— Если не делать глупостей, ничего подобного не произойдет. Россия объективно центр экономического притяжения для подавляющего большинства стран Содружества. Существует известная в экономической теории гравитационная модель внешней торговли. Существуют современные версии этой модели, которые дополняют в ней территориальную близость набором факторов, связанных с исторической и культурной близостью. Самые весомые из них — общее историческое прошлое, принадлежность в прошлом к единому государству, хорошее знание общего языка. Это увеличивает долю торговли с соответствующими странами в общем объеме внешней торговли. России надо постараться не быть центром притяжения для подавляющего числа стран СНГ, которые близки территориально, имеют общие исторически сложившиеся хозяйствственные связи, у которых есть общий язык общения и общее прошлое. К сожалению, в последнее время мы делали много, чтобы свести на нет эти преимущества. Соседу, с которым ты намерен долго и спокойно жить в мире, не надо хамить.

— В чем особенность поздней украинской революции на постсоветском пространстве?

— В том, что революции в Украине в начале 90-х не произошло. Украина объявила независимость, у власти осталась старая элита. В России же произошла полноценная революция. Дай Бог, чтобы революция в Украине сохранила свой бархатный характер. По своей природе это последствие российской революции, и пока очень мягкое. Но радикальные изменения в Украине должны были произойти.

— То, что революция в Украине произошла на завершающем этапе приватизации — в отличие от русской революции, которая произошла до, — это преимущество?

— Я не люблю революций. Ставлю большой вопросительный знак над правомочностью применять слово «революция» в отно-

шении к Украине. Во всяком случае это не то, что называется великими революциями. Для великих — а я подчеркиваю, ничего хорошего в этом слове нет (речь идет о кровавых исторических событиях) — характерен радикальный передел собственности. Россия — одна из немногих стран, которая пережила великую революцию — опасную, с радикальными изменениями в социальной структуре, идеологии, политической элите, институтах — без большой крови. Кстати говоря, за это и ругают сейчас тех, кто тогда проводил приватизацию, — всем же хочется, чтобы собственность была поделена правильно. А поделить «правильно» ее невозможно, можно лишь пролить много крови. В России воссоздать через три поколения частную собственность удалось без крови. Для Украины сам факт того, что ее собственность хуже-лучше, но приватизирована и вряд ли кто-то захочет (за исключением некоторых сделок) ее переделить, — фактор стабилизации. Думаю, что это и обусловило мирный характер смены власти.

— Новая власть в Украине разорвала цепь преемственности и уже в силу этого получила карт-бланши на любой экономический передел. Такое чувство, что экономический рост они этим сильно не сбьют. В силу чего, как Вы думаете?

— Ваша гипотеза нуждается в подтверждении. Гладко было на бумаге. Если все пойдет легко — тогда обсудим этот вопрос. Я с опаской отношусь к любым идеям передела, зная, что возникающая неопределенность в отношении собственности опасна для экономического роста. Меня как экономиста мало волнуют принципы разделения собственности как в России, так и в Украине. Главное, чтобы то, как она распределена, не создавало препятствий для экономического роста.

— Новая власть обречена на передел уже в силу того, что намерена выполнить социальные обязательства перед социально слабозащищенными слоями населения. Каковы преимущества и недостатки такой логики развития экономики?

— Преимущества сомнительные. Недостатки есть. Поступления от приватизации носят разовый характер, если пользоваться терминами экономической теории — это запас. А социальные обязательства — поток. Мобилизуя дополнительные ресурсы, можно заткнуть дырки, но, если нет ответа на вопрос, как в долгосрочной

перспективе решать социальные проблемы, надолго запаса ресурсов не хватит.

— Почему новая власть в Украине так жестко отвергает идею единого экономического пространства? Неужели оно противоречит логике развития в сторону Европы?

— Невозможно быть в двух экономических союзах одновременно. Евросоюз еще при прошлом украинском руководстве предложил набор мер, направленных на постепенное принятие норм, которые могут создать в долгосрочной перспективе предпосылки для вхождения Украины в ЕС. Хотя формально перспектива о членстве Украины в ЕС никогда не обсуждалась, думаю, что стратегически новое руководство будет ориентировано на эту перспективу.

— А это естественно, что все происходит под лозунгом либерализации и вхождения в Евросоюз?

— Если бы Россия в начале 90-х имела реальную перспективу вхождения в Евросоюз и этот вопрос всерьез был бы поставлен в европейскую повестку дня, думаю, что общее развитие событий в нашей стране было бы другим. Мы могли бы воспользоваться тем якорем, который стабилизировал демократию и рыночные институты в Восточной Европе. Когда у тебя есть соблазнительная перспектива стать членом одного из богатых клубов, европейцем и при этом оставаться россиянином, — убежден, это оказалось бы серьезное влияние на политический процесс в России. Вы думаете, что в Восточной Европе было мало политических проходимцев, которые готовы были разыгрывать карту радикального национализма? Европейский якорь сработал. Было ясно, что если идти по пути радикального национализма, то окажешься на задворках Европы, вне клуба. У нас с самого начала такого стимула не было. Проблемы пришлось решать самим.

В Украине формально тоже не было такого стимула. Ведь, еще раз повторю, никто Украине членство в Евросоюзе не предлагал. Но значительная часть украинского общества понимала, что вопрос в действительности стоит в долгосрочной повестке дня, потому что внятного объяснения, почему демократическая Украина не должна быть членом ЕС, а Турция должна, никто в Европе дать не может. Именно в силу этого в Украине произошла мобилизация тех сил, которые хотели видеть себя европейцами.

— Вы писали в одной из статей, что Запад был очень прагматичен в отношении к России начала 90-х — мол, сами устроили революцию, сами и выбирайтесь из этой ямы. Украина тепло воспринята Западом. Не часть ли это борьбы с Россией?

— Запад плюралистичен. Там есть люди, которые сильно и искренне ненавидят Россию. Не любят всякую — социалистическую, демократическую. Всякую. Слишком большая, слишком опасная. Многие вообще были профессионально выучены ее не любить — такие кадры не перевоспитать. Но, на мой взгляд, такие воззрения все-таки не доминируют среди европейской элиты. Большинство хотело бы видеть своим соседом демократическую и стабильную Россию. Так удобнее. Сегодня они видят, что в России происходят события, которые настораживают. Конечно, иметь своим соседом демократическую Украину с разумным руководством, настроенным на хорошие отношения как с Россией, так и с Европой, — это и рычаг влияния на то, что происходит в России.

— В чем преимущества отсталости Украины от рынков, на которые она рвется?

— Преимущества связаны с относительно низкой заработной платой при высокой квалификации и трудовой мотивации рабочей силы. При территориальной близости к европейским рынкам стратегическое преимущество отсталости Украины не только в этом. Украина, как молодая демократия, обладает институциональной гибкостью. Там еще можно решать немало структурных долгосрочных проблем, которые трудно регулировать в высокоразвитых европейских странах, где диспропорции, характерные для постиндустриального общества, сформированы десятилетиями.

— Одна из стратегических целей Ющенко — привести в Украину западные компании. Внутри бизнес-сообщества началась дискуссия — мол, приводя западные корпорации, вы добьетесь того, что весь украинский капитал окажется за границей. Как здесь соблюсти национальный интерес?

— Здесь главное не идти на эксклюзивные сделки. Как только ты соглашаешься вести переговоры с транснациональными компаниями в стилистике «а вы нам дайте преференции», «а вы нам гарантируйте беспошлинный импорт продукции», — это пропасть. Мол, вы нам гарантируйте, а мы приедем. Не надо. Хотите — приходите. Будем поддерживать, не будет препятствий, но никаких эксклю-

зивных условий. Крупные международные корпорации не рыщарят без страха и упрека. Как только они чувствуют, что вы дали преференции одной западной компании — не платить налоги или иметь льготы по импорту, все остальные скажут: мы хотим таких же условий. Вы ведь не знаете заранее, зачем они приходят. Может, для того, чтобы помочь наладить работу предприятия, повысить его прибыльность, капитализацию и потом продать его кому-то другому? Либо для того, чтобы использовать преференции, не вкладывая в предприятие ни копейки?

Главный негативный урок опыта 90-х годов в России — это неудачи структурных реформ, в рамках которых пытались просто копировать лучшие западные институты и практику. Придет масса консультантов — квалифицированных специалистов. Они будут говорить — давайте сделаем, как у нас. И есть соблазн: раз уж они так хорошо живут — почему нам не сделать так же? Это, к сожалению, ошибка, потому что Украина не Россия, но и не Швеция и не США. Это не значит, что здесь не работают общие экономические закономерности. Но в тех решениях, которые будут приниматься, необходимо учитывать исторический опыт, уровень квалификации государственного аппарата, уровень его коррумпированности, способность перераспределять денежные доходы между различными группами населения, вырабатывать и реализовывать осмысленную промышленную политику. Короче говоря, надо понимать — задача не в копировании, а в том, чтобы понять ключевые проблемы страны, проанализировать общемировой опыт и отстоять собственные национальные интересы.

— Кучма просидел два срока, был ментально близок российскому истеблишменту, с ним можно было кулуарно договариваться. За эти два срока, как ни странно, страна развивалась, экономический рост был. Была некая модель развития. Она что, зашла в тупик?

— Украина, как и Россия, переживает постсоциалистический период развития. В нем прослеживаются три крупные стадии. Это переходная (трансформационная) рецессия, когда падает подушевой ВВП, это восстановительный рост, когда падение переходит в рост, но на базе старых мощностей, и, наконец, инвестиционный рост, когда экономика начинает расти за счет крупных инвестиций. Скажем в Восточной Европе трансформационная рецессия продолжалась с начала 90-х годов и в основном была преодоле-

на в 1992–1995 гг. На постсоветском пространстве она была преодолена в 1996–2000 гг. И Украина была последней страной, которая начала экономический рост в 2000 г. После этого она вступила в стадию постсоциалистического подъема. Он носит устойчивый характер. В России его остановил финансовый крах 1998 г., но только на год. В Киргизии из-за остановки крупнейшего предприятия республики в 2002 г. он остановился на полгода. Здесь нет ничего удивительного и уникального. Другое дело, что сам по себе рост не гарантирует сохранения власти существующего режима.

— Главным фактором в смене режима, как говорят на Украине, была поддержка Ющенко, оказанная средним классом. Кучма, мол, прозевал появление этого слоя в Украине.

— Люди не всегда страстно благодарны тем, кто их создал. Если бы Кучма что-то сделал для создания среднего класса, революция произошла бы раньше. Кто может требовать от нормальных людей, чтобы они были благодарны власть предержащим? Только в тоталитарных режимах они могут быть благодарны «за наше счастливое детство». Что, англичане были благодарны Черчиллю за победу во Второй мировой войне? Принято считать, что средний класс — это опора режима. Все сложнее. Какого режима? Я убежден, что, если бы в Украине средний класс сформировался быстрее, он быстрее бы потребовал смены режима и «спасибо» тем, кто помогал его формировать, не сказал бы.

— На общемировом и европейском рынке место для укрепления украинского среднего класса зарезервировано?

— Этот процесс идет сам по себе, если ему не мешать. Если в стране динамичный экономический рост, общество постепенно адаптируется к работе в условиях рынка, интегрируется в мир, если руководство страны не делает чего-то безумно глупого, средний класс формируется автоматически.

— Один из аргументов против революции — «шахты закроются, закроются многие предприятия, мы не нужны в качестве самостоятельной страны», «потеряем суверенитет». Вот что это такое? Как связана потеря суверенитета с интеграцией в новый мир?

— Если вы хотите быть членом Евросоюза, то, безусловно, должны поступиться частью суверенитета, как поступаются Франция, Германия, Польша. Если страна хочет быть членом надгосударственного образования, которое берет на себя часть регулирующих

функций, то она поступается частью суверенитета. Если вы не хотите поступаться частью суверенитета, тогда не вступайте в клуб.

Восточноевропейцы заплатили за вступление в Евросоюз определенную цену. ЕС дал им возможность быстро обеспечить политическую и экономическую стабильность. Платой за это была не потеря суверенитета. Проблема не в этом, а в том, что правила европейского клуба выработаны богатыми и развитыми странами и эти правила хорошо применимы для богатых стран — они могут себе это позволить. А когда ты начинаешь эти установления накладывать на реалии бедных стран, которым надо решать задачу догоняющего развития, сокращать дистанцию в уровне душевого ВВП, отделяющего их от наиболее развитых стран, то выясняется, что эти требования создают преграды росту. Это серьезный вызов. Всем понятно, сколь неэффективна сельскохозяйственная политика Евросоюза. Она является прямым вычетом из экономического роста. Для Украины эта отрасль важна. Придется принимать принципы политики, которая вредит развитию украинского сельского хозяйства. Или взять экологические стандарты ЕС — они выработаны для богатых стран. Украина может позволить себе те стандарты, которые применяются в Европе? Как это скажется на развитии энергоемких и ресурсоемких отраслей? Это непростые вопросы.

— И тем не менее все эти подводные камни ничто перед стремлением Украины уйти. Такое чувство, что она уходит не в, а от России.

— Вы знаете, когда по главному телеканалу вашего соседа ведущий телеаналитик рассказывает, как надо бросить танки на Харьков, вы не подумаете, что надо куда-то уходить?

— В России и на Западе все бурно обсуждают — что стало с режимом Путина: это тоже демократия, это авторатия? Российский режим не на своем пространстве проявил себя, как проявил. Какова судьба закрытой демократии по соседству с открытой?

— Это сигнал, что закрытая демократия ненадолго останется закрытой. Я не имею в виду опасность «каштановой» революции сейчас. Она была бы чрезвычайно опасна для России, но стратегически влияние произошедшего в Украине на развитие событий в России трудно переоценить. Если наши политики это осознавали, в чем я сомневаюсь, то я хотя бы понимаю логику их действий в ходе украинских выборов, потому что появление не финской и даже не эстонской, а украинской функционирующей демокра-

тии на наших границах — в исторической перспективе — смертный приговор модели закрытой демократии в России. Некоторое время молодому, образованному, пользующемуся Интернетом россиянину можно втолковывать, что мудрый начальник лучше распорядится его жизнью. Но когда и если его украинских сверстников спрашивают о том, как должна жить страна, а его не спрашивают, долго объяснять, что так и должно быть, невозможно. Можно убеждать, что мы, в конце концов, не англичане, что демократия не свойственная нам форма правления, что история у нас другая. Но не рассказывать же все это про Украину!.. В. Ющенко не опасен для России. Другое дело, что Россия сама для себя опасна. Мы своими действиями создали мощную волну антироссийских настроений в Украине. Я Вас уверяю, что, если бы кто-то из иностранных крупных держав повел себя с нами так, как мы с Украиной, в России возникла бы волна антизападных настроений. Ющенко, я убежден, сделает все возможное, чтобы сбить антироссийскую волну в Украине. Он понимает, что она его стране не нужна. Плохие отношения между Россией и Украиной вредны и для России, и для Украины.

— Люди, близкие к Ющенко, даже ожидают со стороны России ужесточения режима пересечения границы. Это может произойти?

— Может. Надо только иметь в виду, что, если у нас прекратится трудовая миграция из Украины, в Москве может остановиться общественный транспорт. В Украине по-прежнему сохраняются проблемы занятости, более низкая заработная плата. В России наметилось замедление роста, что может сократить поток миграции. Если в экономике дела пойдут хорошо, то поток усилится. Если мы начнем делать глупости, приток сократится. Это усугубит экономические проблемы.

— Вы сами говорили, что трагедия российских реформ в том, что они подорвали доверие людей к либеральным идеям. В Украине за годы реформ и приватизации этого подрыва не произошло. Почему?

— Это комплексный процесс. Он затрагивает не только экономику. Он экономико-политический. В России идея передела собственности была брошена сразу после приватизации, но никто ее всерьез не воспринял. А тема-то сладкая. В свое время в Древней Греции была создана «Коринфская лига» — союз полисов, созданный, чтобы бороться с движениями, которые выдвигают идеи пе-

редела собственности. И Джордж Адамс в Штатах в конце XVIII в. говорил, что введение всеобщего избирательного права приведет к тому, что сначала установят высокие налоги на богатых, низкие налоги на бедных, а потом решат переделить собственность. Это традиционный набор лозунгов — бей жидов, нас все обзывают, давайте переделим собственность. Это пакет. Проблема состояла в том, что в этом пакете в России был важнейший ингредиент — радикальный национализм, замешанный на ностальгии по утраченной империи с подтекстом «мы не потерпели поражение в войне — нам нанесли удар в спину проклятые инородцы». В России это продается, а в Украине не продается. У них есть два препарата для анестезии. Первый — долгосрочная перспектива членства в Евросоюзе, которая заставляет «вести себя как следует». В прошлом году набор политических проходимцев в Польше предложил вернуться к смертной казни. Хватило одного звонка из Брюсселя, чтобы тема была снята. Вторая — отсутствие имперского прошлого. Это создает в Украине другой политический климат. На флакон, в котором смешаны идеи радикального национализма, антисемитизма и передела собственности, спрос оказался ограниченным.

Сила есть...

Проблемы с реализацией Закона о монетизации льгот вызваны двумя причинами: технической неподготовленностью реформы и отсутствием в нынешней российской власти системы сдержек и противовесов. Эту точку зрения в интервью «Итогам» высказал директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— «Либерализация Гайдара» и «приватизация Чубайса» проходили в крайне трудных экономических условиях, тогда как «монетизация Зурабова» — с точностью до наоборот. Реакция общества примерно одинаковая. Так что, у нас либеральные реформы при любой экономической конъюнктуре обречены на непопулярность?

— Мне сложно обсуждать эту тему. Монетизация льгот, пожалуй, первая из важных реформ, затрагивающих финансовую сферу, которая вырабатывалась без участия нашего института. Не хочется быть в положении человека, который злорадствует: мол, видите, без нас у вас неважно получилось.

— *А может быть, все получилось неважно оттого, что сама идея уязвима?*

— Монетизация льгот — правильная идея, но, когда делается много технических ошибок, хорошо не получается. То, что поставлена правильная цель, не освобождает от ответственности за технические ошибки.

Я пришел работать в российское правительство, когда у нас валютных резервов было на два часа потребности страны. Советский Союз объявил себя банкротом. Старая система не работала, рыночных механизмов не было. Когда мы размораживали цены, не все были довольны. А массовые беспорядки были? Не было. Потому что общество на самом деле понимало, что это делать необходимо. К тому же все было организовано и сделано технически грамотно.

Интервью брала Валерия СЫЧЕВА.
Опубликовано в: Итоги. 2005. 25 января.

— Неужели сегодня в правительстве сплошь некомпетентные чиновники?

— В правительстве работает много умных и компетентных людей, которых я уважаю. Но я знаю, что документы, которые исходят из правительства, всегда несовершены. Когда ты сталкиваешься с бесконечными, ежесекундными проблемами, связанными, положим, с перебоями в энергоснабжении на Камчатке или выплатой заработной платы в Дагестане, невозможно посидеть и подумать над законопроектом, провести ряд совещаний с экспертами. Поэтому выходящие из правительства документы, даже подготовленные высококвалифицированными чиновниками, всегда несовершены.

В стратегическом смысле происшедшее с монетизацией льгот — следствие устраниния системы сдержек и противовесов в органах власти. Эту систему придумали неглупые люди: современный экономический подъем, экономический рост начиная с XVIII в. был связан с тем, что лауреат Нобелевской премии Дуглас Норт назвал «связанные руки власти», — с системой, в которой власть не всесильна. Если власть сделали всесильной, она начинает делать глупости.

— Так или иначе вышло то, что делать дальше?

— Практически невозможно реально влиять на развитие событий «из-за угла». Бессмысленно навязывать свое мнение правительству — оно принимает те советы, которые само запрашивает.

— А если бы Вам все же довелось заниматься монетизацией льгот, как бы Вы повернули дело?

— Начну с мелочи. Я бы не забыл, что решением парламента мы одновременно с монетизацией льгот, предусматривающей денежную компенсацию, объявили десятидневный праздник, парализовавший работу почты и служб социального обеспечения. Это не главное, но, когда проводятся такие реформы, и об этом надо думать.

Реформы для собственного удовольствия авторов не нужны — их проводят, когда нельзя не проводить. Надо все тщательно и неоднократно продумывать, много раз советоваться со специалистами. Прежде всего я провел бы ряд семинаров и совещаний, взвесил все «за» и «против», попытался понять ключевые проблемы, социальные и политические риски, с тем чтобы минимизировать

их. Может быть, я разбил бы реформу на два-три этапа. Возможно, начал бы с отмены старых законов по льготам, которые никогда не финансировались. После этого просчитал, сколько потребуется средств для компенсации. Вряд ли ошибся бы в подсчете числа льготников.

Главное, обеспечить консолидацию власти. Реформы не стоит проводить, если власть не консолидирована, если нет общей ответственности за задуманное. Реформа — штука очень тяжелая, и зря ее затевать не надо. Не договорились — не делайте. Договорились — делайте вместе, не устраивайте публичной полемики о том, кто за это отвечает.

— Правительство и думское большинство во время принятия решения о монетизации льгот как раз выглядели вполне консолидированно.

— Через Думу прошлого созыва такой законопроект не прошел бы. Там были квалифицированные люди, влиявшие на процесс принятия решений, которые не были загружены текущими заботами о том, что делать, к примеру, с перебоями в теплоснабжении конкретных регионов. Среди них были те, кто способен внимательно прочитать законопроект о монетизации льгот, проанализировать его и поставить вопросы, на которые правительству приходится отвечать. Масса неточностей была бы устранена. В первую очередь был бы поставлен вопрос, зачем трогать что-то, кроме Закона 51 о льготах, которые не действуют и не финансируются. Зачем смешивать разные проблемы? Отдельно надо рассматривать вопрос о судьбе законов, которые устанавливали категориальные льготы, которые в отдельных субъектах Федерации финансировались, а в некоторых — нет. Надо было бы решать, что с ними делать и какова цена вопроса. Когда это не сделано, власть начинает совершать ошибки.

— Егор Тимурович, взялись бы сегодня разгребать все то, что получилось с монетизацией льгот?

— Мне приходилось разбираться с последствиями авантюрной политики последних советских правительств. Повторять пройденное мне бы не хотелось.

«Мы не несчастные. И не обреченные!»

Егор Гайдар снова привлек к себе внимание, на сей раз — вышедшей в начале года книгой «Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории». Эту книгу уже назвали событием в мировой экономической науке. Сегодня Егор Гайдар специально для «Бизнес-журнала» говорит о своей книге, о ситуации в России и о своих взглядах на то, какой будет наша страна в среднесрочной перспективе.

— Егор Тимурович, как родилась идея этой книги, давно ли Вы взялись за нее?

— Сейчас это прозвучит как шутка, но это действительно так. Я начал работу над этой книгой в августе 1991 г. Я тогда работал директором Института экономической политики. Взял отпуск и отправился на дачу ее писать. И тут произошло 19 августа, а что было потом — все знают. Я и не думал, что вернуться к «Долгому времени» смогу очень нескоро. Однако если бы не этот опыт, если бы не работа в правительстве во время революционных событий — многого я бы не понял и книга была бы другой. Я не хотел писать в ней о сиюминутном и не случайно назвал ее «Долгое время». И экономика, и история не вчера начались и не завтра кончатся.

— Часто у нас говорят: «Россия — страна, в которой все всегда будет хуже, чем у всех».

— По этому поводу сказать можно только одно — это неправда. Стран, где дела еще хуже, чем у нас, очень много, причем мы далеко не в самом низу и у нас все не так плохо. Неоднократно говорил, что самое страшное оскорблечение, которое можно нанести части российского общества, — это сказать, что мы не самые несчастные в мире. Мы далеко не самые несчастные и не обреченные.

Интервью брала Люба ШАРИЙ.

Опубликовано в: Бизнес-журнал Онлайн. 2005. 31 января.

— Россиянам трудно преодолеть синдром имперского сознания, а часть политиков до сих пор ностальгически вздыхает по временам Екатерины Великой, когда «ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без ведома России».

— На мой взгляд, ставить цели, адекватные второй половине века XVIII, в начале века XXI глупо. Что нам с того, что какая-то пушка выстрелит или не выстрелит? Важнее устроить нормальную жизнь себе и своей стране, жизнь со стабильным ростом доходов, без катастроф, где мы не будем идти от одного кризиса к другому, от одной головной боли к другой.

— Многие в нашей стране смотрят на предпринимателя, как на эксплуататора и нечестного человека. Это неизменная черта русского человека или же отношение к предпринимателю изменится в лучшую сторону?

— Да, многие люди смотрят на бизнесменов без особой приязни или открыто враждебно. Изменится ли это положение вещей? В ближайшее время нет, стратегически, в перспективе, безусловно, да. Потребуется ли на это год, пять или десять — бессмысленно гадать. А что проблема эта разрешится в среднесрочной перспективе — показывает рост других стран, несмотря на все трудности, с которыми они сталкиваются. Нигде это не происходило гладко.

У нас эта проблема усугубилась низкой культурой первого поколения российских бизнесменов, их нарочитым и публичным потребительским поведением, цинизмом, чванством. Но иначе быть не могло — ведь традициям, формирующим этические нормы поведения бизнеса, просто неоткуда было взяться сразу. Кстати, они начали было появляться. Меня очень беспокоит, что именно в это время власть обратилась к бизнесу с окриком: «Не высовывайся! Не лезь не в свое дело! Надо будет — позовем!». Последнее часто означает «отнимем»...

— Даже крупный бизнес, как показала практика, часто не может себя защитить от государственного произвола. Как же спасти свое дело малому или среднему предпринимателю? Что необходимо для того, чтобы обезопасить малый и средний бизнес?

— Это тяжелейшая проблема, она связана с одной из самых трудных для любой страны реформ — административной и, кроме того, с не менее трудной судебной реформой. Задача, которая ставится перед людьми, осуществляющими эти реформы, — полу-

чить качественный государственный аппарат. Для нашей страны это особенно сложно, потому что такого качественного государственного аппарата в России не было никогда.

Ясно, что вырастить его, несмотря на трудности, можно. То, что технически это крайне сложно, тоже ясно. И то, что, к сожалению, власти пока не знают, как это сделать, — тоже ясно.

— *Обращались ли в Ваш институт люди за помощью, с вопросами о том, как им спасти свое дело в сложной современной ситуации?*

— Обращались, конечно. Другое дело, что мы не оказываем практическую помощь, у института другая задача. Но теоретическую сторону вопроса мы рассматриваем, и часть книги «Долгое время» посвящена именно этому. Я смотрел последние исследования, посвященные этому вопросу. Безусловно, всегда необходимо анализировать источники, методику и достоверность исследования материалов. Пакет решений по deregulirovaniyu экономики, который был принят в начале президентства В. В. Путина, сыграл более сильную и положительную роль, чем я предполагал. Я думал, что он вряд ли окажет влияние на положение дел в сфере бизнеса, но если верить исследованиям, то результаты более оптимистичные.

Нельзя сказать, что решено подавляющее большинство проблем, — нет, они не решены, но есть позитивные сдвиги. Больше всего боюсь, что на фоне происходящего в стране в последние годы, когда прошел мощный сигнал со стороны властей, что права крупного бизнеса не гарантированы, местные власти воспользуются этим как примером для подражания и возьмутся за малый и средний бизнес и это окажет негативное влияние на гарантированность прав собственности.

— *Во всех странах мира бизнесмены клянут налоги и хотят, чтобы они были меньше. Но у нас предприниматели уже говорят: «Пусть большие налоги, но чтобы только было понятно, насколько именно большие!». Каждый чиновник трактует налоговое законодательство по-своему. Сейчас за счет бизнесменов постараются решить на местах вопрос с нехваткой средств на монетизацию льгот.*

— Да, вопрос поставлен правильно. И это может случиться. Улучшение налогового администрирования, в том числе в сфере среднего и малого бизнеса, — правильная и необходимая вещь. Но ведь дело часто даже не в формальных налогах, а в поборах. Они идут

не на монетизацию льгот, а в карманы чиновникам. Положение бизнеса — среднего ли, малого ли, крупного — будет зависеть именно от того, какой будет налоговая практика. От этого зависит экономический рост.

Проблема в том, что на уровне законодательства этот вопрос невозможно решить. Нельзя придумать закон, который устранит эту проблему. Вопрос в том, хочет ли власть уважать стабильность правил игры. Так каким же законом это определить? Если власть играть по правилам не хочет — сколько ни принимай самых замечательных законов, всегда можно будет предъявить новые претензии на собственность.

— *Как Вы относитесь к президенту Путину и выстроенной им системе власти?*

— Мне кажется, что Владимир Владимирович Путин в первый срок своего президентства провел немало важных и позитивных структурных реформ, о которых я и мои единомышленники мечтали многие годы, — начиная от налоговой реформы и кончая реформой трудового законодательства. Но в начале своего второго срока он допустил ряд серьезных ошибок, которые создают угрозу дальнейшему росту экономики России.

Справится ли он с последствиями этих ошибок — сказать трудно. Точно можно сказать лишь, что без гражданского общества, без независимых СМИ и политических свобод для граждан России ему это будет сделать труднее. Систему сдержек и противовесов придумали неглупые люди. Отказ от этой системы повышает риск ошибки на стадии подготовки и принятия решений. Та же замена льгот денежными компенсациями получилась неразумной по технике исполнения. В политической сфере не только президенту, а нашей элите вообще важнее всего понять, что демократия — это не выдумка, это реально функционирующая система и что это не нечто непригодное и не свойственное для России, а полезный инструмент современного экономического роста и развития.

Российскому обществу непросто принять все тонкости этой формы устройства жизни. Я понимаю исторические обстоятельства, по которым это болезненный и длительный процесс. Но если от системы сдержек и противовесов отказываешься, то нечего удивляться, что приходится расхлебывать последствия. Уверен, что

в среднесрочной перспективе в России установится полноценная демократия, но это вопрос времени — и цены.

Мое самое горячее желание, чтобы этой ценой не стала еще одна русская революция. Только бы обошлось без этого! Мы по этой части в прошлом веке перевыполнили все мыслимые и немыслимые планы. А любой авторитарный режим или его подобие в России уже никогда не будут стабильны. Пример тому мы видели наглядный. Украинцам проще, у них нет постимперского синдрома, но он всегда проходит, это показывает опыт всех рухнувших в XX в. великих империй.

— *И все-таки часто те, кому сейчас около сорока, говорят — нам дали вдохнуть свободы, а потом ударили подddyh.*

— В некотором смысле так оно и есть, но 15–20 лет достаточно для такого глотка свободы, чтобы радикально изменить общество. Восстановить интеллектуальную среду для *homo soveticus*'а нельзя. Все ее подобия будут нестабильными и недолгими.

— *Как Вы относитесь к современным критикам капитализма и глобализации?*

— Масса интеллектуальных ошибок, причем очень впечатляющих и имевших весьма печальные последствия, в том числе для России, была сделана на протяжении 150 лет людьми, которые думали, что понимают все, что связано с современным экономическим ростом и капитализмом. Маркс и Шумпетер ошибались. Почему нужно верить современным критикам? Об этом я тоже пишу в своей книге.

Капитализм и глобализация — это вещи столь стремительно и динамично развивающиеся, что, для того чтобы сказать «я понимаю, что будет через 5 лет», нужна очень большая смелость, а уж что там будет через 50 лет — и вовсе глупость.

Россия не находится среди лидеров, и то, что показывает опыт последних полутора веков, лидеры указывают нам на своем примере, с какими проблемами мы столкнемся. В этом есть и некоторое парадоксальное «преимущество отставания». Можно смотреть на опыт лидеров и стараться рассматривать его как предупреждение, не повторять чужих ошибок.

— *А был ли случай, когда мы в новейшей истории сумели увидеть ошибку лидера и не повторить ее?*

— Наша налоговая реформа 2000–2001 гг., которая позволила снизить предельные ставки налогообложения и повысить собираемость налогов. Мы сделали то, что мечтали бы сделать многие ли-

деры западного мира, но по разным причинам не могли и не могут. Я знаю точно, что глава одной очень крупной и известной державы говорил в своем не менее известном кабинете, узнав об этой российской реформе: «Да если бы я мог сделать хоть что-то подобное!».

— *Что бы Вы сказали тому предпринимателю, который решил уехать сейчас из России и вывезти капитал?*

— Ответил бы строчкой из знаменитой песни Аронова: «Думайте сами, решайте сами...». В любом варианте можно сильно прогадать. В последнее время в России, к сожалению, сложилась ситуация неопределенности, при которой нельзя ответить на вопрос точно, нельзя советовать, как поступить лучше, и это понимают не только я, но и многие россияне.

— *Считаете ли Вы возможным появление в России новой политической партии с позитивной национальной программой?*

— Я бы сказал, что стратегически, в перспективе обязательно будет создана такая партия, но только жизнь может показать, когда именно это произойдет. Такая партия должна получить поддержку малого и среднего бизнеса — но не только. Там должны объединиться и люди свободных профессий, и профессионалы из крупных компаний, представители всех классов — все это постепенная трансформация сознания.

Когда ты знаешь, что сегодня получаешь побольше на 10% в реальном исчислении, и мечтаешь о восстановлении имперской мощи, о пресловутой пушке, которой ты не разрешаешь где-то там стрелять, — это не идея и не цель для страны. Думать надо не об этом, а о том, чем ты накормил родителей, и как будут жить твои дети.

— *Вы согласились бы сейчас снова стать во главе правительства?*

— Нет, не согласился бы. Я свою вахту отстоял. Я уже возглавлял правительство в стране, у которой было 30 тыс. ядерных зарядов, 16 млн долл. валютных резервов, которая уже отказалась платить долги, у которой не было ни границ, ни таможни, ни продовольствия для населения. С меня хватит. Есть люди помоложе, у них и здоровье покрепче.

— *Какой бы Вы хотели видеть Россию через 10 лет?*

— Через 10 лет я хотел бы видеть Россию страной со стабильно растущей экономикой, реально функционирующими демократическими институтами. Не думаю, что это несбыточная мечта.

Если отбросить краткосрочные моменты, Россия будет либеральной, рыночной страной

— Егор Тимурович, какие тенденции, возникшие в прошлом или возникающие сегодня, будут иметь решающее значение для облика России через сорок–пятьдесят лет?

— В первую очередь все, что связано с неизбежным при мало-мальски благоприятном развитии событий переходом России на постиндустриальный этап развития и проблемами, связанными с адаптацией к этому этапу. Когда мы говорим о постиндустриальном этапе, это вовсе не значит, что мы вешаем себе на грудь медаль. Это означает, что мы понимаем, с какими серьезными, долгосрочными и структурными проблемами сталкиваются страны, которые выходят на этот уровень развития. В очень большой степени они связаны с сочетанием двух важных и устойчивых факторов, которые порождают основные противоречия постиндустриального общества. Первый: важнейшие социальные институты, которые существуют сегодня не только у нас (то же можно сказать и о Франции, Германии, Испании, Англии, Японии), формировались в то время, когда демографическая структура населения — соотношение детей, работоспособных граждан и стариков — была совершенно иной, чем она будет на протяжении последующих 50 лет. Второй: эти институты формировались в то время, когда казалось, что возможности наращивать налоговую нагрузку — долю государственных доходов и расходов — бесконечны. Все это были переходные процессы. Что такое современный экономический рост, наблюдаемый в мире в последние два века? Это процесс бурных, беспрецедентных по интенсивности изменений всех важнейших характеристик жизни общества: где люди живут? где работают?

Интервью брал Сергей ШАПОВАЛ.

Опубликовано в: Политический класс. 2005. № 1. Январь.

сколько зарабатывают? насколько они образованы? И т.д. Все эти факторы изменились абсолютно. И ключевой вопрос здесь, насколько национальные институты позволяют сохранять сочетание стабильности и гибкости.

Англия, которая начала современный экономический рост, была конституционной монархией с выраженным демократии и гарантий прав налогоплательщиков. Чего только с ней ни происходило впоследствии! Состоялась радикальная урбанизация, резко выросло число грамотных, перемещение занятости из деревни в город имело колоссальные масштабы, политическая система претерпевала серьезнейшие изменения, переходя от демократии очень ограниченного круга налогоплательщиков к всеобщему избирательному праву. Страна, в которой символом веры политической элиты был отказ от помощи бедным, сформировала систему социальной поддержки. Это пример набора институтов, который обладает качествами, позволяющими обеспечить устойчивое развитие в условиях меняющегося глобального мира.

Возьмем Россию. В начале XVIII в. огромными усилиями поразительно талантливого Петра I мы стали пытаться угнаться за ушедшем вперед Европой. Гипотеза, что Европа начала уходить вперед отнюдь не в XIX, а в XI в., сейчас практически общепринята. Петр решил ответить на этот вызов традиционными российскими способами, импортируя не институты, а технологии и нормы с принятыми правилами поведения. Но не демократию налогоплательщиков, которая была в основе начинающегося подъема Европы. В результате была сформирована жесткая система, при которой губернаторов назначали и вели серьезную борьбу с коррупцией. Тем не менее, когда Карамзина попросили одним словом обозначить, что происходит в России, он сказал: «Воруют». Созданная система не уберегла от массового террора последних десятилетий царского режима, от коррупции и революции. Потом была создана новая жесткая структура, которая нанесла России ужасающий вред. Она привела к тому, что доля России в мировом населении в 2 раза меньше, чем должна была быть.

— А ведь многие считают, что рождаемость у нас упала при Ельцине.

— Это глупость. Я не говорю об умерших от голода в 1932–1933 гг. 6–7 млн людей, сопоставимую, хотя и меньшую цифру дает голод

в 1922 г. Причем каждый раз голод был вызван социально-политическими причинами, а не неурожаем. Но главное, что именно при Сталине была заложена тенденция к снижению рождаемости. Снова была создана ригидная структура. Жесткая вертикаль власти не давала возможности даже балетный кружок открыть без разрешения райкома партии. И что, это уберегло Советский Союз от краха? На мой взгляд, главное, что мы должны понять исходя из опыта истории XX в. для определения линии развития России в нынешнем столетии: не важно, какой у нас экономический рост — 5 или 7%, важно, имеем ли мы возможность создать систему институтов, не дублирующую, но похожую на английскую демократию. Речь о системе институтов, которая способна сочетать стабильность (хватит революций) и гибкость (нужно многое менять, потому что меняется мир, меняется наше общество).

— *И это в России возможно при ее своеобразии?*

— Я прекрасно понимаю, что Россия не Англия, не Китай и не Америка. Это в предельно упрощенном мире, выстроенном гениальным Марксом, более развитые страны давали менее развитым картины их собственного будущего. В этом есть лишь доля истины. Схема рисует одномерный мир, в то время как он, возможно, пятимерный. Одним из важнейших факторов, влияющих на траекторию национального развития, является историческое прошлое. У нас оно другое, чем у Англии. Идея, что мы можем просто тупо повторить английский путь, слишком проста, чтобы работать. В отличие от Маркса я считаю, что более развитые страны показывают менее развитым не их будущее, а те проблемы, с которыми им придется столкнуться. А уж как они будут к этим проблемам адаптироваться, насколько они окажутся способными их решить с учетом их исторического прошлого — это всегда специальная проблема. Никаких гарантий здесь нет.

— *Но ведь мы очень отстаем от западного мира.*

— Не так уж и сильно. Европейский подъем — очень своеобразный социально-экономический феномен, он связан с наследием античности, со спецификой европейского устройства после краха Римской империи. Все началось в Северной Италии, страны, расположенные дальше на Запад и на Восток, повторяют эти пути с отставанием. В этом нет ничего уникального. Да, мы начали современный экономический рост примерно на 50 лет позже, чем

Франция и Германия. Это показывает наиболее достоверная из доступных нам исторических статистик. Самое интересное, что мы держали эту дистанцию и в 1870 г., когда у нас начинался современный экономический рост, и в 1913 г., накануне краха Российской империи, такова она и сегодня. Разумеется, это не дает гарантии, что мы не отстанем больше, но также нет гарантии, что мы не можем эту дистанцию сократить. Япония начала современный экономический рост практически одновременно с нами, она сократила дистанцию до нуля. Никто не говорит, что Россия не сможет этого сделать, просто нет никакой гарантии.

— *В Вашей новой книге Вы выделяете ряд проблем, без решения которых невозможно перейти на постиндустриальный этап развития: динамика численности населения, состояние систем социальной защиты, образования, здравоохранения и комплектования Вооруженных сил, сбалансированность политической системы. Исходя из сегодняшней ситуации Вы можете предположить превращение России в постиндустриальное общество?*

— Тут картина смешанная. Если посмотреть на последние пять лет, то можно обнаружить случаи, когда мы удачно использовали то, что называется преимуществами отсталости. Сделанное в области налоговой реформы беспрецедентно. Это тот случай, когда Россия сумела вырваться вперед по отношению почти ко всему, что делалось в крупных странах в конце XX — начале XXI в. Помощник президента одной великой страны рассказывал мне, как тот после введения у нас плоского подоходного налога ходил по кабинету и говорил: «Если б я мог это сделать». Нельзя сказать, что все плохо. Но вместе с этим по ряду направлений мы делали поразительные ошибки, что, видимо, связано с непониманием стратегических вызовов. Например, миграционная политика. Демографическая ситуация в России задана не несколькими годами, что можно было бы поправить в течение нескольких же лет, она задана спецификой социалистической модели индустриализации. У нас невероятно быстро сократилось число рождений на одну женщину в начале индустриализации, такого, если мне не изменяет память, не было ни в одной стране, о которой имеется солидная демографическая статистика. Мы задали такую динамику, что сохранить устойчивость пенсионной системы можно, только если в массовых масштабах привлекать эмигрантов. Это тяжело, но разве страш-

но? Разве Америка не выросла в великую державу как страна американских граждан-эмигрантов, объединенных английским языком, англо-американской культурой, но при этом полигетничных? России выработать такую стратегию гораздо легче, чем, например, Германии. Российская империя всегда была полигетничным образованием. Достаточно посмотреть состав офицерского корпуса царской армии и дворянства, чтобы увидеть колоссальное представительство нерусских этносов. Мы забыли, кем были Барклай де Толли, Багратион, Пушкин. Россия должна стать страной, которая дружественно принимает иммигрантов, особенно тех, которые владеют русским языком и культурой. Вся литература, посвященная адаптации эмигрантов, показывает, что ключевым вопросом того, насколько адаптивным окажется эмигрант, является знание языка и культуры страны, в которую он въезжает. А у нас таких много, масса русских за рубежом, я уж не говорю о русскоязычных. Что мы делаем? Мы делаем все для того, чтобы поставить барьеры, приезжающих работать мы запихиваем в теневую экономику, где их обирают и шантажируют. Можно себе представить, насколько они «любят» российское общество и государство.

— Но если открыть двери для эмиграции, существенно изменится лицо России.

— Лицо России будет похожим на лицо Америки, но оно все равно будет трансформироваться, только вопрос в том, будем ли мы устраивать себе кучу проблем на фоне дальнейшей криминализации российского общества. Нелегальная эмиграция будет существовать, несмотря ни на что. Так, может, лучше самим активно и сознательно отбирать приезжающих? Вот пример. Мой хороший знакомый, работающий в Физико-техническом институте, рассказал мне, что у него учатся совершенно блестящие студенты с Украины, они не могут получить право на работу и жительство в России после окончания. Их с радостью заберет Гарвард! Мы в результате готовим прекрасные кадры для лучших американских университетов! Зачем?

— Сегодня вполне резонно задаться вопросом: будет ли у России армия через 50 лет? Странные, мягко говоря, действия и высказывания ряда представителей власти превращают этот вопрос во все более актуальную проблему, особенно если при этом учитывать демографический фактор.

— Абсолютно очевидно, что у нас будет либо контрактная армия, либо немецкая система призыва, которая, по существу, является добровольной. Когда мы вели дискуссии с коллегами из Министерства обороны по поводу реформы системы комплектования, они часто приводили в пример немецкую систему. Беда, правда, в том, что они плохо представляют себе, как она функционирует. А функционирует она так: человек пишет письмо в военкомат, в котором заявляет, что хочет служить либо 10 месяцев в армии, либо 11 месяцев на альтернативной службе. Я имел возможность обсудить реформу Вооруженных сил с бывшим министром обороны Германии, который, собственно, проводил там последние военные реформы. Он является последовательным сторонником сохранения призыва. Главный его аргумент: пока у нас сохраняется призыв, никакой идиот не отправит наших солдат куда-нибудь воевать. Если бы у России не было сегодняшних вызовов, германская система комплектования Вооруженных сил вполне возможна. Но, к сожалению, у нас внешнеполитическая ситуация менее стабильная, чем в Германии. Поэтому, видимо, нам придется иметь контрактную армию с военнообученным резервом.

— Но на такую модель нужны большие деньги и желание их тратить.

— Да, нужны деньги, и деньги большие. Я серьезно занимался этим вопросом, могу сказать: деньги большие, но отнюдь не за предельные. Это показал опыт всех стран, избравших контрактную армию, это показывают и расчеты по России. Речь идет о 0,3 валового внутреннего продукта. Это большие деньги, но такие затраты страна себе может позволить. Другой вопрос — генералитет. Среди генералов есть самые разные люди, но при общении с людьми из военного ведомства у меня часто возникало ощущение, что они искренне и безотчетно относятся к призывникам, как к крепостным. Это так же, как русский помещик 50-х годов XIX в. искренне считал, что поместье развалится, если Палашке нельзя будет давать пощечины. Генералы не могут взять в толк: что, я с солдатом должен обращаться как со свободным человеком, с которым заключен контракт?! Этого не может быть! Какой же я генерал?! Но демографическая ситуация такова, что сохранить призывную армию невозможно. Проблема в том, что можно дождаться, пока все развалится к чертовой матери, как это было с Советским Союзом.

зом, а потом начинать реанимационные мероприятия, но можно начать что-то делать раньше, чтобы не развалить армию.

— *И как Вы думаете, начнут раньше или будет реанимация?*

— Я исторический оптимист, надеюсь, что хватит ума начать раньше. Но не могу сказать, что я в этом уверен и готов за это поучиться.

— *В своей последней книге Вы прочувствованно написали об управляемой демократии, построенной у нас. Какова ее судьба?*

— Есть вещи, которые можно делать некоторое время, даже продолжительное, но нельзя делать вечно. Объяснять в течение многих и многих лет образованным мальчикам и девочкам, интегрированным в глобальный мир и пользующимся Интернетом, почему украинские сверстники могут выбирать свое будущее, а они нет, невозможно. Эту задачу можно решить лишь в краткосрочной перспективе. Вопрос опять же в том, как все это рухнет. Хорошо, если мягко, а если опять революция? Вот чего бы я не хотел пережить, так это еще одну революцию.

— *Вы сказали, что Вы исторический оптимист. На чем он основан, этот Ваш оптимизм?*

— Это свойство характера.

— *Если помните, у Михаила Ромма был документальный фильм «И все-таки я верю», в котором очень ярко было показано, как в течение ХХ в. нарастает безумие, а завершалось все авторской фразой: «И все-таки я верю, что человек разумен».*

— Я довольно много думал над долгосрочными тенденциями развития страны и пришел к убеждению, что основания для оптимизма есть. Они у меня не такие жесткие, как у Маркса, но они существуют. Если отбросить краткосрочные детали, Россия будет либеральной, рыночной страной.

— *И иного не дано?*

— Конечно, есть риски. Можно скатиться в тоталитарный режим, можно устроить жуткие приключения всему миру из-за того, что мы не сумели разобраться со своими проблемами. Я не сторонник исторического детерминизма, я считаю, что у нас есть шанс.

— *Каким будет облик России в середине века, если реализуется оптимистический сценарий, и чего ждать при худшем развитии событий?*

— Если все пойдет по оптимистическому сценарию, то Россия 2050 г. по инфраструктуре, уровню жизни, проблемам, ко-

торые перед ней встанут, будет напоминать сегодняшние Францию и Германию. Если по пессимистическому, это будет опасно не только для России, но и для всего мира. Понятно, что построить тоталитарный режим советского типа на долгие годы невозможно, но возможны краткосрочные, очень опасные для мира эксперименты. Наша фундаментальная проблема — проблема постимперского синдрома. Мы последняя империя, которая распалась в ХХ в., но не единственная. Мы даже не единственная континентальная империя, распавшаяся в прошлом столетии. Крахи континентальных империй более сложны, чем крахи заморских. Тяжело распадались Австро-Венгерская и Отоманская империи, совершенно страшно разрушилась микроимперия Югославия. С течением времени постимперский синдром проходит. Нормальному английскому студенту (я с этим сталкивался) невозможно объяснить, почему Англия управляла Индией, он просто не понимает концепции. В связи с этим мобилизовать его на активные политические действия, связанные с желанием управлять Индией, сегодня тоже невозможно. Но для этого должно было пройти время.

— *Существенным является и вопрос о качестве будущей элиты. В нее войдут люди, получившее образование сегодняшнего образца и необремененные всякой гуманитарией.*

— Вы знаете, сегодняшнее образование находится в смешанном состоянии. Думаю, я прочитал большую часть работ, посвященных качеству российского образования, у меня в результате не возникло четкой картины. Есть набор данных о его ухудшении, есть данные, которые показывают, что все не так плохо, идет не ухудшение образования, а его дифференциация. Если раньше оно было менее приличное, приличное и более приличное, то сейчас оно отличное или отвратительное.

— *Эта дилемма показательна и небезопасна. Но я хотел сказать о почестях, воздаваемых утилитаризму. У Ключевского есть замечательное высказывание: «Мысль без морали — недомыслие, мораль без мысли — фанатизм». Что означает вторая часть афоризма, мы знаем по советским временам, не будет ли описывать будущее его первая часть?*

— Не исключаю. Опыт ХХ в., на мой взгляд, хорошо показал, что мы должны понимать пределы собственных знаний о социально-экономических процессах. Представление, что мы о них знаем

все, было бы замечательным, если бы кто-то умел предсказывать колебания курса евро к доллару на протяжении следующих пяти лет. На эту тему написаны десятки тысяч книг, а задача не решена. Нельзя исключать очень многих вещей. Если бы кто-то в 1950 г. в традиционном консервативном шведском обществе рассказал, что к началу следующего века в Швеции вне брака будет рождаться 55% детей, над ним бы просто посмеялись.

— Уже несколько раз я слышал мнение, что ваше мировоззрение претерпело довольно существенные перемены. Вы видите в себе такие трансформации?

— Нет. Просто к комплексу идей начала 90-х добавился новый комплекс идей. Тогда были одни проблемы, которые я не хотел решать так, как пришлось, и много сделал для того, чтобы их не решать так, как пришлось. Это довольно хорошо описано в последней книге Отто Лациса¹. Потом возникли новые проблемы, потребовался новый набор идей и т.д. У меня не было идейных метаний, я сразу нашел свою площадку.

Мы сразимся на интеллектуальном поле

Беседа в редакции

«Каштановой» революции не будет

Дмитрий ТРАВИН (зам. главного редактора «Дела»). Последние недели в стране проходят митинги льготников. Такого рода катаклизмов не было уже лет пять. «Яблоко», нацболы и коммунисты пытаются возглавить протест. «Родина» голодает. Где находится «Единая Россия», тоже понятно. Только Союза правых сил нигде не видно. Такое впечатление, что умер. Совсем недавно Леонид Гозман в этой же комнате рассказывал нам о стратегии партии, но создается впечатление, что тех соображений, которые мы слышали, в январских условиях уже недостаточно.

— Власть сделала серьезную ошибку, которую должна была рано или поздно сделать. В связи с этим есть две возможные позиции по отношению к ней. Можно страшно злорадствовать (тем более что нынешняя власть не всем симпатична) и стремиться использовать ошибки в целях дестабилизации. Это тактика: чем хуже — тем лучше. Я ее никогда не принимал как по моральным соображениям, так и по политическим. Серьезная дестабилизация на данном этапе опасна.

«Каштановая» революция произвела большое впечатление на российский политический класс. Есть огромное желание разыграть нечто подобное на фоне допущенных властью ошибок. Однако сценарий «каштановой» революции в ближайшие годы в России реализован быть не может. Точнее, может, но сценарий будет катастрофическим. Я это говорю не потому, что мне нравится нынешняя власть, а потому, что я вижу принципиальную разницу между состоянием дел у нас и в Украине. В Украине было два отличия.

¹ Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

Опубликовано в: Дело (Санкт-Петербург). 2005. 7 февраля.

Первое — так называемое расстояние до Дюссельдорфа: географическая близость Европы и ее влияние. Украине никто не обещал членства в Евросоюзе даже в отдаленной перспективе, но тем не менее значительная часть украинской элиты понимает, что это возможно. Во всяком случае, в ЕС никто не сможет объяснить, почему Турция станет его членом, а Украина нет. Поэтому стратегическая цель есть, и она мобилизует значительную часть украинской элиты на поддержку стабильного демократического развития.

Второе — у России и Украины были разные позиции в нашей общей социалистической империи. Россия была метрополией, тогда как Украина имела подчиненное положение. Там нет никакого имперского синдрома, тогда как у нас проявился обычный для всех распавшихся империй постимперский синдром: мы были великими, нам нанесли удар в спину, мы должны снова возродиться и т. д. Это все дешевый политический прием, но некоторое время после распада неплохо работающий.

Допустим, что мы, как в 1991 г., сможем вывести на улицы Москвы 200 тыс. человек. Но наши оппоненты тоже смогут вывести, по крайней мере, десятки тысяч. И будет кровавая баня. В начале чеченской войны я столкнулся с ситуацией, что у меня за спиной одна толпа — тысяч тридцать, а передо мной другая, коммунистическая, — тысяч двадцать. И все это не санкционировано. Все без милиции. Еще раз пережить такое я не хотел бы.

Нам не нужна дестабилизация. Мы должны бороться на интеллектуальном поле. На поле идей, программ, влияния на элиты. На поле интеллектуальных СМИ, а не на улице.

ТРАВИН. Но мы не видим со стороны вообще никакой борьбы.

Григорий Томчин (член федерального политсовета СПС). *Просто в нынешней ситуации видно только черное и белое. Другие цвета неразличимы. Если же мы свалимся к нацболам и коммунистам, СПС просто прекратит свое существование. Инстинкт самосохранения партии пока удерживает ее от сползания.*

Даниил Коцюбинский (зам. главного редактора «Дела»). *В Петербурге сегодня все силы (кроме СПС) пытаются солидарно воздействовать на власть. Может быть, этот народный фронт приведет не к кровавой бане, а к парламентской модели?*

Такие временные союзы возможны до тех пор, пока речь не идет о том, кто станет властью. Коммунисты довольно легко соглашаются на союзы, чтобы потом вырезать своих союзников.

Коцюбинский. *В начале 90-х в России наблюдалась дезинтеграция. Но Вы, будучи тогда премьером, стремились ослабить дезинтеграционные процессы, сохранить уцелевшую часть империи. И в результате сегодня у нас, как Вы говорите, наблюдается постимперский синдром, являющийся тормозом на пути нормально-го, украиноподобного развития. Не кажется ли Вам, что разумнее было бы не ухватывать всю ту власть, которую можно было ухватить, сидя в Москве, а дать стране развалиться?*

— Дело в том, что в России было 30 тыс. ядерных боеголовок. Если бы страна стала разваливаться, что было бы с этими боеголовками, существовало бы вообще сегодня человечество? На эти вопросы ответить нельзя.

Советское руководство успело вытащить ядерное оружие из всех республик, кроме четырех — России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Спасибо ему, что боеголовки не оказались, скажем, в Армении и Азербайджане. Ельцин понимал имеющиеся угрозы, когда, скажем, проводил переговоры с Украиной и ему предлагали поставить вопрос о принадлежности Крыма.

Томчин. Егор Тимурович умолчал еще об одной важной вещи. *Как построить рынок, понимали тогда только человек десять в федеральном центре. Я это знаю, я был в питерском руководстве в том момент. Если бы, скажем, Питер тогда отвалился, наше развитие затормозилось бы еще на несколько лет.*

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ

Владимир Гельман (доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге). *Люди, отвечающие за экономическую политику в правительстве, совсем неквалифицированные. Но почему они провели монетизацию столь неудачным образом? Лежат ли причины происходящего в политической или в социально-экономической сфере?*

— Приведу три примера реформ, коренным образом затрагивавших жизнь большинства россиян, но прошедших при этом без потрясений.

Когда я размораживал цены, все ждали потрясений, но их не было, а ведь менялся жизненный уклад, складывавшийся поколениями. Дело в том, что у людей имелось ощущение глубокого кризиса, с которым надо что-то делать. Может быть, даже что-то очень неприятное. Но дальше так жить было нельзя.

Пенсионная реформа, затрагивавшая интересы не только старшего возраста, но и всего населения страны, у нас прошла далеко не идеально, но катализмов тоже не вызвала. Дело в том, что данная реформа рассчитана на долгосрочную перспективу. Что там будет через многие годы, мало кто задумывается.

Наконец, сейчас параллельно с монетизацией у нас был отменен 51 закон, исполнение которых стоило больше, чем все эти льготы. Казалось бы, страна должна была подняться на защиту этих законов, однако не поднялась. Почему? Дело в том, что законы существовали на бумаге, но люди по ним никогда не жили.

А в случае монетизации мы имеем дело с реформой, затрагивающей повседневную жизнь. Были льготы — теперь не будет. А ведь у общества нет ощущения, что в данной сфере имеется глубокий кризис. Так почему же тогда с 1 января должна начаться совершенно другая жизнь, почему в автобус перестанут пускать? Понятно, что мобилизовать людей на протест в подобной ситуации чрезвычайно просто.

Почему же так вышло?

Есть разница между юридическим стилем мышления и экономическим. Я это наблюдал неоднократно. Юристы полагают, что если написать закон, то так в жизни все по этому закону и будет. А у экономистов отношение гораздо более скептическое. Так вот, в нынешней реформе все пронизано именно правовым духом: все провести сразу, в один день, все сделать одинаково.

Кроме того, характер реформы связан с большим сосредоточием политической власти в центре. Если центр за все отвечает, если он назначает губернаторов, он должен все единообразно регулировать.

И последнее. Уверяю Вас, что через прошлую Думу такая реформа не прошла бы ни при каких обстоятельствах. Там была система сдержек и противовесов. Пришел бы министр на бюджетный комитет, где заседают несколько квалифицированных людей, тоже работавших в свое время министрами финансов. Они попросили бы

проверить цифры, дать соответствующие объяснения. Да он и сам в этой ситуации засомневался бы. А если бы еще прошла дискуссия в свободной и влиятельной прессе, реформа либо была бы вообще отложена для доработки, либо проведена совершенно в ином виде. И не было бы никаких серьезных протестов.

ТРАВИН. Кудрин нам в этом же помещении говорил, что уж с кем-с кем, а с Гайдаром он всегда готов посоветоваться. Не могли Вы заменить Бюджетный комитет Думы?

— За многие годы это первая из серьезных реформ, затрагивающих финансы, по которой с нашим институтом не советовались. Думаю, это произошло в первую очередь потому, что реформа шла не по линии Минфина. Кудрин бы, наверное, посоветовался.

ТРАВИН. А сами Вы не пытались прийти и посоветовать?

— У меня есть железный принцип: я сам ничего никогда не инициирую, поскольку знаю, что это бесполезно. Правительство будет реализовывать то, что оно хочет реализовать. И будет следовать тем советам, которые хочет получить.

Кирилл БОРИСОВ (зам. декана факультета экономики Европейского университета). *Монетизация — пример неэффективности власти. Разве это не повод для того, чтобы проявить свою позицию? Но Вы ее не проявляете. Возможно, из СПС исходят статьи, но в общественном мнении существует ощущение полного отсутствия позиции партии.*

— Я рядовой член партии, не принимаю участия в каждодневной работе и просил бы такие вопросы задавать не мне. Важно, чтобы руководство партии понимало, о чем Вы говорите. Может быть, оно, наконец, выработает внятную тактику.

ТОМЧИН. *Наше мнение противно каждой стороне, поскольку мы не поддерживаем ни ту, ни другую стороны. Если никто не хочет слышать мнение, то получается, что СПС на данный момент не существует.*

БОРИСОВ. Но ведь партия должна обращаться не ко всем социальным слоям, а лишь к тем, которые она представляет.

ТРАВИН. Григорий Алексеевич, Вы сейчас хороните свою партию.

ТОМЧИН. Пока, да. На год, да.

Яков ГОРДИН (историк, главный редактор журнала «Звезда»). Егор Тимурович, на Ваш взгляд, что произошло в январе? Не кажется ли Вам, что ситуация принципиально изменилась? Есть ли веро-

ятность, что активная часть общества, воспользовавшись украинским примером, начнет оказывать давление на власть во всех тех случаях, когда сочтет себя обиженной? Это ведь может стать своеобразным снежным комом. Власть уступает даже при сравнительно легком давлении на нее.

— Ситуация изменилась кардинально, но предсказуемо. В обществах нашего уровня развития авторитарные режимы нестабильны. Как только что-то происходит, власть либо делает глупости, либо сталкивается с кризисом. И тут выясняется, что, казалось бы, полностью контролируемое общество, где нет никаких реальных центров оппозиции, буквально за неделю преобразуется во что-то другое. Например, никто не предполагал краха режима в Индонезии еще за три месяца до этого.

ЕВРОСОЮЗ НАС НЕ ЖДЕТ

Андрей ЗАОСТРОВЦЕВ (доцент Университета экономики и финансов). *Вы придерживаетесь подхода, который можно назвать рыночным прогрессизмом: все проблемы, трудности — это временные неудачи, временные отступления, но рынок и демократия все равно победят. Однако есть ведь в мире зоны застоя: Арабский Восток, большинство стран Черной Африки. Как это соотносится с Вашим подходом?*

— Подход в том виде, как Вы его сформулировали, очень марксистский, очень линейный. Моя позиция совсем иная. Мир не лишен. Он многомерен. Чтобы понять траекторию развития страны, нужно учитывать несколько факторов, в частности аграрное наследие, доминирующие в мире социальные течения, дистанцию, отделяющую нашу страну от стран-лидеров.

Более развитые страны показывают менее развитым не картину их собственного будущего, как считал Маркс, а те проблемы, с которыми они столкнутся и которые должны решить, чтобы пойти по пути развития. Если же они сталкиваются с проблемами и в силу комплекса причин не могут их решить, то выпадают из общего процесса. У арабских стран есть проблемы модернизации, связанные со спецификой их исламского наследия. У африканских — проблемы, связанные с тем, что они не прошли стадию аграрных цивилизаций, им трудно адаптироваться к условиям современного экономического роста.

Александр ЭТКИНД (декан факультета политических наук и социологии Европейского университета). *Вы сказали, что Россия — это не Украина, что наша страна дальше от Европы. Если для Украины проект понятен, то каков же, на Ваш взгляд, проект для России? Предполагает ли он вхождение в Европу?*

— Не думаю, что членство в Евросоюзе является реальной перспективой для России. Я хорошо знаю, что там происходит. Даже на самых закрытых стратегических семинарах эта тема никогда не обсуждается. Наше членство в Евросоюзе не очень хорошо для него и, думаю, не очень нужно России.

Если бы мы могли начать серьезный разговор о вступлении в него в 1990—1992 гг., у нас развитие событий пошло бы по-другому. Мы имели бы стабильную демократию (хотя, возможно, не всегда с приятными партиями, находящимися у власти). Но тот путь, по которому смогли пойти страны Восточной Европы, для нас оказался невозможен.

Теперь же восточноевропейским странам придется дорого платить за то, что они получили. Они импортировали из Европы не только демократические институты, но и массу склеротических экономических институтов, которые европейцы сами не знают, как поменять. Это механизмы, которые выработаны для стран с существенно более высоким уровнем развития. Велики шансы на то, что страны Восточной Европы теперь могут столкнуться с проблемой значительно более низких темпов экономического роста и низких темпов конвергенции с другими государствами Европы.

Таким образом, если уж мы большие и не входим в Евросоюз, то нужно развивать сбалансированные отношения с Европой, Китаем и Соединенными Штатами. Нужно избавиться от имперского синдрома. Если нам удастся выстроить сбалансированные отношения, то с точки зрения международной политики это будет оптимальный курс.

Я не вижу ни малейшего смысла и во вступлении России в НАТО. Допустим даже, что мы преодолели все возможные препятствия, существующие на этом пути. Но скажите, пожалуйста: Вы можете себе представить бельгийского солдата, который воюет, защищая наши восточные рубежи? Мы не должны позволять втягивать себя в противостояние разных центров силы. Мы заин-

тересованы в хороших спокойных отношениях со всеми центрами, а не в том, чтобы стравливать их друг с другом.

ЭТКИНД. Сегодня Россия не в Европе, и мы как раз наблюдаем, что такое свободно плавающая Россия. И нам не нравится, и Вам не нравится. Может быть, если бы Вы когда-то строили другие прогнозы, так и реальность была бы другой?

— Вы, по-моему, придаете мне божественные функции, но я не Бог. На самом деле мы неоднократно поднимали вопрос о вступлении России в Евросоюз, это был один из программных пунктов СПС. Я обсуждал этот вопрос с большим числом европейских лидеров, но затем убедился, что этот вопрос у них не стоит в повестке дня. Нам надо жить в реальном мире.

ЭТКИНД. Турецкий лидер недавно сказал, что их тоже никто не приглашал в Европу, их даже не пускали, но они над этим долго работали. И вот сегодня вопрос о Турции встал в повестку дня.

— Так Турция — член НАТО, важнейший союзник Соединенных Штатов. США давили на Европу так, как они редко давят. Выкрутили руки по полной программе. Вы представляете подобную ситуацию с Россией?

Николай ДОБРОНРАВИН (профессор Восточного факультета СПбГУ). Чьей периферией сегодня является Россия в экономическом плане — Европы, США, Китая? Чем Россия в этом плане станет в перспективе? Будем ли мы разделены на сферы влияния, как был разделен Китай в начале XX в.?

КОЦЮБИНСКИЙ. Может быть, Россию в будущем разнесет на несколько частей и ее европейская часть вступит в Евросоюз?

— Я не люблю теорию «центра и периферии», которая является своеобразной попыткой спасти марксистскую идеологию. Почему Россию должно разнести? Какие аргументы? Какие есть исторические примеры при нашем уровне экономического развития и при наличии ядерного оружия?

Мы жертвы УСПЕХА РЕФОРМ

Мария МАЦКЕВИЧ (социолог). В последние годы стала буквально общепринятой оценка ельцинской эпохи как ограбления, приватизации и т. д. Но как можно при таких оценках убеждать в полезности либеральных преобразований?

— В экономическом отношении все, что происходило в России и других постсоциалистических странах, — это цикл, который начинается трансформационной рецессией (так ее назвал Янош Корнаи) и затем продолжается восстановительным ростом, который переходит в инвестиционный рост. Рост раньше появился в тех странах, которые ближе к Европе и где социализм был короче. Но затем рост начинается повсеместно. И он является результатом именно тех преобразований, которые были проведены в начале 90-х годов.

Специалистам связь одного и другого очевидна. Но обычным людям трудно понимать зависимости с длинными лагами. И этим многие пользуются. Специалисту смешно, когда доказывают, будто рост у нас начался потому, что Путин стал проводить правильную политику, тогда как до этого Ельцин делал черт знает что. Но в газете нечто подобное можно написать.

Путинские реформы первого срока — реформы действительно либеральные — были во многом продолжением той повестки дня, которая была сформирована в предшествующее десятилетие. А затем мы стали жертвами успеха этих реформ. Зачем нужны реформы, если все и так идет хорошо?

Была развернута работа над программой реформ для второго срока. Но из этой программы практически ничего не сделали. Первые сто дней Путина — это пример для учебника «Как надо проводить реформы». Первые сто дней второго срока — это пример того, как не надо их проводить.

ТРАВИН. Буквально в этом вот помещении где-то в начале первого срока мы беседовали (по отдельности, конечно) с тремя моими достаточно близкими знакомыми, очень умными людьми, занимающими весьма высокие позиции в государственной иерархии и лично общщающимися с президентом. Как они хвалили Путина! Ну такой талантливый! Ну так все понимает! И это искренне, не под диктофон. Так что же происходит у нас с первым лицом страны?

— Отсутствие сдержек и противовесов неизбежно влияет на поведение верховной власти, и на то, в какой степени она склонна принимать на себя риски, в какой степени она готова обсуждать вопросы об осуществлении преобразований.

Александр МЕЛИХОВ (писатель, зам. главного редактора журнала «Нева»). Антилиберальные силы постоянно раздевают миф

о том, что либерализация — дело рук евреев. Как далеко могут зайти успехи такого рода раздувания?

— В российских условиях накладываются друг на друга имперский миф и радикальный национализм. Возникает ксенофобия по отношению к другим народам, включая и евреев. Почему бы ее не использовать антилиберальным силам? Зайти это может действительно довольно далеко. Это серьезная угроза.

Самуил ЛУРЬЕ (литератор). *Мы живем при преступном режиме. И над первым лицом в какой-то мере уже витает тень Гаагского трибунала. Можно ли надеяться на экономический рост, на освобождение от имперских амбиций при том, что в новом поколении воспроизводится все то же безнравственное оборонное мышление?*

— Мне не нравится, как устроена нынешняя власть, но думаю, что многократным повторением слова «преступная» мы ее не изменим. Я убежден, что возможно иное направление действий власти. Вопрос лишь в том, когда направление сменится? Чем больше будет сделано сегодня грубых ошибок, тем больше шансов на то, что при следующей смене власти ситуация уже не разрешится так мягко, как она разрешилась в 1991 г.

Алексей САМОЙЛОВ (писатель). *Как Вы относитесь к мнению, что у нас страна безумно сложная и «народишко поплохел» и что все наши кризисы восходят к кризису антропологическому?*

— У нас в XX в. (в эпохи войн и репрессий) сделали все возможное для того, чтобы сформировалось не лучшее качество человеческого материала. В компаниях уважаемых мною людей, где я бываю, мы часто приходим к выводу о том, что мы все потомки людей, выживших по странному стечению обстоятельств. Я родился только потому, что бабушку выпустили из лагеря во время «бериевской оттепели» и в результате отца не послали в штрафбат. Он пошел в моряки.

Но все же, когда развернулись реформы, выяснилось, что человеческий материал отнюдь не так плох. Я помню дискуссии 80-х годов о том, где же мы возьмем предпринимателей. Но они нашлись. Я понял, что у нас есть рыночное будущее, когда 29 января 1992 г. мы выпустили Указ о свободе торговли. В тот же день масса людей стала пользоваться этим Указом. Считаю, что страна небезнадежна.

«Управляемая демократия — это экзотика XXI века»

За последние несколько лет «демократия с учетом национальных особенностей» перестала быть предметом дискуссии. Сегодня она стала официально означенным вектором общественного развития. Своими мыслями о ней, о современных тенденциях государственного строительства и перспективах либеральных идей в России с читателями делятся человек, стоявший у истоков постсоветских реформ — известный экономист, директор Института экономики переходного периода, профессор Егор Тимурович Гайдар.

— Егор Тимурович! У наших соседей одна за одной вспыхивают революции — «оранжевая», «цветочная»... А у нас возможна смена власти путем давления снизу?

— События в Украине — это, по сути, попытка наверстать то, чего Украина не прошла за эти годы. В этой стране не было таких перемен, которые пережила Россия, у нас они прошли намного глубже, серьезнее и опаснее. Вообще у нас поразительное историческое отношение к революции, как к чему-то хорошему. «Революция — это романтично, это классно!». Но ведь революция — это страшная вещь. Ее жернова перелопатили миллионы лучших сынов Отечества. Это драматический излом судьбы целого народа, трагический период исторического развития. Мы переживали это в начале 90-х годов. Потом эти потрясения стали входить в русло более-менее стабильной жизни. Украине, дай Бог, не придется пережить всего этого в той же форме. Что касается возможности новой революции у нас... Я все-таки надеюсь, что нам удастся избежать кошмара новой русской революции в XXI в. Мне довелось руководить правительством в годы революции. Скажу откровенно — врагу этого не пожелаю.

Интервью брал Юрий АГЕЕВ.
Опубликовано в: Жуковские вести. 2005. 16 марта.

— Президент говорит о демократии с учетом национальных особенностей, но в мире ее именуют управляемой, подразумевая некий суррогат. Но так ли уж она плоха? Может быть, стоит немного по-управлять хотя бы для достижения отдельных целей, например стабильности в обществе?

— Да, у проблемы политической стабильности есть альтернативный способ решения — формирование «закрытых» или «управляемых» демократий. В этих политических системах присутствуют формальные признаки демократии: присутствие в парламенте некой оппозиции, более-менее регулярно проводимые выборы, отсутствие массовых репрессий, свободная пресса (обычно это не относится к СМИ, имеющим выход на массовую аудиторию). «Управляемая демократия» не исключает до определенной черты критики правительства, и не только на кухне. Нет пожизненного диктатора, политическая элита периодически договаривается о механизмах передачи власти. В каком-то смысле смена власти в таких условиях напоминает устройство преемственности в Риме периода принципата. Там оно опосредовалось не контролируемыми выборами, а усыновлением наследника. Однако реалии современного мира отторгают такую модель, для XXI в. это все-таки экзотика. К сожалению, развитие событий в России в последние годы все больше заставляет думать, что влиятельная часть политической элиты именно такую модель считает приемлемой на ближайшие десятилетия.

— В жизни все течет, все меняется... Возможен ли хотя бы теоретически какой-то дрейф существующего режима в ближайшие годы?

— Как может трансформироваться режим, прогнозировать не хочу. Скорее всего, радикальные изменения в ближайшее время ему не грозят. Не надо недооценивать его устойчивость в краткосрочной перспективе. В этом вопросе важно мыслить другими категориями, как в шахматах, например, где позицию часто не прощчитывают, а оценивают. И если позицию оценивать, думать, какой она может стать, скажем, к 2010 г., можно увидеть одно — в больших, промышленно развитых государствах с образованным населением авторитарные режимы неустойчивы.

— И в результате каких же причин они рушатся?

— Это происходит всегда по-разному, детонатором может быть и стихийная катастрофа, и обвал цен на основные экспортные то-

вары. Дело в том, что такие режимы внутренне не способны справляться с серьезными проблемами, с вызовом времени. Поэтому уверен, что и в России в среднесрочной или долгосрочной перспективе будет сформирована полноценная демократия. Разумеется, хотелось бы, чтобы переход к ней произошел как можно мягче, безболезненно. Нам не нужны насилие и революции — в прошлом веке России этого досталось с избытком.

— Сегодня одна из наших бед, от которой стонет буквально вся страна, — это разгул коррупции. Можно ли сказать, что мздоимство — это удел авторитарных режимов и что, построив демократию, мы заживем в обществе честных чиновников?

— Сам по себе демократический режим не является гарантией от коррупции. В то же время его отсутствие приводит к тому, что она становится неизбежным элементом государственной конструкции, проникает во все стороны политической и экономической жизни. В российских условиях борьба с ней отягощена вековыми национальными традициями. Достаточно вспомнить о безуспешных попытках Петра I справиться с ней мерами административного воздействия. Легко понять, какую траекторию развития нашей государственности на долгие годы мы зададим, сформировав режим «закрытой» демократии. И никакими заклинаниями и ритуальными кампаниями, никакими показательными процессами с этой проблемой не справиться. Она органически связана с характером режима, организацией политического процесса, который формируется в ее рамках.

— Несмотря на официальную риторику, власть прессингует наш бизнес. В этих условиях ему, чтобы выжить, ничего не остается, как опереться на общество. Но для большинства нашего населения бизнесмен — фигура отрицательная.

— Неэтичность поведения нашего бизнеса кроется в исторических причинах, отсутствии необходимых традиций. Рожденный в специфических обстоятельствах революционных перемен в конце XX в., он, к сожалению, сделал предостаточно, чтобы наши граждане относились к нему плохо. Неприкрытое и вызывающее хамство, демонстративное потребление, выставляемое напоказ, бесстыдные соревнования в этом потреблении (кто купит яхту, а кто царские бриллианты), — все это было, конечно, глупо, отвратительно и, главное, опасно. Но, наверное, это было неизбеж-

но. Когда частной собственности не было на протяжении десятилетий — откуда же было взяться культуре и традициям? В странах, прошедших эволюционный путь развития, даже быстро разбогатевшие люди не хващаются своими яхтами и вертолетами, — там они открывают центры, наподобие Рокфеллеровского, вкладывают деньги в различные гуманитарные и социальные проекты. Некоторое время назад подобное стало происходить и в России. Причем не в пародийной форме «государственно-частного партнерства» («а ну-ка поделись! »), а в нормальной. Пример — начинания Ходорковского. В рамках проекта «Открытая Россия» он поддерживал средства массовой информации, интернет-проекты, образовательные и социальные структуры. Что может быть достойнее? Но самое обидное, что именно в этот момент наше государство телеграфирует: «Ничего этого нам не надо! Когда и что будет надо, мы вам сами скажем».

— *На последних парламентских выборах либеральные силы потерпели поражение. Вы не думаете, что это надолго?*

— Это не фатально. В цикличности успехов и неудач либеральных сил Россия не уникальна. Вспомните хотя бы такой пример: польские демократы и либералы победили в 1989 г., затем в 1993 г. потерпели поражение, снова добились успеха в 1997 г. и опять проиграли в 2001. И все это, несмотря на то, что экономические реформы в этой стране были успешными, а уровень жизни заметно вырос. В 2001 г., после того как реформаторский «Союз свободы» не прошел в парламент, в Польше немало было написано о крахе либерализма. Но через два года лидер, сформировавший правительство посткоммунистической партии, признал, что либеральному курсу нет альтернативы. Разве можно утверждать, что нечто подобное не произойдет и в России?

— *И последнее. Достоинства демократии очевидны. В то же время многие страны, Китай, например, демонстрируют фантастические темпы развития и без нее.*

— Этим странам рано или поздно все равно придется строить демократию. Не надо питать иллюзий — мы живем в XXI в., а не в XVIII. Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения не оставляют исторических шансов недемократическим режимам. В прошлом веке наша страна пережила две революции, каждая из которых

обошлась ей слишком дорого. Обе они были вызваны неспособностью режима провести необходимые реформы. Мне, как человеку, имевшему прямое отношение к российской революции конца XX в., очень не хотел бы, чтобы кому-то пришлось повторять этот опыт в XXI в. — России на многие десятилетия хватит революций. По уровню развития мы уже вплотную подошли к уровню, за которым формирование стабильных демократических режимов и возможно, и неизбежно. Мне приходилось неоднократно обсуждать проблемы России и Китая с представителями китайской научной и политической элиты. В частных беседах они соглашаются с неизбежностью формирования в Китае демократических институтов. Для России же, заплатившей немалую цену за формирование демократических институтов, пусть молодых и не оптимальных, отказываться от них — значит совершить стратегическую ошибку, за которую потом придется расплачиваться десятилетиями.

Он спас Россию от краха?

Об экономических реформах начала 90-х годов прошлого века спорят до сих пор, зачастую считая их причиной экономического краха России. Но что происходило на самом деле? Могла ли страна пойти по иному пути? И как себя чувствует человек, чье имя напрямую связывают с этими реформами? Об этом интервью главного редактора «Новой недели» Александра Чуркина с Егором Гайдаром.

ВСЕ ДЕЛО В НЕФТИ

— Егор Тимурович, что тогда произошло? Те реформы я почувствовал на собственной шкуре. В бизнес пришел в 1989-м, основал Агентство столичных сообщений (АСС) — первое в России частное рекламное агентство — и довольно быстро стал миллионером: в 1991 г. на счетах во Внешэкономбанке было несколько миллионов долларов в переводных рублях. Как комсомолец, я очень верил в советскую власть, в Горбачева, в правительство, пришедшее на смену Горбачеву. И вдруг в 1992-м, когда в правительство пришел Егор Гайдар, что-то случилось...

— Случилось не тогда, когда я пришел в правительство, а когда упали цены на нефть.

— Стоп! В 1992-м резко отпустили цены, Внешэкономбанк обанкротился и за пару месяцев мои миллионы долларов превратились в жалкие крохи, потому что курс доллара резко рванул вверх. В такой же ситуации оказалась целая формация молодых людей, поверивших, что нужно идти в бизнес и поднимать страну. У большинства людей то, что случилось, ассоциируется с Вами.

— Это правда. У Вас есть пять минут, чтобы подождать ответа? Тогда я попрошу принести мне набор документов союзного прави-

Интервью брал Александр ЧУРКИН.

Опубликовано в: Новая неделя. 2005. 16 марта.

тельства за 1991 г. Я Вам кое-что зачитаю. (Секретарь Гайдара уходит за папкой с документами.)

Я скажу о том, что, собственно, происходило с советской экономикой. Да то же самое, что с экономикой многих других стран, зависящих от экспорта нефти. Советский внешнеторговый баланс, когда мы стали крупнейшим импортером зерна и крупным импортером продовольствия в целом, оказался в полном объеме зависимым от нашего экспорта нефти и соответственно цен на нефть. Причем экономика была построена исходя из гипотезы, что высокие цены на нефть будут всегда, а благоприятные условия доступа к наиболее эффективным месторождениям тоже будут всегда.

Есть набор работ еще советского периода, в которых исследователи обращали внимание на экстремальную зависимость советского внешнеторгового баланса от цен на нефть. И если возникают экономические проблемы, то у Советского Союза есть только один реальный способ избежать кризиса: увеличение экспорта нефти.

В 1985 г. впервые произошло резкое падение добычи нефти в СССР. А все планы основывались на идее, что рост добычи продолжится. С 1981 по 1986 г. цены на нефть на мировом рынке упали в реальном исчислении в шесть раз. Собственно, с этого времени механизм краха советской экономики и был запущен.

(Секретарь приносит пухлый том с документами. Гайдар читирует.)

Совещание у Рыжкова 17 сентября 1990 г. Доклад заместителя председателя правительства Рябьева: «У нас за последние 10–15 лет капиталовложения увеличились в пять раз, а роста добычи нефти нет. С 1989 г. начался резкий спад добычи нефти. Мы закупаем за рубежом 15–18% оборудования для нефтяной промышленности. Через несколько лет этот показатель взлетит до 30%. Резко меняется структура запасов нефти: разрабатываемые месторождения становятся мельче, растет себестоимость добычи. Экспорт падает. В следующем году будет всего 60 млн т. Срываются госпоставки по импорту. Предприятия, изготавливающие насосы, не получают кабели. Продукцию не выпускают».

Маслюков, первый зам. председателя правительства: «Мы понимаем, что единственный источник валюты — это экспорт нефти... У меня такое предчувствие, что если мы сейчас не примем все не-

обходимые решения, то следующий год можем провести так, как нам еще и не снилось!».

Рыжков завершает: «Надо принять решение выходить на 547 млн т. И при этом будет только 60 млн т на экспорт нефти в социалистические и капиталистические страны. И мы тогда похороним все».

— Егор Тимурович, получается, приближался коллапс, а правительства Рыжкова и Павлова народу об этом ничего не говорили?

— Совершенно верно. Могу назвать еще документы: «О катастрофическом положении с экспортом нефти в четвертом квартале 1990 г.» (это документ Совета министров СССР), «О чрезвычайном положении со снабжением продовольствием», «О последствиях дальнейшего ухудшения обслуживания внешнего долга»...

РЕЦЕПТОВ НЕ БЫЛО...

— Мы все это помним. Помним, как стремительно исчезали с прилавков магазинов продукты...

— Вы это помните, я это помню. Но Вы думаете, что все это помнят? Конечно, нет! Все помнят колбасу по два двадцать. К тому времени, как я пришел в правительство, той колбасы в помине не было. Даже по официальной цене она стоила 9–10 руб., хотя на рынке уже продавали за 30 руб. Обо всем этом многие не помнят.

По поводу Вашего счета во Внешэкономбанке СССР, о котором Вы спрашивали в начале беседы. Да, я знаю эту историю. В соответствии с распоряжениями союзного правительства все ликвидные активы Внешэкономбанка, то есть доллары, в которые были вложены Ваши средства, в течение 1991 г. были изъяты из этого банка и направлены на обслуживание текущих государственных нужд, что даже не было оформлено соответствующими документами. Потом банк прекратил платежи. Знаете, какой валютный резерв для обеспечения импорта считается минимально приемлемым? Такой, который мог бы обеспечить три-четыре месяца импорта. Знаете, каковы были валютные резервы СССР к тому моменту, когда мы пришли в правительство?

— Пара миллиардов долларов?

— Вы глубоко заблуждаетесь! Но я про месяцы спрашиваю. Как Вы думаете, на сколько бы хватило?

— Ну, не знаю... Думаю, на месяц.

— Резерв был не 2 млрд долл., как Вы думаете, а всего 16 млн. Даже при минимальном импорте, уже резко сократившемся в 1991 г., этого бы хватило на 1 ч. 45 мин. импортных операций.

— Как получилось, что этот крах в сознании людей связался с Вашей персоной?

— Это естественно. Представьте себе: у Вас был вклад в банке. Руководство банка потратило все деньги и сбежало. Потом приходит временный управляющий и говорит правду. Вы что, к тем, кто сбежал, будете обращаться? Их не найдешь. Вы управляющему говорите: как же так? Где мои деньги? Ты же юридический наследник? Говоришь, что взял на себя ответственность за банк, чтобы здесь как-то наладить дела. И все раздражение выплескивается на временного управляющего.

— Вы пришли в правительство, в условиях хаоса возглавили экономический блок. Помним, что буквально в течение двух месяцев прилавки заполнились продуктами и товарами, но, на мой взгляд, дефицит никуда не исчез. Просто цены стали такими, что подавляющее большинство населения не могло ничего купить.

— Это чистая правда! Я об этом немало говорил до размораживания цен, объяснял, что мы в глубоком экономическом кризисе. Страна-банкрот не может обслуживать свои обязательства. У нас хлеба — до февраля. Никто за «деревянные» нам ничего продавать не хочет. Валюты нет. Я говорил: другого выхода, кроме формирования рыночной экономики, нет. Старые механизмы просто не работают. Если не работает рынок, для того чтобы у вас появлялись масло, колбаса, хлеб на прилавках, должен действовать жесткий механизм принуждения. Нужны продотряды или КГБ, который посадит каждого, кто сорвет первую-вторую заповедь плановой сдачи государству зерна или мяса. А если этот механизм уже развалился, нужна другая система, когда за все придется платить. Если мы хотим выжить, другого выхода нет.

В стране рынка не было 70 лет. Я говорил в своих выступлениях неоднократно: проблему с дефицитом мы решим, но не думайте, что это сделает вас счастливыми. Это даст возможность выжить, но счастливыми не сделает. Десять сортов колбасы, пять сортов масла в каждом магазине и отсутствие очередей за стиральным порошком — это все мы обеспечим, но не думайте, что после этого вы станете счастливыми. Чтобы жить нормально, придется пройти

огромный путь, наладить механизм экономического роста на рыночных и частных основаниях.

Вы думаете, кто-нибудь это понимал? Подавляющее большинство — нет. Люди не верили, что будут жить в стране, где можно прийти в магазин, а там — изобилие. И ты выбираешь, что хочешь. У людей не было такой исторической памяти. Они такого не видели, их мамы-папы не видели. Они были искренне убеждены, что им рассказывают сказки.

— Но люди, которые наверху, они должны были за границей это видеть!

— Люди, которые были наверху, ездили за границу, знали, что там это возможно, но они знали, что у нас этого не будет никогда, кроме как по спецобслуживанию. Ведь это же была их привилегия. И что по чьему-то мановению руки такое изобилие придет во все магазины — это сказка.

Я говорил, что будут проблемы, которые придется решать многие годы. Для этого придется много работать. Но это не слышалось, люди думали: ага, нам вешают лапшу на уши про то, что все будет хорошо.

— А Вы ожидали, что при отпуске цен инфляция будет измеряться тысячами процентов?

— Вопрос об инфляции после отпуска цен разбивается на два подвопроса. Первое — вопрос о денежном навесе, второй — о денежной политике после отпуска цен. Оба вопроса для России были крайне сложными. Денежный навес — избыточная денежная масса, которая была эмитирована в советские времена при фиксированных ценах для финансирования дефицита бюджета. Эти деньги население не могло потратить, потому что товаров не было. Я работал в Академии наук, у нас в то время была очередь на получение автомобиля, в которую мало кому удавалось попасть. Ее протяженность составляла 20 лет. Я был ведущим научным сотрудником, в эту очередь не попал.

Когда люди не могут потратить свои деньги, возникают вынужденные сбережения. Если система административного контроля разваливается, выясняется, какую долю своих сбережений население хочет хранить в деньгах, а какую — в товарах. Это и определяет реальный спрос на национальные деньги. Отследить его в условиях нерыночной экономики трудно. Естественно, и мы, и многие

исследователи в других странах пытались создать инструменты, позволяющие понять, каковы размеры денежного навеса. Обычно базовая гипотеза строилась на тезисе об относительной сбалансированности экономики в предшествующий период. Дефицит в СССР был всегда, даже в 60-х годах. Прекрасно помню, как стоял с мамой в очереди за мукой. Но допустим, что в середине 60-х годов экономика была относительно сбалансирована, спрос на реальные деньги соответствовал номинальному. Исходя из этого скажок цен, связанный, собственно, с их либерализацией, должен был быть 60–80%. Еще раз подчеркиваю — это гипотеза, основанная на представлениях, что экономика СССР в 60-х годах была сбалансированной.

Какой баланс был в последние годы существования СССР? Не было надежного научного инструментария для ответа на этот вопрос. В мире его просто не существует. Но из соображений здравого смысла я считал, что повышение цен, связанное с отпуском цен и ликвидацией денежного навеса, будет примерно трехкратным. В январе-марте 1992 г. это подтвердилось довольно точно.

Дальше возникает проблема денежной политики. Ее фон в России начала 90-х годов был крайне сложным по многим причинам. Во-первых, мы унаследовали бюджетный дефицит, размеры которого в 1991 г. точно не идентифицированы в связи с путаницей в советской статистике. Наиболее надежные оценки дают цифры 25–30% ВВП. Не бывает стран, которые имеют такой бюджетный дефицит и не приходят к экономической катастрофе. Справиться с хаосом гиперинфляции обычно можно в том случае, если есть сильная политическая воля. Надо в несколько раз сократить военные расходы. Это легко сказать военным? Нелегко. Но есть сила воли — вперед. Остановили инфляцию, начали жить.

У нас-то ситуация была сложнее. Ее усугубляла проблема краха единой денежной и банковской системы СССР. Хорошо, ты сократишь военные расходы в несколько раз. А Центральный банк Украины выпускает такие же безналичные рубли, как твои и экспортирует свою инфляцию в Россию, крупнейшую страну в зоне с общей валютой. Вы меня спросите: а что же это мы зону не демонтировали? Я Вам отвечу: это трудная задача. С самого начала работы в правительстве, с первого дня мы это понимали. Сергей Игнатьев, нынешний председатель Центробанка, с первого дня

прихода в правительство, будучи заместителем министра финансов, затем заместителем председателя ЦБ, занялся этой работой. Мы понимали, что при системе межфилиальных оборотов, когда нет расчетных счетов у центральных банков бывших союзных республик, мы с экспортом инфляции в Россию меньше чем за восемь месяцев не управимся. Это технически невозможно. Мы понимали, что за восемь месяцев не сможем дать каждой республике свою валюту. А значит, невозможно получить реальный контроль над денежным положением в стране. И решили, что как-то перетерпим восемь месяцев, а потом, когда будет возможность ввести полноценный российский рубль, ужесточим денежную и бюджетную политику.

Но в процессе общения с ключевыми людьми, занимавшими снабжением, торговлей в союзном и российском правительстве, мы быстро поняли: за эти восемь месяцев страна столкнется с реальным голодом и гражданской войной. И что делать? Что делать, когда а) нет разумных экономических способов контроля денежного обращения и б) нет возможности не проводить рыночных реформ (старый механизм развалился).

— Рецептов никаких не было?

— Ситуация уникальная. Обычно есть рецепты. Допустим, у тебя насморк — лечить тем-то, болит сердце — лечить так-то. А тут рецептов нет.

— Вы упомянули, что, чтобы избежать гиперинфляции, потребовалась сильная политическая воля. А у кого ее не хватило?

— Беда в том, что сильная политическая воля достаточна при стандартной ситуации с гиперинфляцией, когда нет 16 банков, эмитирующих национальную валюту. А когда они есть, никакая, даже стальная воля не спасает.

— Может, легче было бы сказать народу: тяжелые времена, гиперинфляция, так что надейтесь на свои силы, создавайте частный сектор? Кормите сами себя, а мы освободим вас от налогов. Однако в тот же период стала формироваться такая налоговая политика, которая не выпустила бизнес, особенно мелкий и средний, на простор?

— Мы тормозили инфляцию налоговыми и бюджетными мерами. В сложившейся ситуации нельзя было проводить мягкую бюджетную и налоговую политику. Оставался огромный груз унаследо-

ванных от Союза обязательств. Мы сократили расходы на закупку вооружений в несколько раз. Это легко? Или что, нужно было сокращать не в 10, а в 100 раз? Вся структура была сформирована в рамках перераспределительной экономики. Много отбираешь и много даешь. Я всегда за низкие налоги. Люблю низкие налоги, как любой налогоплательщик, который, кстати, их исправно платит. Низкие налоги? Замечательно. Мы с Вами сокращаем государственные расходы в 8 раз. Отлично! После этого идем к пенсионерам, врачам, учителям, военным, милиционерам, судьям, таможенникам, прокурорам и что им говорим?

Нам надо было удержать государственные ассигнования в рамках здравого смысла, который может принять общество. А если это приходится делать в условиях банкротства страны, коллапса экономической системы? Надо тормозить. Думаете, мне нравится НДС, который мы ввели в 1992 г.? Да я его ненавидел. Но что делать? Все остальные решения хуже.

СМОТРИТЕ, КТО УШЕЛ

— Что послужило причиной Вашего первого ухода из правительства?

— В первый раз это была попытка избежать событий 1993 г.

— В политическом плане?

— Да. Я ведь был и. о. премьера. Президент Ельцин выносил мою кандидатуру на утверждение, но она не была утверждена. В декабре 1992 г. Ельцин еще раз на заседании съезда вынес мою кандидатуру. Он считал, что я и мои коллеги понимаем лучше других, что необходимо сделать для стабилизации экономики в России. Было ясно, что мое утверждение будет непростым. Ельцин встречался с представителями фракций. На повестке дня стояло несколько вопросов. Один из них — мое премьерство, другой — более важный — вопрос о новой Конституции. Старая Конституция не работала. А договориться о том, какой будет новая Конституция, не удавалось. Большинство народных депутатов было за то, чтобы внести несколько изменений в действующую, в том числе таких, которые сокращают полномочия президента и увеличивают полномочия Съезда народных депутатов. После того как Ельцину не удалось провести мою кандидатуру в премьеры, а депутатам —

проводить поправки в Конституцию (необходимо было 2/3 голосов депутатов) состоялась встреча президента с руководителями фракций. Один из них сказал: давайте сделаем так — вы поддержите изменения в Конституцию, на которых мы настаиваем, а мы утвердим Гайдара, на что Борис Николаевич согласился. К нему подбежали Сергей Николаевич Юшенков и еще несколько депутатов из «Демроссии»: «Борис Николаевич, что Вы делаете, они же Вас обманут! Вы хотя бы сначала поставьте вопрос об утверждении Гайдара, а потом о поправках к Конституции!». Он сказал: «Ну что вы, они не посмеют, не обманут! Поправки прошли, а я не получил необходимого количества голосов.

Ельцин был просто в ярости! Он позвонил вечером: «И Вы по-прежнему улыбаетесь?». Ну что, говорю, делать, плакать, что ли? А потом было его выступление в Верховном Совете, где он призвал своих сторонников выйти из зала. На мой взгляд, это была одна из серьезных политических ошибок. Все было плохо подготовлено, не успели даже поговорить с депутатами «Демроссии». Они растерялись, не поняли, что делать, кворум был сохранен. Ситуация сложилась неприятная. Ко мне приехал председатель Конституционного суда Валерий Зорькин и спросил, готов ли я уйти в отставку, если это необходимо для стабильности в России. Я сказал, что готов на гораздо большее, но для стабильности в России, а не чьей-то победы. Поэтому надо находить политический компромисс. Было созвано совещание, где сторону исполнительной власти представлял я, Верховного Совета — Хасбулатов, а Зорькин был посредником. Мы выработали формулу компромисса. Его суть, если не вникать в технические детали: моя отставка в обмен на отмену поправок, введенных в Конституцию, и согласие съезда на то, что будут выработаны два варианта новой Конституции, президентский и съездовский. Оба будут вынесены на всенародный референдум. Тот, который получит больше голосов, станет новой российской Конституцией. Я считал, что это разумный компромисс. Вопрос о главе правительства менее важен, чем новая, надежная, адаптированная к новой реальности Конституция страны. То, что ельцинский вариант Конституции победит, у меня сомнений не было. Кстати, на тот момент он был значительно более сбалансирован, чем принятый в декабре 1993 г.

Но беда в том, что оппонентами Ельцина были политические проходимцы. Как только я ушел в отставку, они сразу сказали: какое, собственно говоря, соглашение? Мы приняли поправки, проголосовали? Так мы и переголосуем! Собственно, тогда и была заложена мина, которая взорвалась в октябре 1993 г.

ВСЕ ТА ЖЕ ИСТОРИЯ

— Прошло несколько лет, вроде бы все более-менее наладилось в стране: стабилизировался курс доллара, сформировалась прослойка предпринимателей. И тут — 1998 г., когда финансовая система опять рухнула. Опять банкротства и разорения. Что тогда-то произошло? Правительство опять возглавил молодой реформатор, как Вы в 1992-м, Сергей Кириенко...

— Сергей Владilenович искренне мне симпатичен. Ему, как и мне, пришлось отвечать за то, что сделали другие. В 1994 г., когда я во второй раз ушел в отставку, Виктор Степанович Черномырдин призвал покончить с рыночным романтизмом и поддерживать отечественного производителя.

Финансовая политика между 1994 и 1997 гг. была в долгосрочном плане неустойчивой. Слишком велик был бюджетный дефицит. С 1995 г. предпринимались усилия по его снижению, но непоследовательные. Правительство пыталось проводить жесткую денежную политику, снижая инфляцию, и в то же время — мягкую бюджетную, выплачивая бюджетникам деньги. Это крайне рискованное сочетание. Раньше или позже ситуация в стране, проводящей такую политику, может взорваться.

Советский Союз развалился, когда цены на нефть упали в 6 раз. Кризис 1998 г. произошел, когда цены на нефть упали в 2,3 раза. Это не привело к распаду России, полной катастрофе, но вызвало тяжелейший финансовый кризис. Россия с советских времен зависит и еще долгое время будет зависеть от конъюнктуры нефтяного рынка. Хорошо прогнозировать развитие событий на нефтяном рынке никто не умеет. Пытаются, но это больше похоже на гадание на кофейной гуще. Поэтому необходимо иметь стратегию действий, выработанную для пессимистического сценария.

Ни у советских, ни у российских властей не было плана, что делать, если радикально ухудшится конъюнктура на рынке нефти.

Причем вопрос ведь не только в самой нефти и доходах от ее экспорта. При падении цен на топливо для России сразу закрывается рынок капитала, ускоряется отток капитала из страны, выясняется, что крайне неустойчива ситуация с краткосрочной задолженностью.

Приходит молодой человек, толковый, которому говорят: а теперь со всем этим разбирайся. У тебя уже вот-вот все взорвется, и нужно с этим как-нибудь справиться. Кириенко и попытался справиться с кризисом. Нельзя сказать, что правительство под его руководством не сделало ошибок. Но за одни попытки справиться со столь сложной ситуацией его можно уважать.

— Так получилось, что сначала Вы на себя взяли определенную миссию по спасению экономики, затем — Кириенко...

— Сейчас я вижу страстные потуги снова дестабилизировать российскую экономику, читаю об идеях снижения НДС до 13%, о том, как потратить Стабилизационный фонд на крупномасштабные инвестиционные проекты, например такие, как строительство моста на Сахалин. Все время думаю: кто следующий? Кто будет отвечать за все это?

— Я к тому и подвожу. Вы состояли в СПС. Не кажется ли Вам, что младореформаторы потерпели поражение на выборах в 2003-м, потому, что в глазах избирателей Вы в 1992-м, Кириенко в 1998-м были у власти и все «профукали»?

— К сожалению, Вы правы. Это проблема не только России, а почти всего постсоциалистического пространства. Многим правительствам приходилось решать непростые проблемы, связанные с крахом предшествующей формации.

ПРО ГЛУПОСТИ

— Вы сказали, что в 1992-м, в 1998-м кризис и гиперинфляция были связаны с резким спадом цен на нефть. Сегодня цены на нефть широкие...

— Именно этого боюсь больше всего. Чем выше цены на нефть, тем больше тянет принимать глупые решения. Когда цены на нефть низкие, поневоле приходится воспринимать реальность, иначе экономику страны разнесет быстро. Когда цены высокие, можно себе позволить быть расслабленным, делать глупости. Очень со-

блазнительной кажется идея вернуться к переброске сибирских рек в Среднюю Азию. Много плодотворных идей приходит в голову!

— Но ведь при таких высоких ценах на нефть реальная жизнь народа все равно ухудшается! Не так ли?

— Нет, не ухудшается. Делается много ошибок, это да. Монетизация — одна из самых странных по форме реализации реформ, которые я могу себе представить. Но если все-таки говорить всерьез, за последние шесть-семь лет жизнь народа улучшилась. Реальные доходы, зарплата в среднем увеличились более чем вдвое.

— Но не вернулись к уровню 1998 г.

— Они выше, чем были тогда. И не только в Москве — по стране.

— А как быть с ощущением в обществе, что жизнь стала тяжелее?

Это нагнетание страсти?

— Нет, это не нагнетание, это обманчивое ощущение. У него понятный механизм. Можно вспомнить, кто сколько получал в долларах в 1999 г., в 2000-м, в 2001-м — рост есть. Если мы перейдем от доллара к реальным рублям, то рост тоже есть, и довольно заметный. И Вы думаете, люди за это благодарны власти? Да нет! Я получаю столько-то, а сосед получает больше. Это тяжело терпеть. И даже если я получу вдвое больше, все равно это немного, потому что у соседа больше. Это иллюзия, что рост доходов сам по себе несет рост удовлетворенности своей жизнью, довольство властью.

— Тем не менее Вы сказали, что высокие цены на нефть — это как бомба замедленного действия. Прогноз можете сделать на ближайшие два года?

— Все зависит от того, насколько расслабится власть. Если не брать монетизацию льгот, которая была проведена бездарно, власти в 2000–2002 гг. удалось провести успешные реформы. Они дали позитивный результат.

С макроэкономической точки зрения наша ситуация, даже на сегодня, более устойчива, чем была в 1997-м. Но если в течение следующего года-двух понаделаем еще таких же ошибок, как монетизация льгот, то снова встанут вопросы: когда экономика взорвется? кто это все будет разгребать и всю жизнь за это отвечать?

«Пускать Стабфонд на инвестиции — это путь к катастрофе»

Директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар рассказал, на что не следует тратить деньги Стабфонда.

— *Зачем нужен Стабфонд?*

— Экономики, которые зависят от колебаний цен на важнейший экспортный товар, особенно если речь идет о сырье, сталкиваются со стандартными проблемами: цены на мировом рынке нестабильны, а от них зависят важнейшие показатели экономики. Если цены на нефть высоки, очень приятно и легко наращивать бюджетные обязательства и финансировать их. Но если цены внезапно снижаются, объяснить обществу, почему надо вдвое сократить армию или снизить пенсию, трудно. Стабфонд — это инструмент сглаживания колебаний цен, позволяющий минимизировать риски финансовой катастрофы. Второе направление — это борьба с таким явлением, как «голландская болезнь», другими словами, с резким укреплением реального курса национальной валюты при благоприятной ценовой конъюнктуре на экспортный товар, которая приводит к подрыву всех отраслей, не связанных с этим товаром.

— *Чем по экономическим последствиям отличается вливание в экономику денег Стабфонда, накопленных за несколько лет, от печатания новых денег?*

— В случае использования аккумулированных в Стабфонде ресурсов, подкрепленных ликвидными валютными резервами, не происходит обесценения накопленных сбережений в национальной валюте. Причем меру использования таких ресурсов следует — и это возможно — подбирать в соответствующие периоды таким образом, чтобы не было угрозы резкого скачка инфляции.

Записал Алексей ШАПОВАЛОВ.

Опубликовано в: Коммерсантъ-Власть. 2005. № 13. 4 апреля.

— *Есть лоббистские планы использовать деньги Стабфонда на инвестиционные проекты. Как вы относитесь к идее превратить Стабфонд в бюджет развития?*

— Все, кто знает о голландской болезни, понимают, что пускать Стабфонд на инвестиции — это путь к катастрофе. Особенность истории экономического краха в СССР. Экономика была выстроена так, что она зависела от фактора, который власти не могли контролировать, — от внешнеторговой конъюнктуры. Смогли ли мы закупить 40 млн т зерна? А от этого зависят снабжение городов хлебом, животноводство, ситуация на потребительском рынке, бюджет. Все было выстроено исходя из гипотезы, что высокие цены навсегда. И когда цена на нефть между 1981 и 1986 гг. упала в несколько раз, экономика посыпалась.

— *Понятно, что в реальной политике использование средств Стабфонда будет компромиссным. Где, по-Вашему, границы этого компромисса?*

— Чем меньше будет уступок безответственному популизму, тем меньше будут риски для России. Мы пережили крах СССР, связанный с неправильным использованием экстремально высоких нефтяных доходов, и не готовились к тому, что цены на нефть могут упасть. Мы пережили тяжелейший кризис 1998 г., связанный с тем, что цены на нефть упали в 2 раза. Не хотелось бы, чтобы оказалось, что мы не способны извлекать уроки из предшествующих ошибок.

— *Однако решение об инвестировании части средств Стабфонда в реальную экономику на самом деле уже принято.*

— Я знаю, что это политически почти неизбежно. Мы недавно обсуждали эту тему с министром финансов Норвегии. Норвегия — страна, Стабилизационный фонд которой считается во всем мире образцом эффективности. Министр обратил мое внимание на то, что с момента образования Стабфонда ни одно действующее норвежское правительство не выиграло выборов. Всегда находится оппозиция, которая говорит: «Смотрите, у нас есть и такие, и такие важные проблемы, а они сидят на мешках с деньгами и не хотят финансировать их решение».

Монетизация покажется цветочком

Темпы развития экономики падают, а инфляция растет каждый месяц. Правительство между тем не может до конца договориться даже о среднесрочных перспективах социально-экономического развития страны. Почему это происходит и как политика России влияет на ее экономику? Об этом «Новым известиям» рассказал бывший и. о. премьера Правительства, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, весь этот год, похоже, будет проходить под знаком монетизации льгот. До сих пор в разных концах страны вспыхивают конфликты, которые являются следствием внедрения 122-го Закона. Либеральная идея замены льгот деньгами Вам близка. Почему, на Ваш взгляд, ее воплощение оборачивается социальным недовольством?

— Вопрос о монетизации — это вопрос взаимосвязи экономического и политического развития. Когда нынешние власти пришли в Кремль, у них было желание проводить ответственную экономическую политику. Правда, у них не было стойкого убеждения, что демократия — это та политическая система, которая нужна России сегодня. Я все пытался вспомнить в мировой экономической истории какую-нибудь реформу, которая возложила бы на бюджет дополнительные финансовые обязательства, превышающие 15 млрд долл., и при этом люди вышли бы на улицу. Так ничего подобного и не вспомнил.

— Почему же так получилось, ведь реформу готовили вроде бы не глупые люди?

— Мне кажется, что такое могло произойти потому, что в политической системе страны за последние четыре года была ликвидирована система сдержек и противовесов. Я Вам гарантирую, что

Интервью брал Сергей АНИСИМОВ.

Опубликовано в: Новые известия. 2005.15 июня.

при прежнем составе Госдумы 122-й Закон был бы тщательно рассмотрен, обсужден и в конце концов отвергнут.

Не будем забывать, что сам по себе он представляет список поправок к множеству других законов. Мне, например, вместе с Институтом переходного периода понадобилось бы по крайней мере два месяца, чтобы проанализировать содержание этого документа. Мало кто из депутатов Госдумы реально вник во все его тонкости. Не было широкого обсуждения законопроекта ни на Бюджетном комитете Думы, ни в прессе. В итоге мы получили то, что получили.

— По тому, как готовился и теперь выполняется этот Закон, вероятно, можно судить о стратегической линии российского правительства. Вы ее вообще видите?

— На мой взгляд, то, как проводились реформы в 2000–2002 гг., — это прекрасный пример хорошего лечения экономических болезней. Суть задачи, с которой пришло нынешнее правительство, предельно ясна: переход от стадии восстановительного роста к росту инвестиционному.

В экономике есть понятие «качество экономического роста». Так вот оно в названные мной годы стало значительно улучшаться. Но методы проведения реформ после 2003 г. и по сей день — прекрасный пример того, как не надо лечить экономические болезни. Достаточно сказать, что правительство почти год не может утвердить свою долгосрочную экономическую программу. На сегодняшний день сделана только треть из того, что было намечено. Если два года назад мне было понятно, что правительство хочет делать и как оно будет двигаться в избранном направлении, то сегодня из документов невозможно понять, куда мы хотим идти и куда идем.

— Не могу не спросить Вас о «деле Ходорковского». Как Вы считаете, можно ли после вынесения приговора руководителям ЮКа говорить о новом качестве российской судебной системы?

— Я не считаю себя экспертом по всем вопросам, в том числе по вопросу реформирования судебной системы. Я могу высказать только свои частные суждения по этому поводу. На протяжении многих лет я наблюдал, что российская судебная система медленно и трудно, но движется, скорее всего, в правильном направлении. Например, в 1991 г. предприниматель для решения проблем шел не в суд, а к начальнику или к бандитам. На протяжении 90-х го-

дов происходила медленная эволюция — люди все чаще шли в суд. Мне могут возразить: есть случаи, когда приговор покупается. Безусловно, это бывает, но достаточно редко и происходит не так грубо. В последнее же время мы подали всему миру абсолютно ясные сигналы, что независимого правосудия в России не существует в принципе. А это крайне плохо для общественного и экономического развития.

— *Именно о развитии следующий вопрос. Как Вы относитесь к предложениям направить доходы от продажи нефти на социальные программы? И сколько, на Ваш взгляд, сегодня должна стоить нефть для оптимального развития страны?*

— Идея, которая стратегически страшно опасна и в то же время страшно популярна, — это идея «раскурочивания» Стабилизационного фонда. Остановить ее почти невозможно. Объяснить за пределами сообщества профессиональных экономистов, занимающихся макроэкономикой, что делать ничего не надо, — задача неразрешимая нигде и никогда. Недавно министр экономики Норвегии рассказал мне, что после создания стабилизационного фонда в этой стране ни одна правительственная коалиция никогда не выигрывала выборы. Ничего нельзя противопоставить досужим рассуждениям, что «вы сидите на мешке с деньгами, а у нас тут страшные проблемы с их нехваткой». С каждым годом высоких цен на нефть российская экономика становится все больше уязвимой. В 2002 г. мы без всякого кризиса могли пережить падение цен на нефть до 13 долл. за баррель. Сегодня для нас цена ниже 30 долл. может стать проблемой. Советский Союз в середине 80-х годов был полностью зависим от цен на нефть. А потом они упали, и Союза не стало. Мы сейчас упорно движемся в том же направлении.

— *Каково Ваше отношение к реформе местного самоуправления, новый этап которой грядет с 1 января 2006 г.?*

— Реформу местного самоуправления ни в коем случае нельзя проводить по принципу «первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна опять же марширует». Это же Россия. Она очень разная. Почему мы из Москвы должны говорить регионам, как у них должна быть построена система местной власти? Почему не создать условия, чтобы регионы сами определили сроки и формы перехода к местному самоуправлению? Почему все должно делаться, как на плацу? В данном случае, я считаю,

явственно сказывается разница между экономическим и правовым сознанием.

— *Каскад «цветных» революций в странах, возможно, ставит на повестку дня вопрос о судьбе России. Чем, на Ваш взгляд, объясняется закономерность смены власти в Грузии, Киргизии, Украине?*

— То, что происходит сегодня в Москве, сильно влияет на то, что происходит или будет происходить завтра в Астане или Минске. Один свергнутый режим подает сигнал другому прогнившему режиму: а почему бы это не сделать у нас? Я категорический противник концепции заговоров. Представьте себе, что 50 млн украинских граждан стали бы вдруг голосовать, как прикажет Вашингтон. Эта задача в принципе нерешаемая. Чуть-чуть помочь или чуть-чуть помешать можно. Сделать извне все нельзя. Ва Украине присутствовало два важных фактора, приведших к подобному развитию событий. В отличие от России Украина не потеряла, а обрела свою независимость. Кроме того, там стал возможен союз между националистами и теми, кто хотел бы видеть свою страну частью Европы. Эта коалиция в конечном счете и обеспечила победу Ющенко.

Первый вывод, который был сделан представителями российской власти из событий в Средней Азии, на мой взгляд, очень опасен. А вывод такой: Акаев не захотел проливать кровь в Киргизии, за это соответственно и получил. А Каримов показал, кто есть кто, и остался у власти. Я считаю, что это очень опасный путь. Применение насилия при кризисе режима не предотвращает кризис. Режим Чаушеску в 1989 г. был готов пролить сколько угодно крови для того, чтобы остаться у власти. В конечном счете это привело к тому, что Чаушеску с супругой кончили свою жизнь именно так, как кончили. Противостояние тенденциям долгосрочного социально-экономического развития только средствами силы идет во зло самому режиму.

— *«Союз правых сил», в котором Вы состоите, длительное время продвигал проект военной реформы, включая переход на контрактную армию. В своей новой книге «Долгое время. Россия в мире» Вы также уделяете много внимания этой проблеме. Это действительно так важно сегодня для страны?*

— Сегодня армия превратилась в некий натуральный налог на самых бедных и социально незащищенных российских граждан. Общеизвестно, что американцы пришли к выводу о переходе

де на контрактную армию после войны во Вьетнаме в конце 60-х годов. Кстати, сегодняшние аргументы нынешнего военного руководства России почти дословно повторяют доводы Пентагона после вьетнамской войны. Еще наши генералы обычно ссылаются на опыт Германии, где сохранен призыв.

Во время дискуссии в Министерстве обороны я сказал: «Если вы примете немецкую систему комплектования вооруженных сил, общество будет кричать «Ура!». Ведь немецкий юноша, достигший призывного возраста, пишет письмо в военкомат, где сообщает, будет ли он служить 10 месяцев срочную службу или 11 месяцев — альтернативную. Все заявки удовлетворяются. Я разговаривал с бывшим министром обороны Германии. Он сказал одну простую вещь: «Пока мы имеем систему призыва, ни один чертов политик не пошлет наши войска воевать». Я считаю, что в сфере военной реформы мы крепко закрыли глаза и боимся посмотреть в лицо действительности. А действительность такова, что необходимость реформы давно стала социальной проблемой общества. И если ее не решать, пресловутая монетизация в итоге может показаться цветочком.

Диета от Гайдара

«Нефтедоллары не будут течь в страну вечно, но люди, которым дашь их один раз, станут требовать всегда», — говорит директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

На днях вице-премьер правительства Александр Жуков, а затем и президент Владимир Путин¹ сказали то, о чем давно шептались специалисты-экономисты. Оказывается, дальнейший рост цен на нефть вреден России. Отечественная экономика не в состоянии переварить хлынувшие в страну деньги. Удивительное с обывательской точки зрения заявление президента комментирует директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Как к диете относитесь, Егор Тимурович? Ну, лишние кило сбросить, второй подбородок убрать.

— Не объясняйте, мне знакомо значение слова «диета». Отношусь к ней позитивно.

— На себе ощущали чудо-эффект?

— Самая действенная диета — умеренность. Надо меньше есть, тогда и проблем не возникнет.

— Может, и российской экономике пора попоститься? Ее, похоже, закормили нефтедолларами.

— Крайне высокие цены на сырье — страшный риск. История знает немало примеров подобного передедания. Вспомним Испанию, куда в Средние века хлынул поток латиноамериканского золота и серебра. Премьер-министр страны Оливейрос, стремившийся одновременно восстановить имперское могущество Испании и провести либеральные реформы, в 1631 г. капитулировал, сказав замечательную фразу: «Лучше бы мы никогда не открывали Америку!».

Интервью брал Андрей ВАНДЕНКО.

Опубликовано в: Итоги. 2005. № 26. 28 июня.

¹ «Высокие цены на нефть и большой приток нефтедолларов создают определенные трудности для Центробанка и правительства с точки зрения удержания инфляции на заданных параметрах», — признал В. В. Путин 21 июня 2005 г. (на пресс-конференции по окончании переговоров с президентом Мексики). — Прим. ред.

— Следовательно, нам надо законопачивать все нефтяные скважины?

— Это лишнее. Будет достаточно, если поймем, что экономика России в значительной степени зависит от непредсказуемых колебаний цен на природные ресурсы. В последние пять лет они были аномально высоки. Пережить это, не начав делать глупости, непросто.

— Плохому танцору всегда что-нибудь мешает: при низких ценах на нефть доигрались до дефолта, при высоких боимся роста инфляции.

— Эка невидаль, дефолт! Не забывайте: на фоне шестикратного падения цен на нефть случился крах Советского Союза. Кризис 1998 г., когда цена опустилась вдвое, был тяжел, но не так страшен. Вы правы в другом: российской экономике становится дурно и от большого количества денег, и от малого. У тех, кто занимается государственными финансами, есть собственный гамбургский счет. Мы знаем цену каждому независимо от того, что о нем пишут в газетах. До конца 2004 г. денежная и бюджетная политика России была выше всяких похвал, деятельность Центробанка и Минфина вызывала у профессионалов восхищение. Этим институтам удавалось справляться с возрастающим потоком нефтедолларов, удерживать инфляцию и сохранять курс рубля в заданных параметрах.

— Мало денег — плохо, много — еще хуже. Да России не угодишь!

— Все экономисты подтверждают: невозможно объяснить неспециалисту, почему деньги есть, а расходовать их нельзя.

— Людям отдайте, они найдут, куда потратить.

— Глубочайшая иллюзия...

— Видимо, плохо Вы наш народ знаете, Егор Тимурович.

— Позвольте завершить фразу... Не сомневаюсь в талантах русского человека, он сумеет любую сумму освоить, только что Вы будете делать, когда нефтедоллары закончатся? Сегодня можно повысить пенсии, стипендии, зарплаты военным и бюджетникам, а завтра цена на нефть упадет, и что тогда? Как объясните народу, куда все делось? Было, да сплыло? Советское руководство не нашло в арсенале аргументов. В итоге вскоре не стало СССР. Знаете, недавно в Москве случилось отключение света?

— Уже даже термин подобрали — блэкаут.

— Полтора века назад человечество обходилось без электричества, и это не мешало ему создавать великие цивилизации. А сегодня, оказывается, день без света едва не привел к краху всего устройства жизни.

— Однопартийца защищаете.

— Речь не о Чубайсе. Я говорю, что к хорошему быстро привыкаешь. Нефтедоллары не будут течь в страну вечно, но люди, которым дашь их один раз, станут требовать всегда.

— Поэтому правительство сидит на мешке с деньгами, как собака на сене.

— У него нет других вариантов проведения ответственной политики. Иначе развалим Россию, как когда-то СССР.

— А инвестировать в родную экономику по примеру Запада не пробовали? От дураков таким образом, наверное, не избавимся, но, может, хоть дороги построим.

— Это не зависит от правительства, оно не в состоянии приказать экономике принять дополнительную сумму денег. Общество определяет, сколько экономика способна их переварить. Есть симптомы, надежно показывающие, не перейден ли роковой рубеж. Так, на протяжении четырех лет у нас снижалась инфляция — в среднем на 2% в год. Тенденция сломалась в 2004-м. Сейчас инфляционное ускорение стало фактом.

— Выход?

— Делать то же, что и пару лет назад. У России большой внешний долг, унаследованный от СССР. Надо погашать, пока ситуация позволяет. Снижение суммы задолженности и процентных платежей по обслуживанию позволит создать реальные, не зависящие от нефти источники доходов. Их и можно будет инвестировать — в здравоохранение, образование, культуру, куда душе угодно.

— Если у Белого дома денег как грязи, объясните, Егор Тимурович, зачем понадобилась именно сейчас бодяга с монетизацией?

— Во-первых, у правительства нет лишних средств, которые оно могло бы стабильно и спокойно вкладывать внутри страны. Есть Стабилизационный фонд, но эту кубышку нельзя открывать без ущерба для национальной экономики, и я рассказал о причинах. Что касается монетизации, то стратегически шаг верен, но по форме все проведено ужасно. Нельзя ошибаться в оценке стоимости реформы в несколько раз!

— Зурабову удалось невозможное: с начала 90-х народ последовательно ненавидел Гайдара и Чубайса, а теперь и Михаил Юрьевич вошел в тройку лидеров индивидуального зачета.

— Не хочу обсуждать персоналии, вопрос в другом. В мировой экономической истории пока не нашел схожего примера реформы, которая привела бы к увеличению бюджетных обязательств на 15 млрд долл. в год и при этом выгнала бы протестующих людей на улицы.

— *Мастера?*

— Спору нет.

— Но ведь и Вы, Егор Тимурович, в книге «Долгое время» цитируете Макиавелли: «Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опасней, а успех сомнительней, нежели замена старых порядков новыми».

— Все правильно, монетизация нужна, но ее проведение следовало тщательно подготовить. Начинать реформу в десятидневные новогодние праздники, заставляя ничего не понявших пенсионеров штурмом брать вагоны метро и электричек, значит, провалить благое дело. Из серии «нарочно не придумаешь». Пришлось гасить пожар авральными методами, вбрасывая колоссальные деньги. В итоге значительно ухудшилось положение федерального бюджета на ближайшие годы. Если еще пару лет назад отечественная экономика легко пережила бы падение цен на нефть до 15 долл. за баррель, то теперь цифра ниже 30 долл. грозит нам серьезными проблемами.

— Ничего, «ЮКОС» раскулачили, заначку на черный день пополнили.

— Да, более сильного хода, направленного на то, чтобы остановить экономический рост в России, давно не случалось. Конфликт между «ЮКОСом» и властями перешел в горячую стадию в первой половине 2003 г., и, конечно, в основе лежала политика.

— У Вас хорошие отношения с Ходорковским?

— Нормальные, хотя не могу говорить о дружбе. Считаю его умным и компетентным человеком. Мне ли не знать, что Михаил Борисович получил компанию в руинах — с полугодовыми долгами по зарплате и падающей на 10% в год нефтедобычей. За короткий срок с помощью эффективных менеджеров он сумел поднять «ЮКОС», вместе с другими бизнесменами в немалой степени способствовал экономическому росту, продолжающемуся в России семь лет. Впрочем, все это не освободило Ходорковского от обвинений в разворовывании народной собственности. Не любят у нас успешных, что поделаешь? Хотя справедливости ради замечу, что

наши богачи в большинстве своем так пока и не научились вести себя в обществе, не раздражая его. Они получали образование в СССР и привыкли по-советски судить о поведении миллионеров, владельцев заводов, газет, пароходов. Им захотелось стать такими же. Правда, в отличие от иных коллег-олигархов, демонстративно скучающих иностранные футбольные клубы, Ходорковский готов был делиться, искренне и всерьез занимался благотворительностью. Увы, он допустил ряд крупных ошибок. Пару лет назад окончательно уверовал, будто деньги могут все, почувствовал себя великим и попробовал вершить судьбами мира. По-видимому, забыл, что живет в России...

— То есть вбухивать миллионы в чуждое нам «Челси» позволительно, а лезть в родную политику — ни-ни?

— Ходорковский полагал, что крупный бизнес при помощи политических инструментов может отстаивать свои интересы в цивилизованных формах, хотя и весьма жестко, тем более что интересы эти зачастую совпадали с декларируемыми государством. Михаил Борисович в числе первых понял: от инвестиционной привлекательности России зависит капитализация его компаний. Надо признать, нефтяное лобби, в частности «ЮКОС», сыграло крайне позитивную роль во многих реформах последних лет. При этом себя они тоже, разумеется, не забывали. Но главная проблема в ином. К началу 2003 г. лобби оказалось слишком сильным. Правительство, администрация президента не могли реализовать законодательную инициативу, предварительно не договорившись с нефтяниками. В Америке на такую ситуацию отреагировали бы спокойно, там привыкли. В России же легко изменили отношения между бизнесом и властью.

— Снеся башку главарю?

— Да, Ходорковский ошибся в расчетах, переоценил силы.

— *По-Вашему, это оправдывает жесткость ответного удара?*

— Нет. Существует масса способов приведения бизнеса в чувство. Решетки и наручники вовсе не обязательны. После ареста Ходорковского я разговаривал с руководителями «ЮКОСа» и они в недоумении пожимали плечами. Никто из них не чувствовал себя революционером, готовым идти на баррикады. Смыл речей сводился к одному: «Почему не намекнули, не подали знак? Мы поняли бы». В итоге имеем обстановку непредсказуемости, размытости правил

игры, а это едва ли не самая страшная угроза устойчивости экономического роста.

— *Народ потянулся с вещами на выход?*

— Реакция в деловых кругах разная, хотя радости по поводу случившегося не видел. Думаю, бизнес еще полгода назад понял, какой именно приговор ждет Ходорковского. Сократился поток инвестиций, упали темпы нефтедобычи, выросла инфляция — те самые «лишние» деньги повисли в воздухе. Катастрофа пока не произошла, но тенденции неприятные.

— *Продолжение банкета последует, Егор Тимурович?*

— Уголовные дела с другими фигурантами и названиями фирм? Власть пытается переломить ситуацию, показывая, что «ЮКОС» — уникальный случай, исключение, ЧП. Бизнес pragmatичен и циничен, он готов забыть плохое, дальше работать с не самым демократическим режимом, весьма своеобразно устроенной судебной системой и коррумпированной бюрократией, если получит твердые гарантии. Нужны четкие правила, которые не будут меняться через день.

— *А Ходорковский Кремлю уже не опасен, он не превратится в политическую фигуру?*

— Не думаю. Ненависть у российских граждан к богатым по-прежнему сильна.

— *У Касьянова в этом смысле большие шансы?*

— Жизнь покажет. У Михаила Михайловича хорошие предпосылки, чтобы стать публичным политиком. В чем-то он напоминает Ющенко, который тоже работал премьером в удачные для своей страны годы.

— *Правые поддержат кандидатуру Касьянова на выборах?*

— Это вопрос к руководству СПС, в которое я не вхожу.

— *Но с Чубайсом Вы наверняка все уже обсудили?*

— Мы не поднимали данную тему. Но даже если бы такое случилось, вряд ли сказал бы Вам.

— *Слышали теорию, будто Кудрин, Греф и Зурабов — засланные Касьяновым казачки? Мол, раскачают лодку, а тут и Михал Михалыч пожалует. При нем-то стабильность была.*

— Хорошо знаю работу правительства и ни на секунду не сомневаюсь, что его финансово-экономический блок предпринимает все,

чтобы не допустить ошибок. Да и потенциальный избиратель Касьянова — люди, живущие хорошо. Зачем же делать, чтобы им стало хуже?

— *И все-таки, Егор Тимурович, какой цвет, по-вашему, будет популяррен в России в 2008 г.?*

— Не верю в теории заговоров. Может потому, что видел ошалевших представителей американской администрации, когда разваливался СССР. Якобы причастные к краху Советского Союза люди откровенно паниковали, не представляя, что им с этим счастьем делать! Так и с «цветными» революциями в СНГ. Что касается России, в долгосрочной перспективе недемократический режим здесь обречен. Но это не вопрос ближайших лет, хотя подобные системы всегда рушатся неожиданно в силу негибкости. Думаю, мягкий авторитаризм способен протянуть какое-то время. Внешние атрибуты демократии ведь налицо: выборы, оппозиция в парламенте, относительно свободная пресса, возможность выезда за границу... Правда, от народа почти ничего не зависит.

— *Диета здесь не поможет?*

— Прописал бы России интенсивную терапию от постимперского синдрома вместе с набором препаратов, позволяющих справиться с голландской болезнью, т. е. без негативных последствий переварить все те же «лишние» деньги.

— *Чтобы нефтью не захлебнуться, надо меньшие пить?*

— Именно так. Мы об этом сегодня уже говорили.

— *А что Вы называете постимперским синдромом?*

— СССР оказался не первой, а последней империей, распавшейся во второй половине прошлого века. Этот процесс всегда болезнен, особенно в территориально интегрированных империях. Однако пора реально оценить место России в современном мире, избавиться от комплексов и вести себя соответствующе. Вот, собственно, и все.

Российские правые пребывают в глубоком кризисе. Формально в руководстве нет больше ни Гайдара, ни Чубайса, ни Немцова. Егор Гайдар считает, что правое дело продолжат новые в публичной политике лица, например Михаил Касьянов.

Рим подписал себе смертный приговор, как только стал империей

Империи губят не варвары

Гипотез о том, почему рухнула Римская империя, десятки. Кто-то винит в упадке Рима свинцовые трубы, по которым разводилась в Риме вода, постепенно отравлявшая римлян ядовитыми соединениями тяжелого металла; кто-то полагает главной виновницей крупную эпидемию малярии, прокатившуюся по империи в V в. нашей эры; кто-то считает, что римлян сгубила роскошь. Последняя гипотеза почему-то самая популярная. Мол, захватив весь мир, римляне зажрались, обленились, погрязли в разврате, потеряли волю и были раздавлены варварами... В общем, избыток богатства погубил первый проект «объединенной Европы».

А есть такие, кто проводит между Древним Римом и нашей цивилизацией удивительные параллели, видя в некоторых чертах современного мира приметы скорого упадка. Скажем, как и наша, римская цивилизация была очень урбанизированной, и перед самым закатом римские гражданки почти совсем перестали размножаться. Число детей в семьях упало до уровня, не дотягивавшего до простого воспроизводства. Римлянки предпочитали вместо детей заводить комнатных собачек... А еще Рим стремительно варваризировался. На кладбищах поздней империи римских имен меньше, чем варварских. Говоря современным языком, тогдашняя «объединенная Европа» стремительно чернела. Толпы гастарбайтеров из стран третьего мира заполонили метрополию... А еще был в предкризисном Риме расцвет противоестественных сексуальных отношений, к которым поздние римляне стали относиться очень терпимо... А еще тяжкое бремя социальных выплат: бесплатная раздача хлеба, вина и денежные пособия безработному уже в нескольких поколениях плебсус...

Но насколько правомерно проводить подобные аналогии? И почему все-таки рухнула великая цивилизация древности? Роскошь? Свинец? Сексуальная распущенность? Или, может быть, лучше поискать естественно-экономические причины?...

Интервью брал Александр НИКОНОВ.
Опубликовано в: Новая газета. 2005.11 июля.

— Егор Тимурович, наша европейская цивилизация — прямое продолжение античной. Почти все европейские языки имеют в своем основании латынь. Современная юриспруденция основывается на римском гражданском праве. Я уж не говорю про всякое там искусство... И тем не менее, столь многообещающая цивилизация рухнула и на тысячу лет в Европе воцарились темные века.

— Действительно, успешность европейской цивилизации во многом связана с институциональным наследием античности. Нужно только четко понимать, что античная цивилизация была цивилизацией аномальной, нетипичной для древнего мира.

Весь тогдашний мир — это мир аграрный. А важнейшая черта аграрной империи — специализация. Одни люди занимаются в ней мирным крестьянским трудом. Другие их «крышуют». Эти вторые — знать, правящий класс. Крестьянину выгодно без боя отдать часть урожая своей «крыше» и делегировать ей все военные разборки с другими возможными захребетниками... А «крыше» тоже выгодно защищать крестьян: она получает постоянный источник дохода. Так устроены все аграрные империи. Кроме античной.

Античная цивилизация уникальна тем, что функции крестьянина и воина в ней не были разделены. Одни и те же люди и крестьянствовали, и воевали. Эта странность обусловлена географическими условиями Средиземноморья — изрезанность побережья; обилие островов, бухт, окруженных горами; практически полное отсутствие приливов, облегчающее судоходство... Здесь легко обороняться, легко скрыться в горах, если оборона невозможна, легко наладить морскую торговлю. Большие аграрные империи моря не любят и в прибрежные зоны особо не суются: это место обитания «морских кочевников» — таких же грабителей, как кочевники степные.

Вот из этих морских торговцев, которые «подрабатывают» пиратством, сельским хозяйством, рыболовством и которых сложно завоевать, и возникла античность. Чтобы организовать оборону, свободным воинам-крестьянам нужна скоординированность действий. Скоординированности можно достичь, просто собравшись в одном месте и договорившись о чем-то. Это место — площадь. Площадь внутри защищенного поселения, где можно легко организовать оборону, например, обнеся поселение стенами. Это и есть город. Получается, что античная цивилизация — это: а) городская, б) демократическая цивилизация.

Подобный образ жизни диктовал определенные отношения и обычай. Нет специализации на насилии, значит, нет никакой властной верхушки, которая отнимает часть произведенной тобой продукции. Ты свободен. Ты сам себе хозяин. С такими же свободными, как сам, ты договариваешься о том, какую часть средств вы готовы выделить на общественные нужды, если это необходимо. Избрание на общественную должность — неоплачиваемая почетная обязанность. Поэтому прямых налогов нет. Любой налог, о котором с тобой заранее не договорились, воспринимается как насильственное изъятие и покушение на твою личную свободу. Это мой урожай, который я, свободный человек, получил на своей (принадлежащей мне на правах собственности) земле! Так почему я должен кому-то что-то отдавать? Я разве раб? Разве нас уже завоевали и обложили данью? Я не давал согласия на отъем части своего имущества! В конце концов, у меня есть меч, и тот, кто захочет отнять мое... И соседи мне помогут. Так же, как я помогу им, если кто-то придет отнимать у них.

Логика свободного крестьянина-воина ясна: с чего бы это человек должен платить налог на *собственное имущество*? Оно же и так уже его! За что платить-то?.. Согласитесь, психологически это совсем другое общество! Если в аграрной империи крестьянский труд считается занятием низшего сословия, то в обществе античном труд свободного крестьянина почетен. Не менее почетен, чем защита своей родины с мечом в руке.

— Аграрная империя держится на насилии и принуждении. А античная демократия на чем? Ведь договороспособность людей ограничена. И чем больше народу собирается на площади, тем меньше шансов у них договориться. Нужно что-то еще, с чем бы никто не спорил.

— Закон... Демократия, закон, общественная договоренность о допустимых налогах — вот те черты, которые передались по наследству европейской цивилизации. Передались, претерпев по ходу истории ряд драматических трансформаций: история никогда не идет по прямой... В этих институтах была сила Рима и его слабость: завоевать империю с помощью универсальных крестьян-воинов можно. Удержать — нет. Крестьянин может воевать короткое время — в промежутке между сбором урожая и посевом следующего. А чем больше становился Рим, тем дольше затягивались войны. Они длились уже по несколько лет, и стало ясно, что нуж-

на профессиональная армия. Войны стали мешать сельскому хозяйству.

А как только появляется профессиональная армия, исчезает нужда в демократии. Зачем теперь вообще о чем-то договариваться с крестьянами? Во главе государства становится человек, угодный армии. Император. Профессиональные военные хорошо знают, что такое дисциплина и единоличное, хуже понимают, что такое демократия.

— Ну, хорошо. Сменилась структура управления страной. Раньше был сенат, теперь стал император. Но почему распалась империя?

— Древний Рим стал похож на обычную аграрную империю и распался по той же причине, по которой периодически распадаются аграрные империи — из-за налогового переобложения крестьян. Не от излишнего богатства Рим рухнул. Он финансово надорвался. Исторический опыт давно показал, что доля, которую можно безболезненно изъять у крестьянина, не разрушая основы сельского хозяйства страны, составляет при том уровне технологий примерно 10%. Та самая десятина, которая упоминается и в Библии, и в Коране.

Но содержание профессиональной армии стоит дорого. Больше половины бюджета древних аграрных империй уходило на военные нужды. Рим начала новой эры обходился 150-тысячной армией. А в V в. в римской армии было уже 500 000 человек! Полмиллиона ничего не производящих людей плюс их жены, дети... Плюс закупка вооружения для армии, плюс длинные коммуникации — те самые знаменитые римские дороги, по которым перебрасывались легионы и тяжелая военная техника. Римские дороги были действительно хороши, многие использовались вплоть до XX в. Но они и стоили...

— Почему же за три-четыре века так выросла нужда в армии?

— Росла империя — росли границы — росла армия. Это, во-первых. Во-вторых, опыт всех империй показывает, что военные инновации высокой цивилизации быстро проникают к варварам, т. е. разница в уровне военной организации между империей и ее дикими соседями постоянно падает. В-третьих, выйдя на свои естественные границы, Римская империя исчерпала потенциал рентабельных войн: все богатые соседи были уже завоеваны, за пределами ойкумены остались только дешевые варвары. Их завоевывать не-

рентабельно: взять нечего. Напротив, приходится даже приплачивать варварам, чтобы они вели себя спокойно и не тревожили границ империи.

— Скажите мне, история — штука закономерная или в ней главную роль играют случайности? Это я вот к чему... Некоторые исследователи полагают, что весь облик нашего мира кардинально изменился бы, если бы давным-давно в борьбе двух типов цивилизации — римской и карфагенской — победил Карфаген.

— На мой взгляд, закономерности исторического развития существуют. Это вовсе не те «железные законы истории», о которых говорил Маркс, но они есть. И, думаю, с победой Карфагена для нашего мира ничего бы принципиально не изменилось. Карфаген был наследником финикийской традиции, которая была близка античности. Так что это была конкурентная борьба «Мерседеса» и «БМВ», а не «Мерседеса» и восточной арбы. Именно влиянию античности мы обязаны тем, что европейская цивилизация вырвалась вперед на пути прогресса и теперь весь остальной мир старается перенять ее социальные институты для успешного развития экономики. Зерна античности упали в европейскую почву и через несколько сотен лет проросли в то, что мы называем капитализмом, либерализмом...

— А как Вы относитесь к частым ныне параллелям между древним Римом и современной земной цивилизацией? Многие полагают, основываясь на этих параллелях, что наследник античности Запад умирает.

— Все подобные параллели бесконечно поверхностны. Наш сегодняшний мир стократ сложнее мира древнего. Он давно уже не аграрный. И даже не промышленный, а постиндустриальный. Появились тысячи новых профессий, новых связей. Социум стал многомернее. Аграрный мир — это мир статичный, это мир традиции. А постиндустриальная цивилизация давно не такова. В ней все меняется очень быстро, а главное, труднопрогнозируемо. Если и есть какие-то схожести между реалиями современного мира и мира Римской империи времен заката, они не больше свидетельствуют о сходстве внутреннего содержания, чем внешнее сходство между самолетом и планером.

— Значит, мы не погибаем?

— Нет, мы эволюционируем

Демократы задумались об обновлении

Главный либерал страны уверен, что у демократии хорошие перспективы

Союз двух либеральных партий — «Союза правых сил» и «Яблока», свершившийся на этих выборах в Мосгордуму, принес определенные результаты. Объединенные демократы преодолели 10%-ный барьер и стали наконец парламентской партией в столице. Основатель, «отец» российской демократии Егор Гайдар комментирует в интервью «Газете» итоги выборов и рассказывает о дальнейших перспективах либералов.

— Егор Тимурович, вас удовлетворили 10% голосов, взятые блоком «Яблоко — объединенные демократы»?

— Сегодняшние результаты — удовлетворительные. Я рад тому, что преодолен десятипроцентный барьер. Демократы в Москве, как и во многих других регионах, смогли объединиться. Но, конечно, в Москве объединенные демократы должны и могут получать более сильные результаты.

— Какие в связи с этим возникают перспективы у союза «Яблока» и СПС?

— Мне кажется, что перспективы хорошие. Дело в том, что ключевые проблемы, которые сегодня стоят перед страной, — а это проблемы функционирования демократических институтов, проблемы гражданских прав и свобод — никогда не разъединяли. По этим вопросам у нас всегда была общая позиция. У молодежи наших партий в связи с этим разногласий нет. Обсуждать сегодня вопрос о том, что, кто и когда сделал правильно или неправильно в области экономической политики, можно ли было реализовать программу «Пятьсот дней» или нельзя, правильно ли мы прово-

Интервью брала Лилия МУХАМЕДЬЯРОВА.
Опубликовано в: Газета. 2005. 6 декабря.

дили либерализацию цен, интересно. Это тема, по поводу которой можно проводить семинары, конференции, читать лекции. Но к сегодняшнему дню она имеет весьма ограниченное отношение. По тем вопросам, которые имеют прямое отношение к сегодняшнему дню, позиции-то общие.

— У Вас нет ощущения, что старые лидеры либералов, даже собственно названия партий вызывают у избирателей некоторую оскомину?

— Я бы не назвал это оскоминой, но то, что, конечно, нужна смена лиц и названий, на мой взгляд, абсолютно очевидно. Польский опыт это показал со всей убедительностью. Партия «Союз свободы» трансформировалась в «Гражданскую платформу». На смену прежним лидерам пришли новые, но это очень близкие политики, они работали вместе, они являются реальными единомышленниками.

Я считаю, что и у нас люди, которые начинали демократические и экономические преобразования в конце 80-х — начале 90-х, лучше или хуже, но уже отстояли свою вахту и, конечно, сейчас нужны другие лица.

— Вы видите новых лидеров?

— А их невозможно назначить. Невозможно, чтобы я, Чубайс и Явлинский поговорили и назначили Иванова начальником над российской демократией. Они возникают сами.

— Лидер Никита Белых недавно предположил, что возможен ребрендинг партии.

— Я, к сожалению, на этом языке еще не разговариваю...

— Хорошо. Возможна ли смена названия партии и возникновение на этой базе новой объединенной демократической партии?

— Знаете, никогда не говори «никогда». Наверное, возможно. Важно, чтобы те люди, которые считают, что Россия может и должна быть свободной страной с реально функционирующей демократией, имели политическую силу, которую они смогли бы поддержать. Все остальное — дело техники.

— На остальных выборах — в Чечне, Костроме — либералы взяли также невеликое число голосов по сравнению с «партией власти» и коммунистами. Вы считаете справедливой такую оценку? Таким образом, демократический электорат невелик в России?

— Я не знаю... Но это не значит, что завтра его не будет гораздо больше. В 2001 г. польские либералы потерпели сокрушительное

поражение, в 2005-м получили прекрасные результаты. Здесь нет никакой фатальности, это вопрос политики и работы.

— Три места в Мосгордуме — это результат?

— Факт присутствия в Мосгордуме — это флаг, это то, что делает демократов парламентской партией.

— Сейчас замечен дрейф всей российской политики влево. Нужно ли демократам полеветь?

— Знаете, уровень левизны во многом определяется ценами на нефть. Цены на нефть падают, всем приходится становиться правыми. Скажем, вполне левое по риторике правительство При-макова в условиях низких цен на нефть вынуждено было проводить политику правую. Сейчас, конечно, когда цены на нефть приближаются в реальном исчислении к брежневскому уровню, можно поиграть в левизну. Но только надо понять, что платой за подобного рода игры в экономиках стран, финансы которых зависят от цен на природные ресурсы, являются тяжелые последствия для экономики.

Клубная карта

Владимир Путин запускает свой главный национальный проект, точнее, наднациональный: закрепить за Россией место в «большой восьмерке». Что дает России членство в «большой восьмерке»? И могут ли Москву попросить из клуба великих держав за несоответствие стандартам демократии? Об этом в интервью «Итогам» размышляет директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, известно, как Россия получила клубную карту «восьмерки». Это был своего рода аванс. Мы действительно оправдали его и заслужили право быть председателем «большой восьмерки»?

— Когда президент Советского Союза Михаил Горбачев просил лидеров «семерки» пригласить его принять участие в заседании в Лондоне летом 1991 г., СССР находился в плачевном экономическом состоянии. Страна имела огромный неуправляемый внешний долг, была неплатежеспособной. Сейчас в этом плане проблем нет. Что касается нашего председательства, то, конечно, это не признание заслуг России, а вопрос очередности. Решено это было более трех лет назад на саммите в Канаде. Все члены клуба об этом были хорошо осведомлены, протестов никто из лидеров «семерки» не высказывал. С точки зрения престижа это, безусловно, победа Кремля, что признают даже те, кто не питает большой симпатии к России.

— В Кремле утверждают, что «восьмерка» так же сильно нуждается в России, как и Россия в «восьмерке». Не кажется ли Вам, что это брак не по любви, а по расчету: просто у нас есть нефть и газ.

— Нефть важна, но не это главное. Другие члены «восьмерки» заинтересованы в том, чтобы иметь с нами хорошие экономические и стратегические отношения. Они считают, что участие в клубе не позволяет России нарушать важные правила поведения, ко-

Интервью брал Александр ЧУДОДЕЕВ.
Опубликовано в: Итоги. 2006. № 1. 10 января.

торые сложились в мире. Если ты желаешь быть членом клуба, то должен играть по его правилам. Раз мы входим в клуб стран с развитой демократией — где, к примеру, нельзя закрывать газеты или устраивать «зачистку» телеканалов, где нельзя сказать парламенту, что «караул устал», — то должны следовать в русле. Это важно и для представителей исполнительной власти стран — наших партнеров по «восьмерке». Они порой бывают pragmatичнее, чем общественное мнение их стран, но не могут его игнорировать.

— В свое время кто-то из лидеров «восьмерки» назвал заседания клуба саммитами единомышленников. Вы с этим определением согласны?

— Они так задуманы. Естественно, даже у единомышленников есть разные точки зрения на те или иные проблемы. На переговорах США и Канады по вопросу о поставках древесины позиции сторон расходятся. Мнение руководства Франции и США по важнейшим экономическим проблемам, например аграрной политике, также различно. Но в широком смысле саммиты «восьмерки» — это собрания единомышленников, разделяющих общие ценности. Прежде всего речь идет о приверженности демократии к рыночной экономике. Здесь у них расхождений нет. Тому, кто этим ценностям не желает следовать, могут указать на дверь.

— Многие политики на Западе настоятельно советуют, чтобы на дверь указали России.

— Такой вопрос ставился в прессе и парламентах некоторых стран «восьмерки». Мне кажется, что это неконструктивно. Однако и тем лидерам Запада, которым обсуждение данного вопроса не по душе, приходится считаться с общественным мнением, с тем, что немалое количество граждан полагает: если в России все не слишком хорошо со свободами, то она не должна быть членом клуба развитых демократических стран. Я надеюсь, что решения об исключении нас из «восьмерки» никто не примет, членство в клубе полезно России и остальным его участникам. Но в этом отношении не так важно, что думает Гайдар и даже президент Буш. Важнее, что об этом думает общество стран, являющихся нашими партнерами.

— Представитель президента России в «восьмерке» Игорь Шувалов признал, что «дело ЮКОСа» нанесло ущерб репутации России в глазах коллег по клубу.

— Согласен с Игорем Ивановичем. Считаю, что мы недостаточно делаем для восстановления нашей инвестиционной привлекательности. Это хорошо видно по динамике экономического роста. Но практика показала, что восстановительный рост достаточно устойчив. Надо сильно постараться, чтобы его остановить. К счастью, пока предпринятых в связи с «делом ЮКОСа» усилий для этого оказалось недостаточно. Особенно сильно произшедшее сказалось на развитии нефтяной отрасли. Тем не менее рост экономики продолжается. А это важно для инвестиционного климата. Когда вы видите большую экономику, которая растет на 6–7% в год, то она становится инвестиционно привлекательной.

— *Не кажется ли Вам странным, что до сих пор встречи министров финансов ведущих стран проходили в формате 7+1? Россию не допускали к обсуждению некоторых тем, как, например, валютная политика стран Запада.*

— Такое положение — дань традиции. Это следствие незавершенности процесса превращения «семерки», которая существовала долго, в «восьмерку», возникшую недавно. Думаю, что такое несоответствие будет преодолено. Чем дальше, тем яснее становится, что Россия — это партнер, с которым надо разговаривать, в том числе и по ключевым темам, связанным с мировой экономикой.

— *То есть Вы считаете, что это недоразумение?*

— Это отголосок прошлого, который восходит к тем временам, когда экономически СССР, а затем Россия были слабы. В начале 90-х годов обсуждать с нами ключевые моменты мировой экономической политики было бы по меньшей мере странно. Сейчас, когда мы находимся в принципиально ином положении, не нуждаемся в политически мотивированных кредитах, Россия становится таким же естественным партнером для стран мировой экономической элиты, как, скажем, Канада.

— *Прогнозируется, что накануне саммита в Санкт-Петербурге России преподнесут подарок — членство в ВТО. Каких сюрпризов от подобного дара следует ожидать российской экономике?*

— По поводу сроков вступления в ВТО — это вопрос переговоров. Позиция российского правительства, на мой взгляд, правильная. Она состоит в том, что мы не ставим четких временных рубежей для присоединения к ВТО. Страна, которая их ставит, усложняет для себя ведение переговоров. У нас есть шансы стать чле-

ном ВТО перед саммитом «восьмерки» в северной столице. Но еще раз подчеркну: речь идет именно о шансах. Принципиальный вопрос не когда, а на каких условиях мы войдем в ВТО? Это ведь не сообщество экономических либералов, а клуб мировых лоббистов. Тем не менее важно быть в нем. Если хочешь защищать собственные экономические интересы, то лучше в организацию войти, это усиливает позиции страны в торговых спорах. Опыт показывает, что вступление в ВТО увеличивает инвестиционную привлекательность страны, ускоряет темп экономического развития. Точные расчеты здесь невозможны, но обычно это ускорение роста составляет 1–2% ВВП в год.

— *«Восьмерка» действительно играет ключевую роль в мировой и экономической политике или же ее роль преувеличена?*

— «Восьмерка» — клуб, где не принимают окончательных решений. Однако на сегодняшний день это самый влиятельный в мире клуб. Так, чтобы в нем обсудили проблему, ударили по рукам и выделили кому-то на что-то 100 млрд долл., не бывает. Это, скорее, способ понять друг друга, обсудить набор ключевых проблем, выработать общее мнение о том, как их решать. Поэтому членство в клубе полезно для любой страны, которую в него примут. То, что мы в нем участвуем, предельно важно для российской экономики, определения места нашей страны в мире.

Гайдар переходного периода

Двадцать лет назад, в канун перестройки, по поручению комиссии Политбюро ЦК К по совершенствованию управления была создана программа реформирования экономической системы. Среди ее авторов был кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Всесоюзного института системных исследований Государственного комитета по науке и технике и Академии наук Егор Тимурович Гайдар. Руководители ведущих экономических исследовательских институтов страны поддержали. Однако комиссия ее отклонила. Руководителю научной секции комиссии Политбюро, директору института, в котором тогда работал Егор Гайдар, зятю А.Н. Косыгина академику Д.М. Гвишiani, сказали, что формирование системы рыночного социализма далеко выходит за рамки политически реальной повестки дня советского руководства. К началу 90-х годов ни о каких рамках политических возможностей говорить не приходилось. Социалистическая экономическая и политическая системы развалились.

Сегодня доктор экономических наук Егор Тимурович Гайдар возглавляет одну из самых авторитетных в стране и мире научно-исследовательских организаций – Институт экономики переходного периода (ИЭПП), где анализируется и прогнозируется будущее России. Экс-сопредседатель партии «Союз правых сил» называет себя историческим оптимистом, хотя с холодной статистикой и колючими графиками иногда спорить трудно. Последнее предсказание Гайдара, озвученное на днях на его пресс-конференции, посвященной очередному отчету «Итоги экономического развития России в 2005 г. и возможные риски в 2006 г.», – это банковский кризис, который может разразиться в течение ближайших трех-четырех лет.

– Егор Тимурович, представлен официальный отчет института. Что дальше? Вас услышат в правительстве?

– Аналитики, которые серьезно занимаются экономикой, наши отчеты читают. То, что мы говорим, обычно оказывается услышанным. Мы не можем приказать Правительству делать то, что считаем нужным. Оно либо принимает наши советы, либо нет. Опыт по-

Интервью брала Наталья КИЛЕССО.

Опубликовано в: Правое дело. 2006. 20 января.

казывает, что спрос на наши исследования возрастает, когда цена на нефть падает. Точно предсказывать, каким будет этот показатель, пока никто не научился.

– *И именно нефть остается нашим самым большим врагом?*

– Совершенно точно. И серьезным фактором риска для российской экономики. Причем в этом мы не уникальны. Сейчас цены на нефть аномально высокие. Они существенно выше средних показателей за последние 150 лет. Есть немало стран, даже самых развитых, которым приходится решать сложные проблемы, связанные с ценой на нефть. Пример – такая благополучная страна, как Норвегия. Если Вы думаете, что там решение нефтяных вопросов дается обществу легко, то это далеко не так.

– *Министров Алексея Кудрина и Германа Грефа Вы по-прежнему считаете продолжателями реформ, начатых в начале 90-х?*

– Они понимают суть проблем, стоящих перед страной, ведут тяжелую борьбу, чтобы мы не совершили опасных ошибок, и, на мой взгляд, делают все, что в сегодняшней ситуации возможно. Если у нас экономическая политика на фоне аномально высоких цен на нефть приличная, это в значительной степени заслуга Кудрина и Грефа.

– *А недовольные генеральной линией просто уходят, как Андрей Илларионов?*

– Согласитесь, что позиция советника президента, который публично выступает против позиции президента, достойная, но несколько странная. Так не могло продолжаться долго. Еще год назад было ясно, что Андрей Николаевич уйдет. Было только три вопроса: когда? по какому поводу? сам или его уволят?

– *Ваш приход в какие-либо госструктурь уже невозможен?*

– Маловероятен.

– *При любой погоде?*

– Я с трудом представляю себе такую «погоду». Когда высококвалифицированные экономисты, выращенные в нашем институте, уходят на госслужбу, и нередко на высокие должности, я предупреждаю их о том, с какими трудностями им придется столкнуться. На содержательную работу, к сожалению, остается мало времени. Значительная часть времени – так уж устроен государственный аппарат – будет тратиться на вещи заведомо пустые. Думать, что там можно генерировать идеи и их воплощать, наивно. И мои про-

гнозы, как правило, подтверждаются. Но в любом случае государственная служба для профессионального экономиста — аналог клинической практики в медицине. Хорошим хирургом не станешь, пока не отстоишь много часов за операционным столом.

— Вы не собираетесь переименовывать институт? Или переходный период еще не закончился? Россия — страна постоянных трансформаций?

— В истории России были длинные периоды, скажем так, неэффективной застойности. Разве можно назвать периодом трансформаций брежневское время? Что касается переименования института, то эту тему мы подробно обсуждали. Если под переходным периодом понимать время, пролегающее между крахом социализма и исчерпанием ресурсов восстановительного роста, то, да, этот этап закончен с ускорением темпов роста капитальных вложений на рубеже 2002–2003 гг., что, разумеется, не означает, что все проблемы, связанные с социалистическим наследием, решены. Остается еще много родимых пятен социализма, которые влияют и еще долго будут влиять на нашу жизнь. Скажем, несовершенство судебной системы. Далее по списку. Но, с другой стороны, с похожими проблемами сталкиваются и страны, которые не имели социалистического опыта.

— Национальные проекты. Что это, на Ваш профессиональный взгляд? Занятие, придуманное специально для вице-премьера Медведева?

— Я не против того, что написано в этих проектах. Главное, чтобы эти задумки реализовывались по-умному и чтобы ради политических прокламаций не тратились деньги на заведомо ненужные вещи. В институте мы уже давно договорились не обсуждать вопрос, сколько надо выделять денег на сельское хозяйство. Во всем мире это вопрос исключительно политический. Мы даже, как правило, не обсуждаем, на какие цели надо выделять средства. То, чем занимаются наши исследователи, — вопрос об эффективности предлагаемых методов расходования денег для достижения прокламированных целей. Если говорить отдельно о каждом национальном проекте, то дьявол, как всегда, в деталях: что делать, как делать, сколько денег будет израсходовано бесполезно, насколько эти проекты ориентированы на решение ключевых вопросов страны.

— У 122-го закона сначала тоже не было противников.

— Основная идея этого закона разумна. Но ее воплощение — типичный пример того, что бывает, когда не действует система сдержек и противовесов, когда квалифицированные люди, работающие в правительстве, лишены оппонентов в авторитетных СМИ и Парламенте. Представьте себе, что такое 122-й закон? Это поправки в 121 закон. Если его содержательно анализировать, нельзя ограничиться тем, чтобы посмотреть выдержки из всех этих законов. Потому что тогда теряется контекст. С одной стороны, нужно положить 121 закон, с другой — поправки. Потом посмотреть, как все это сочетается вместе. Это полтора месяца интенсивной работы. Можете себе представить министра финансов, который все бросает и целиком погружается в эту проблему? Значит, министр вынужден полагаться на своих сотрудников, на соответствующие департаменты, где каждый возьмет свой кусок работы. Оценить, как все в законе переплется и каким будет политический эффект, они не способны. Как раз в этой ситуации должна действовать система сдержек и противовесов. Закон вносится на обсуждение Парламента, где в том же Комитете по бюджету способны посмотреть закон и выделить, скажем, 50 принципиальных проблем, на которые стоит обратить внимание. И о них обязательно скажут на заседании Бюджетного комитета. К моменту завершения обсуждения сам министр изменит свое представление о внесенном законопроекте. И тогда не возникнет ситуация, при которой принятие закона, который стоит бюджету 2,5% ВВП, приводит к тому, что протестующие тысячами выходят на улицы.

— Есть еще один замечательный закон — закон о некоммерческих организациях. Он вас затронет?

— Действительно, интересный закон. Как он затронет наш Институт, не знаю. Чего-то подобного я ожидал. Он соответствует той линии, которая реализуется в последние годы, когда те или иные инициативы, сужающие поле гражданских и политических свобод, принимаются со ссылками на опыт развитых демократических стран. Что, разве нет государств, в которых действует пропорциональная система или в которых сравнительно высокий избирательный барьер? Есть. Можно вспомнить и страны, в которых не избирают, а назначают губернаторов. Возьмите хотя бы Францию. Но только зачем нам это все вместе?! К сожалению, сейчас это стало системной политикой. На наш взгляд, в ее основе ле-

жит убеждение, что функционирующая демократия России сегодня не нужна. Может быть, завтра мы, наконец, до нее дорастем. Но не сегодня. Звучат ссылки на китайский путь: надо сначала создать экономические основы свободы и потом строить реальную демократию. Только вот у китайцев получается, а мы, встав на этот путь, делаем одну ошибку за другой. И дело не только во внутренней политике. Во внешней тоже. Начиная с 2004 г. мы совершили ряд крупных ошибок в наших взаимоотношениях со странами СНГ.

— *Какой становится экономика при авторитаризме?*

— Это может нравиться или не нравиться, но экономика может развиваться и в отсутствие политических свобод. Но в странах, которые не имеют устоявшихся демократических институтов, высоки риски того, что следующий автократ не будет уважать права собственности, сформировавшиеся при предшественнике и захочет перераспределить собственность в пользу тех, кто ему близок.

— *Раз уж этим сразу занялись «оранжевые»...*

— Это фактор риска, связанный с политической нестабильностью.

— *Сейчас все с трепетом ждут 2007 г. Карта политических и экономических событий уже разложена на вашем столе?*

— Карта есть. Но пока рассказывать, что на ней, не хочу. Это всегда деликатный вопрос консультаций, переговоров, отработки механизмов. В свое время потратил немало сил в попытках объединить демократов. Это процесс, который требует постоянства усилий и значительной доли дипломатии, лишь постепенно переходит в публичную политику. И если я правильно понимаю, это должно произойти не раньше, чем через полгода. Причем с минимумом готовых решений. Появилось новое поколение демократических лидеров. Дай Бог, чтобы им удалось объединиться. Главное, чтобы был спрос на единую демократическую силу.

— *Демократы спорят, кто левее и кто правее.*

— Это нормально. В чем фундаментальное отличие нынешней ситуации от той, которая была, скажем, в 2002 г.? Тогда важнейшей проблемой для СПС было то, что наши pragматичные избиратели искренне не понимали, зачем им нужна наша партия. Есть власть, которая реализует программы СПС, вводит плоский подоходный налог, частную собственность на землю, по существу, с первой до последней страницы переписывает программу партии и реали-

зует ее на практике. Это было фундаментальной проблемой СПС на тот период, когда у нас действительно шли реформы. С середины 2003 г. у наших потенциальных избирателей начали возникать все более серьезные сомнения, не отберут ли собственность и не посадят ли в тюрьму лишь потому, что ты кому-то во власти не понравился? Они хотят сохранить свой домик и не оказаться соседом Ходорковского. Пришло понимание того, что авторитаризм действительно серьезная опасность. Осознание этого, мне кажется, в последнее время растет.

— *Значит, демократы сделали свое дело? Народ стал дорожить собственностью.*

— Верно. Это результат усилий реформаторов.

— *Как Вы сегодня определяете для себя принадлежность к СПС?*

— Я состою в СПС, у меня есть членский билет.

— *Гуру, стоящий над всеми?*

— Я рядовой член партии.

— *Но Егор Гайдар не может быть рядовым членом партии.*

— Почему? Когда Анатолий Борисович Чубайс, занявший высокую административную должность, был вынужден приостановить свое членство в руководящих органах «Демократического выбора России», возникло неформальное обозначение статуса — « рядовой член партии Анатолий Борисович Чубайс». Я считаю неправильным, когда формально организацию возглавляет один человек, а решения принимают другие. Думаю, что это организационно неверно. Если руководству партии нужен мой совет, разумеется, я его дам. Но я не участвую в работе органов партии. Моя основная функция — это аналитическая работа. Мне нравится исследовать экономические процессы и закономерности. Рад, что есть возможность заниматься научными исследованиями. Больше всего люблю читать и писать книги.

— *Вас почти не показывают по телевидению. Намеренно сохраняете отстраненную позицию или это запреты руководства каналов?*

— Это тот случай, когда моя позиция и позиция руководителей каналов по разным мотивам совпали.

— *Элита. Что Вы понимаете под этим словом применительно к сегодняшней России?*

— Тех людей, которые влияют на процесс формирования общественного мнения, на принятие ключевых решений.

— То есть ньюс-мейкеры?

— Те, кто принимает решения и формирует общественное мнение. Это люди, о чьей позиции общество узнает.

— Расскажите, как Вы пишете?

— Диктую либо на диктофон, либо стенографистке, а потом много и долго правлю, делаю фактурные вставки. Даю почитать людям, мнение которых для меня важно. Учитываю их замечания и передаю редактору. Сейчас работаю над новой книгой. Думаю, она выйдет в свет в начале сентября.

— «Долгое время» — многолетний труд?

— С момента, когда у меня зародился замысел, и до выхода книги прошло больше 10 лет. Пришлось перечитать колоссальное количество материалов. Но если брать только период интенсивной работы, то это 2,5 года.

— Конечно, Вам помогают специалисты института?

— И в значительной степени моя жена (Мария Стругацкая. — Н. К.).

— У нее есть своя профессиональная жизнь?

— Она программист, но сейчас у нас в семье четверо детей и двое внуков. Так что работы ей вполне хватает.

— Ваша дочь Маша, насколько мне известно, работает в Институте экономики переходного периода?

— Она поступила в нашу аспирантуру. До этого с красным дипломом окончила Академию народного хозяйства при Правительстве РФ.

— А молодежное движение «Да!» — детская политическая игрушка?

— Это вопрос только к ней. Она самостоятельный человек, талантливый и достаточно яркий. Имеет право строить свою жизнь независимо от того, как я к этому отношусь. Безусловно, я, как любой нормальный отец, не хочу, чтобы моя дочь соприкасалась с опасными вещами. А политика — вещь опасная.

— Чем занимаются сыновья?

— Старший сын Петр тоже закончил академию, занимается проектированием дорожного строительства. Иван — программист, Павел учится в девятом классе.

— Собак, которые у Вас здесь (на даче в Дунино. — Н. К.), дети просили завести?

— Я сам с детства люблю собак. Последнюю (третью) завел и выдрессировал старший сын. Он разделяет мою привязанность к собакам, но понимает в них больше меня.

— До совершенства доводил сам?

— Да. И вполне профессионально.

— Новый год встречаете обычно в этом доме, в кругу семьи?

— Как правило, здесь. Иногда у мамы (Аriadны Павловны Бажовой. — Н. К.), в писательском дачном поселке Красновидово.

— Дунино тоже историческое место для Вашей семьи?

— Первый раз я оказался в этой деревне, когда мне было три года. Моя бабушка снимала здесь две комнаты в доме, который недалеко отсюда.

— И поэтому этот дом Вы построили рядом?

— Честно говоря, мы даже об этом не мечтали. Здесь я познакомился у колодца со своей будущей женой. Нам тогда было по 10 лет. У нас была хорошая большая компания. Это один из самых светлых моментов моего детства. Но долгие годы я здесь не был, считал, что не надо возвращаться в те места, где было так хорошо. В первый раз за много лет приехали с женой побродить здесь во время выборов 1996 г. Надо было как-то провести часы между голосованием и объявлением их итогов. Когда сообщили, что Б. Ельцин победил, буквально через 10 мин. нам позвонила наша старая знакомая и сказала, что продаётся часть известного с детства участка в Дунино. Я сказал Маше, что, по-видимому, это перст судьбы.

— В Арзамасе, в музее своего деда, часто бываете?

— В последний раз я был там на его столетии в 2004 г.

— Как-то курируете?

— Музеев у двух моих дедов — Аркадия Гайдара и Павла Бажова — много. Некоторым из них мы с мамой стараемся помогать, передаем семейные материалы. Музею в Арзамасе подарили наградной пистолет отца. Мама сейчас пишет о Тимуре Аркадьевиче книгу. Поэтому часть семейных реликвий пока остается у нас. Не решились передать и рукопись «Судьбы барабанщика».

— Из Арзамаса в Саров не заезжали?

— Я там был. Я не атеист. Уважаю религиозные чувства других. По убеждениям я агностик.

— Вы как-то сказали, что больше всего любите свою семью и свой письменный стол.

— Да, я человек домашний. И любое путешествие для меня, как правило, элемент тяжелой работы — частые лекции, семинары,

конференции. Поэтому представить себе, чтобы я отправлялся куда-нибудь ради удовольствия, трудно.

— С *вояжами* понятно. А *кино*, например?

— Вечером — с удовольствием. После работы посмотреть «Гамлета» или «Маленькие трагедии» — радость, которую можно себе позволить. Мне понравилась экранизация «Мастера и Маргариты». Потрясающий Воланд в исполнении Олега Басилашвили. Теперь никого другого не представляю себе в этой роли. У меня было другое видение Воланда, ближе к Булгаковскому. В фильме он лучше.

— *Воланд пока в России? Или ему стало скучно и он ушел?*

— «Мастера и Маргариту» невозможно понять вне контекста трагической истории России 1910–1940 гг. и судьбы самого Булгакова. Расшифровывать эту книгу можно бесконечно. Роль наследия исковерканной судьбой истории нашей страны в том, что происходит сегодня, переоценить трудно.

Он предлагает обороняться

На прошлой неделе директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар заявил, что видит угрозу банковского кризиса в течение трех-четырех лет. О рисках этого сектора и экономики в целом Егор Гайдар рассказал «Эксперту»

— *В чем Вы видите угрозу банковского кризиса?*

— Сегодня я не вижу серьезных негативных тенденций. Рост доли малых кредитов, потребительского кредитования — все это здоровые тенденции. Риски того, что будет невозврат кредитов малого бизнеса, близки к нулю. Риски невозврата по потребительским кредитам тоже, как показывает опыт, практически нулевые. А вот крупные кредиты, составляющие сотни миллионов долларов, которые предоставляются государственным компаниям, связанным с газом и нефтью, — это всегда некоторый риск. Понятно, банку это удобнее — дать заем 300 млн долл. крупной компании, чем 10 тыс. кредитов малому бизнесу. Но последнее надежней. Меня волнует концентрация займов именно крупным компаниям, финансовое положение которых пока весьма прилично, но бизнес которых сильно зависит от цен на энергоносители.

— *И как Вы видите развитие ситуации при падении цен на нефть?*

— При падении цен на нефть параллельно пойдет сокращение доступа к финансовым ресурсам на внешних рынках для рефинансирования уже накопленной задолженности, в связи с этим будет увеличение цены обслуживания привлеченных кредитов, как государственных, так и частных компаний, весьма вероятен отток краткосрочного иностранного капитала, в связи с этим — падение фондового рынка, из-за сокращения ликвидности возникнут тяжелые проблемы и у банковской системы... Это не страшилка, это

Имя журналиста, бравшего интервью, установить не удалось. — *Прим. ред.*
Опубликовано в: Эксперт. 2006. № 3. 23 января.

просто набор проблем, тем более они уже были, и не раз, в истории нашей страны. И правительство должно знать, как с этим справляться.

— *И что же делать, чтобы его предотвратить?*

— Есть такое понятие — план боевого применения вооруженных сил. Оно лежит в сейфе в кабинете любого культурного начальника генерального штаба. Это не значит, что кто-то сегодня или даже через 5 лет собирается напасть на его страну. Но такой документ должен быть.

Подобный документ должен быть и для экономических угроз, а его у нашего правительства нет. Я бы не сказал, что об этом совсем не думают, но плана комплексных мер пока никто не разработал.

Исповедь Гайдара: 15 лет спустя

Егор Гайдар разделяет судьбу большинства реформаторов. Одни его люто ненавидят (и таких большинство), другие считают, что именно он и его команда направили страну на путь европейского развития. В начале реформ ему было 35 лет. На днях (19 марта) исполняется 50.

«Исповедника» из «Аргументов и фактов» он встретил в скромном дачном домике (один этаж с мезонином) в 35 км от Москвы. Старая мебель, книжные полки советской поры. Письменный стол с рукописью «Гибель империи». Да и сам реформатор совсем не похож на «великого и ужасного»: клетчатая ковбойка, штаны от тренировочного костюма. Похоже, олигархи с ним не поделились...

— Егор Тимурович, народ на Вас до сих пор обижается: зачем отдали олигархам «народное богатство»?

— А вы вспомните «Аргументы и факты» того периода. Да, мы по-прежнему выпускали комбайны, которые выходили из строя после одного сезона. Продукцию нашего машиностроения за валюту в мире почти никто не покупал. Казна катастрофически пустила. Невыплаты зарплат, очереди за «дефицитом»...

— Самая большая обида людей — пропали деньги. Можно ли было этого избежать?

— Советский Союз обанкротился. А при банкротстве пропадают деньги. К концу 80-х накопления населения реально уже ничего не стоили. Они были вложены в государственные обязательства страны-банкрота. Теоретически человек мог рассуждать: вот у меня «на книжке» есть на мебельный гарнитур, на квартиру, на обеденный сервис, на магнитофон... Но ничего этого в реальности он купить не мог. Какое-то время жили за счет импорта. Но когда рухнули цены на нефть, советская экономика стала разваливаться.

Интервью брал Вячеслав КОСТИКОВ.
Опубликовано в: Аргументы и факты. 2006. № 11. 15 марта.

— А нельзя было помягче, без «шоковой терапии»? Ведь как о Вас говорили: им народа не жалко.

— Нашу команду призывали как кризисных управляющих. Если бы валютные резервы СССР в то время были как сейчас — 195 млрд долл., а рубль был бы твердым и конвертируемым, поверьте, нас, молодых экономистов, никто бы не позвал. Нашлись бы другие, хорошо знающие, как можно с пользой для себя потратить валютные резервы. Тогда же вопрос стоял жестко: кто обеспечит хлеб? В ряде регионов запасов муки было на 2–3 дня. Коммунисты об этом не любят вспоминать, но люди-то помнят и пустые прилавки, и «в одни руки не больше штуки», и драки из-за пачки пельменей. Страна стояла на пороге голодных бунтов.

— Когда начались реформы, была надежда: вот придет рынок и все наладится. Б. Ельцин на пальцах показывал, что осталось потерпеть «чуть-чуть».

— Я Б. Ельцину ничего «быстро-быстро» не обещал. Но и мы про-считались в дистанции, которую предстояло пройти от рухнувшей, недееспособной социалистической экономической системы к другой, рыночной и растущей.

— А нельзя было выйти на улицу, разорвать на груди рубаху и сказать: быстро не получится, идти придется долго?

— Мы объясняли. И депутатам, и населению. Но... это сегодня всем понятно, что такое ипотека, инфляция, банковский депозит, конвертируемость рубля. А людям, прожившим при распределительной системе 70 лет и хорошо знавшим слова «жалованье», «паек» или «суповой набор», наши объяснения казались издевательством. Если бы я вышел на Васильевский спуск и сказал: мужики, Ваши деньги уже давно ничего не стоят — в стране началась бы паника. А допустить этого в кризисной ситуации было нельзя.

— А сейчас рынок есть? Он работает?

— В стране в течение последних восьми лет устойчивый экономический рост. Доходы населения увеличиваются. Люди поверили в рубль и несут деньги в банки. Мы страна со средним уровнем развития и потребления.

— А сколько нужно крутить рыночные педали, чтобы преодолеть отставание и бедность?

— Бедность в Африке, России, Китае или, скажем, в Америке и Швейцарии — это разные понятия. В Китае в последнее десяти-

летие очень высокие темпы роста, но бедность там в 2 раза глубже, чем у нас. Но ведь мы хотим жить не как в Китае, а как во Франции или в Германии. А для этого потребуется два поколения, 40–50 лет. Можно, конечно, надеяться и на рывок. Есть примеры стран с резким ускорением темпов развития: Япония, Южная Корея. Но там другие традиции, высокая ответственность элиты и властей.

— А наша власть и элита из другого теста? Делаю глупости?

— Оценить качество нынешней политики и качество роста мешают высокие цены на нефть. Я бы воздержался от оценок.

— Ну, тогда поругайте олигархов. Не будем употреблять таких народных оценок как «украл», «схапал». Предположим... заработали. Ну, имеешь 10, 100 млн, миллиард... Ну, передохни, поделись со страной.

— Давайте уточним по поводу «схапали». Они получили предприятия нефтяной отрасли, на которых добыча падала на 10% в год, заводы, которые были неплатежеспособны. Рабочие месяцами не получали зарплату. Предприятия не платили налоги. Сбытом продукции и крышеванием «красных директоров» занимались бандитские группировки. Если бы такое «народное добро» предложить английским бизнесменам из «Бритиш петролеум», они бы отказались взять его и за 1 долл. Первые бизнесмены сильно рисковали: семью похитят, «поставят на счетчик» или убют. В собственники пошли люди, готовые рисковать головой, разбираясь с «братьями», налаживать дезорганизованное производство.

— Защищаете олигархов?

— Просто хочу, чтобы читатели «АиФ» поняли: наши олигархи — это продукт советских представлений о капитализме. Помните, как «мистера Твистера, миллионера» изображали на карикатурах? Жирный тип с наглой рожей и мешком долларов за спиной. Жадный рот пожирает заводы... 70 лет пропаганда внушала народу, что именно так выглядит капиталист. Вот наши «первенцы» такой образец и сделали предметом подражания.

— Когда говорят о США, Великобритании, Японии, предполагается, что их миллионеры чуть ли не патриоты. А может наш крупный бизнес проникнуться интересами нации? Или им нужен «ликбез» по Ходорковскому?

— Нужно, чтобы и бизнес, и власть поняли, что существуют правила взаимодействия, часто нигде не прописанные. Бизнес не любит, когда глупый чиновник диктует ему условия работы. Но когда

американская, немецкая или японская администрация неформально намекает своим корпорациям, что с такой-то страной не следует иметь дело или такая-то сделка не в интересах страны, бизнес принимает эти советы.

— *А у наших такое понимание есть?*

— К нам в страну активно идут иностранные корпорации. Они приходят не для того, чтобы ссориться с властями, идут делать бизнес, готовы учитывать специфику и интересы России и российских властей. Наш бизнес следует этому примеру, начинает воспринимать национальные интересы.

— *«Дело Ходорковского» ускорило процесс? Это заслуга В. Путина?*

— В России время течет быстро. Осознание национальных интересов крупным бизнесом началось до «дела Ходорковского». Своими действиями, связанными с «ЮКОСом», власть, скорее, дала сигнал не о том, что необходимо следовать национальным интересам, а о том, как опасно ссориться с высокопоставленными чиновниками.

— *Почему при американском капитализме цены на жилье низкие, а у нас заоблачные? Почему не работает ипотека, на которую уповают президент? Виноваты строительные олигархи?*

— Сегодня наш капитализм во власти скорее не олигархов, а чиновников. При их небескорыстном попустительстве рынок жилищного строительства монополизирован: чужих не пускают, нет конкуренции. При выделении участков под застройку сильная коррупция. Муниципалитеты обязывают застройщиков выделять «бесплатные» квартиры по социальной разнарядке. Эта бесплатность — фикция. Человек, с большим трудом накопивший на квартиру, оплачивает не только свое жилище, но и квартиру очередника.

— *Но ведь социальное жилье существует и в богатых странах.*

— Государство должно иметь программы строительства социального жилья для малоимущих. Но деньги на подобные программы должны выделяться за счет бюджета, общих налогов. У нас же фактически введен скрытый налог на покупателей жилья. В мире это необычно. Если не устраниТЬ такие налоги, развитие ипотеки приведет лишь к дальнейшему удорожанию жилья.

— *Тем не менее все говорят о сверхдоходах в строительной сфере.*

— Это и есть результат монополизации рынка застройщиками, которые договорились с муниципальными властями.

— *Что делать?*

— Перейти к аукционному методу продажи участков земли под застройку. Прекратить специфическое налогообложение покупателей жилья.

— *С капитализмом народ мало-мальски свыкся, тем более что в страну хлещут нефтяные доллары. К пустым прилавкам «зрелого социализма» никто не хочет. Что нужно, чтобы люди поверили в демократию и перестали говорить: был бы у нас тов. Сталин, он бы навел порядок?*

— Это вопрос о качестве политического лидерства. Демократия не предполагает, что власть должна делать все, что захочет избиратель. Ответственная власть должна не потакать улице, а определять национальные приоритеты и убеждать общество, что они заслуживают поддержки иногда вопреки «воле народа». Классический пример: во время Второй мировой войны население США было категорически против того, чтобы страна поддержала Великобританию и СССР в противостоянии Гитлеру. Пусть, мол, европейцы дерутся между собой... Но в том и состояло величие Рузвельта как политика, что он принял решение вопреки всем и в долгосрочном плане оказался прав — вывел США в мировые лидеры.

— *А что могут сделать наши власть и бизнес, чтобы примирить народ и демократию?*

— За власть не скажу. Я не во власти. Что касается крупного бизнеса, ему нужно ограничить демонстративное, раздражающее людей потребление, активно заниматься благотворительностью, не той благотворительностью, когда тебя вызывают в высокие кабинеты и предлагают дать то на Олимпиаду, то еще на что-то. Бизнесмен должен заниматься благотворительностью ответственно и самостоятельно не для того, чтобы понравится большому начальнику, а для того, чтобы его понял очень небогатый и имеющий массу проблем народ.

Асы транзитологии

— Когда институт создавался, Ваши недоброжелатели говорили о том, что Вы готовите «запасной аэродром» себе и некоторым членам своей команды. Каков был Ваш замысел на самом деле и насколько он реализовался?

— Решение о создании института было принято в октябре 1990 г. на даче Волынское, 2. М. Горбачев проводил совещание, в котором принимали участие, в частности, академик А. Аганбегян, тогда ректор Академии народного хозяйства, академик С. Шаталин — академик-секретарь отделения экономики Академии наук, профессор Е. Ясин и Ваш покорный слуга. Предложение сформулировал А. Аганбегян. Оно было поддержано присутствующими. Идея состояла в том, что в условиях нарастающего экономического кризиса необходимо консолидировать силы молодых экономистов, не обремененных доктринальной пропаганды и понимающих, как придется выстраивать рыночную экономику в России. Впоследствии институт стал базой формирования российского правительства, которому пришлось разбираться с последствиями банкротства и краха СССР. В связи с этим тезис о «запасном аэродроме» — миф, в основе которого незнание реального развития событий.

— Какие научные разработки минувших лет были наиболее успешными, с Вашей точки зрения? Были ли за эти годы исследования, результаты которых Вас разочаровали?

— Разработки, связанные с налоговой реформой, с развитием фискального федерализма, исследования в области аграрной политики, повышение качества макроэкономического прогнозирования в России, конъюнктурные опросы, создающие задел для созда-

ния опережающих индексов экономической конъюнктуры, работы, связанные с реструктуризацией системы бюджетных расходов, работы по экономике российского здравоохранения, исследования, связанные с экономическими аспектами военной реформы.

— Понятно, что во времена президентства Ельцина разработки были востребованы властью. Востребованы ли они сейчас, во времена президента Путина? Если да, то какие именно?

— Спрос на реформы и разумную экономическую политику в странах, экономика которых зависит от колебаний цен на сырьевые ресурсы, как известно не только по российскому опыту, изменяется в условиях благоприятной и неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка. Сейчас цены на нефть, нефтепродукты и газ высокие. В этих условиях можно было бы ожидать, что спрос на советы, связанные с проведением экономических реформ, будет нулевым. Пока он выше нулевой отметки.

Налоговая реформа и реформа фискального федерализма, в разработке стратегии которых сотрудники института принимали активное участие, — наглядный пример этому. Надо признать, что долгий период аномально высоких цен на нефть спрос на реформы действительно снижает.

— Кто является главными научными «звездами»? В чем заключаются их научные заслуги?

— Вопрос сложный. В институте много ярких, талантливых сотрудников. Не хочу обидеть кого-либо. К тому же речь идет о людях, принадлежащих к разным поколениям. Академик Револьт Михайлович Энтов для всех, кто хоть что-нибудь понимает в предмете, — самый авторитетный экономист в России. С. Синельников — один из ведущих в России специалистов по бюджету и налогам. А. Радыгин — блестящий специалист по вопросам отношений собственности и корпоративного управления, Е. Серова по мировым меркам один из ведущих аграрных экономистов. Могу продолжать список, но он будет длинным.

— Говорят, что не многие научные центры способны создавать продукт, пригодный для практического применения министерствами и ведомствами. Ваш институт не раз доказывал, что его сотрудники на это способны. За счет чего?

— Замечательный экономист, один из создателей чикагской экономической школы, профессор А. Харбергер обращал внима-

Интервью брал Дмитрий ДОКУЧАЕВ.

Опубликовано в: Московские новости. 2006. 24–30 марта.

ние на то, что экономика и медицина имеют немало общего. И там, и там есть собственно фундаментальные исследования, которые должны помогать решению прикладной задачи: лечить болезни. В одном случае — человека, в другом — общества. Он же отмечал, что, к сожалению, в экономике фундаментальные исследования и экономическая политика разошлись дальше, чем в медицине. Это реальная и серьезная проблема экономической науки. Специфика института в том, что в силу исторических обстоятельств у нас исследования и экономическая политика оказались необычно тесно переплетены. Это создает, если пользоваться профессиональной терминологией, очевидные «сравнительные преимущества». Хороший профессор может научить студента, как делать операции. Но до тех пор пока выпускник медицинского института не сделает их много, его вряд ли сочтут хорошим хирургом. В экономике ситуация подобная. Можно прочитать и написать сколь угодно книг, посвященных экономическому развитию, но, пока ты практически неоднократно не сталкивался с проблемами, связанными с экономическими кризисами или экономическими реформами, понять, как это происходит в реальной жизни, непросто. Институт на протяжении последних 15 лет был тесно вовлечен в реальный экономико-политический процесс.

— В научную историю 90-х вошел непримиримый спор между Вашим институтом и академическими институтами, специализирующимися на экономической тематике. С позиций сегодняшнего дня, в чем был предмет того спора и кто в нем вышел победителем? Продолжается ли эта дискуссия сейчас?

— Дискуссия продолжается. Мы либералы, убежденные сторонники того, что наши оппоненты имеют право высказывать свою точку зрения. Другое дело, что чтение работ наших оппонентов с течением времени требует все большего чувства юмора.

— Насколько современная российская научная экономическая мысль котируется в мире? Как в рейтинге мировых научных центров выглядит?

— Определить, что такое российская экономическая мысль, не так просто. Россия подарила миру одного из величайших экономистов XX в. — С. Кузнецова, правда, проработавшего всю жизнь в Америке. В. Леонтьев внес огромный вклад в исследование межотраслевых балансов. Л. Канторович радикально продвинул вперед

экономико-математические исследования. Есть и другие выдающиеся экономисты российского происхождения. Но в целом уничтожение в 1930-х годах блестящей школы российских экономистов и статистиков оказало тяжелое влияние на состояние экономической науки в нашей стране. К 1970-м годам дистанция между уровнями развития советской экономической науки и мировой была огромной. Сейчас она постепенно сокращается.

Если говорить об ИЭПП, мое суждение неизбежно будет субъективным. Тем не менее мои зарубежные коллеги обычно называют его одним из двух-трех самых авторитетных в мире научных центров, занимающихся транзитологией.

— Каковы перспективы? Как Вы намерены развивать его в обозримом будущем? Чего не удалось Вам сделать как руководителю института за минувшие 15 лет?

— Наша важнейшая задача — привлечение талантливой молодежи. ИЭПП среди экономических институтов уникален тем, что средний возраст его сотрудников не растет вместе с возрастом директора. В последние годы он сокращается. Это требует больших усилий. Квалифицированные директора академических институтов могут рассказать, насколько трудно привлекать талантливых и работоспособных молодых сотрудников. Ведь на рынке труда есть и бизнес, готовый предложить несопоставимо большие деньги, и органы власти, также способные предложить соблазнительные возможности. Пока решать эту задачу нам удавалось. Надеюсь, что так будет и впредь.

За минувшие 15 лет удалось создать институт, сохранить его, разработать и провести несколько немаловажных реформ в России, используя интеллектуальный и кадровый потенциал, сосредоточенный в нашей организации.

— Были ли за минувшие годы пиковые, кризисные моменты, когда судьба института висела на волоске? Как удавалось справляться с трудностями?

— Такие минуты в истории института бывали, и неоднократно. Когда организация активно вовлечена в процесс выработки экономической политики, у нее всегда есть и друзья, и враги. Одно из первых решений, которое приняла Академия наук после прихода правительства Е. Примакова, было исключение института из числа академических. Правда, потом само правительство

Е.Примакова, столкнувшись с набором проблем, обратилось к нам с просьбой помочь в решении вопроса о том, как реформировать систему межбюджетных трансфертов. Секрет выживания института прост — мы можем быть неприятны тем, что высказываем свое мнение о качестве проводимой экономической политики, однако нужны.

«Я не обсуждаю вопрос о том, что будет, я обсуждаю вопрос о рисках»

— Каковы экономические перспективы России на 2006 г.? Какие актуальные экономические риски существуют в текущий период? Есть мнение, что накопленный ресурс позволит в ближайшие несколько лет успешно управлять ситуацией и избежать серьезных кризисов. Что дает основания для подобных утверждений?

— Состояние бюджета. Достаточно ответственная и консервативная финансовая политика предшествующих лет. То, что этот период высоких цен на нефть мы прошли без бурной экспансии бюджетных обязательств, по крайней мере до 2006 г. Накопленные валютные резервы, многократно превышающие те, которыми когда-либо располагал Советский Союз. Все это создает задел прочности на ближайшие два-три года. Разумеется, речь идет именно о двух-трех годах. Советский Союз в 1985 г. имел репутацию безупречно го заемщика, мог привлекать кредитные ресурсы в практически неограниченном масштабе. После того как цены на нефть упали в 6 раз, это позволило продержаться три года. С 1988 г. ситуация с внешним долгом стала неуправляемой.

Сегодня страна находится в более комфортном положении. Мы не являемся крупнейшим в мире импортером зерна. В краткосрочной перспективе каждодневная жизнь страны не зависит от колебаний платежного баланса. Экономика намного более гибкая по сравнению с советской. Но все это не избавляет от рисков в длительной перспективе. В странах, экономика которых зависит от колебаний цен на сырьевых рынках, они всегда значимы. Это относится и к таким развитым и богатым странам, как, например, Норвегия.

— Срок два-три года, который Вы даете, как-то связан с истекающим сроком полномочий действующего президента?

Имя журналиста, бравшего интервью, не указано. — Прим.ред.
Опубликовано в: Большой бизнес. 2006. № 3. Март.

— Это задает политэкономический фон. Мы не видим серьезных факторов риска дестабилизации экономической ситуации в России до 2008 г. Это не означает, что их нет вовсе. Мы в первую очередь анализируем факторы риска, связанные с состоянием бюджета, нефтяного рынка и платежного баланса. Есть и другие риски, которые, к счастью, не реализовывались в эту зиму. Они связаны с ограничением мощностей инфраструктуры, скажем, с добычей газа на крупных месторождениях, мощностью электроэнергетики. Это дополнительный самостоятельный фактор, который стоит учитывать, анализируя угрозы, с которыми может столкнуться страна.

— Что касается нефтяной отрасли, то какова нижняя допустимая планка цен на этот энергоноситель?

— Четыре-пять лет назад российский бюджет, платежный баланс легко, без серьезного кризиса прошли бы период падения цен на нефть до уровня существенно более низкого, чем средний многолетний. Средний многолетний уровень цен на нефть (за последние 150 лет) — это примерно 20 долл. (современных) за баррель. Цены колебались вокруг этого уровня, иногда резко отклонялись от него, но в целом за полтора столетия чаще держались к нему близко. В 2000–2003 гг. мы могли довольно легко пройти период, когда цены на нефть были бы на 5 долл. ниже среднего многолетнего уровня, адаптироваться к периоду аномально низких цен, таких, какие бывали, скажем, в 1986 и 1998 гг.

С 1986 г. начинается история краха советской экономики. 1998 год. — период глубокого финансового кризиса. В 1986 г. цены на нефть резко упали (в 6 раз в месячном исчислении), Советский Союз развалился. В 1998 г. они снизились в 2,1 раза. Мы получили финансовый кризис. В 2000–2001 гг. наша страна была способна без серьезного кризиса адаптироваться к подобного рода аномалиям. Сегодня, к сожалению, российская экономика стала вновь более уязвимой. Падение цен даже до уровня существенно более высокого, чем среднеисторический, создает в перспективе трехчетырех-пяти лет серьезные риски. До 2008 г. они не реализуются, этого позволяют избежать накопленные валютные резервы, ресурсы Стабилизационного фонда. Но с 2009–2010 гг. падение цен даже до уровня, существенно превышающего средний многолетний (20–25 долл. за баррель), создает для нашей экономики серьезные риски.

— И каковы, с Вашей точки зрения, варианты предотвращения вероятного экономического кризиса?

— Первое и главное: надо понимать угрозу. Второе. То, что делают правительство и Центробанк в последние годы, свидетельствует, что уроки из краха Советского Союза они извлекли. Советский Союз никогда не создавал значительных валютных резервов, рассматривал их лишь как средство организации текущего торгового оборота. Когда страна столкнулась с проблемами, порожденными непредсказуемой динамикой рынка нефти, оказалось, что инструментов регулирования кризиса нет. В последние годы мы создали крупные валютные резервы. Их доля в ВВП сопоставима с той, которая в последние годы характерна для Китая. У нас гибкий валютный курс. Это важный фактор, позволяющий национальной экономике адаптироваться к неблагоприятным внешним шокам. Однако политическая и экономическая логика не всегда совпадают. С экономической точки зрения, ослабление курса рубля в случае падения цен на нефть — разумная, ответственная политика. Я убежден, что, случись нечто подобное в 2000–2001 г., руководство страны, денежные и финансовые органы именно так бы и поступили. Накануне парламентских и президентских выборов сделать это сложно. Это фактор риска. Одно дело — плавно и спокойно девальвировать национальную валюту, сохраняя валютные резервы, позволяющие контролировать колебания курса рубля, другое — когда вы тратите все валютные резервы на поддержание курса национальной валюты, который в изменившихся условиях внешней торговли стал нереалистичным. Тогда за исчерпанием валютных резервов следует крах экономики. Возможность развития событий по этому сценарию мне кажется наиболее серьезным риском для российской экономики.

— То есть 2008 год может стать своеобразным критическим рубежом для страны, когда вероятна возможность активизации именно такого сценария?

— Еще раз подчеркну, я не обсуждаю вопрос о том, что будет, я обсуждаю риски, то, к чему надо быть готовым, если проводишь ответственную экономическую политику. Прогнозировать цены на нефть на три года вперед никто в мире не умеет. Это своеобразно устроенный рынок, предсказывать динамику цен на котором никто пока не научился. Может быть, когда-то мы сумеем это

делать. Но важно понять, что в настоящее время это невозможно. Тем, кто отвечает за экономическую политику стран, экономика которых в значительной степени зависит от конъюнктуры нефтяного рынка, надо быть готовыми к любым вариантам развития событий на нем.

— *Насколько велика вероятность банковского кризиса? Какие риски есть в этой сфере?*

— Опасность в том, что государственные компании, связанные с топливно-энергетическим сектором, являются крупными заемщиками на мировых финансовых рынках. Доходы этих компаний зависят от цен на нефть и газ, прогнозировать которые трудно. Когда и если такие компании накапливают крупные обязательства в иностранной валюте, возможна двойная угроза. При падении цен на сырье — исчезает поток доходов, которым компании предполагали оплачивать ранее взятые кредиты, проценты по ним. При этом доступ к новым кредитам оказывается закрытым. Пока цены на нефть высоки, нефтяные и газовые компании могут занять на мировом рынке столько, сколько им заблагорассудится. Когда и если цены на энергетическое сырье падают, то может выясниться, что они не могут занять ничего и ни на каких условиях. Тогда приходится платить по долгам из текущих доходов, которые и так сократились из-за падения цен, приходится сокращать текущие расходы, капитальные вложения. На этом фоне возможно падение добычи. Это тот порочный круг, в который в середине 80-х вошла нефтяная промышленность Советского Союза. Риск развития событий по такому сценарию надо осознавать.

— *А насколько сегодня остра конкуренция российских и иностранных банков?*

— Такая конкуренция есть, но она на благо российской экономике. То, что в Россию приходят иностранные банки, — хорошо, это помогает улучшить качество банковского обслуживания. Российские власти долго не знали, что делать с монополией «Сбербанка» на рынке вкладов физических лиц. Приватизировать его было невозможно, разделить тоже. Конкурировать с банком, вклады в который гарантированы неявными, но очевидными государственными обязательствами, мало кто был способен. Всегда подразумевалось, что за «Сбербанком» стоит Российское государство. Приход в Россию Citibank — это создание реальной конкуренции

на рынке розничных банковских услуг, появление шансов на повышение качества услуг в банковском секторе.

— *Не проходит года, чтобы кто-то из экспертов не заговорил об угрозе нового дефолта. Как Вы оцениваете подобную угрозу в 2006 г.?*

— Угрозы дефолта по российским государственным обязательствам в краткосрочной перспективе не существует. У государства нет коротких долгов, нет рисков, связанных с невыполнением Россией своих финансовых обязательств. В среднесрочной перспективе, скорее, речь может идти не о дефолте по российским государственным обязательствам, а о проблемах с финансированием долгов крупных отечественных государственных компаний. Я не вижу этого риска в ближайшие два-три года, но стратегически это угроза, которую надо иметь в виду.

— *Хотелось бы немного поговорить о возможности использования средств Стабилизационного фонда. Существует некий проект по трансформации Стабфонда в фонд будущих поколений путем интегрирования пенсионной реформы. Какие здесь перспективы?*

— Такой проект действительно существует, но пока решение по этому поводу не принято. Мне набор соображений, связанных с таким вариантом развития событий, нравится. По существу, речь идет о дополнительном Стабилизационном фонде, фонде будущих поколений, а обсуждение этого вопроса пока не носит публичного характера. Поэтому я предпочел бы этот вопрос не комментировать.

— *Если вернуться от среднесрочных перспектив к дню сегодняшнему, какие основные проблемы нам достались в наследство от 2005 г. и какие из них предстоит решить прежде всего?*

— Высокая инфляция и инфляционная инерция. Да, инфляция 11% — это не то, что сотни процентов. Понятны ее причины. Это высокие цены на нефть, приток валюты, который лишь частично компенсируется увеличением Стабилизационного фонда. Ограниченная способность экономики принимать поток доходов, связанных с экстремально высокими ценами на нефть. Это факторы риска. Высокие темпы инфляции — фон экономической нестабильности, препятствие росту инвестиций. Инвестиции по мировым стандартам растут довольно быстро. Сказать, что 9–11% прироста инвестиций в год мало, было бы неверно. Но после длитель-

ного периода инвестиционного голода, связанного с крахом советской экономики, с тяжелым периодом рецессии, потребности российской экономики в инвестициях велики. Поддержать нынешние темпы роста в районе 6–7% ВВП, имея темпы роста инвестиций всего 9–10% ВВП, невозможно. Ключевая проблема — гарантия прав собственности. Все, что происходило с правами и их обеспечением за последние три года, вряд ли можно считать вкладом в поддержание высоких и устойчивых темпов роста российской экономики.

Из потребительского бума может вырасти гражданское общество

Руководитель Института экономики переходного периода Егор Гайдар ответил на вопросы журнала «Профиль».

— *Есть ли правый и неправый в споре Грефа и Чубайса о причинах инфляции в России?*¹

— Инфляция в России, как и во всем мире, в первую очередь денежный феномен. Это известно по меньшей мере с того времени, когда порчей монеты занялись римские власти. В другой части аграрного мира инфляционные последствия денежной эмиссии были хорошо известны властям Древнего Китая. В 1976 г. профессор М.Фридман получил Нобелевскую премию за цикл работ, демонстрирующих денежную природу инфляции в современном мире. Если говорить о практической денежной политике, то проблема в том, что временные лаги между ростом денежного предложения и темпами инфляции — параметр, который трудно прогнозировать. Так же, как и спрос на деньги, это один из самых трудных для анализа экономических показателей. Стратегически, в долгосрочной перспективе, динамика денежного спроса и предложения

Интервью брал Антон ИВАНОВ.

Опубликовано в: Профиль. 2006. № 15. 24 апреля.

¹ Как сообщали «Известия» от 24 марта 2006 г. («Это средневековая хиромантия»), Герман Греф был «готов выдвинуть» Чубайса на Нобелевскую премию, если тот «сможет доказать, что повышение тарифов на услуги естественных монополий не влияет на инфляцию». Развернувшаяся дискуссия показала, что при всей парадоксальности теоретически прав был Чубайс. Дело в том, что *при данном количестве денег* у населения повышение тарифов просто сократит платежеспособный спрос на другие товары (на них людям придется экономить, чтобы оплатить обязательные расходы) и в результате цены на эти товары снизятся. Общий уровень инфляции останется неизменным. Но если добавить денег в экономику, такой спрос не сократится и, следовательно, инфляция усилится. А это говорит о том, что и при росте издержек на отдельные товары или услуги инфляция зависит от изменения денежной массы, т. е. от того, что называется монетарными факторами. — *Прим. ред.*

определяет темпы инфляционных процессов. Однако, если рассматривать краткосрочные колебания темпов инфляции, немонетарные факторы имеют значение. По нашим расчетам, в 2005 г. в России вклад монетарных факторов в темпы инфляции (если учесть инфляционную инерцию) составил больше 80%, вклад немонетарных — примерно 16%. В I квартале влияние немонетарных факторов, как правило, выше, но по итогам 2006 г. это соотношение вряд ли серьезно изменится.

— Как Вы оцениваете влияние таких понятий как «свобода» и «несвобода» в современной России на рост инфляции и замедление производства?

— На протяжении тысячелетий, последовавших за неолитической революцией (переход от общества охотников-собирателей к обществу земледельцев), показатели уровня жизни, измеряемого душевым ВВП, уровня потребления продуктов питания (в калориях), доли людей, живущих в деревне и занимающихся сельским хозяйством, продолжительности жизни, числа рождений, приходящихся на одну женщину, доли грамотных колебались, но в долгосрочной перспективе оставались стабильными. Из всего, что мы знаем о социально-экономической статистике, следует, что эти показатели мало различались в Египте II тысячелетия до н. э. и Китае XVIII в. н. э. Беспрецедентное ускорение экономического развития, повышение его темпов, измеряемых ростом показателей душевого ВВП в десятки раз, начинается на рубеже XVIII–XIX вв. в северо-западной Европе. Это случилось после того, как там из-за своеобразного набора исторических обстоятельств сложились институты, гарантирующие права и свободы человека, права собственности, возникла ситуация, при которой, как писал профессор, лауреат нобелевской премии Д. Норт, «у власти связаны руки». Стратегически вопрос о гарантии прав и свобод и вопрос о темпах экономического роста неразрывно связаны. Демонтаж системы гарантii прав частной собственности снижает спрос на деньги, осложняет борьбу с инфляцией, ограничивает инвестиционную привлекательность страны как для отечественного, так и для зарубежного бизнеса. Зависимость и инфляционных процессов, и экономического роста от уровня свободы — очевидный исторический факт.

— Актуален ли в современной России лозунг «Капитализм без демократии»?

— Если обсуждать долгосрочные тенденции, то капитализм возник после того, как сформировалась демократия налогоплательщиков. В долгосрочной перспективе капитализм и демократия неотделимы. Недемократические режимы создают угрозу устойчивости прав собственности. Смена автократа и его окружения нередко приводит к перераспределению имущества в пользу нового главы государства, его приближенных. Это препятствие высоким темпам наращивания инвестиций в национальную экономику, фактор, снижающий темпы экономического роста.

На протяжении исторически коротких периодов капитализм без демократии возможен, особенно в странах догоняющего развития, не принадлежащих к числу начавших современный экономический рост на рубеже XVIII–XIX вв., следующих за лидерами, сохранивших по отношению к ним дистанцию в несколько поколений по уровню развития. Но и здесь ситуация, в рамках которой экономическая свобода не подкрепляется политической, внутренне нестабильна. Сам успех экономического развития, повышение уровня жизни, образования увеличивает спрос на такую фундаментальную ценность, как свобода. Авторитарные капиталистические режимы Южной Кореи и Тайваня — пример стран, продемонстрировавших аномально высокие темпы экономического роста в условиях капитализма без демократии. Ни одному из этих режимов это не позволило сохранить недемократическую форму правления надолго. С течением времени повзрослевшее общество потребовало и добилось демократических перемен.

— Можно ли говорить о том, что сейчас в нашей стране идет процесс передачи управления бизнесом государственным чиновникам, что реализуется некая форма госуправления?

— Увеличение роли государства в управлении экономикой в России сегодня очевидно. Для нашей страны этот процесс опасен. Когда я пришел работать в российское правительство, нефтяная промышленность находилась в состоянии глубочайшего кризиса. Это была государственная отрасль. Добыча нефти падала более чем на 50 млн т в год. Имел возможность ознакомиться с протоколами совещаний у председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, посвященных положению с добычей нефти в стране. Самое распространенное слово, которое можно в них встретить, — катастрофа.

Знаю, что в начале 2000-х годов главной проблемой для приватизированного российского нефтяного сектора было то, что рост инвестиций частных компаний шел столь высокими темпами, что увеличение российской доли на мировом нефтяном рынке могло спровоцировать ценовую войну со странами ОПЕК. К настоящему времени эта проблема решена. После начала «дела ЮКОСа» и новой волны огосударствления нефтяной отрасли темпы роста нефтедобычи в России упали приблизительно в 5 раз.

— «Гибель империи. Уроки для современной России» — так называется Ваша новая книга. Почему именно сейчас и именно эта книга?

— Россия за последние 15 лет радикально изменилась. Это страна с несовершенной, но рыночной экономикой, политическим режимом, который нельзя назвать функционирующей демократией, но он и не похож на тоталитарный советский режим. Тем не менее у современной России и Советского Союза есть общая проблема — зависимость экономики и политики от такого труднопрогнозируемого и неуправляемого фактора, как цены на топливно-энергетические ресурсы. СССР в середине 80-х годов XX в. был мировой сверхдержавой. Хотя подавляющему большинству международных и отечественных наблюдателей неэффективность социалистической системы управления экономикой казалась бесспорной. Однако очевидной казалась и долгосрочная стабильность экономической и политической систем. В 1985–1986 гг. цены на нефть — товар, от которого зависели важнейшие характеристики советской экономики, упали в несколько раз. Запасов стабильности хватило ненадолго. К лету — осени 1991 г. банкротство СССР и крах советского режима были данностью. Сегодня цены на нефть в реальном исчислении, хотя и не вышли на экстремально высокий уровень позднебрежневского периода (1980–1982 гг.), но уже почти сравнялись с уровнем 1985 г. — того времени, с которого начался неуправляемый кризис. Хочется, чтобы сегодня, принимая решения о ключевых параметрах экономической политики, Стабилизационном фонде, цене отсечения на нефть, на основе которой строится бюджетный процесс, российские власти извлекли уроки из того, что происходило в Советском Союзе в конце 1980-х годов.

— В книге дан анализ зависимости — и бюджета, и вообще экономики — от экспорта нефти. К 2006 г. эта зависимость стала меньше или она сохраняется и несет ли в себе опасность?

— Россия в 1913 г. была крупнейшим в мире экспортером зерна. По этому показателю она опережала США более чем в 2 раза. Это не значит, что в российской экономике в это время не было серьезных проблем. Они были, иначе катастрофическое крушение политического режима в 1917 г. не стало бы реальностью. Тем не менее масштабный зерновой экспорт из России, заметно увеличившийся после столыпинской реформы, — реальность.

Реальность и глубокий кризис советского сельского хозяйства, порожденный выбранной моделью индустриализации. В 1963 г. Советский Союз впервые в массовых масштабах начал импортировать зерно, потратив на это третью золотого запаса. Н. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС назвал это «неслыханным позором». В 1970-х годах с ежегодным повторением «неслыханного позора» пришлось смириться. К середине 1980-х годов Советский Союз был крупнейшим в мире импортером зерна, превосходил по этому параметру следующую за ним Японию примерно в 2 раза. Доминирующим источником финансирования этих закупок были доходы от продажи нефти, нефтепродуктов и газа за конвертируемую валюту. При падении цен на топливно-энергетические ресурсы быстро выяснилось, что продолжить массовый импорт зерна в прежнем масштабе невозможно.

К настоящему времени Россия вновь стала экспортером зерна. Средний масштаб зернового экспорта в последние годы колеблется в пределах 5–15 млн т. Страна по-прежнему, как и Советский Союз, является крупным импортером мяса и мясопродуктов. Но одна из главных тем переговоров по ВТО сегодня — то, как ограничить импорт животноводческой продукции в страну, увеличить долю отечественной продукции на внутреннем рынке. Советским властям в середине 1980-х годов ставить подобные вопросы не приходилось.

— В последние годы не удалось решить задачу наращивания несырьевого экспорта. В 2006 г. доля несырьевого экспорта выше, чем при СССР? Союз не пошел на резкое снижение импорта, а какова сейчас доля импорта потребительских товаров по сравнению с советским периодом?

— Если взять товарную группу «машины, оборудование и транспортные средства», то ее доля в экспорте на конвертируемую валюту (в развитые капиталистические страны) в середине 1980-х годов колебалась в пределах 2–3% (в 1985 г. — 354 млн инвалютных руб., в 1986 г. — 486 млн инвалютных руб., соответственно общий

объем экспорта в развитые капиталистические страны — 18,6 млрд руб. и 13,1 млрд руб.). Резкое падение общего объема экспорта в 1986 г. было обусловлено многократным падением цен на нефть. Сегодня доля той же товарной группы колеблется около 9–10%. Это пока не много. Прирост во многом обеспечен увеличением экспорта вооружений, реализуемых за конвертируемую валюту. Советский Союз мобилизовывать конвертируемую валюту таким образом, по понятным причинам, возможности практически не имел. Но разница очевидна.

Доля импорта потребительских товаров в общем объеме импорта сегодня сопоставима с той, которая была в Советском Союзе накануне падения цен и начала краха советской экономики. Сама по себе она не внушает опасения, сопоставима с той, которая обычно для стран с нашим уровнем развития (измеренным душевым ВВП) и российским объемом экономики. Однако тревожит то, что доля сырьевых ресурсов в экспорте велика — близка к той, которая была характерна для СССР начала 1980-х годов. Колебания мировых цен сильно влияют на параметры торгового и платежного баланса. Это создает риски, которые важно учитывать при выработке экономической политики.

— В СССР с каждым годом увеличивался дефицит государственного бюджета. В 1986 г. он составил 45,5 млрд руб., в 1987 г. — 52,5, в 1988 г. — 93 млрд руб. Сегодня ситуация противоположная. Гарантирует ли это страховку от повторения кризиса?

Сегодня экономика России более устойчива, чем экономика СССР в середине 1980-х годов. Советский Союз в начале 80-х, когда цены на нефть более чем в 4 раза превысили средние многолетние значения (в реальном исчислении), не создал значительных валютных резервов, использовал их лишь для обеспечения текущего торгового оборота. Золотой запас советские власти тратили на экстренные закупки зерна в годы неурожаев. К 1991 г. его ресурсы были примерно в 5 раз меньше, чем полагали международные эксперты. Российская экономика при всех своих проблемах рыночная. Это делает ее более гибкой, чем советская, позволяет справиться с кризисом, связанным с падением цен на топливно-энергетические ресурсы без катастрофы, подобной той, которая произошла в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Но это не повод, чтобы игнорировать риски.

— Что значит «не игнорировать риски»?

— Понимать, что фон экономической политики в стране, зависимой от конъюнктуры сырьевых рынков, отличается от того, который существует в странах с диверсифицированной экономикой. Помнить о том, что это не наша уникальная проблема. С ней сталкивались многие, в том числе преуспевающие страны. Трезво оценивать реальности — проблемы голландской болезни: высоких темпов укрепления реального курса национальной валюты, подрывающих конкурентоспособность не связанных с топливно-сырьевым сектором отраслей национальной экономики. Нестабильность бюджетных доходов в странах, зависящих от конъюнктуры нефтяных рынков, — не выдумка экономистов. Это серьезная проблема, ее недооценка не раз оборачивалась экономической катастрофой.

— Когда Вы были премьером, были распространены надежды на то, что вот, мол, созреет средний класс и станет опорой демократии. Он созрел? Стал ли опорой? Не разочарованы ли Вы сегодня в нынешнем среднем классе?

— Ответ распадается на две части. Средний класс, об отсутствии которого в России было столько сказано, к настоящему времени сформировался. Разумеется, уровни доходов людей, которые относят себя к среднему классу, в Англии начала XIX в., Англии начала XXI в. и в России сегодняшнего дня разные. Но важно то, что сами себя они относят к среднему классу. Если исходить из признака самоидентификации, средний класс в России к сегодняшнему дню сложился. Но это молодой средний класс, он не имеет длительной исторической традиции, к тому же формируется в стране, переживающей тяжелый приступ постимперского синдрома. Надежной опорой демократии он пока не стал. Для этого нужно время.

— Из потребительского бума способно вырасти гражданское общество?

— Богатый международный опыт показывает, что рост уровня жизни тесно и позитивно коррелирует с развитием демократических институтов и гражданского общества. Ответ — да.

— В российском обществе предопределен поворот к авторитаризму и государственному патернализму?

— Надо различать краткосрочную и долгосрочную перспективы. В краткосрочной перспективе вероятен, в долгосрочной исключен.

О Ельцине

Был ли Ельцин демократом?

— Егор Тимурович, Вы долго работали с Ельциным, причем в разном качестве, бесконечное число раз общались в самых различных ситуациях, в том числе кризисных. Можете ли сказать, что Вы его знаете?

— Мне кажется, что я его неплохо понимаю. Тем не менее должен сказать, что именно потому, что я его неплохо понимаю, для меня он человек поразительно загадочный. В общем я бы сказал так: я думаю, что лучше других знаю, что я его не знаю.

— Парадоксальный ответ. Лично меня — да и многих, думаю, — всегда занимало: имеются ли у Ельцина сколько-нибудь глубокие и серьезные демократические убеждения или он просто использует соответствующие идеологию, фразеологию, лозунги в политической борьбе, борьбе за власть? Как-то в 1996 г., незадолго до президентских выборов, бывший пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков заявил, что Ельцин никогда не был демократом. Вас тогда попросили прокомментировать эти слова. Вы сказали, что в тот период, когда Вы работали с Борисом Николаевичем, у Вас не было оснований сомневаться, что он демократ. А как Вы ответили бы на тот же вопрос сегодня, спустя 10 лет: Ельцин демократ или нет?

— Ответил бы точно так же, и даже усилил бы свой положительный ответ: в то время, когда я работал с Ельциным, у меня не только не было оснований сомневаться, что Борис Николаевич убежденный демократ, но было твердое убеждение, что демократия для Ельцина — это не игрушка, а очень серьезная ценность. По-моему — подчеркиваю, по-моему — он воспринимал себя как человека, который принес России свободу. И для него это было очень ценно.

Беседа автора с Егором Тимуровичем Гайдаром проходила 15 мая 2006 г.
Опубликовано в: Мороз О. Главная ошибка Ельцина. М., 2010.

— Ельцин действительно принес России свободу. Вполне очевидно, однако, что между этой его исторической миссией и его же, скажем так, генетикой, воспитанием, жизненным опытом, в общем человеческой сущностью постоянно происходил конфликт.

— Конечно, такой конфликт был, потому что Борис Николаевич происходил из совершенно другого общества, другой эпохи. Но при этом он был поразительно ярким и талантливым человеком...

— Как известно, в советское время яркость, талантливость вовсе не помогали подняться наверх. Напротив, эти качества приходилось скрывать, чтобы не выделяться на общем сером фоне. А вот «яркий и талантливый» Ельцин сумел добраться до самой вершины коммунистического Олимпа — стал первым секретарем столичного горкома партии, кандидатом в члены Политбюро. Как это объяснить?

— Я объясняю это так. Советская политическая элита, как говорится, просто проморгала его появление на политической сцене и вознесение наверх, потому что в это время она уже была очень склеротичной, очень деинтеллектуализированной, проще говоря, поглупевшей, утратившей политическое чутье. Как можно было проглядеть такого политика в тоталитарной стране, где вроде бы все всегда были настроены, что подобных неординарных политиков не было, нет и быть не может? Это просто поразительно.

Их отношения не всегда были ровными

— Итак, Вы считаете Ельцина убежденным демократом. Однако Ваше отношение к Борису Николаевичу несколько раз круто изменилось: в январе 1996 г., после того как Ельцин отправил Чубайса в отставку с поста первого вице-премьера, Вы заявили о полном разрыве с президентом, добавив, что не можете себе представить таких обстоятельств, которые побудили бы Вас восстановить отношения; потом, во время встречи с Ельциным *тет-а-тет* в конце февраля того же года, Вам, по Вашим словам, показалось, что Вы увидели перед собой прежнего Ельцина — Ельцина конца 80-х — начала 90-х годов; в дальнейшем, где-то в конце апреля 1996 г., Вы призвали «Демвыбор», который тогда возглавляли, голосовать за Ельцина, хотя прежде были против этого. Я полагаю, перечень одних только этих Ваших колебаний (а были и другие) несколько противоречит той однозначной оценке, которую Вы даете Ельцину сегодня.

— Знаете, опыт показывает, что в политике лучше никогда не говорить «никогда». В этом ракурсе надо смотреть и на то, что я го-

ворил в январе 1996 г. ... Кстати, непосредственным поводом для этого была не отставка Чубайса, а события в Первомайском... Знаменитые ельцинские слова о «38 снайперах» ... Так вот, когда я все это смотрел по телевизору — про «38 снайперов», мне действительно показалось, что я больше никогда политически не смогу поддерживать Ельцина. Но политика такая вещь... Я потратил массу усилий, чтобы найти и выдвинуть какого-то альтернативного демократического кандидата. Избираемого. Уговаривал Бориса Немцова, который тогда был весьма популярен. Вел переговоры с Явлинским о нашей совместной поддержке Немцова... Но к апрелю стало ясно, что у нас нет другого выбора, кроме как поддержать Бориса Николаевича Ельцина. И я никогда не пожалел, что сделал такой выбор. Реальной альтернативой Ельцину тогда был Зюганов. Поддержать его мы никак не могли.

— То, что демократы решили тогда голосовать за Ельцина, опять-таки еще не говорит о том, что сам Ельцин был убежденным демократом, просто у демократов, Вы сами это признаете, в тот момент другого выбора не было. О том, что Борис Николаевич не был таким уж последовательным демократом, говорят не только чьи-то субъективные оценки и мнения, но и реальные факты. Взять хотя бы затяянную им войну в Чечне и один из самых позорных ее эпизодов — бессмысленное уничтожение Первомайского, убийство заложников (раз уж речь зашла о «38 снайперах»).

— Тем не менее я считаю его исторической фигурой, причем очень необычной в мировой истории. Это человек, который начал революцию, политически пережил ее, не допустил в ходе ее полномасштабной гражданской войны, сохранил власть в процессе тяжелейшего перехода от старой экономической системы к новой, передал эту власть человеку, которого он сам выбрал и поддержал. Честно говоря, я не помню других таких примеров в истории. Кромвелю такая передача власти не удалась. Кстати, и Ленину тоже.

— Ленину много чего не удалось, а что удалось, лучше бы не удавалось... В принципе я согласен со всеми из перечисленных Вами заслуг Ельцина, кроме одной, последней. По-моему, власть своему преемнику передавал уже человек, смертельно уставший, тяжело больной, слабо ориентирующийся во времени и пространстве.

ЧТО БЫЛО ДЛЯ НЕГО ГЛАВНЫМ?

— Вот Вы говорите, что Ельцин чувствовал себя человеком, который принес России свободу. Гордился этим. Вы уверены, что в этой гордости на первом месте стоит именно «свобода», а не «принес России»? Разве не могло им двигать просто мессианство. Оно ведь движет многими политиками, государственными деятелями. Человек возлагает на себя миссию — что-то принести стране, миру. А что именно, — не так уж важно. Неважно и то, что получится в результате. Вот Путином, по-видимому, тоже движет мессианство: он полагает, что несет России нечто более ценное, чем свобода, — порядок, утраченное имперское величие. Однако порядка не получается, получается род анархии — тотальная коррупция, какой, по-видимому, не было в российской истории. Возможно, и Ельцину просто-напросто хотелось принести России что-то такое... Вообще у политика помимо вечного стремления обрести и удержать власть должна быть какая-то понятная людям «благородная» цель. Такую цель он не всегда может сформулировать сам. Но вот подворачивается человек или группа людей, которые подсказывают ему кое-какие идеи. Он их берет на вооружение и — вперед.

— Конечно, Ельцин — талантливый политик. А талантливый политик не может существовать, если он неэффективен, т. е. если не умеет мобилизовывать общественную поддержку, особенно тогда, когда это критически важно. Поэтому, естественно, он должен адресоваться к тому обществу, которое есть. В кругу интеллектуалов мы можем бесконечно дискутировать о ключевых стратегических вопросах развития ситуации в России. У меня есть много знакомых и друзей, которые высказывают крайне интересное для меня и вообще стратегически верное мнение по этим вопросам, но среди них нет ни одного, кто был бы способен получить такую электоральную поддержку, которую, допустим, получил Ельцин в Москве в 1989 г., — 90%.

— 90% Ельцин набрал тогда по московскому территориальному округу на выборах народных депутатов; ему противостоял гендиректор Браков — фигура, поддерживаемая официальными властями: то были первые многопартийные выборы, и, естественно, избрали с треском провалили Бракова, но это еще не говорит о 90%-ном рейтинге Ельцина. В целом по России поддержка Бориса Николаевича была не так уж велика: ее пик, который пришелся на президентские выборы 12 июня 1991 г., составлял около 57%.

— Те выборы проходили в условиях, когда государственный аппарат был в руках не Ельцина, а тех, кто делал все, что можно, чтобы его не избрали. Против Ельцина работала вся государственная пропагандистская машина. Людям рассказывали, какой он пьяница, что он делал во время визита в Вашингтон... Это была мощная пропагандистская машина, которая считалась очень приличной в мире. Она вся действовала против него. И вот когда вся официальная пропаганда, весь государственный аппарат страны, в которой 73 года существовал тоталитарный режим, работает против тебя, а ты получаешь 57%, — это впечатляющий результат.

Он отвергал коммунистические традиции

— Что все-таки двигало Ельциным в его реформаторской деятельности — тяготение к мессианству или прежде всего действительно желание дать стране свободу, утвердить демократию?

— Он, повторяю, был прирожденный политик. Что им двигало как политиком? Стремление к власти, свойственное всяко-му амбициозному политику, желание изменить страну и решить комплекс очевидных тяжелейших проблем, дать ей новую траекторию развития, сделать ее свободной, похожей на наиболее развитые страны. Наверняка это была такая вот сложная смесь мотивов. Я даже не думаю, что он сам сможет ответить на вопрос, что им двигало в первую очередь, уж не говоря о том, чтобы это сделали люди, которые с ним много работали и считают, что они его неплохо знают. Но, на мой взгляд, в его мотивах роль чистой идеи о том, что Россия должна быть такой, как развитые, преуспевающие страны, где люди живут намного лучше, чем у нас, была велика. Вот очень характерный случай, многое расставляющий для меня по своим местам при обсуждении приоритетов Бориса Николаевича Ельцина, произошел в 1992 г., где-то весной. Может быть, вы помните — в ту пору наше правительство очень много ругали за то, что мы не разъясняем смысла своей деятельности, что не ведем пропагандистской работы, что у нас нет пропагандистской машины, которая информационно поддерживала бы начатые реформы. Это писали и говорили люди, мнение которых я высоко ценю, в том числе мой отец. Он мне говорил об этом по меньшей мере раз десять...

(В скобках напомню: отец Егора Тимуровича Тимур Аркадьевич Гайдар был журналистом, т. е. человеком, так или иначе тоже активно вовлеченным в жизнь страны. По-моему, он тогда не только уговаривал сына разъяснять людям смысл реформ, но и сам предпринимал какие-то практические шаги в этом направлении. Во всяком случае Тимур Аркадьевич, помнится, звонил, в частности, и мне, призывая присоединиться к некой группе демократических журналистов, намеренных заняться активной разъяснительной работой, нацеленной прежде всего на провинцию, которая вообще плохо понимает, что происходит в стране. — О.М.)

— ...И вот в какой-то момент я пришел к Борису Николаевичу и поставил перед ним вопрос о создании некой специальной структуры, которая системно, на регулярной основе занималась бы разъяснением смысла реформ, соответствующей пропагандой... Вообще-то это не входило в мою сферу компетенции — я отвечал за экономику и социальную политику. И вообще не в традиции России, чтобы пропагандой занималось правительство. Раньше этим занимался ЦК КПСС, потом — Администрация президента. Но вот я счел целесообразным выступить с таким предложением. Какова же была реакция Бориса Николаевича? Он сказал мне примерно следующее: «Егор Тимурович, Вы хотите мне предложить воссоздать Отдел пропаганды ЦК КПСС? Так вот — при мне этого не будет!». Это о многом говорит. Ведь сколько лжи, клеветы выливалось тогда и на него, и на всех нас! И чтобы он или кто-то по его поручению хотя бы раз позвонил на телевидение, на радио, в какую-то газету и отчитал кого-то даже и за прямую ложь, за прямую клевету, не говоря уже о каком-то просто «нежелательном» для власти выступлении! Не было этого, т. е. отторжение от коммунистического прошлого, коммунистических методов управления стояло на одном из первых мест среди мотивов Ельцина. Оно оказывалось доминирующим даже тогда, когда ему предлагали вроде бы что-то достаточно рациональное, но в чем он усматривал ненавидимую им коммунистическую традицию.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ОШИБКА ЕЛЬЦИНА

— После выборов 1996 г. Ельцин основательно занялся поиском «наследника» — такого человека, который обеспечил бы «преемственность власти и курса», а после дефолта 1998 г. почти целиком сосредото-

чился на этой задаче. По-моему, решить ее Ельцину так и не удалось: при Путине, как мы знаем, курс был довольно резко изменен. Как Вы полагаете, в чем заключалась ошибка Ельцина? Он плохо разбирался в людях или его главной задачей было все-таки не обеспечение преемственности курса, а нечто совсем другое, например обеспечение благополучной и безопасной жизни для себя и своих близких после ухода в отставку? Ведь соответствующий указ Путин подписал немедленно, став — пусть даже с приставкой «и. о.» — во главе государства.

— Указ этот был, на мой взгляд, абсолютно правильным. Российскую традицию, при которой от власти либо не уходят вовсе, либо уходят вперед ногами, надо ломать. Я могу иметь массу разногласий с сегодняшними властями, но я очень хочу надеяться, что, когда Владимир Владимирович по истечении своего второго президентского срока покинет Кремль, у него, его родных и близких тоже все будет очень хорошо и никто не будет его преследовать по той причине, что, когда он был президентом, он, на чей-то взгляд, что-то делал не так (наш разговор происходит 15 мая 2006 г., Путин еще остается президентом. — О.М.)

— Все же, наверное, благополучие отставного президента не может быть главным критерием при выборе преемника на президентский пост.

— Разумеется, и я не думаю, что этот мотив был для Бориса Николаевича главным. Абсолютно убежден: главным приоритетом для него был вопрос о том, куда пойдет Россия. Главным для него было — обрести уверенность: все, что он делал, это не напрасно, это не будет пересмотрено.

— Но это-то и оказалось в значительной степени деформировано, изменено...

СНАЧАЛА ВСЕ ДВИГАЛОСЬ ВРОДЕ БЫ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ

— Я Вам скажу так — всякий человек, который имеет дело с Россией на переломных этапах ее развития, сталкивается с риском когда-то сделать ошибку. Я убежден, что Борис Николаевич думал в первую очередь о сохранении курса. Задним-то умом мы все крепки. Между тем по состоянию на конец 2002 — начало 2003 г. мне казалось, что Ельцин не сделал ошибки при выборе преемника. К этому времени были проведены фундаментальные позитивные

реформы, была обеспечена частная собственность на землю, проведена радикальная налоговая реформа, стабилизированы финансы. Было сделано очень много по модернизации трудового законодательства... И в общем казалось, что развитие событий в целом позитивное. Оно идет в том направлении, которое было задано при Ельцине. Нетрудно было убедить себя в том, что мы успешно прошли этот тяжелейший период нашей истории, вышли на путь поступательного развития страны. Это был момент, когда отношение мировых элит — интеллектуальных, политических, финансовых, экономических — к России достигло высшей степени благожелательности, т. е. по крайней мере на три года Ельцин спрогнозировал действия своего преемника достаточно адекватно. Три года — это немало.

— Сказаное Вами все же относится в основном к экономической сфере деятельности президента. А вот поле демократии в России уже тогда начало склокоживаться.

— Я могу Вам сказать за себя о том, как я видел ситуацию, скажем, весной 2002 г. У меня не было ощущения, что демократия в России склокоживается (это не значит, что я был прав). Да, у меня не было убежденности (и я говорил об этом еще до того, как Путин стал президентом), что он верит, что демократия России нужна, по крайней мере сегодня. Для меня здесь стоял большой вопросительный знак. Я был убежден, что он хочет, чтобы в России проводилась полезная и ответственная экономическая политика, что он будет реалистом в вопросах внешней политики... Мне кажется, что ему слишком часто рассказывали, как Горбачев был не прав, когда пытался соединить либерализацию экономики и политики. Я видел риск демонтажа демократических институтов, системы сдержек и противовесов, но именно риск.

БЫЛА ЛИ У ЕЛЬЦИНА АЛЬТЕРНАТИВА?

— Наш разговор, однако, происходит не в 2002-м и не в начале 2003 г., почти в середине 2006-го. Не кажется ли Вам все-таки теперь, в 2006-м, что выбор преемника, сделанный Ельциным, был ошибочным?

— История покажет. Здесь я могу повторить то, что уже говорил в начале: никогда не говори «никогда». Никогда не говори, что тебе все уже понятно. Я хорошо помню, как по многим ключевым во-

просам с изменением политического процесса у меня менялась позиция, причем сильно. Второе президентство Владимира Владимира Путина еще не завершено. Время, чтобы подводить его итоги, еще не пришло. Ну конечно, за время между 2002 г. и сегодняшним днем у меня отношение к происходящему во многом изменилось.

— В 1996 г., перед президентскими выборами, мы уже упоминали об этом, Вы, «Демвыбор» долго и мучительно искали альтернативу Ельцину. Так и не нашли ее. А была ли, на Ваш взгляд, у самого Ельцина в 1998–1999 гг. более или менее приемлемая альтернатива при выборе преемника? Был ли человек по крайней мере не менее надежный, чем Путин, в том, что касается сохранения курса, и в то же время избираемый? Подчеркиваю — избираемый, т.е. как минимум способный победить Зюганова. Ведь на всех последних наших выборах кандидату, которого поддерживает более или менее вменяемая часть общества, приходится бороться с Зюгановым, Зюганов неизменно его «подпирает», имея достаточно высокий рейтинг. Если «вменяемый» кандидат окажется недостаточно избираемым, недостаточно популярным, президентом России становится коммунист сталинского разлива. Так вот кто бы, по Вашему мнению, мог тогда быть кандидатом, альтернативным Путину (а с другой стороны — Зюганову)? Примаков? Лужков? Степашин? В принципе могли, наверное, появиться и какие-то другие фигуры. В конце концов, рейтинг Путина за какие-то полгода удалось «раскрутить» от нуля до заоблачных высот. По-видимому, и с кем-то другим можно было бы проделать то же самое?

— Ельцин действительно думал над тем, кто будет преемником. Как человек с огромным политическим чутьем, он был в этих вопросах весьма компетентен. У него была своеобразная манера, о которой мало кто знал. Он приглашал человека — из административно-политического истеблишмента — к себе в кабинет или на дачу и говорил примерно следующее: «Вы знаете, я долго думал и пришел к окончательному решению: именно Вы должны быть моим преемником. Давайте мы с Вами обсудим, как нам сделать, чтобы это было реализуемо, как нам выстроить политический процесс». После этого человек выходил ошеломленный. У него был какой-то безумный взгляд... В его разговорах с ближайшими соратниками появлялась характерная фраза: «Но Вы же главного

не знаете!». Если бы я не знал по крайней мере обоих человек, которые примерно в таком состоянии выходили из кабинета Бориса Николаевича, мне самому трудно было бы в это поверить. Так он «проверял» людей, смотрел, как человек отреагирует на его слова о преемстве, как будет себя вести, что говорить... Ельцин очень много думал о том, кто будет его преемником, подходил к этому вопросу серьезно, как к ключевому, причем всегда имел перед глазами набор альтернатив.

— Этот набор приемлемых кандидатов существовал в реальности или он только был у Ельцина «перед глазами», т.е. в его воображении, в его размышлениях?

— Он существовал в реальности.

— А фамилии назвать не хотите?

— Не могу. Этот вопрос к Борису Николаевичу.

САПЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО РАЗ

— Все же, на мой взгляд, сегодня становится все более ясно, что при выборе преемника Ельцин допустил ошибку: обеспечить преемственность курса ему явно не удалось. Как Вы считаете, какова природа этой ошибки? При всей своей многоопытности, при развитой интуиции, которой он, кажется, очень гордился, Ельцин все же недостаточно хорошо разбирался в людях? Или сохранение курса, как уже говорилось, все-таки не было главным его приоритетом?

— Сапер ошибается один раз. Лидер, который возглавляет страну в эпоху великой революции, должен в процессе своей деятельности обезвредить большое количество мин. Раньше или позже он ошибается. Это относится ко всем революционным лидерам, и к Борису Николаевичу тоже. Так что природа такой ошибки стохастическая. Когда ты разминируешь мины, вероятность роковой ошибки высока. Что касается того, хорошо ли Ельцин разбирался в людях или не очень хорошо... Из революционных лидеров, которых я знаю в истории человечества, Борис Николаевич сумел разминировать максимальный процент взрывных устройств. Когда мне говорят, что 59 самолетов, которые сбил Покрышкин, — это не очень много, я хотел бы это слышать от человека, который сбил 60.

— Те, кто говорит, что Покрышкин, Кожедуб сбили сравнительно немного, наверное, имеют в виду лучшего немецкого аса Эрика Харт-

мана, который сбил 352 (!) самолета (правда, некоторые оспаривают эту цифру — уж слишком она фантастическая, но все равно число аэропланов, уничтоженных немецкими воздухоплавателями, было, как ни грустно признать, несопоставимо больше уничтоженных нашими).

— С Хартманом я готов был бы обсуждать эту тему.

— Как я понимаю, людям, которые не побывали в роли президента такой страны, как Россия, Вы отказываете в праве не только обсуждать вопрос об ошибках лидеров, «политических Покрышкиных», но даже задавать соответствующие вопросы (а ведь я ничего не утверждал, я только задал Вам вопрос). Между тем от ошибок лидера страдает вся возглавляемая им страна, в том числе те ее граждане, кто пытается что-то понять, задает разные вопросы.

«РОССИЯ ВНОВЬ ПОГРУЖАЕТСЯ В ТРЯСИНУ»

— Следующий мой вопрос Вы, наверное, тоже переадресуете Борису Николаевичу, но я все же хотел бы знать и Ваше мнение. Как Вы думаете, переживает ли Ельцин сейчас, видя столь серьезные отклонения от намеченного им курса?

— Я знаю ответ на этот вопрос, но я действительно переадресую Вас к Борису Николаевичу.

— Можете ли Вы себе представить, что в какой-то момент пенсионер Ельцин выступит с резким заявлением, осуждающим курс Путина?

— Тот же ответ.

(Как мы знаем, Ельцин так и не выступил с таким заявлением, хотя, судя по воспоминаниям Михаила Касьянова, вроде бы собирался. — О.М.)

— Тогда вопрос, относящийся непосредственно к Вам. Сейчас ведь корежится и многое из того, что вы сами сделали и к чему стремились в 90-е годы, — происходит реприватизация, национализация, незаконный захват собственности чиновниками, подмена законов рынка чиновничим произволом, создание государственных супермонополий, таких, как «Газпром» (это при том, что у нас существует специальное антимонопольное ведомство). Вы переживаете по этому поводу или взираете на происходящее с философским спокойствием как на неизбежное? Возлагаете ли Вы среди прочего вину и на Ельцина, который не сумел найти достойного преемника?

— Начну с ответа на второй вопрос: вину на Ельцина за это не возлагаю. Ответ на первый вопрос: да, переживаю, мне не кажется это разумным.

— Как Вы думаете, осознает ли сам Путин, что он совершил по отношению к Ельцину своего рода предательство? Не тяготит ли его это хотя бы иногда?

— Он никогда не приносил присягу на верность курсу либеральных реформ в России. К тому же и не могу сказать, что он от чего-то там отступает: у меня свое мнение, у него — свое. Собственно, никто никогда его в либералы не принимал.

— Да, вполне возможно, слова «либерал», «либеральные» при передаче власти от Ельцина к Путину не были произнесены (Ельцин и сам с трудом их выговаривал). Но в том, что Путин дал Ельцину обещание не отступать от его курса, у меня нет никакого сомнения. В этом я уверен на 100%. Как и в том, что он не выполнил этого обещания.

— Об этом, на мой взгляд, легче судить тем, кто присутствовал при их разговоре в 1999 г.

— Вы говорите, что переживаете по поводу происходящего... Но в Ваших публичных выступлениях, где Вы критикуете действия нынешних властей, не слышится личностного мотива. Поймите меня правильно: я вовсе не призываю Вас публично рвать на себе волосы, демонстрируя разочарование и отчаяние. Просто мне хочется понять, каковы реальные, не выдуманные, не «литературные» чувства людей, оказавшихся сейчас в таком положении, как Ельцин и Вы.

— Позвольте ответить вопросом на вопрос. Как Вы думаете, что чувствуешь, когда тебе кажется, что ты уже вытащил свою страну из трясины, а потом видишь, как ее снова туда затягивает?

Владимир Ильич Ленин был глубоко прав

Бывший и. о. премьера Российской Федерации Егор Гайдар считает, что сценарий мира по-американски если и осуществится, то лишь отчасти. О том, какой будет эта часть, он рассказал обозревателю журнала «Коммерсантъ-Власть».

«ЭТО ГЛУПАЯ ИДЕЯ, И ОНА НИКОГДА НЕ БУДЕТ РАБОТАТЬ»

— Америка сможет сохранить лидерство в мире к 2020 г.?

— Она к 2020 г. будет крупнейшей в мире экономикой по ВВП, текущему валютному курсу и даже паритету покупательной способности. Это не только возможно, это весьма вероятно. То, что мир при этом останется монополярным, крайне маловероятно. Принципиальный вопрос: как Америка и в целом Запад смогут адаптироваться к тому, что их доля в мировом ВВП будет постепенно сокращаться? Она по-прежнему будет очень большой к 2020 г., но будет существенно меньше, чем сегодня. Владимир Ильич Ленин не является моим, как Вы понимаете, идеологическим героем, но, когда он написал о неравномерности развития как важнейшем факторе, провоцирующем конфликты, он, если смотреть на происходившее с точки зрения сегодняшних знаний, был глубоко прав. Это действительно серьезный вызов, и в первую очередь по отношению к элитам тех стран, которые лидируют.

— А как будут складываться отношения между США и Китаем?

— Рост доли Китая в мировом ВВП, как и рост Индии, — это данность. Исходя из всего, что мы знаем, доля Китая в целом составляла примерно 20–25% мировой экономики на протяжении предшествовавших трех тысяч лет. Эта доля перестала быть таковой из-за современного экономического роста в Западной Европе,

Интервью брала Наргиз АСАДОВА.

Опубликовано в: Коммерсантъ-Власть. 2006. № 21. 29 мая.

а потом и в западноевропейских колониях. Китай сейчас просто постепенно восстанавливает свою долю в мировом ВВП. То, что восстановит, более чем вероятно. То, что Индия, которая тоже имела примерно 20% мировой экономики на протяжении нескольких тысячелетий, восстановит свою долю, опять же более чем вероятно. Сохранить в этой ситуации мир, с точки зрения экономики, в том виде, в котором он сформировался после Второй мировой войны, будет невозможно. То, что нужны будут новые прорывные решения, чистая правда. Очевидно, что это будет непросто сделать из-за инерционности принятия решений в стабильной демократии.

— А доллар останется резервной валютой?

— Резервная валюта — это действительно доллар США в значительной степени. Это отражение того, что военные возможности Америки несопоставимы с военными возможностями других стран. Если Вы посмотрите, как реагируют курсы валют на увеличение каких-то мировых напряженностей, то традиционной реакцией является в большинстве случаев повышение курса американской валюты именно потому, что участники финансового рынка считают, что доллар подкреплен в том числе военной мощью США в отличие, скажем, от Европы. Если в мире что-то плохо, если только это не связано с самими же американскими проблемами в том же Ираке, доллар повышается. В связи с этим, конечно, то, что Америка не будет в такой степени доминирующей в военном отношении страной через 20–30 лет, достаточно бесспорно. То, что в связи с этим мы будем жить в ином финансовом мире, тоже очевидно.

— Но даже поговорка есть такая: «Доллар, он и в Африке доллар», про юань «он и в Африке юань» не говорят.

— Доживем до того, что будут говорить: «Рубль, он и в Африке рубль, так же как юань, он и в Африке юань».

— То есть будет много резервных валют?

— Да. Через 20 лет будет больше резервных валют. Будут валюты первого класса, естественно, доллар и евро, юань и иена. Будут и валюты второго класса — канадский доллар, австралийский доллар, рубль, фунт стерлингов, реал, тоже абсолютно конвертируемые, в которых держится часть резервов, так же как мы сейчас увеличиваем свои вложения, не связанные с долларом и евро. Что здесь важно: это будет другой мир, которого на самом деле никто точно не понимает. Мир на протяжении последних 15 лет прошел набор крупно-

масштабных финансовых кризисов. Пожалуй, самыми крупными были кризис задолженности в латиноамериканских странах начала 1980-х, мексиканский кризис 1994-го, кризис Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг., распространившийся на Россию и Бразилию. Важно понимать, что очень квалифицированные экономисты, в том числе те, кто работал в органах, отвечающих за мировую финансовую стабильность, ни одного не предвидели. Управление всеми тремя кризисами, на мой взгляд, было очень высококачественное, во всех случаях были приняты правильные решения, минимизирующие долгосрочные негативные последствия. Но самые умные люди в мире, которых я знаю, ни тот, ни другой, ни третий кризис не предвидели. Это просто свидетельствует о том, что мы живем в очень своеобразно устроенном мире. Ты должен быть всегда гибок, ты должен быть всегда готов к неприятностям, готов к кризисам и к тому, что должен давать нестандартные ответы на нестандартные вопросы.

— *Какие Россия должна дать нестандартные ответы в условиях, когда с одной стороны находятся мощные США, а с другой — усиливается Китай?*

— Мы заинтересованы в хороших отношениях с Америкой, с Китаем, мы не заинтересованы в том, чтобы кто-то разыгрывал российскую карту. Если ты позволяешь поставить себя в такое положение, то после этого твои интересы под угрозой в любом споре основных игроков мира XXI в. А это будут действительно, по всей видимости, Америка, Европа и Китай. Да, мы будем довольно крупным и важным игроком в мире, но мы устроены так, что нам не нужны союзы, направленные против кого бы то ни было. Нам не нужны союзы с Европой против Штатов. Это глупая идея, и она никогда не будет работать. Нам не нужны союзы с Китаем против Штатов. Нам не нужны союзы со Штатами против Китая. Нам нужна гибкая внешняя политика, которая позволяет в этом меняющемся мире адаптироваться и действовать в соответствии с национальными интересами, а не с чем-нибудь еще.

«В период позднего Брежнева нефтяные цены были намного выше»

— *В сценарии говорится, что спрос на энергоресурсы к 2020 г. значительно вырастет и в Китае, и в США, и в Европе. Российская эли-*

та уже сейчас начинает шантажировать Европу, мол, не хотите продать нам свои трубы — мы газ в Китай продадим. К чему может привести такая политика?

— На мой взгляд, такая политика глуповата. Самое умное, что я слышал по поводу цен на нефть, было сказано моей хорошей знакомой Анной Крюгер, замечательным экономистом и первым заместителем директора-распорядителя Международного валютного фонда. Аня сказала, что до тех пор, пока подавляющее большинство аналитиков и участников рынка будут считать, что аномально высокие цены на нефть — это на короткий период, они останутся высокими. Когда большинство участников рынка сочтет, что они будут аномально высокими надолго, они рухнут. Что чистая правда. Это связано с тем, как устроен рынок, как устроены вообще сырьевые рынки и как, в частности, устроен рынок нефти. Если говорить профессиональным языком, эластичность спроса и предложения на этих рынках в краткосрочной и долгосрочной перспективе радикально различается, т. е. если завтра цена на бензин вырастет в 3 раза, ты будешь ругать правительство страшными ругательствами, но не перестанешь ездить на машине на работу. Но если ты поймешь, что это надолго, то всерьез подумаешь о том, чтобы пересесть на машину, которая заправляется газом, водородом, чем угодно. Мы не видели аномальных цен на нефть? Да они в период позднего Брежнева были намного выше, чем сейчас, в реальном исчислении. И тогда все полагали: сейчас мы их и дожмем. Это было накануне того, как они упали в 8 раз. Опять делать то же самое? По-моему, для этого надо быть поразительным идиотом.

— *В соответствии со сценарием к 2020 г. Европа станет безоговорочным союзником. Это возможно?*

— В Европе очень сильны антиамериканские настроения, потому что велико число людей, которые искренне и глубоко не любят Америку. Поэтому представить себе Европу, которая немедленно станет на сторону США в любых мировых конфликтах, довольно трудно. Это первое. Второе: Европа сама сейчас в состоянии довольно глубокого политического кризиса после референдумов во Франции и в Голландии¹.

¹ Имеются в виду референдумы, прошедшие летом 2005 г., на которых население этих стран проголосовало против ратификации так называемой Евроконституции. — Прим. ред.

— Некоторые говорят о социально-экономическом кризисе Европы.

— В Европе сейчас нет глубокого социально-экономического кризиса. Там есть другая проблема — Европа, как и США, как и Япония, сталкивается с глобальными вызовами первой половины XXI в.: старение населения, сокращение рабочей силы в трудоспособном возрасте, увеличение числа пенсионеров, увеличение затрат на здравоохранение на фоне ограничения финансовых возможностей. Потребность в мигрантах, которых хотят видеть в качестве водителей автобусов и не хотят видеть в качестве соседей.

— А кто будет отвечать за безопасность в будущем многополярном мире?

— Нет базы для точного прогноза. Если обсуждать эту тему на уровне сценария, надо понять, что все-таки и США, и Европа, и Китай, и Индия, и Россия — это при всех их проблемах достаточно стабильные страны с развивающейся экономикой. Они не заинтересованы в эскалации конфликтов между собой, которые могут привести к военному противостоянию. Но есть другие страны, которые не являются стабильными, у которых серьезные социальные и культурные проблемы, где возможны всплески того радикализма, который характерен был для первой половины XX в. Ни Штатам, ни Европе, ни России, ни Китаю не нужен всплеск исламского фундаментализма, выливающийся в войны, ядерный шантаж, угрозу терактов. В связи с этим мы можем не любить друг друга, но у нас есть объективные интересы. Черчилль любил Сталина или сталинский режим? Но 22 июня он сказал, что сделает все, чтобы помочь Советскому Союзу. Просто он прекрасно понимал, что мы в одной лодке. Если рассматривать вопрос с точки зрения стратегии, у нас, американцев, европейцев, индийцев, китайцев есть общая заинтересованность в том, чтобы процесс трансформации исламских обществ в общество обеспеченное и стабильное прошел гладко, а не вылился бы в череду опасных противостояний и конфликтов.

Загнать джинна в бутылку очень сложно

— Егор Тимурович, осенью исполнится 15 лет с тех пор, как Вы работали в правительстве. Не жалеете, что ходили во власть?

— Не жалею. Если бы в Советском Союзе были золотовалютные резервы, как сегодня в России — 200 млрд долл., ни меня, ни моих друзей никто бы в правительство не позвал. Нас позвали уже после того, как Советский Союз стал банкротом. С последствиями финансовой катастрофы кто-то должен был разбираться. В том, что занятие будет тяжелым, и нам за эту работу спасибо не скажут, никто не сомневался — ни я, ни мои коллеги.

Мы понимали, что делаем. Ситуация была катастрофической. Никогда до этого в мировой истории не было случая банкротства ядерной сверхдержавы, сопровождавшегося к тому же процессом дезинтеграции денежной системы бывшей империи. Ближайшая параллель — неизмеримо более простая — история Австро-Венгрии после Первой мировой войны: гиперинфляция, серьезная угроза гражданской войны, которую остановили войска Антанты.

О том, как разворачивался кризис советской экономики в конце 1980-х годов я подробно написал в книге «Гибель империи. Уроки для современной России», которая должна выйти в июне этого года. В нашей стране, где нерыночные механизмы к осени 1991 г. полностью перестали работать, надо было без промедления вводить рынок, понимая при этом, что ни рыночных традиций, ни рыночных институтов нет.

Это была уникальная ситуация в истории человечества. Она была крайне опасна. Кому-то надо было с ней разбираться. Экономическая катастрофа разворачивалась в стране, где находились 31,5 тыс. единиц ядерного оружия. Положениеказалось безвыходным.

— Что Вы испытываете, вспоминая те годы?

Интервью брала Галина ПОЛОЖЕВЕЦ.

Опубликовано в: Национальный банковский журнал. 2006. № 5. Май.

— Чувство тяжести решений, которые приходится принимать. опасность происходившего и для страны, и для мира.

— Когда говорят о команде Гайдара, всегда вспоминают, как Вы наполнили магазинные полки товарами буквально за пару месяцев, чего не удавалось советской власти за 70 лет, и как при этом повергли страну в полную нищету, отпустив цены. Все-таки правильным ли был этот шаг?

— А какова была альтернатива? С точки зрения ключевых для жизни страны параметров Россия конца 1991 г. напоминала Россию 1917 — начала 1918 г. Механизм товарооборота, и в первую очередь снабжения городов зерном, был парализован.

Есть два варианта, как можно обеспечивать снабжение городов продовольствием. Первый — когда вы твердо знаете, что надо расстрелять столько-то тысяч людей, чтобы отобрать зерно и что, при отданном приказе, солдаты согласятся стрелять в народ. Второй — когда вы готовы покупать зерно по цене, которая является приемлемой для села.

Начиная с 1915 г. царский режим пытался отнимать зерно по нерыночным ценам, вводить то, что называлось продразверсткой. У него это не получилось. В 1917 г. на фоне продовольственных проблем в Петербурге солдаты отказались стрелять в народ. Режим рухнул в течение 72 часов, несмотря на то что царь Николай дал однозначный приказ — стрелять.

В августе 1991-го советские войска тоже отказались стрелять. Режим рухнул. Когда подобное происходит, вы должны понимать, что у вас нет реальной силы для того, чтобы отобрать у крестьян зерно силой. Тогда вам надо зерно покупать. Чтобы это делать, нужны рыночные механизмы.

Либо голод, гражданская война, попытка еще раз провести продразверстку со всеми последствиями, либо рынок, рыночные цены, рыночное товаро обращение. Это был реальный выбор. Мы понимали, что не готовы идти по пути продразверстки и гражданской войны. Значит, тогда что? Вы хотите дождаться следующего урожая? Тогда надо зерно закупать по рыночным ценам, при том что рыночных цен не было 70 лет, что 15 центральных национальных банков печатали общую валюту и соревновались, кто напечатает ее быстрее.

Мы рассматривали различные варианты гиперинфляции. Мы изучали послевоенную либерализацию в Германии. Мы знакоми-

лись с опытом либерализационной политики. Но это была политика, которая проводилась в странах с многовековой традицией частной собственности и демократии. Ничего сравнимого с проблемой банкротства Советского Союза в мировой истории не было.

— Вы хотите сказать, что путь, который прошла наша страна, невозможно повторить? Он уникален?

— Теперь он не уникален. Сегодня за нами опыт 28 постсоциалистических стран. Мы теперь знаем о постсоциалистическом переходе несопоставимо больше того, что было известно в мире в 1990 г., когда Лешек Бальцерович начинал реформы в Польше.

По многим параметрам проблемы, с которыми сталкивалась Россия, напоминают те, с которыми столкнулись другие страны. Нам было чуть легче, потому что мы хотя бы могли опереться на первые результаты польской реформы, чешской реформы, и в чем-то сложнее — восточноевропейские страны не были центром империи, там не было проблем, связанных с ядерным оружием.

— Какие прежние ошибки, с Вашей точки зрения, нашли отголосок и в нынешней экономической политике? Были ли грабли, на которые наступали и Вы, и правительство после Вас?

— Разумеется, если бы я знал все, что знаю сегодня про переходные процессы с точки зрения техники проведения реформ, сделал бы многое лучше. Вы спросите: была бы у нас из-за этого другая страна сегодня? Отвечу: нет, она не стала бы другой.

— Почему?

— Потому что есть фундаментальные проблемы — длительный период социализма, крах социалистической системы, отсутствие рыночных институтов, необходимость либерализации цен без их существования, непонимание обществом того, что такое рынок, неготовность обсуждать это в адекватных терминах, недостаток времени, чтобы общество всему этому обучилось. С базовыми проблемами ничего не сделаешь. Они задают тон всему, что происходит в стране.

— А как Вы оцениваете нынешнюю макроэкономическую политику?

— Высоко.

— Но ее все чаще критикуют.

— Естественно, критикуют. Кто же не будет критиковать ответственную финансовую политику в условиях высоких цен на сырьевые ресурсы в ресурсозависимой стране?

— В чем же плюсы проводимой политики?

— Мы находимся в клубе стран, экономика которых серьезно зависит от колебания цен на сырье. В этом нет ничего страшного. Самая успешная экономика по индексу человеческого развития — Норвегия — тоже ресурсозависимая. Канадский доллар, австралийский доллар, так же как и новозеландский доллар, зависят от конъюнктуры сырьевых цен. Чили, экономика которой наиболее успешно развивается в Латинской Америке на протяжении последних 20 лет, сильно зависит от конъюнктуры цен на медь.

В чем специфика этого клуба? Цены на сырье колеблются в широком диапазоне, необычном для большинства других товаров. В диверсифицированной экономике, скажем, Соединенных Штатов соотношение экспортных и импортных цен в год за последние 40 с лишним лет изменилось не больше чем на 16%. За внешним шоком последовал довольно тяжелый экономический кризис середины — конца 1970-х годов, период так называемой стагфляции.

А как вам нравится шестикратное изменение цен на товары, которые являются базой вашей внешней торговли, платежного баланса и бюджета? А именно это произошло между 1981 и 1986 гг. с ценами на нефть, после этого советская экономика начала разваливаться. В 1998 г. цены на нефть в реальном исчислении упали всего в 2,1 раза. В нашей стране разразился глубокий финансовый кризис.

Больше всего нынешнюю макроэкономическую политику критикуют за Стабилизационный фонд: зачем мы вкладываем огромные средства в иностранную экономику, вместо того чтобы решать насущные проблемы? Есть в мире государство, которое делит с нами это «нефтяное проклятие», — Норвегия. Как вы думаете, во сколько раз норвежский Стабилизационный фонд по доле ВВП больше нашего? В 12 раз. Если вы считаете, что в Норвегии нет проходимцев, которые рассказывают, что надо немедленно потратить Стабилизационный фонд, так их там сколько угодно. Но тем не менее норвежская политическая элита понимает, что если цены на нефть, не дай Бог, выйдут на уровень средних многолетних, то ни пенсионерам, ни врачам, ни учителям не объяснишь, что теперь мы вам не будем платить пенсий и зарплат, закроем госпитали и школы. В Норвегии понимают, что это невозможно. Такую политику тяжело защищать, но что делать, это наше «нефтяное проклятие».

Норвежский Стабилизационный фонд управляетя бюрократией, которая имеет репутацию эффективной и одной из наименее коррумпированных в мире. Такой бюрократии в принципе можно доверять инвестиционные решения, которые не являются универсальными. К сожалению, российская бюрократия не пользуется такой репутацией. В этой ситуации расширять свободу решений, принимаемых чиновниками, в определении способов использования средств Стабилизационного фонда, начинать вкладывать их в рисковые бумаги, на мой взгляд, опасно. В нынешних российских условиях Стабилизационный фонд — это в первую очередь инструмент обеспечения финансовой стабильности, в том числе надежности банковской системы, а не зарабатывания денег.

— В последнее время все чаще слышны разговоры о грядущем банковском кризисе и дефолте. Вы тоже об этом говорили. Вы согласны, что нас ждут нелегкие времена?

— Во-первых, я о дефолте не говорил вообще. Не читайте российских газет. Во-вторых, почему я говорил о рисках, связанных с банковским кризисом? Объясню.

Сказал о них именно потому, что не вижу краткосрочных рисков, связанных с банковским кризисом. Если бы их видел, то никогда не позволил бы себе об этом говорить. В 1997–1998 гг. хорошо понимал, каковы риски, связанные с рынком ГКО и валютным курсом. Не позволил себе сказать по этому поводу ни одного слова, понимал, что угроза серьезна, всякое сказанное слово может спровоцировать неконтролируемый кризис.

Именно потому, что сейчас не вижу серьезных краткосрочных рисков устойчивости российской банковской системы, позволил себе обсуждать то, что в среднесрочной перспективе такая проблема существует. В первую очередь она связана с тем, что государственные банки предоставляют крупные кредиты государственным компаниям. Во многих странах развитие подобной ситуации с течением времени приводило к банковскому кризису. Наше общество должно понимать, что когда мы обсуждаем вопрос о Стабилизационном фонде или валютных резервах, речь идет о том, насколько гарантированы вклады населения в российскую банковскую систему. Когда людям рассказывают, как здорово можно потратить валютные резервы, на самом деле обсуждается вопрос: вернут ли им когда-нибудь их нынешние вклады. Советский

Союз все деньги населения вложил в государственные обязательства. Об этом свидетельствует массив официальных документов. Потом он обанкротился. Я не хочу, чтобы в моей стране это произошло еще раз.

— *Как подавить инфляцию? Влияют ли на темпы ее роста тарифы на продукцию и услуги естественных монополий?*

— То, что инфляция в первую очередь денежный феномен, бесспорно. М. Фридман в 1976 г. получил Нобелевскую премию за цикл работ, посвященных доказательству этого тезиса. То, что в инфляции есть неденежные компоненты, которые играют меньшую роль, но по крайней мере в краткосрочной перспективе имеют значение — чистая правда. Если брать собственно денежные факторы, включая инфляционную инерцию, то они отвечают сегодня в России примерно за 80% инфляции. Остальные факторы неденежные: тарифы ЖКХ и т. д. — за оставшиеся примерно 20%. Что бы ни делали с тарифами на услуги естественных монополий, пока у нас будет сохраняться диспропорция денежного спроса и предложения, снизить инфляцию не удастся.

— *Возвращаясь к росту цен, какая инфляция нам нужна?*

— Целевой ориентир инфляции — Европейский союз, т. е. инфляция в размере 2–3%. К ней лучше идти пошагово. В 2000–2003 гг. мы к ней шли достаточно успешно, инфляция снижалась примерно на 2% в год. Если бы не проблемы, связанные с ЮКОСом, налоговыми претензиями, негарантированностью прав собственности, увеличением цены отсечения на нефть и соответственно наращиванием непроцентных обязательств бюджета, то сегодня инфляция, думаю, была бы близка к 6% в год.

— *Центробанк взялся за укрепление курса рубля. Вы поддерживаете эту политику?*

— Не думаю, что укрепление рубля является важнейшей задачей Центробанка. Конечно, рубль неизбежно будет укрепляться при нынешней конъюнктуре сырьевых цен.

На мой взгляд, главным для Центрального банка является сложное решение двух задач: Это сдерживание инфляции и одновременно предотвращение избыточно быстрого укрепления рубля. Ни в каком учебнике вы не прочитаете, как это сделать средствами собственно денежной политики. Возможно сочетание денежной и бюджетной политики: снизив нефтяную цену отсечения, вы

одновременно снизите инфляцию и предотвратите слишком быстрое укрепление рубля. Но это уже не в силах самого Центрального банка.

— *Скажите, пожалуйста, как бы Вы оценили российскую банковскую систему?*

— Наша банковская система сегодня в гораздо лучшем состоянии, чем была несколько лет назад. Она развивается в правильном направлении. Руководство Центрального банка, на мой взгляд, стратегически разумно выстроило свою политику. Может быть, я бы предпочел чуть большую жесткость в требованиях к банкам. Думаю, сделанное за последние четыре года можно было бы сделать быстрее. Хотя, возможно, здесь слишком поспешать не надо — можно навредить.

Российская банковская система возникла своеобразно. В мировой истории банковского дела я не знаю примеров, чтобы в крупной стране количество коммерческих банков за один год выросло с нуля до более чем тысячи без всякой истории коммерческого банковского дела, банковского надзора, без квалифицированных кадров.

Это был результат полной некомпетентности советских властей. Причем небанковских. Руководство Госбанка СССР, как показывают архивные материалы, хорошо понимало риски, связанные с такими темпами экспансии коммерческого банковского сектора, предупреждало об этом правительство. Но советские руководители, не решаясь пойти на такую тяжелую в политическом отношении меру, как либерализация цен, и желая показать, что проводят рыночные реформы, радикально либерализовали банковский сектор, ту сферу экономической деятельности, с которой надо быть очень аккуратным.

Это тот случай, когда джинна из бутылки выпустить просто. Трудно загнать его обратно. Сейчас Центральный банк постепенно, с огромными усилиями, но улучшает положение в банковском секторе.

— *Банкиры упрекают Центробанк за то, что он, сохраняя ставку рефинансирования на высоком уровне, сдерживает развитие банковской системы.*

— Надо понять, что, обжегшись на молоке, консервативный Центральный банк дует на воду. Пережив кризис и дефолт 1997–1998 гг.,

ни у одного нормального центрального банка не появится страстного желания немедленно начинать крупные заимствования на внутреннем рынке для того, чтобы сдержать темпы роста денежного предложения. Но сейчас само развитие событий будет подталкивать Центральный банк к действиям, идущим в этом направлении.

— *Каково Ваше отношение к открытию отделений иностранных банков у нас в стране?*

— На мой взгляд, вопрос не стоит выеденного яйца. Я обсуждал эту тему с руководителями крупных западных банков, которые либо работают в России, либо собираются работать. Им эта проблема безразлична. Они могут работать здесь хоть через дочку, хоть через филиал. Это не вопрос мощного давления международных банков, а, скорее, ситуация, которая возникает в международных переговорах, когда проблема не важна, но каждая сторона не хочет уступать.

— *Однако российские банки со страхом ждут нашествия иностранцев.*

— Считаю, что жесткая конкуренция — это то, что нужно нашей банковской системе. Я как потребитель хочу, чтобы цены обслуживания были приемлемыми, реальные процентные ставки по моим вкладам — разумными, чтоб маржа между вкладами по депозитам и кредитам была на мировом уровне. Поэтому приход сюда международных банков, которые обеспечат рост уровня конкуренции, для меня выигрыш. Моя семья будет иметь лучшие условия банковского обслуживания, причем, я вас уверяю, к этому приспособятся и российские банки. Они поймут, что если крупнейшие иностранные банки предлагают клиентам такие условия, то куда же им деться? Надо предлагать такие же, а дальше думать, сколько ты сам себе должен платить денег, какая у тебя должна быть секретарша, как должен у тебя быть выстроен офис, можешь ли ты позволить себе избыточный штат.

— *Банкиры часто сетуют на то, что государство не помогает развитию банковской системы, что политика его по отношению к банкам неясна.*

— Тут есть противоречие. Если государство не знает, какая должна быть банковская система, зачем у него просить помочь? Когда пожилые люди ждут помощи от государства, я это понимаю. Когда же система коммерческих банков ждет помощи от государ-

ства — если только мы не говорим сейчас об отмене избыточного бюрократического регулирования банковского сектора, о том, что процедуры принятия решений должны быть прозрачными, а конкурсы на распределение средств не коррумпированными, — это мне непонятно. Если с этим не соглашаться, придется признать, что и нефтяным компаниям следует попросить у государства помощи.

— *Вы считаете нормальным, что сегодня роль государства в нашей экономике становится все значительнее?*

— В 1990-х годах его роль сокращалась. Экономика за это время вышла из периода глубокого кризиса и резкого падения производства. На протяжении последних восьми лет наблюдается устойчивый рост экономики. Если попытаться вернуть экономику снова в состояние свободного падения, в котором она была в конце 1980-х — начале 1990-х годов, увеличение доли государства — сильное средство.

— *Но темпы экономического роста уже снижаются. Это связано с объективными причинами или является следствием государственной политики?*

— Пока я бы не стал делать столь радикальных выводов. Два с половиной года назад я опубликовал статью «Как остановить экономический рост в России», в которой написал, что до сих пор экономический рост в 28 постсоциалистических странах удавалось остановить не более чем на 1–2 года. Создание обстановки неопределенности, неясности правил игры — сильный ход, позволяющий надеяться на остановку экономического развития. Это не значит, что он обязательно сработает, но риски того, что это произойдет, есть.

— *Какие вызовы ждут нашу экономику в ближайшие годы?*

— Все, что связано с зависимостью нашей экономики от колебания цен на нефть и нефтепродукты. Люди, которые никогда не управляли ресурсозависимой экономикой, не понимают, что это такое. Приятно управлять ресурсозависимой страной в условиях, когда цены на ресурсы растут. Но когда они падают, оказывается, что с последствиями ранее сделанных ошибок разбираться непросто.

Считаю, что научиться грамотно управлять ресурсозависимой экономикой в условиях благоприятной конъюнктуры — это самый серьезный вызов, с которым сегодня столкнулась Россия.

Общество устает от глупостей

— 15 лет назад ситуация в стране была страшная: полки магазинов пустые, золотовалютные резервы практически на нуле, денег у государства нет ни на что. Сейчас все иначе: очередей практически нет, о дефицитах забыли, власть не знает, куда девать нефть-доллары. Не хотелось бы Вам оказаться в кресле премьер-министра сегодня, чтобы, как говорится, «почувствовать разницу»?

— На этот вопрос очень просто ответить. Если бы валютные резервы страны осенью 1991 г. составляли 235 млрд долл., а не ноль, как тогда, никто бы ни меня, ни моих коллег по правительству реформ к рычагам власти не пригласил. Очередь желающих распорядиться средствами стояла бы от Москвы до китайской границы.

— Однако, несмотря на все перемены, у нас так и не прижились такие ценности, как коммерческая жилка, рынок, свобода предпринимательства. Почему большинство по-прежнему хочет быть одинаково нищим и не любит тех, у кого получается зарабатывать деньги?

— Не согласен с такой оценкой. Граждане России оказались более способными к коммерческой деятельности, предпринимательству, проявлению инициативы, чем я и мои коллеги в середине 1980-х годов полагали. В стране на протяжении трех поколений не было легального предпринимательства, полноценных рынков. За частное предпринимательство в соответствии с действовавшим законодательством полагался длительный срок тюремного заключения. Многие экономисты и социологи в конце 1980-х годов убеждали, что потребуются поколения, чтобы восстановить способность наших сограждан вести предпринимательскую деятельность. Опыт показал: для решения этой проблемы нужны годы, но не десятилетия.

— Но, согласитесь, Егор Тимурович, богатых у нас все равно не любят!

Интервью брала Анастасия МАЛАХОВА.
Опубликовано в: Новые Известия. 2006. 1 июня.

— А их не любят отнюдь не только в нашей стране. Принять то, что кто-то обеспеченнее тебя потому, что у него сильнее воля, он более предприимчив, энергичен, удачив, способен точно оценивать и принимать на себя риски, а не просто потому, что он редкостная скотина, — нелегко. В России эта проблема усугубляется историей. Причем речь идет отнюдь не только о последних ее годах.

Перечитав российскую классику, нетрудно заметить, что отношение к частной собственности в нашей стране на протяжении веков было более чем спорным. То, что делает в глазах общества частную собственность легитимной, позволяет принять факт существования тех, кто богаче тебя, — традиция. Так было при отцах, дедах, прадедах. Ключевая проблема сегодняшней России — механизма легитимации частной собственности не существовало на протяжении многих десятилетий и нет сейчас.

То, что мы знаем об экономической истории последних веков, свидетельствует: без гарантированной, уважаемой частной собственности долгосрочно устойчивое развитие страны невозможно. Из той же экономической истории известно и другое: там, где за частной собственностью не стоит длинная традиция, обеспечить гарантии частной собственности непросто. Мы имеем дело с задачей, которая кажется неразрешимой. Но герой одной из книг, принадлежавшей перу братьев Стругацких, Кристобаль Хунта «из принципа интересовался только такими задачами, для которых доказано отсутствие решения». Разделяю его позицию.

— Грустный оптимизм. Вы ведь видите и слышите, что слова «либеральные ценности», «демократические реформы» стремительно исчезают из нашего лексикона, в ходу теперь «порядок», «усиление роли государства». Это тоже дань традиции?

— Мода на слова «порядок» и «усиление роли государства» в сегодняшней России понятна. В конце 1980-х — начале 1990-х годов страна прошла через титанические социально-экономические и политические изменения. Исследователи описывают их словами «Великая революция». Рухнули старый порядок, система организаций политической и экономической жизни, утратила привлекательность идеология, доминировавшая на протяжении десятилетий, произошли радикальные изменения в образе жизни людей, составе административно-политической элиты, распределении собственности.

Когда я употребляю слова «Великая революция», не вижу в этом ничего романтического. Те, кто что-либо знает о социально-политическом развитии, осведомлены: революция — трагедия для общества, которое ее переживает, плата за неспособность элит предшествовавшего режима провести упорядоченные реформы, адаптировать национальные институты к вызовам меняющегося мира. Это время слабых правительства, неспособных эффективно собирать налоги, выполнять финансовые обязательства, поддерживать порядок на улицах, обеспечивать выполнение контрактных обязательств. У власти нередко яркие, энергичные, иногда жестокие политики. Как бы мы ни относились к Кромвелю, Робеспьеру и Ленину, отказать им в том, что они были сильными политическими лидерами, трудно. Тем не менее все они возглавляли слабые правительства, неспособные собирать налоги.

О бюджетных неплатежах в России начала 1990-х годов, в период президентства Бориса Ельцина, большинство взрослых граждан России слышало. Однако, думаю, не все знают, что главной экономико-политической проблемой кромвелевской Англии в XVII в. также были бюджетные неплатежи, многомесячные задержки выплат тем, чьи доходы зависели от государственного бюджета, в первую очередь армии.

Проблема не в личностях. Правительства революционной эпохи слабы не потому, что их лидерам недостает твердости. Дело в другом. За ними не стоит историческая традиция, укоренившееся представление о правилах игры на политическом поле. Соревнующиеся за контроль над органами государственной власти политические силы норовят, вместо того чтобы разыграть изящный вариант Паульсена в сицилианской защите, взять в руки шахматную доску и ударить противника по голове.

Раньше или позже общество, уставшее от неэффективной власти, беспорядка, невыполненных контрактов, инфляции, невыплаченных зарплат, предъявляет спрос на «порядок» и «укрепление государства». В этом мы не одиноки. Так было в Англии XVII в., во Франции XVIII в., России и Мексике начала XX в. Происшедшие изменения стали привычными, приняты и элитами, и обществом. Это открывает дорогу усилию правительства, расширяет свободу политического маневра.

— Правильно ли я поняла, что в России «эпоха Кромвеля» закончилась навсегда и спроса на свободу теперь долго не будет?

— Чтобы избежать обвинений в политической субъективности, не буду приводить российские примеры. Однако вряд ли кто-нибудь, что-либо знающий об английской истории середины XVII в., решится сказать: Карл II Стюарт как политический лидер был сильнее Кромвеля. Но Кромвель не смог распустить постоянную армию, решить ключевые проблемы английского бюджета. Карл II сделал это сразу после реставрации. Разница была не в силе воли, а в историческом моменте.

Опыт показывает: стабильность реставрированных режимов, база которых — накопленная за годы революции тяга к функционирующей власти, недолговечна. С течением времени, измеряемого жизнью одного поколения, общество устает от глупостей тех, кто, как Бурбоны во Франции, ничего не понял и ничему не научился. Спрос на свободу вновь оказывается предъявленным.

— Давайте вернемся из европейской истории в сегодняшний день России. Одна из самых горячих тем сейчас — вступление в ВТО. Мнения очень разные. Почему, на Ваш взгляд, всему миру хочется в ВТО, а мы так кипрзничаем?

— Мы не кипрзничаем. ВТО — организация, быть членом которой, если хочешь эффективно защищать свои интересы в мировой торговле, полезно. Опыт показывает: вступление в ВТО ускоряет темпы экономического роста принятой страны в диапазоне от 0,5 до 1% ВВП в год. Это немало. Однако не надо иллюзий. ВТО не сообщество романтических либералов, а клуб жестких отраслевых и страновых лоббистов, которых берут на работу и платят за то, что они отстаивают интересы тех, кто их поставил. А XX в. показал: иметь такой клуб, регулирующий международные торговые споры, лучше, чем не иметь никакого. Быть в нем представленным для национальной экономики полезнее, чем оказаться изгоям. Вопрос об условиях вступления в этот клуб — предмет тяжелых переговоров. Мой хороший знакомый, в свое время министр иностранных дел Польши, в этой роли проводивший переговоры об условиях вступления в Евросоюз, описал происходившее двумя фразами: «Быть в Евросоюзе — это рай. Вести переговоры о вступлении в Евросоюз — это ад». Пока мы ведем переговоры о вступлении в ВТО. Это непросто.

— В этом году вы отметили 50-летний юбилей. О старости говорить рано, но кое-какие итоги, видимо, уже можно подвести. Чем Вы гордитесь, оглядываясь назад?

— В ноябре 1991 г., когда Борис Ельцин пригласил меня работать в правительство, экономическая ситуация в нашей стране была близка к той, которая сложилась в конце 1917–начале 1918 г. Как обеспечить снабжение крупных городов продовольствием, не знал никто. Запасы муки для хлебопечения были достаточны для снабжения населения в течение 3–5 дней. Самые распространенные слова в официальных документах советского правительства 1990–1991 гг., с которыми я тогда имел возможность ознакомиться, — «катастрофа», «неизбежная катастрофа», «чрезвычайная ситуация».

Сегодня валютных резервов в России хватит примерно на 2,5 года импорта. Для нефтедобывающей страны в условиях высоких цен на нефть иметь такие валютные резервы разумно. Положение, при котором они опускаются ниже трех месяцев импорта, считают угрожающим сигналом. Когда валютные запасы падают до уровня меньшего, чем один месяц импорта, катастрофа более чем вероятна. К тому времени, когда я был назначен в правительство, валютные резервы были достаточны, чтобы обеспечить импорт в течение 1 часа 45 минут. И это у сверхдержавы, имеющей 31,5 тыс. ядерных боеголовок.

После 21 августа 1991 г. Советский Союз как государство не функционировал. Он не контролировал свои границы, таможенная и пограничная службы в важнейших портовых городах, в частности в Прибалтике, союзным властям не подчинялись. То же относилось и к портам в Украине. Границ между провозгласившими свою независимость государствами не существовало. Союзный бюджет утратил контроль над налоговой системой. Общесоюзные потребности в финансовых ресурсах покрывались за счет печатного станка. Но и в области денежной политики союзные власти контролировать ситуацию не могли. Центральные банки союзных республик игнорировали указания Госбанка СССР, не информировали его руководство о своих действиях, соревновались в том, кто быстрее нарастит масштабы денежной эмиссии в безналичной форме. Некоторые государства, провозгласившие себя независимыми, разместили заказы на печатание собственных денег за гра-

ницей. Ни одного полка, который двинулся бы хоть куда-нибудь для выполнения указаний союзной власти, осенью 1991 г. не существовало.

Важнейшее определение государственности — способность властей обеспечить монополию на применение насилия на контролируемой ими территории. Государства, которые не только не способны это сделать, но и предпринять что-нибудь для обеспечения порядка, существовать не могут. К осени 1991 г. вопрос был не в том, распускать СССР или нет, речь шла о том, закончиться ли его распуск кровавой кашей по югославскому образцу, только замешанной на ядерном оружии, размещенном в четырех государствах с неопределенными и исторически спорными границами. Риск, что мы погубим не только свои страны, но и человечество, был серьезным. Ключевая задача была в том, чтобы провести процесс развода цивилизованно и без большой крови. Это предисловие к ответу на поставленный вопрос.

Когда в начале лета 1992 г. я понял, что мы доживем до нового урожая, сумев избежать голода в российских городах, что тактическое ядерное оружие (наиболее опасное с точки зрения принятия механизма решения о его применении) сосредоточено в России, что вопрос о передислокации в нашу страну стратегических ядерных средств из Украины, Белоруссии, Казахстана согласован, что кровавой гражданской войны по югославскому сценарию начала 1990-х или России 1918–1922 гг. не будет, я понял, что главное, что можно было сделать в жизни, сделано. Все остальное — постскриптум.

— А что в постскриптуме?

— Из того, что удалось достичь в последние годы, доволен тем, что подготовил и помог провести радикальную налоговую реформу, в ее рамках добился введения плоского подоходного налога. Для любого человека, занимавшегося финансами, проведение реформы, позволяющей снизить предельные налоговые ставки и получить в бюджет сотни миллиардов рублей доходов, — мечта. Рад, что успел опубликовать вышедшую в прошлом году книгу «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» и выходящую в ближайшие дни «Гибель империи. Уроки для современной России». Люди, мнению которых доверяю, говорят, что эти работы интересны. Наибольшая гордость в жизни — четверо детей, внук

и внутика. О жене Марии Стругацкой применительно к гордости не говорю. Это не гордость, а любовь.

— Но ведь подведение итогов — это не только плюсы, но и минусы. Они у Вас есть?

— О чём жалею? О том, что, когда в 1991 г. надо было регулировать кризис советской экономики, не знал того, что знаю сейчас, что за мной не было опыта полутора десятилетий, накопленного в 28 постсоциалистических странах, который позволил бы многие вещи сделать точнее. К сожалению, его в 1991 г. в природе не существовало.

Головокружение от нефти

Егор Гайдар рассказал о своей новой книге, посвященной краху советской системы, и оценил состояние российской экономики. На прошлой неделе он выступил перед региональными журналистами на фестивале «Время действовать».

— Моя книга «Гибель империи. Уроки для современной России» посвящена в первую очередь анализу краха советской экономики. Почему я взялся за эту работу именно сейчас? Убежден: в России в последние годы сложилось своеобразное понимание того, что с нами произошло на рубеже 1980–1990-х годов. Мне кажется, это опасно для развития страны и устойчивости демократии. Должен признаться: до начала работы над книгой считал себя информированным человеком. В конце 1980-х годов я был одним из ведущих экономических аналитиков, публиковал статьи, писал записки Горбачеву и Рыжкову. Но когда начинаешь разбираться с документами, понимаешь, что развитие событий отличалось от видения мира, которое было у меня в те годы. Главное, чего я и подавляющее большинство моих коллег, в том числе на Западе, недооценивали, — это роль нефти, нефтепродуктов и газа в советской экономике... Нефть — необычный товар. Она играет огромную роль в мировой экономике. Этот рынок непредсказуем. На протяжении более 100 лет колебания цен были очень сильными: от менее чем 10 до более чем 80 долл. за баррель. В том, что у нас сырьевая экономика, позора нет. Много развитых стран зависят от сырьевых рынков: Австралия, Канада, Норвегия...

Сегодня широко обсуждается тема, как потратить деньги Стабилизационного фонда. Норвегия — страна с самым высоким в мире индексом человеческого развития. Ее Стабилизационный фонд

Интервью брала Юлия ЛАРИНА.
Опубликовано в: Огонек. 2006. № 22. 29 мая — 4 июня.

в долях ВВП в 12 раз больше российского, потому что норвежцы не хотят столкнуться с проблемами сохранения комфортной, хорошо организованной жизни в случае возможного падения цен на нефть.

— *Какие изменения в российской экономике сегодня в сравнении с концом 1980-х Вы бы обозначили? При падении цен на нефть есть ли пути выхода?*

— Изменилось многое. Экономика России сегодня способна адаптироваться к новому витку падения нефтяных цен намного лучше, чем Советский Союз. Правда, осталась проблема: доля нефти, нефтепродуктов и газа в России в общем объеме нашего экспорта, к сожалению, такая же, какой она была в Советском Союзе, — примерно 65–70%. Сейчас динамично растет машиностроительный экспорт. Доля машиностроения в объеме экспорта по сравнению с СССР выросла в 4 раза (это, конечно, связано и с тем, что Советский Союз не мог поставлять вооружение за конвертируемую валюту). Но наш машиностроительный экспорт все же не дает сделать экономику независимой от конъюнктуры сырьевых рынков. Российская экономика — рыночная, в ней есть автоматический механизм адаптации к изменениям нефтяных цен. Кроме того, Советский Союз никогда не создавал значительных валютных резервов. В момент пика нефтяных цен они были раз в 12 меньше, чем сегодня. Тогда считали, что высокие цены навсегда. В наших условиях у России есть возможность выиграть время и приспособиться к иной конъюнктуре нефтяного рынка.

— *Почему Вы в начале 90-х согласились возглавить правительство?*

— Если бы валютные резервы тогда были такими, как сегодня, т. е. 235 млрд долл., а не ноль, то никто бы мне не предложил возглавить правительство. Нашлось бы немало людей, уверенных, что они хорошо знают, как эти деньги потратить. Возможно, среди них были бы и выходцы из силовых структур. А тогда нужно было кому-то разбираться с последствиями уже прошедшего.

— *Как Вы оцениваете инициативы нынешнего российского правительства?*

— У меня есть гипотеза, которую я, к сожалению, доказать не могу. Но, исходя из большого жизненного опыта и знания того, что происходит в нефтедобывающих странах, убежден: существует связь

между уровнем нефтяных цен и уровнем IQ руководства страны. Вспомните картину брежневского политбюро на трибуне Мавзолея в период максимальных за всю историю рынка цен на нефть и, возможно, вы со мной согласитесь.

— *Есть ли опасность дефолта, подобного тому, который случился в 98-м?*

— Мы регулярно по просьбе экономических правительственных ведомств делаем прогнозы страновых рисков. При нынешней ситуации, что бы ни происходило в российской экономике в 2006–2008 гг., ничего подобного событиям 1998 г. предсказать невозможно. Случится ли что-то в 2009-м и 2010-м, зависит от того, как мы будем проводить экономическую политику в следующие два года. Запас прочности — на три года.

— *Ваш прогноз развития российской экономики?*

— В целом она в последние восемь лет растет динамично. Во время первого президентского срока Владимира Путина были проведены важные структурные реформы, начиная от налоговой реформы и кончая изменениями в земельном законодательстве. Это создало позитивный фон для экономического развития. Инвестиции растут. Финансовая политика остается ответственной. Правда, за эту политику приходится бороться практически каждый день, но пока непоправимых потерь мы не понесли. Структурные реформы остановились в 2003-м. И сейчас после некоторых неудач в Кремле такая позиция: не умеете проводить реформы, лучше их и не проводите. С этим я не могу не согласиться. Постоянно возникают страннейшие предложения, которым приходится противостоять. В начале компьютерной эры была популярна игра «Яйцеловка» (в которой надо было перехватывать падающие яйца, чтобы не проиграть). У меня такое ощущение, что я и мои коллеги в последние годы полтора все время играем в эту игру. Пока, к счастью, удается ловить многое.

— *Не кажется ли Вам, что нефтяное благоденствие в сочетании со все нарастающей имперской риторикой очень опасно?*

— Важно не оставлять усилий и называть белое белым, а черное черным. Если король не совсем одет, то желательно упоминать об этом. А то он ведь может и забыть о некоторых деталях своего туалета.

«Ресурсное богатство увеличивает политические риски»

Сейчас экономика готова противостоять падению цен на нефть намного хуже, чем три года назад. Наша задача — вернуться на тренд 2000–2003 гг., когда инфляция снижалась на 2% в год.

Политэкономическая ситуация в России складывается парадоксальным образом: по мере того, как краткосрочные перспективы выглядят все лучше, среднесрочные и долгосрочные все неопределеннее. И похоже, что текущая стабильность непреодолимо парализует принятие необходимых решений, которые позволили бы избежать резкого ухудшения ситуации. Директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар в интервью «Газете.Ру. — Комментарии» рассуждает о непредсказуемости последствий экономической политики.

— Егор Тимурович, как Вы описали бы текущий политико-экономический процесс?

— Экономика России развивается динамично. Она вышла из стадии переходного периода. Резервы восстановительного роста в основном исчерпаны. В последние два — три года экономический рост имел инвестиционную основу. Его качество неплохое. Он не сконцентрирован только в топливно-сырьевом секторе. Есть динамично развивающиеся несырьевые отрасли. Правительство проводит ответственную макроэкономическую политику. Она на протяжении последних шести-семи лет вызывает уважение у председателей центральных банков, министров финансов ведущих в мире стран. Хотелось, чтобы она была еще лучше. Мне не нравятся признаки ее ослабления в последние годы. Но я реалист, понимаю, что в условиях высоких нефтяных цен избежать снижения уровня финансовой дисциплины трудно. Структурные реформы, проведен-

Интервью брал Евгений НАТАРОВ.
Опубликовано в: Газета. Ру. 2006. 21 июня.

ные в начале 2000-х, во многом определяют сейчас стабильность бюджета и динамику экономического роста. Это о позитивном.

Теперь — к неприятному. Структурные реформы после 2003 г. остановились. Осталось много нерешенных вопросов. Шансы на то, что в их решении в ближайшее время будет достигнут прогресс, — невелики. Экономика по-прежнему зависит от непредсказуемой конъюнктуры сырьевых рынков: нефти, нефтепродуктов и газа. Российская экономика сегодня столь же зависит от конъюнктуры нефтяного рынка, как Советский Союз начала 80-х. Моя последняя книга «Гибель империи. Уроки для современной России» посвящена именно этому. Конечно, российская экономика лучше, чем советская приспособлена к тому, что цены на топливо могут снижаться. Но и сегодня, несмотря на накопленные валютные резервы, приспособиться к тому, что они выйдут на средний многолетний уровень, труднее, чем было 3 года назад. Поток нефтяных доходов усиливает давление на органы власти, подталкивает их к тому, чтобы принять неснижаемые обязательства. Если 2–3 года назад падение цены на нефть до 15 долл. за баррель создало бы в российской экономике неприятности, но не имело катастрофических последствий, то сейчас снижение цен даже до 25 долл. за баррель создаст серьезные проблемы. Если кто-то полагает, что накопленные валютные резервы — надежная страховка, он ошибается. Наши сценарии прогнозов показывают, что в ближайшие три года России, с экономической точки зрения, серьезные проблемы не грозят. Но это три года. Прошлый период низких цен на нефть, последовавший за полосой экстремально высоких, продолжился не три года, а 17.

— Россия сейчас испытывает те же проблемы, что и другие страны со схожим политическим устройством?

— Мы не единственная страна, экономика которой зависит от конъюнктуры ресурсных цен. Среди них есть и высокоразвитые государства, например Австралия. Самая развитая по рассчитанному ООН индексу человеческого развития страна — Норвегия. Ее экономика также зависит от колебания цен на нефть. Управление норвежским Стабилизационным фондом — признанный пример эффективного использования доходов, связанных с высокими ценами на нефть. На 1 января 2006 г. норвежский Стабилизационный фонд по отношению к ВВП превышал российский, который мно-

гим у нас кажется беспредельным по размерам, в 12 раз. Норвежцы не хотят ставить под угрозу привычные для них социальные гарантии, закрывать госпитали, школы и университеты, когда и если цены, как это случалось, упадут с 80 долл. до 10. Но и для развитых демократий колебания нефтяных цен порождают проблемы. В Норвегии после создания Стабилизационного фонда ни одна проправительственная коалиция на выборах не побеждала.

— Политический застой в странах с близким с нашим устройством — это тоже неизбежное следствие высоких цен на нефть?

— Бывает по-разному. Если на страну с устойчивыми традициями демократии падает поток нефтяных доходов, это обычно не создает угроз демократическим институтам. В стране, где таких устоев нет, ресурсное богатство увеличивает политические риски.

— Является ли выхолащивание демократических процедур у нас неизбежным следствием ресурсного богатства или это результат осознанного выбора? Когда, скажем, либералы согласились на непарламентское, по сути, принятие бюджета, то они обменяли процедуру на качество бюджета.

— Когда и если в стране с доходами бюджета дела идут хорошо, правительство может позволить себе не договариваться с гражданами. Европейский политический режим вырос из демократии налогоплательщиков. Чтобы вести войны, не быть завоеванными, власти нужно было собирать налоги. Опыт продемонстрировал европейским государствам, что если они хотят получать деньги налогоплательщиков, с последними приходится договариваться. Именно из этого понимания выросли парламенты. Они имеют обыкновение задавать властям не слишком приятные вопросы: куда будут потрачены деньги, осмыслены ли траты. Ресурсные доходы позволяют исполнительной власти на подобные вопросы не отвечать. Это связывает ресурсное богатство с риском для прав и свобод граждан. На это накладывается еще одна проблема. Когда цены на экспортное сырье велики, легко подумать, что жизнь комфортна, потому что ты правильный, умный и энергичный, легко убедить себя в том, что никакая демократия не нужна.

— Бюджеты принимали непублично еще до того, как цены на нефть поднялись, и именно тогда Вы, в частности, говорили о том, что, может быть, не все процедуры соблюdenы, но бюджет впервые за многие годы сбалансирован.

— Бюджеты 1999–2003 гг. были приличными, но принимали их в рамках нормальной парламентской процедуры.

— Сейчас Вам кажется, что размен «хороший бюджет на демократические процедуры» был оправдан?

— На мой взгляд, нет. Бюджетные процедуры выработаны не самыми глупыми людьми. Именно они заложили основу того набора фундаментальных изменений в жизни общества, который называется современным экономическим ростом. Принимал участие в бюджетном процессе, работая в правительстве и в парламенте. Хорошо понимаю, что правительству хочется минимизировать проблемы, связанные с прохождением бюджета в Думе. Да, среди депутатов есть откровенные лоббисты, которым платят за принятие того или иного решения. От правительства требуется большое умение, чтобы минимизировать ущерб, связанный с этим. Но вместе с тем это тот случай, о котором можно сказать: «На то и щука в реке, чтобы карась не дремал». Когда министр знает, что ему зададут много вопросов, на которые придется отвечать, он постарается быть четким, готовым к аргументированным ответам. Он должен много раз проверить параметры бюджета, быть готовым вносить корректизы, если в процессе обсуждения увидит, что ошибся. Это повышает качество бюджетного процесса, при этом не происходит, как было с Законом о монетизации льгот, ошибок, при которых расчеты оказываются неточными не на проценты, а в разы.

— Сейчас экономическая дискуссия во многом сконцентрирована вокруг Стабилизационного фонда, инфляции и укрепления рубля. Какой, по-Вашему, могла бы быть разумная политика в этой сфере?

— То, что экономика во многом похожа на медицину, известно давно. Обсуждал эту тему с одним замечательным врачом. Мы согласились в том, что, когда защитили кандидатские диссертации, считали, что понимали в экономике и медицине почти все. Следующие десятилетия заставили относиться к вопросу о своих знаниях осторожнее. Укрепление реального курса рубля, повышение процентных ставок — сложные и труднопрогнозируемые материи. Есть вещи, которые прогнозировать легко. Если ограничим масштаб заимствований российских государственных компаний, это сдержит укрепление реального валютного курса рубля, повысит темпы экономического роста. Если в рамках бюджетного процесса снизим цену отсечения по нефти, это скажется на снижении ин-

фляции позитивно. И то, и другое очевидно. К сожалению, принять такие меры в рамках политического процесса непросто.

Дальше все сложнее. Если увеличим процентную ставку, непросто ответить на вопрос, как это повлияет на развитие экономических процессов в России. Надо учитывать влияние двух противоположных тенденций: повышая процентную ставку, мы увеличим спрос на деньги в нашей стране и одновременно стимулируем приток в Россию краткосрочного иностранного капитала. Что перевесит? Моя гипотеза — перевесит тенденция повышения внутреннего спроса на деньги. Но это гипотеза, которую нужно проверять шаг за шагом, каждый день анализируя ситуацию на денежных рынках.

— В последний месяц, очевидно для снижения инфляции, денежные власти пошли на укрепление рубля.

— Это так, но они действуют осторожно.

— Последствия этих мер можно оценивать уже в течение месяца.

— Понимаю аргументы влиятельных в денежной политике людей, которые выступают за политику номинального укрепления рубля. При другой денежной истории она разумна. Но в долларизованной экономике, где значительная часть населения по-прежнему хранит свои сбережения в иностранной валюте, есть риск, что такая линия спровоцирует рост предложения валюты. На протяжении последних девяти лет Центральный банк в четвертый раз пытается встать на этот путь. Каждый раз этот поворот порождал схожие проблемы. Надеюсь, что на этот раз он будет успешным. Пока это не очевидно.

— То есть антиинфляционная политика в нынешних условиях не может быть более успешной?

— Наша задача вернуться на тренд, который был характерен для российской экономики в 2000–2003 гг. Тогда инфляция снижалась на 2% в год. В 2002 г. многие были убеждены, что так будет и дальше. Спрос на деньги — один из самых сложных параметров в экономической динамике. Объяснить понятие спроса на деньги не экономисту непросто. Он всегда скажет, что такой спрос безграничен. На деле это сложно прогнозируемый параметр, на который влияет много факторов. Именно он определяет связь между ростом денежного предложения и темпами инфляции. В 2003 г. российские власти приняли решения, изменившие тенденции динамики спроса на деньги. Возможно, они усилили чувство неопределенности,

непредсказуемости экономических процессов в нашей стране. Общество не обязано давать властям отчет, почему денежное поведение изменились.

— Как на это чувство влияет проблема 2008 г.?

— Она серьезна. Мы молодая, несовершенная демократия. Когда в Великобритании выигрывает или проигрывает выборы та или иная партия, можно представить, что может измениться, предсказать перемены в европейской политике, в ставках налогов. Но жизнь в стране будет примерно такой же, как была до выборов. Англия продемонстрировала способность адаптироваться к беспрецедентным изменениям в мире. У нас смена главы государства — это всегда новое сражение, исход которого предсказать непросто. На вопрос о том, будут ли преемники играть по установленным правилам, нет однозначного ответа. Серьезных экономических рисков до 2008 г. не вижу. Но накопленный за последние годы запас стабильности в долгосрочной перспективе переоценивать не стоит.

— Какие ресурсы преемственности и устойчивости существуют в стране?

— Такие институты слабы. Через 20–30 лет они появятся. Если использовать параллели с российской историей конца XIX — начала XX в., можно рассчитывать на то, что элите захочется быть членом клуба развитых стран. Царский режим не был демократическим, но царская семья хотела, чтобы ее в Европе принимали как членов просвещенной монархии. Верхушка бюрократии России хотела, чтобы ее представителей принимали в хороших французских и английских салонах. Это задавало правила игры. Если хочешь, чтобы тебя уважали в приличном обществе, много позволить себе невозможно.

«Отец хотел, чтобы я занялся экономикой»

— Егор Тимурович, есть такая поговорка, что «природа на детях отдыхает». А вот у Вас в роду как-то такого не получается?

— Да, не выходит.

— А когда пришло осознание, что Вы не просто Егор Гайдар, а сын известного всей стране журналиста Тимура Гайдара, внука двух знаменитых писателей — Аркадия Петровича Гайдара и Павла Петровича Бажова?

— Довольно рано. Аркадий Петрович был легендарным человеком и прекрасным писателем, к тому же очень честным человеком. О Павле Петровиче можно сказать то же самое. С пятидесяти лет я уже хорошо понимал, что у меня два замечательных деда.

— А первой прочитанной книжкой была «Малахитовая шкатулка» или «Судьба барабанщика»?

— Это был Киплинг. Хотя книги дедушек я тоже прочитал в довольно раннем возрасте.

— А верно, что по линии матери Аркадия Петровича Гайдара, Натальи Аркадьевны Сальковой, Вы дворянин и корни ее уходят к М.Ю.Лермонтову и П.А.Столыпину?

— Сальковы и Лермонтовы жили в одной губернии и были родственниками. Правда, почти все российские дворяне были друг с другом в родстве, вопрос лишь в том, насколько оно было близким.

— А детям своим книги Бажова и Гайдара не читали?

— Нет. Вы знаете, у нас в семье было правило, что книги родных и близких дети отбирают для чтения сами. Я им лучше посоветую читать Шекспира, а в «семейной» литературе они как-нибудь сами разберутся...

Интервью брали Вадим ТЕЛИЦЫН и Игорь ХРИСТОФОРОВ.
Опубликовано в: Любимая Россия. 2006. № 3. Июнь.

— Рассказывают легенды о том, как в 1961 г. на Кубе Ваш отец, который находился там в это время в качестве военного журналиста, водил в атаку кубинскую пехоту против высадившихся на остров «контрас».

— По поводу атаки не знаю, но в боевых действиях он участвовал и у него был наградной пистолет от кубинского правительства.

— А правда, что и Вы тогда убежали из дома с котиком отца?

— Такого не было.

— Потом Вы оказались вместе с родителями в Югославии?

— Да, мы провели там пять с половиной лет.

— Югославия хотя и числилась в социалистическом лагере, все же была далека от ортодоксальных советских порядков. У Вас не возникало вопросов, почему у нас так, а там многое иначе?

— Там многое — и в общественном сознании, и в экономике — было иначе. В Югославии можно было, например, свободно читать литературу, за хранение которой у нас могли быть большие неприятности.

— К родителям не приставали с вопросами, почему здесь все не так, как в Советском Союзе?

— Не приставал. Старался сам разобраться, довольно много читал.

— А родители Вас как-то поощряли или, наоборот, запрещали, словом — воспитывали?

— У отца было убеждение, что в воспитании принуждение недопустимо. Пожалуй, главное, что он хотел — чтобы я начал читать на английском языке. Я же просил у него разрешения читать те книги, которые он держал, что называется, под замком, т. е. так называемый тамиздат.

Из интервью Ариадны Павловны Бажовой:

«Тимур очень многое перенял от отца. Любовь к армии, общительность, верность дружбе, смелость... Тимур считал трусость самым постыдным пороком. И это отношение передавал сыну. Что и говорить, матери тяжело смотреть, как на ее глазах сына учат преодолевать страх... По поводу моих „ахов“ Тимур говорил: «Ты боишься за себя. Тебе страшно. А Егору — необходимо».

— Отец — военный журналист, контр-адмирал, мать — историк-славист, а Вы выбрали своей профессией экономику. Как это получилось?

— Отец очень хотел, чтобы я занялся экономикой. Он тяжело переживал то, что наблюдал в советском хозяйстве. А ведь у него была возможность сравнивать отечественную систему с тем, что проис-

ходило в экономике западных стран. Эти проблемы его всегда интересовали, он много читал. И мне подсовывал книжки на экономические темы.

— *А о чём он с Вами разговаривал? Какие у него были представления об экономике?*

— Он был сторонником рыночного социализма. Варианта Ота Шика¹, чешского опыта 60-х годов, венгерского варианта, опробованного в конце 60-х, югославского социализма. В 60-х годах такая позиция была широко распространена. Для него она была естественной, особенно если учитывать его впечатления от Югославии.

— *Он полагал, что экономические преобразования возможны без политической трансформации?*

— Он считал, что социализм — это хорошо. Но при этом был уверен, что социализм нуждается в реформировании.

— *А Ваша мать была тогда с ним согласна?*

Мама считала, что я слишком критически воспринимаю советский строй. С течением времени она, конечно, поняла, что немного ошибалась. Но тогда, в начале 70-х, у нас были с ней в этом разногласия. С ее точки зрения я слишком негативно относился к системе, которая существовала в Советском Союзе.

— *А как Вы оценивали то, чем занимались Ваши родители? Ведь не секрет, что и журналистика, и исторические исследования были в то время сильно идеологизированы?*

— Естественно, я читал все, что писали мои родители. Более того, помогал маме редактировать ее тексты. Но, на мой взгляд, в них ничего особенно «идеологического» не было — она писала работы по внешней политике Павла I, по взаимоотношениям России с южнославянскими народами в XVIII в. У отца, как я понимаю, были серьезные трения с «вышестоящими инстанциями» по поводу его статей. Но он сам бывал во многих горячих точках, а не использовал чужую информацию, сидя под надежной охраной в центре Кабула. Он был храбрый и честный человек. Я сам это знал, многие мне об этом рассказывали. А когда отца не стало — как будто образовалась ужасная пустота вокруг...

¹ Ота (иногда — Отто) Шик (1919–2004) — чешский экономист, один из инициаторов экономических реформ так называемой Пражской весны. После ввода советских войск в Чехословакию эмигрировал на Запад. — Прим. ред.

— *Шестидесятые годы — период довольно романтический. У советской, в первую очередь московской, интеллигенции чувствовалась революционный задор, уверенность, что все можно поменять, была бы только воля?*

— Нет, революционного задора не было, задор был чисто реформаторский. Но ощущение, что многое можно поменять, сохрания все «социалистические завоевания», — это я прекрасно помню.

— *А как Ваша семья относилась к Никите Сергеевичу Хрущеву?*

— Сложно... В целом скорее хорошо, потому что он освободил миллионы людей из заключения. Но тут надо вспомнить, что я из семьи, которая была затронута репрессиями, как сотни тысяч других советских семей.

— *Но ведь и Вашей семье пришлось соприкоснуться со сталинизмом? Ведь Вашего деда Павла Петровича в свое время тоже исключили из партии и арестовали?*

— Было по-другому. Его действительно исключили из партии, но дальше все сложилось не по обычному сценарию. Его вызвали на допрос в Свердловское отделение НКВД. Но чуть ли не в этот же самый день началась чистка местных «органов», и, когда дед туда явился, оказалось, что следователь, который должен был его допрашивать, уже сам арестован. Если бы дед был человеком ordinary и строго следовал советским правилам, он стал бы выяснять, что ему делать дальше. А он просто повернулся, ушел домой и полтора года нигде не появлялся: копался в огороде и писал «Малахитовую шкатулку».

Он был выходцем из рабочей семьи, из-за своих взглядов крепко невзлюбил Русскую православную церковь, отказался от карьеры священника (хотя и окончил духовную семинарию первым учеником), был убежден в правоте революции, боролся за ее идеалы (прошел всю Гражданскую войну). В отличие от меня, агностика, он был атеистом.

— *А в Музее Бажова в Екатеринбурге бываете?*

— Был там в последний раз несколько месяцев назад. Музей в прекрасном состоянии, по-моему, он один из лучших в городе.

— *Сказки Вашего деда поражают не столько сюжетом, сколько удивительным языком... Потомкам Бажова он не передался «по наследству»?*

— С этим языком надо вырасти... После деда так никто больше не писал. Я Павла Петровича и не застал, он умер за шесть лет до моего рождения.

— *А бабушка?*

— Валентина Александровна — человек золотой. Она была настоящим идеалом бабушки. Мы с мамой часто к ней приезжали. Она всю жизнь после смерти деда прожила в Екатеринбурге, в их доме на улице Чапаева.

— *Сейчас существует и фонд П.П. Бажова, и даже премия.*

— Да, этим много занимается мама. Она иногда советуется со мной и держит меня в курсе дела. У нее в свое время вышла посвященная деду книга, которую она писала между занятиями наукой и семьей.

— *А судьба второго Вашего деда? Ведь до сих пор идут споры — когда и где он погиб.*

— Я хорошо знаю эту историю. У Аркадия Петровича были очень непростые отношения с органами госбезопасности и не посадили его только потому, что он был замечательный детский писатель. Stalin его не любил, но считал крайне полезным, поэтому и не давал санкций на арест. Гайдара два раза едва не арестовали, два раза останавливали публикацию его книг. Первый раз история вышла с «Судьбой барабанщика», второй — с «Тимуром и его командой». Был донос в НКВД о том, что эта последняя книга — попытка дискредитировать пионерскую организацию и создать неподконтрольную властям подростковую юношескую структуру. После этого доноса публикация «Тимура», которая шла в газете, была приостановлена, а за этим, по законам времени, должен был последовать арест.

Но тут вспыхнул конфликт между НКВД и Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). Тамошние функционеры считали, что публикацию надо продолжать. Дело решил Емельян Ярославский. Он принес текст книги Stalinу, тот прочитал и сказал, что ничего вредного в ней не видит. Перед войной такая книга была власти более чем полезна.

Когда в 1941 г. дед попал в окружение под Киевом, ему предложили улететь последним самолетом. Он отказался, сказал, что пойдет в партизаны. А на последнем самолете из окружения вырвались журналисты, которые и заявили, что на самом деле Гайдар давно хотел уйти к немцам и даже учил в последние недели не-

мецкий язык. Дальше было долгое молчание: ни Союз писателей, ни «Комсомольская правда», ни Отдел пропаганды ЦК не проронили ни слова. Все ждали, что вот-вот будет громкое заявление от Гайдара, что он перешел на сторону немцев.

Позже, в 1943 г. была проведена специальная операция фронтовой разведки, чтобы выяснить, что собственно произошло с дедом за два года до этого. Было выяснено, где он убит, как убит, где похоронен. И после этого «Комсомольская правда» (для которой это был вопрос профессиональной чести) уже готова была дать материал о том, что же на самом деле произошло с Гайдаром. Текст был написан, поставлен в номер и снят неожиданно для всех после прямого звонка с Лубянки (якобы потому, что у них, чекистов, есть свои вопросы). После длительной межведомственной переписки «Комсомольской правде» было разрешено опубликовать только одну фразу о том, что Гайдар погиб. И только в 1947 г., когда все стало ясным, после того как была в Каневе перенесена его могила, вся эта грязная история была закрыта.

Но когда я стал заниматься политикой, история с доносом была вытащена на свет.

— *Вы читали все, что выходило из-под пера Аркадия Петровича? Ведь многие его вещи после 1920-х годов больше (по крайней мере до начала 1990-х) не переиздавались?*

— Я никогда не считал себя гайдароведом, но основные произведения, конечно, прочел. Из дедовского наследия моей любимой книгой остается «Школа». В ней сильный, реальный биографический элемент, замешанный на большом таланте. Это делает текст живым, ярким и одновременно глубоким.

— *А не было ли у Вас желания самому что-либо высказать по поводу жизни деда?*

— Нет. Мой отец опубликовал хорошую книгу «Голиков Аркадий — из Арзамаса». Много пишет о деде Борис Камов (совсем скоро должна появиться его новая и, на мой взгляд, очень интересная книга об Аркадии Гайдаре). Все это написано профессионально, и я здесь вряд ли что-то смогу добавить.

— *А критика, довольно нелестная, в адрес Вашего деда Вам известна?*

Я не читал «Соленое озеро» Солоухина, но знаю, что и как он писал, знаю, где брал материал, кто ему за это платил деньги. Это был

политический заказ. Он появился и был отработан в начале девяностых годов, когда я уже всерьез занимался политикой. Но все это шелуха... Я знаю, как воевал Аркадий Гайдар, по архивным документам, для себя я уже давно прояснил все перипетии той истории. Отец, тот тяжело переживал появление подобной «литературы». Он понимал, что это его отцу мстят за меня, его сына. Вообще-то в истории редко бывает, чтобы деду доставалось за внука.

— Когда Вы окончили университет, какой выбор встал перед Вами, человеком, видящим все пороки существующей системы? Попытаться что-то изменить, работая «внутри системы», или идти в диссиденты, чтобы вступить в бой с властью с «открытым забралом»?

— Это было примерно так же, как часто бывало в XIX в.: пока был совсем молод, думал, что надо низвергнуть этот режим методом прямой борьбы с ним. Когда же стал постарше, пришел к выводу, что режим устроен так, что если ты хочешь его изменить, ты должен быть внутри него.

— Раз уж разговор зашел о веке, можно вспомнить, что историки уже давно пытаются понять, как в России эпохи Николая могла сформироваться целая когорта будущих реформаторов, как тот режим смог превратить их в «либеральных бюрократов»? Вы не размышляли на этот счет применительно к истории второй половины века, к Вашему поколению?

— Согласен с этой параллелью. Она правильна и интересна. Если возникнет идея сравнить такую ситуацию в разные эпохи, то это будет блестящая работа. Но никто этого, насколько я знаю, еще не пытался сделать.

— Это при том, что Ваше поколение еще доступно как «исторический источник».

— Что-то я писал по этому поводу в своей книге «Дни поражений и побед». Конечно, далеко не все. Но эта параллель мне очень нравится. Если говорить обо мне, то, конечно, большое значение имели годы учебы в МГУ, и особенно — работа во ВНИИСИ ГКНТ и АН СССР.

— А как Вы относитесь к тому, что и Ваши дети не чураются ни политики, ни экономики?

— Мои дети — люди самостоятельные. Если Вы спросите, хотел бы я, чтобы они занимались чем-то более безопасным, то отвечу, что хотел бы. Но это их выбор.

И младший — ему сейчас пятнадцать лет — твердо сказал, что будет заниматься экономикой. Все меняется, у детей свой жизненный опыт, в чем-то они ушли дальше меня. Но, как правило, к моим советам прислушиваются, принимают их к сведению. Советы бывают и профессионального плана, что не удивительно, если учесть, что в семье большинство экономисты. Я не боюсь отпускать их в свободное плавание.

— А дети переживали то, что на Вас в бытность работы в правительстве обрушилась масса всяческих обвинений?

— Очень переживали. Когда я был премьером, фамилия им скорее мешала: мой старший сын рассказывал, как в школе учителя устраивали «представления» специально для него.

— И последний вопрос. Егор Тимурович, что бы Вы могли пожелать читателям нашего журнала?

— Я хотел бы, что-бы мы скорее вышли из периода, когда на наше сознание сильно влияет постимперский синдром. Это тяжелая болезнь. Мы — не первые, кто с ней столкнулся. Но, может быть, последние.

Примечание редактора.

Авторы интервью включили в него несколько отрывков из книги Е. Гайдара «Дни поражений и побед» (см. т. 1 настоящего собрания сочинений), а также следующий документ:

Из донесения военного журналиста капитана А. Башкирова. 1944 г.:

«...Мне удалось установить следующее:

1. В партизанский отряд Горелова Аркадий Гайдар попал в сентябре 1941 г. вместе с группой полковника Орлова (бывшего начальника штаба Каневской истребительной авиадивизии).

2. Полковник Орлов со своей группой пошел на выход из окружения, звал с собой Гайдара, но Гайдар категорически отказался покинуть партизанский отряд...

3. Гайдар в партизанском отряде с первого же дня зарекомендовал себя отважным пулеметчиком и особенно отличился в бою на территории лесопильного завода, когда он и еще два пулеметчика успешно отразили нападок большой группы немцев.

4. Гайдар вел дневник партизанского отряда, написал несколько произведений в форме писем к сыну, жене, читал их партизанам. Но автор всегда носил их с собой, и они попали в руки немцев.

5. Гайдар погиб 26 октября 1941 г. в результате стычки с немецкой засадой.... В этот день Гайдар и еще четыре партизана пошли на продбазу отряда. Там на них напали немцы. Гайдар поднялся и крикнул: „В атаку!“ Его сразила пулеметная очередь. (Остальные четверо спаслись.) Немцы тут же сняли с погибшего партизана его орден, верхнее обмундирование, забрали тетради, блокноты. Тело Гайдара захоронил путевой обходчик...».

[О «Гибели империи»]

— Егор Тимурович, свою новую книгу вы назвали «Гибель империи. Уроки для современной России». В ней Вы пишете об угрозах, связанных с авторитарными системами. Это предостережение России? Относите ли Вы Россию к авторитарным государствам?

— Да, конечно, это предостережение. Считаю ли я Россию авторитарной системой? Это вопрос термина. Лично я предпочитаю термин закрытой или управляемой демократии, это мягкая авторитарная система. Формально демократические инструменты действуют, оппозиция не сидит в тюрьме, в парламенте можно говорить что угодно, высказывать вслух свои взгляды на действия власти, не опасаясь за свою жизнь. Проходят выборы, но почему-то их результат всегда предопределен. Это и есть основная черта управляемой демократии: власть контролирует выборы, заранее определяя их результат.

— Куда тогда стремится Россия? Если это направление будет продолжаться, авторитарные тенденции будут становиться сильнее.

— А кто сказал, что Россия будет продолжать идти по этому пути? Это переходный этап. Россия и, например, Польша после распада СССР оказались в разном положении, постреволюционные синдромы в России и Польше разные. Польша получила независимость, и это было главное, что определяло динамику политического процесса. Россия потеряла империю. Мы оказались в ситуации, которая была участью многих других распавшихся империй — Франции, Австро-Венгрии, Германии, Великобритании. Их опыт показывает, что это не долгосрочный этап. Вопрос в том, когда ключевую роль в политическом процессе будет играть поколение, лишенное постимперской ностальгии. Попытка объяснить сегодня английскому студенту, что он должен сожалеть о потере Англией Индии или, бо-

Имя журналиста, бравшего интервью, установить не удалось. — Прим. ред.
Опубликовано в: Dziennik Polska Europa Swiat. 2006. Июнь.

лее того, поднять его на политическую борьбу за ее возврат, за-кончится неудачей. Это поколение уже не понимает имперскую концепцию. То же самое произойдет и в России, но это потребует времени.

— Вы утверждаете, что закрытая демократия в России будет временной, но в своей книге пишете об угрозе превращения такой системы в тоталитаризм. Откуда такой оптимизм в отношении России?

— Думаю, что Россия уже испытала столько потрясений, что очередное не может быть сильнее тех, которые мы до сих пор пережи-вали. Не будет уже революции большей, чем в начале 1990-х годов. История многих государств показывает, что после великой рево-люции каждое очередное потрясение, если оно имеет место, слабее ее. Думаю, что основные наши проблемы уже решены — действует рынок, общество открыто, интегрировано в мир, молодые люди получают хорошее образование, знают языки, пользуются Интер-нетом. Единственная проблема — сколько времени займет транс-формация России в стабильную демократию. Думаю, что это во-прос одного поколения, порядка 25 лет.

— Так Вы считаете, что последние 15 лет в России были маршем к демократии? Так называемая либерализация и демократизация у большинства русских вызывает плохие ассоциации.

— Это понятно. Правильно говорят китайцы: «Не дай Бог жить в эпоху перемен». Трансформация — это всегда тяжелейший опыт для общества. Это хаос, проблемы с адаптацией, кто-то выигры-вает, кто-то проигрывает. Если кто-то выиграл, он считает, что это нормально, если проиграл — ищет виновных. Спросите у любо-го русского, благодарен ли он мне, Гайдару, за то, что не должен стоять по три часа в очереди за сосисками. «А причем тут Гайдар, это же нормально», — ответит он. Но идите к нему и спросите, ви-новат ли я, что он стал меньше зарабатывать. Он скажет, что, ко-нечно, Гайдар виноват.

Время перемен всегда страшное. Но часто, если их не ввести, дело может кончиться намного хуже. Нам удалось избежать мас-штабной гражданской войны и большого голода, которые были ре-альной угрозой.

— В России долгое время не действовали демократические инсти-туты, уважение к частной собственности. Успело ли за время пере-

мен российское общество измениться, созреть? Или все-таки граж-данин России больше ценит порядок, нежели свободу?

— Стратегически общество созрело, тактически нет. Какое-то вре-мя организованный контроль над средствами массовой инфор-мации на фоне высоких цен на нефть позволит власти сохранить большую поддержку общества, политическую стабильность систе-мы. В ближайшие годы, наверное, не случится ничего, что могло бы ей угрожать. За последние 15 лет в России многое изменилось: мы создали новые институты, условия для функционирования госу-дарства, которых не было в начале 1990-х годов, изменились сами россияне. Конечно, 15 лет — это мало. Большинство россиян на во-прос: что важнее — свобода или порядок? — ответит, что предпо-чтет порядок. Это понятно после серии потрясений, связанных с распадом Советского Союза. Но за этим вопросом должны после-довательствовать другие: значит ли это, что вы готовы отказаться от права выскаживать свои взгляды? — «Конечно, нет», — скажет больши-нство россиян. Такой же будет ответ на вопрос о доступе к сред-ствам массовой информации, возможности свободно пересекать границу и т. д. Все зависит от правильности постановки вопроса.

— Почему тогда, несмотря на названные Вами положительные яв-ления, граждане России не реагируют возмущением на ограничение их свобод, почему их спрос на свободы не растет? А поддержка вла-сти, которая ограничивает демократию, вместо того чтобы умень-шаться, растет?

— Это временно. Я говорю о долгосрочных тенденциях, которые наблюдаются на протяжении десятилетий. Согласен, что в России есть проблема постреволюционного синдрома, усталости от пере-мен и, конечно, постимперского синдрома. Таков наш сегодняш-ний политический пейзаж.

— В Вашей книге Вы пишете, что развитие повышает спрос на свободу. Происходит ли это в России, несмотря на то что боль-шая часть общества разочарована в трансформации?

— Верю в некие взаимосвязи в общественном развитии. Рост благосостояния повышает спрос, например, на услуги здравоохра-нения. Со свободой происходит то же самое. У человека, который не знает, на что купить еду для своих детей, нет времени, чтобы думать о демократических ценностях. Но когда он решит пробле-му своих основных потребностей, оказывается, что возможность

выехать за границу становится для него важной. Если люди не могут решать, что будет происходить в государстве, что читать или смотреть по ТВ, их неудовольствие растет. Если они образованы не хуже граждан других стран и знают, что их права ограничены, они начинают требовать объяснений. На какое-то время эти вопросы можно оставить без ответа, но рано или поздно ответ придется дать.

— Все-таки существуют системы, которые противоречат этой теории. Есть страны, в которых уровень развития высокий, но правят ими диктаторские режимы или автократии.

— Да, таким примером является Сингапур. Я разговаривал об этом с представителями сингапурской политической элиты. Они осознают проблему, потому что из-за политической системы им трудно участвовать в глобальной экономике и стать центром hi-tech. Многие отказывают им в сотрудничестве, потому что в стране не действуют демократические нормы.

— Но Вы согласитесь со мной, что есть существенная разница между Сингапуром и Россией. Запад может влиять на маленький Сингапур и требовать от него принятия демократических принципов. Возможность внешнего давления такого рода на Россию ограничена прежде всего интересами глобальных игроков, на что обратил внимание Владимир Путин в своем Послании, обвиняя в применении двойных стандартов во внешней политике.

— Прежде всего надо сказать одно — никто извне не может наложить демократию России. Только сама Россия может это решать. Нет такого государства, которое могло бы это сделать. Это наше дело и наша задача, и мы ее сами решим.

— Не похоже, чтобы кто-то хотел насилием вводить демократию в России, но внешняя ситуация в какой-то мере влияет на то, что происходит внутри страны. Вы сами заметили это в своей книге, когда говорили о влиянии западных государств на перемены в Польше, Чехословакии, Венгрии.

— Конечно. Разница состоит в том, что Россию никто и никогда в Евросоюз не приглашал, никто не говорил, что там есть место для нее. Это фундаментальная разница. Для Польши потенциальное членство в ЕС было главным фактором, который стабилизировал ее политику и экономику. Россия сама ищет свою идентичность.

— В последние годы в России происходят события, как политические, так и экономические, которые вызывают беспокойство на Западе. Тем не менее, опираясь на свое ресурсное богатство, Россия остается одним из главных глобальных игроков, консервируя внутреннюю систему, которая не совпадает с западными стандартами. Не угрожает ли ресурсное богатство демократии в России?

— Да, есть некий риск. Ресурсное богатство всегда создает угрозу демократическим институтам. Это известно не со вчерашнего дня и касается не только России. Испания в XVI — XVII вв., имевшая неограниченный доступ к месторождениям золота и серебра в Южной Америке, лучший тому пример.

— Некий или большой?

— Это нельзя оценить, не зная, как прогнозировать цены на нефть. Если бы кто-то был в состоянии предвидеть цены на энергоносители в долгосрочной перспективе, можно было бы оценить, большой это риск или нет. Без сомнений, ресурсное богатство — это риск для стабильности демократических институтов в России.

— Каков Ваш рецепт для сегодняшней России?

— Мой совет властям: не делать глупостей на фоне высоких цен на нефть. Опыт многих богатых ресурсами государств показывает, что хорошая ресурсная конъюнктура неоднократно приводила к серьезным ошибкам, неправильным экономическим решениям. Я бы очень хотел, чтобы власти нашей страны их избежали.

— Являются ли попытка монополизировать энергетический рынок и недавний проект Государственной думы о признании газа стратегическим товаром одной из таких ошибок?

— В этом нет ничего удивительного. Газ был стратегическим товаром в СССР и продолжает быть им в России. Ничего плохого в этом решении нет, это констатация факта. Это как сказать, что дважды два четыре. Я бы хотел, чтобы его значение было меньше, надеюсь, что через 20 лет так и будет. Чем меньше роль энергоресурсов, тем стабильнее наша экономика.

— Тем не менее многие эксперты, особенно на Западе, считают, что Россия начинает все чаще использовать газовый фактор как инструмент политики.

— Действия Москвы в «газовой» сфере понятны. Мы защищаем свои интересы, так же как Евросоюз. Россия не будет подчиняться своему соседу. В этом плане она не отличается, например, от Ма-

рокко: это государство тоже не хочет, чтобы ЕС диктовал ему, что оно должно делать. Они думают о своих интересах.

— Григорий Явлинский предсказал российской элите, что она распадется из-за невозможности решить главные проблемы государства, которые сама создала. Вы согласны с такой оценкой?

— Есть вещи, которые нельзя прогнозировать, даже если немало знать о политических и экономических процессах. Существуют элементы, которые делают такие конструкции нестабильными. Но попытки прогнозировать, когда и как они упадут, не имеют смысла.

— Когда и как — это понятно. Но рано или поздно они же упадут?

— Общество у нас образованное и хорошо организованное, а в таком обществе авторитарные конструкции не могут существовать долгосрочно. Россия придет к демократии, в своем темпе и своим путем, — такова логика глобального процесса развития. Сегодня в мире не существует крупного государства с подобным нашему уровнем развития экономики и общества, в котором нет демократии.

[О «восьмерке»]

Отвечает ли «большая восьмерка» своему статусу клуба наиболее развитых государств, вершащих судьбы мировой экономики? Каково место России в этой табели о рангах? На эти и другие вопросы в интервью «Итогам» отвечает директор Института экономики переходного периода.

— Егор Тимурович, «большую восьмерку» иногда называют мировым правительством. Соответствует ли это действительности, учитывая, что в экономическом плане Китай и Индия, которые не входят в «восьмерку», стали локомотивами роста мировой экономики?

— Вы правы, без Китая и Индии «восьмерка» на сегодня не является полноценным «мировым правительством». Да и раньше, когда России в ней не было, этот термин подходил к ней лишь условно. Ведь существовал СССР со своим Восточным блоком. Какое уж тут «мировое правительство» ... Мировая экономика меняется, как меняется и доля тех или иных стран в мировом ВВП. Сейчас, к примеру, обсуждать проблему глобальных дисбалансов без участия Китая — занятие непродуктивное. А через десятилетие оно станет вообще глупым. Расширение «восьмерки» — это процесс неизбежный. Но идти он должен постепенно. Наше интегрирование в «восьмерку» заняло 14 лет. Надеюсь, что процесс инкорпорирования того же Китая в этот клуб займет чуть меньше времени.

— Ограничено ли участие России в «большой восьмерке»?

— Процесс создания «семерки» происходил на неформальной основе и определялся самим ходом мировой истории. То, что сегодня Россия участвует в «восьмерке», особенно учитывая нашу роль в обеспечении мировой безопасности, считаю правильным. То, что Китай там не участвует, — неправильно.

Интервью брал Александр ЧУДОДЕЕВ.
Опубликовано в: Итоги. 2006. № 28.10 июля.

— Многие западные эксперты, как и некоторые российские, полагают, что сегодня Россия отвечает лишь одному критерию группы: размеру экономики. А в остальном — как по показателям на душу населения, так и в области соблюдения политических свобод — мы, по их мнению, далеко позади. Россия доросла до уровня полноправного члена клуба?

— Мы являемся его членом, правда, не совсем полноправным. При обсуждении финансовых проблем пока остаемся членами-корреспондентами за столом академиков. По уровню душевого ВВП мы уступаем остальным членам «восьмерки», но по динамике ВВП Россия — наиболее быстро развивающийся член «восьмерки». По месту в мировой политике мы далеко не последний участник клуба. Так что по праву мы в «восьмерке» или нет, вопрос дискуссионный, но для серьезных политиков непринципиальный. Все участники процесса принятия решений понимают, что Россия как член клуба — это для «восьмерки» плюс.

— Наверное, основным нашим плюсом является обладание существенными запасами нефти и газа?

— Нефть и газ — это аргумент, но не единственный. Мы прежде всего ядерная держава. Наша роль в обеспечении мировой безопасности велика. Это, с одной стороны, накладывает на нас серьезную ответственность, а с другой стороны, требует от наших партнеров понимания и учета нашей позиции.

— Отчего же Запад в последнее время так взъелся на Россию по поводу состояния нашей демократии и отношений с соседями?

— Мы даем повод для критики. Считаю, что в последнее время мы допустили ряд ошибок в области внешней политики, которые ухудшили наши отношения с ведущими по уровню ВВП и влиянию на мировую экономику странами.

— Какую же, на Ваш взгляд, наиболее существенную ошибку допустила Москва?

— Мне кажется, что мы не всегда адекватно ведем себя на постсоветском пространстве. Россия в силу географического положения, распространенности русского языка в государствах бывшего СССР, общего имперского прошлого является здесь естественным лидером. Нужно сильно постараться, чтобы в ряде стран бывшего Союза возникли антироссийские настроения, простирающие прежде всего из-за того, как Россия показывает вновь обретшим незави-

симость странам, свое отношение к их суверенитету. Если Москва ставила перед собой цель добиться уменьшения своего традиционного влияния на весь постсоветский регион, то она, увы, в этом преуспела.

— Если бы сейчас стоял вопрос о приеме России в «большую восьмерку», нас бы пригласили в клуб?

— Боюсь, что нет. Три года назад решение о приеме России в члены клуба было предопределенным и положительным. При нынешнем фоне взаимоотношений это не так. Но из этого не надо делать вывод, что кто-нибудь из лидеров Запада всерьез намерен поднять вопрос об исключении России из «восьмерки».

— Какую конкретную пользу Россия должна извлечь из факта своего председательства в клубе?

— Главное — избежать дальнейшего ухудшения отношений с западными партнерами. Думаю, что сам по себе саммит в Санкт-Петербурге пройдет нормально, без открытых конфликтов. В нынешней ситуации это самоценный позитивный результат.

Откуда пошли реформаторы

В сентябре 2006 г. исполняется 20 лет со дня начала работы экономического семинара в пансионате «Змеиная горка» (Ленинградская область), на котором впервые в жесткой и критической форме большой группой специалистов стала обсуждаться реальная, практическая ситуация в советской экономике, капитализм как неизбежное будущее для России. Именно в результате работы серии семинаров, организованных Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом, сформировалась та единственная в СССР группа, которая оказалась готова взять на себя ответственность за реформы 90-х, за управление страной на долгие годы. Именно эта интеллектуальная ситуация, возникшая в 80-х, по сей день определяет содержание и стиль управления экономикой в России, язык и понятия обсуждения проблем страны, кадровую ситуацию в управлении и экономической науке. Большинство участников семинара — Петр Авен, Вячеслав Широнин, Михаил Дмитриев, Симон Кордонский, Оксана Дмитриева, Сергей Игнатьев, Сергей Васильев, Константин Кагаловский, Ирина Евсеева и многие другие — в разное время либо входили в правительство и администрацию президента, либо руководили крупнейшими корпорациями, либо прямо влияли на политические решения. Этот уникальный опыт связки интенсивной интеллектуальной работы и практической политики мы обсуждаем с участниками «Змеинки». Сегодня мы публикуем интервью с премьер-министром первого правительства новой России, руководителем Института экономики переходного периода Егором Гайдаром. Он не только рассказывает историю возникновения группы реформаторов, но и делает ряд прогнозов.

— Какова роль семинаров 80-х в том, что произошло потом, в начале 90-х? Как это началось, что это было? И почему такое количество участников Ваших семинаров потом вошли в сферу государственного управления, политики, крупнейшего бизнеса?

— В начале 80-х я работал в союзном научно-исследовательском Институте системных исследований, который подчинялся Акаде-

Интервью брал Виталий ЛЕЙБИН.

Опубликовано в: Polit.ru. 2006. 6 сентября.

мии наук и Государственному комитету по науке и технике. Возглавлял институт академик Джермен Михайлович Гвишиани, зять премьер-министра СССР Алексея Николаевича Косыгина, он был одновременно заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике и ответственным за международные связи. Идеей данного института было создание в Советском Союзе чего-то подобного *Rand Corporation*. Поэтому институт был достаточно тесно вовлечен в процесс выработки решений в области стратегии экономической политики, в том числе в разработку долгосрочных программ экономического развития Советского Союза. Он участвовал, в частности, в составлении Комплексной программы научно-технического прогресса, которая разрабатывалась сначала сроком на 15 лет, потом — на 20.

Наше преимущество было в том, что мы были под эгидой не отдела науки ЦК КПСС, который отвечал за идеологию, а Кабинета министров. У нас была большая свобода обсуждения экономической проблематики, чем можно было себе представить, например, на экономическом факультете МГУ. За стилистику научных семинаров, которая была у нас, там бы уволили немедленно с «волчьим билетом». В семинары был вовлечен довольно широкий круг хорошо экономически образованных людей. Со мной работали такие люди как Петр Авен, Вячеслав Широнин и др.

В Питере ситуация был иной. Там был довольно жесткий идеологический пресс. Любые обсуждения экономической проблематики Советского Союза находились под жестким наблюдением партийных органов и КГБ. Тем не менее и в Ленинграде сложился кружок экономистов, которые были склонны обсуждать реальные экономические проблемы СССР.

В какой-то момент (это был, наверное, 1982 г.) один из моих коллег из института (ныне заведующий кафедрой в Высшей школе экономики) Олег Ананьев получил приглашение приехать в Ленинград и выступить на семинаре молодых экономистов, которые легализовали свое существование как Совет молодых ученых Ленинградского инженерно-экономического института. Он принял это приглашение и сказал мне, что ребята там очень толковые. Поэтому когда к нам, в нашу лабораторию, располагавшуюся по адресу: шоссе Октябрьской Революции, дом 9, — вошел худой рыжий человек и сказал, что читал мою последнюю статью в «Вопросах

экономики» и хотел бы пригласить меня выступить на семинаре, я отнесся к этому серьезно и приглашение принял.

Я потом познакомился с лидерами этого кружка. Реальных лидеров в это время было двое — Анатолий Чубайс и Сергей Васильев, но там было много и других людей. Собрание мне показалось крайне интересным, ярким, прилично экономически образованным (насколько вообще было возможно самостоятельно получить экономическое образование в условиях Советского Союза начала 80-х годов). С тех пор мы стали и коллегами, и, постепенно, друзьями.

Мы пользовались выгодами совместного обсуждения: что может произойти с Советским Союзом, что не может, что может быть сделано, а что — нет. Кроме того, для питерской группы мы могли организовать некоторое политическое прикрытие.

— Вы из того поколения, которое читало «Понедельник начинается в субботу»?

— Да.

— Вы помните сцену об эксперименте Выбегалло, когда Кристоаль Хунта пытался раздвинуть свое защитное поле?

— Это то, что мы делали. Из-за связей с правительством и партийным руководством мы могли предоставить нашим питерским коллегам политическое убежище.

В это время (1984 г.) как раз была создана Комиссия Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством. Руководил ею председатель Совета министров Тихонов. Но реальным мотором ее был секретарь ЦК КПСС по экономике, впоследствии и секции в Совете министров Николай Рыжков. Для одной части партийного руководства это был способ выпустить пар, для другой — это была надежда сформировать некоторую программу, которую можно будет воплотить в жизнь, если они придут к власти. Позиция Тихонова была первой, позиция Рыжкова — второй.

Комиссия имела две секции. В первую входили ключевые министры экономического блока, во вторую — руководители основных экономических институтов. Вторая секция называлась научной. Научную секцию возглавлял Джермен Гвишиани, директор нашего института.

Для вас, наверное, не является тайной, что академики сами ничего не пишут, в лучшем случае правят. Поэтому реально надо было кому-то работать, и наша лаборатория оказалась ключевой. Комис-

сия готовила много документов, и мы как раз их и писали. Именно поэтому я имел возможность направить в Ленинград письмо от имени заместителя руководителя научной секции при комиссии Политбюро с просьбой не отказать в привлечении таких-то ленинградских ученых к работе в научной секции. Слово «Политбюро» тогда открывало многие двери. После этого претензий к семинарам долго не возникало.

Кстати говоря, мы тогда подготовили подробную программу умеренных, градуалистских, постепенных реформ советской экономики, основанную на гипотезе, что у власти есть желание само-реформироваться до наступления катастрофы. Модель была взята (с учетом, конечно, советской специфики), я бы сказал, венгерско-китайская. Она была с большим энтузиазмом одобрена научной секцией комиссии. Потом обсуждалась с руководством, потом Джермену Михайловичу Гвишиани сказали: «Вы что, хотите рыночный социализм построить? Забудьте! Это совершенно за пределами политической реальности». Это был 1985 г., самое начало Горбачева.

Программа, которую мы составили, по тем временам была не лишена реализма, она ничего общего не имела с тем, что потом произошло в Советском Союзе, потому что руководство не хотело проводить постепенные реформы и довело дело до полной экономической катастрофы — с банкротством, с полным развалом потребительского рынка. А тогда уже говорить о градуалистских реформах по китайско-венгерской модели можно было, только будучи полным клиническим идиотом.

Но тогда мы сформировали команду людей, которые всерьез понимали, что происходит в Советском Союзе, которые были способны работать вместе, адаптировать свои предложения к тому, что реально происходит в стране. И это был тот капитал, который на самом деле очень сильно пригодился и в 1991 г., и на протяжении многих последующих лет. Люди, которые занимали те или иные места в экономическом блоке правительства, менялись, но общий контекст, общее понимание проблем, способность работать вместе — все это оставалось.

— В какой момент Вы стали привлекать ученых из новосибирской группы?

— Мы пытались предпринять широкий поиск. Это в первую очередь делал Толя (Анатолий Борисович), но и мы тоже. Мы пыта-

лись привлечь всех, кого можно, из Советского Союза. У нас были люди из Эстонии, Татарстана, Армении, Украины. Нам нужны были люди, способные не лекции читать, а обсуждать реальную экономическую ситуацию и реальные альтернативы, а это, согласитесь, другое. Из Новосибирска нам толком никого вытащить не удалось.

— В какой момент семинар стал рассматривать проблемы Советского Союза в самом радикальном жанре обсуждения капитализма как неизбежного будущего?

— Как неизбежного? Очень поздно. Это как раз «Змеиная горка», 1986 г. Причем семинар разделялся на две части: на закрытую и открытую. В открытой участвовали человек 30, там было крайне интересно, информативно. Но мы понимали прекрасно, что один или два агента спецслужб на семинаре присутствовали. И в открытой части тезисы облекались в политически корректные формы. Они были предельными по масштабам того, что можно обсуждать, но в рамках того, за что не сажали. И была закрытая часть семинара, всего человек 8, и здесь обсуждались вещи в том формате, о котором Вы говорите: экономическая система в этом виде нежизнеспособна и нам надо думать о том, что будет после нее.

— А как Вы видели основные точки кризиса советской экономической системы в 80-х? С базового согласия по каким проблемам начидался семинар?

— Вопрос разделяется на два. То, что обсуждалось в начале 80-х, когда советская экономика практически перестала расти, но еще казалась относительно стабильной. Тогда ключевыми вопросами были неэффективность социалистической экономики, которая была известна всем специалистам по любым международным сопоставлениям, затраты ресурсов на единицу выпуска были аномально высокими. Было понимание, что темпы экономического роста на протяжении двух пятилеток идут вниз, и мы обсуждали, что с этим можно сделать. Это ситуация на начало — середину 80-х годов.

Во второй половине 80-х все большее внимание оказывалось сосредоточено на темах явно нарастающего финансового кризиса, бурно растущего бюджетного дефицита и в связи с этим нарастающего денежного кризиса. Собственно, на том самом обесценении вкладов, за которое я всю жизнь отвечаю. Тенденция к ухудшению ситуации в финансовой сфере и неизбежность краха в 1988–1989 гг. были ясны любому проницательному наблюдателю. Я привожу

в своей последней книге «Гибель империи» выдержки из переписки между Центробанком, Сбербанком и правительством. Там все время встречаются слова «кризис», «неизбежный кризис», «катастрофа», «неизбежная катастрофа», «случившаяся катастрофа».

— В какой мере консенсус, на котором основывались семинары, был чисто рациональный, а в какой — идеологический?

— У каждого участника было свое сочетание. Были люди, которые исходили из чисто прагматических соображений, им было абсолютно наплевать — капитализм или социализм, важно, чтобы жила страна родная. А были люди, у которых была идеологическая позиция.

— По качественному составу участников семинар в «Змеиной Горке» был исключительно экономический?

— Да.

— А в обсуждениях вы касались вопросов других квалификаций — социологической и пр.?

— В какой-то степени. Довольно известные сейчас социологи в разных наших семинарах участвовали. Но в первую голову он был экономический.

— Этот семинар был именно научный, т. е. производил новое содержание?

— Он производил новое содержание, но прикладной ориентации. Экономика, как известно, это и наука, и практика, которая имеет много общего с медициной. На это давно обращали внимание очень хорошие экономисты. Просто в экономике теоретическая наука оказалась более оторванной от практики, чем в медицине. Это, кстати, является болезнью экономической науки, тоже хорошо известной и описанной.

Это был научно-прикладной семинар. Идеи, красивые модели, которые не имели никакого отношения к реальности в силу того, что основаны на малореалистичных гипотезах, у нас не обсуждались. У нас обсуждался вопрос о том, что происходит в советской экономической политике и что надо делать. Мы исходили из того, что знали об экономической теории, но не создавали нового экономико-теоретического знания. Мы думали о том, что делать в советской экономической политике.

— Вы можете коротко описать научный кругозор семинара того времени, что именно вовлекали в качестве источников?

— Что было доступно в советских научных библиотеках на русском и английском языках. Знаете, был такой гриф «для научных библиотек». Кроме того, в спецхранилищах (правда, в основном в Москве, в Питере была другая ситуация).

На самом деле все было не так просто, потому что стояла задача, которая не имела простых аналогий в мировой экономической истории. Кроме трудов по социалистической экономике Яноша Корнаи (которые, видимо, были самыми сильными работами, описывающими реальные механизмы социалистической экономики, они для нас были как «Отче наш»), естественно, привлекали работы по нэпу, потому что напрашивалась аналогия с переходом от военного коммунизма. Естественно, привлекали работы по стабилизационным программам, в первую очередь в Латинской Америке, по поствоенной стабилизации после Второй мировой войны. Либерально ориентированные реформы типа тэтчеровских и рейгановских. Ну, естественно, и идеологическая литература, фон Хайек был для нас всех большой авторитет.

— *А насколько Вам были близки ведущие советские экономисты, например Ю.В.Яременко?*

— Я работал у Яременко вместе с моим шефом академиком Шаталиным. Я, собственно, к нему отношусь с огромным уважением, считаю его работы во многом неправильными, но блестящими. Методология его для анализа собственно социалистической экономики интересна, а для анализа того, что происходит, когда эта экономика рушится, бессодержательна. Но еще раз подчеркну — это очень интересный, глубокий экономист.

— *Знали ли Вы о существовании других кружков, семинаров, групп? Почему именно Ваш круг смог принять на себя ответственность в 1991 г.?*

— А не было других групп. Мы же пытались искать по всему Советскому Союзу, системно, на протяжении многих лет, причем с энергией и тщательностью Анатолия Борисовича Чубайса. Подобных семинаров в Союзе не было.

Была группа молодых очень толковых экономистов, которая возникла в Институте экономики, потом ее возглавил Григорий Алексеевич Явлинский, но она была гораздо меньше. У нас были нормальные отношения, где-то мы пересекались. Дальше уже были политические разногласия. Григорий Алексеевич отка-

зался руководить экономическими реформами, которые были бы (он, умный человек, это понимал) крайне политически тяжелы и за которые пришлось бы брать ответственность... Но это был его выбор.

— *Можете припомнить тот момент, когда Вы поняли, что ждет крах, понимали ли, что будет его пусковым механизмом?*

— Первый раз эта тема всерьез начала обсуждаться на одном из наших семинаров под Ленинградом в 1988 г. Один из наших молодых коллег довольно подробно сформулировал свою гипотезу о том, почему крах Советского Союза неизбежен. Честно говоря, тогда с ним большинство участников семинара не согласилось.

Для меня лично крах Советского Союза стал очевиден примерно в начале осени 1990 г., т. е. после того как советская политическая элита сорвала возможность союза Горбачева и Ельцина вокруг программы «500 дней». Сама программа была документом не экономическим, а политическим и в том виде, в котором была написана, никаких шансов на реализацию, разумеется, не имела, но важно было то, что она давала шанс СССР, преобразуя федерацию в конфедерацию и одновременно реализуя набор стабилизационных мер. В том виде программу нельзя было реализовать, но союз теряющего популярность Горбачева с Ельциным, получившим в Москве 90% голосов, самым популярным политиком России, в общем, давал шанс.

После того, как этот союз был разрушен руководством правительства, КГБ и армии, было ясно, что крах неизбежен. Я об этом написал тогда в журнале «Коммунист», где регулярно печатал свои ежегодные обзоры экономики. Вопрос был в форме краха — насколько он будет кровавым, а я хорошо знал историю, в том числе российскую.

— *Если посмотреть из современности, насколько, как Вам кажется, эти годы семинаров оснастили их участников для периода управленческой и политической практики в 90-х? Чего не хватало из того, что Вам сейчас известно?*

— Семинары нам в первую очередь дали возможность сформировать набор людей, которые говорят на одном языке, которые друг друга понимают, которые способны анализировать меняющуюся ситуацию и гибко менять свои предложения. Это вообще достаточно редкая штука. И она была крайне важна для того, чтобы пройти

период краха Советского Союза с тяжелыми потерями, но не допустив катастрофы. Это было очень важно.

Не хватало двух вещей. Во-первых, практического опыта управленческой работы. Но здесь мы не уникальны. Почти все реформаторы Восточной Европы были людьми, которые пришли не из управленческой элиты, а из экономической науки. Лешек Бальцерович имел не больше управленческого опыта, чем я, когда возглавил правительство Польши. Вацлав Гавел имел опыта чуть больше, потому что он поработал во время чешских реформ 1968 г. в Центральном банке, но после этого у него был запрет на профессию и он 20 лет кем только не работал — лесником и пр. Так что разница пренебрежимо мала. Но тут не было альтернативы, потому что «красные директора» социалистических стран продемонстрировали полную неспособность ориентироваться в новых условиях.

Во-вторых, конечно, не хватало накопленного сейчас знания о том, как реально происходил постсоциалистический переход на протяжении 16 лет в 28 странах. Сегодня по этому поводу написаны тысячи книг и сотни тысяч статей, лучшие из которых большинство из нас читало.

Конечно, приходилось идти во многом методом проб и ошибок, понимая контекст, но не имея того знания, которое существует сейчас.

— Если сравнивать интеллектуальную ситуацию 80-х и современную... Сейчас, возможно, накоплено больше знаний, доступно большее литературы, но трудно себе представить достаточно большую и сплоченную группу интеллектуалов-практиков, которую объединяет общий язык и представления. Такая группа оказывается то ли невозможна, то ли не нужна.

— Я думаю, что она возможна. Более того, она неизбежно возникнет. Просто ее невозможно назначить, сказать: «Вот ты главный, группа должна состоять из таких-то людей и сделать такой-то набор программных документов...». Так не делается.

То, что мы стоим перед новыми стратегическими вызовами, на мой взгляд, абсолютно очевидно. То, что за это время накоплен бесконечный объем опыта, — тоже очевидно. То, что мы — в смысле российская экономическая наука — интегрированы в мировую экономическую науку и имеем больше возможностей говорить с ней

в режиме ежедневного диалога — тоже очевидно. Поэтому я абсолютно убежден, что такого рода сообщество возникнет.

— Насколько я понимаю, сейчас в экономическую науку стремительно вовлекаются знания о связи национальных экономики и культуры, институтов и культур... Если бы Вы сейчас строили семинар, пригласили ли бы Вы специалистов из других областей, не экономистов?

— Думаю, да. Я действительно полагаю, что такое сообщество возникнет и что оно будет не чисто экономическим. Оно будет обязательно включать в себя социологов, политологов и др.

— Сейчас многие эксперты полагают, что нынешняя социальная ситуация в России — временная, что слом неизбежен. Видите ли Вы сейчас точку слома?

— В краткосрочной перспективе никаких факторов серьезного риска (если мы не обсуждаем падение темпов экономического роста, что само по себе — не кризис) я не вижу. Не только я не вижу, но Институт экономики переходного периода не видит. Мы специально проводили исследования, и никаких факторов риска в период 2007–2008 гг. не обнаружили.

В более далекой перспективе, конечно, можно сказать, что сложившаяся политическая система нестабильна. Есть два обстоятельства, которые нельзя забывать. Первое. Российская экономика, как и советская, крайне чувствительна к колебаниям цен на нефтепродукты и газ, а прогнозировать их никто не умеет — ни у нас, ни в мире. Наблюдение за ценами на нефть за последние 120 лет показывает, что надежды на то, что ты знаешь, что с ними будет завтра, — прямой путь к будущему серьезному кризису.

Второе. То, что у нас есть сегодня, — это мягкий реставрационный режим. Опыт показывает, что реставрационные режимы временно популярны, они сопровождают каждую большую революцию. Люди, уставшие от инфляции, задержек зарплат, роста преступности, говорят: «Дайте нам порядок любой ценой, Бог с ними, со свободами». Но реставрационные режимы внутренне нестабильны. Настроение «порядок любой ценой» не длится долго. Порядок — хорошо, но зачем нам эти Бурбоны, которые ничего не поняли и ничему не научились? Спрос на свободу неизбежно появляется, если мы обсуждаем вопрос стратегии, а не 2007–2008 гг.

— Какова повестка для гипотетического будущего научно-практического семинара? Что является главными проблемами сегодня?

— В краткосрочной перспективе — бюджетные расходы, их эффективность и осмысленность. Мы уже построили приличную налоговую систему, но совершенно не научились расходовать бюджетные деньги. Это проблема фискального федерализма, проблема армейской реформы, реформы здравоохранения, образования, миграционной политики. Это проблема российской внешней политики и места России в мире. Это проблема стратегической безопасности в быстро меняющемся мире. Если коротко, то так.

«В политики я сделал все, что мог»

На минувшей неделе в Воронеже побывал бывший первый вице-премьер правительства России, а ныне директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар. В нашем городе он представил свою новую книгу «Гибель империи. Уроки для современной России».

«У НАЧАЛА КРАХА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕСТЬ ДАТА — 13 ЯНВАРЯ 1985 Г.»

На встрече со студентами и журналистами Егор Гайдар довольно просто объяснил, что на исследование советской экономики 80-х годов его толкнуло опасение за судьбу сегодняшней России в условиях «аномально высоких» цен на нефть.

— При Брежневе была похожая ситуация, но когда цены на нефть упали, советская экономика развалилась. Это показывает, насколько сложная это штука — выработка ответственной экономической политики в ресурсозависимой стране... Думаю, у начала краха Советского Союза есть вполне определенная дата — 13 января 1985 г. — день, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии неожиданно заявил о том, что его страна прекращает сдерживать добычу нефти. После этого объем поставок нефти на мировой рынок вырос в 4 раза за полгода, а цены рухнули с 80 до 18 долл. за баррель. Советская экономика к такому удару адаптироваться не смогла и осталась без денег.

После вступительного слова Егор Гайдар ответил на вопросы присутствующих, в том числе корреспондентов газеты «МОЁ!».

Интервью брал Роман ПРЫТКОВ.
Опубликовано в: МОЁ! (г. Воронеж). 2006. 12–18 сентября.

— Егор Тимурович, считаете ли Вы себя оппозиционером?

— В какой-то степени да. Я хочу, чтобы мы проводили ответственную экономическую политику, я не хочу экономической катастрофы. Это можно назвать экономической оппозицией.

— Можно ли было в начале 90-х как-то смягчить реформы?

— В моей книге есть официальные документы. В ноябре 1991 г. Внешэкономбанк доложил правительству: «Ликвидные валютные ресурсы полностью исчерпаны, зерна нет». Запасов зерна в России в 1992 г. было до середины января. Нас послали управлять, потому что никто не знал, что делать. Думаю, что сдержать скачок цен в начале 1992 г. было невозможно.

— Назовите важнейшие, с Вашей точки зрения, ошибки сегодняшних властей.

— В начале 90-х у нас происходила не столько федерализация, сколько феодализация России. Каждый регион стремился к независимости. Но как с этим борются сейчас? Первая грубейшая ошибка — назначение глав регионов. Идея в корне неправильная. Управлять тоталитарным государством очень сложно.

— Как Вы спустя годы оцениваете идею приватизации жилья?

— Приватизация жилья — вещь очень важная, и в начале 90-х мы провели ее достаточно мягко. Во многих бывших соцстранах люди до сих пор выкупают квартиры за деньги.

— В начале 90-х на улицах Воронежа появились сотни торговцев, а на каждом углу вырос коммерческий киоск. Власти говорили, что это временное явление и с развитием рынка уличная торговля примет цивилизованные формы. Но вот прошло 15 лет, а все осталось по-прежнему. Наверное, Вы проезжали сегодня по центральным улицам и видели, что все тротуары в торговых палатках.

— Да, видел... В 1992 г. это было здорово. Сразу после принятия Указа «О свободе торговли» к московскому «Детскому миру» вышли люди и начали торговаться всем, чем только можно, прямо с этим Указом в руках. В россиянах проснулась предпринимательская жилка. Но сейчас такая картина говорит о том, что в городе не все в порядке. Во многих других городах уличную торговлю давно уже вытеснили мелкие магазины. В Воронеже по-другому. Может быть, виноват административный рэкт.

— Вы часто бываете на улицах и общаетесь с обычными людьми?

— Честно говоря, не очень. Да к тому же меня сейчас реже ставят узнавать. Бывает, что подходят и спрашивают: «Как тебя земля еще носит?» или что-то похожее. Более молодые люди говорят: «Егор Тимурович, не верьте в то, что Вас все ненавидят, мы Вам благодарны».

— Собираетесь ли Вы возвращаться в политику?

— Я не считаю себя талантливым политиком. И делать лидерами демократов таких людей, как я или Чубайс, не стоит, ведь в глазах общества мы так или иначе в ответе за массу проблем. Считаю, что все, что мог сделать в политике, я сделал. Свою вахту, так сказать, отстоял в полном объеме...

Не дай нам Бог эпоху перемен...

«Отец» рыночных реформ Егор Гайдар рассуждает о трагедии и миссии трех российских поколений

В Перми побывал доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар. Он приехал в столицу Пермского края для презентации своей новой книги «Гибель империи», ставшей в России бестселлером, уступающим по продажам, пожалуй, лишь детективам Дарьи Донцовой. Об этой книге первый раз мы говорили с Егором Тимуровичем во время форума Клуба региональной журналистики, проходившего в Москве («Звезда» от 21 июля 2006 г.).

Приезд Гайдара в Пермь стал поводом для нового разговора, теперь уже в стенах редакции. Журналисты вместе с гостем размышляли о том, «что будет с родиной и с нами». Причем в разговоре заочно участвовали и наши читатели, вопросы которых мы собрали заранее. И это было символично. У нашего издания есть некое генетическое родство с «впереди идущими». Дед известного экономиста Аркадий Гайдар, как известно, начинал в «Звезде» свою литературную деятельность, дружбу со «Звездой» продолжил и его отец Тимур. Егор Гайдар поддержал эту традицию и даже пообещал к 90-летию «Звезды» написать эксклюзивную статью.

ЗОЛОТО ПАРТИИ

— Егор Тимурович, начнем с вопросов читателей. Многие из них, как нетрудно догадаться, примерно такого рода: Ваш дед был строителем империи, а Вы оказались ее разрушителем. Не мучает совесть?

— Нет. Дед жил в свое время, я — в свое. Моя предшествующая книга «Долгое время» во многом об этом: о смене исторических

Интервью брала Елена ВЕСЕЛКОВА.

Опубликовано в: Звезда (г. Пермь). 2006. 29 сентября.

периодов и задачах разных поколений. Дед жил в момент подъема социалистической идеи в нашей стране и в мире, когда ею были охвачены очень достойные люди и когда десятки миллионов людей еще не погибли в результате попыток ее воплощения в жизнь. Он оказался на стороне красных, что понятно: отец — красный комиссар, мать — член партии. Но к концу 30-х, когда начались массовые репрессии, дед оказался в тяжелом состоянии и начало войны стало для него выходом: он пошел туда погибать. Оказался в окружении под Киевом. Чтобы его эвакуировать, послали самолет, но он отказался лететь. Ушел в партизаны и погиб.

А я жил в другое время. Социалистический эксперимент уже завел страну в тупик. Банкротство советской экономики становилось все более очевидным. В правительство пришел, когда стало ясно, что денег и зерна нет и не будет, а что делать — никто не знает. Передо мной жизнь поставила иные задачи.

— Искать золото партии? Нашли?

— Это было, отнюдь, не главным в работе тех дней. Проблема снабжения страны продовольствием была куда острее. Но и проблему судьбы советских валютных резервов надо было хотя бы попытаться решить. В стране ведь, ко времени нашего прихода в правительство, валюты не было вообще. В Советском Союзе внешняя торговля и внешняя политика были тесно переплетены, но конкретные механизмы этих взаимосвязей были всегда закрытыми и, как правило, непрозрачными. Из денег советского государства формировался фонд помощи левым движениям, существование которого было совершенно секретным, но механизмы использования хоть и в небольшой степени — прозрачными. Гораздо сложнее было разобраться с так называемыми дружественными контрактами. В материалах Политбюро ЦК КПСС есть немало решений о выделении на льготных условиях сырьевых товаров фирмам, близким нашим зарубежным друзьям, для заключения выгодных контрактов, часть прибыли от которых окажется потом в карманах «правильных» структур. То, как фактически распределяются доходы, каковы будут размеры, пользуясь современным языком, «отката», разумеется, не документировалось. Определить, сколько денег попадало на чьи счета, в этой ситуации было невозможно. Пока работала целостная тоталитарная система, риски, связанные со злоупотреблениями в подобного рода сделках, хотя бы частич-

но компенсировал страх. Сколько из «откатов» в позднесоветские годы шло на разведывательную деятельность и помочь компартиям, а сколько оседало в чьих-то карманах, ни из каких документов понять нельзя.

В начале 1992 г. я попытался привлечь фирму, нашедшую в свое время иракские деньги. Заключили с ними пробный контракт на три месяца. Они начали активно работать, нашли документы о сомнительных сделках, счетах в банках, имеющих русские «следы». Дальше нужно было подключать спецслужбы. Я попытался это сделать, говорил на эту тему с руководством, но столкнулся с полным саботажем. Спецслужбы категорически ничего не хотели делать, в это время они, на мой взгляд, вообще перестали работать. Впрочем, это обычно бывает со спецслужбами в условиях революции. На этом расследование закончилось.

— В свое время президент Рузвельт освободил американскую деревню от налогов и процентов на кредиты. Сделай мы то же самое, может, и наша деревня перестанет спиваться и начнет возрождаться?

— Нет. Эта проблема имеет долгосрочные корни и ее нельзя решить подобного рода простыми средствами. Она связана с исходом экономических дебатов в 1928–1929 гг. В результате выбора сталинской модели индустриализации возникла ситуация, когда любой умный и талантливый молодой человек мечтал любой ценой выбраться из деревни в город. Крестьяне были откровенно дискриминированным классом: без паспортов, пенсий, прикрепленные к земле, с зарплатой в 12 раз меньше, чем в промышленности. Решения, подобные тем, которые были приняты на рубеже 1920–1930-х годов, имеют долгосрочные последствия. А сейчас мы удивляемся, почему деревня спиваетя.

— Это ошибка, которую нельзя исправить?

— Можно. Долгой системной работой, созданием эффективно работающих сельскохозяйственных предприятий. Я говорил со многими руководителями крупнейших частных компаний — инвесторов сельского хозяйства. Спрашивал, как у них с кадрами. Трудно, говорят. Приходится брать непьющих рабочих со стороны. Но когда в деревне видят, что пришли «пашут» и хорошо зарабатывают, выясняется, что есть и местные мужики, желающие работать,

не пить и прилично получать. Это, на мой взгляд, и есть единственный путь изменения деревни.

ТРАНЗИТ

— Вы — директор Института экономики переходного периода. Куда мы переходим и когда перейдем?

— По экономике переходного периода (в научных кругах принят термин «транзитология») за последние 15 лет в мире опубликованы тысячи книг и сотни тысяч статей. При этом определения постсоциалистического переходного периода мировая экономическая наука пока не выработала. В нашем институте переходный период понимается как период кризиса и краха социалистической экономической системы, период спада производства, восстановительного роста и перехода к инвестиционному росту. Если это определение принять, Россия из переходного периода вышла.

Куда пришли — в растущую рыночную экономику, с конвертируемой валютой, частной собственностью, профицитом бюджета, с минимальным государственным внешним долгом. Но, естественно, и с кучей проблем: с несовершенной судебной системой, коррупцией в госаппарате, с плохо устроенной системой бюджетных расходов, неразумно выбранной стратегией реформы местного самоуправления. Но с подобным сталкиваются и страны, никогда через социализм не проходившие.

— Очень много разных мнений звучит о вступлении России в ВТО. На Ваш взгляд, это все-таки благо или нет?

— Во-первых, ни одна страна, вступившая в ВТО, потом из него не вышла. Во-вторых, вступление в ВТО, по мнению многих экспертов, ускоряет средние темпы экономического роста примерно на 0,5–1% в год. Это очень много. Но надо понимать, что ВТО — своеобразное сообщество. Это не клуб экономических либералов, а организация, в которой отстаивают свои интересы отраслевые и странные лоббисты. Поэтому переговоры о вступлении в ВТО всегда сложны, они требуют уступок, на которые идти не хочется. Но быть там очень удобно, иначе правила будут устанавливать без тебя. На мой взгляд, мы подошли предельно близко к вступлению в ВТО накануне саммита Большой восьмерки в Санкт-Петербурге. Однако

не получилось из-за фитосанитарного контроля. Условия, на которых мы туда должны были вступить, вполне приличные и для нашей экономики не вредные. Уверяю вас, если мы завтра вступим в ВТО, ничего принципиально не изменится. Ну, появятся у нас филиалы страховых западных компаний, и что? Это кому-нибудь повредит?

— Когда наш рубль станет таким же крепким, как в 1913 г.?

— Тогда была другая ситуация. В мире доминировала система золотовалютного стандарта. Рубль был по-настоящему твердым и конвертируемым только после реформы графа Витте, т. е. сравнительно короткий период между 1898 и 1914 гг.. Сегодняшний рубль — устойчив. Конвертируем по капитальным операциям (т. е. по таким операциям как прямые и портфельные инвестиции, кредиты и прочее подобное). Другое дело, что пока он не является резервной валютой (т. е. валютой, накапливаемой центральными банками различных стран для международных расчетов). Но таких валют в мире вообще только две — доллар и евро. Есть резервные валюты второго плана: японская йена, английский фунт стерлингов, швейцарский франк, канадский доллар. У рубля есть все шансы попасть в этот ряд. Но это нельзя сделать по приказу. С рублем должны начать работать иностранные банки, а для этого нужна длинная история денежной стабильности.

— Что стоит за убийством первого заместителя председателя Центробанка Андрея Козлова?

— Я его хорошо знал. Очень достойный, порядочный человек. Но его назначили на должность, опаснее работы сапера. В конце 80-х годов советское правительство начало проводить реформы более чем странные. Телегу поставили впереди лошади — либерализовали банковский сектор. Без рынка, при бюджетном дефиците, при полном финансовом беспорядке взяли и создали в течение года 1300 коммерческих банков. И это в стране, где 70 лет ничего подобного не было: ни кадров для банковской сферы, ни надзора за ними. Большая часть этих банков были просто конторками по отмыванию и воровству денег и уходу от налогов. С какими структурами такие конторки могут быть связаны, думаю, не надо объяснять. Андрей Козлов начал наводить порядок. Я очень боялся за него и, оказалось, что не напрасно. Но если бандиты показывают государству, что таким образом можно запугать, это уже ни в какие рамки не лезет.

«ЯЙЦЕЛОВКА»

— Вы остаетесь членом партии СПС. Но такое впечатление, что отошли от политики. Это потому, что правый фланг скорее мертв, чем жив?

— Нет, я так не считаю. Дело в другом. Как говорили китайцы: не дай нам Бог жить в эпоху перемен. Я руководил началом реформ в России. А они — сами по себе неизбежная травма для страны. Вклады населения разбазарили задолго до меня. Но я не могу об этом рассказывать каждый день миллионам людей, искреннее верящих, что за это ответственен я.

Кстати, в Польше происходило нечто подобное. Там реформы начинал мой близкий друг Лешек Бальцерович. Он по праву считается одним из великих реформаторов XX в. В Польше раньше всех был восстановлен экономический рост, там давным-давно ВВП на душу населения выше, чем в социалистические времена, страна — член Евросоюза. Но догадайтесь с одного раза, кто сегодня самый ненавистный человек в Польше? Конечно, Бальцерович.

Поэтому делать из таких реформаторов, как я, лидеров демократических сил не нужно. Да, надо бороться за либеральные ценности, но не надо ассоциировать их с нашими лицами. В партии должна произойти естественная смена поколений.

— Вы общаетесь с Вашиими прежними соратниками: Хакамадой, Немцовым, Похмелкиным? С Ельциным встречаетесь?

— Да, время от времени. И с Борисом Николаевичем видимся. Он ведет здоровый образ жизни, очень хорошо выглядит. Это совсем не тот Ельцин, которого я знал в 1990-х годах. Впрочем, и тогда он был очень разный. Для него тяжелейшим ударом стали события осени 1993 г. После этих событий иногда мог выпить больше, чем можно. Впрочем, в нашей стране этим мало кого удивишь. Список известных русских, никогда не выпивавших рюмки водки, думаю, будет недлинным. А сейчас, когда он снял тяжелейшую ношу с плеч, это здоровый, прекрасно выглядящий человек. Мы два раза встречались, выпили по бокалу белого вина.

— А Путин бывает в «тяжелом» состоянии?

— Может ли он позволить себе выпить рюмку водки? Не знаю, думаю, да. Но при этом ведет достаточно здоровый образ жизни.

— А правда, что за экономической политикой Путина стоите Вы и Ваши союзники? Что именно Вы разрабатываете для него программы?

— Мы активно вовлечены в процесс выработки экономической политики. Основной блок реформ 2000–2002 гг. разрабатывался у нас в институте. Но потом спрос на реформы снизился. Сейчас мы помогаем нашим друзьям в правительстве и Центробанке не делать ошибок, не наносить вреда. На фоне высоких цен на нефть, это, кстати, задача непростая.

Вредные и неразумные идеи появляются каждый день. И каждый раз приходится объяснять, почему они опасны. Может быть, помните компьютерную игру «яйцеловка». Сверху падают яйца, а ты должен их ловить. Сейчас мы именно этим и занимаемся.

— За кого Вы будете голосовать в 2008 г.? Кто, на Ваш взгляд, станет президентом? Возможен ли третий срок президентства Путина?

— На этот вопрос я смогу ответить, когда начнется избирательная кампания. Когда люди будут выдвинуты в кандидаты в президенты, я только тогда смогу оценить предложенные мне варианты программ. Насчет третьего срока: если бы у Владимира Владимиrowича было желание переизбраться, для него не составляло бы труда изменить Конституцию. На мой взгляд, он человек с легалистским сознанием. Для него право имеет значение. Кроме того, он хочет быть человеком, уважаемым в мире. Если он вдруг изменит под себя Конституцию, никто Россию из Большой восьмерки не исключит, но Путин уже не будет восприниматься партнерами как цивилизованный лидер.

— Как Вы оцениваете национальные проекты и их реализацию?

— Там немало ошибок. Нужно было здорово постараться, чтобы начать национальный проект с конфликта между участковыми врачами и врачами-специалистами. Но не ошибается тот, кто ничего не делает.

Кто против улучшения положения в образовании и здравоохранении, сельском хозяйстве и жилищном строительстве? Априори утверждать, что все будет ужасно (это интеллигентская позиция, характерная для России) только потому, что это делает власть, не могу. Посмотрим.

Реакция

— Вам не обидно за современную журналистику? Коммунистическая была уничтожена, а что в итоге получили? Вы ведь на собственном опыте познали, что такое компромат, инсинации. Что Вы думаете о нашей профессии? У государства, похоже, нет внятной политики на сей счет.

— Как раз сейчас у нас абсолютно внятная политика в отношении СМИ. Это установление жесткого государственного контроля на всех уровнях. Это в какой-то степени реакция на разгул свободы слова времен 90-х годов. Но реакция может быть разной.

Если Вы думаете, что мне нравилось НТВ Гусинского, то это не так, совсем не нравилось. ОРТ в варианте Березовского тоже не привлекало. Но то, что к тому времени сложилась некая информационная полифония, — это факт. Я мог смотреть или не смотреть ОРТ, но я мог сравнивать каналы, мог читать мою любимую газету «Известия», зная, что она не всегда совершенна, но дает достаточно адекватную картину мира, и большинство статей не будут проплаченными. А если нужна была дополнительная информация, читал «Коммерсант» или «Ведомости». В общем, у нас была пресса, безусловно, с изъянами, но она давала возможность получить вполне адекватную картину мира.

Сегодня формируется такая информационная среда, из которой я не могу понять, что происходит в нашей стране. Мне показывают по основным телевизионным каналам картинку, а я знаю, что жизнь другая. Мне известно, кто заказывает эту картинку. Главный канал, по которому получаю сведения о текущих событиях в стране, — «Эхо Москвы». Оно принадлежит «Газпрому» и поэтому старается не влезать в его дела. Тем не менее, на мой взгляд, правдиво рассказывает о происходящем. Боюсь, это может скоро закончиться.

Вначале была надежда, что власть возьмет под контроль только ключевые каналы, выходящие на аудиторию в десятки миллионов человек. А сейчас видно, как на информационном поле подминается и все остальное.

— Для чего федеральная власть берет на себя так много функций, вплоть до распределения зарплат и грантов?

— На мой взгляд, это ошибочная линия. Мы бросаемся, как много-кратно бывало в России, из крайности в крайность. В 1990-х годах в стране начала формироваться реальная федеративная система: с выборами губернаторов, с широкой самостоятельностью регионов. Но, как это случается в начале пути, это была не столько федерация, сколько система удельных княжеств. Многие князья были неэффективными и вороватыми. Центр это раздражало. И, как естественная реакция, возникло желание построить вертикаль власти. Если смотреть из Москвы, понять эту логику можно. Но она неправильна.

Когда строят дома в сейсмоопасных районах, в конструкцию включают элементы гибкости, в противном случае от первого толчка здания разваливаются. Сейчас мы строим систему, в которой таких элементов нет. Это значит, что она хрупкая, неустойчивая.

— Существует устойчивое мнение, что провинция и Москва — это разные государства. Это так?

— Я бы так не сказал. Естественно, когда начинается рост, в столицу он приходит раньше. Провинция следует за Москвой с неким временным лагом. Но это было и в советские времена. Пермь никогда не станет Москвой, если сюда не переедет столица России.

— Кремль не знает, что происходит в провинции. Вот в чем беда!

— Там понимают, что страна — это не только Москва. Они могут что-то делать правильно или неправильно, но осведомлены о происходящем в стране. Понимание, что управлять Москвой — не значит управлять Россией, у президента есть.

— Вы встречались с пермскими студентами. Как Вас воспринимают молодежь? Были неприятные вопросы?

— В целом нормально принимают. Вопросы хорошие, интересные. Было одно резкое выступление представителя КПРФ. Но это вполне естественно. Мы готовы к диалогу с нашими оппонентами. Для сегодняшней молодежи я уже элемент древней истории. Помню, как-то после интервью каналу «Культура» ко мне подошла совсем молоденькая девушка. Она сверяла данные моей биографии, а под конец спросила: «Скажите, Вы были до Хрущева или после?».

— Каково впечатление о московских пермяках, о сегодняшнем руководстве края?

— Никита Белых нравится — компетентный, талантливый руководитель. К нему с уважением относятся и в Политсовете СПС. Мне

симпатичен и ваш губернатор. Не знаю, является ли для него это политически полезным, не компрометирую ли я его, но мне он кажется умным человеком.

— Вы обладаете сведениями об отставках каких-либо министров, например, Юрия Трутнева?

— Это слухи. Надо понимать стиль принятия решений нашего президента. Он по своей прошлой работе человек закрытый. И когда принимает подобного рода решения, то даже ближайший круг людей узнает об этом не раньше, чем за 72 часа, а информация просачивается еще позже. И если кто-то говорит о каких-то отставках, значит, он мало что понимает в происходящем.

Воспоминания о будущем

Нынешней осенью у новой российской экономики круглая дата: исполняется 15 лет с начала гайдаровских реформ. Тогда, в октябре 1991 г., Борис Ельцин выступил с исторической речью об экономических преобразованиях в России. Документ — плод мозгового штурма, совершенного группой молодых экономистов во главе с Егором Тимуровичем Гайдаром. Спустя несколько дней он был назначен заместителем председателя правительства, получив «в нагрузку» портфель министра экономики и финансов. Аккурат в годовщину Октябрьской революции Гайдар и его команда заняли ключевые правительственные кабинеты. Что было потом — мы все хорошо помним. Сегодня Егор Тимурович — экономист с мировым именем, а возглавляемый им Институт экономики переходного периода — авторитетнейшая научная площадка в стране. И тем не менее и сегодня Егор Гайдар переживает те события так же остро, как и 15 лет назад...

— Егор Тимурович, Вы сами-то с высоты прожитого как относитесь к «гайдаровским реформам»?

— Реформы, начатые в России 15 лет назад, невозможно понять, не оценив ситуацию, сложившуюся в стране к осени 1991 г. Если перечитаете сегодняшние публикации, посмотрите популярные «мыльные оперы», посвященные тому периоду, у вас сложится такая картина прошедшего: был великий Советский Союз, мощная сверхдержава. У нее было немало проблем, но назовите страну, у которой их нет. Пришли странные люди — реформаторы. Возможно, они были идиотами, возможно, агентами мирового империализма — это по выбору. Начались реформы. Их результаты оказались катастрофическими. И лишь когда к власти пришли государственники, жизнь начала налаживаться. Это устойчивый миф, в который верит большая часть граждан нашей страны.

— Простите, под «идиотами» Вы имеете в виду себя и свою команду?

Интервью брал Александр ЧУДОДЕЕВ.
Опубликовано в: Итоги. 2006. № 44. 30 октября.

— Круг людей, с которыми связывают российские реформы, можно сужать или расширять. Я принимал активное участие в реформах, несу за них ответственность. Недавно опубликовал книгу «Гибель империи. Уроки для современной России», в которой на основе документов союзного правительства, переписки между Минфином, Госбанком, правительством и ЦК КПСС показано, как мне кажется, достаточно убедительно, что выстраиваемая современным мифотворчеством «картина мира» имеет мало общего с реальностью.

— А какова она, по-Вашему, эта реальность?

— Россия в XX в. превратилась из страны — экспортёра зерна, какой она была накануне Первой мировой войны, в крупнейшего в мире импортера этого товара. Возможность продолжения зернового импорта в определяющей степени зависела от источника конвертируемой валюты — доходов от экспорта нефти, нефтепродуктов и газа. Когда цены на нефть упали, советская экономика столкнулась с тяжелыми проблемами. Вся ее конструкция была построена на ненадежном фундаменте сверхдоходов от нефти. В середине 1980-х они исчезли. Встал вопрос: что делать? Пересть кормить сателлитов — значит распустить восточноевропейскую империю. С экономической точки зрения это было шагом разумным. Но политически для советского руководства такое решение было неприемлемо. Альтернатива — отказаться от импорта продуктов питания, посадить крупнейшие города на продовольственные карточки образца Гражданской или Великой Отечественной войны. Такой вариант также был политически неприемлем. Еще одна альтернатива — свернуть оборонное производство, остановить выпуск товаров, требующих импорта западных компонентов и комплектующих, свести к минимуму инвестиции. Выбор был тяжелым. В этой ситуации советское руководство приняло «мужественное» решение: закрыть глаза и ничего не делать. Чтобы продолжать закупки продовольствия, в 1985–1988 гг. оно начинает в массовых масштабах занимать деньги за рубежом. На рубеже 1988–1989 гг. давать в долг перестали. С этого времени в переписке советских органов меняется набор наиболее часто употребляемых слов. Сначала это «кризис», потом «острый кризис», затем «катастрофа».

— То есть ситуация «для служебного пользования» была ясна?

— Чтобы не быть голословным, процитирую документы. Из записки министра хлебопродуктов СССР А. Будыки первому заместителю председателя Совета министров СССР В. Никитину от 11 августа 1989 г.: «Из урожая текущего года не хватает 30,7 млн. тонн зерна фуражных культур. [...] Учитывая изложенное, возникает необходимость ускорить решение вопроса о закупке фуражного зерна за границей». Быстро растут просроченные платежи, иностранные поставщики прекращают отгрузку зерна СССР.

Первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспову ситуация видится так (заседание Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1990 г.): «Я утром еду на работу, смотрю на хвосты в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну». Надо признать, партийный лидер реалистично оценивал ситуацию.

В это время СССР уже не просто привлекает кредиты, страна просит гуманитарной помощи. Идет оживленная дискуссия о том, как ее распределять. Замминистра обороны сверхдержавы В. Архипов в январе 1991 г. пишет председателю Центральной комиссии по использованию гуманитарной помощи Л. Воронину: «Прошу вас передать Министерству обороны СССР 8 млн комплектов суточных раций военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи».

Помощник президента СССР А. Черняев — человек информированный — описывает сложившуюся ситуацию: «Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее — хлеб. Не хватает 6 млн тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой».

Когда читаешь это, невольно вспоминаешь переписку царского, а потом Временного правительства осени 1916 — весны 1917 гг. Ее тон такой же. Командующие фронтами докладывают, что вместо полагающегося по нормативу многомесячного запаса продовольствия его осталось на 20 дней, потом — на 15 дней, на 4 дня. Затем сообщают, что продовольствия не осталось вовсе.

— Вернемся в начало 90-х...

— После краха путча союзные институты перестали функционировать. К осени 1991 г. страна, не располагающая валютными резервами, стала банкротом. Процитирую документ, который, на мой взгляд, ставит точку в экономической истории СССР. А. Но-

ско (заместитель председателя правления Внешэкономбанка СССР) 26 ноября 1991 г. информирует Комитет по оперативному управлению народным хозяйством: «Ликвидные валютные ресурсы полностью исчерпаны, и текущие валютные поступления от экспорта не покрывают обязательства по погашению внешнего долга страны». Начавшиеся на этом фоне преобразования трудно назвать реформами. Собственно, это были не реформы. Речь шла о жестких реанимационных мероприятиях, задача которых — предотвратить развитие событий по сценарию 1917–1918 гг. — с анархией, голodom и кровопролитной гражданской войной.

— В тот момент Вы верили в успех?

— Был убежден, что шансы на это есть. Мне интересно слушать рассуждения тех, кто сейчас объясняет, как легко было все устроить на рубеже 1991–1992 гг. Обычно, когда этим людям задаешь пять-шесть конкретных вопросов, их энтузиазм, уверенность в том, что они знают, как надо было действовать, иссякают. Представить, что могло произойти осенью 1991 г. в стране, начиненной ядерным оружием, страшно. В 2001 г. выдающийся экономист, один из создателей Чикагской экономической школы, профессор Харбергер пригласил меня выступить на семинаре, посвященном событиям в 1991–1992 гг. на постсоветском пространстве. Собрались специалисты, имеющие немалый опыт проведения экономической политики. Подробно рассказал о сложившейся в России в эти годы ситуации, потом задал вопрос: «Скажите, что бы вы сделали в подобном положении?». Наступила пауза. Министр финансов одной крупной страны ответил: «На Вашем месте я бы застрелился. Остальные решения хуже». Застрелиться несложно. Надо было добиться того, чтобы страна дожила до следующего урожая. Решать эту задачу пришлось без наркоза. Откуда его взять, если он за годы безответственной экономической политики уже разбазарен.

— Вернись Вы сегодня на 15 лет назад, Вы бы сделали что-то иначе?

— По технике проведения реформ изменил бы многое. За последние 15 лет накоплен богатый опыт постсоциалистического развития. В начале 1990-х годов его не было. Тогда пришлось решать уникальные проблемы, не имеющие precedента в мировой экономической истории.

— Как бы Вы кратко резюмировали главный итог тех реформ?

— Правительство России, сформированное в ноябре 1991 г., получило в наследство тяжелый экономический кризис. Принимая нестандартные, тяжелые и непопулярные меры, оно сумело добиться того, что страна не столкнулась с гуманитарной катастрофой, а человечество не оказалось на грани уничтожения.

— *А что сегодня?*

— Сегодня за нами восемь лет устойчивого экономического роста, основой которого являются отнюдь не только высокие цены на нефть и газ. Многие отрасли растут быстрее, чем энергетика. Финансовое положение страны устойчиво. Макроэкономические показатели удовлетворительны. Валютных резервов достаточно, чтобы, по меньшей мере в среднесрочной перспективе, чувствовать себя комфортно. Реализуемая в последние годы макроэкономическая и финансовая политика вызывает уважение. В условиях высоких цен на нефть проводить ответственный курс сложнее, чем когда они находятся на низком уровне.

— *То есть экономика наша в полном порядке?*

— В бочке меда есть и ложка дегтя. Структурные реформы остановились. Есть немало проблем, которые необходимо решить в России, чтобы сделать экономическое развитие устойчивым. К сожалению, благоприятная конъюнктура нефтяного рынка позволяет ничего не менять. Из экономических соображений понятно, что проводить реформы в условиях стабильной финансовой ситуации, когда есть «подушка безопасности», лучше. Но политическая логика иная: реформы обычно начинают тогда, когда не проводить их нельзя.

Другая неприятная вещь — тенденция к огосударствлению экономики, по меньшей мере некоторых ее секторов, возникшая иллюзия, что это полезно. Мог бы разделить подобные взгляды, если бы не знал, в каком положении находилась государственная нефтяная промышленность СССР. Неплохая иллюстрация — материалы совещания в правительстве СССР, состоявшегося 17 сентября 1990 г. Из выступления председателя Госплана Ю. Маслюкова: «Мы понимаем, что единственный источник валюты — это, конечно, нефтяной источник... Если мы сейчас не примем все необходимые решения, то мы следующий год можем провести так, как нам еще не снилось. [...] По соцстранам может закончиться самым критическим образом. Это все нас приведет к самому настоящему кра-

ху, и не только нас, но и всю нашу систему...». Председатель правительства Н. Рыжков говорит о сложившейся ситуации не менее откровенно: «...Нужны гарантии Внешэкономбанка, а он не может их дать. [...] Я вижу, не будет нефти, не будет экономики страны». 31 октября 1990 г. МВЭС СССР докладывает о катастрофическом положении, складывающемся с выполнением графиков отгрузок нефти на экспорт. Подчеркну — эти признаки надвигающейся катастрофы обозначились в то время, когда вся нефтяная промышленность была в руках государства.

— *В последнее время вновь развернулась дискуссия о путях развития России, все больше приобретающей черты энергетической сверхдержавы. Какой, по-Вашему, выбор при всей условности моделей — «австралийская», «мексиканская», «венесуэльская» — был бы для нас оптимальным?*

— Россия, как и СССР, сталкивается с проблемой, которая в научных кругах называется нефтяным проклятием. Мы в этом не одни. Есть высокоразвитые страны, вынужденные решать подобные проблемы. Яркий пример — Норвегия, страна с самым высоким показателем индекса человеческого развития в мире. Само по себе ресурсное богатство не порок. Научиться управлять экономикой в богатой ресурсами стране можно, но необходимо понимать, что это своеобразная экономика. Полагать, что норвежской или российской экономикой можно управлять так же, как и американской или германской, — заблуждение.

Человечество многие тысячелетия жило без электричества. Создало великие цивилизации. Однако если сегодня в Нью-Йорке или Москве перебои в энергоснабжении продлятся несколько часов, это дезорганизует жизнь мегаполисов. Нечто подобное происходит с доходами от нефти. К ним легко привыкнуть. Когда они исчезают, адаптироваться сложнее. Диверсификация российской экономики — стратегически важная задача. Но ее нельзя решить лобовыми методами, сказав: «Давайте вложим деньги во что-нибудь, не связанное с сырьем и топливом. И дело сделано!». Правительства богатых ресурсами государств неоднократно пытались потратить средства на диверсификацию экономики. В большинстве случаев это закончилось разбазариванием денег или просто масштабным воровством. Пока не вижу оснований полагать, что в России судьба государственных инвестиций будет иной. Что делать в этой си-

туации? Обеспечивать правовую и финансовую стабильность, создавать базу привлечения отечественных и иностранных частных инвестиций в несырьевые сектора, укреплять гарантии прав собственности. В этом году в Россию пошел крупный поток инвестиций. Если не будем делать глупости, через несколько лет сможем получить диверсифицированную экономику, в значительно меньшей степени зависящую от конъюнктуры сырьевого рынка.

— *Тогда почему нас с нашей недифференцированной экономикой Европа не желает пускать к себе?*

— Идет торг. Это нормально. У каждой из сторон есть свои интересы. Наш важный аргумент — запасы газа и нефти, обеспечивающие возможность стабильного снабжения Западной Европы энергоресурсами. У ЕС — возможность допустить или не допустить нас к розничному распределению газа. В процессе дискуссий стороны нередко прибегают к высокому пропагандистскому «штилю». Но в срыве переговоров никто не заинтересован.

— *И в заключение несколько блиц-вопросов... Каков Ваш прогноз на 2007 год?*

— Прогнозировать развитие событий в России можно лишь сценарно. Темпы роста в будущем году окажутся в диапазоне 5,5–6%, инфляция — 8–9%. Курс рубля по отношению к доллару — в районе 27 руб. Картина похожа на происходившее в 2006 г.

— *Каковы факторы риска?*

— Резкое падение цен на нефть. Пока такое развитие событий представляется маловероятным, во всяком случае в 2007 г. В ближайшее время не вижу и предпосылок банковского кризиса. Подчеркиваю: ручаться, что власти не наделают глупостей, не могу. Это риск, который всегда надо учитывать.

— *Ваше отношение к санкциям против Грузии и Молдавии¹?*

— Все зависит от того, какую цель ставить. Если укрепить существующие в этих странах режимы, мобилизовать общественную поддержку в их пользу, усилить антироссийские настроения, то введение санкций — мера эффективная.

¹ Имеются в виду введенные, с 2006 г. санкции против Грузии (повышение цен на газ, эмбарго на вино и минеральную воду, торговая, транспортная, почтовая блокада, отмена выдачи виз), а также запрет с 2005 г. на ввоз вина из Молдавии как не соответствующего требованиям санитарной безопасности. — Прим. ред.

— *Коррупцию в нашей стране можно победить?*

— В долгосрочной перспективе можно. Для этого нужно добиться прозрачности в работе госаппарата, обеспечить наличие свободной и влиятельной прессы, сформировать независимый парламент. Идея, что с коррупцией можно бороться с помощью ужесточения наказания и увеличения полномочий правоохранительных органов, непродуктивна. Попытки ее воплощения приводят к перераспределению взяток в пользу ведомств, ответственных за борьбу с коррупцией.

— *Вы принимали участие в подготовке десятков реформ. Какими из них вы сегодня гордитесь?*

— Одной из наиболее успешных, на мой взгляд, была налоговая. Принесла позитивный результат и реформа бюджетного федерализма. Важнейшая реформа, которую удалось провести во время, когда закрывалось «окно политических возможностей», — создание Стабилизационного фонда. Стране, зависимой от колеблющихся в широком диапазоне сырьевых цен, это позволило укрепить стабильность финансовой системы. Воплотить в жизнь все реформы удается редко. Военная, в подготовке которой институт принимал активное участие, имела шансы на реализацию, но, к сожалению, в том виде, в котором мы ее предлагали, не была принята властями. Об этом жалею.

— *А административная?*

— Это случай отдельный. Сознательно отказывался вовлекать институт в работы, связанные с административной реформой. Не потому, что не считаю ее важной. Написать 7–10 страниц о том, как ее необходимо проводить, не составляет проблемы. А дальше все упрется в то, что эти «правильные страницы» никому не нужны. Нужны десятки тысяч страниц — конкретных разработок, связанных с тем, что надо делать, к примеру, с санэпидемслужбой, госпожарнадзором, экологическим надзором, ГИБДД. И нужны не абстрактные размышления, а глубокое знание материала. Этого можно добиться, лишь если обеспечена поддержка со стороны руководства страны, когда оно хорошо понимает, насколько это тяжелая и конфликтная работа, готово вникать в детали. Пока такой воли не вижу.

«ЕС заинтересован в России не меньше, чем мы в ЕС»

Поводом для разговора с директором Института экономических проблем переходного периода Егором Гайдаром послужил последний визит Владимира Путина в Финляндию, на дружеский ужин с президентами стран Евросоюза. По мнению политических экспертов, главным неофициальным вопросом для обсуждения за этой вечерней трапезой стала попытка европейцев выступить единым фронтом, вынудив Путина пойти на уступки во внешней энергетической политике России. Однако принципиальная позиция российского президента в вопросах энергетического партнерства с ЕС в очередной раз поставила европейцев в тупик, вызвав у них очередную волну раздражения. Как теперь будут строиться политические и экономические взаимоотношения России с ЕС, «НВ» и попыталось выяснить у Егора Гайдара.

ЕВРОПА ДОЛЖНА ПОНЯТЬ, ЧТО РОССИЯ НЕ РУМЫНИЯ

— *Есть ощущение, что в последние годы в Европе несколько обострилась неприязнь к России. Чем это, на Ваш взгляд, вызвано?*

— Не сказал бы, что неприязнь к России обострилась. Европа на протяжении веков настороженно относилась к своему восточному соседу. Наше время в этом плане не стало переломным. На мой взгляд, нынешнее охлаждение в отношениях сторон произошло под влиянием двух факторов. Восточноевропейская политика Евросоюза на протяжении последних 15 лет была сосредоточена на его расширении. Диалог стран — основателей Евросоюза со странами-кандидатами шел о правилах поведения в элитном клубе. Тем, кто туда хочет вступить, объясняют, если члены клуба видят, что кандидат соответствует его требованиям, его принимают. Если нет, ему объясняют, что надо сделать, чтобы исправить-

Интервью брал Иван МАКСИМОВ.
Опубликовано в: Невское время. 2006. 10 ноября.

ся. В клуб вас никто за руки не тянет. Хотите ли вы быть кандидатом — ваш выбор, но условия вступления диктуют, конечно, члены клуба. Руководители Евросоюза, ведущих европейских стран привыкли к подобному стилю «восточной политики», воспринимают ее как естественную. Но строить так связи со странами, не являющимися кандидатами на вступление в клуб, в том числе с Россией, — ошибка. Отношения с соседями по своей природе иные. Они не выстраиваются как внутрисемейные, здесь надо на равных договариваться о правилах общежития.

— *То есть Вы имеете в виду, что в нынешнем политическом тоне европейцев сквозит излишняя претенциозность по отношению к России?*

— Европе непросто понять, что строить отношения с нашей страной так же, как со странами — кандидатами в Евросоюз, неразумно. Вероятно, у многих европейских политиков в памяти еще свежи события конца 1980-х — начала 1990-х, когда СССР не только брал в Европе крупные финансовые кредиты, но и просил о гуманитарной помощи. Тогда нашей стране волей-неволей приходилось выполнять условия, которые диктовали европейцы. Но это было в прошлом веке. Сегодня ситуация изменилась. Мы способны выстраивать с соседями равноправный диалог. Но и со стороны российских властей есть недопонимание того, как устроен процесс принятия решений в Евросоюзе. Это также осложняет обсуждение вопроса о принципах, на которых строят добрососедские отношения.

— *И в чем же они выражаются?*

— Евросоюз — своеобразная конструкция. Принятие решения по каждому важному вопросу приходится согласовывать со странами — членами клуба. Поэтому процесс выработки позиции идет медленнее, чем даже в США. В Америке есть президент, палаты Конгресса, их функции определены и четко разграничены. В ЕС все сложнее: там есть руководство Еврокомиссии, Европарламент, национальные правительства, и все это на фоне других институтов, функции которых порой пересекаются. ЕС — это объединение стран с устойчивыми демократиями, которые формировались на протяжении столетий, и любое решение, касающееся всех членов ЕС, приходится соотносить с общественным мнением во всех странах — членах союза. Российским политикам, вынужденным выстраивать отношения с европейскими соседями, понять, как вся эта сложная конструкция может работать, непросто.

Россия никогда не подпишет энергетическую хартию

— Но ведь европейцы, допустим, не пытаются заставить действовать по своим принципам Китай или Индию.

— Россия для ЕС — это не Индия и не Китай. Если вы китаец, европейцы вас, скорее всего, и не будут пытаться учить свободе личности, слова, федерализму и другим демократическим ценностям. Но европейские политики воспринимают Россию как европейскую страну, поэтому и предъявляют к ней соответствующие требования.

— Энергетическая политика России совсем не устраивает лидеров ...

— Энергетическое сотрудничество — важный момент во взаимоотношениях ЕС и России. И мы, и они в нем заинтересованы, но европейцев беспокоит манера, в которой Россия сейчас строит энерготношения со своими партнерами по СНГ — с той же Украиной, Грузией. Они опасаются, что в случае возникновения серьезных противоречий с Россией эти же методы могут быть применены и к ним.

— Возможно, именно поэтому Евросоюз настаивает на подписании Россией Энергетической хартии и транзитного протокола к ней.

— Если говорить откровенно, я не верю в то, что Энергетическая хартия и тем более транзитный протокол будут подписаны российскими властями. По меркам реальной политики хартия — нормальный элемент торга между партнерами. Европейцы хотели бы получать наши энергоресурсы по приемлемым и предсказуемым ценам, иметь доступ к нашим трубопроводам. Но чтобы добиться этого, нужно идти на компромиссы, учитывать интересы России. Наши власти могут потребовать доступа в Шенгенскую зону, того, чтобы границы с ЕС были для россиян открыты. Это отнюдь не значит, что такое требование будет принято. Обсуждать содержание энергетической хартии в ее нынешнем виде в подробностях я смысла не вижу. Не верю, что российские власти ее примут.

С ЕВРОПЕЙЦАМИ НЕЛЬЗЯ ДЕЙСТВОВАТЬ ПРЯМОЛИНЕЙНО

— Еще одним фактором нынешнего охлаждения европейцев к России считается внезапный отказ руководства «Газпрома» допустить иностранных партнеров к разработке Штокмановского месторож-

дения газа, сделанный в нарушение предварительных договоренностей.

— Не могу судить о том, в состоянии ли сегодня «Газпром» самостоятельно, без помощи западных партнеров осуществлять проекты такого масштаба и сложности. Пока успешных проектов такого масштаба по разработке шельфовых месторождений в России я не знаю. На мой взгляд, отказ от допуска иностранцев на Штокмановское месторождение — переговорный ход. Еще раз подчеркну, нам и Евросоюзу нужно выстраивать добрососедские отношения. Торг в них — нормальный элемент.

— Каким образом, на Ваш взгляд, стоит теперь России строить свои отношения с ЕС, в том числе в энергетической сфере?

— Глупо впадать в истерику, падать на пол и сучить ногами, когда кажется, что Европа нас обижает. Не стоит действовать в переговорах с европейцами прямолинейно, пытаться прибегать к бандальному шантажу. Это, как правило, контрпродуктивно. Россия хочет улучшить условия своих отношений с ЕС, и это естественно. Но идти по этому пути надо осторожно, понимая правила игры. Европейцы не заинтересованы в конфликте с Россией. Они понимают, что мы экономически очень тесно связаны. В диалоге с Европой России необходимо отстаивать свои интересы, стремиться к разумному компромиссу. При взаимном уважении и понимании друг друга взаимовыгодное партнерство вполне достижимо.

«Уезжать из страны не собирался»

Удивительным образом сохранился Егор Гайдар — такое впечатление, что за 15 лет он не изменился внешне и взгляды его нисколько не изменились. Это коренным образом отличает его от других героев этой рубрики¹. Секрет стабильности в научном складе ума. Гайдар всегда точно знает, что происходит. А за все времена нахождения у власти удивить его смогли лишь двое — женщина с коляской и Хасбулатов.

— Один мой знакомый с душевным трепетом рассказывал о встрече с Вами в октябре 1993 г. Он руководил тогда боевым подразделением, которое намеревалось оборонять Центральный телеграф. И Вы якобы, проезжая мимо, остановились и рассматривали людей, шедших в колонне, недоверчиво. А кто-то из его подвыпивших бойцов, не reputав имя, но от души, кричал: «Не бойся (он использовал другое слово), Тимур, мы твоя команда!». Что Вы чувствовали по отношению к этим людям?

— Бывают моменты, когда происходящее определяет развитие событий надолго. Так было 24–25 октября 1917 г. в Петрограде, то же случилось в Москве 3–4 октября 1993 г. И там, и там был кризис двоевластия. Его суть — отсутствие важнейших элементов государственности в стране, от развития событий в которой зависит судьба мира. Происшедшее в 1917 г. обрекло страну на кровопролитную Гражданскую войну, жертвами голода стали миллионы человек. В 1993 г. гражданскую войну удалось остановить. Благодарить за это надо тех, кто в ночь с 3-го на 4 октября переломил развитие событий в Москве и России. В эти часы был у Моссовета. Знаю многих, кто пришел поддержать свободу и не дать опасным экстремистам прийти к власти в России. Они понимали ситуацию в стране, риски, которые на себя берут. Среди них были писатели,

Интервью брала Екатерина ДРАНКИНА.

Опубликовано в: Коммерсантъ-Деньги. 2006. № 46. 20 ноября.

¹ Рубрика «Герои 90-х». — Прим. ред.

книги которых люблю, поэты, стихи и песни которых помню с детства. Это было сообщество людей, которых уважаю. Что касается Вашего знакомого, его не помню. Не знаю, был ли он там. Его видение сложившейся в эту ночь ситуации отличается от моего. Может быть, его там и не было.

— То есть как не было? Честный такой человек, искренний.

— Число людей, по их словам участвовавших в штурме Зимнего дворца, к концу 1920-х годов превышало количество тех, кого способна вместить Дворцовая площадь. Знаю, что штурма Зимнего дворца в том виде, который представлен советским кинематографом, не было. Допускаю, что Ваш собеседник был на месте происходивших событий. По моему убеждению, его видение ситуации отражает происходившее неточно. Те, кто знаком с историей революций, знают: подвыпившая толпа труслива, исчезает при первом признаке опасности. Те, кто пришел к Белому дому 19–21 августа 1991 г., к Моссовету в ночь с 3-го на 4 октября 1993 г., такими не были.

— Что же, интеллигенция танки остановила?

— 19–21 августа 1991 г. это было именно так. В грамотном, урбанизированном обществе найти солдат, готовых давить танками соотечественников, непросто. В аграрном Китае во время событий 1989 г., когда сотни тысяч граждан вышли на манифестации протеста, подобрать части, способные сделать это, китайскому руководству было нелегко. Гарнизон Пекина сочли недостаточно надежным, пришлось перебрасывать войска с советской границы.

Когда в Москве в августе 1991 г. стало ясно, что общество не принимает власть ГКЧП, войск, готовых давить сограждан танками, не нашлось. Крах советского режима стал неизбежным.

В свидетельствах многих из тех, кто участвовал в событиях 24–25 октября 1917 г. в Петрограде, сквозит недоумение и отсутствует ответ на очевидный вопрос, почему никто не был готов повести за собой людей, не желающих отдать власть в руки опасных экстремистов. На стороне большевиков было лишь 4,5 тыс. вооруженных людей. Число офицеров в Петрограде, его ближайших пригородах составляло 20 тыс. человек. Характерные строки из воспоминаний об этих днях: «Мы вынуждены покориться насилию». Те, кто пришел к Белому дому 19–21 августа 1991 г. и к Моссовету 3–4 октября 1993 г., не были готовы принять такое развитие собы-

тий. Думаю, что российская интеллигенция извлекла некоторые уроки из истории XX в.

— Минуточку. А бизнес, молодые кооператоры? Разве их не было с Вами? Ведь были же!

— Лидеры бизнеса осторожны. 3–4 октября 1993 г. у Моссовета их не видел. Надо признать, что свои охранные подразделения в наше распоряжение они предоставили. Ситуация в ночь с 3-го на 4 октября 1993 г. радикально отличалась от той, которая сложилась утром 4 октября. К этому времени исход конфликта был очевиден. У Белого дома были тысячи зевак, в том числе мамы с колясками. Но это уже другая история.

— Так это были все-таки неравнодушные люди — те, кто пришел с колясками?

— Когда в столице за 24 часа происходит гражданская война, это травма для общества. Она подталкивает к таким действиям, которые в нормальной ситуации люди не совершают. Мамы с колясками у Белого дома утром 4 октября на фоне маневрирующих танков — картина, которая не могла бы возникнуть в стабильной стране.

— Стало быть, бизнесменов не было, а женщины были. Помимо этих женщин за время Вашего нахождения во власти что-нибудь еще Вас удивило? Были ли Вы к чему-то не готовы?

— Уточняю ситуацию. Ночью с 3-го на 4 октября женщин с колясками у Моссовета не видел. Утром 4 октября, когда исход развития событий был ясен, а общество было дезорганизовано трагичными событиями последних часов, эти женщины появились у Белого дома.

Теперь отвечу на Ваш второй вопрос. 22 августа 1991 г. я прекрасно понимал риски, с которыми столкнутся новые власти. То, что произойдет, когда с улиц исчезнет милиция старого режима, а полиция нового еще не придет, понимал. Тем не менее развитие событий оказалось разнообразнее того, о чем можно прочитать даже в хорошей исторической литературе.

Пожалуй, самым неожиданным для меня была история соглашения, заключенного в декабре 1992 г. в Кремле. Кризис двоевластия к этому времени достиг накала, сопоставимого с летом — началом осени 1917 г. Держать в этом состоянии переполненную ядерным оружием страну было рискованно. На переговорах, в ко-

торых посредником выступил председатель Конституционного суда Зорькин, а основными сторонами были Верховный Совет (Руслан Хасбулатов) и Правительство РФ (в моем лице), удалось достичь соглашения. Оно не секретно, его утвердил Съезд народных депутатов. Стороны договорились о смене руководства правительства, ликвидации кризиса двоевластия, вынесении на референдум проекта новой Конституции РФ. Если президенту и Верховному Совету удастся договориться о согласованном тексте Конституции, он выносится на референдум, в противном случае граждане России выражают свою волю, голосуя за альтернативные проекты.

Когда добился этого соглашения и оно было одобрено Съездом народных депутатов, поверил, что угроза повторения кризиса, подобного осени 1917 г., позади. Ошибся. Через три недели руководство Верховного Совета решило, что при смене правительства все, о чем договорились, ни к чему не обязывает. Развитие событий в 1993 г. — референдум о доверии президенту, съезд народных депутатов и политике правительства; конституционное совещание лета 1993 г.; намерение руководства Верховного Совета вопреки решению народа провести импичмент президента; Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г.; попытка вооруженного захвата власти 3-го октября; мобилизация сторонников президента ночью с 3 на 4 октября; события утра 4 октября у Белого дома — следствие отказа от декабрьских (1992 г.) соглашений. Такого поворота событий не предвидел.

— Что бы Вы делали, если бы в 1991 г. Борис Ельцин не подписал Указ о Вашем назначении главой правительства?

— В 1991 г. я руководил исследовательским экономическим институтом. И сейчас им руковожу. Надо отметить: осенью 1991 г. число желающих возглавить российское правительство было невелико.

— Ну, не единственная же кандидатура была у Ельцина. Уехать, заняться бизнесом — эти пути были для Вас возможны?

— Очередь тех, кто готов руководить правительством страны, валютные резервы которой перевалили за 260 млрд долл., выстроилась бы от Москвы до Пекина. Желающих взяться за ту же работу, когда валюты нет, страна — банкрот, никто не может объяснить, где взять 20 млн т зерна, необходимых, чтобы дожить до следую-

щего урожая, было немного. По второму вопросу: уезжать из страны не собирался, заниматься бизнесом тоже.

— Политика, стало быть, тоже не Ваше. Что же заставило Вас пойти во власть, ведь этот поход, как Вы неоднократно отмечали, навлек на Вас народную ненависть?

— Страна в 1991 г. столкнулась с серьезными проблемами. Если опираться на официальную переписку союзных властей, то самым употребляемым словом был даже не «кризис», а «катастрофа». Когда страна находится в такой ситуации, легче всего закрыть глаза и попытаться ни о чем не думать. К сожалению, это решение не помогает. Кому-то приходится брать на себя ответственность.

— Ваш сподвижник Анатолий Чубайс даже как будто бравирует нелюбовью народной. Вы, часом, не поддались искушению быть отверженным своим народом?

— Хотел бы, чтобы в России ко мне относились адекватно. Но я реалист. Начиная реанимационные мероприятия, необходимость которых задана зависимостью страны от импорта зерна, падением цен на экспортные товары, отказом коммерческих кредиторов предоставлять финансовые ресурсы для обеспечения импорта продовольствия, понимал, что и в случае удачи шансы на то, что меня поблагодарят, невелики. Я просто отечественную историю знаю неплохо.

— Тогда почему Вы решили больше не выходить из своего академического кабинета?

— Не считаю себя прирожденным политиком. Был вынужден заняться этой деятельностью, когда ситуация в России была опасной для нее и мира. Делал что мог. Возврат к работе за письменным столом для меня естественное решение.

— Ваши книги многими воспринимаются скорее как попытка оправдаться за прошлое, нежели как генерация идей, пригодных для построения светлого будущего.

— Они не являются обязательными для школ или университетов, знакомиться с ними или нет — выбор читателей. Рад, что мои последние книги «Долгое время» и «Гибель империи. Уроки для современной России» оказались более популярными, чем кто бы то ни было ожидал. Может быть, это свидетельство того, что российское общество хочет понять, что произошло на протяжении последних десятилетий, и не повторить ошибок предшественников.

Германскому обществу 20-х — начала 30-х годов XX в. сделать это не удалось. Результаты для мира оказались трагическими. Надеюсь, что мы не повторим подобных ошибок.

— Почему же Вы ушли от практики и перешли на позиции теоретика?

— Политикой имеет смысл заниматься, когда есть шанс повлиять на решение важных для страны вопросов. В конце 1993 — начале 1994 г. руководство России обсуждало вопрос о выборе стратегии. Я и мои единомышленники доказывали, что сейчас, когда кризис двоевластия преодолен, принятая новая Конституция, надо начать реформы, которые раньше не провели из-за отсутствия политических предпосылок: финансовую стабилизацию, налоговую реформу, реформу бюджетного федерализма, укоренение частного оборота земли, реформу системы финансирования социальных расходов. Наши оппоненты отвечали, что народ от реформ устал, торопиться не надо. К середине января 1994 г. точка зрения оппонентов возобладала. Мое пребывание в составе правительства стало излишним. Сказал об этом президенту Борису Николаевичу Ельцину.

— Не жалели потом?

— Нет.

— А о чем Вы жалеете, о каких своих ошибках?

— В начале 90-х годов XX в. опыта проведения экономической политики после краха социалистической системы не было. Сейчас ему посвящены тысячи талантливых монографий, сотни тысяч хороших статей. Обобщающие работы, подготовленные в нашем институте, посвященные экономике переходного периода, это три тома объемом приблизительно 6 тыс. страниц печатного текста. Хотел бы иметь их у себя на столе в ноябре 1991 г. К сожалению, к тому времени такого материала быть не могло. Если бы я и мои коллеги им располагали, могли бы уйти от многих технических ошибок. Была бы наша страна другой, если бы эти ошибки не были допущены? Думаю, нет. Фундаментальные проблемы были заданы крахом советской экономики, его последствиями.

— Может, был смысл подавать немножко пиара, объяснить людям, что происходит?

— Мои друзья, люди для меня авторитетные, в начале 1992 г. неоднократно говорили, что правительство плохо объясняет про-

исходящее. Весной 1992 г. я пришел к Борису Ельцину с предложением создать орган, который должен отвечать за информационное обеспечение проводимой экономической политики. Борис Николаевич, выслушав меня, ответил: «Егор Тимурович, Вы предлагаете восстановить отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС? Пока я президент, этого не будет». Происходящее в средствах массовой информации на протяжении последних лет заставляет меня усомниться в том, что в этой дискуссии он был абсолютно прав.

— *Перейдя от практики к теории, Вы продолжаете, по сути, то же самое, только в роли консультанта. С каким правительством было работать проще?*

— У Бориса Николаевича Ельцина реально было шесть правительств, у Владимира Владимировича Путина — два. Дело не в фамилии премьера и президента. То, что российские власти смогли в 2000–2002 гг. провести реформы, которые давно разрабатывались, но не были осуществлены (от налоговой реформы до легализации частного земельного оборота и создания Стабилизационного фонда), — важное достижение.

— *А с нынешним правительством как?*

— Работаем. В его составе немало квалифицированных людей. В условиях аномально высоких цен на важнейшие для России экспортные ресурсы, нефть, нефтепродукты и газ, проводить ответственную экономическую политику сложно. Тем не менее, если сравнить качество принимавшихся решений в позднебрежневскую эпоху, когда цены на топливо в реальном исчислении были заметно выше, чем сейчас, надо признать — проводимая сегодня экономическая политика лучше.

— *Для Вас только с экономикой связана тревога за Родину? А фашистующая риторика разве не пугает?*

— Эта угроза реальна. Речь идет о болезни метрополий, утративших колониальную империю. Ее пережили многие страны, в начале XX в. называвшие себя империями. Мы проходим опасную фазу этой болезни. Опыт показывает — время ее лечит. Объяснить сегодня английскому студенту, почему Англия должна владеть Индией, или тем более поднять его на борьбу за этот идеал — задача, не имеющая решений. С течением времени это произойдет и в России.

— *Ваши идеи о постимперских опасностях многие разделяют? Вот, например, Чубайс. По Вашему мнению, слово «империя» вспоминать опасно, а он, наоборот, употребляет, про «либеральную империю» говорит.*

— С Анатолием Борисовичем Чубайсом мы единомышленники. Какие слова мы используем при описании сходного набора идей — личный выбор.

— *То есть «либеральная империя» Чубайса — популистский лозунг, который подразумевает те же самые рыночные реформы, о которых говорите Вы? Но популистские лозунги опасны.*

— Я верю в свободу слова. Могу расходиться с Анатолием Борисовичем Чубайсом в вопросе о том, какие термины лучше употреблять. Убежден в его праве по-своему отстаивать идеалы, которые мы разделяем.

— *А бизнесмены, становлению которых Вы способствовали? Их позиция, взгляды, важны они для истории России?*

— Важны. Один из ключевых вопросов во время неформальных дискуссий середины 1980-х годов: в какой степени в России после трех поколений нерыночного хозяйства сохранилась способность к предпринимательству? Развитие событий показало, что оптимисты были правы. При ослаблении госконтроля российское общество за короткий срок продемонстрировало способность к активной предпринимательской деятельности не единиц, а миллионов людей. Но история свой след оставляет. На протяжении десятилетий нашим гражданам внушали, что капиталист — это нечто похожее на образ, созданный Маршаком: «Мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер, делец и банкир, владелец заводов, газет, пароходов...». Это далеко от реальностей современного западного общества, тем не менее в сознании тех, кого принято называть олигархами, этот образ прочно укоренился. Знаю весьма влиятельного в прошлом российского бизнесмена, который все время задавался вопросом: «Кто же на самом деле стоит за президентом Соединенных Штатов? С кем из серьезных людей надо обсуждать проблемы наших отношений?». Многие из тех, кого называют олигархами, именно так воспринимали современное устройство мира, считали его моделью для России. На мой взгляд, в этом причина многих проблем, с которыми на протяжении последних 15 лет столкнулась наша страна.

— Так что же, власть раньше должна была начать корректировать эти представления? Дело Ходорковского раньше нужно было начать?

— Не думаю, что тут нужны полицейские меры. В 1992 г. меня не редко упрекали в том, что все крупные состояния в России сформировались до того, как были начаты реформы. В этом есть доля правды. В истории не знаю иного, чем в СССР, случая, когда бы в обществе, где нет рыночной экономики и рыночных цен, количество коммерческих банков за год возросло с нуля до тысячи. И это в стране, десятилетия не имевшей традиции коммерческой банковской деятельности или надзора над ней. Чтобы возник эффективный бизнес, который честно платит налоги в бюджет, своевременно выплачивает жалованье работающим, наращивает свои обороты, нужны не только свободные цены, конвертируемая валюта, финансовая стабильность и приватизация. Для этого необходимы укоренившиеся, ставшие привычными рыночные институты, гарантирующие то, что права собственности уважаемы, контракты соблюдаются. Фундаментальная проблема постсоциалистической трансформации в том, что крах установлений старого режима не гарантирует формирования институтов эффективного рыночного хозяйства. Литература, посвященная роли институтов в экономическом развитии, убеждает: здесь надо оперировать времененным горизонтом, измеряемым числом поколений или столетий. К сожалению, после краха социалистической экономики такого запаса времени не было.

— Если предположить, что у власти не хватит здравого смысла перестать подкармливать националистов, покинете ли Вы свой кабинет, чтобы снова что-то публично сказать и сделать? И больше или меньше будет с Вами людей, которые откликнутся на Ваш призыв?

— Сделаю все, чтобы в нашей стране нацисты к власти не пришли. Людей, которые разделяют мое отношение к этому, думаю, найдется немало.

— Стало быть, не один Чубайс Ваши идеи разделяет?

— Не верю, что большинство наших сограждан можно увлечь нацистскими лозунгами. Рассчитываю не только на тех, кто за последние 15 лет сделал себе состояние. Опыт показывает — их от-

ношение к идею радикального национализма неоднозначно. Но в здравый смысл российского народа верю.

— Однако с представителями бизнеса, которые могли бы встать с Вами в один ряд, Вы не хотите ассоциироваться. И в 1993 г. их с Вами не было, и сейчас они Вас не любят.

— Признаюсь, то, над чем работали я, мои коллеги, было сделано не для того, чтобы помочь россиянам, входящим в число миллиардеров. Надеюсь, что их бизнес окажется эффективным, будет конкурентоспособным на мировой арене. Это полезно для России. Но само по себе их богатство меня интересует мало. Важно, чтобы в том числе и благодаря их усилиям Россия в XXI в. развивалась динамично, все больше ее граждан жило лучше, чем вчера, а угроза повторения катастроф, произошедших в нашей стране в XX в., отступила.

Гибель советской империи: как это было

4 декабря — в 15-ю годовщину распада СССР — в «Комсомольской правде» были опубликованы документы, взятые из нового издания книги Егора Гайдара «Гибель империи», показывающие историческую закономерность развала страны.

Дублинское отравление помешало вовремя получить интервью, о котором мы договаривались. Первое, что сделал Егор Гайдар, выйдя из клиники, — ответил на заданные вопросы.

ОНИ О НАС

— Из свидетельств, приводимых в Вашей книге, очевидно, что никакие «советологи», включая аналитиков ЦРУ США, не предвидели краха советского режима, случившегося в 80-е. В чем Вы видите причину такой слепоты западных экспертов?

— В инерции сознания. Даже квалифицированному специалисту непросто анализировать риски, связанные с катастрофическим крушением институтов, устойчивых на протяжении десятилетий. Когда трещины в фундаменте советской системы после падения цен на нефть в середине 1980-х годов обнажились, не замечать их стало сложно. Но заблаговременно увидеть то, насколько хрупкой является вся сформированная в СССР на рубеже 1920-х — 1930-х годов конструкция, оказалось слишком трудно.

ПРОХУДИВШИЙСЯ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС»

— КГБ неоднократно информировал ЦК КПСС о том, что в среде интеллигенции и учащейся молодежи усиливается критика существующего положения вещей, ставится под сомнение правильность

Интервью брала Ольга КУЧКИНА.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 2006. 4 декабря.

социалистического строительства, все громче звучат голоса в защиту «западных» свобод. Некоторые деятели до сих пор считают, что Запад «разложил» нас. Может, и впрямь, выход был в том, чтобы покрепче запереть двери и не впускать «чуждый» дух?

— Советское руководство пыталось это сделать. Западные голоса глушили, были попытки организовать производство радиоприемников, не позволяющих принимать передачи на частотах вещания зарубежных радиостанций. Контакты иностранцев с жителями СССР жестко ограничивали. Разрешение даже на краткосрочный выезд в западные страны получали лишь те, чью лояльность тщательно проверяли власти. Пятое управление КГБ, отвечавшее за работу с инакомыслящими, было мощной, компетентной организацией с обширной агентурной сетью. Все это не помогло.

ПЬЮТ И ТАЩАТ

— В Вашей книге множество красноречивых документов, демонстрирующих низкий уровень советской экономики и как следствие низкий уровень жизни советских людей на фоне высокого уровня алкоголизации и воровства. Такое положение с экономикой закономерность или просто звезды неудачно расположились?

— Социалистическая экономика в том виде, в котором она сформировалась на рубеже 1920-х — 1930-х годов, позволяла в беспрецедентных масштабах и в короткие сроки перераспределять ресурсы из деревни в город, обеспечивать высокие темпы индустриализации. Платой за это явились не только разорение отечественного сельского хозяйства, гибель миллионов крестьян от голода, но и формирование промышленности, для которой характерна низкая эффективность производства. Ключевой элемент модели, созданной в те годы в СССР, — отключение рыночных механизмов, попытка заменить их целостной системой административного управления экономикой. Низкая эффективность использования ресурсов — неизбежная плата за такой эксперимент.

ГОЛОДНАЯ СТРАНА

— В открытом обществе давно существовал термин «качество жизни», а мы о «качестве» даже не догадывались, вынужденные до-

вольствоваться тем, «что дают». Наши власти клялись в любви к народу, в заботе о народе, а реально люди при социализме жили хуже людей при капитализме. В какой степени закрытое общество способствует нищете?

— На протяжении последних двух веков темпы роста мировой экономики ускорились в десятки раз по сравнению с теми, которые были характерны для предшествующих тысячелетий. Процесс беспрецедентных изменений в уровне жизни, образовании, структуре занятости получил название «современный экономический рост». Один из его важнейших элементов — глобализация экономики. Попытка построить автаркичное, независимое от мира национальное хозяйство иногда дает избравшей такой путь стране возможность в краткосрочной перспективе ускорить темпы экономического роста, но стратегически это путь тупиковый. Национальные власти, избравшие такую линию, обрекают свою страну на отсталость.

ТАНКИ ВМЕСТО МАСЛА

— Вы убедительно показываете, что пятилетние планы, которые формировали наше хозяйство, включали военные приоритеты, единственным сектором, постоянно пребывавшим в цветущем состоянии, был военно-промышленный комплекс, страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов, что оправдывалось принципом: будут бояться — будут уважать. Какова замена советской концепции?

— Мы живем в интегрированном мире. Надо научиться сознавать, что мы большая семья, которой надо сообща решать непростые проблемы. Семья, отношения в которой выстроены на страхе, неудобна и непрочна. Куда комфортнее жить вместе в семье, где отношения выстроены на взаимопонимании и взаимоуважении.

БОЛЬНЫЕ СТАРИКИ В КРЕМЛЕ

— Насколько роковым для страны оказалось старческое руководство ею?

— Состояние здоровья некоторых кремлевских лидеров, и об этом говорят цитируемые в книге источники, не могло не оказывать влияние на принимаемые решения.

Геронтократия — вешь, увы, характерная для советского руководства предшествующих десятилетий. А это упущеные возможности, неверные реакции на вызовы времени и прочее. Передача власти в руки сравнительно молодого Горбачева — вынужденный шаг партийных властей Советского Союза.

— Вернемся к теме алкоголизации населения, которая не могла не беспокоить новых людей во власти, принявших Закон о сокращении производства и продажи водки, что резко сказалось на финансах. А как было поступить, если страна спивалась?

— Проблема алкоголизации населения в Советском Союзе была серьезной. Именно этот фактор обусловил аномальную динамику продолжительности жизни мужчин. Применительно к группам населения в трудоспособном возрасте продолжительность жизни перестала расти уже в конце 1950-х годов; в целом по мужскому населению в начале 1960-х — первой половине 1980-х годов она снижалась. Но когда речь идет о такой масштабной социальной проблеме, самое неразумное, что можно сделать, — это пытаться решать ее простыми способами. Результаты, как правило, будут разочаровывающими. С нормами поведения, схожими с теми, которые были характерны для СССР в 1950-х — начале 1980-х годов, сталкивались многие страны на ранних стадиях индустриального развития. Если перечитать работы, посвященные алкоголизации рабочего класса Германии во второй половине XIX в., можно увидеть немало фактов, которые напоминают отечественные реалии. Но там, по мере индустриального созревания общества, меняются и нормы регулирования потребления алкоголя. Вместо бутылки шнапса, которую пьют, расстелив рядом газету со стаканами, появляется кружка пива, которую выпивают в уютной пивнушке за заводской проходной. С точки зрения последствий для здоровья населения, распространения бытовой преступности — разница огромная. В СССР такого перехода не произошло. Советскому руководству вместо того, чтобы размахивать топором сухого закона, стоило бы задуматься о причинах пьянства, выработать программу мер, позволяющих приблизить нормы алкогольного поведения страны к тем, которые характерны для стран, ушедших дальше нас, опередивших нас по уровню социально-экономического развития.

ЖИЗНЬ НЕ ПО СРЕДСТВАМ

— Горбачев, как показывают цифры и факты, не смог справиться с катастрофическим ухудшением экономического положения страны. Механизм кризиса оказался сильнее усилий власти или власть что-то делала не так?

— Советские власти в середине 1980-х годов не понимали значения финансовой системы для функционирования экономики страны, взаимосвязи между состоянием бюджета и потребительского рынка, допустили ряд грубейших ошибок, ускоривших развитие кризиса, связанного с падением цен на нефть.

«БРАТСКАЯ» ПОМОЩЬ

— Советский Союз продолжал оказывать помощь так называемым братским странам, т.е. странам с родственным устройством, давая им деньги в долг, который они и не собирались погашать, а мы продолжали играть роль богатого дядюшки. Не быть, а казаться — свойство тоталитарных режимов или всех?

— Всех. Тоталитарным режимам, контролирующим прессу, информацию о социально-экономическом положении, делать это легче. За расхождение «быть или казаться» рано или поздно приходится платить. Как продемонстрировал наш собственный опыт второй половины 1980-х — начала 1990-х годов, для тоталитарных режимов такая плата становится особенно высокой.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

— Первого и последнего президента Горбачева критиковали и критикуют за непоследовательность его новой политики, но мог ли коммунист Горбачев — объективно и субъективно — перейти сразу на социал-демократические позиции, зная состояние страны и партии?

— Это было непросто. Многие развилки, на которых развитие СССР могло пойти по радикально иному пути, к моменту, когда он пришел к власти, были уже позади: 1928–1929, 1953, 1965–1968 гг. Вернуться из 1985-го в 1928–1929-е гг. было невозможно. На мой взгляд, Михаил Горбачев мог не усугублять и так тяжелое валютно-финансовое положение СССР чередой собственных ошибок.

ПАЙКИ БУНДЕСВЕРА — ПРОТИВНИКУ

— Один из самых выразительных документов в Вашей книге — обращение замминистра обороны в 1991 г. к председателю Центральной комиссии по распределению гуманитарной помощи с просьбой передать Минобороны 8 млн сухих пайков Бундесвера. Не неловко ли просить гуманитарной помощи для армии у потенциального противника?

— Неловко. Но в условиях разваливающейся советской экономики Министерство обороны действительно не имело ответа на простой вопрос: чем накормить солдат и офицеров. Этому ведомству тогда было не до этикета.

ХЛЕБ И БЛАГА ПАРТИЙЦЕВ

— Такой же выразительности сопоставление двух докладных записок «наверх», датированных одним числом: одна о том, что в стране практически не осталось хлеба, во второй — просьба выделить валюту для покупки автомобилей и прикрепить «ответственных работников» к элитным медицинским учреждениям.

— На мой взгляд, это не нуждается в комментариях.

ГКЧП КАК ФИНАЛ

— Что входило в дальнейшие шаги и планы Горбачева, перед тем, как случиться? Входило ли в них пролитие крови?

— Горбачев оказался перед неразрешимой проблемой. Цены на нефть упали. Страна была крупнейшим в мире импортером зерна. Продолжение зернового и в целом аграрного импорта в этих условиях было возможно лишь на основе привлечения масштабных западных кредитов. В 1989 г. советское руководство проинформировали, что коммерческие банки больше не готовы предоставлять СССР кредиты. Значит, если деньги нужны срочно, приходится обращаться к правительствам западных стран за политически мотивированными кредитами. Без них надежды сохранить и советскую экономику, и СССР призрачны. Получить эти кредиты, если применяешь силу для подавления инакомыслящих в Восточной Европе и в самом СССР, нереально. Но сохранить СССР, не применяя в мас-

совом масштабе насилие, также невозможно. Область допустимых значений, в границах которой возможен маневр политического руководства, оказывается несуществующей. В этом важнейшая причина резких изменений курса, который проводит М. Горбачев в 1990–1991 гг.: попытка союза с Б. Ельциным летом 1990 г., отказ от этого союза, попытка наладить отношения со сторонниками жесткой линии осенью — в начале зимы 1990 г., вновь попытка союза с лидерами союзных республик, Новоогаревский процесс весны — лета 1991 г. Каждая из этих линий оказывается тупиковой. Кризис советской экономико-политической системы зашел слишком далеко. Предотвратить катастрофу М. Горбачеву уже не удается.

— Может ли нас беспокоить сегодняшняя ситуация, политическая, экономическая, социальная, в плане повторения прошлого?

— Сегодняшняя Россия — это не Советский Союз начала 1990-х годов. В стране — рыночная экономика, динамичный экономический рост, устойчивые финансы, крупные золотовалютные резервы. Всего этого в 1990–1991 гг. в СССР не было. Страна сегодня более устойчива к труднопрогнозируемым изменениям конъюнктуры топливно-сырьевых рынков. И тем не менее извлекать опыт из собственных ошибок полезно.

— Как Вы себя сейчас чувствуете?

— Значительно лучше.

«От себя: понимаю, что выжил чудом»

24 ноября 2006 г. оказался вовлечен в череду событий, больше всего напоминавших политический детектив. О происшедшем не мало написано. События подробно освещали мировые телеканалы. Не думал, что мировая слава настигнет меня столь необычным способом. Сознательно отказывался давать интервью. И тем не менее не могу не рассказать о происшедшем.

Общественное мнение с долей юмора относится к тем, кого собирались убить, но не убили. Природа этого феномена мне не ясна. Сам, побывав в таком положении, ничего смешного в нем не увидел. Но логика общественного сознания — данность. С ней приходится считаться. Попытаюсь по мере сил сохранить чувство юмора, рассказывая о происшедшем.

21 ноября почувствовал себя смертельно усталым. За предшествующие три недели на обычные дела наложились несколько тяжелых командировок. Подумал, что поездку в Ирландию было бы разумно отменить, отлежаться, отдохнуть. Однако Ирландия — чудесная страна, люблю ее. Командировка легкая: университетская научная конференция, одна из тем которой — представление моей книги «Гибель империи. Уроки для современной России». Решил, что отказываться от командировки не стану.

На следующее утро после прилета, прогуливаясь перед завтраком вместе с одним из организаторов конференции — директором Библиотеки иностранной литературы Екатериной Гениевой, решил, что был прав. Провести два дня с умными и приятными людьми в милом старом ирландском университете — это и отдых, и удовольствие.

Перед открытием конференции позавтракал в университетской столовой. Взял фруктовый салат, попросил принести стакан чая. Затем пошел в зал заседаний. Минут через десять после нача-

Опубликовано в: Ведомости. 2006. 7 декабря.

ла сессии понял, что слушать ничего не в силах. Думаю лишь об одном: как добраться до своего номера и лечь. Извинился перед Екатериной Гениевой и ее коллегами, выступающими на следующей сессии, сослався на неважное самочувствие, сказал, что должен подняться к себе. Екатерина посмотрела на меня с недоумением — 40 минут назад мы весело разговаривали, гуляя вдоль университетских газонов. Наверное, решила, что тема мне неинтересна.

Поднявшись в номер, понял, что должен немедленно закрыть глаза. Ощущение похоже на общий наркоз. Что-то видишь и понимаешь, но открыть глаза непросто. Протянуть руку к звонящему рядом телефону — подвиг. Из мыслей одна: вот и долетался. Думаю, что сумеречное состояние обусловлено переутомлением. Надо отчитать две лекции и немедленно назад, в Москву.

В 14.30 сессия, на которой намечено мое выступление. Речь идет о российской миграционной политике. Заставляю себя встать, спуститься вниз и выступить. Затем вновь наваливается усталость, глаза закрываются. Надо идти в номер, как можно скорее лечь.

В 17.10 раздается звонок, который, по-видимому, и спас мне жизнь. Представитель организаторов напомнил, что через пять минут намечено представление книги. Если бы тогда сказал: «Нет, не смогу», а все подталкивало именно к этому, и то, что случилось через 15 минут, произошло бы в номере, где я был один, никто не мог прийти мне на помощь, шансы выжить были бы равны нулю. Но я прилетел сюда, чтобы представить книгу, и из-за какого-то недомогания не сделать этого просто невозможно. Встал, спустился вниз, начал выступать. На десятой минуте понял, что ни при каких усилиях воли говорить больше не могу. Извинился, пошел к выходу. Переступив порог зала заседаний, упал в университетском коридоре.

Происшедшее на протяжении следующих часов почти не помню. Знаю, скорее по рассказам тех, кто меня окружил. Когда последовавшие за мной оказались на месте произошедшего, они увидели лежащего на полу человека. Из носа лилась кровь, изо рта — кровь вместе с рвотными массами. Мне подняли голову, начали систематически убирать кровь изо рта и носа. Окружающие описывали происходящее так: смертельная бледность, обострившиеся черты лица, отсутствие сознания. Ясно, что человек умирает. Минут через 20–30 начал приходить в себя. С этого вре-

мени хоть что-то помню. Пытаюсь поднять голову, а она не слушается.

Начинаю слышать голоса, иногда могу открыть глаза, вижу стоящих вокруг меня людей. Кровь по-прежнему хлещет из носа. Вижу молодого человека, который подходит ко мне со стетоскопом, слушает сердце. Приезжает «скорая». Меня грусят в нее. О том, чтобы попытаться встать на ноги, не может быть и речи. Толком не могу пошевелить и пальцем. Единственное, что удается, это открывать и закрывать глаза. Но что-то в происходящем начинаю понимать. Со мной едут Екатерина Гениева и Андрей Сорокин. Нас везут в госпиталь, везут медленно, потому что пробки. Екатерина потом рассказала мне, что я с интересом смотрел на постоянно фиксируемую кардиограмму. Уже потом, когда сознание восстановилось, понял: кардиограмма — это график. Графики — то, с чем постоянно работаю. Видимо, профессиональные интересы сохраняются и при глубоком поражении нервной системы.

Постепенно сознание, способность не просто смотреть и слушать, а анализировать происходящее возвращаются. Моя собственная гипотеза проста. Переутомление, наложенное на болячки, которые нередко встречаются у 50-летних мужчин: повышенный сахар, давление. Постепенно начинаю понимать, что врачи, получив результаты анализов, в недоумении: кардиограмма отменная, сердце работает как часы, давление повышенное, но лишь чуть выше нормы, то же относится к сахару. А между тем пациент очевидно в крайне тяжелом состоянии. Приходится думать о нарушении мозгового кровообращения. Ведь по-прежнему не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Но на протяжении следующих часов способность управлять своим телом восстанавливается быстро. К семи утра следующего дня уже могу не только встать с постели, но принять душ, побриться. Не медик, но знаю, что при инсултах так не бывает. Значит, что-то другое.

В восемь утра, буквально через несколько часов как перестал чувствовать себя неодушевленным предметом, могу двигаться, думать, принимать решения, реализовывать их не хуже, чем сутки назад. Вопреки протестам ирландских врачей говорю, что хочу срочно выписаться из госпиталя. Они отвечают, что, если я настаиваю на этом, они не вправе мне отказать. Перед тем как расстаться, объясняют, что мой случай поверг их в недоумение. Сопостав-

ление результатов анализов и моего состояния вечером — ночью 24 ноября никак не сходится. Они не могут понять причины. Говорят, что необходимо детальное обследование, глубокий анализ. Благодарю за помощь, объясняю, что провести такой анализ в России, где врачи наблюдают меня многие годы, знают мою историю болезни, проще. Договориваюсь о том, что меня перевезут в российское посольство. Оттуда самолетом в Москву.

Сознание к этому времени уже работает не хуже, чем раньше. Я не медик и понимаю те ограничения, которые накладывает не-профессионализм. И тем не менее, когда речь идет о твоей жизни, не пытаться понять причину происшедшего трудно. Дано — с сердцем, головным мозгом, давлением, сахаром либо все в порядке, либо без существенных отклонений. На этом фоне несколько часов бессознательного или полубессознательного состояния, невозможность управлять своим телом, сильное кровотечение изо рта и из носа. Одно из возможных объяснений, которое неизбежно приходит в голову непрофессионалу, — отравление. Хорошо помню собственное состояние до завтрака. Оно было отменным. Через полчаса — отвратительным. У любого нормального человека в этой ситуации возникает вопрос о причинно-следственных связях. Однако это взгляд непрофессионала. Допускаю, что есть известные медикам патологии, которые могут вызвать такое развитие событий.

Прямо из Шереметьева еду в клинику, где меня знают долгие годы. Несмотря на то что прилетел в воскресенье поздно вечером, главный врач (не называю его имени-отчества — договорились сохранить информацию о клинике, где я наблюдаюсь, закрытой) собрал специалистов. Рассказываю о происшедшем, прошу рассмотреть все версии, позволяющие объяснить случившееся. К утру понедельника результаты исследований у него на столе. За месяц до инцидента в Ирландии прошел подробное медицинское обследование. Теперь можно сопоставить то, что было, и то, что есть. Врач не видит возможности объяснить столь масштабные и системные изменения в организме в первую очередь во всем, что связано с интоксикацией, в рамках возможного спектра изученных медицинской заболеваний или сколь угодно экзотического их сочетания. По профессионально-этическим причинам он не может употребить слово «отравление». Для этого надо определить отравляющее вещество, а сделать это через 60 часов после происшед-

шего, особенно если речь идет о секретных токсических веществах, сведения о которых недоступны открытой медицине, невозможно. Но мы хорошо понимаем друг друга. Можно грешить хоть на зеленых человечков. Если оставаться в рамках здравого смысла, речь идет именно об отравлении.

Когда днем 25 ноября впервые промелькнула мысль о том, что происшедшее может быть результатом чьих-то целенаправленных действий, задумался о том, кто за этим может стоять. Кому выгодно? Собственности, о которой имеет смысл говорить, у меня нет, прибыльной металлургической или нефтяной компании тоже, отбирать нечего. Значит, если это покушение, за ним стоит политика. В российской политике далеко не первый год, немало о ней знаю. Неплохо знаком с ее основными участниками. К этому времени понимаю, что выжил чудом. Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить. Кому в российской политике была нужна моя смерть 24 ноября 2006 г. в Дублине? Подумав, почти сразу отклоняю версию о причастности к происшедшему российского руководства. После смерти Александра Литвиненко 23 ноября в Лондоне еще одна насилиственная смерть известного россиянина, происшедшая на следующий день, — последнее, в чем могут быть заинтересованы российские власти. Если бы речь шла о взрыве или выстрелах в Москве, в первую очередь подумал бы о радикальных националистах. Но Дублин? Отравление? Очевидно не их стиль.

Значит, скорее всего, за происшедшим стоит кто-то из явных или скрытых противников российских властей, те, кто заинтересован в дальнейшем радикальном ухудшении отношений России с Западом. За несколько часов, сопоставляя по датам события последних полутора месяцев, формулирую для себя довольно логичную и целостную гипотезу о причинах произошедшего. Картина мира вновь обретает внутреннюю логику, перестает напоминать кафкианский кошмар. Правда, от этого она не становится веселее. Ну что ж, как говорят в России, были бы живы, будем когда-нибудь и веселы. Но это уже другая история.

Бремя дружбы

— Как Вы оцениваете уровень российско-украинских отношений в преддверии визита Владимира Путина в Украину?

— В целом отношения развиваются нормально. Украина для России — важнейший сосед. Россия для Украины тоже. И в той, и в другой стране есть силы, которые хотели бы использовать в собственных политических целях антироссийские настроения на Украине и антиукраинские в России. Мне кажется, что сейчас эти силы в своих странах не доминируют.

— Но сотрудничество между нашими странами сворачивается...

— Мне так не кажется, об этом не говорит статистика. Мы — экономики, которые расположены близко друг от друга, обе страны имеют общее имперское прошлое. Значительная часть населения говорит на одном языке. Если вспомнить все, что написано о теории внешней торговли, мы должны быть тесными торговыми партнерами. Нам может не нравиться наше общее прошлое, мы можем по-разному относиться к тому, что значительная часть населения одной страны говорит на языке другой. С точки зрения экономических связей все это не принципиально. Важно, что фундаментальные факторы подталкивают нас к тому, чтобы быть крупными торговыми партнерами.

— Что Вы думаете по поводу соглашения о поставках газа в Украину на следующий год?

— Приемлемое для обеих сторон прагматичное решение.

— А январские газовые соглашения?

— То, что произошло в январе, было ошибкой с обеих сторон. Вопрос был переведен в публичную плоскость. Подобного рода вещи, переговоры о крупных деньгах, публичности не терпят. Если собираешься торговаться публично, по телевизору, неизбежно нарываешься на не-

приятности. Обе стороны (я считаю, что российская в данном случае в большей степени, чем украинская) в связи с этим совершили ошибки.

— Тот факт, что правительство возглавляет пророссийски настроенный Виктор Янукович, способствует улучшению отношений между нашими странами?

— Если ни украинская, ни российская сторона не будут делать непоправимых ошибок, отношения будут строиться исходя из прагматических соображений, а не личных симпатий и антипатий.

— Как Вы оцениваете заявления наших лидеров по поводу вступления Украины в НАТО?

— Это дело украинского народа. Насколько я знаю, опросы общественного мнения в целом не демонстрируют энтузиазма украинского народа по поводу вступления в НАТО. Считаю, что как решит украинский народ, так и надо поступить.

— А сам факт вступления Украины в НАТО ухудшит отношения между нашими странами?

— Боюсь, что ухудшит. С точки зрения безопасности России это значения не имеет. С точки зрения развития внутриполитической ситуации вступление Украины в альянс окажет неблагоприятное воздействие на развитие событий в России.

— Каковы, с Вашей точки зрения, причины затяжного конфликта между Грузией и Россией?

— Когда распадается империя, проще всего эксплуатировать самые простые чувства — либо проимперские, либо антиимперские. В Югославии 1989 г. было просто сделать политическую карьеру на лозунге, что Сербия была и будет великой. В Хорватии того же года — на лозунге о том, что хорваты никогда не позволят сербам вмешиваться в свои внутренние дела. И там, и там это дает краткосрочный политический успех, но приводит к войне. Нам удалось избежать кризиса на рубеже начала 90-х годов. Не хотелось бы, чтоб кто-то с грузинской или российской стороны, пытаясь решить свои политические интересы, поставил нас на грань вооруженного конфликта. Это не нужно ни Грузии, ни России.

— Может ли быть повторен для Украины российско-грузинский сценарий?

— Надеюсь, что нет, по крайней мере если российские и украинские лидеры сохранят хотя бы минимальный уровень здравого смысла.

Интервью брали Наталья ЗАЙЦЕВА, Андрей ВОЛЧЕНКО.
Опубликовано в: Экономические известия (Украина). 2006. 12 декабря.

— Может ли демонстративно жесткая политика привести к тому, что Россия окружит себя странами, не слишком доброжелательно к ней настроенными?

— В российских средствах массовой информации я более откровенно и жестко обозначал свою позицию по поводу той политики, которую мы ведем на постсоветском пространстве, но предпочитаю критиковать свои власти в своей стране.

— Как бы Вы могли прокомментировать позицию России по отношению к вступлению наших стран в ВТО? Заинтересована ли Россия в синхронизации сроков или согласовании условий или же и в том, и в другом?

— Любое российское руководство будет заинтересовано в согласовании сроков и условий вступления. Другое дело, что украинские власти, руководствуясь собственными интересами, вольны принимать или не принимать российские предложения.

— Киев продвинулся на пути вступления в ВТО несколько дальше, чем Москва. И у нас многие считают, что, вступив первой, Украина могла бы впоследствии, при вступлении России, несколько улучшить свои позиции во взаимной торговле.

— Я считаю, что это глубокая ошибка. Дело в том, что Россия является большой и важной для мира экономикой. Вступление в ВТО для нее не так важно. Оно скорее важно, чтобы Россия была надежным партнером миру — Европе, США, Японии и Украине, чем для собственно российского развития. Если кто-то думает, что можно шантажировать Россию при вступлении в ВТО, он не понимает, как устроена реальная политика. Это была бы бессмысленная и безнадежная стратегия.

— У нас сейчас готовятся к приватизации объекты энергетической сферы. Будет ли экспансия российского капитала в эту отрасль?

— Жизнь покажет. Это будет зависеть не только от интереса российских компаний, но и от позиции украинских властей.

— Россия сейчас активно замыкает цикл производства вооружений на своей территории, из-за чего многие украинские предприятия этой сферы испытывают довольно серьезные трудности.

— В стране, которая является производителем значительной части компонентов для важных видов вооружений, обсуждается вопрос вступления в НАТО. Не озабочиться проблемами, связанными с этим, было бы странно. До тех пор пока вопрос вступления

Украины в НАТО будет оставаться нерешенным, мне трудно возражать против того, что российское правительство ведет подобную политику.

— А если предположить, что на референдуме о вступлении Украины в НАТО будет получен отрицательный результат?

— Думаю, что это довольно серьезно повлияет на военно-техническое сотрудничество. Наши военно-промышленные комплексы тесно связаны, и исключение украинских компонентов — процедура дорогостоящая. Но когда тебе говорят, что твой важнейший поставщик скоро станет членом военной организации, к которой ты не принадлежишь, — это ситуация, которая оправдывает много-миллиардные затраты.

— Для России евроинтеграция Украины — это фактор угрозы?

— Это фактор небезразличный. В российском обществе отношение к ЕС и к НАТО разное. НАТО в России воспринимается, как фактор угрозы. Так реагирует подавляющая часть населения. А вот на ЕС российское общество так не смотрит.

— Когда у нас происходила оранжевая революция, многие считали, что она может стать примером для активизации гражданского общества в России. Это произошло?

— Так никогда не считал. Поэтому не испытываю разочарования. С огромным уважением отношусь ко всему, что сделал украинский народ, чтобы доказать, что он достоин свободы, в 2004 г. Экономическая политика сформированного после «оранжевой» революции правительства, мягко говоря, спорная, моей позиции не изменила. Считаю, что в долгосрочной перспективе работающая демократия в Украине важный пример для России. Но у меня не было иллюзий, связанных с тем, что украинский опыт может или должен быть прямо перенят в России. Да, мне хотелось, чтобы после 2004 г. украинская власть стала более эффективной, украинская политика — более разумной. Но это мои пожелания, не более того.

— Ожидания не оправдались?

— К сожалению. И тем не менее я не разочарован, глубоко убежден, что независимо от тех или иных ошибок властей она навсегда останется демократией.

— В свое время Россия предложила для Украины некую альтернативу ЕС, она называлась ЕЭП. Украина некоторое время проявляла заинтересованность, участвовала в работе групп высокого уровня.

После «оранжевой» революции эта работа заглохла, но сейчас в правительстве снова сторонники интеграции в ЕЭП. Есть ли сейчас перспективы у разноскоростной и разноуровневой интеграции, на которой настаивали украинские переговорщики в 2004-м?

— Это базовая проблема для Украины. Вопрос в том, есть ли в обозримой перспективе возможность интеграции Украины в ЕС. В 2004 г. я бы ответил на этот вопрос положительно. Сегодня — нет. Если Украину в Европу вряд ли пустят, надо искать другие пути.

— В Киеве опасаются, что серьезная интеграция в ЕЭП приведет впоследствии к экономической и некой политической зависимости от России.

— Мне кажется, что это травмы постимперского сознания в бывших колониях. Они проявляются часто, как и травмы у метрополий, потерявших свои колониальные владения. Бывшие колонии всегда подозревают метрополии в том, что те вынашивают коварные замыслы реставрации империи.

Украина — независимая страна теперь, это признала и не лучшая часть российской элиты. Даже когда предъявляют территориальные претензии к Украине, это означает, что и эта, малоприятная мне часть российской элиты, признает ее независимым государством.

— Мы знаем, что Ваш институт занимается среди прочего разработкой законопроектов. Они разрабатываются для президента?

— Да. Законопроекты разрабатываются для правительства, для Думы, иногда для администрации президента.

— То есть по заказу. А по собственной инициативе?

— По собственной инициативе тоже это делаем. Мы считаем, что спрос на разумные законодательные инициативы нестабилен и неразумно ждать того момента, когда власти его предъявят. Лучше иметь задел того, что кажется разумным. Раньше или позже, причем порой в самый неожиданный момент, спрос может возникнуть.

— Как Вы оцениваете существование посредника в газовых отношениях Украины и России?

— У меня факт его существования вызывает недоумение. С экономической точки зрения его присутствие непонятно. Но я не считаю себя компетентным в технических деталях этой сделки.

— У Вас в России скоро президентские выборы. Как они отразятся на текущих отношениях с Украиной? Как правило, накануне выборов замораживаются долгосрочные совместные проекты, не заключаются долгосрочные соглашения. Этого стоит ожидать?

— Надеюсь, что этого не случится. Достаточно высоко оцениваю так называемый двухпартийный подход к внешней политике, который на протяжении большей части XX в. был характерен для США. Внешняя политика слишком важная вещь, особенно когда речь идет о ближайшем соседе и партнере, чтобы делать ее разменной картой во внутриполитической конкуренции.

— Однако до сих пор это неизбежно происходило в ходе выборов.

— Это правда. Мы молодые демократии. Надеюсь, что все изменится. Изменения украинско-российских отношений в связи с исходом президентских выборов не предполагаю.

«Россия обречена на демократию»

О том, какие опасности могут нас подстерегать, «Новым известиям» рассказал директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, как на Западе относятся к российской экономической политике?

— В целом уважительно. Там понимают, насколько трудно в стране, зависящей от непрогнозируемого рынка сырья и топлива, в условиях аномально высоких цен вести ответственную экономическую политику. Это проблема не одной России. Она стоит перед всеми странами со значительной долей сырья и топлива в экспорте, в том числе весьма развитыми, например, Норвегией. По неформальному гамбургскому счету сделанное в финансовой и денежной сфере в России, чтобы справиться с вызовом высоких цен на нефть, заслуживает уважение. Конечно, не радует, что структурные реформы после 2003 г. фактически остановились. Вызывает беспокойство огосударствление некоторых секторов экономики. Примеров, когда такое развитие событий было бы стратегически полезно для страны, в мире немного. Но в целом российская экономика в последние годы развивается устойчиво, объем сделанных принципиальных ошибок пока сравнительно невелик.

— Получается, что с демократией, по мнению Запада, мы делаем все не так, а с экономикой движемся в правильном направлении?

— Да. Но надо учитывать и то, что в последнее время в правильном направлении мы идем гораздо медленнее, чем в 2000–2003 гг. А по некоторым направлениям мы идем в неправильном направлении. В первую очередь имею в виду линию на огосударствление экономики.

Интервью брал Александр КОЛЕСНИЧЕНКО.
Опубликовано в: Новые известия. 2006. 25 декабря.

— То есть государству нужно уходить из бизнеса, в том числе газового, нефтяного, автомобильного?

— Мировой опыт не дает оснований для вывода о том, что государство — хороший предприниматель. Есть секторы экономики, где разница между государством и частным предпринимателем невелика. Это все, что связано с естественными монополиями. Там можно иметь государственную или частную монополию. Аргументы в пользу той или другой не слишком убедительны. А если мы говорим о конкурентном секторе, то опыт показывает, что когда дело ведется за частный счет, когда есть собственник, заинтересованный в том, чтобы его деньги расходовались эффективно, то результаты оказываются лучше, чем если дело ведется за счет государства и никто конкретно не заинтересован в том, чтобы затраты были оптимизированы.

— Какие реформы нужны сейчас?

— Если говорить о собственно экономических реформах, то их перечень неплохо известен и широко обсуждался накануне второго срока президентства Путина. Ключевые экономические реформы, которые следует провести, — это все, что связано с бюджетными расходами. Мы научились прилично собирать налоги. Но сказать, что мы их разумно тратим, нельзя. Это оказывается на таких важнейших сферах жизни общества, как образование, здравоохранение, наука, культура. Здесь механизм расходования средств инерционен, зависит в большей мере от того, как мы их раньше расходовали, а не от того, в какой степени эти расходы эффективны. Если поставить вопрос шире, то еще большее значение для экономического развития играют такие стратегические проблемы, как качество судебной системы, ее независимость, доверие общества к ее решениям, снижение уровня коррупции в государственном аппарате, свобода слова. Пока эти фундаментальные проблемы не решены, частная собственность гарантирована слабо. А это оказывается на объеме и темпах инвестиций, долгосрочных перспективах экономического роста.

— Однако сейчас инвестиции в российскую экономику велики как никогда.

— Пока перечисленные проблемы не решены, темпы развития нашей страны будут ниже возможных.

— Насколько велика зависимость российской экономики от цен на нефть?

— Велика. Доля нефти, нефтепродуктов и газа в российском экспорте примерно такая же, какая была в советское время, в начале 80-х годов. Применительно к СССР речь идет о поставках, оплачиваемых конвертируемой валютой. Экономика нашей страны, к сожалению, по-прежнему сильно зависит от конъюнктуры рынка нефти и газа.

— Означает ли это, что в случае падения цен на нефть Россия может повторить судьбу СССР?

— Сегодня Россия лучше подготовлена к резкому падению цен на нефть, чем Советский Союз середины 1980-х годов. У СССР не было крупных золотовалютных резервов. Он был крупнейшим в мире импортером зерна — ключевого ресурса для обеспечения снабжения населения продовольствием. Его закупки были больше, чем у двух следующих за нами импортеров зерна, — у Японии и Китая, вместе взятых. Сегодня мы экспортёр зерна. У нас рыночная экономика, которую адаптировать к изменению нефтяных цен проще, чем плановую, социалистическую. Но если произойдет резкое и долгосрочное падение цен на нефть, серьезных проблем не избежать.

— То есть наращивание Стабфонда и золотовалютных резервов...

— Это ответственная политика, которую мы лишь недавно начали проводить. Та же Норвегия, которая гораздо богаче нас, но тоже зависит от конъюнктуры нефтяного рынка, имеет Стабилизационный фонд, который по доле в ВВП многократно превышает российский.

Громкие убийства вредят России

Ожидает ли российскую экономику очередной успешный год? Как будут развиваться отношения между Россией и Евросоюзом? Почему возрастет роль Москвы на международной арене? Насколько успешными окажутся очередные попытки дискредитации Кремля его врагами? Как Лукашенко может помочь полякам осознать пользу от строительства северного газопровода?

Своими прогнозами о развитии ситуации в России и мире в 2007 г. делится с «Rzecz pospolita» Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода, первый демократический премьер-министр современной России в 1991–1992 гг.

Экономика идет в гору

— В 2007 г. российская экономика сохранит тенденцию к росту на уровне 5–7%. Финансовая ситуация и курс рубля останутся стабильными, а государственный бюджет на 2007 г. будет принят с крупным профицитом.

Можно, конечно, сказать, что столь оптимистические ожидания обусловлены сохранением высоких цен на нефть. Однако, что касается экономического роста — значение данного обстоятельства не стоит преувеличивать.

Тенденция роста характерна в последние годы для экономик большинства стран СНГ — также для тех, которые являются импортерами нефти. Вопреки популярному мнению — в том числе в России — вовсе не нефтяной сектор является локомотивом экономического роста. Его темпы в данном сегменте сохраняются на уровне всего лишь 2%, т. е. — значительно уступают общему показателю. Это значит, что другие отрасли развиваются значительно быстрее.

Интервью брал Анджей ПИСАЛЬНИК.

Опубликовано в: Rzecz pospolita (Польша). 2006. 30 декабря — 2007. 1 января.

К наиболее динамично растущей относится в России сфера услуг, в том числе коммуникационных. Высокие показатели отмечаются в переработке сельхозпродукции, розничной торговле, в некоторых сегментах машиностроения. Заметен также рост в переработке леса, в легкой промышленности и других отраслях.

Анализ параметров позволяет утверждать, что главной причиной роста экономик на постсоветском пространстве являются инвестиции. В России их доля по сравнению с национальным доходом пока что не слишком велика. Зато тенденция увеличения объемов инвестиций очень динамична и устойчива.

Без популизма

— Тот факт, что к росту российской экономики не имеют непосредственного отношения излишки поступающих в страну нефть-долларов — не означает избавления России от нефтяной и газовой зависимости.

Самым большим вызовом для российского правительства также в будущем году останется борьба с искушением использовать нефтяные деньги для развития системы социальных дотаций и иных целей, которые привели бы к росту потребления в обществе. Примером последствий подобных решений могут служить кризисы 80-х и 90-х годов прошлого века. К счастью — до сих пор российскому правительству и Центральному банку хватало благородства, чтобы не поддаться на популистские призывы многих российских политиков. В условиях аномально высоких цен на нефть эти институты поступали рассудительно и ответственно. Денежные излишки были, например, направлены на погашение значительной части внешнего государственного долга. Благодаря этому мы сняли проблему так называемого короткого долга и увеличили свободу маневра. Значительно возросли также золотовалютные резервы государства. Был создан Стабилизационный фонд, который призван минимизировать негативные последствия для экономики в случае возможного ухудшения конъюнктуры на рынке нефти.

Я не вижу предпосылок для того, чтобы даже в новом году российские финансово-экономические институты изменили ответственную политику и ударились в популизм. В течение ближайших 12 месяцев нет никаких поводов также для опасений обвала цен

на рынке нефти. Цена же барреля, превышающая 40 долл., не представляет для России угрозы, цена, не превышающая 30 долл., — может потребовать болезненных мер, но не ведет к катастрофе.

Поучительный тон не служит взаимопониманию

Возможно, я неисправимый оптимист, но надеюсь, что в будущем году экономическое сотрудничество между Россией и Евросоюзом улучшится. В пользу этого говорят прежде всего объективные факторы: Европа является и останется для России самым важным торговым партнером, а Россия для Европы — привлекательным рынком и важнейшим поставщиком сырья и энергии.

До сих пор трудности в сотрудничестве между Россией и ЕС возникали часто из-за того, что Европа пыталась навязать нам свои правила игры. Этот поучительный тон и указания насчет того, как мы должны организовать жизнь в собственном доме, — не служили взаимопониманию и установлению партнерских отношений. В последнее время, кажется, в Европе растет осознание данной ошибки.

Что касается России — самой большой нашей проблемой в отношениях с Евросоюзом является то, что в его лице мы имеем дело с очень трудным партнером для ведения переговоров. С одной стороны — переговоры с отдельными странами за плечами Брюсселя часто неэффективны, так как по многим вопросам решающий голос в ЕС принадлежит Еврокомиссии. С другой стороны, ограничение активности только контактами с Брюсселем — неблагородно. Ведь ЕС не является монолитом и в нем есть менее и более значимые игроки. Понимание механизмов принятия решений в ЕС — это главная задача для нашей дипломатии.

В этом смысле уроком для обеих сторон послужило наложение Польшей вето на начало переговоров по новому соглашению о сотрудничестве между ЕС и Россией. Мой прогноз разрешения данной проблемы сводится к тому, что польское вето будет снято. Европа и Польша понимают, что Россия не подпишет Энергетической хартии в ее теперешнем виде. Утверждение же, что отсутствие нового соглашения — страшный удар для России — преувеличение. Вывод, который должны извлечь из данного урока Брюссель и Польша, для меня очевиден: попытки заставить Россию пойти на уступки, противоречащие ее

принципиальным интересам, — эффекта не приносят. Осознание данного факта будет способствовать большей рационализации наших отношений.

Общие интересы с США

Наступающий год станет годом увеличения веса России на международной арене. Это не означает, что наши возможности станут сравнимыми или хотя бы приблизятся к тем, которыми располагают США. Однако вашингтонская администрация будет заинтересована нашей поддержкой в разрешении многих проблем.

Одной из них останется не преодоленный до сих пор хаос в Ираке. Географически данная страна находится значительно ближе к России, нежели к Соединенным Штатам, и поэтому стабилизация ситуации в Ираке соответствует нашим интересам. Конечно же, не может быть и речи о том, чтобы Россия поддержала международную коалицию воинским контингентом. Что же касается иных форм сотрудничества — администрация Белого дома может рассчитывать на заинтересованность со стороны Кремля.

Для американцев — так же как и для России — одной из важнейших останется в наступающем году проблема нераспространения ядерного оружия. Принятие на днях Советом безопасности ООН резолюции в отношении иранской ядерной программы — лучшее подтверждение совпадения интересов.

Рассудок победит

Внешняя политика не была в последние годы самой сильной стороной России. Одним из примеров того, как не следует поступать, стал кризис в отношениях с Грузией.

К плюсам данной истории следует отнести, однако, тот факт, что нам удалось предотвратить начало вооруженной конфронтации между Тбилиси и сепаратистскими Абхазией и Южной Осетией. Вероятность такого развития событий, к сожалению, останется актуальной и в будущем году. И все же я надеюсь, что Россия сделает все, чтобы не осуществился самый плохой сценарий.

В нашей стране действительно есть силы, заинтересованные в признании независимости сепаратистских республик. Такой шаг

имел бы фатальные последствия. Тем не менее, мне кажется, что победит рассудок.

Кто воюет с Кремлем

Сторонникам теории, говорящей о том, что дестабилизация является любимой избирательной технологией Кремля, сформулированный выше тезис может показаться сомнительным. Будущий год действительно станет решающим с точки зрения определения тактики передачи власти преемнику нынешнего президента. Думаю, что избранная Кремлем тактика будет мирной. Утверждение, что серия громких преступлений (в том числе убийство Анны Политковской, Александра Литвиненко и покушение на меня) является элементом кремлевского предвыборного плана, считаю недоразумением.

Здравый смысл подсказывает, что любые потрясения в предвыборный период — угроза прежде всего для нынешней власти. Они могут быть выгодны исключительно ее врагам.

Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что Путин очень конкретно и однозначно сформулировал для себя приоритеты современной России. Важнейшим из них является углубление энергетического диалога с Европой и разработка стратегии по кооперации в этой области российской экономики с западной. В рамках данного приоритета Россия убеждает европейские страны в целесообразности заключения долгосрочных контрактов на поставки газа, пытается найти возможности доступа российских компаний к рынку его розничной продажи, ведет трудные переговоры об условиях допуска западных концернов к своим месторождениям. Прошу задуматься: помогают или мешают данной деятельности громкие убийства и покушения последних месяцев? Для меня ответ однозначен: мешают, и сильно!

Провокации могут продолжаться

Допуская, что мы имеем дело с продуманным планом дискредитации российского руководства, следует признать, что он реализуется безупречно. Достаточно было оставить следы полония в самолетах, лондонских пабах, на стадионах, в британском посольстве,

в Германии, чтобы мир встал на уши и начал смотреть с подозрением в сторону России. Для этого не надо было взрывать электростанции, направлять самолеты на небоскребы.

Не исключаю, что в будущем году мы станем свидетелями очередных провокаций. Надеюсь все же, что благодаря опыту последних месяцев, люди — ответственные за позитивный образ России — будут эффективнее минимизировать негативные их последствия. Наиболее востребованным станет для них лучшее понимание принципов формирования западного общественного мнения. Подтверждением того, что осознание данной проблемы становится реальностью, может служить пребывание в Москве группы следователей Скотланд Ярда. После того, как в частной беседе детективы пожаловались на то, что не смогли задать все интересующие их вопросы Ковтуну и Луговому, российская прокуратура немедленно организовала повторный допрос свидетелей. Это пример разумного поведения в данной ситуации.

СЕВЕРНЫЙ ГАЗОПРОВОД ВЫГОДЕН ПОЛЬШЕ

Одной из самых трудных тем для прогнозирования являются белорусско-российские отношения. Причина — непредсказуемость президента Александра Лукашенко.

И все же, по моим ощущениям, в данной области не следует ожидать каких-то принципиальных изменений. Однако, возникновения в ближайшие месяцы перебоев с транзитом газа через Белоруссию исключить не могу. Если бы это произошло, то, к сожалению, с неприятностями столкнулась бы также и Польша. Это противоречит интересам России. Она заинтересована в защите своего надежного партнера. Но если подобное возникнет, именно поляки смогут оценить пользу строительства северного газопровода, который для потребителей газа станет гарантией независимости от капризов непредсказуемого белорусского лидера.

Если бы я был гражданином Польши и знал Лукашенко так же хорошо, как я его знаю, то обеими руками голосовал бы за возникновение альтернативного пути поставок газа в Европу. Ведь это только увеличит энергетическую безопасность всего ЕС, а значит, и Польши.

МЯЧ НА ПОЛЬСКОЙ СТОРОНЕ

Я понимаю, что поляки с трудом верят в то, что Россия не разрабатывает никаких планов против Польши. К сожалению, в наших взаимоотношениях исторические комплексы по-прежнему доминируют над pragmatизмом. Но опасен не столько факт их существования, сколько то, что политики считают допустимым играть на этих комплексах с целью мобилизации общественной поддержки для своих решений.

Думаю, что в этом смысле не безгрешны ни польские, ни российские руководители. Если же взглянуть на ситуацию pragmatично, я не вижу препятствий для того, чтобы 2007 г. стал годом, в котором состоялась бы наконец-то встреча российского и польского президентов. Убежден, что Владимир Путин заинтересован развитием дружественных отношений с Польшей. В настоящий момент, однако, мяч находится на польской стороне. Ведь последним заметным эпизодом в наших взаимоотношениях стало действие, предпринятое именно Польшей, а именно — наложение вето на начало переговоров о новом соглашении ЕС — Россия.

Репутация государства — серьезная проблема для экономики

Проблемы российской экономики имеют давние исторические корни. Однако мы так и не научились делать выводы из чужих и своих ошибок. Нам есть, что позаимствовать из опыта других стран, но вместо этого мы больше увлечены популизмом. Мы одновременно делаем несовместимые вещи и верим, что все обойдется. О подобных парадоксах сегодняшней российской действительности рассуждает Егор Гайдар.

— На Ваш взгляд, можно ли говорить о том, что в России проводится целостная экономическая политика?

— Нет, в последнее время ее в России не было. О такой политике можно говорить применительно к периоду с 2000–2002 гг. В это время проводилась программа, подготовленная на рубеже 1999–2000 гг. Она, хотя и не по всем направлениям одинаково удачно, но системно воплощалась в жизнь. Сейчас есть отдельные направления российской экономической политики, действия властей по которым заслуживают уважения. В первую очередь это относится к бюджетной денежной политике. Проводить такую политику в условиях экстремальных цен на нефть непросто, тем не менее денежно-финансовым властям это удается. Если же говорить о структурных реформах, то программа их реализации, подготовленная на рубеже 2003–2004 гг., не выполнена.

— Сейчас большое внимание уделяется развитию особых экономических зон, национальным проектам. Как они влияют на эффективность экономики в целом?

— К идеи свободных экономических зон отношусь осторожно. Не уверен, что в российских условиях она будет способствовать экономическому росту. Однако решение принято. Пока оснований

полагать, что их создание будет служить исключительно уклонению от уплаты налогов, нет. Надо постараться сделать все, чтобы выгоды, которые страна получит от свободных экономических зон, были максимальными, а минусы — ограниченными.

Национальные проекты — это круг очень разнородных идей. Многие из них резонны. Трудно найти в России человека, который будет спорить с тем, что надо тратить больше на развитие образования, здравоохранения. Часть инициатив, которые реализуются в рамках национальных проектов, например, оснащение школ компьютерами, обеспечение доступа к Интернету, полезны для страны. То, что национальные проекты позволили поднять соотношение средней заработной платы в образовании и здравоохранении к средним по стране показателям, явление позитивное.

Но вместе с тем в процессе разработки национальных проектов были сделаны очевидные ошибки. Использование бюджетных средств на увеличение уставного капитала таких государственных структур как Росагролизинг, Россельхозбанк объяснить непросто...

— Последние несколько лет много говорится о необходимости избавления от нефтяной зависимости, о создании инновационной экономики. Насколько эффективны реальные шаги правительства в этом направлении?

— Ключевую роль в решении этой проблемы играет создание эффективной системы защиты прав собственности. Инвестиции в нефть и газ придут почти при любом отношении к частной собственности. Инвестиции в высокие технологии требуют гораздо более высокой степени ее защиты. Любые действия, подрывающие убежденность делового сообщества в том, что собственность в России гарантирована, вредят делу. К сожалению, в последнее время их было немало.

— Например?

— История с ЮКОСом, неясность прав на эксплуатацию Ковыктинского месторождения¹, пересмотр соглашения по Сахалину 2 — все это сигналы деловому сообществу о том, что права собственности в России не гарантированы.

Интервью брал Виталий САРАЕВ.

Опубликовано в: Топ-менеджер (Санкт-Петербург). 2007. Февраль.

¹ Крупнейшее газоконденсатное месторождение в Иркутской области. — Прим. ред.

— А проблема гарантии прав собственности связана только с действиями государства? Насколько сильна угроза рейдерства — корпоративных захватов?

— Корпоративные захваты — это проблема эффективности государства и судебной системы. Бизнес будет пытаться воспользоваться любыми ошибками или несовершенством государственного регулирования — это данность. Вопрос в том, дают ли российские власти это сделать.

— А есть ли для России какие-то рецепты избавления от нефтяной зависимости?

— Важнейшая задача — не допускать быстрого роста курса рубля по отношению к валютам основных торговых партнеров. В последние годы он быстро повышается. К счастью, это пока не привело к утрате конкурентоспособности. Если процесс будет продолжаться столь же динамично, укрепление реального курса рубля будет составлять примерно 10% в год, то это сделает сохранение экономического роста в отраслях, не связанных с нефтью и газом, трудноразрешимой задачей.

Предпосылка сдерживания роста курса рубля — полноценное использование механизмов Стабилизационного фонда, уменьшение заимствований российских компаний за рубежом. Пока Россия быстро погашает государственный долг, российские государственные компании столь же динамично наращивают свою задолженность. В первую очередь это касается компаний нефтегазового сектора. Внешняя задолженность частных российских нефтяных компаний на порядок меньше задолженности государственных. Государство одной рукой пытается сдерживать рост реального курса рубля, а другой делает все, чтобы этому помешать.

— Вы упомянули несколько основных проблем российской экономики — это отсутствие гарантий собственности, укрепление рубля. Какие еще проблемы Вы можете назвать?

— Коррупция в государственном аппарате. Это не значит, что экономический рост несовместим с ней. В Китае экономика динамично развивается, хотя государственный аппарат в значительной степени подвержен коррупции. Тем не менее, когда речь идет о секторах, не связанных с нефтью и газом, репутация государственного аппарата России — серьезное препятствие динамичному развитию.

— Проблема коррупции в России принципиально разрешима?

— Эта проблема имеет исторические корни, уходящие далеко в глубь веков. В России после середины XIII в. государственный аппарат был инструментом изъятия ресурсов в пользу монголов. Позднее он был унаследован российскими царями. Это объясняет и отношение к государственной службе. Верить в чудеса не стоит. Проблема коррупции в России серьезна. Оснований полагать, что ее можно решить за день, приняв несколько законов, нет.

Тем не менее есть методы, которые позволяют с ней бороться. Они понятны, в них нет ничего чудесного. Речь идет о прозрачности в принятии решений государства, сужении той сферы, которая ограждена государственной тайной от контроля общества, разделении властей, авторитетном парламенте, свободной влиятельной прессе. К сожалению, по этим направлениям в последние годы вперед мы не продвинулись.

— Вы считаете, что менталитет русского человека оказывает сильное влияние на нашу экономику?

Да.

— Мы недоевропейцы?

— У нас есть собственное прошлое. По исходным корням мы страна европейских традиций. Изучение обычного права восточных славян показывает его сходство с обычным правом германцев в западной Европе. Обычаи, законы очень похожие.

Мы жили далеко от центра европейского развития, который находился в начале прошлого тысячелетия между устьем Рейна и северной Италией. Страны, располагавшиеся к западу и к востоку, были менее развиты. Но мы являлись частью единого европейского общества.

XIII век радикально изменил положение дел. Монголы к тому времени хорошо усвоили китайской опыт организации, включавший податную общину с круговой порукой. Его привнесение в Россию существенно отклонило наш путь развития от европейского.

— Нет ли здесь противоречия: мы обладаем самобытной культурой, но при этом приняли западные ценности. Мы пытаемся построить такое же общество, такую же экономику как на Западе, будучи изначально другими. Не сделает ли это нас вечно догоняющими?

— Сформировавшаяся в Западной Европе своеобразная система институтов проложила дорогу запуску механизма современного

экономического роста. Он начался с беспрецедентного ускорения темпов экономического развития на рубеже XVIII–XIX вв. Благодаря ему радикально изменилась вся организация жизни. Страны, не желающие быть полуколониями или островками отсталости, вынуждены были изменять национальные институты так, чтобы подключиться к процессу современного экономического роста.

Это не всегда происходит на основе банального копирования. Китай в последние десятилетия динамично развивается, используя в том числе многие институты, которые были созданы в Европе. Тем не менее считать, что эта страна стала Европой, нельзя. То же относится к Японии — одной из первых неевропейских стран, удачно научившихся менять свое общество с тем, чтобы обеспечить динамичное развитие. Мы тоже никогда не станем ни Францией, ни Германией. У нас другая история. Тем не менее, чтобы динамично расти, мы должны добиться, чтобы наши институты соответствовали требованиям современного мира. В противном случае Россия окажется на обочине истории.

— Почему наши партии не имеют четких экономических платформ? Такое ощущение, что все они говорят, как потратить деньги, но умалчивают о том, как их заработать.

Соревнование в том, как наилучшим образом потратить деньги, — характерная черта демократической политики с начала XX в. В XIX в. признаком ответственности в Англии, которая в то время задавала стандарты качества финансовой политики, было то, что текущее правительство не брало на себя обязательств, за которые отвечают его преемники. Исключение лишь периоды больших войн. XX в. показал, что популизм — эффективный способ получения политической поддержки. Россия в этой области не исключение.

— На Ваш взгляд, как будет развиваться экономика России в ближайшие лет 20–30? Или это слишком большой период для прогнозов?

— Не так давно выпустил книгу, которая называется «Долгое время». Она посвящена стратегическим вызовам, с которыми столкнется Россия на протяжении следующего полувека.

Если говорить предельно коротко, то страны, более развитые, чем мы, очерчивают перед нами круг проблем, которые нам предстоит решать. Они не дают картины нашего будущего, но демонстрируют, что мы должны будем сделать, чтобы добиться их уровня развития.

К началу современного экономического роста в России — к 70–80 годам XIX в. — мы отставали от наиболее развитых континентальных стран Европы — Франции и Германии — примерно на два поколения: на 50 лет. На протяжении последнего века Россия пережила две революции и две мировые войны, социалистический эксперимент и его крах. Но дистанция в 50 лет сохранялась и в 1913, и в 1950 г. Она остается примерно такой же и сейчас.

Когда мы анализируем происходившее в континентальной Европе на протяжении последнего полувека, получаем набор тех проблем, с которыми, видимо, в будущем столкнется Россия.

— Есть ли сейчас у России какие-то стратегические проблемы, кроме возможного падения цен на нефть?

— Главная стратегическая проблема России — устойчивость пенсионной системы, то, как обеспечить надежное финансирование пенсионных обязательств в условиях стареющего общества.

— Но если подходить к этому вопросу цинично, то демографическую проблему можно решить скорее «от обратного». Ведь чем менее гарантировано пенсионное существование человека, тем он все больше стремится завести детей, гарантировавших его существование в старости. Или не так?

— Системы, подобные пенсионной защите, ввести нетрудно. Их непросто демонтировать. Институты, ставшие привычными — данность, с которой приходится считаться.

60 лет назад для подавляющей части российского населения, колхозников, сама идея, что у них может быть гарантированное право на пенсию, была экзотикой. Этого права не было ни у отцов, ни у дедов. Но когда такая система формируется, она становится привычной. Попытки демонтировать или хотя бы существенно изменить соотношение средней пенсии и средней заработной платы — это повод к крупным социально-политическим катализмам. Не думаю, что российские власти пойдут по такому пути.

— Когда-то СССР был величайшей страной социалистического мира. А сейчас какое место в мире занимает Россия?

— В России ВВП на душу населения близок к 10 тыс. долл. Это среднедоходная страна, по уровню экономического развития она не входит в круг лидеров или наиболее бедных и отсталых стран. Дистанция по отношению к лидерам сохраняется на протяжении

последних полутура веков. Оснований полагать, что эта ситуация коренным образом изменится, пока не видно.

— *На Ваш взгляд, уровень корпоративного управления влияет на эффективность экономики России?*

— Это важный фактор развития. Перелом в динамике эффективности производства в целом произошел в середине 1990-х годов, когда прошла основная волна приватизации. Именно это сделало возможным восстановление экономического роста, определяющее все, что происходило в стране в последние годы.

— *Как бы Вы оценили уровень корпоративного управления в России и на Западе?*

— В России он повышается. Проблемы с корпоративным управлением есть везде. История с компанией *Enron*¹ показала, что здесь нет учеников и учителей, идеальной модели корпоративного управления, к которой мы должны стремиться. В России за последние 10 лет в области корпоративного управления сделано немало позитивного. Но проблемой остается дефицит квалифицированных кадров, способных руководить современным бизнесом. Рад, что в последнее время власть этим всерьез озабочилась.

— *Каким должен быть эффективный президент России?*

— Желательно, чтобы это был человек, который понимает стратегические проблемы страны, те трудности, которые стоят на пути ее развития. Осознает, что отказ от решения проблем означает лишь их усугубление. Любит свою страну, хочет ей добра, не собирается устраивать в ней крупномасштабные эксперименты и внешнеполитические авантюры.

— *Не так давно много говорилось о необходимости национальной идеи. Путин предлагал тогда в качестве ее национальную конкурентоспособность. Однако не прижилось. Не актуально?*

— Национальную идею нельзя обсудить, проголосовать и принять. Если она возникает, то как результат внутренней эволюции общества. Сказать, что мы должны разработать к такой-то дате национальную идею, глуповато.

— *Есть ли страна, чья экономическая политика вызывает у Вас симпатию и уважение?*

— Норвегия. Она, как и мы, столкнулась с двумя серьезными проблемами. Первая — старение населения. Вторая — зависимость от нефти и газа. Сейчас в России постоянно обсуждается то, каких масштабов достиг Стабилизационный фонд. Норвежские власти осознали, что доходы от нефти и газа нестабильны и имеют тенденцию сокращаться. Эта страна пошла по пути создания крупных финансовых резервов, формирования пенсионного фонда, размер которого по отношению к ВВП сегодня более чем в 10 раз превышает российский Стабилизационный фонд. Когда нефтегазовые доходы упадут, Норвегия будет обладать финансовыми ресурсами, позволяющими за счет процентных доходов решать проблемы, связанные со старением населения.

— *Что бы Вы назвали главным достижением своей жизни?*

— То, что в России в 1992 г. не было голода, подобного 1917–1918 гг. Эта угроза была реальной, но голода удалось избежать. И то, что крах Советского Союза прошел без масштабной гражданской войны по югославскому сценарию.

— *Вы сейчас отошли от активной политической деятельности. Чем Вы занимаетесь?*

— Делом, которое люблю. Читаю и пишу книги об экономике. Руководжу институтом, изучающим проблемы экономической политики.

— *Какая из идей ближе для России: президента, как царя-батюшки или президента, как наемного менеджера?*

— И то, и другое серьезное упрощение. Президент никогда не является наемным менеджером. Он всегда и человек, который в критических ситуациях должен вести за собой страну. Представление о президенте как о царе-батюшке архаично. В современных условиях это лидер, который понимает страну, чувствует ее, знает, куда идти, готов принимать на себя ответственность за решения, которые не всегда приятны.

— *Удастся ли России когда-нибудь разделить экономику и управление страной, частный бизнес и государство?*

— Думаю, что да. Это задача, которую должны будут решить следующие поколения россиян.

¹ Американская энергетическая компания, обанкротившаяся в 2001 г., причем выяснилось, что информация о ее финансовом состоянии в значительной степени была сфальсифицирована. «Дело Enron» стало символом умышленного корпоративного мошенничества и коррупции. — Прим. ред.

«Вскрытие Стабилизационного фонда сведет все усилия на нет»

Директор Института экономических проблем переходного периода и один из основателей «Союза правых сил» Егор Гайдар рассказал «Невскому времени» о перспективах стремительно богатеющей России. По его мнению, главной проблемой ближайших 30 лет может стать «бремя социальных обязательств» из-за повышения пенсий и зарплат бюджетникам на фоне падения цен на энергоносители.

«Социальные ожидания нарастают»

— Сегодня экономика России развивается быстро, даже быстрее, чем Европа во времена экономического подъема 1950 — начала 1970-х годов. И этот рост, как ни парадоксально, создает серьезные проблемы. Когда я начал работать в правительстве России, в начале 90-х, Центральный банк сообщил мне размер валютных резервов России — тогда он был фактически ничтожен. Если бы мне тогда сказали, что страна с валютными резервами, которые составляют более чем 300 млрд долл., и профицитом бюджета, превышающим 8%, может столкнуться с проблемами, я бы не поверил.

— И какие потенциальные опасности, на Ваш взгляд, таятся в сегодняшнем российском «экономическом буме»?

— Население страны видит, что бюджет России стремительно растет, увеличиваются золотовалютные резервы, соответственно этому нарастают «социальные ожидания» — люди хотят больше получать от государства и больше тратить. Правительство сегодня может позволить себе любые популистские меры.

Однако в ближайшем будущем при неразумной щедрости государства эти меры могут обернуться непосильным бременем для

Интервью брал Иван МАКСИМОВ.
Опубликовано в: Невское время. 2007. 17 марта.

экономики. Именно такие процессы происходят сейчас в развитых европейских странах — рост их экономик замедлился, а трудоспособное население, численность которого снижается, не хочет работать больше ради обеспечения обязательств государства перед растущей прослойкой пенсионеров. Тем не менее долго откладывать выполнение ожиданий народа государство тоже не может — в итоге это может обернуться социальным взрывом.

«ПРИМЕРОМ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ НОРВЕГИЯ»

— Сегодня многие политики предлагают поднять уровень жизни граждан за счет Стабилизационного фонда...

— Проблема России в том, что треть бюджета нашей страны зависит от такого непредсказуемого фактора, как цены на нефть. Сегодня никто в мире не может точно сказать, сколько будет стоить баррель через год или два. И руководство страны приняло решение о создании Стабилизационного фонда, чтобы подстраховаться от возможных финансовых «провалов», которые случались в 1985–1986 гг., в 1998-м, когда цена нефти падала ниже 10 долл. за баррель. К сожалению, сегодня все СМИ и многие политики все-рьез рассуждают о том, как лучше и быстрее потратить средства Стабилизационного фонда, что было бы неразумным решением. В ближайшие 30 лет главной проблемой России станет проблема роста обязательств государства перед населением на фоне угрозы снижения цен на энергоносители.

— Как, на Ваш взгляд, руководство страны может оптимально распорядиться средствами Стабилизационного фонда?

— Примером того, как нужно распоряжаться «лишней» прибылью государства от энергоносителей, на мой взгляд, может служить Норвегия. Руководство этой страны вложило средства своего Нефтяного фонда (по доле ВВП примерно в 10 раз большего, чем Стабилизационный фонд России) в ценные бумаги ведущих мировых государств и компаний. Устойчивость Норвежской пенсионной системы покрывается в значительной степени доходами от вложений в международные ценные бумаги. Они позволяют аккумулировать средства, составляющие примерно 4% ВВП страны. Для российского правительства вложение средств, связанных с благоприятной конъюнктурой нефтегазового рынка, в надежные,

приносящие высокие доходы финансовые активы, так же было бы разумной стратегией.

«ПОВТОРЕНИЕ ДЕФОЛТА-98 НЕВОЗМОЖНО»

— Возможно ли сегодня в России повторение финансового кризиса, подобного тому, что был в 1998 г.?

— В нашей стране возможно все, но если серьезно, думаю, что новый дефолт образца 1998-го сегодня маловероятен благодаря денежным запасам. «Запас прочности» экономики России даже при возникновении кризиса вследствие плохой нефтяной конъюнктуры составляет как минимум три года. Спад на нефтяном рынке, начавшийся в середине 1980-х годов, продолжался не три года, а 15 лет. Пока основной «головной болью» для ЦБ и Минфина является укрепление рубля по отношению к основным мировым валютам на 10% в год — это резко снижает конкурентоспособность всех сфер российской экономики, кроме нефтегазовой.

— Какие задачи решает сейчас Ваш институт экономики переходного периода?

— Сейчас институт занят детальным просчетом последствий для российской экономики реализации крупнейших федеральных проектов, таких как введение «материнского капитала», а также будущей прибыльности строительства скоростной трассы Москва — Петербург. Так, по предварительным подсчетам, получилось, что эти обязательства будут стоить госбюджету 0,4% ВВП страны, т. е. более 100 млрд руб. в год.

[Беседы А. Коха с Е. Гайдаром]

Егор Гайдар, бывший глава Правительства РФ, «отец» русского капитализма и действующий директор Института экономики переходного периода, очень давно не давал подробных и откровенных интервью. Поэтому разговор получился долгим.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

— Я никогда не беру интервью на злобу дня, а всегда — с точки зрения, говоря высокопарно, вечности. Поэтому я не буду ничего спрашивать обо всех этих историях с отравлениями, мы с тобой уже много раз это обсуждали «за кадром», меня интересует следующее: сейчас столетие Брежнева, и я пытаюсь сопоставить с его эпохой не ту эпоху, которая сейчас, а те времена, когда ты проводил реформы в России, и особенно тот период, когда ты оказался уже в отставке.

Мы выросли с ощущением, что политики высокого ранга, начиная от премьера и выше, уходят из власти каким-то естественным образом: либо просто умирают, как Брежnev, Андропов, Черненко, либо как-то еще, но все равно уже немолодыми людьми, пенсионного возраста. Ты, по-моему, был первым политиком, который был отставлен от управления страной в возрасте 36 лет.

Ты оказался первым, кто после отставки должен был думать: «А что дальше делать-то?». Я не хочу предвосхищать твои ощущения, мне хочется, чтобы ты порассуждал на эту тему. Это довольно необычное состояние, ведь ты уже побывал в должности, которая играет роль достаточно сильного наркотика, а остальные должности та-

Интервью брал Альфред КОХ.

Опубликовано в: Медведь. 2007. № 107, 108. Март — апрель.

Полностью интервью было перепечатано в: Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.

кого адреналина по определению не дадут, разве что, я не знаю, прыгать без парашюта или заходить в клетку со львами. Поэтому мне интересно, что с тобой происходило, какими были «ломки», как ты «снижал дозу» и избавился ли ты от этого наркотика, или и до сих пор есть это желание получить дозу?

— Когда я уходил с должности премьера, ничего, напоминающее ломку, не было. Первое, что почувствовал, — безумная усталость. Еще подсознательно было чувство тревоги. Казалось, что вновь звонит телефон и снова нужно будет куда-то ехать, что-то решать, с кем-то ругаться, кого-то наказывать, заставлять, конфликтовать, что на меня опять выльют ведро помоев.

Умом я понимал, что больше не отвечаю за страну, телефон не прозвонит и мне не скажут, что произошло нападение на батальон ОМОНа на границе Осетии и Ингушетии, идут боевые действия, надо что-то делать. Умом-то я понимал, но тем не менее вздрагивал от каждого звонка. Дай вспомнить. Итак — усталость, тревога. Да вот, собственно, и все. Ломки не было. Обратно порулить не тянуло. Перед самой отставкой я занимался урегулированием ингушско-осетинского конфликта. Это было тяжело, нужно было перебрасывать войска. Военные — они никогда не могут договориться, один говорит, что он не смог перебросить, потому что ему не дали самолетов, а другой еще что-то не смог, в общем, нужно было заниматься проблемой в режиме ручного управления. Одновременно улаживал ситуацию в Таджикистане — там гражданская война и более 100 тыс. русских, 201-я дивизия, погранотряды.

После отставки от каждого звонка вздрагивал. Хотелось отдохнуть. И главное — это возможность не отвечать за все.

— Абсолютно все замечают, что безумно сложно сразу после отставки заставить себя трудиться. Это самое главное — заставить себя снова работать.

— Это правда. Ты знаешь, я работяга: привык работать, читать много профессиональной литературы, делать пометки, писать. Вернуться в этот ритм работы тяжело. Пытался заставить себя, но посмотрел на происходящее трезвым взглядом: сажусь за стол, но лучше бы и не садился; когда перечитываю то, что написал, понимаю, это никуда не годится. Потому что голова отказывалась работать. И первое время — безумная усталость: заметил, все время сплю. Стоя, сидя, лежа...

— Затем усталость прошла...

— Не знаю, чем бы все кончилось с моей сонливостью, но мне особо отдохнуть не дали. Помню, вскоре после отставки, уже решил, что хоть теперь-то смогу пожить спокойно, без звонков. Но рано утром меня разбудил телефонный звонок. Мне рассказали о сложной ситуации, требующей немедленного вмешательства.

— А что за ситуация стряслась?

— Дело в том, что пока я пребывал в таком «сумеречном» состоянии, Виктор Степанович заморозил цены. В первые две недели, пока меня не было в правительстве, происходила какая-то вакханалия. Денег набухали в экономику столько, сколько не вливали никогда, ни за какие любые две недели предыдущего года. Потом заморозили цены, ну не совсем заморозили, а слегка приморозили. В результате недельная инфляция подскочила до уровня, на котором она никогда не была, и, что самое страшное, вновь возник товарный дефицит, хотя казалось, что мы это уже все прошли! А я уехал под Питер, сплю, газет не читаю, радио не слушаю. Мне звонит Толя и говорит: «Ты знаешь, что здесь происходит? Ужас, кошмар».

Тут я проснулся. Понимаю, чем чревато произошедшее. Знаю, что имею возможность влиять на ситуацию, вмешаться в которую сочту нужным. Звоню Борису Николаевичу, говорю, что это важно, что пришлю ему короткую записку о том, что, на мой взгляд, нужно делать немедленно. Он записку прочитал, дал соответствующие указания. Короче, мало-мальски ответственную денежную политику и свободные цены удалось отстоять. Но не без потерь, не без потерь.

Процесс отставки носил «медленный» характер. Так, чтобы я проснулся и начал жить нормальной жизнью, не получалось. Да, я перестал работать и. о. премьера, нести ответственность и спрашивать с других, но при этом еще в полной мере оставался интегрированным в политическую элиту. Знал, что в любой момент, когда считаю нужным, могу сообщить о своем мнении президенту. Если напишу записку, она попадет к нему на стол, он ее прочитает. Ну и коллеги из экономического блока, что остались в правительстве, нередко заходили ко мне на дачу в Архангельском.

— То есть этой конструкции, что сразу отобрали дачу, и т. д. — не было?

— Это было потом. В другой раз, летом 1993 г., Андрей Вавилов звонит мне в панике: ЦБ изымает из обращения старые купюры, вводит новые. Это лето, люди в отпусках, им говорят, что теперь деньги недействительны, их можно обменять в пределах 10 долл., что ли, а остальное пропадает. Он мне звонит и говорит, что Минфин никто не предупредил, а Ельцин где-то отдыхает. Пришлось влезать в эту драку.

— Это Геращенко делал?

— Да. В это время позиция у меня, как ты понимаешь, своеобразная. Я в отставке, но сказать, что я полностью устранился от процесса принятия решений, нельзя. К тому же в это время нарастает конфронтация Ельцина с Верховным Советом, он пытается договориться, весной прошел референдум, в общем, весело. А потом президентский совет, и после него ко мне подходит Борис Николаевич и просит вернуться на должность первого вице-премьера. Ты помнишь, как было обставлено тогда мое назначение на эту должность?

— Нет, честно говоря.

— Я согласился, готовится указ. Решил, пока все еще не подписано, съездить в Ростов, давно обещал. Борис Николаевич должен был объявить о моем назначении на встрече с банкирами, что-то не получилось, а он накануне выехал в Таманскую дивизию, и прямо в телекамеру, рядом с танком объявил: «Первым вице-премьером по экономике будет назначен Гайдар».

Дальше вторая работа в правительстве. Там было уже все по-другому. Начало было совершенно безумное — события 3–4 октября, потом очень сложная ситуация конца 1993 г. После путча, но перед выборами в Думу. На меня многие смотрели как на следующего премьера: вот, сейчас будут выборы в Думу, у демократов будет большинство. Ты можешь себе представить, с каким энтузиазмом на меня смотрел Виктор Степанович. С одной стороны, он вроде действующий начальник... С другой, я — его бывший и будущий начальник.

А потом, когда мы эти выборы не выиграли... Хотя, честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему считается, что мы в декабре 1993 г. выборы в Думу проиграли. Наша фракция в Думе была крупнейшей. Демократы никогда больше не показывали таких результатов, как на первых выборах в Думу. У меня на этот счет есть свое мнение.

Но дело даже не в результате, и не в предвыборной кампании. На мой взгляд, указ о роспуске Верховного Совета нужно было выпускать не в сентябре, а в апреле, и выборы проводить не в декабре, а тогда же, сразу после референдума «Да. Да. Нет. Да». Тогда и результат был бы иной, и экономика бы пострадала меньше. Это, конечно, просчеты.

Но вернемся к моей работе в правительстве. Во второй свой приход в правительство на ситуацию я влиял мало, все делалось мимо меня...

— А почему это так произошло? Ты же первый вице-премьер по экономике! Почему все делалось мимо тебя? Это что, было прямое указание Черномырдина?

— Естественно. Хотя об этом никто вслух не говорил, но когда ключевые вопросы, которые стоят по 250 млн долл., выходят без моей визы... Ты же понимаешь, что это не могло быть случайностью.

Ты работал в правительстве и понимаешь, что по твоим вопросам без твоей визы или визы твоего зама документ выйти не может, если нет специального указания премьера. Значит, такое указание было. Ну, а дальше аппарат с огромным удовольствием его выполнил. Я долго не хотел подключать Бориса Николаевича. В конечном счете, так и не объяснил ему суть происходящего.

После выборов продолжать работу в правительстве было бессмысленно, и я подумал, что правильнее будет пойти в Думу. Ведь мы тогда на деле получили парламент, который способен работать. Получили Конституцию, которая установила колоссальные полномочия для президента, который, в свою очередь, настроен реформаторски.

— Итак, начало 1994 г. Вы ушли вместе с Федоровым?

— Там все было более сложно: Федоров надеялся, что ему предложат серьезные полномочия за то, что он не уйдет. Поэтому сначала ушел я. Когда ему не предложили, ушел и он.

— И вот, наконец, ты — все, ноль без палочки.

— Ну, я еще не совсем «все», я еще в Думе. Лидер фракции, как-никак.

— А кстати, ты же в Думе был и второй раз в период 1999–2003 гг.?

— Во второй раз я не был лидером фракции. Мне не надо было выполнять все эти ритуалы: выступать на пленарном заседании, произносить пламенные речи...

Мне нужно было заниматься своим профессиональным делом. Которое тогда, из-за моих отношений с правительством, из-за того, что правительство начало реализовывать ту программу, которую мы разрабатывали, было удовольствием. У меня была возможность за 2–3 дня получать ключевые документы за подписью лиц, принимающих решения, включая президента. Не надо было публично выступать, а возможности делать что-то полезное, были, пожалуй, наибольшие за все то время, когда я работал во власти. Потом, конечно, возможности стали быстро сокращаться.

— Но вернемся в 1994 г. Итак, «медленность» ухода из власти продолжалась, т. е., поскольку ты был лидером фракции, все эти встречи, вертушки, мигалки, дачи и т. д. оставались. И что самое главное — оставался статус «особо приближенного лица».

— Все это продолжалось до декабря 1995-го, пока мы не проиграли выборы в Думу. Однако хоть мы и не преодолели 5%-ный барьер, но у меня прошло 11 депутатов-одномандатников в Думе, и я, как лидер партии, еще все равно публичный политик. Возможности, уже, конечно, не те, но Чубайс вскоре стал главой администрации президента, и когда нужно было обсуждать действительно что-то важное, на узкие совещания меня просили подойти посоветоваться.

Дачу же отобрали раньше, после ухода из правительства. Сразу, без церемоний. Как и правительственные телефоны, машину. Аппарат тогда сразу сообразил, что Ельцин в это вмешиваться не будет. Я о себе не напоминал. Классическая ситуация с молчащими телефонами и шараханьем бывших «друзей» — это действительные реалии конца 1995 г. Тут уже все честь по чести.

— Ну да, конечно. Аппаратчики — люди тонкие. Они знали, что Ельцин не скажет, чтобы дачу отобрали, но и чтобы не отбирали, тоже не скажет. А Гайдар такой человек, который не будет звонить Ельцину и жаловаться. Поэтому надо отобрать. Чтоб знал.

Скажи, пожалуйста, весной 1997 г., когда Боря Немцов перешел из губернаторов в вице-премьера и Чубайс тоже перешел из администрации, и т. д., тогда тебе были сделаны предложения по работе в правительстве?

— Нет, тогда этот вопрос не обсуждался. Борис Николаевич в разговорах уже после моей второй отставки пару-тройку раз упоминал о целесообразности моего возврата, но неконкретно. Я отве-

чал, что в правительстве, возглавляемом Виктором Степановичем, я вряд ли буду полезен.

— А Виктор Степанович как премьер не обсуждался?

— Он весной 1997 г. висел на тонком волоске. Тут ключевую роль сыграл Чубайс. Толя в тот момент мог стать премьером. Но он считал, что Черномырдин во время президентской компании вел себя порядочно, и поэтому подсиживать его неприлично.

— А у тебя отношения с Черномырдиным не задались с самого начала?

— Да нет, не могу сказать, что не задались. У меня с ним были приличные отношения в то время, когда он работал под моим началом, вполне спокойные. Он вел себя порядочно, в премьеры не лез. Был такой момент, когда стало ясно, что у меня есть серьезный шанс вылететь из кресла, и был набор людей, которые начали суетиться. А Черномырдин — нет. Он вел себя достойно.

— Вообще-то у меня опыт общения с Черномырдиным тоже скорее позитивный. Он вполне нормальный мужик.

— Да. Единственный момент, когда мне с ним было очень тяжело, когда и его, и меня поставили в очень сложное положение, это конец 1993-го, начало 1994 г., когда я, почти официальный его преемник на этом посту, работал его первым замом. Это никому было не понравилось. Это было время, когда отношения между нами были напряженными.

— И когда он против тебя восстанавливал аппарат.

— Да, а до этого и после у меня с ним были приличные отношения.

— Но вернемся к «окончательной» отставке в конце 1995 г. Вот это ощущение, когда вдруг замолчали телефоны...

— Естественно, они замолчали... Это всегда чувствуешь...

— И люди не кидаются в зале, чтобы пожать руку.

— Интересно, что, даже если тебя не назначили на важную должность, но известно, что тебя слушают и ты влиятелен, ты приходишь на какое-то мероприятие в Кремль, вокруг тебя выстраивается толпа директоров, губернаторов и т. д., которые здороваются и говорят: «Какое счастье! Как мы Вас давно не видели!». А на следующий день конъюнктура поменялась и ты заходишь и видишь, как народ от тебя шарахается, чтобы не дай Бог не оказаться на расстоянии ближе семи метров... И хорошо, если бы это было один раз...

— *А сколько столетий это уже продолжается!*

— Обычно такая перемена происходит один, ну два раза в жизни. Со мной это происходило раз восемь. Это начинаешь воспринимать как веселый спектакль.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. О МОРАЛИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ
В ПОЛИТИКЕ

— *Давай поговорим с тобой о морали и эффективности в политике. Заранее предупреждаю, что я буду тебя провоцировать, намеренно неполиткорректно обострять, короче — вести себя как прожженный журналиста.*

— Что ж, давай, обострай. Мораль и эффективность в политике?.. На мой взгляд, в подавляющем большинстве случаев моральные политики неэффективны.

— *Я понимаю, что ты имеешь в виду. А все-таки, нет примеров высокоморальных политиков, которые тем не менее оказались эффективными? Ну, первое, что приходит в голову — папа римский, Иоанн Павел II?*

— Да, Иоанн Павел II — моральный человек, но я не могу относиться к нему как к политику, это другая сфера. Его же не избирает народ...

— *То есть политику, которого не избирает народ, быть моральным легче?*

— Это так. Это странно, но боюсь, что соответствует истине.

— *То есть моральных политиков нужно искать среди царей, диктаторов?*

— Да. А почему нет? Я думаю, что Александр II был человеком, не лишенным нравственного начала.

— *Особенно по отношению к своей первой жене.*

— Это бывает, и не имеет отношения к его политическим качествам.

— *Как сказать. Кстати говоря, очень высокоморальным человеком в личном плане был Александр III. Он воевал однажды на Балканском фронте во время так называемого освободительного похода его отца, и после этого Россия не воевала вообще. Он так наелся всей этой окопной правды...*

— Да, скорее всего, но при нем были прерваны реформы его отца, которые потом были продолжены лишь много лет спустя Столыпином. И за эти годы были упущены возможности и преимущества, которые Россия могла получить, а она их не использовала.

Он был высокоморальным, но неэффективным. Это тот случай, о котором я говорил вначале. Все, что мы получили в XX в.: революция, Гражданская война, сталинский геноцид, — это плата за те десятилетия топтания на месте.

— *Ну да, у него была так называемая теория малых дел, т. е. Александр — это был первый политик застоя и стабильности в России.*

— Да, совершенно точно.

— *А Рузвельт?*

— Это вопрос сложный. Я недостаточно хорошо знаю его личную историю.

— *Предположим, что она безупречна.*

— Хотелось бы так думать, потому что Рузвельт производит впечатление морального политика.

— Он был, как бы это помягче выразиться, pragmatичным политиком. Одно его заигрывание с Джозефом Кеннеди, про которого говорили, что он был связан с ирландской мафией. Которая всегда была связана с итальянской...

— Да? Я поэтому и не решаюсь сказать, что он был высокоморальным политиком. С трудом себе представляю, как устроены эффективные высокоморальные политики. Мне они не встречались.

— Да. Но я все-таки нашел кое-кого, например Маргарет Тэтчер.

— Ну что ж, интересно... Она, действительно, была эффективна, практически никогда не врала, пыталась проводить политику, в которую верила, пришла к власти не путем явных интриг, по крайней мере то, о чем мы можем знать... Да, согласен, Маргарет Тэтчер.

— *То есть получается наоборот — по-настоящему эффективные политики, они всегда высокоморальны? Но тогда, что такое эффективность? Вот от Маргарет Тэтчер нет ощущения, что она прямо такая победительница. Ну, сделала свое дело и ушла.*

— А вот у Рейгана есть имидж: он развалил Советский Союз. Но вот что получается: развалил-то он его в том числе и с помощью исламских фундаменталистов, талибана, Бен-Ладена, «Аль-Каиды», путем

создания проблемы религиозного терроризма. И весь этот нынешний исламский ренессанс делался в 80-е на американские деньги.

И если Советский Союз — это была империя зла, чудовищный тоталитарный режим, подчиняющий себе и другие государства, ужасная, неэффективная и угрожающая мировой экологии экономика — да, все это было, но с ними можно было договариваться, с теми же Брежневым, Андроповым. Они были готовы договариваться, и потом эти договоренности соблюдали. Был какой-то диалог, и в этом мире можно было жить.

Но сейчас мы имеем что: договариваться непонятно с кем, люди, которые принимают решения, неуловимы и прячутся, с ними невозможно разговаривать, они не соблюдают слов, которые дают, и они по-настоящему не управляют бандами вооруженных террористов. Нападение может случиться в любой момент в метро, в гастрономе, на работе — бомба, отравляющие вещества, все что угодно.

Это хорошая замена «империи зла»? И эти люди — победители? Эти люди — эффективные политики?

— Тем не менее мы можем назвать Рейгана эффективным политиком. Он хотел, чтобы не было коммунистического режима, и он к этому пришел, он хотел, чтобы это было сделано скорее, и это произошло. Я знаю людей, которые его не любили, но в целом он для меня — пример эффективного политика.

— Так все-таки не бывает высокоморальных политиков, которые были бы эффективными?

— Думаю, что есть ситуации, в которых моральная политика выигрывает. Но это исключение. Извини, но я считаю себя человеком нравственным.

— Но ты же и говоришь, что в политике ты не очень...

— Как электоральный политик я равен абсолютному нулю.

— А хочешь, я скажу, не очень, может быть, приятную для тебя вещь: то, что ты делал в начале 90-х — это не политика. И поэтому говорить о твоей эффективности как политика бессмысленно.

— Да, конечно. Просто я выполнял политические роли в особый, переломный момент, и сделал то, что должен был сделать.

— Это не политика, потому что ты не стремился к власти. Поэтому что, если бы ты к ней стремился, ты бы, как Черномырдин, давал бы команды аппарату кого-то не согласовывать. Знал бы, что если кто-то может тебя подсидеть, то ты его без сожаления

из правительства выгонишь. А ты с Черномырдиным спокойно сидел и работал. Когда было возможно получение от Ельцина полного премьерского кресла, ты этого не делал, когда можно было «нажать» на Ельцина, не «нажимал»... Ты не политик. Одна, кстати, есть претензия к правительству молодых реформаторов любого разлива, хоть первого, хоть второго, в которое мы оба входили, хоть третьего — то, что мы никогда не стремились получить полную власть.

— Это правда. В правительстве молодых реформаторов было одно исключение — Боря Немцов. Он-то политик и хотел власти. На нашем фоне он смотрелся иначе. Он был другим.

— Это была большая ошибка — не стремиться к полной власти. Но я всегда отвечаю: «А Ельцин бы ее не отдал». Я эту интонацию, обстановку 1996–1997 гг. чувствую лучше тебя, потому что я был там внутри, а ты уже был немножко снаружи. Тогда уже у молодых реформаторов не было такого влияния на Ельцина, которое было в 1991–1993 гг. Ельцин тогда уже был полностью под влиянием Тани, которая, в свою очередь, была очарована Борисом Абрамовичем и Владимиром Александровичем. А они говорили, что у нас тут этих Чубайсов вилами не перекидать, и мы сейчас будем рулить.

Борис Абрамович в прямом эфире говорил, что правительство должно слушать крупный капитал, но на самом деле имел в виду только одного себя. Получалось, что «крупный капитал» — это был синоним себя любимого.

И самое поразительное, что сейчас силовики пытаются присвоить себе лавры победы над Гусинским и Березовским, в то время как тогда, когда эти два красавца гуляли по буфетам и пинком открывали двери к Борису Николаевичу, они все их слушались и не боролись с ними совершенно. Как раз вот эти самые безвластные Чубайс, Кох и пр. боролись, а силовики Березе и Гусю на нас компромат таскали.

— Вы подняли «вооруженное восстание», и вам показали, кто хозяин в доме. Вот видишь: Гусинский и Березовский были не очень высокоморальными, но зато эффективными!

— И Ельцин нас тогда не поддержал, а более того, сделал все, что от него хотели эти орлы. И, дав им медийный ресурс, он потом стал им фактически прислуживать. И как это, по-твоему, называется? Применительно к Ельцину? «Отказ от морали во имя эффективной политики» или «во имя безопасности, личной власти и спокойной старости я готов пожертвовать кем угодно»?

Как же так случилось, что два человека, совершенно даром, без какого-либо права, без объяснения причин получили главные телевизионные каналы страны, да так, что вдруг, неожиданно, стали этой страной управлять, как хотели. И это говорят про харизматичного, любой ценой цепляющегося за власть, продающего за это всех близких, даже самых кровных братьев, политика? Политика, который предал всех своих друзей и соратников для того, чтоб отдать власть Владимиру Александровичу и Борису Абрамовичу.

Вот Путину можно многое простить за то, что он этих двух архаровцев укоротил. У него этот отказ от морали во имя эффективной политики хотя бы чем-то иллюстрируется.

— У меня ощущение, что я знаю двух Борисов Николаевичей Ельциных. Первый прекратил свое существование 4 октября 1993 г. Я его хорошо знаю, с ним работал. Был еще один человек, который тоже называется Борис Николаевич Ельцин. Но он совсем другой.

Да чтобы Ельцин, Борис Николаевич, образца 1992 г., стал слушать Березовского с Гусинским! Это даже не смешно.

— Но именно тот, «ранний» Борис Николаевич поставил рулить PR-ом либеральных экономических реформ, а следовательно, и телевидением, некого Полторанина, а потом Миронова...

— Ну, Миронов — это было уже позже.

— А Полторанин? Хрен редьки не слаше.

— Полторанин, конечно, не слаше, но для Бориса Николаевича он был политически близок.

— Но он же был неэффективен. Он не организовал никакого PR-а реформам! Скорее наоборот!

— Тогда, конечно, нет, но когда он придумывал для Ельцина текст, якобы произнесенный на пленуме... Кстати, довольно забавная история! Это пленум октября 1987 г., на котором выступал Ельцин, на котором его снимали с должности первого секретаря Московского горкома партии за то, что он противопоставил себя партии. А противопоставление выражалось в том, что он поставил вопрос о своей отставке, потому что не согласен с проводимым курсом. Он тогда произнес речь, достаточно сумбурную. В том виде, как это было произнесено, распространить ее было нельзя, она бы никого не заинтересовала. Ну, подумаешь, снимают кого-то с поста первого секретаря, человек он еще не слишком известный, потерялся бы на этом фоне.

А Полторанин тогда написал все про Раису Максимовну, про привилегии, — все, что народу хотелось услышать. Так и пустили по рукам. В этом смысле, для того времени он был человеком поразительно эффективным. Ельцин просто не понял, что время радикально изменилось.

Послушай, я же не говорю, что в 1991–1993 гг. Борис Николаевич был идеальным человеком, который не пил и не курил, не курил, кстати, он никогда. Нет, это был сложный человек, с капризами, сложный в работе, склонный принимать неожиданные решения, никого не слушать. В наших разговорах с ним он иногда доходил до полного кипения.

Помню, на совещании, после того, как отраслевики долго вешали ему лапшу на уши, он встает и говорит: «А мы сделаем вот так». Я отвечаю, что это, к сожалению, невозможно, что я не могу с этим согласиться. Когда мы выходим, он говорит: «Что Вы себе позволяете, к тому же на людях!». Я отвечаю: «Хорошо, понимаю, давайте мы это сделаем. Я сейчас напишу заявление об отставке. Пусть за это отвечает кто-то другой». Вопрос удалось снять.

Я не говорю о том, что до осени 1993 г. Борис Николаевич напоминал рыцаря без страха и упрека, но это был один человек, а после 1993 г. — уже другой. И тогда начало происходить то, о чем ты говоришь.

— А это что — ослабление воли, старость? Или у него произошел нравственный надлом?

— Да, какой-то надрыв. И нравственный, и моральный, и физический.

— И вот тогда выпивка начала мешать работе?

— Да, даже когда я уходил в 1994-м, это не было для меня неожиданностью.

— Как ты думаешь, этот надрыв случился после путча?

— Да, думаю, после событий 3–4 октября 1994 г. Хотя в жизни такой процесс всегда растянут во времени.

— Из-за чеченской войны?

— Да нет, война — это потом уже. Понимаешь, приближенные чиновники и аппарат морочили ему голову. У него было ощущение безумной усталости, и на этом начали играть в стиле: «Ну что Вы беспокоитесь, не царское это дело! Сейчас придет такой-то, напри-

мер, Сосковец, и все разрулит. Было бы что-то важное. А мы с Вами пока поработаем с документами».

— Я это понимаю, но, тем не менее, как он мог позволить уничтожить команду Чубайса и даже не дать нам защитить себя, даже самим Чубайсу, Немцову... Это же была единственная его опора! Министр внутренних дел Куликов не был его сторонником, Генеральный прокурор Скуратов — тоже, все эти эфэсбэшники — гроши им всем цена, особенно тем, кто остался после Коржакова и не был лично предан Ельцину и не был ему лично обязан. Может, после встречи с Гусинским и Березовским ему показалось, что у него появилась новая команда, более эффективная?

— Хуже знаю его отношение к Чубайсу в поздний период, но в то время, когда я с ними работал, когда больше встречался, в начале 90-х, он к Чубайсу относился холодно. Ко мне он относился чисто по-человечески тепло, хотя мы могли и ругаться, а к Чубайсу — отстраненно.

— Да дело тут не в тепле. Он же привлек Чубайса к предвыборной кампании 96-го года, когда земля под ногами загорелась. Когда и Коржаков, и Сосковец не придумали ничего лучшего, как снова распустить парламент!

— Да, конечно. Лишиться Чубайса, его команды — это было очень необдуманное решение, которое дорого стоило стране, потому что дефолт — результат этого. Но я думаю, что в личностном плане он к Чубайсу относился настороженно.

— Но тем не менее он решился на это. Может быть, ему казалось тогда, что у него появился новый Чубайс?

— Знаешь, Ельцина ведь не даром называют непредсказуемым. Например, все были убеждены, что он никогда не сдаст Коржакова. Даже Борис Абрамович был убежден в этом. Я собственными ушами слышал, как за полгода до снятия Коржакова, Барсукова и Сосковца он говорил, что, даже если Коржаков расстреляет 100 человек у кремлевской стены, то и тогда Ельцин его не снимет.

Думаю, что решение о снятии этих троих ему, действительно, далось тяжело, а ведь этот вопрос был ключевым. Наверное, тогда к нему вернулось что-то из его старых бойцовских качеств, он понял, что речь идет о приобретении или потере власти, что вопрос стоит так: или он вместе с Коржаковым становится банальным диктатором, опирающимся на штыки и спецслужбы, или у него

есть реальный шанс стать настоящим президентом. И когда вопрос встал так, то он наплевал на Коржакова.

— Но тогда зачем же он отказался от власти? Значит, получается так: я так люблю власть, что ради нее я продам даже человека, который мне несколько раз жизнь спас, но потом, буквально через несколько месяцев, я эту власть настолько разлюблю, что отдаю ее какому-то торговцу «жигулями»?

А вот еще по поводу «сдачи». Персоналии можно перечислять бесконечно, но есть ключевая группа людей, очень разных, но сыгравших в его жизни очень большую роль. Наиболее яркий представитель одной группы — это Александр Коржаков, а представитель другой — Анатолий Чубайс. Эти две группы людей очень не ладили между собой, но они имели большое значение в жизни Ельцина. Являясь представителем одной из групп, я тем не менее понимаю, что нельзя, например, недооценивать роль Коржакова в подавлении путча 1993 г. Она была важной, позитивной и т. д. Трудно переоценить его роль и в августе 1991 г., когда он защищал Ельцина фактически своим телом.

Они были настоящие друзья, кровные братья, вместе водку пили, в теннис играли и т. д. Он его сдал. Хотя было множество способов сделать это более деликатно, не так громогласно и не так безвозвратно.

Лишить человека власти, сохранив при этом с ним нормальные дружеские отношения можно, тем более что полномочия службы безопасности президента достаточно ограничены и Ельцин сам распустил Коржакова, де-факто наделив неограниченными правами. Вернуть же его в реальность было очень несложно. Ельцин этого не сделал. Он громогласно, публично и унизительно отставил Коржакова.

Возьмем Чубайса и его команду. Он всех уволил, хотя то, что сделал Чубайс для Ельцина... Без него он не был бы второй раз президентом, здесь даже обсуждать нечего.

Есть точка зрения, что он это делал ради России, ради которой никакие жертвы не бесмысленны. А есть другая точка зрения — личная власть, и только. По крайней мере, личная власть и безопасность его и его семьи — это его безусловный приоритет, и поэтому все остальные люди — мусор, которым можно пользоваться для достижения этой цели. И, кстати, последний его экзерсис с преемником идет в ту же копилку, потому что, в конце концов он продал еще

и дело, которое так долго делал. Какая из этих точек зрения тебе ближе?

— Здесь я плохой судья. Потому что в отношении меня он никогда не делал ничего дурного, на мою отставку он был пойти вынужден. В личных же отношениях он вел себя всегда предельно порядочно. Во всяком случае, по отношению ко мне.

— Твое счастье, что ты был уволен в ранний период, потому что потом он стал совсем другим. Есть очень интересный эпизод у Стивена Спилберга в фильме «Мюнхен». Там израильская разведка создает специальную группу глубоко законспирированных агентов, которая должна уничтожить всех палестинских террористов, которые убили олимпийскую команду Израиля.

И они действительно искали их по миру и убивали. Сначала, они очень неохотно шли на убийство. Даже есть один эпизод, когда они вычислили одного, но очень долго ждали, пока дочка уйдет из дома, чтобы не убить его вместе с ней. Но постепенно они привыкли убивать и стали убивать людей уже десятками, в том числе невинных, если они оказывались рядом.

И вот Ельцин «сдавал» людей сначала очень тяжело, а потом привык и стал делать это, уже не задумываясь.

— Если говорить о Борисе Николаевиче, то, конечно, он хотел власти. Вспомни, как он, сразу после шунтирования, как только чуть-чуть пришел в себя, сразу же отменил указ о том, что его замещает Черномырдин.

Но тем не менее мне кажется, что у него было ощущение миссии, что он не просто занимает это место, а по праву, потому что он спасает Россию.

— Это довольно устойчивая конструкция о том, что нравственно все, что делается «для России», в том числе и безнравственные поступки.

— Да, такая конструкция есть. И она не противоречит сказанному выше.

— Я в последнее время много занимаюсь журналистикой, поэтому много общаюсь и с самими журналистами. Они глубоко убеждены, что у них есть какая-то своя журналистская мораль, облегченная, т. е. то, что обычным людям делать нельзя, им можно, потому что они несут информацию в массы, это их миссия. И поэтому они

могут залезать под кровать, в туалет, разглашать государственные тайны и т. д.

— Это широко распространено и среди политиков. Многие из них глубоко убеждены — то, что они делают, оправдывает любые средства. Но ты должен также и признать, что есть занятия, при которых строгое следование моральным ценностям делает тебя малоэффективным. Я плохой публичный политик. Кому нужен публичный политик, который все время говорит правду? Да, я мог ошибаться, но я никогда не говорил неправду сознательно...

— То есть, эффективный политик должен врать, изворачиваться — и это безотносительно доктрины, которую он проповедует, будь то коммунизм, капитализм, свобода, рабство и т. д.?

— Боюсь, что да. Есть, конечно, исключения, есть ситуации настолько кризисные, что можно позволить себе быть честным политиком. Например, Черчилль говорил в обращении к английскому народу после вступления в должность: «Я не могу вам обещать ничего, кроме крови и слез». В нормальной ситуации премьер-министр, который пришел с такой программой, долго бы не продержался.

— А вот еще одна тема. Все эти реформы, которые меняли экономику и вообще страну и из социалистической делали ее капиталистической... Если они и не были эффективными, то это потому, что они не были комплексными. Ты же понимаешь, что для реформирования России недостаточно экономических реформ. Изменить Россию можно только комплексными реформами, которые, помимо экономики, затрагивают и социологию, и политику, и этим надо заниматься. А поскольку вся наша команда была сосредоточена только на экономических преобразованиях, то эти реформы были обречены на недостаточную эффективность.

Нужно было реформировать и правоохранительные органы, и судебную систему, и национальные отношения, и административное устройство, и пропагандой заниматься, и с прессой иначе работать.

В позиции, допустим, Явлинского, который говорил: «Либо дайте мне всю власть, либо не надо никакой, потому что частью я заниматься не буду» — есть своя логика, потому что он прекрасно понимал, что в результате он окажется виноват в том, что реформа недостаточно хороша, т. е., может быть, это не рисовка и не попытка уйти от ответственности, а желание сделать лучше?

— В этом есть своя логика. Но вопрос в том, что для тебя является приоритетом. Если политическая карьера, то нужно занимать только эту позицию. Но взгляни шире. Во-первых, ты у власти будешь не навсегда, во-вторых, даже находясь у власти, будешь уязвим, и тебе будут мешать те проблемы, которые ты не контролируешь по объективным причинам.

По сути, есть выбор: можно сделать что-то или не сделать ничего. Третьего пути — получить всю власть и бесконечно долго ее контролировать — нет. Вот и выбирай! Мы решили сделать хоть что-то. Явлинский — не делать ничего. Каждый считает, что он прав. Кто нас рассудит? Как ни банально — только время.

— Ну хорошо, даже если мы не будем говорить об МВД, Генштабе, стратегических ядерных силах и пр., но, находясь в здравом уме, можно ли считать, что ты руководил экономическим блоком реформ, если ты не управлял Центральным банком? И даже в кадровом смысле не управлял?

— Без рычагов влияния на Центральный банк это было трудно.

— Так почему этого-то не добились? Почему не поставили перед Ельциным такой вопрос?

— Так, а кто утверждал тогда председателя Центрального банка? Уж не хасбулатовский ли Верховный Совет?

— Ну а потом, когда это уже зависело от Ельцина, почему каждый раз появлялся Геращенко?

— Почему? Кабы знать. Когда от него это стало зависеть, а именно, после 1993 г., это стало главным вопросом в наших трениях. Я говорил, что, если они хотят проводить эффективную экономическую политику, то нужно менять Геращенко.

— И какой ответ ты услышал?

— Ответ — договаривайтесь с премьером.

— Но это же не ответ! Значит, он не хотел решать этот вопрос в твою пользу? А, ну да, я и забыл. В твоей версии это был уже другой Ельцин.

— Конечно! Посуди сам, там было некое коллективное «я», которое ему говорило: «Давайте сейчас мы будем проводить реформы, теперь-то власть есть!». Но были и другие, говорившие ему: «Борис Николаевич, народ устал от реформ, давайте немножко отдохнем от них».

— Нет логики.

— Почему?

— Это звучит так: «Народ устал от реформ, давайте вместо реформ немножко повоюем».

— А это так.

— А от войны он не устал?

— Конечно, нет. Это же будет маленькая победоносная война!

А что может быть лучше маленькой победоносной войны?

— В стране, уставшей от экономических реформ?

— Конечно...

— Ты не находишь, что как-то очень лихо у нас закольцевалась тема морали и эффективности в политике?

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. О ВОЙНЕ

— Помню появление в правительстве Георгия Хижи — лидера пшитерской директуры. Я всегда говорил, что кадры — это конек Чубайса.

— Да, это была его креатура. Это был как раз тот случай, когда он «угадал».

— А что Хижа там натворил, в Осетии, когда его туда Ельцин послал разбираться? Я так этого и не понял. Ведь потом пришло ехать и разруливать эту ситуацию тебе.

— Он просто растерялся. Все горят, идут бои, осетины громят склады с вооружением, а он растерялся напрочь!

— А с чего там все началось? Эта история тянется еще с царских времен. Сейчас уже забыли этот конфликт, а это же было что-то чудовищное.

— Да-да. Этот конфликт медленно накалялся, и в какой-то момент все взорвалось. Кто-то из радикальных ингушских лидеров, я так и не разобрался, кто именно, закричал: «Вернем себе старые земли», — с оружием в руках. Там же, и в Ингушетии, и в Чечне, оружия уже к тому времени накопилось предостаточно. Ингуши пошли, разоружили некоторые части, которые стояли на территории Ингушетии, получили дополнительные бронетранспортеры.

— То есть инициаторами были все-таки ингуши?

— Да, конечно. Дальше осетины начали требовать, чтобы им раздали оружие. Короче, долго рассказывать, но я им оружие раздал. Фактически у меня не было другого выхода. Там вопрос был такой: армейские части, которые были дислоцированы на террито-

рии Осетии, не хотели сопротивляться осетинам, но и не готовы были сами противостоять вооруженным отрядам ингушей, которые шли на Владикавказ.

— То есть они готовы были проиграть ингушам?

— Нет, они не готовы были сопротивляться народу. Без сомнения, осетины могли бы взять склады с оружием силой. Поэтому я сказал, что оружие мы им дадим, но по предъявлении военного билета и после написания заявления о зачислении в состав внутренних войск. Потом, как только боевые действия прекратились, они оружие вернули.

— А что значит «боевые действия»? *Вот ингуши наступают, а осетины выкопали окопы, встали на позиции, отстреливаются...*

— Да. Были бои. Осетины занимали оборонительные позиции, ингуши наступали, мне пришлось перебрасывать части внутренних войск, армии, уже не помню, какие конкретно. Войска встали между враждующими сторонами. И им пришлось воевать с ингушами, потому что в данном случае инициаторами конфликта были ингуши. В связи с этим основной и единственной на тот момент моей задачей было сделать все для того, чтобы этот конфликт остановить. Любыми путями. Чтобы дальше ничего не развивалось. Чтобы не перекинулось в Чечню и т. д.

Потом появился Руслан Аушев. Он еще не был президентом Ингушетии, просто неформальный лидер. Он прилетел, и ситуация немного успокоилась. К тому моменту ингушей уже оттеснили на границу с Осетией, потом войска вошли в Ингушетию, чтобы установить некоторое подобие порядка, и дошли до границы с Чечней.

Ситуация была очень опасной. Было не ясно, где граница между Ингушетией и Чечней, где наши войска должны остановиться. А этот вопрос надо было согласовывать с тремя сторонами: с чеченцами, ингушами и армией. И самое главное, что я там делал — занимался урегулированием этого вопроса. Я вызвал в Назрань первого вице-премьера Чечни, согласовывал границы размежевания, т. е. до каких пределов могут дойти войска, иначе вспыхнет Чечня. И потом убеждал, доказывал. Что-то не устраивает ингушей, что-то — чеченцев. Было непросто.

— А в Чечне уже тогда было такое дееспособное правительство практически независимой страны?

— Да. Во главе с Дудаевым. Осенью 1992 г. он уже был президентом. Я, правда, с ним не разговаривал, даже по телефону. Он несколько раз посыпал ко мне людей, но я считал, что это не мое дело — общаться с лидерами самопровозглашенных государств. Я себе поставил одну-единственную задачу: мне было важно во что бы то ни стало остановить конфликт.

— Следствием этого конфликта, ты же знаешь, было то, что огромное количество ингушей стали беженцами. И они не могут вернуться до сих пор.

— Да, когда я прилетел в Осетию, там горели уже ингушские дома.

— А вот как это происходит: наступают ингуши, осетины берут оружие и с оружием в руках защищают, как они считают, свою землю. Можно долго спорить, чья это земля, уйти далеко в историю, но, так или иначе, осетины были готовы проливать кровь за свою землю.

— Но вот происходит Беслан. Ингуши напали и убили их детей, что еще более чудовищно. Никакой реакции со стороны осетин — ни военных действий, ни призывов к оружию. Не дай Бог, конечно! Но чем это объяснить? Ведь прошло уже больше двух лет. Насколько это отсутствие реакции кажущееся? Или это та самая пресловутая стабильность?

— Думаю, да. У них было ощущение, что, если они сами себя не защитят, этого не сделает никто. Сейчас же есть представление о том, что есть власть, пусть она и разбирается. Русский крестьянин образца 1918 г. и 1928-го — один и тот же человек, но в 1918-м он твердо знает, что его никто не защитит, если он сам не возьмет винтовку, а в 1928-м он уже так не думает.

— У меня еще такой вопрос: вот Грачев ведь твердо, до каждого патрона и автомата знал, сколько оружия он передал чеченцам.

— Во-первых, он не знал до автомата. Какими бы документами сегодня не размахивали разные граждане, никаких войск в тот период там не было. Считалось, что там были воинские части. Это только из Кремля Горбачеву или позже Руцкому казалось, что у него там есть армия. Но это были несколько офицеров с женами и детьми, которые якобы охраняли склады с оружием.

На эти склады регулярно совершались нападения, которые, разумеется, не могли отразить несколько офицеров. Нападавшие брали оттуда оружие, боеприпасы, бронетранспортеры и т. д. Ну, сидит

там три человека, а приходит 500 вооруженных боевиков. И что они будут делать, эти несчастные офицеры?

После этого Дудаев поставил туда свою охрану. Она была лояльна исключительно ему. Они совместно охраняли эти склады с нашими офицерами, с тем чтобы оружие не попадало в руки вообще неизвестно кого. Реально ситуация такая: формально стоит полк, а на самом деле никакого полка нет, стоит отряд чеченцев плюс несколько офицеров, которые хорошо если успели перебросить семью куда-то в Россию.

— Хорошо. Но тем не менее меня интересует вопрос: Грачев прекрасно знал, сколько оружия в Чечне, и по данным военной разведки, и по впечатлениям и рассказам этих самых офицеров. Он не мог не знать, сколько примерно человек может поставить под ружье Дудаев. Уровень их боеспособности он тоже знал не понаслышке. Откуда это упорное убеждение Ельцина, что одного воздушно-десантного полка достаточно, чтобы взять Грозный? Зачем в 1994 г. ему нужна была эта война?

— Грачев не был сторонником войны. Энтузиастами были другие люди. Ключевую роль играл заместитель председателя правительства Егоров, бывший глава Краснодарского края. Вот это самое страшное, когда на ответственное место ставят храброго, энергичного дурака. Желательно, гражданин. Он действительно был готов брать на себя ответственность, принимать решения. И в ситуации, когда никто не хотел брать на себя ответственность, он кричал: «А дайте мне! Я им покажу!...». Можно вспомнить знаменитую фразу другого ключевого автора решения по Чечне, единомышленника Егорова — секретаря Совета безопасности Лобова. Когда его спросили, как он оценивает возможность партизанской войны в Чечне, он сказал: «Мы ее не допустим. И вообще, партизанская война не в традиции чеченцев». Ему, наверное, казалось, что они фронтальную любят, позиционную, с окопами и колючей проволокой.

А Грачев был против. Но ему сказали: «Надо!». Ты понимаешь, как готовили генерала воздушно-десантных войск в советское время? Их учили управлению войсками, которые должны были десантироваться в тыл противника на основные коммуникационные узлы, в то время как наступают танковые армии. У них была одна-единственная задача: спуститься и продержаться 72 часа. Что будет

с ними потом — неважно, что они будут делать эти 72 часа, как держаться — тоже. Занять круговую оборону и 72 часа продержаться. Все, вот тебе и тактика, и стратегия. И перед человеком с такой подготовкой ставят задачу совершенно другого уровня и сложности. И он действительно уверен, что в состоянии одним полком взять Грозный.

Кажется, как можно не сопоставить: оружие, чеченцы, которые знают территорию, хорошие солдаты, мотивация есть, а ему даже в голову не приходит, что это не просто гражданский сброд, пусть даже с винтовками, и что они способны противостоять наступающему воздушно-десантному полку.

Вот другой пример — генерал Эдуард Воробьев, первый заместитель командующего сухопутными войсками — умный, хорошо понимающий, кто и как воюет, прекрасно образованный. Будь моя воля — назначил бы его начальником Генерального штаба.

Он поехал в Чечню, потому что получил приказ возглавить операцию. Посмотрел части, понял, в каком они положении, посмотрел данные разведки и сказал, что нужно как минимум два месяца на подготовку, чтобы из этого сбrosa сделать армию, и тогда можно начинать.

Не в том смысле, что начинать или не начинать, — это не его дело, а просто потому, что немедленно, сейчас воевать нельзя. Но начальники ему сказали: «Можно и нужно». Он написал рапорт об отказе принять на себя руководство операцией.

Грачева можно упрекать в том, как велась первая чеченская война, но не в ее начале.

— То есть, окончательное решение все-таки принимали гражданские лица, причем глупые и безответственные?

— Да.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. О ПРИВАТИЗАЦИИ

— Девяностые вызывают у меня удивительное ощущение некой бессистемности, судорожности, абсолютной разнобоянности попыток: то год интенсивных, фантастических либеральных реформ, то потом многомесячный застой. Я помню, когда закончилась чековая приватизация, мы написали новую программу, послали ее в правительство, и потом полгода — вообще ничего. Я уже не знал, что делать: ну распустите нас, что ли.

Кстати говоря, я хотел бы поговорить с тобой о приватизации. Как ты знаешь, она содержала несколько ключевых элементов: собственно приватизация за деньги, когда запускали магазины с молотком. Она шла довольно успешно и имела довольно позитивные результаты в Нижнем, Питере, в других городах...

Потом появилась чековая приватизация, сейчас мы ее обсудим более подробно. Параллельно вместе с ней шли так называемые инвестиционные конкурсы, весьма спорная вещь, а потом были залоговые аукционы. И, наконец, потом опять продолжилась денежная приватизация.

С денежной вроде все понятно: кто больше заплатил, тот и победил. Инвестиционные конкурсы тоже понятно, что это некое интеллектуальное упражнение, цель которого заманить к себе дирекцию, которая тогда имела сильный политический вес, но при этом не располагала достаточными финансовыми ресурсами. И она сразу увлеклась составлением инвестиционных программ, тем более, что внутри этого механизма было заложено, что они сами пишут инвестпрограмму.

Залоговые аукционы нужны были для того, чтобы заманить олигархов. И олигархия, пришедшая в 1995 г. на залоговые аукционы, всю весну 1996 г. честно работала на победу Ельцина.

Чековая же приватизация тоже замышлялась как некая «приватизация для народа». Для этого народу раздавались ваучеры, что само по себе было тяжелым административным упражнением. Это только такой гений бюрократии, как Чубайс, мог провести. При полном бардаке в стране, когда уже все разваливалось, провести такое! Это было административное упражнение фантастических масштабов.

Это сопоставимо только с тем, как Троцкий за несколько месяцев сформировал боеспособную Красную армию. Вообще чековая приватизация — это организационно перепись населения и денежная реформа в одном флаконе. Плюс собственно чековые аукционы. С организационной точки зрения это беспрецедентно сложная задача.

— Но чековая приватизация своих главных целей так и не достигла. Само словосочетание «ваучерная приватизация» стало просто символом несправедливости, синонимом некой аферы, считается, что народ обманули, заморочили ему голову. Хотя за исключением этого

случая, никогда, ни до, ни после, народу ничего не давали, у него только отнимали.

— Неправда. Приведу тебе пример из истории России, когда ситуация была похожей. В 1918 г. народу дали землю. Но уже через три года крестьяне воем выли о том, как их с этой землей обманули. Они кричали, что лучше бы ее не давали совсем.

— Но крестьянам ее не дали, они сами брали!

— Они брали, конечно, но с осторожностью. Потом им сказали, что все, что они взяли, правильно. Так они воем выли к 1920 г., писали во все инстанции, что обрезали много земли, а добавили в результате с гулькин нос, когда все поделили поровну. Потом делили же все поровну, но у одного, например, полоса оказалась за 12 верст и возник вопрос: «как я ее буду обрабатывать?». Этому дали землю лучше, чем тому... Они каждый год переделивали землю, пока, наконец, советская власть не поняла, в чем дело, и не сказала: «Хватит переделять». И после этого был такой гвалт возмущенных писем от крестьян: «Как же так, вот в прошлый раз неправильно поделили, что, теперь так то и оставить?». Масштаб ненависти по поводу земли был огромным!

— Я думаю, что основная волна ненависти была после продразверстки, потому что в это время они даже не думали, как ее поделили. Они ее даже не обрабатывали.

— Я сам недооценивал остроту этой проблемы, пока не стал работать с документами.

— Я это все прекрасно понимаю. Землю все равно приходилось как-то поделить, а, как ни подели, все равно будет несправедливо. Но вернемся к приватизации: можно ли было решаться на такое чудовищное по сложности административное упражнение в стране, остро нуждающейся в деньгах, и устраивать бесплатную приватизацию, получив в результате ничего, кроме ненависти от несправедливо проведенной ваучерной приватизации? Может быть, проще было проводить и дальше денежную приватизацию? Объясни, как это было: вы действительно думали, что будет ощущение справедливости?

— Конечно, нет. Я был категорическим противником ваучерной приватизации.

— А кто был за? Найшуль тоже категорически откращивается и говорит, что к тому моменту он уже не любил идею ваучеров.

— Не знаю, что он любил, а что нет, но в том варианте, когда это все запустилось, его уже не было. А вот был, например, мой друг, депутат Верховного Совета Петр Филиппов. Это он провел через Верховный Совет закон об именных приватизационных вкладах.

Но на деле проблема была не в самом Петре. Это соответствовало духу времени, народным традициям. Идея взять все и поделить стержневая в сознании народа-богоносца. Она очень глубока.

Так или иначе, но ваучеры были предопределены принятием закона об именных приватизационных вкладах. Наше правительство к его принятию не имело ни малейшего отношения. А девять ся было уже некуда.

— Если бы этого закона не было, продолжалась бы нормальная денежная приватизация, и ни у кого в правительстве не родилась бы идея про ваучеры?

— Никогда в жизни. Но когда уже этого джина из бутылки выпустили, было только два варианта: либо остановить процесс, но тогда бы все растащила директура, или принять этот закон, воспользоваться народной мечтой о справедливом разделе. Чем это потом обернулось, сколько нам политически стоило — понятно.

— То есть никакого идеологического наполнения со стороны правительства в ваучерной приватизации не было, это была данность, которую нужно было использовать?

— Абсолютно. Можно было все провалить. И тогда бы прошла спокойная «директорская приватизация»...

— А с другой стороны, почему такой вариант не принимался? Вот в Польше она прошла, и ничего.

— Мы очень не любили красных директоров.

— Ну, ты же знаешь, что все директора, которые что-то там украли, все равно сейчас все обанкротились.

— Да, конечно. У меня эта мысль была. Это вариант, который можно было выбрать. По состоянию на конец осени, в ноябре мы все это обсуждали с Толей.

— Дело в том, что я отношу себя к авторам идеи инвестиционных конкурсов, которые тоже часто подвергаются критике. Но эта идея — более или менее легализация директорской приватизации, которая была проведена в Польше. И мне смешно слышать упреки со стороны adeptov ваучерной приватизации в свой адрес: «Вот у вас жульничество! А мы-то взамен предложили честный способ!».

Мне хочется сказать: «Ну-ка, давайте выйдем на улицу и спросим, какую из этих двух приватизаций люди считают честной?».

— Я бы, конечно, проводил денежную приватизацию без этих всех инвестиционных и залоговых аукционов и конкурсов...

— Залоговые, кстати, тоже были предопределены тем, что Госдума запретила проведение нормальной, денежной приватизации. Во всяком случае, с крупными компаниями.

— Помню. К этому времени мне действительно было уже ясно, что ваучерная приватизация — плохо, директорская — тоже плохо. Это случай, когда нет хорошего решения.

— Я все-таки считаю, что директорская приватизация была бы лучше. Могу объяснить почему. Мы получили бы огромную прослойку, очень активную и влиятельную, которая была бы нашим сторонником, в отличие от ваучерной приватизации, когда мы получили огромную прослойку наших противников и никаких сторонников.

Но я помню, что идеолог чековой приватизации Дима Васильев саму идею переговоров с директуру воспринимал как «в морду плюнуть».

— Да, но если в этот момент мы бы остановили приватизацию, скорее всего, не смогли бы навязать директорам ничего, что бы их сколько-нибудь дисциплинировало.

— Директора бы сами все сделали, без нашего ведома.

— Вряд ли директора были бы нам в тот момент благодарны. Они не были за нас. Это потом, когда концепция изменилась, они приезжали и говорили: «Большое спасибо». А тогда они верили в то, что они — хозяева предприятий. И коллективы тоже были убеждены в том, что хозяевами являются директора. Ты нам какой-то инвестиционный конкурс предлагаешь, да ну его! Тем более что, когда директор пришел бы в Верховный Совет, ему бы сказали: «Ну конечно, ты хозяин, какие могут быть разговоры. Только денег нам на политическую борьбу с Ельциным и Гайдаром дай, и все. Ну, и „для сэбэ трошки“». С ними в это время договориться было нельзя. Нужно было сначала их воспитать, чтобы они поняли, что если им дают 20% за инвестиционный конкурс, то это огромное одолжение. А в 1991 г. директора сказали бы просто, что «и так все наше». Политически мы лишь укрепили бы базу Хасбулатова.

— Это да, конечно. Но и Хасбулатов на этой основе был бы уже не тот Хасбулатов, который так явно вам противостоял.

— Для Хасбулатова реформы были не слишком важны. Он был человеком серьезным. Главным призом для него была полная власть в стране.

— *В этом он мало отличался от Бориса Николаевича.*

— Да. Но у него был стиль другой. Такой восточный, интрижно-аппаратный. Ельцин был, как бульдозер, а тот тонкий интриган. Он рассуждал, кого пустить в загранкомандировку, а кого нет, кому дать купить машину, а кому не дать. Ты вот неправильно голосовал в прошлый раз, теперь я вычеркну тебя из этого списка на квартиру. Я думаю, что он мерил себя по Сталину — тоже такой тихонький, незаметненький, ближайшим сподвижником вождя был в свое время... Опять же трубка...

— *Несколько последних слов. Я хотел задать тебе еще массу вопросов, но: легкий прогноз на ближайшие 10–20 лет?*

— Нынешний этап не очень симпатичен. Сколько он будет длиться, не знаю. Спрос на свободу будет расти. Если цены на энергоносители будут ниже, он будет расти быстрее, если — выше, то медленнее. Раньше или позже неизбежно обострение. Борьба за построение в России демократии будет тяжелой...

— *А ты чувствуешь свою вину или вину команды за то, что мы не смогли избежать такого режима, который даже непонятно, как называть: это и не диктатура, и не демократия, не реставрация, а непонятно что. Скажем так, несоответствие масштаба личностей стоящим перед страной задачам?*

— Вину не чувствую. Боль, горечь — да. Но сказать, что я знаю, как надо было сделать, чтобы этого не случилось, не могу. Что надо было сделать в реальной жизни, такой, какой она была, с реальной страной, ее политической элитой, с другими игроками, с наследием, традициями, проблемами.

— *Многие из людей, которые хорошо к нам относятся, ставят нам в упрек то, что мы не заставили Ельцина принять закон о реституции и закон о запрете на профессии, т.е. люстрации, не провели выборы в Думу в 1991 г.*

— Это было невозможно.

— *Из-за личности Ельцина?*

— Нет, политический расклад этого не позволял.

— *А это обсуждалось?*

— Конечно. Закон о реституции всерьез не обсуждался, запрет КПСС обсуждался, но мы проиграли это дело в Конституционном суде. Пойми, это было двоевластие. У Ельцина при всей его популярности реальная свобода маневра была очень невелика.

— *Но в Восточной Европе провели все же эти законы?*

— Ни в коем случае нельзя объединять слишком много задач. Если ты пытаешься решить три задачи одновременно, то ничего не получится вообще.

— *То есть ты считаешь, что сегодняшний режим был задан с самого начала?*

— Да, конечно. В Восточной Европе было проще. Там всегда можно было найти представителя альтернативной элиты, например, из церкви, который никогда в коммунистической партии не состоял.

— *Но, например, я не был коммунистом.*

— Это правда, но таких, как ты, кто не был коммунистом и при этом был способен на важные, решительные действия, было мало.

— *Я могу тебе перечислить много людей: Михаил Маневич, Михаил Дмитриев, Леня Лимонов¹.*

— Вы все были очень молоды. Мы-то были молодыми, а вы и поздравно. Вы на пять лет нас младше, а по тем временам это было много. Мы были совсем мальчишками. Мне было тридцать пять лет...

— *Давай проскочим сразу несколько логических шагов, и я скажу тебе выводы, и если ты согласен, то мы на этом закончим. Правильно ли я понимаю, что нынешний режим — это плата за бескровность? Потому что, если бы свобода и рынок были выбраны в результате гражданской войны, то с кагэбэшниками и коммунистами не цацкались бы?*

— Да, верно.

— *Но неизвестно, удержится ли нынешний режим в рамках бескровности.*

— Во всяком случае, эта кровь будет не на нас.

¹ Маневич Михаил Владиславович (1961–1997) — вице-губернатор Санкт-Петербурга, убит наемными киллерами; Дмитриев Михаил Эгонович — экономист и государственный деятель, в последние годы руководитель аналитического центра; Лимонов Леонид Эдуардович — экономист, генеральный директор Леонтьевского исследовательского центра в СПб. — Прим. ред.

У российской экономики есть три года

Найти в сегодняшней России эксперта, отношение к которому было бы столь противоречивым, как к этому человеку, пожалуй, невозможно. Одни считают его гениальным экономистом и идеологом новой российской экономики, другие – виновником крушения советской экономической модели и врагом народа. «Утро.ru» представляет вниманию читателей интервью с директором Института экономики переходного периода Егором Гайдаром.

– Егор Тимурович, этот год в некотором смысле юбилейный – 15 лет со времени образования первого правительства новой России. Можно ли считать нынешнюю относительную экономическую и политическую стабильность результатом политики, проводившейся в начале 90-х годов?

– Да. В 1991 г. состояние экономики Советского Союза на официальных совещаниях обычно описывалось словом «катастрофа». Бюджетные расходы в подавляющей части обеспечивались за счет эмиссии, и это приводило к увеличению дефицита товаров. Нефтяная промышленность, которая вместе с газом обеспечивала примерно 60% доходов бюджета в конвертируемой валюте, находилась в состоянии свободного падения. Добыча нефти падала на 54 млн т в год.

Реформы были начаты после банкротства СССР. Они шли не просто. После краха институтов старого режима для создания новых были нужны годы. Требовалось время, чтобы экономика адаптировалась к изменившимся реалиям, к ценам на нефть, упавшим в четыре раза. Нужно было создать рыночную частную экономику с конвертируемой валютой, интегрированную в глобальный мир. В 90-х годах такая экономика была создана. В этом основа динамичного экономического роста последних лет.

Интервью брали Екатерина ТРОФИМОВА, Максим ЛЕГУЕНКО.
Опубликовано в: Утро.ru. 2007. Вып. 103. 13 апреля.

– Тем не менее в настоящее время о Вас говорят все-таки большие в негативном плане. Когда Вы брались за эти реформы, Вы ожидали такой реакции, были к этому готовы?

– Я был в этом уверен. Реформы в России – вообще вещь, за которую редко благодарят, чаще убивают. Реформа в условиях краха предшествующего режима для общества болезненна. Общество не обязано понимать, что боль, которую оно переживает, – неизбежная цена реанимационных мероприятий. У меня был перед глазами опыт моего друга Лешека Бальцеровича, который проводил реформы в более благоприятных условиях. В Польше, где деформации социалистического режима были меньшими, где анестезия от связанной с преобразованиями боли была обеспечена тем, что страна обрела независимость, где католическая церковь призывала поляков потерпеть, потому что это нужно для веры и Отечества. К тому моменту, когда меня назначили вице-премьером, отвечать за динамику реформ в России, я знал, что Бальцерович самый ненавидимый человек в Польше. У меня не было иллюзий, что в России проводить реформы будет легче.

– Некоторые Ваши оппоненты говорят, что нужно было идти другим путем, не нужно было этой «шоковой терапии», даже предлагаю определенные алгоритмы, которыми можно было тогда воспользоваться.

– Боюсь, что эти оппоненты никогда не руководили правительством в условиях отсутствия хотя бы одного надежного полка. Им не приходилось перебрасывать войска в Кабардино-Балкарию во время беспорядков, которые могли повторить чеченский сценарий, не приходилось летать в Осетию и Ингушетию во время военных действий, чтобы их остановить, не приходилось заниматься проблемой судьбы 200 тыс. русских в Таджикистане в условиях гражданской войны. Когда я читаю эти рассуждения, они мне представляются несколько наивными. Если оппоненты будут иметь подобный опыт, с интересом прислушаюсь к их советам.

– Перейдем к современной России. Можно ли ее считать полноправным игроком в мировой экономике или это все-таки в большей степени амбициозный и капризный «сырьевый придаток» развитых стран?

– Россия сейчас динамично развивающаяся страна – девятый год экономического роста, третье место в мире по запасам валютных

резервов. Ничто не предвещает экономической катастрофы на протяжении следующих трех лет. Это поняли все международные инвесторы. Никто не считает серьезными российские риски, если речь идет о предстоящих трех годах. Тем не менее Россия — страна с серьезными проблемами. Она зависит от такого непредсказуемого фактора, как цены на топливно-энергетические ресурсы. Мы здесь не уникальны. Есть развитые государства, зависящие от цен на энергоресурсы. Но это фактор риска. Мы с ним в последнее время справляемся. Политика российских финансовых и денежных властей ответственна. Однако фактор риска, если брать перспективу не на ближайшие три года, не исчезает. Нефтегазовая отрасль — не главный локомотив роста. Она развивается темпами существенно более медленными, чем экономика. Быстро растет все, что связано с высокотехнологичными услугами, отдельными отраслями машиностроения. Россия по-прежнему, как это было и 50, и 150 лет назад, отстает по важнейшим показателям от развитых стран — Франции и Германии — примерно на 50 лет. Гарантий, что это отставание в течение следующих десятилетий мы сможем преодолеть, нет.

— Вы сказали, что ближайшие три года у нас все будет хорошо, т. е. кризисов бояться не стоит?

— По просьбе российских органов власти мы провели анализ рисков, с которыми может столкнуться наша экономика в ближайшие три года, и пришли к выводу, что запас прочности достаточен, чтобы избежать катастрофического развития событий. Это не значит, что Россия не может столкнуться с серьезным кризисом в долгосрочной перспективе. Вот за три года мы ручаемся.

— Насколько оправдано позиционирование России как энергетической сверхдержавы?

— Это ошибка. Темпы роста добычи нефти и газа меньше, чем темпы роста ВВП. Если российская экономика будет расти теми же темпами, как рост нефтедобычи, у нас ВВП будет расти на 2% в год, а не на 6–7%. Нам это надо? По-моему, нет. Разумеется, стратегия России — это уход от нефтегазовой зависимости, диверсификация экономики. Сегодня многие отрасли российской экономики, сталкивающиеся с ограничением по энергетическим ресурсам, готовы платить, с учетом транспортной составляющей, те же деньги, которые платят нам западноевропейские потребители. Удовлетворять их спрос — долгосрочные интересы страны. Ориентация на ресурсо-

емкие отрасли, а не просто на энергоносители — естественный путь развития экономики России.

— Что Вы можете сказать о национальных проектах, насколько целесообразно и оправданно их появление?

— Отношусь к этой идее позитивно. У страны есть стратегические проблемы развития. Не могу сказать, что выбранные в качестве приоритетов сферы, связанные с образованием, здравоохранением, жилищным строительством, к таковым не относятся. Да, были сделаны ошибки в отдельных проектах. Тем не менее факт остается фактом: у нас началось повышение соотношения средней зарплаты в здравоохранении и образовании к средней по стране. Это значит, что проекты работают. Но есть связанные с ними серьезные проблемы. Проекты рассчитаны на два — три года. Но реально государство берет на себя долгосрочные обязательства. Проект оснащения сельских школ компьютерами и подключение их к Интернету — хорошая идея. Но, принимая это решение, надо понимать, речь идет не о двух годах. Компьютерные программы придется обновлять, за Интернет — платить. Главная проблема, связанная с проектами, в том, что никто системно не просчитал их долгосрочные финансовые последствия.

— В последнее время отчетливо видно развитие потребительского рынка в стране, и возникают опасения возникновения кризиса, связанного с кризисом потребительского кредитования, невозвратом кредитов. Что Вы можете сказать об этом?

— Это опасно, но не в краткосрочной перспективе. Не вижу никаких серьезных угроз неуправляемого банковского кризиса, связанного с экспансией потребительского кредитования на протяжении следующих двух — трех лет. Есть две стратегии. Первая: банки, предоставляющие потребительские кредиты, намереваются получить их обратно. Вторая: банки приняли риск невозврата. За это они получают краткосрочные конкурентные преимущества. Они могут не интересоваться кредитными займами, не требовать от клиента объяснения, как он собирается возвращать кредит. На мой взгляд, ЦБ эту проблему видит. Думаю, он сумеет удержать ситуацию под контролем.

— Каковы Ваши оценки принятых мер по ограничению миграции, в частности, по устранению мигрантов из спектра розничной торговли, к чему это приведет?

— Это привело к тому, что рынки опустели, малообеспеченные граждане вынуждены покупать товары дороже. Катастрофических последствий пока нет. То, что вместо того, чтобы решать проблему, мы ее усугубили, на мой взгляд, очевидно всем, в том числе инициаторам этих мер.

— *Почему, на Ваш взгляд, они вообще были приняты?*

— Вы знаете, та или иная мера может быть политически рентабельной. Объяснить, что все проблемы связаны с тем, что «понехали» пришлые, легко и в Париже, и в Амстердаме, и в Москве. Это средство политической борьбы, которое почти всегда приносит краткосрочные успехи. Объективно его использовать для страны вредно. Именно поэтому многие ответственные политики отказываются его применять, как воздерживаются от использования ядерного оружия. Если ты готов использовать идеи ксенофобии, неприязни к иностранцам, радикального национализма — есть шанс, что ты получишь немало голосов. Но, как показывает опыт, весьма вероятно, что плохо кончишь.

— *А как Вы думаете, может быть дан обратный ход этому движению? Лужков, например, не так давно уже выступал и просил каких-то определенных условий для Москвы.*

— В использовании фразеологии радикального национализма возникает одна фундаментальная проблема — как только люди сталкиваются с последствиями такой политики, они им не нравятся. В Югославии 1987–1988 гг. произнести лозунги, связанные с пересмотром границ Сербии, защитой сербов в других республиках, величием Сербии, — надежный путь, чтобы стать президентом. Слободан Милошевич понял, что либо это сделает он, либо кто-то другой. И тогда другой будет сидеть в президентском дворце. На это руководство Хорватии, разумеется, ответило, что ни одной пяди хорватской земли не отдаст, вмешиваться во внутренние дела не позволит. После этого — война. Руководство югославской армии, которое было в тесном контакте с руководством Сербии, сказали: хорошо, воевать, так воевать, дайте нам 250 тыс. сербских резервистов. Милошевич ответил: это политически неправильно, решение будет непопулярным, решайте ваши проблемы сами. Есть фундаментальная разница между тем, как отстаивать национальные интересы, выступая на митинге, получать за этот счет голоса, и тем, как идти воевать или посыпать на войну своих детей.

— *К слову о geopolитике. Почему, на Ваш взгляд, Россия заняла такую позицию в отношении Ирана?*

— Россия проводит конструктивную политику по отношению к иранской ядерной программе, сотрудничая с участниками переговорного процесса. Обвинять Москву в том, что она не прислушивается к мнению других развитых стран, незаинтересованных в появлении у Ирана ядерного оружия, некорректно. Есть вопрос, который мне неоднократно задавали влиятельные политики Запада: почему российское руководство не понимает, что при сегодняшней дальности полета иранских ракет ядерный Иран — угроза не Америке, а России? Ответ прост: российские политики не верят, что Россия будет первым объектом для удара. Это не значит, что ответ не только прост, но и правилен. Никто не гарантирует, что наша страна не будет второй целью для этих ракет.

— *А насколько реально, что Иран все-таки обзаведется ядерным оружием и применим его?*

— Думаю, что реально. Никто не знает, насколько иранская ядерная программа позволит приблизиться к возможности создания эффективного ядерного оружия. Но то, что Иран активно работает над этим проектом, очевидно всем. Когда Иран обретет ядерное оружие, угроза безопасности России, несомненно, увеличится.

Нечастный капитал

Нам все равно придется приватизировать госкомпании, чтобы решить проблему содержания пенсионеров

Было бы серьезной ошибкой считать, что финансовому положению страны ничего не угрожает. Быстрый рост доходов государства породил иллюзию, что теперь можно позволить себе все.

Таков ключевой вывод исследования «Российская экономика в 2006 году. Тенденции и перспективы», вызвавший немалый резонанс в обществе. О главных рисках нынешнего экономического курса в интервью «Российской газете» говорит один из авторов исследования, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, Вы дали достаточно мрачные прогнозы, отмечив, что нам грозит и сокращение притока нефтедолларов. В связи с этим в каком временном диапазоне эти угрозы станут реальностью?

— Финансовое положение нашей страны стабильно. Так полагают все серьезные аналитики. В ближайшие три года не вижу серьезных факторов риска, которые могут поставить под сомнение финансовую и экономическую устойчивость страны. Мы извлекли уроки из краха Советского Союза, поняли, что цены на нефть не предсказуемы, что надо быть готовыми к разным сценариям развития событий на нефтяном рынке. Наши власти поступили более разумно, чем Советский Союз, никогда не копивший валютные резервы. В среднесрочной перспективе, в рамках которой сейчас идет процесс принятия трехлетнего бюджета на 2008–2010 гг., серьезных проблем не вижу. Но есть фундаментальные экономические вопросы, стоящие перед страной. Одна из них — демографические

Интервью брал Игорь ВЕЛЕТМИНСКИЙ.

Опубликовано в: Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 18 апреля.

перемены, связанные с сокращением рождаемости, характерным для индустриального общества. Для нашей страны корень этих проблем был заложен в конце 20-х годов прошлого века, когда в СССР была принята социалистическая стратегия индустриализации. Необычно рано с точки зрения уровня развития женщин позволили работать из домашнего крестьянского хозяйства на фабрики и заводы. Показатели рождаемости начали быстро снижаться. В этом корни фундаментальной проблемы: быстрое сокращение числа работающих, приходящихся на одного пенсионера.

— Означает ли это, что придется идти на давно обсуждаемую и крайне непопулярную меру — увеличение пенсионного возраста?

— Увеличение пенсионного возраста — мера, без сомнения, непопулярная, но она не решает проблему, позволяет лишь отсрочить ее на 3–4 года. Надо понимать, что стратегически есть четыре альтернативы. Первая — отказаться от пенсионной системы. Когда пенсия меньше 15% заработной платы, считайте, что пенсионной системы нет. Вторая — идти на резкое, радикальное повышение налогов, скажем, не на 5%, а вдвое. При этом надо принять предположение, что все их будут платить, сфера теневой экономики не увеличится. Третье — идти на эмиссионное финансирование, т. е. развалить собственную финансовую систему. Есть четвертый путь, тот, который мы предлагаем: ускоренно вводить накопительный элемент пенсионной системы, пока для этого есть сверхдоходы от высоких цен на нефть.

— А вторая фундаментальная проблема связана с нефтяными доходами?

— Нет ничего позорного в том, что Россия зависит от конъюнктуры сырьевых рынков. Норвегия, самая развитая страна в мире, находится в аналогичной ситуации. Это же относится к Австралии и Новой Зеландии. Надо ли стреляться из-за этого? Но сырьевые рынки своеобразны. Цены на сырьевые ресурсы колеблются в большом диапазоне. Цены на нефть в реальном исчислении последние 50 лет колебались в диапазоне 1:10. Что это значит? В стране есть инфраструктура: госпитали, университеты, армия. Представим, что источник доходов сократился в 10 раз. Как объяснить врачам, учителям, офицерам, что деньги кончились? Власти Советского Союза не смогли этого сделать. Государство развалилось.

Мы извлекли некоторые уроки из прошлого, создали Стабилизационный фонд. Идея, изложенная в бюджетном послании президента о дополнении его фондом будущих поколений, — разумна. Но любой демагог расскажет вам за 20 секунд, как глупо вкладывать деньги в высоколиквидные финансовые активы, их надо тратить внутри страны. Если он прав, то трудно понять, почему в Норвегии, у которой приличный бюрократический аппарат, имеющий репутацию некоррумпированного, общество этому аппарату не доверяет вложения денег, направленных на поддержание устойчивости пенсионной системы, в конкретные инвестиционные проекты? Почему Альберта и Аляска, которые имеют репутацию провинции и штата с приличной бюрократией, доверяют ей вкладывать лишь 4% средств в инвестиционные проекты, а остальные средства предпочитают размещать на финансовых рынках? Есть ли у нас основания для уверенности в том, что наша бюрократия некоррумпированна, что именно ей мы должны доверить деньги пенсионеров, их распределение?

Мало того, что нефтяные доходы нестабильны и непредсказуемы. Их доля в ВВП при заданных ценах в долгосрочной перспективе сокращается. Добыча нефти и газа растет медленнее, чем ВВП. По мере экономического развития показатели ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности, и показатели ВВП, рассчитанного по текущему валютному курсу, сближаются. Чем богаче страна, тем этот разрыв меньше. У нас он быстро сокращается. Это значит, что доля доходов от экспорта нефти и газа в ВВП сокращается.

Резервы нефти и газа небесконечны. Власти нашей страны пришли к выводу, что нефтедобыча с 2021 г. начнет сокращаться, добыча газа стабилизируется с 2030 г. Этого уже достаточно, чтобы всерьез обсуждать проблему, связанную с долгосрочной тенденцией снижения доли доходов от нефти и газа в ВВП. Чтобы поддерживать соотношение пенсий и заработной платы хотя бы на нынешнем уровне, нужны крупные дополнительные доходы, по нашим расчетам, от 3 до 4% ВВП. Есть заданная на долгосрочную перспективу тенденция снижения доходов от важнейшего источника доходов бюджета — нефти и газа. То, что мы предлагаем, — это политика, направленная на некатастрофическое решение этой стратегической проблемы.

— Важнейшим ее элементом Вы недавно назвали приватизацию крупнейших компаний.

— Мы предлагаем направить сверхдоходы от добычи нефти и газа на укрепление базы накопительной пенсионной системы. Для этих целей мы считаем разумным использовать доходы от приватизации государственного имущества, в первую очередь имущества государственных корпораций, которые котируются на финансовых рынках. Нужно получить за него максимум возможного и направить вырученные средства на обеспечение устойчивости пенсионной системы. Мы говорим обо всех российских гражданах, включая нынешних пенсионеров. Цена проблемы, по нашим оценкам, примерно 70% ВВП. Мы считали по минимуму, не учитывая землю, леса, недвижимость в городах, а только акции котирующихся на бирже государственных предприятий и стоимость имущества государственных предприятий, сегодня не отражающихся на финансовом рынке, но потенциально ликвидных.

— Допустим, 51% акций «Газпрома».

— Это не значит, что мы предлагаем продать этот пакет немедленно. Есть время, никто не торопит, никто не говорит, что надо это сделать послезавтра. Делайте это на протяжении следующих 20 лет. Есть активы, которыми наше государство распоряжается не самым лучшим образом. Проблему устойчивости пенсионной системы иначе не решить.

— Как Вы относитесь к созданию корпораций с госучастием (авиационная, судостроительная, в сфере ТЭК и т.д.), и насколько этот курс на построение корпоративного государства эффективен и устойчив?

— Ничто в российской истории последних 20 лет не свидетельствует о том, что государство управляет хозяйственной деятельностью лучше, чем частный бизнес. Накануне начала широкомасштабной приватизации нефтяной промышленности на совещании, состоявшемся в одном из российских министерств 16 апреля 1996 г., обсуждался вопрос о том, что делать, когда добыча нефти в России к 2000 г. снизится до 150–180 млн т в год, страна станет нетто-импортером этого ресурса. В то же время дискутировали о том, что делать с населением Нижневартовска после того, как к 2000 г. добыча нефти на Самотлорском месторождении сократится до нуля, куда переселять 200 тыс. жителей города. После приватизации от-

расли эти проблемы решать не пришлось. Главным вопросом стало то, что высокие темпы роста добычи нефти частных компаний могут спровоцировать конфликт с ОПЕК. Не вижу оснований, позволяющих рационально объяснить нынешний курс на ренационализацию российской экономики.

— Но все же Стабфонд, как бы он ни назывался, не должен быть только аналогом Пенсионного фонда.

— В бюджетном послании президента об этом сказано. Стабилизационный фонд — резерв, позволяющий справиться с кризисом типа 1998 г. Это то, что позволяет, если упали цены на нефть, не снижать финансирование больниц, армии, школ. Все, что превышает необходимые для решения этих задач средства, надо использовать на капитализацию накопительной части пенсионной системы.

— Можно возразить, что в Норвегии ВВП на душу населения приближается к 70 тыс. долл., а у нас — в 10 раз меньше. И, значит, надо большие средства направлять на развитие.

— А когда цены на нефть падают в 4 раза, нам к этому адаптироваться легче, чем Норвегии?

— Нам труднее.

— Именно потому, что нам труднее, наш Стабфонд должен быть не меньше, а больше, чем в Норвегии. Если предполагать, что наша государственная бюрократия абсолютно не коррумпирована и идеальна, то можно избрать стратегию инвестирования пенсионных накоплений в конкретные инвестиционные проекты. Примерно такую стратегию избрал в предшествующий период высоких нефтяных цен Советский Союз. Средства были вложены в неэффективные проекты. Я занимался их изучением, знаю, сколько по всему Советскому Союзу стоило неустановленное оборудование, за которое мы платили валютой. Потом, после падения цен на нефть, СССР обанкротился. Имея за плечами этот опыт, отдавать нашему государственному аппарату распоряжение деньгами нашей пенсионной системы я бы не стал.

— Как Вы оцениваете такие инструменты развития, как венчурные компании, банк развития, Инвестфонд?

— Такая практика используется в мире. Иногда она бывает полезной. Будет ли она полезна у нас или все кончится так, как это случилось со скоростной железнодорожной магистралью Москва —

Санкт-Петербург, когда российский бюджет годами расплачивался за непостроенную дорогу, покажет жизнь. Отношусь к этим инструментам с осторожностью. Если мы не хотим новых неприятностей, надо сделать такие фонды максимально прозрачными, а информацию о принимаемых решениях — общедоступной.

— С учетом всех этих проблем и рисков как Вы относитесь к налоговой политике Минфина?

— С налоговой системой не надо шутить. В России в 2000–2002 гг. была проведена глубокая налоговая реформа. В мировом финансовом сообществе она воспринимается как одна из самых успешных во второй половине XX — начале XXI в. Но с ней была связана проблема, понятная с ее начала. Успех порождает проблемы. Мои коллеги в МВФ долго не соглашались признать, что есть связь между введением плоской шкалы подоходного налога и ростом его собираемости. Их аргументы были не лишены здравого смысла. Суть того, что они говорили, в следующем: нельзя, чтобы вошла в моду идея, что можно проводить налоговые реформы исходя из гипотезы, что ты знаешь кривую Лаффера (т. е. связь налоговой ставки и собираемости данного налога).

Когда мы разрабатывали предложения по налоговой реформе, рост собираемости в расчеты не закладывали. На деле он был. Это повысило устойчивость российских финансов. Но нельзя, планируя налоговые реформы, исходить из того, что это тебе гарантировано. После снижения налоговых ставок, принесшего казне дополнительные доходы, идея, что можно, снижая налоги, повышать доходы, становится слишком соблазнительной. Я не против снижения налогов. Просто знаю экономическую и финансовую историю, понимаю, что если хочешь иметь низкие налоги, надо быть готовым принимать меры по ограничению государственных расходов.

— Но глава Минфина Алексей Кудрин заявил, что после 2008 г. он может рассматривать снижение налоговых ставок.

— Алексей Леонидович — мудрый человек. Когда он говорит, что может рассматривать такие предложения, это значит, что с этого времени он готов их рассмотреть.

— Какова вероятность того, что власть начнет двигаться в сторону реализации выдвинутой Вами макроэкономической стратегии?

— Думаю, что в долгосрочной перспективе она велика. От проблемы соотношения пенсии и заработной платы никуда не деть-

ся. Она будет лишь обостряться. Это может проявиться через год, два, пять лет. Чем позже такое решение будет принято, тем дороже это будет стоить стране. Не вижу, как можно решить эту проблему иначе.

Продолжение эпохи

Егор Гайдар: «Крах институтов старого режима — страшное испытание, длившееся пару дней, а вот создание новых занимает десятилетия. Борис Николаевич столкнулся именно с такой ситуацией, как до него Робеспьер и Кромвель. И он справился с ней».

Закончилась ли со смертью Бориса Ельцина эпоха в российской истории, которую теперь принято называть его именем? На эту тему в интервью «Итогам» размышляет ближайший соратник первого президента России и его соавтор по «первому изданию» либеральных реформ, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, сведите дебет с кредитом эпохи Бориса Ельцина.

— Когда Борис Николаевич получил «на руки» Россию, добыча нефти в год сократилась на 54 млн т, ВВП — на 12%. Зерна по минимуму было необходимо 53 млн т. В наличии его было 22 млн. Валютные резервы страны были исчерпаны. Он «сдал» страну с растущей экономикой (6,3% в год), увеличивающейся добычей нефти, с созданными, хотя и несовершенными, рыночными институтами и валютными резервами, которые в 2000 раз превышали те, которые он получил. Это экономическое сальдо его пребывания у власти.

— А политическое?

— Ему удалось избежать гражданской войны по сценарию Югославии. Были проблемы, ошибки, даже трагические, но до крайности не дошло. Если бы мы высказали претензии на восточную Украину, северный Казахстан, Крым, это бы закончилось кровавой бойней в ядерной стране. Он хотел построить в России работающую демократию. Не стремился к пожизненной власти для себя и своих детей. Он верил, что свобода и демократия в России воз-

Интервью брала Светлана СУХОВА.
Опубликовано в: Итоги. 2007. № 18. 30 апреля.

можны. Это была непростая задача. В последние годы он тяжело воспринимал то, что происходит со свободой слова, правами человека и демократией в нашей стране.

— *Можно сказать, что эпоха Ельцина продолжается?*

— Россия — страна с рыночной экономикой, частной собственностью, интегрированная в глобальный мир. У нынешних властей есть желание перераспределить собственность. Но нет ни одной политической силы, которая бы провозгласила лозунг отмены частной собственности, рынка, возврата к социалистической экономике. Россия при всех ее нынешних проблемах — не СССР. Есть свобода въезда и выезда, в Интернете можно писать и читать все, что угодно. В Советском Союзе каждый ксерокс стоял на контроле у КГБ. Мы находимся в периоде постреволюционной стабилизации. У него есть своя логика.

— *И в чем она?*

— Революция — тяжелый период для общества. Крах институтов старого режима проходит на протяжении пары-тройки дней. Создание новых институтов занимает десятилетия. Борис Николаевич столкнулся с теми же проблемами, как до него Робеспьер и Кромвель. Он с ними справился, шел на компромиссы. Это непросто — договариваться с не самыми приятными людьми. Но альтернатива — потоки крови.

— *Сегодняшняя власть, похоже, считает компромиссы проявлениями слабости.*

— Она родилась из беспорядка революции. После него всегда возникает тяга общества к порядку. Так было во Франции, в Англии, в России... Вы думаете, Ленин был слабым человеком? Он был сильным и жестоким политиком, готовым пролить столько крови, сколько потребуется. Но налоги собрать не мог. Робеспьер был готов рубить немало голов, но казна была пуста. После революции приходят Карл II, Наполеон, Бурбоны. Они приносят стабильность. Но все быстро забывается — и плохое, и хорошее. Революционное плохое стирается из памяти, а новая власть — здесь и сейчас. Она не всем нравится.

Говорят, что в России нет традиции демократии. А в Китае она есть? Знаю китайскую политическую элиту — она, будучи грамотной бюрократией, понимает, что никуда не деться от демократизации. От того, как они справятся с этим, зависит, что будет происхо-

дить в стране на протяжении следующей четверти века. Российская элита и общество должны этот факт осознать. Что другого выхода, кроме возврата к функционирующей демократии, нет. Думаю, что это произойдет. Не сейчас, так через 10–15 лет.

— *Одно из достижений ельцинской эпохи — сильная команда экономистов. Сегодня они при деле?*

— Бывают времена, когда эта команда востребована. Бывает и по-другому. При нынешней конъюнктуре цен на нефть, вернее второе. По ключевым вопросам экономической политики с нами советуются. Это не означает, что кто-то обязательно проводит в жизнь наши советы. Мы включены в процесс обсуждения экономической политики. Решения принимает власть.

— *Борис Николаевич не планировал вернуться в большую политику?*

— Он не думал об этом.

— *А насколько он после отставки мог влиять на происходящее в стране?*

— В ограниченной степени. Он передал власть преемнику. Его позиция была: пока ты у власти, делаешь то, что обязан, ушел — не вмешивайся. Борис Николаевич не хотел власти по образцу Туркменбashi. Для этого Россия — слишком развитая страна. Не знаю, как Владимир Путин решит подобную проблему. Моя гипотеза — он не захочет менять действующую Конституцию.

— *Одно из порождений ельцинской эпохи — олигархический капитализм, который здравствует и сегодня...*

— Ушел из правительства в январе 1994 г. Мне не нравилось то, что происходит в стране. Не имею отношения к залоговым аукционам. Именно поэтому считаю себя вправе сказать об их результатах. Перед ними в правительстве России обсуждали вопрос, что делать, когда добыча нефти упадет до 150 млн т, когда придется не экспортировать, а импортировать нефть. Что при этом делать с двухсоттысячным населением Нижневартовска? Нефтяную отрасль приватизировали. Добыча нефти стала расти такими темпами, что через три года главной проблемой было то, как избежать ценовой войны с ОПЕК, риски которой возросли с ростом производства нефти в России. Эта проблема была острой до «дела ЮКОСа». После него темпы роста нефтедобычи упали.

Мне не нравится, как была проведена приватизация. Но нет ни одной постсоциалистической страны, в которой общество

было бы довольно тем, как был проведен этот процесс. То, что делает распределение собственности легитимным в глазах общества — традиция. После краха социализма ей неоткуда взяться. В Америке к тому, что Рокфеллеры богаты, все привыкли. За этим стоят десятилетия. К нашим олигархам общество не привыкло. Но когда начинают ворошить тему собственности, это плохо сканывается на экономическом росте. В Украине Юлия Тимошенко открыла ящик Пандоры. Темпы роста экономики резко снизились. Янукович закрыл этот ящик. Экономический рост восстановился. Как только власть начинает перераспределять собственность, в экономике возникают проблемы.

— Еще одно из наследий эпохи Ельцина — Чечня.

— Не хочу говорить об ошибках Бориса Николаевича. Он признал, что Чечня была ошибкой. Я организовывал первые митинги в Москве против этой войны. Знаю генерал-полковника Эдуарда Воробьева. Ему хотели поручить командование первой чеченской операцией. Это квалифицированный военный. Он сказал, что войска, с такой организацией и подготовкой, вводить в Чечню нельзя, это авантюра. Попросил два месяца на подготовку. Ему ответили, что о двух месяцах и речи быть не может. Он подал в отставку, сказав, что так не воюют. Случилось то, что он предсказывал. Б. Ельцин не снял с себя ответственности за неправильное решение. Хотя он не один должен был ее нести. Было немало энергичных идиотов, которые подталкивали к этому решению, доказывая, что нам нужна маленькая победоносная война.

— Вы можете сказать, что во внешней политике нынешняя власть сохраняет преемственность ельцинскому курсу?

— В большой степени да. Меньше — в отношении к постсоветским странам. Этот крен выпрямляется. Хорошо, что власти моей страны извлекают уроки из собственных ошибок. Стrатегически курс внешней политики похож на тот, который проводился в 1990-х годах. Но проводить политику тогда, когда ты получил в наследство банкротство страны и тебе критически важны кредиты МВФ, и сегодня, когда после стабилизации экономического положения валютные резервы превышают 330 млрд долл., — разная работа. Но надо отдать должное нынешним властям. Поток нефте-долларов не привел к тому, чтобы они утратили понимание того, что соответствует интересам России в мире.

«Он не хотел насилия, но только он не был слабаком»

— Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, а как Вы познакомились с Борисом Николаевичем?

— По слухам я его знаю с самого начала 80-х. Лично мы познакомились в середине октября 1991 г., когда он пригласил меня для того, чтобы обсудить со мной как с руководителем одного из экономических институтов экономическую ситуацию в России и то, что можно и необходимо сделать для того, чтобы избежать катастрофы.

— Как Вы думаете, Вы ему нравились? Он же совершенно другой человек.

— Вы знаете, мы были абсолютно разные люди, абсолютно. Он — великий политик, харизматик, с прекрасным умением, навыком разговора с российским обществом. Я — человек, который всю жизнь привык сидеть за письменным столом, читать книги и писать книги. Но почему-то у нас сложились очень хорошие рабочие отношения. И мы с ним, на мой взгляд, очень хорошо работали.

— А что такое «рабочие отношения»? Как это было? У Вас есть проблема, нужен указ, постановление — Вы звоните Коржакову и говорите: «Александр Васильевич! Мне надо к Ельцину». Так? Как это было?

— Да упаси Бог! Я вообще с трудом представлял себе, кто такой Коржаков. Я звоню Борису Николаевичу Ельцину и говорю, что есть такая-то проблема, которую надо решить: «Мы можем обсудить это по телефону? Я могу к Вам подъехать, как Вам удобнее?».

— А были ли какие-то вещи, на которые он не соглашался никогда? Вы хотели, условно говоря, реформу электроэнергетики. А он говорит: «Ни за что!».

Интервью брала Ольга РОМАНОВА.

Опубликовано в: The New Times. 2007. № 12. 30 апреля.

— Вы знаете, Вы будете, может, даже смеяться... Учитывая то, что я либерал и всегда буду либералом, защитником свобод, приведу пример. Есть вещи, на которые он никогда не соглашался, хотя я ему это предлагал. Мне масса людей очень уважаемых, включая и моего отца, говорили: «Ну что же вы делаете? Почему вы не наладите пропаганду? Почему вы не наладите службу, которая будет объяснять, почему то, что вы делаете, правильно, что это нужно для России?». В какой-то момент под влиянием всей этой агитации, которая шла от людей, еще раз повторяю, мною крайне уважаемых, я пришел к Борису Николаевичу с тем, что действительно, наверное, надо создать какую-то службу, которая будет заниматься пропагандой и объяснением того, что мы делаем. Знаете, что мне сказал Борис Николаевич? Он мне сказал: «Егор Тимурович, Вы хотите воссоздать отдел пропаганды ЦК КПСС? Пока я президент, этого не будет».

— *А скажите, пожалуйста, как он менялся?*

— Был безумный перелом — осень 1993 г. Он не хотел насилия, он очень не хотел. Он понимал, что такое Россия, что такое революция. Не надо ждать от него, чтобы он был профессиональным историком или профессиональным экономистом, но что такое эта страна и насколько она сложная, он вообще-то понимал лучше многих. Очень не хотел насилия, пытался его избежать. В общем, по большому счету, избежал. Полномасштабной гражданской войны, типа той, которая началась в 1917–1918 гг., он не допустил. Но в полном объеме не допустить насилия, видимо, в это время было невозможно, хотя он очень этого хотел. Эти десять болванок, выпущенных по 10-му этажу Белого дома, и два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили, для него тем не менее были тяжелой травмой. Для меня есть два Бориса Николаевича Ельцина. К обоим я отношусь с уважением. Один — это Борис Николаевич Ельцин до 3–4 октября. И другой — после 3–4 октября. И если бы Борис Николаевич Ельцин 3–4-го не сделал того, что он сделал, я бы считал, что он предал, например, меня и всех, кто разделяет мои убеждения. Потому что после того, как тебя народ избрал президентом, после того, как ты спросил народ: «Кому вы доверяете — мне или Верховному Совету?» — и народ сказал: «Тебе доверяем, а Верховному Совету нет», — и если после всего этого он взял бы и отдал Макашову власть, я бы сказал: «Зачем нам второй Керенский?

У нас уже один был в XX в.». Мы кровью тогда напились из-за того, что он... да, он был прекрасный оратор, он хотел хорошего, не хотел насилия, но он просто слабак был. А Ельцин тоже был прекрасный оратор, он тоже хотел хорошего, не хотел насилия, но только он не был слабаком. И я очень рад тому, что он оказался в это критическое время нашим президентом.

— *Скажите, пожалуйста, а Вы не ревновали его к Чубайсу? Все-таки «во всем виноват Чубайс», а не Гайдар.*

— Ну что вы! С Анатолием Борисовичем поначалу у него отношения были на расстоянии вытянутой руки. Он, в общем, к нему относился просто холодно, не то чтобы плохо, но холодно. Он знал, что он достойный и волевой, но какой-то не свой. Только с течением времени он понял, кто такой Анатолий Борисович, что за ним стоит, что он может сделать. Это произошло даже не тогда, когда он у него работал первым вице-премьером по экономике и проводил денежную стабилизацию (после этого стали говорить, что «во всем виноват Чубайс»), а во времена избирательной кампании 1996 г., когда к нему пришли люди, которые ему постоянно рассказывали, какое Чубайс несовершенное существо, и сказали, что если Чубайс за это не возьмется, то они не понимают, как можно выиграть выборы. Он выиграл выборы. И, конечно, с того времени его отношение к Анатолию Борисовичу изменилось.

— *А кто эти люди? Скажете?*

— В их числе были такие люди, как Борис Абрамович Березовский, Юрий Михайлович Лужков, Гусинский. Вся эта странная команда людей, от Березовского до Лужкова, она пришла к Ельцину — пришла или позвонила — и сказала, что, в общем, если не назначить Чубайса, то шансов выиграть выборы нет.

— *Лужков и поддерживал, и предавал, и продавал, и опять предавал, и опять поддерживал... Как Борис Николаевич к этому относился?*

— Он же реалист. Юрий Михайлович, который традиционно направлял ему молочка парного от своей коровки, в какой-то момент, когда решил, что больше Борис Николаевич не будет начальником, сказал: «У коровки как-то молочко пропало сразу». Я не помню, говорил ли он это на камеру, но мне лично точно говорил.

— *А Вы давно общались с Ельциным в последний раз?*

— Вы знаете, наверное, последний раз я был у него по его приглашению примерно год назад. Я не могу сказать точно, то ли это

было 10 месяцев назад, то ли 11, думаю, что это было прошлой весной.

— *А он Вас приглашал поговорить?*

— Поговорить.

— *О жизни, об экономике?*

— *О жизни, об экономике.*

— *А Вы что-то можете рассказать? Что его интересовало?*

— Боюсь, что нет. Потому что я не могу с ним согласовать...

Я могу сказать в максимально осторожных выражениях: он не хотел включаться после отставки в публичную политику. Но его очень беспокоило многое из того, что происходит в российской политике, не экономической, экономическая его сильно не волновала, потому что там все, в общем, достаточно правильно. Его интересовало все, что связано со свободой слова и средствами массовой информации. Это то, что его по-настоящему интересовало.

— *А он не обижался на судьбу?*

— При нем нефть была 8 долл. за баррель, а не 80. Если обижался, то никогда мне об этом не говорил.

— *Чеченская кампания. Ельцин же понимал, что это выгодно и генералам, и многим в Москве, в том числе и бонзам... Вы же тоже, наверное, это видели?*

— Я был категорическим противником первой чеченской войны. Первый раз в моей жизни Борис Николаевич со мной не связался по телефону, когда я ему звонил, а звонил я перед началом чеченской войны, потому что он знал, что я буду пытаться доказать ему, что не надо, по крайней мере сейчас, начинать никаких военных действий в Чечне. Не то, чтобы я категорический противник того, что в Чечне должен быть какой-то элементарный порядок, такой или сякой, я просто пытался объяснить ему, что то, что ему сейчас предлагают, прошу прощения, клинические идиоты...

— *А кто ему это предлагал?*

— Ну, один из них покойник. О покойниках у нас либо хорошо, либо ничего, но тем не менее в данном случае я, пожалуй, сделаю исключение. Был такой вице-премьер Егоров.

— *Казак из Кубани, Краснодар?*

— Совершенно верно.

— *Он даже был главой администрации.*

— Вы понимаете... Да ладно. Пренебрегу я приличиями, извиняюсь заранее перед родственниками. Понимаете, когда человек является клиническим идиотом, желательно, чтобы он при этом был труслив, а если он клинический идиот и при этом храбрый клинический идиот, это особенно опасно. Потому что он все время искренне говорил: «Да я возьму на себя ответственность. Все ясно, что надо делать. Надо делать то-то», ничего не понимая в происходящем. Помните, может быть, был такой тоже интересный человек Олег Лобов, он был тогда секретарем Совета безопасности. У него было замечательное выступление, публичное причем, где его спрашивали, а не опасается ли он, что в Чечне будет партизанская война, на что он сказал, будучи поразительно умным человеком...

— *Он действительно был умным?*

— Поразительно, я бы сказал, «умным». Он сказал, что никакой партизанской войны в Чечне мы не допустим и вообще партизанская война не в традициях чеченцев. Видимо, полагал, что в традициях чеченцев окопная война. А о том, что происходило 50 лет на Кавказе в прошлом веке, что описывали Лермонтов и Лев Николаевич Толстой, ну, он был, видимо, не совсем осведомлен. Тогда эти два умных человека убедили руководство страны. И в чем нельзя упрекнуть Грачева, так вот в этом. Да, он сказал глупость про два десантных полка, которыми он за два часа возьмет Грозный. Ну сказал глупость — бывает. Но он был против, что в его пользу. Он был против, он пытался объяснить, что этого сейчас не надо делать, так быстро, по крайней мере. А эти два умника тогда убедили президента в том, что нужна маленькая победоносная война. Он потом, конечно, десять раз проклял это решение. Он за него каялся дважды — в 1996 и 1999 гг. Дело было не в том, надо наводить порядок в Чечне или нет. Нужно было думать, когда, какими методами и как к этому готовиться, если ты хочешь это сделать. Эдуард Воробьев — тогда первый заместитель командующего сухопутными войсками, очень квалифицированный, один из лучших российских генералов, много раз доказывавший это в действии, — когда его послали руководить чеченской операцией, по прибытии в войска, разобравшись в том, как обстоят дела, сказал начальству, что нужно по меньшей мере два месяца на подготовку операции, сбор информации, слаживание войск, собранных по взводу неизвестно откуда. Ему сказали: «Нет. Какие два месяца? Послезавтра».

Он ответил: «На мой взгляд, так не воюют». И подал рапорт об отставке. Потом выяснилось, что действительно — так не воюют. Это была ошибка. Даже не знаю, зачем я об этом сейчас стал говорить... Мне сегодня, честно говоря, не хочется говорить об ошибках Ельцина.

— *О залоговых аукционах. Это было ошибкой?*

— Знаете, я не имел отношения к залоговым аукционам. Мне не нравится, как они были проведены. Скажу одну вещь, которую важно понимать. Перед залоговыми аукционами в правительстве обсуждался вопрос о том, что мы будем делать, когда — а это неизбежно по тенденции — Россия перестанет быть экспортером нефти и станет ее импортером. Это планировалось на 2000 г. Тогда же обсуждался вопрос о том, что делать с Нижневартовском, когда добыча нефти на Самотлоре остановится в 2000 г. Что делать с двухсоттысячным населением города? Вот когда мы приватизировали нефтяную отрасль, в том числе с помощью залоговых аукционов, у нас возникла другая проблема: что делать с таким быстрым ростом добычи нефти, создающим проблемы, скажем, в переговорах с ОПЕК, которая говорит нам: «Почему же вы так быстро наращиваете свою долю на рынке?». Вот это про залоговый аукцион. Еще раз подчеркиваю, мне не нравится, как были проведены залоговые аукционы. Но результатом их стало то, что мы от экономики, в которой нефтедобыча стремительными темпами падала, почти сразу перешли в экономику, где нефтедобыча стремительными темпами растет. Вплоть до дела «Юганскнефтегаза», до «ЮКОСа». После того, как мы решили ренационализировать часть нефтяной отрасли, проблема с ОПЕК исчезла, потому что нефтедобыча упала. Именно с того момента, как мы решили, что лучше ренационализировать часть нефтяной отрасли.

— *А Чечня? Не отдал ли Путин большие Кадырову-младшему, чем просил у Ельцина Дудаев?*

— Не знаю. Я в чеченские дела старался по возможности не лезть. Я считал, что это политическое дело и там переговорщиков от России должно быть как можно меньше. Если там будет много переговорщиков от России, то это глупо. Я влезал в чеченские дела, по существу, один раз. Это было осенью 1992 г. Когда началась ингушско-осетинская война, мне пришлось туда перебрасывать войска, и тогда мне было важно добиться того, чтобы урегули-

рование ингушско-осетинского конфликта не переросло в войну с Чечней. А я был убежден, что в это время России не нужна война на Северном Кавказе. Урегулирование ингушско-осетинского кризиса — это одна штука, полномасштабная война с Чечней — это другая штука. И тогда я действительно туда прилетел. Мы в Назрани проводили переговоры с чеченским правительством, договаривались о границах размежевания так, чтобы от ингушско-осетинского конфликта мы не перешли к полномасштабной чеченской войне. Кстати, они не хотели этого. И тогда удалось договориться. В какой-то степени те полномочия, которые мы сегодня реально дали нынешним чеченским властям, превышают то, о чем хотел договориться Дудаев.

— *Скажите, Егор Тимурович, эпоха Ельцина закончилась вчера¹ или 31 декабря 1999 г.?*

— Думаю, что все-таки 31 декабря 1999 г., после этого у нас другой президент, вокруг него другие люди. Да, был элемент преемственности. Да, многое из того, что сделано нынешним президентом, было выработано при Ельцине, но все-таки это другой президент, и вокруг него другие люди, это другая политика.

— *Как Вы думаете, эпоха Ельцина, которую, в общем-то, принято ругать...*

— Да, конечно. Это чистая правда.

— ...она будет героизирована, например, как Гражданская война?

— Без сомнения. Через 25 лет, я практически убежден, Ельцин в российской истории будет одной из самых светлых фигур.

— *А рядом с ним кто будет?*

— Ну, например, Столыпин.

¹ Б. Ельцин умер 23 апреля 2007 г. — Прим. ред.

Будущее начинается сегодня

Давно у России не было такого прочного положения в финансовой сфере. Но надолго ли нам хватит накопленного запаса? И что случится в недалеком будущем, если мы своевременно не предпримем необходимые меры? Об этом размышляет директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

ДОГНАЛИ ЕВРОПУ

— Егор Тимурович, все вроде у нас просто замечательно, везде растем, укрепляемся. А Вы бываете тревогу. В чем же причина Вашего беспокойства?

— Когда наша команда пришла к власти, то валютные резервы страны составляли 4 млн 130 тыс. 953 долл. 11 центов. Сейчас, когда они равны 300 млрд долл. ситуация более благополучна. Можно подумать, что нашим финансам ничто не угрожает. Это ошибка. Сегодня мы сталкиваемся с вызовом, стоявшим перед Западной Европой в 1950–1973 гг., во многом определившим ключевые финансовые проблемы наиболее развитых стран сегодняшнего мира.

Этот вызов — быстрый рост государственных доходов. Темпы экономического роста в Западной Европе после завершения Второй мировой войны были аномально высокими по историческим нормам. Это позволяло вводить новые налоги с широкой базой. Именно в это время получает распространение налог на добавленную стоимость, появляются аналоги нашего единого социального налога. Темпы роста государственных доходов в реальном исчислении становятся слишком высокими. Во Франции, где раньше всего был введен НДС, в 1950–1973 гг. темпы роста реальных доходов бюджета составляли 8,4% в год. На этом фоне кажется, что

Интервью брал Владимир ГУРВИЧ.

Опубликовано в: Аналитический банковский журнал. 2007. № 4. Апрель.

можно было реализовать любые расходные программы. Именно в это время принимаются социальные обязательства, которые на протяжении последних двадцати лет обернутся головной болью для правительства западноевропейских стран.

В консервативном XIX в. министр финансов, который предложил бы увеличить государственные расходы и не объяснил, за счет повышения каких налогов он собирается это профинансируировать, не имел бы шансов сохранить свой пост. Даже во время беспрецедентного роста доходов 1950–1960 гг. это правило действовало. Ситуация изменилась на рубеже 1970–1980 гг., когда возник острый финансовый кризис, связанный с социальными обязательствами, принятыми в период беспрецедентного роста доходов бюджета. Политические обязательства сокращать трудно. Но и профинансируовать за счет увеличения налоговых ставок нелегко.

— Вы считаете, что такая опасность может возникнуть и у нас?

— Когда в начале 2000 г. формировали экономическую программу нового президента, страна выходила из периода постсоциалистической рецессии, усугубленной кризисом Юго-Восточной Азии и дефолтом 1998 г. Всем было понятно, что финансовые ресурсы страны ограничены. Сейчас многие забыли, что в 2000–2001 гг. ключевой проблемой считали пик долговых обязательств 2003 г.

На этом фоне возник консенсус по поводу проведения осторожной финансовой политики. Идея, что такая политика — предпосылка обеспечения стабильности политического режима, в то время была доминирующей. В последние годы значительное влияние оказывают три фактора: восстановительный экономический рост, успехи налоговой реформы 2000–2002 гг., затем с 2004 г. скачок цен на нефть, значительно увеличивший налоговые поступления. Мы получаем темпы роста налоговых доходов, которых не видела даже Западная Европа в 1950–1970 гг., — примерно 13% в год в реальном исчислении за последние 7 лет.

Министерство финансов сделало все, чтобы на фоне роста доходов удержать текущие расходы бюджета, не допустить их роста темпами, которые бы превышали рост ВВП. Созданный в 2003 г. Стабилизационный фонд помог решению этой задачи. Но долго проводить политику сдерживания роста расходов, когда доходы бюджета растут столь быстро, непросто.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ И ДАЛЬШЕ

— Выходит, мы вот-вот сорвемся в финансовый штопор?

— Министерство финансов удержит госрасходы на приемлемом уровне на протяжении 2007–2009 гг. Но жизнь не кончается тремя последующими годами. К 2005–2007 гг. стало ясно, что запас прочности в проведении консервативной финансовой политики (а в XIX в. важнейшим принципом финансового консерватизма правительства считалось правило не брать обязательств, за которые предстоит платить преемникам) у российского правительства исчерпан.

Конечно, можно принять программу материнского капитала. За нее в течение финансовой трехлетки платить не надо. Но начиная с 2010 г. государственные обязательства станут реальными. Можно профинансировать строительство скоростной магистрали Москва–Санкт-Петербург. Расчетов, посвященных цене ее эксплуатации, я не видел. Можно принять двухлетнюю программу создания животноводческих комплексов за счет льготных кредитов (на 8 лет), две трети процентов по которым покрывает государственный бюджет. Кто будет покрывать разницу в ставках в течение оставшихся шести лет?

— Но без долгосрочных проектов ни одна страна не может обойтись. И в дореволюционной России, и в СССР было немало примеров успешной реализации таких «долгоиграющих» программ. В чем же, по-Вашему, особенность нынешнего этапа?

— Действуют два фактора, серьезные для нашей страны. Первый — это демография, снижение числа работающих, приходящихся на одного пенсионера. На это накладывается низкий пенсионный возраст. Изменять его никто не собирается. Это задает тенденцию снижения коэффициента замещения, т. е. соотношения средней пенсии к средней заработной плате на долгосрочную перспективу. У нас привычный коэффициент замещения составлял примерно 30–35%. В 2005 г. он был равен 27%. По инерционным прогнозам он снизится до 20% в 2015 и до 16% в 2020 гг.

Сегодня всех волнует соотношение средней пенсии и прожиточного минимума. Это проблема, которую рост ВВП позволяет решать. Но значимость коэффициента замещения в социальной политике — не выдумка чиновников из МОТ. Это реальность. Когда

в XIX — XX вв. формировались пенсионные системы, в их основе лежало представление о том, что уровень жизни пенсионера должен быть сопоставим с тем, который был для него привычным в трудоспособном возрасте. Изменить подобные установления без социальных катализмов мало кому удавалось.

Второй фактор не менее неприятный. Большая часть доходов нашего бюджета зависит от нефти и газа. Они нестабильны. Прогнозировать их толком никто не умеет. Недавно МВФ понизил прогноз цен на нефть на 2007 г. на 20 долл. В отставку никто не ушел. Все понимают непредсказуемость этого параметра.

У нас от нефти и газа зависит более трети доходов бюджета. По просьбе властей моделировали сценарии развития событий, связанного со снижением нефтяных цен. Пришли к выводу, что до 2009 г. накопленные резервы позволяют избежать кризиса, напоминающего 1998 г. Но жизнь не кончается в 2009 г. А нефтяные доходы имеют еще одну неприятную особенность, на которую справедливо обратило внимание Министерство финансов, — при неизменных ценах их доля в ВВП сокращается.

— С чем это связано?

— С рядом факторов. Первый заключается в том, что добыча нефти растет в России заметно медленнее, чем ВВП (на 2% и 6–7% в год).

Второй — по мере экономического роста ВВП, рассчитанный в паритетах покупательной способности, постепенно приближается к ВВП, рассчитанному по текущим курсам валют. Это значит, что доля экспортной выручки в ВВП, пересчитанная в паритетах покупательной способности, сокращается.

Третий фактор. В стране растет спрос на энергоносители. Возможности поддерживать долю экспорта на том же уровне, на котором она находится сейчас, сокращаются. В какой степени выпадающие нефтедоллары можно будет заместить внутренними налогами — сказать трудно. Прогнозы того, что нефть и газ кончатся, делались многократно, и нередко они оказывались неточными. Но то, что крупнейшие месторождения вступают в период падающей добычи, — это реальность, с которой сталкиваются многие страны. Наши власти исходят из того, что добыча нефти будет сокращаться с начала 2020-х годов, а добыча газа стабилизируется с начала 2030-х.

СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОНД ДОЛЖЕН БЫТЬ РАВЕН ВВП

— Что же, таким образом, у нас получается?

— В долгосрочной перспективе расходные обязательства бюджета, связанные со старением населения, увеличиваются. Доходные источники сокращаются. Это стратегическая финансовая проблема страны. Что делать?

Мы в 2004 г. создали Стабилизационный фонд, причем своевременно, накануне скачка цен на нефть. Это инструмент, обеспечивающий финансовую стабильность.

Россия не единственная страна, зависящая от конъюнктуры рынка углеводородов. Норвегия — самая развитая страна мира согласно индексу человеческого развития ООН, оценивающему качество жизни, — находится в сходном положении. Поверить, что власти этой страны на протяжении многих лет проводили безответственную, противоречащую национальным интересам политику, трудно. В России Стабилизационный фонд по состоянию на 1 февраля 2007 г. составляет 9,9% ВВП. В Норвегии, где Стабилизационный фонд начал наполняться в 1996 г., его размеры составляют 100% ВВП.

Норвежской политической эlite было непросто обеспечить такую финансовую политику. Разговоры о том, что норвежское правительство зря накапливает средства в Стабилизационном фонде, — неотъемлемый элемент экономико-политических дискуссий в Норвегии последнего десятилетия. Тем не менее элита договорилась, что, когда стареющее население, трудности с обеспечением устойчивости пенсионной системы, перспективы снижения доходов от углеводородов — реальность, есть смысл накопить финансовые резервы. Норвежский нефтяной фонд трансформировали в пенсионный фонд, аккумулированные средства направили на то, чтобы решить ключевую проблему двойного платежа при пенсионных реформах.

— Что это за проблема?

— При переходе к накопительной пенсионной системе одно и то же поколение вынуждено платить дважды. Один раз — за пенсии нынешним пенсионерам, второй — за пенсию, которую они будут получать сами. Норвежский пенсионный фонд позволил решить этот вопрос. Средства из нефтяной копилки, равные 100%

ВВП, размещены в надежные и ликвидные мировые финансовые активы. Они позволяют получить доходы, равные примерно 4% ВВП. Это сумма, которая нужна для того, чтобы пенсионная система в Норвегии была устойчиво обеспечена ресурсами. Примерно те же 4% ВВП нужны и нам, чтобы сохранить коэффициент замещения на уровне 2005 г.

— Если мы достигнем этой цели, что за этим должно последовать?

— Первое следствие — трансформация Стабилизационного фонда в фонд будущих поколений, пополнение на этой основе накопительной части пенсионной системы. Она должна распространяться не только на охваченные ею возрастные группы, но и на все население, включая пенсионеров. Речь идет о средствах, которые обеспечивают устойчивость системы на 30–40 лет вперед. Это первая линия обороны.

Никто не может гарантировать, что высокие цены на нефть сохранятся надолго. Увеличить финансовые резервы с нынешних 10% ВВП по меньшей мере до 70% ВВП, для обеспечения устойчивости пенсионной системы, необходимо. Для этого у нас есть ресурс — государственное имущество. Приватизацию в середине 1990-х годов в России проводили в условиях экономического кризиса. На этом фоне надеяться выручить за российскую собственность крупные денежные ресурсы было нереально.

Помню историю приватизации «Нижневартовскнефтегаза», с убийствами и ОМОНом. Обсуждался вопрос, сколько могла бы в этих условиях заплатить за эту компанию одна из крупнейших нефтяных компаний мира. Получили ответ — нисколько, мы бы отказались, даже если бы вы нам приплатили. Нам не нужно, чтобы наших менеджеров убивали, их семьи брали в заложники. Сегодня ситуация изменилась, страна финансово стабильна, ее кредитный рейтинг растет. Это изменило представление участников рынка о капитализации российских компаний.

В последнее время были предприняты шаги, направленные на увеличение доли государства в экономике. Сказать, что они помогли ее развитию, трудно. Задолженность предприятий нефтегазового сектора, находящихся в государственной собственности, примерно в 20 раз превосходит задолженность по внешним обязательствам частных компаний. Привести аргументы в пользу того,

что государственная собственность — гарантия роста производства, финансовой устойчивости, трудно. Тем не менее на фоне динамичного экономического роста государственная собственность стала привлекательной. По существующим оценкам, только стоимость акций государственных компаний, котирующихся на рынке, составляет примерно 35% ВВП. Эти деньги пригодятся для обеспечения устойчивой пенсионной системы.

— *Итак, что в итоге Вы предлагаете?*

— Первое — трансформировать Стабилизационный фонд сверх лимита средств, который уже накоплен, в фонд будущих поколений; направить его на капитализацию накопительной части пенсионной системы, распространив ее на все население. Второе — для тех же целей использовать доходы от медленной, неспешной, ориентированной на наилучшую конъюнктуру приватизации государственных активов.

Борис Березовский: революционер или провокатор?

— *Некоторое время назад в Интернете появилось письмо Джорджу Соросу, подписанное фамилией Гайдар, в котором подробно говорилось о Борисе Березовском. Вы категорически отказались это комментировать. Почему?*

— Не комментирую то, что связано с моей личной перепиской. Не комментирую и то, что за мою личную переписку выдают.

— *Я задала этот вопрос не потому, что люблю читать чужие письма. Причина в другом. Борис Березовский, на мой взгляд, та фигура, которая в сегодняшней политической ситуации играет особую роль. Вам так не кажется?*

— Вы имеете в виду его последние высказывания о финансировании оппозиции?

— *В том числе.*

— Они вредят делу демократии.

— *Зато идут на пользу проклинаемому Березовским антинародному режиму. Не странно?*

— Не верю в то, что он действует по указанию Кремля.

— *И верите в то, что он искренне Кремль не любит?*

— Думаю, так и есть. И по понятным мне соображениям. Я их не разделяю, но понимаю. Борис Абрамович считает, что эту власть создал он. А люди, которых он привел в Кремль, ответили ему неблагодарностью. Знаю в технических деталях, как он комментировал действия нынешних властей по отношению к себе. У него позиция такая: если вы со мной поступаете так, то я вас урою.

— *Не понимаю.*

— Что именно?

Интервью брала Людмила ТЕЛЕНЬ.
Опубликовано в: Izbrannoe.ru. 2007. 15 июля.

— Если его позиция такова, если он, как считают многие, эффективный политик...

— Я так считаю...

— Тогда почему в результате все его действия не вредят власти, а, наоборот, укрепляют ее?

— Он человек яркий, талантливый, погруженный в российскую политическую жизнь, способный изобретать неожиданные комбинации. При этом абсолютно не отягощенный моральными соображениями. Но Березовский — человек нервического склада. Вы помните, как он выходил из Лондонского суда в маске Путина? Адекватные люди так себя не ведут. С нервическими случается.

— Так или иначе, именно Березовский со всем комплексом своих морально-политических особенностей раскалывает сегодня тех, кто называет себя демократической оппозицией. Одни говорят: с этим человеком нельзя иметь дело и деньги у него брать нельзя. Другие не соглашаются и берут.

— Согласен с первыми.

— Впрочем, говорят, что денег он, в конце концов, не дает. Такое удивительное умение портить людей деньгами, не давая их.

— Это правда.

— Вам не кажется, что «проблему Березовского» российским интеллигентам пора обсудить прямо и публично?

— У меня есть позиция относительно Бориса Абрамовича Березовского. Вместе с тем я не люблю рассуждать о том, о чем у меня нет доказательств. Не могу себе позволить быть голословным.

— Но можно ведь обсуждать то, что уже стало фактом политической жизни, проблему в открытой ее части.

— В той части, в которой она открыта, она банальна.

— Усилиями власти, Березовского и своими собственными оппозиция стремительно деградирует. Как Вы оцениваете ее перспективы?

— Краткосрочные перспективы плохие. Долгосрочные — нормальные. В России грамотное урбанизированное общество с уровнем ВВП на душу населения примерно 10 тыс. долл. Такие общества нельзя надолго изолировать от демократии.

— А как долго получится? Год, пять, десять, пятьдесят лет?

— Можно вспомнить о том, что в России после Новгорода и Пскова не было демократических традиций. А на Тайване они были? Но когда Тайвань получил примерно те же параметры жизни, как

в сегодняшней России, выяснилось, что режим, который был слеплен со сталинского образца нашими советниками, с той же системой тайной полиции, с готовностью применять сколько угодно насилия, рухнул. У нас все будет нормально. Понадобится время? Да. Потребуется борьба, возможно, жертвы? Дай Бог, чтобы обошлось без них. Но в том, что в России максимум через 15 лет будет демократия, убежден.

— В ожидании демократии мы будем вынуждены участвовать в операции «преемник». И что будем делать — уговаривать себя, что приходится делать выбор в пользу меньшего зла?

— Не знаю. Надо посмотреть, как будет складываться ситуация. Одно дело быть «хромой уткой» в Вашингтоне, другое дело — в Москве. Поэтому наш глава государства, если я правильно его понимаю, будет до последнего момента давать противоречивые сигналы о своих намерениях. Он будет делать это сознательно и грамотно. Поэтому обсуждать сейчас ту ситуацию, которая сложится, когда ему придется обозначить свою позицию, не хочу.

— Но в определенной части меню возможностей уже известно. Нам предстоят не выборы, а третий срок или процедура назначения преемника.

— Такова ситуация. Девять лет экономика растет, цены на нефть высокие, почти как у Брежнева, доходы бюджета растут в среднем на 13% в год. Реальная заработная плата увеличивается на 9% и больше в год. В такой ситуации президент может быть непопулярен?

— Если только кто-то не договорится с ценами на нефть...

— Это маловероятно. Их прогнозировать не удается. Так что давайте исходить из того, что жизнь так устроена. В этой ситуации от президента будет зависеть, как пойдет политический процесс.

— Как он пойдет, в общем ясно.

— Вы знаете, кто будет преемником? Или знаете, что президент Путин останется на третий срок? Я не знаю. Очень люблю обсуждать темы, которые знаю, — например, темпы укрепления реального курса рубля. А про действия властей в 2008 г. не знаю.

— Так уж совсем ничего? Разве не очевидно, что следующим президентом России будет Владимир Владимирович Путин, даже если его будут звать Дмитрием Анатольевичем Медведевым?

— На том экономическом фоне, о котором я говорил, скорее всего, так и будет.

— Что в таком случае делать оппозиции, в целом, и Союзу правых сил, в частности?

— Демонстрировать факт существования на политической сцене. В режимах, подобных нынешнему, сам факт присутствия в открытой публичной политике сил, которые готовы отстаивать позицию, не совпадающую с действиями властей, немаловажен. Вспомним Советский Союз образца 1985 г. Представьте, Вам бы сказали, что в Верховном Совете Советского Союза может быть оппозиционная фракция, которая защищает идеалы свободы, прав человека, рыночную экономику и нормальные отношения с Западом. Уверен, вы сказали бы: это чушь, которую нечего обсуждать. А в сегодняшней России это реально.

— У нас даже реальны три-четыре-пять единых кандидата от оппозиции. Вы оцениваете кого-либо из них как политическую силу? Скажем, Михаила Касьянова?

— Михаил Михайлович Касьянов был хорошим премьером. Может быть, самым удачным за последние годы. Спокойный, грамотный, выдержаный. Он почти не делал ошибок в экономике. Он смелый человек. Ему объясняли прямо и подробно, почему ему не надо идти в политику. Он пошел. Это вызывает уважение.

— Вы уверены, что это было его самостоятельным решением?

— Я это знаю. Он оказался решительным человеком. Но есть проблема. Роли премьера и публичного политика, особенно оппозиционного, разные. То, что нормально и органично для премьера, ненормально и неорганично для оппозиционного политика. Он, думаю, недооценил проблемы своей адаптации к другой роли, позволил своим оппонентам несколькими простыми приемами вытеснить себя на чужое поле. Его поле — это примерно то, на котором в свое время играл Виктор Ющенко. Это — политик, который в конфликте с властями, но органично вписан в элиту. Касьянову не дали ее сыграть. Ему срывали встречи с людьми, захлопывали перед ним двери институтов, где он должен был выступать перед студентами, провоцировали. В результате вытолкнули на улицу. А это не его роль. Но я не думаю, что все потеряно, он умный и храбрый человек, посмотрим.

— Недавно Александр Гольфарб опубликовал на сайте Границы статью, прямо адресованную вам. Он, в частности, говорит, что Вы, Егор Гайдар, как и другие российские интеллигенты, подсознатель-

но обеляете власть, иначе вам, как приличному человеку, придется — цитирую — «пойти и утопиться». Есть резон в этих словах?

— Я не приписываю власти достоинства, которых у нее нет. Но хочу, чтобы мы трезво оценивали ситуацию и не дали себя провоцировать. Вот, скажите, зачем во время «марша несогласных» лупить дубинками старушек на глазах изумленной публики?

— Чтобы напугать.

— А может быть, чтобы спровоцировать?

— В смысле?

— В том смысле, что в рядах тех же «несогласных» много честных и порядочных людей, по преимуществу молодых и горячих. Что происходит в их головах, когда они наблюдают все это? Помоему, их подталкивают к радикальному ответу, вплоть до левого террора. Ну а когда в стране возникает угроза террора, то, согласитесь, у власти развязаны руки.

«У МОИХ АМЕРИКАНСКИХ КОЛЛЕГ БЛЕДНЕЮТ ЛИЦА И ОТВИСАЮТ ЧЕЛЮСТИ»

— В отношениях между Россией и Западом сейчас тяжелый период. Кто в этом виноват и что делать?

— Когда к рычагам управления пришел президент Ельцин, Россия была банкротом. Добыча нефти падала на 54 млн т в год, не было запасов зерна, позволяющих дождаться следующего урожая. Лейтмотив переписки советского правительства в последние два-три года существования СССР — оценка ситуации как катастрофической, обсуждение того, как получить политически мотивированные иностранные кредиты. Это задавало фон внешней политики.

Мы провели реформы, создали рыночную экономику — не слишком эффективную, но работающую, интегрировали Россию в глобальный мир. После этого российская экономика начала динамично расти. В последние 9 лет темпы экономического роста были высокими. Проблема внешнего долга ушла, у нас третью в мире золотовалютные резервы. Главная забота денежных властей — то, что они растут слишком быстро. Это задает иной фон отношений между Россией и иностранными государствами. Приходится адаптироваться к другой реальности, чем та, которая была в период банкротства Советского Союза. И мы, и мир понимаем, что это не повод для начала холодной войны. Нужно сформировать нормальные, корректные отношения.

Мы урбанизированное, грамотное общество с ВВП по паритету покупательной способности больше 10 тыс. долл. на душу населения. Разберемся со своими проблемами, построим работающую демократию. Когда я разговариваю с американскими коллегами, пытаюсь им объяснить (и, кажется, иногда мне это удается): рассказывать нам, что Россия должна быть демократической страной по-

Интервью брали Александр КИЯТКИН, Андрей ЛИТВИНОВ.
Опубликовано в: SmartMoney. 2007. № 26.16 июля.

тому, что так считают американцы, — это худшее, что можно сделать для поддержки демократии в России.

— Насколько, как Вам кажется, у западной элиты адекватное представление о происходящем в России?

— Скорее адекватное. Прагматичное. Большинство тех, кто причастен к процессу принятия решений, понимает, что изоляция России не в их интересах.

— Что мешает Западу приспособиться к новому фону наших отношений?

— Мы делаем ошибки. Российское общество, например, не оценило в полной мере, какой ущерб нашим национальным интересам нанесли бесцеремонные действия российских властей во время президентских выборов на Украине осенью 2004 г. Мы вели себя как слон в посудной лавке, не понимая, какие последствия это будет иметь.

Сейчас Россия ведет себя более корректно и деликатно. Но это не значит, что нанесенный ущерб можно просто списать. В международном сообществе, как и в экономике, существует инерция.

— Иными словами, проблема в том, что российская политическая элита впала в состояние, близкое к эйфории.

— Да. Но надо понять, что перед российской политической элитой стоят серьезные вызовы. Например, это антиамериканизм. Антиамериканских настроений в середине 1990-х годов почти не было. По крайней мере, это относилось к образованной молодежи. Я объяснял американским друзьям, близким к процессу принятия решений, что последствием бомбардировок Сербии в связи с косовским конфликтом станет рост антиамериканских настроений в России. К сожалению, оказался прав. Они просто не понимали этих последствий.

Нужно знать, во что мы играем. Есть две страны, способные уничтожить мир. Они называются Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация. Это не шутка. Я пытался объяснить американцам, что их действия приведут к тому, что начнется волна антиамериканизма среди образованной молодежи России. Такие настроения были и раньше, но в основном в малых городах, в деревне, среди малообразованных, но не в Высшей школе экономики и не в Московском государственном университете. А теперь антиамериканизм и здесь. Развитие событий в Ираке способство-

вало укоренению таких настроений. Российские власти вынуждены с этим считаться. В этом смысле мы не отличаемся от Франции. Там антиамериканские чувства распространены не меньше, чем в России.

При всех претензиях к конкретной политике того или иного президента Соединенных Штатов считаю, что антиамериканские чувства ничуть не лучше, чем антисемитские, антисоветские, античеченские. Это признак душевного нездоровья. Но действующие политики должны мириться с тем, что такая реальность существует. Если хочешь заниматься публичной политикой, для тебя важно, в какой степени играть на этом поле. Элита ни во Франции, ни в России (она в достаточной степени разумна) не хочет конфронтации с Соединенными Штатами. Она понимает, что такая позиция вредна и для мира, и для собственной страны. А дальше приходится искать точку баланса. С политической точки зрения она должна учитывать антиамериканские настроения, с точки зрения пользы своих стран — избегать конфликтов. Не во французских же интересах начинать холодную войну с Америкой, точно так же как и не в российских.

— То есть Вы настаиваете на том, что российская элита приспособливается, а не разжигает такие настроения?

— Вы думаете, элита не хочет посыпать своих детей в Кембридж или Гарвард? Вы думаете, они не понимают, что иметь нормальные отношения с Европой или Штатами — в наших интересах?

— Но элита стран, где совсем далеко до демократии, тоже имеет возможность посыпать своих детей.

— Еще раз подчеркиваю: будем мы демократией или не будем — наше дело. Это никто нам навязать не может. Если вы думаете, что американцы нам навязали демократию в том виде, в котором она возникла в 1990–1991 гг., то это неправда. Мы сами выбрали этот путь. Мы построим демократическое общество в России сами и уж точно без указаний со стороны. И китайцы у себя построят. Так устроена взаимосвязь между уровнем развития и политическими институтами. Другое дело, что нам надо в рамках процесса постреволюционной реабилитации не впасть в истерику, не начать обижаться на всех в мире, не отдаваться соблазну эксплуатации постимперского синдрома.

— Вы считаете, что мы еще не поддались этому соблазну?

— Это угроза. Ошибка властей веймарской Германии была в том, что они из прагматичных соображений (у них были тяжелые переговоры с победившими союзниками по вопросу о репарациях) не хотели говорить правды о том, что происходило перед началом Первой мировой войны и во время нее. Отсюда легенда о Германии, никогда не начинавшей войну, никогда ее не проигрывавшей, о том, что евреи и социалисты предали армию. Знаете, когда были преданы гласности документы, которые свидетельствуют о том, что это чушь? В 1950–1960-х годах.

— Вы к удивлению многих активно критикуете американские планы разместить элементы противоракетной обороны в Восточной Европе.

— Я этой темой занимаюсь, стараюсь объяснить и Европе, и Штатам, как это все смотрится с российской стороны.

— Кому Вы пытаешьесь это объяснить?

— Людям, которые интегрированы в процесс принятия решений. Большего я сказать не могу.

— Но в отличие от ситуации в Косово эта проблема, кажется, мало волнует нашего обывателя.

— Наши обыватели, западные обыватели, даже дипломаты высокого ранга не в курсе многих технических деталей. Я был премьер-министром ядерной державы, знаю, как принимаются решения. Пытаюсь объяснить это моим американским друзьям, которые понимают, что меня можно во многом заподозрить, но не в антиамериканизме.

— Но в последние 15 лет американцы ни разу не меняли свои планы для того, чтобы сохранить диалог с Россией.

— Это правда. И это опасная проблема. Я и пытаюсь объяснить на технологическом уровне последствия того, что они делают. Когда на уровне технологии я объясняю это людям осведомленным и включенным в процесс принятия решений, у моих американских коллег бледнеют лица и отвисают челюсти. Я не шучу.

— Что же такое Вы им говорите?

— Я говорю о том, как подлетное время ракеты влияет на механизм принятия решений. Какие системы вооружений предлагается использовать, о новых разработках в этой сфере. Не могу дальше углубляться в эту тему.

— И никаких политических аспектов?

— Да какие политические... Мне важно, кто будет принимать решения. Часть американских политиков не понимает, насколько опасно то, что они делают. У меня нет и в мыслях, что американцы могут нанести удар по центрам управления ядерными вооружениями России. Ни на секунду этого не допускаю. Но я понимаю, как все это смотрится из российского Генерального штаба. Не потому, что те, кто там работает, неумные, а потому, что у них своя профессия, они так должны думать. Вам платят за одно, мне за другое, а им за третье.

— *Согласившись на российские инициативы, американцы нанесут удар по честолюбию Польши и Чехии.*

— Плевать на честолюбие, когда речь идет о существовании человечества! Плохо, что это мало кто понимает. Боюсь, что понимает несколько человек в мире.

— *После Ваших разъяснений понимание растет?*

— Резко. Хотя я не волшебник. То, что я с кем-то поговорю, не влияет сразу на официальную позицию. Но это становится темой для обсуждения. Например, комитет по международным отношениям Конгресса Соединенных Штатов заблокировал выделение денег на законопроект о финансировании баз ПРО в Чехии и Польше.

— *Развитие российской экономики будет способствовать сближению с Западом или отдалению?*

— Европа и Китай, исходя из того, как устроена мировая торговля, будут оставаться важными партнерами России. Европа будет самым важным в ближайшие 20 лет. Доля Китая будет постепенно расти.

— *Но некоторые экономические инициативы российских властей противоречат интересам Запада.*

— Это длинная история. Где-то мы делаем ошибки, где-то — Запад. Позицию Европы по торговым переговорам я бы не идеализировал. Там решения принимаются не клубом либеральных экономистов, а сообществом профессиональных лоббистов. У нас то же самое. Но надо договариваться, искать пути для приемлемого компромисса.

Разбогатеют ли россияне?

Экономисты и статистики уверяют, что в стране все налаживается.

Однако руководитель Института экономики переходного периода, профессор Егор Гайдар предупреждает, что самоуспокоенность власти, желание расслабиться могут привести к серьезным ошибкам.

ДО НОРМАЛЬНЫХ ПЕНСИЙ — 50 ЛЕТ

— Егор Тимурович, недавно была озвучена идея раздать средства государственного Пенсионного фонда управляющим компаниям (УК). Значит, накопления всех, кто не пожелал переводить свои деньги в негосударственные пенсионные фонды из-за боязни их потерять, теперь принудительно подвергнут риску. Неужели это единственный выход из пенсионного кризиса?

— Некоторые считают неправильным поведение «молчунов». Ведь доходность в негосударственных пенсионных фондах (НПФ), куда перешли 5% россиян, больше, чем в государственном Пенсионном фонде. Но значит ли это, что оставшиеся 95% — обычные лентяи, не пожелавшие написать заявление о переходе из одного фонда в другой? Конечно, нет. Просто на протяжении века Россия пережила четыре финансовые катастрофы. Поэтому люди боятся, что к тому времени, когда они станут пенсионерами, этих НПФ не будет. Принудительно передавать пенсионные накопления в УК неправильно. И идея софинансирования — на вашу тысячу рублей правительство дает свою тысячу рублей — проблему не решит. Вопрос повышения пенсий надо решать более серьезными мерами. Например, схема может быть такой: накопили в Стабфонде достаточно средств, чтобы избежать кризиса в случае резкого падения

Интервью брала Виктория НИКИТИНА.
Опубликовано в: Аргументы и факты. 2007. № 31.1 августа.

цен на нефть, а дальше нефтегазовые доходы плюс доходы от приватизации (а наша госсобственность стоит немало) уже могут идти на решение пенсионных проблем. Но государству нужно научиться правильно инвестировать деньги от нефтегазовых доходов. Норвежцы, к примеру, инвестируют удачно, вкладывая в экономику различных стран. Но даже им не удалось избежать потерь от вложения в акции «ЮКОСа».

Заботиться об уровне жизни нужно именно сегодня, пока цены на нефть высокие, потому что нужны большие деньги: намного больше, чем даже увеличенные в новом российском бюджете военные расходы. Когда люди спрашивают, почему деньги выделяют не на решение проблем пенсионеров, а на нанотехнологии, которые простые граждане на хлеб не обменяют? Я отвечаю, что считаю это неправильным.

ГЛАВНОЕ — БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ

— Люди не понимают еще и то, почему при нехватке денег на собственные нужды мы прощаем внешние долги?

— Прощаем тем, кто их не отдаст. Это долги, которые давал СССР тем, кто их заведомо не вернет. Сейчас мы осторожны в предоставлении внешних кредитов. Это не значит, что все деньги бюджета мы тратим разумно. И как налогоплательщику мне это не нравится.

— Судя по тому, что налоговики заставляют платить налог даже тех, кто сдает свою квартиру в аренду, в стране большая проблема с собираемостью налогов. Конечно, олигархи как уходили от этой неприятной процедуры, так и будут уходить. А чего ждать простым гражданам? Увеличения налогового бремени?

— Если хотите узнать мою точку зрения, думаю, негативного развития сценария удастся избежать.

— Опубликовали данные по средней зарплате россиян — 500 долл. в месяц. Кому нужна такая бравада? Подобную зарплату могут себе позволить далеко не все регионы, да и цены растут быстрее зарплаты, поэтому покупательная способность народа не увеличивается.

— Как бы ни хотелось себя пожалеть и пожаловаться, но в этом вопросе статистика права. Реальные зарплата и доход последние 9 лет растут примерно на 10% в год. Это не значит, что люди ста-

ли жить хорошо, что исчезла пропасть между богатыми и бедными. Но это значит, что сейчас чуть лучше, чем в 1998 г. Нет оснований полагать, что положительная тенденция не продолжится.

— Думаю, что читателей «АиФ» интересуют три вопроса. Когда мы начнем жить, как в Америке?

— Если все будет нормально, то через 50 лет.

— Будем ли мы жить завтра лучше, чем сегодня?

— Будем.

— Есть ли риск экономической катастрофы?

— В ближайшие три года — нет.

— А в долгосрочной перспективе?

— Если будем делать глупости, например, если крупные госкомпании будут продолжать брать кредиты, а мы не будем инвестировать деньги от нефтяных доходов в создание накопительной части пенсионной системы, то кризис возможен.

До 2011 года системных кризисов не просматривается?

О реформах 1990-х годов, об участии в них ученых-экономистов, о современном состоянии экономической науки и образования, а также о Высшей школе экономики в интервью Экспертному каналу рассказал один из создателей Вышки и, пожалуй, самый известный российский реформатор в новейшей истории, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар

— Егор Тимурович, стало уже традицией на всевозможных экономических дискуссиях, семинарах и круглых столах вспоминать реформы 1990-х годов. Сейчас, когда государство все больше доминирует в экономике, экономисты вновь и вновь пытаются анализировать итоги деятельности «гайдаровского правительства», выносить оценки. Высказываются полярные мнения: кто-то считает те реформы чуть ли не преступлением, кто-то, напротив, говорит, что практически делалось правильно и нынешним благополучием мы обязаны именно тому, что было реализовано в тот период. Вы были одним из авторов и идеологов тех реформ. Как Вы оцениваете их сегодня?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо сказать несколько слов об исходной точке реформ 1990-х годов. Что ложилось мне на стол, когда я возглавлял финансово-экономический блок правительства? Ложились стопкой письма. Первое — письмо Внешэкономбанка о том, что страна является банкротом, что валютные резервы равны нулю и мы не способны обслуживать внешний долг. Второе — письмо Минтопэнерго о том, что в текущем году добыча нефти упадет на 54 млн т и если ничего не предпринять, то в следующем году она упадет более чем на 60 млн т, а вскоре Россия станет нетто-импортером нефти. Третье — письмо из комитета по хлебопро-

Интервью брал Дмитрий ЕВРОПИН.
Опубликовано на сайте Экспертного портала Высшей школы экономики орес.ру. 2007.
24 сентября. http://www.opec.ru/point_doc.asp?d_no=6440

дуктам (в прошлом это так называемый Минзаг — Министерство заготовок) о том, что резервы зерна по стране будут исчерпаны в самом лучшем случае к началу февраля. Четвертое, пятое, шестое — письма из ключевых российских городов с населением свыше 1 млн человек о том, что запасов зерна у них хватит не больше чем на 5 дней и если ничего радикального не предпринять, то через 5 дней поставка хлеба населению и комбикормов животноводческому комплексу будет приостановлена. Я это рассказываю просто для того, чтобы был понятен контекст. Плюс к этому информация о том, что не понятно, кто контролирует ядерные силы, расположенные на территории постсоветского пространства, в четырех государствах — в России, Белоруссии, Украине и Казахстане. Информация о том, что украинское руководство решило переподчинить себе ядерные силы, что президент Кравчук уже собрал руководителей трех военных округов, дислоцированных на Украине, и объяснил им, что теперь он является их главнокомандующим. И т. д. ...

Какие реформы?! О каких реформах вообще в такой ситуации можно говорить?! Реформы в нормально организованном государстве — это когда вы решили, что что-то вас не устраивает, что-то надо изменить, чтобы в будущем было лучше. А в ситуации, подобной той, которую я вкратце описал, никакие реформы не проводятся. Проводятся реанимационные мероприятия, призванные обеспечить отсутствие гражданской войны, ядерной катастрофы и голода. Вот это, собственно, мы и делали.

— В те годы в разработке политики принимали активное участие ученые-экономисты.

— Это правда.

— Насколько велика была их роль?

— Экономическая политика в очень большой степени зависела от тех решений, которые принимали я и мои коллеги, например, нынешний председатель Банка России Сергей Игнатьев и многие другие. Но мы не обладали полной свободой действий, потому что, с одной стороны, было рухнувшее государство, а с другой — молодая, юная, несовершенная демократия. И никто нам не говорил: «Делайте, что хотите!». Мы были вынуждены действовать в рамках политических возможностей.

— А справедливы ли обвинения в адрес ученых-экономистов, что это они были недостаточно профессиональны и наделали много глупостей, которые обернулись бедой для народа?

— В какой-то степени это правда, в какой-то — нет. Правда — потому что можно прочитать сколько угодно правильных книжек по экономическим дисциплинам, но если ты никогда в жизни не управлял рыночной экономикой, то ты все равно недостаточно понимаешь, как и что надо делать. Для этого нужен опыт. А откуда возьмется опыт, если 75 лет не было рыночной экономики? Поэтому, конечно, не только вся экономическая элита, но и все общество было крайне слабо приспособлено к восприятию рыночной экономики и управлению ею. Сегодня любая пенсионерка по многим вопросам экономической политики гораздо более компетентна, чем руководство советского Госбанка в 1991 г., потому что она знает, что такое форвард, фьючерс и т. д. Да-да, я не шучу! Далеко не всегда такое можно было сказать про представителей советской финансово-денежной власти. Та команда, которая пришла в 1991 г., была по тем временам, как мне кажется, наиболее профессиональной из тех, которые существовали в стране. И экономической катастрофы удалось избежать. Сегодня, конечно, имея за спиной 17 лет опыта жизни в рыночной экономике, мы (я говорю о команде) сделали бы многое по-другому, это ясно.

— А варягов тогда привлекали?

— Очень ограниченно. Все сведения о привлечении варягов сильно преувеличены. Да, привлекали для обсуждения, для дискуссий. Это было полезно, среди них были люди, прекрасно знающие рыночную экономику. Но мы никогда не перекладывали на варягов тяжесть ответственности за принимаемые решения, мы всегда их принимали сами. Но советоваться, конечно, было необходимо.

— Сейчас уровень научной экономической дискуссии гораздо выше, чем тогда. В ней активное участие принимают иностранные специалисты, люди с мировыми именами. Однако создается впечатление, что степень влияния научного сообщества на проводимую политику существенно уменьшилась. Почему так происходит?

— Мы просто стали частью мирового экономического сообщества. Этого не было в 1990 г. У кого-то имелись какие-то связи, что-то мы вместе обсуждали, но, конечно, мы еще были изолированы. Сейчас мы стали органичной частью мирового экономиче-

ского сообщества, мы все вместе принимаем участие в конференциях в Москве, Женеве, Лондоне, Ханое, Токио, профессионально мы абсолютно едины. Скажем, конференции нашего института, конференции Высшей школы экономики — это мероприятия, где собираются весьма влиятельные экономисты и из России, и со всего мира, им это интересно, и нам это интересно.

А используются ли результаты научной дискуссии властью — это зависит от многих факторов. Очень по-разному это бывает. Например, это зависит от такого фактора, как цены на нефть. Чем выше цены на нефть, тем меньше власть нуждается в работе ученых, чем ниже цены на нефть, тем эта потребность выше. В современных условиях все просто и понятно, власти не нужно думать, все и так хорошо.

— Высшей школе экономики исполняется 15 лет, она практически ровесница новой России. Расскажите, с чего начиналась Вышка, чем была вызвана потребность в ее появлении?

— Это был хороший проект, было ясно, что нам нужно новое качество экономического образования, что стратегически это во многом влияет на перспективы развития страны, что это влияние скажется не сегодня и не завтра, а лет через 10. Так оно и получилось. Высшая школа экономики приблизительно с 1995 г. начала готовить кадры, которые оказались востребованными, они стали существенным элементом в обеспечении устойчивого экономического роста России.

— А почему нельзя было создать новое экономическое образование на базе экономического факультета или, например, на базе иного профильного вуза?

— Потому что образовательное сообщество консервативно. Если у вас есть дурные традиции, то их очень трудно сломать. Поэтому иногда лучше создать новый институт, который в дальнейшем будет задавать стандарты, которые начнут осваивать и старые консервативные вузы.

В консерватизме в образовании ничего плохого нет, это даже хорошо, когда образование консервативно. Но когда консервативное образовательное учреждение начинает понимать, что сохранить себя в том виде, в котором оно существовало до сих пор, нельзя, то хорошо, если у него есть стандарты, на которые оно может ориентироваться.

— Удалось ли Вам в полной мере реализовать то, что задумывалось при создании Вышки?

— Конечно, хотелось бы лучше, хотелось бы большей интеграции образовательного и исследовательского процессов. Но если говорить всерьез, то пока лучше ни у кого не получилось. Есть, конечно, определенные эксклюзивные образовательные проекты в России, в том числе тот, который мы вместе с Вышкой, Новой экономической школой (или Российской экономической школой) и Физтехом реализуем. Но это эксклюзив, это десятки, а не сотни специалистов. Если же брать массовое образование уровня бакалавриата, то, конечно, Вышка лучшая.

— Какие инициативы, проекты Вышки Вам запомнились, понравились, какие из них Вы считаете наиболее успешными?

— Мне кажется, что наиболее удачным проектом стала сама идея качественного экономического образования в России. Это большой прорыв. И надо заметить, что это удалось сделать. Я не могу сказать, что это — идеальное экономическое образование. Я вообще не могу сказать, что где-нибудь в России есть образец идеального экономического образования. Но экономическое образование отражает ту проблему, которая возникала в экономической науке на протяжении последнего полувека. Есть определенный разрыв между теорией и экономико-политической практикой. Здесь мы не уникальны, эта проблема есть и в Америке, и в Европе, и у нас. Вышка отражает общие проблемы мировой экономической науки, это чистая правда. Мне кажется, что многие ключевые сотрудники Высшей школы экономики понимают эту проблему и пытаются что-то делать, чтобы решать ее. Это не так просто, это не удалось сделать в Гарварде, не удалось сделать в Беркли, но вся экономическая элита это понимает.

— А Вы видите роль Вышки только как образовательного учреждения?

— Дело в том, что образовательное учреждение в сфере экономики очень похоже на образовательное учреждение в сфере медицины. Если оно не имеет сильных клинических, практических компонентов, то оно не может быть эффективным. Для того чтобы нормально учить медицине и нормально учить экономике, ты должен заниматься клинической практикой. Если ты не включен всерьез в экономико-политический процесс, ты непрофессионален.

— Приходится ли Вам работать с выпускниками Высшей школы экономики? Какова ваша оценка их качеств? Это однородный продукт, или все индивидуально?

— Они неоднородны. Вообще надо сказать, что экономика — это, конечно, наука, но при этом и искусство, искусство понимания того, что на самом деле происходит. И в связи с этим, конечно, выпускники неоднородны. В экономике бессмысленно готовить стандартных ремесленников — ничего не получится. Соответственно и в профессиональных качествах есть огромный разброс. Им читают одни и те же курсы, но из кого-то выходят толковые ремесленники, а из кого-то — настоящие специалисты.

— Егор Тимурович, часто можно слышать мнение, что в России нет независимого экспертного сообщества. Аналитические организации ангажированы и несвободны, эксперты связаны ограничениями, которые накладывают их места работы. В связи с этим возникает идея, что центрами кристаллизации независимого экономического анализа, ничем не ограниченного научного процесса должны стать университеты. В последние годы Вышка демонстрирует, что это вполне возможно. А Вы что думаете по этому поводу?

— Я не согласен, что у нас нет независимых аналитических организаций. Например, наш институт (Институт экономики переходного периода) — независимая и авторитетная экспертная площадка, созданная, кстати, еще тогда, когда существовал Советский Союз.

Я очень рад успехам Вышки и считаю, что в целом это очень правильно, чтобы именно образовательные учреждения были одновременно и ключевыми экспертными центрами, но в любом случае для этого требуется время. До сих пор у нас была другая традиция: очень сильное разграничение между образованием и экспертным сообществом. Вышка делает просто гигантские шаги для того, чтобы это разделение было ликвидировано. Но если говорить откровенно, то ИЭПП, конечно, гораздо влиятельнее.

— Вся Москва сейчас увешана лозунгом единороссов «План Путина — победа России!». Правда, не очень понятно, что это такое, но многие экономисты говорят, что проводимый курс может привести к кризису. Оправданы ли такие настроения?

— На этот вопрос можно ответить коротко. Наши финансовые власти просили нас подробно проанализировать риски для россий-

ской экономики на следующие три года. Мы старались быть максимально пессимистичными в рамках мало-мальски реалистичных сценариев. И мы не нашли серьезных рисков.

Есть риск падения темпов экономического роста. Но разве это риск? Он не имеет принципиального значения. Кризиса типа 1998 г. до 2011 г. никак не просматривается при любых реалистичных сценариях. Это не значит, что нет более долгосрочных рисков, они есть, я о них писал в одной из своих статей. Но краткосрочных рисков нет.

— *Даже в случае мирового кризиса?*

— Кризисы масштаба Великой депрессии прогнозировать вообще никто не умеет. Если мы обсуждаем кризисы в Юго-Восточной Азии, Мексике, Турции или Аргентине, то все равно представить себе сценарий, в рамках которого ситуации в этих странах могут вызвать кризис в России, пока невозможно. Максимум — это замедление темпов экономического роста в связи с мировой экономической конъюнктурой.

— *Еще может быть вывод активов с развивающихся рынков, а значит, и из России.*

— Это тоже не опасно, подушка безопасности достаточно велика, она позволяет справиться со всем, что можно себе представить, если не говорить о кризисе масштабов Великой депрессии. Золотовалютные резервы, Стабфонд, профицитный бюджет, динамично растущая экономика — все это достаточная страховка.

— *А политические риски — это актуальный вопрос?*

— Пока я не вижу влияния этого фактора на экономическую конъюнктуру. Я общаюсь с инвесторами довольно часто. Пока их эта тема всерьез не беспокоит.

У нас есть резервы примерно на три года плохой конъюнктуры

— *Егор Тимурович, какие угрозы российской финансовой системе несет кризис ликвидности? Может ли он стать детонатором мирового финансового кризиса?*

— К сожалению, никто пока не научился прогнозировать экономические потрясения уровня американской Великой депрессии. Очевидно, что следствием кризиса ликвидности может стать снижение темпов мирового экономического роста. Снижение общемировых темпов роста для России чревато проблемами, связанными с ценами на энергоносители и с ликвидностью банковской системы. Это также очевидно, но при этом есть несколько обнадеживающих факторов. Первый: накопленные резервы ликвидности, которые позволяют — при условии энергичных и скоординированных действий российских денежных властей — справиться практически с любым мыслимым кризисом, если, конечно, мы опять-таки не имеем дела с Великой депрессией. Второй: российские денежные власти крайне адекватно и оперативно реагируют на происходящее, не допуская паники и подавая разумные сигналы и населению, и банковскому сектору. Я думаю, что у нас есть все шансы справиться с этим кризисом.

— *Вы высоко оценили действия российских денежных властей в начальной фазе кризиса. Не внесут ли элементы неопределенности, всегда возникающие перед выборами, неуверенность в их дальнейшие действия? Согласно прогнозам, пик кризиса ликвидности придется на февраль-март следующего года. Не случится ли так, что пик наложится на президентскую кампанию?*

— Такая вероятность есть, и ее надо учитывать, вырабатывая финансовую политику. Меры, направленные на урегулирование кри-

Интервью брал Юрий ХНЫЧКИН.

Опубликовано в: Business & Financial Markets (Россия). 2007. 27 ноября.

зиса, могут неприятно повлиять на темпы инфляции. То ускорение инфляции, которое отмечалось в октябре, никак не связано с антикризисными мерами — это всего лишь последствия ослабления бюджетной политики, случавшиеся в рамках выборного цикла не только в нашей стране. Но то, что потенциально серьезные проблемы мировой финансовой системы могут прийтись на начало следующего года и наложиться на наши внутриполитические заморочки — это заставляет, на мой взгляд, наши власти быть более ответственными. Предвыборный цикл не помогает работе ни денежных, ни финансовых властей.

— *Насколько сейчас высшее политическое руководство страны прислушивается к мнению руководителей отечественных финансовых регуляторов?*

— По разным вопросам — в разной степени. По вопросам, в широком смысле относящимся к денежной и финансовой политике, — на мой взгляд, прислушиваются, иначе не было бы возможности проводить ту достаточно адекватную политику, которая проводится даже в этом, предвыборном году. До последнего времени российские денежные власти вели себя практически безупречно. Я знаю отношение к нашей денежной политике в финансовом мире. Вплоть до некоторого ослабления бюджетной политики в последнем году это отношение характеризуется одним словом — восхищение.

— *Хотелось бы затронуть тему очередных мировых ценовых рекордов на сырьевых рынках, вызывающих аналогии с Вашей последней книгой «Гибель империи». В чем Вы видите качественное отличие нынешней ситуации от той, что существовала в СССР в конце 80-х?*

— В России в отличие от Советского Союза открытая экономика. Россия является не крупнейшим в мире импортером зерна, а, наоборот, одним из крупных экспортеров. У нас гибкий валютный курс и мы можем ответить на ухудшение глобальной конъюнктуры не государственным банкротством, а политикой ослабления курса национальной валюты. Наконец, у нас — крупные золотовалютные резервы, которые Советский Союз быстро утратил (в части золота), а валютных он никогда толком не имел. В связи с этим, конечно, мы неизмеримо лучше приспособлены к изменениям мировой конъюнктуры на сырьевых рынках. Впрочем, это не значит, что мы абсолютно застрахованы. У нас есть резервы примерно на три года плохой конъюнктуры на рынке нефтегазового сырья, но у нас

нет резервов на 15 лет, а именно столько, даже немного дольше, длился последний период низких цен на нефть и газ. Я бы сказал, что наши нынешние резервы достаточны для того, чтобы не допустить катастрофы и адаптироваться к новой реальности, но отнюдь не для того, чтобы безболезненно переживать очередной длительный период низких цен.

— *Высокие цены на углеводороды тоже несут изрядную опасность — они активно стимулируют развитые экономики к переходу на энергосберегающие технологии. Те из них, что считались невыгодными при цене 30 долл. за баррель, становятся при цене 100 долл. за баррель очень привлекательными. Как можно прогнозировать последствия высоких цен для России?*

— Первый тип рисков, возникающих при этом, связан с тем, что появляется соблазн бурно наращивать бюджетные обязательства, которые очень легко нарастить и крайне трудно в случае падения цен снизить. Второй: риски, связанные с «голландской болезнью», с завышенным курсом национальной валюты, с ударом по всем не связанным с нефтью и газом секторам экономики. Экономическая политика и в период экстремально низких, и в период экстремально высоких цен хоть и по-разному, но равно очень тяжела.

— *Как Вы оцениваете риски, связанные с интеграцией российского фондового рынка в мировую финансовую систему? Оцените, пожалуйста, баланс возникающих при этом преимуществ и издержек.*

— Я несколько дней назад вернулся из Китая, где обсуждал эту проблематику с китайскими денежными властями. Они с огромным интересом наблюдают за тем, как пойдет процесс интеграции России в мир открытых рынков, потому что для них это важно с точки зрения принятия решений о тактике и стратегии открытия китайского рынка.

— *Китайцы считают, что в данном случае Россия опередила их?*

— Опередила — не в смысле «сделала лучше», а в смысле того, что мы сделали то, на что они пока не решились.

Тем не менее есть вопросы, ответы на которые даст только практика. Потенциальные преимущества того, что мы стали страной с валютой, открытой по капитальным операциям, очевидны. Но, к сожалению, риски тоже очевидны. Если ты проводишь ответственную политику заимствований не только государственных, но и частного сектора — это вклад в потенциал экономического ро-

ста. Но если при этом ты позволяешь себе безответственность, позволяешь государственным корпорациям занимать в крупных масштабах, причем занимать так, что не совсем понятно, на что эти деньги тратятся, то это создает новые риски.

— *А чему нам, в свою очередь, стоит теперь учиться у китайских реформаторов? Неужели только продолжать превозносить их за верный выбор пути?*

— Экономические успехи Китая несомненны, и говорить об этом совершенно излишне. Вопрос о «китайском пути» для России не стоит: путь этот — не из нынешнего века. Когда Китай выбирал модель развития, то он находился примерно на том же уровне развития, что и СССР в 1928–1929-х годах, и путь этот был предельно близок к тому, что предлагали в ходе экономической дискуссии того времени Рыков и Бухарин.

В настоящее время, я считаю, нам стоит поучиться у китайцев тому, как надо проводить внешнюю политику. Китай никому не навязывает господства, в его внешней политике нет комплексов. Он не форсирует конфликты, включая даже такие острые для него, как тайваньский. Китай мягко, постепенно, по мере увеличения своего веса в мире наращивает свои внешнеполитические возможности, но делает это в нехамской манере, стабильно и без конфронтации, что, на мой взгляд, заслуживает всяческого уважения.

— *Ваша нынешняя научная деятельность протекает исключительно в ИЭПП?*

— Я также периодически выступаю с лекциями в Академии народного хозяйства, в Высшей школе экономики и в Физтехе.

— *Что последует за книгой «Гибель империи»?*

— После «Гибели империи» я написал несколько статей, часть из которых — программного характера, в том числе в журнале «Экономическая политика» — о ключевых проблемах долгосрочной устойчивости финансовой системы страны. Работаю над следующей книгой.

— *Когда ориентировочно она может появиться?*

— Думаю, что мне понадобится по крайней мере еще год работы. Условное название книги — «Проклятие 90-е», и она в некотором роде созвучна недавнему выступлению президента нашей страны. Книга базируется в первую очередь на архивных материалах, она является продолжением «Гибели империи», и в ней я пытаюсь показать, что на самом деле происходило со страной в 90-е.

«Реформы — это тяжелое бремя»

— *Егор Тимурович, раз уж дело происходит за неделю до выборов, не могу не спросить, как Вы относитесь к избирательной кампании?*

— С интересом. Не занимаюсь публичной политикой, рядовой член партии СПС. Собираюсь голосовать за эту партию.

— *На центральном телевидении показали ролик про «марафон несогласных», отметив, что на него вышли «дети тех, кто в 90-е годы разваливал страну, уничтожал ее население, грабил и наживался на этом». По-моему, это прямой намек на Вас. Как Вы к этому относитесь?*

— Прослушал и «фултонскую речь» президента. У него есть право на свою точку зрения о том, что происходило в стране в 1990-е годы. Не согласен с теми, кто ставит ему в упрек то, что он был крупным руководителем страны в те годы. Это мелочно. У меня есть право иметь другое мнение по поводу того, что происходило в стране. Изложил его в книге «Гибель империи».

— *Получается, реформаторов у нас не ценят. Или были в истории России реформаторы, которых общественное мнение не порицало, а, наоборот, выставляло героями?*

— Великим реформатором в российской истории был Александр II Освободитель. Вы знаете, как российское общество отблагодарило его за сделанное?

— *Как?*

— Его взорвали.

— *Я думал, Вы скажете, что ему памятник недавно поставили.*

— Это было позднее.

— *Судьба любого реформатора у нас так незавидна?*

— Иногда реформы необходимы — как это было после банкротства Советского Союза. Но реформы — это такая штука, которую

Интервью брал Максим КАШУЛИНСКИЙ.

Опубликовано в: *Forbes (Россия)*. 2008. № 1. Январь.

нельзя делать для удовольствия. Мне печально, когда вижу талантливых, умных молодых людей, которые хотят стать реформаторами. Думать, что тебя за это поблагодарят, по крайней мере на протяжении следующих ста лет, значит быть совсем неосведомленным об устройстве общества. Реформы — это тяжелое бремя.

— *И у вас тогда, в 90-е, не было надежды на одобрение обществом?*

— Ни малейшей.

— *Тем не менее многие реформы удались, хотя одна их часть со временем увязла, а другая так и не началась. Можно ли связывать ход российских реформ, их скорость с ценами на нефть?*

— Когда цены на нефть столь высоки в стране, зависящей от конъюнктуры нефтяного рынка, стимулы проведения реформ пропадают.

— *Но с точки зрения логики, это же самое удобное время?*

— С точки зрения какой логики? Есть же политическая целесообразность — реформы проводят тогда, когда их нельзя не проводить. Когда их можно не проводить, их откладывают. Это скажет вам любой квалифицированный политик. Как экономист скажу, что период высоких цен на нефть — лучшее время для проведения военной и пенсионной реформы. Но есть и политическая логика, когда есть сверхдоходы от нефти, зачем устраивать себе неприятности с реформами — да, стратегически полезными для страны, но создающими проблемы и конфликты?

— *Зачем тогда проводить выборы? Они столько проблем создают.*

— Это интересный вопрос. В Саудовской Аравии их и не проводят. Но мы живем в урбанизированном и грамотном обществе. Да, оно устало от кризиса начала 90-х, когда столкнулось с институциональной катастрофой. Как устало французское общество в 90-х годах XVIII в., когда рухнула веками существовавшая система государственного управления. Мы в этом смысле не уникальны. Даже в США за революцией последовал длинный период институциональной нестабильности: непрочности властей, финансовой нестабильности, отсутствия милиции, несоблюдения законов. У нас была другая ситуация: территориально интегрированная империя, существование которой было основано на гипотезе, что правительство способно проявить неограниченный объем насилия, чтобы удержать власть. В 1991 г. выяснилось, что, как в свое время у государя Николая II, в стране «нет ни одного сколько-нибудь надежно-

го полка». Власть развалилась. А ведь от ее существования зависела ежедневная жизнь граждан: охраняет ли двор милиционер, есть ли хлеб в булочной... Все это пришлось восстанавливать.

— *Можно ли нынешнюю, восстановившуюся систему называть устойчивой?*

— Рыночная экономика в России при всех попытках перераспределения собственности, которые мне не нравятся, устойчива и укоренена. Экономика динамично растет, финансовое положение устойчиво, золотовалютные резервы несопоставимо больше, чем в Советском Союзе, темпы экономического роста на протяжении последних девяти лет высоки. Бюджет сбалансированный. Налоговая система приличная. Система бюджетного федерализма — не идеальная, но приличная. Есть масса серьезных проблем, но угроз устойчивости финансовой стабильности страны в среднесрочной перспективе не видно. Наш институт оценивал по просьбе правительства риски устойчивости финансово-денежной системы в 2008–2010 гг. Мы пытались найти худшие сценарии и катастрофический сценарий найти не смогли. Сценарий замедления темпов экономического роста? Да, но это не катастрофа.

— *В 2006-м в одном из интервью Вы сделали прогноз на 2007 г.: какими будут инфляция, рост ВВП и курс рубля к доллару. И ни один не оказался достаточно точным: ВВП и инфляция росли быстрее Ваших ожиданий, а рубль оказался почти на 3 руб. крепче, чем Вы предполагали. В нашей экономике очень много факторов, учесть которые вообще невозможно?*

— Конечно. Самая простая вещь — цена на нефть. Прогнозу цен на нефть посвящены сотни монографий и десятки тысяч статей квалифицированных авторов. Но если подытожить все, что нам известно о ценах на нефть, в сухом остатке получится: никто не знает, как их прогнозировать. А у нас в России от цен на нефть зависит доля в доходах бюджета, равная 10% ВВП. В Европе падение бюджетных доходов на 1% создает огромные проблемы. Наши 10% ВВП, которыми Вы не можете управлять, это — серьезный политический риск.

— *Очевидный выход — в диверсификации. Мы сильно продвинулись в этом за последние годы?*

— Продвинулись. ВВП растет намного быстрее, чем производство нефти и газа: 7% против 1%. Вопрос в том, как не остановить

рост. Проблема голландской болезни не выдумка сумасшедших интеллектуалов-экономистов. Она реальна. Да, пока эта болезнь, проблема резкого укрепления курса рубля, не сказалась на росте не связанных с нефтью и газом отраслей. Укрепление курса рубля компенсировалось ростом импорта инвестиционных продуктов. Мы получили возможность дешево закупать за рубежом инвестиционное оборудование мирового уровня. Темпы роста инвестиционного импорта в Россию за последние три года беспрецедентны. Мы занимаемся обновлением индустриальной базы, которая позволяет нам производить ненефтяные продукты темпами, превышающими все, что можно было себе представить.

— *И как это надолго?*

— Если кто-нибудь скажет, что он готов это спрогнозировать, то не поверю в реальность такого прогноза.

— *Вы считаете, что модернизация экономики все-таки идет. Могла, наверное, идти еще быстрее?*

— Есть набор вещей, которые мешают: коррупция в госаппарате; непрозрачные механизмы принятия решений о госрасходах; отсутствие свободной прессы, которая позволяет контролировать деятельность государственного аппарата; странные решения судебной системы, которые создают ощущения негарантированности частной собственности; странная политика государственных корпораций; отсутствие понятной системы продолжения приватизации. Но все это не позволяет остановить динамичный рост.

— *Вам, наверное, постоянно задают вопросы об итогах реформ, стартовавших в 90-х. Я знаю, что Вы не были сторонником ни чековой приватизации, ни залоговых аукционов. Но, что случилось, то случилось. И теперь, в массе своей, российская экономика частная. Это и есть позитивный итог?*

— У меня есть претензии к тому, как была приватизирована российская экономика. Но есть очевидный факт. До того, как мы приватизировали нефтяную промышленность, добыча падала на 50–60 млн. т в год, и в российском правительстве обсуждалась перспектива, что делать, когда страна станет нетто-импортером нефти. Вопрос о том, что делать с Нижневартовском, когда на Самотлоре добыча сократится до нуля. После того, как мы приватизировали нефтяную промышленность, проблемой стало, как уладить отношения с ОПЕК: мы наращивали свою долю в мировом экс-

порте нефти темпами, которые никого не устраивали. После того, как мы начали ренационализировать нефтяную промышленность, по странному стечению обстоятельств, темпы роста нефтедобычи упали в 5 раз.

— *Опять мы вернулись к нефти. Многие говорят: вот, если цена на нефть вернется с нынешних 100 долл. за баррель на уровень 30 долл. за баррель, вот тогда наша экономика и мобилизуется. А если не вернется? Если в ближайшие 10 лет цены останутся на нынешнем уровне, то мы обречены на дальнейшее замораживание любых реформ?*

— Расскажу историю из семейной жизни. У меня четверо детей. Мой младший сын, которому тогда было 14 лет, спросил меня: «Папа, как ты думаешь, когда в следующий раз тебе позвонит президент?». Я ответил: «У меня есть гипотеза, но раз ты задал этот вопрос, то у тебя есть какая-то своя?». Он мне сказал: «Мне кажется, что это будет, когда цена на нефть будет меньше 25 долл. за баррель».

— *И ничего другое, кроме цены на нефть не может раскачать правительство?*

— Есть еще одна проблема. Это проблема газодобычи, которая может стать взрывной. По-моему, власти ее недооценивают. Мне пришлось разбираться с падением добычи на Самотлоре, с тем, что это значило для экономики СССР. Я советую рационально оценить ситуацию в газовой отрасли.

— *Что конкретно Вас беспокоит?*

— То, что Заполярное месторождение вошло в фазу убывающей добычи, то, что с Уренгоем и Ямбургом это произошло давно, то, что темпы освоения Ямала меньше тех, что необходимы для поддержания гарантированных поставок газа в пиковые периоды потребления (январе–феврале). Тем временем, при стагнирующей газодобыче, рост спроса на газ в прошлом году составил 6,7%. Как его удовлетворять? Такую проблему не решить за пару месяцев, нужна стратегия как минимум на семь лет.

— *Я прочитал на днях мнение одного политолога о том, что в 2003 г. страна прошла пик выплат по внешнему долгу, власть почувствовала независимость от сторонних кредиторов, и тут произошел щелчок: экономическая стратегия поменялась. Вы согласны с такой трактовкой?*

— Боюсь, что он прав.

— Вы утверждали в одном из интервью, что спрос на свободу в России будет расти. По-прежнему так считаете?

— У нас грамотное урбанизированное общество, с приличным среднедушевым доходом. А это общество, где людям нужна возможность не только купить приличные ботинки, но и обсуждать дела своего государства, знать, что твое мнение будет услышано.

— У нас миллион человек и сейчас может свободно обсуждать в прессе все, что угодно.

— Это хорошо. Я родом из Советского Союза и помню, когда нельзя было ничего обсуждать даже в аудитории одного миллиона. Когда каждый ксерокс был под контролем КГБ. Те люди, которые имеют отношение к средствам массовой информации, понимают, что при нынешних тенденциях развития информационных технологий возможность государства контролировать информационную сферу сохранится не более чем 6–7 лет.

— Китайская практика показывает, что контроль того же Интернета — не такая уж неразрешимая задача.

— Я недавно вернулся из Китая. Могу сказать: китайское руководство хорошо понимает стоящую перед ними фундаментальную проблему: им никуда не деться от перспективы демократизации.

— Наше руководство понимает это?

— Боюсь, что в недостаточной степени.

Егор Гайдар: «Будут более жесткие условия»

Егор Гайдар знает о кризисах не понаслышке: он возглавлял правительство в катастрофическом для экономики России 1992 г. Теперь Гайдар руководит Институтом экономики переходного периода и дает советы правительству. На ученый совет его института министры присыпают своих гонцов, а руководители крупных компаний приходят послушать доклад сами. «Гайдар ерунды не скажет», — мотивировал интерес к работам Гайдара один из топ-менеджеров. Журнал *Newsweek* тоже решил послушать советы экономиста.

— Вы говорите, что Америка стала причиной нынешнего глобального кризиса. В чем проблемы?

— В американской экономике проблемы возникают раз в 5–10 лет. Так было на протяжении последних двух веков. Причины кризисных явлений разные. В последний раз, в 2001 г., это был крах одной из основных фондовых американских бирж — NASDAQ. Он был закреплен террористическими актами 11 сентября 2001 г. В этот раз происходящее связано с развитием событий на рынке недвижимости. Причины входа американской экономики в рецессию разные, но само падение темпов роста раньше или позже неизбежно происходит.

— Что будет с резервной валютой — долларом?

— Изменение роли доллара в мировой экономике произошло, когда появился евро. Это конкурент доллара в качестве резервной валюты мировой экономики. Уже сейчас нельзя сказать, что глобальная финансовая система основана на долларе. Доллар сегодня — это лишь 65% резервов центральных банков. Значительная доля запасов размещена в евро, в валютах стран второго эшелона. Ключевой вопрос: когда Китай перейдет к режиму конвертируемости национальной валюты по капитальным операциям? Если

Интервью брала Евгения ПИСЬМЕННАЯ.

Опубликовано в: Русский *Newsweek*. 2008. № 5. 28 января — 3 февраля.

это произойдет, юань, вероятно, станет третьей резервной мировой валютой.

Понятно, что и через 10 лет центральные банки будут держать в долларах больше резервов, чем в любой другой валюте. Но мы перейдем от финансовой системы, в которой доллар доминирует, к системе, где доллар будет первым среди равных.

— Китай. Какова его роль?

— В мире XXI в. юань станет валютой конвертируемой по капитальным операциям, одной из резервных валют. Это лишь вопрос времени. Такое развитие событий позволит лучше управлять финансовыми дисбалансами в мире.

— А в чем этот дисбаланс проявляется?

— 20 лет назад совокупные дефициты платежных балансов составляли 2–2,5% мирового ВВП. Сейчас — 6%. Это значит, что продолжение нормальной, привычной жизни во множестве стран мира зависит от происходящего на рынке капитала. А это параметр, которым управлять непросто.

— Америка выберется из кризиса? Если да, то когда?

— Не берусь прогнозировать, что будет происходить в американской экономике в 2008–2010 гг. Могу сказать о том, что было. В прошлый раз из сравнительно мягкой рецессии 2001 г. Америка выбиралась три года.

— Есть такое наблюдение: когда в мире происходят кризисные явления, американские капиталы обязательно возвращаются в США. Почему Америка считается тихой гаванью для инвесторов? Ведь там тоже кризис.

— Это связано с традициями и историей. На сегодняшний день США — самое надежное место вложения капитала в условиях кризиса. США никогда не объявляли дефолта по своим казначейским обязательствам.

— А что будет с Россией? Финансовый кризис на нас отразится?

— Ошибка наших властей — делать вид, что ничего не происходит. Не надо надеяться, что глобальный кризис нас не коснется. Не надо думать, что Россия как жила в условиях аномально высоких темпов мирового экономического роста в 2004–2007 гг., так и будет жить в условиях радикально изменившейся глобальной конъюнктуры. Кризисные явления в мировой экономике ожидаемы. Надо сделать все возможное, чтобы последствия этого для эко-

номического развития нашей страны были минимальными. Если золотовалютные резервы, резервы Стабфонда быстро потратить, чтобы поддерживать темпы роста на уровне 7% в год, то надолго их не хватит. После их исчерпания развитие событий может носить катастрофический характер.

— Это означает, что в нынешнем году рост российской экономики будет меньше?

— Все зависит от поведения властей. Если они поставят своей задачей обеспечить мягкую адаптацию к изменившейся мировой конъюнктуре, экономический рост может снизиться на 2–3%, до 4–5% в год. Если этого не сделать, рост может снизиться в 2 раза, как это было в 2001–2002 гг.: с 10% в 2000 до 4,7% в 2002 г. Что будет на этот раз, смогут сказать лишь экономические историки будущего.

— И что же надо делать российским властям, чтобы кризис на нас отразился не сильно?

— Скажу о том, чего делать не надо. Нельзя искусственно поддерживать курс национальной валюты. Нельзя поддерживать темпы роста бюджетных расходов на уровне 2007 г.

— Когда отголоски глобального финансового кризиса почувствуют в России?

— Если мы говорим о финансовых рынках, то в России они реагируют на происходящее в мире в течение часов. Что касается экономического роста, временной лаг между происходящим в США и России обычно составляет примерно полгода.

— То есть будущему президенту придется решать совсем другие задачи.

— У него будут более жесткие условия работы, чем у нынешнего главы государства.

«Обществу пора отдохнуть»

Егор Гайдар, безусловно, один из отцов современной России. Он работал в правительстве, пожалуй, в самое трудное для нашей страны время за последние 20 лет, в период крушения старой системы и строительства новой. С тех пор Россия сильно изменилась, но проблемы по-прежнему остались. Сегодня Егор Гайдар возглавляет Институт экономики переходного периода и, в качестве независимого исследователя, предлагает свой взгляд на процессы, происходящие в экономике России и мира.

— Мы являемся свидетелями сильного снижения фондовых рынков по всему миру. Страны судорожно снижают прогнозы экономического роста. Сейчас уже экономисты говорят о «глобальном кризисе» или «глобальной коррекции». Что происходит с мировой экономикой?

— Положение дел в глобальной экономике нужно начинать рассматривать в первую очередь с США. Они, как обычно, являются мотором всех позитивных и негативных колебаний мировой конъюнктуры. Проблемы в США оказывают влияние на все страны, в том числе и на Россию. Их у американцев сейчас достаточно. Это и резкое снижение цен на жилье, и ипотечный кризис, и связанные с ним проблемы банковской системы. Предельно важно влияние потребительских настроений на экономику. В прошлом году оно ярко проявилось во время предрождественских продаж. Их объемы оказались необычно низкими. Следствием стало снижение прогнозов роста в Америке, мире в целом на 2008 г.

Недавно в Давосе шел спор по поводу R или S, т. е. Recession или Slowdown, рецессия или замедление. Единого мнения нет. Ясно одно: снижение фондовых рынков лишь симптом, отражающий положение дел в мире. Пока ситуация не стабилизируется, темпы глобального роста не начнут увеличиваться, мы будем находиться в ситуации, в лучшем случае, застоя, а в худшем — кор-

Интервью брал Илья ДАНИЛКИН.

Опубликовано в: Бизнес-журнал. 2008. № 4. 26 февраля.

рекции фондовых рынков в сторону понижения. Речь, разумеется, идет не о сегодняшнем дне, а о том, что будет происходить в течение года.

— В условиях таких проблем в США, что будет с долларом?

— Прогнозировать курс доллара по отношению к другим валютам и в первую очередь к евро достаточно сложно. Вы говорите о каком периоде? О неделе? Месяце? Годе? Если вы профессионально играете на рынке валюты, то это вопрос, на который надо отвечать каждый день в течение часов, желательно минут. Если составлять долгосрочный прогноз, то надо признать, что сейчас евро вышло на достаточно естественный уровень по отношению к доллару. Думаю, курсы этих валют будут в перспективе колебаться в пределах +20, — 20%.

— Как на это будет реагировать финансовый мир?

— Парадокс ситуации в том, что происходящее сегодня в финансовом мире к курсам евро и доллара прямого отношения не имеет. Важный фактор — рост экономики Китая. Китай не имеет конвертируемой по капитальным операциям валюты. На курс юаня сильно влияет Центральный банк этой страны. Мировая финансовая система не может приспособиться к тому, что в Азии появился крупный игрок, который работает по непривычным для финансового мира правилам, она отвечает на происходящее истерично. Это осложняет прогнозирование динамики курса доллара по отношению к евро.

— К чему может привести столь бурный рост экономики Китая?

— Уверен, что со временем юань станет одной из мировых резервных валют. Это случится вскоре после того, как китайское руководство решит сделать его конвертируемым по капитальным операциям.

— Сейчас власти стараются убедить инвесторов, что в условиях замедления или рецессии, как Вы говорите, Россия может стать островом стабильности, так называемой «тихой гаванью». Наша страна подходит на эту роль?

— В экономике может случиться многое. До сих пор так события не разворачивались. Обычно в условиях неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка, капитал предпочитает США в качестве «тихой гавани». Это нужно учитывать.

«Вряд ли инфляция снизится»

— В России тоже есть проблемы. Например, в прошлом году инфляция вышла за рамки прогноза на 4%. Что будет дальше с инфляцией? Удастся ли правительству уложиться в прогнозные 8,5% в 2008 г.?

— Это маловероятно. Денежная и бюджетная политика в 2007 г. дает мало оснований надеяться на снижение инфляции в 2008 г. Полагаю, в первом полугодии 2008 г. инфляция, в лучшем случае, останется на уровне значений первого полугодия 2007 г.

— В январе Правительство России вновь заключило соглашение с бизнесом о заморозке цен. Это поможет остановить инфляцию?

— Подобный документ уже подписывали. Темпы роста цен в январе оказались существенно выше, чем в том же месяце прошлого года, когда цены приморозить не пытались. Тысячи попыток в разных странах регулировать таким образом цены ни к чему хорошему не приводили. Почему мы должны быть исключением?!

«КАК НА ДИКОМ ЗАПАДЕ»

— В одном из своих выступлений, Вы говорили, что Советский Союз обанкротился, в том числе из-за того, что деньги, полученные от продажи нефти и газа, были вложены в неудачные проекты. Сейчас деньги бывшего Стабилизационного фонда было решено частично вложить в развитие Госкорпораций. Это удачные проекты?

— Я бы подобных решений не принимал. К примеру, Норвегия имеет фонд, который является аналогом наших двух фондов: Резервного и Фонда национального благосостояния. По доле в ВВП он примерно в 10 раз больше совокупной величины наших фондов. Ни одной кроны из этого фонда в норвежские проекты по развитию реального сектора власть страны не вложила. И это несмотря на то, что норвежская бюрократия по мировым стандартам считается компетентной и некоррумпированной. Видимо, в России есть представление, что наша бюрократия неизмеримо компетентнее, гораздо менее коррумпирована, чем норвежская.

— Тогда что будет с этими проектами? Разворуют или что-то все-таки удастся сделать?

— Может быть, удастся. Точно прогнозировать нельзя. В других странах, где практикуются такие вложения, есть жесткие ограничения

на их объемы. Например, в штате Аляска лишь 4% резервного фонда можно вкладывать в проекты реального сектора. Но в развитых странах Запада бюрократия часто не решается пойти на риски, связанные с таким размещением средств. Ведь от принятия решений зависит, например, устойчивость пенсионной системы.

— Вы являетесь одним из тех, благодаря которым в Россию вновь вернулась частная собственность. Прошло больше пятнадцати лет, частная собственность в нашей стране по-прежнему гарантирована?

— В России гарантировано то, что в стране будет существовать частная собственность. Могу с уверенностью сказать, что в нашей стране будет рыночная экономика, частная собственность, конвертируемая валюта. Частная собственность конкретного лица или конкретной компании не гарантирована. Может случиться так, что Ваша собственность окажется отнюдь не Вашей, а принадлежащей иному юридическому или физическому лицу. Это серьезная проблема.

— Вы полагаете, это нормальные условия для ведения бизнеса?

— Это жесткие условия, они похожи на те, которые существовали на диком Западе. Выживают те, кто умеет работать в такой ситуации. Если ты не занимаешься нефтью и газом, а выпускаешь, скажем, продукцию гражданского машиностроения или перерабатываешь сельскохозяйственную продукцию, выжить в таких условиях проще. Здесь если чиновник выгонит эффективного собственника и его менеджмент, займется делом сам, можно быстро развалить предприятие.

— Получается, что меры, которые предпринимает правительство, пока не приводят к требуемому результату. Какие ошибки оно совершает, на ваш взгляд?

— Статистической ошибкой было замедление структурных реформ, ставшее с 2004 г. очевидным. В период 2000–2003 гг. удалось улучшить финансовую ситуацию, инвестиционный климат, отношение инвесторов к России. Нельзя сказать, что структурные реформы остановились. Это не правда. В 2007 г. было принято немало важных и правильных решений: бюджет был разделен на общий и нефтегазовый, Стабилизационный фонд на Резервный и Фонд национального благосостояния. Но важно понимать, что в том же 2007 г. в самое неудачное время произошло резкое ослабление бюджетной политики.

— Что именно произошло?

— Бюджетные расходы в реальном исчислении за год выросли на 20%. Это происходило на фоне перегретой экономики, ускорения инфляции. Все больше предприятий жалуются на дефицит квалифицированных кадров, как на важнейшее препятствие роста выпуска продукции. На этом фоне темпы увеличения реальной заработной платы уже вышли за 15% в год. В страну идет масштабный поток капитала. В условиях перегрева экономики, накануне замедления темпов мирового роста, мы резко увеличили бюджетные расходы.

— Это может привести к новому кризису в России?

— Надо говорить о двух параметрах. Первое то, что будет происходить в мире, второе — какие ошибки сделают российские власти. Если власть не будет делать серьезных ошибок, ухудшение мировой конъюнктуры может привести лишь к замедлению темпов роста российской экономики в течение двух — трех лет.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД НИКОГДА НЕ КОНЧИТСЯ

— Реформаторов начала 90-х годов и Вас, в частности, часто обвиняли в том, что Вы не объяснили людям суть этих реформ и тем самым их обманули. Недавно в России были проведены народные IPO. Власти призывали россиян покупать акции, а теперь цена упала ниже цены размещения. Опять не объяснили и обманули?

— Слышал упрек в том, что мы недостаточно объясняли россиянам суть того, что делали, считаю это справедливым. Но частично. Я часами стоял на трибуне Верховного Совета. Заседания тогда транслировались в прямом эфире на всю страну. Пытался объяснить происходящее. Если вы посмотрите распечатки моих выступлений того времени, поразитесь банальности сказанного. Сегодня любой человек меня может спросить: зачем вы говорите все эти очевидные вещи? Но для того чтобы это случилось, нужно было 15 лет прожить в условиях рыночной экономики. Теперь для общества множество проблем, связанных с финансовыми рисками, стали понятными, даже тривиальными. Когда рассказывал это аудитории, которая на протяжении десятилетий рынка не видела, объяснить очевидное сегодня было непросто. Скажи я в то время, например, о фьючерсах, аудитория в лучшем случае рассмеялась бы мне в лицо.

Когда страна переходит от одной социально-экономической модели к другой, чтобы общество научилось понимать терминологию, которой описывается новая система, нужно время. Наверняка мы могли объяснить лучше, тщательнее, талантливее. Но проблему бы это не решило.

— Сейчас та же проблема?

— Доходность акций зависит от того, на какой срок сделаны ваши вложения. Если вкладывали, чтобы сегодня-завтра получить прибыль, можно сказать, что государство вас обмануло. Если вкладывали, чтобы сохранить сбережения, то когда мировая экономика выходит из состояния замедления роста, вы обычно выигрываете.

— Вы возглавляете Институт экономики переходного периода. Когда закончится переходный период в нашей экономике?

— Переходной экономике посвящены десятки тысяч публикаций. Тем не менее общепринятое определение переходного периода пока не сложилось. В институте мы определяли переходный период как время, в течение которого происходит крушение социалистической экономики, постсоциалистическая рецессия, когда старые институты уже не работают, а новые еще требуется создать. После решения этой задачи начинается восстановительный рост, затем — инвестиционный. Это период между крахом социализма и началом устойчивого экономического роста.

— То есть, можно сказать, что в России этот период завершился? Переименовывать не будете институт?

— Если использовать это определение, то да, переходный период в России завершен. Это не значит, что у нас нет родимых пятен социализма — они есть. Но стоящие перед страной экономические проблемы во многом схожи с теми, которые стоят перед странами, никогда не переживавшими социалистический эксперимент. Мы думали о том, чтобы вернуть институту историческое название. Он был создан как Институт экономической политики. Лишь когда поняли, что, как минимум, десять лет будем заниматься именно экономикой переходного периода, его переименовали. Но когда стали активно работать над долгосрочными проблемами экономического развития, осознали, что выйдя из постсоциалистического переходного периода, мы оказались не в статичном, устойчивом мире, а в мире глобального переходного периода, начавшегося на рубеже

XVIII–XIX вв. Он продолжается до настоящего времени и получил название «современный экономический рост».

— *О чём Вы мечтаете?*

— Мечтаю, чтобы Россия была скучной страной, такой, например, как Австралия.

— *Почему именно Австралия, а не Европа?*

— Австралия скучнее. Последние 20 лет в нашей стране были временем тяжелых, крутых перемен. Не дай вам Бог жить в эпоху перемен, как справедливо говорили в Китае. После всех приключений, которые нам выпали, хочу, чтобы наше общество отдохнуло. Хочу того, что желал Столыпин для России — 20 лет мира и спокойствия. Может быть, скучного спокойствия. Предсказуемости. Не хочу потрясений.

Сейчас власти могут себе позволить не думать о деньгах

К чему готовиться нашему правительству, если спад в мировой экономике докатится до России

«В Англию и Ирландию я больше не летаю»

— *Егор Тимурович, как здоровье? История с Вашим загадочным отравлением осенью 2006 г. наделала много шума.*

— Сейчас прилично.

— *Ну теперь-то, когда минуло больше года, можно уже точно сказать, что это все-таки было?*

— Я не медик, мне трудно судить. Врачи говорят, что такие изменения ключевых показателей здоровья объяснить чем-то, не связанным с отравлением, трудно.

— *Значит, все-таки кто-то покушался на Вашу жизнь?*

— Так как это недоказуемо, то чего обсуждать?! Остался жив — и, слава Богу.

— *Это что-то изменило в Вашей работе, жизни?*

— Я, например, табуировал для себя полеты в Англию и Ирландию.

— *Надолго?*

— На ближайшие годы.

АМЕРИКА «ЧИХНЕТ» — У ВСЕГО МИРА «НАСМОРК»

— *Вы недавно вернулись из США, где провели много времени. Там Вы чувствуете себя спокойно?*

Интервью брал Николай ЕФИМОВИЧ.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 2008. 14 марта.

— Да. В США вышел перевод моей книги «Гибель империи». Меня попросили выступить в Вашингтоне, Нью-Йорке и Чикаго.

— *Им это интересно, потому что сама Америка докатилась до кризиса? Со всех сторон раздается: доллар — как мировая валюта — загибается. вновь ждет чуть ли не Великая депрессия?*

— Они это называют рецессией. Это некритично, но тревожно. Говорил с теми, кто участвует в управлении денежной политикой Соединенных Штатов. Они напряжены, обеспокоены происходящим. Но, как мне показалось, мои собеседники считают, что пик кризиса позади. Думаю, они не лукавят. А правы они или не правы — покажет жизнь.

— *А нам-то до всего этого какое дело? Их банки понадавали кому попало ипотечных кредитов, пусть и расхлебывают.*

— Любой чих крупнейшей экономической мировой державы скажется на всем мире. У Америки пока не слишком сильный чих, он сначала сказался на их экономике. Тем не менее на фоне происходящего в США МВФ скорректировал свои прогнозы роста мировой экономики на следующий год более чем на половину процента.

— *Значит ли это, что вслед за Америкой начнет «чихать и кашлять» вся мировая экономика?*

— А чему удивляться: американская экономика — мотор мировой экономической конъюнктуры последних десятилетий. Капитализация рынка США — примерно 40% капитализации мирового. Проблема в том, что кризис в Штатах затронул устойчивость банковской системы. Опыт показывает: такой системе для восстановления ее динамичного роста экономики требуется 2–3 года.

— *А Китай, чья экономика, как утверждают эксперты, явно перегрета, может подлить масла в огонь?*

— Один пример. Падение темпов роста ВВП США на 1% приводит к снижению китайского экспорта примерно на 4%. К тому же в Китае резко ускорилась инфляция. Это стало серьезной социально-политической проблемой. Да и в Японии, странах Евросоюза ситуация не блещет. Замедление темпов экономического роста в мире в 2008–2010 гг. вероятно.

Период аномально высоких темпов роста 2004–2007 гг., напоминавший конец 1960 — начало 1970-х годов, завершен. Запас прочности, полученный от проведения консервативной финансовой политики, когда правительство не берет на себя обязательств,

по которым приходится платить преемникам, исчерпан. Это необходимо осознать и, исходя из такой реальности, вырабатывать экономическую политику России.

— *Наше правительство это уже осознало?*

— Перечитав программные документы, подготовленные в Министерстве финансов, Министерстве экономики, Центральном банке, нетрудно заметить, что написаны они так, как будто колебаний мировой экономики не существует или их влияние на развитие ситуации в России пренебрежимо мало.

— *Но у нас почти блестящие макроэкономические показатели. Не за горами удвоение ...*

— Наша экономика сильнее, чем у других стран СНГ, зависит от мировой конъюнктуры. В 2001 г. у американцев случалась рецессия. Темпы роста ВВП в России тут же резко пошли вниз. Понять это нетрудно: 80% нашего экспорта — нефть, нефтепродукты, газ, металлы. А цены на эти товары очень чувствительны к изменениям темпов роста мирового ВВП.

Когда упадет цена на нефть, не знает никто...

— *Цена на нефть уже более 100 долл. за баррель. Прогнозов о снижении даже не слышно.*

— Если бы вы знали, какие миллиарды долларов платятся за то, чтобы понять, как сложится конъюнктура на нефтяном рынке на протяжении следующих шести месяцев! Прочитал немало работ, посвященных нефтяным ценам. Нигде в мире пока не научились их прогнозировать: этот рынок устроен сложно, нестабилен.

— *Кто-то из аналитиков пошутил: чем дольше экономисты твердят, что высокие нефтяные цены — это ненадолго, тем дольше они продержатся. И наоборот — как только эксперты заикнутся о том, что все надолго, они тут же рухнут.*

— Это сказала профессор Анна Крюгер, прекрасный экономист. Она работала первым заместителем директора-распорядителя Международного валютного фонда. Это, пожалуй, одно из самых умных высказываний, которое я слышал в своей жизни про цены на нефть.

— *Так это правда?*

— На мой взгляд, да.

— Хорошо, с ценой на нефть — полный туман. Но что будет с долларом, можно прогнозировать? Он совсем загнулся?

— Доллар останется одной из мировых резервных валют. Если при нормальном развитии ситуации в России рубль с течением времени станет одной из резервных валют второго плана (таких, как фунт стерлингов или канадский доллар), то доллар и евро — это на ближайшие годы, очевидно, основные резервные мировые валюты.

— Но в России уже никогда не будут давать 30 руб. за 1 долл.?

— Так сказать нельзя. Рубль — валюта, зависящая от конъюнктуры нефтяного рынка. А его прогнозировать пока не научились. Может быть и больше 30 руб. Но это не станет трагедией для нашей страны. У Советского Союза не было реальных механизмов адаптации к резко — в 4 раза — снизившимся ценам на нефть. Когда его экономика столкнулась с таким вызовом, она просто развалилась. Если, допустим, не дай Бог, у нас случится с ценами на нефть нечто похожее на то, что произошло между 1985 и 1986 гг. и курс снизится до 40 руб. за доллар, нам что, стреляться? Мы можем приспособиться к иному курсу, как смогли приспособиться к последствиям колебания цен на топливо многие другие страны, зависящие от рынка нефти.

— А такой сценарий все-таки реален?

— На сегодняшний день, следующие два-три года он не просматривается. Но сказать, что он невозможен, — неправда.

«И стране, и властям придется дорого заплатить...»

— Егор Тимурович, наше правительство готовится к такому повороту дел? Ведь одна из Ваших статей так и называлась — «Головокружение от успехов».

— Сейчас власти могут позволить себе не думать о деньгах, бюджетных тратах. Решения о снижении налогов, выделении бюджетных средств принимаются легко.

В Мексике в конце 1970-х — начале 1980-х годов после открытия крупных нефтяных месторождений и скачка цен на нефть важнейшей задачей власти тоже считали управление ростом благосостояния. Это приятная работа. К сожалению, она плохо готовит власти к решению задач кризисного управления.

— Но вот же в минувшем октябре у нас был фактически банковский кризис, возникший на волне лихорадки на мировых фондовых рынках. Однако большинство граждан страны этого не заметили.

— Оперативные, уверенные и компетентные действия Центробанка позволили эту угрозу устраниить.

— Что же Вас сейчас смущает?

— В отличие от Советского Союза, на фоне аномально высоких цен на нефть, в России сформированы крупные золотовалютные резервы, созданы Резервный фонд, Фонд национального благосостояния. В краткосрочной перспективе рецессия в США не станет для России катастрофой. При ответственной экономической политике у государства достаточно возможностей, чтобы справиться с трудностями. Но гарантировать, что эта политика будет в дальнейшем ответственной и разумной, к сожалению, нельзя.

— Почему?

— В последние 8 лет в России быстро росли бюджетные доходы. Начавшийся экономический рост, успешно проведенная налоговая реформа 2000–2002 гг., аномально высокие цены на нефть — все это создает ощущение, что государство может позволить себе все. Оно и позволяет. Замечательно, что есть программа материнского капитала. К тому же за нее действительно в течение ряда лет ничего не надо платить. Но потом платить придется. Можно принять проект строительства высокоскоростной магистрали Москва — Санкт-Петербург. И его профинансировать. Но пока нет расчетов, показывающих, сколько будет стоить ее эксплуатация.

Можно принять программу создания животноводческих комплексов за счет льготных кредитов, проценты по которым покрывают госбюджет, и заложить их в бюджет на трехлетку. Но кто будет компенсировать эти расходы в течение последующих лет?

Замечательная идея компьютеризации школ. Но возникает вопрос: что будет, когда через два года проект закончится? Электронику спишут, а школы отключат от Интернета? Кто-нибудь считал, сколько это дальше будет стоить? Такие решения имеют долгосрочные последствия, их надо оценивать.

В 2000–2006 гг. в России инфляция снижалась или вела себя смирино. В 2007 г. при стремительном росте бюджетных расходов

дов она резко ускорилась. О перегреве нашей экономики говорят и аномально высокие темпы роста зарплат, массовые жалобы руководителей предприятий на дефицит квалифицированных кадров.

— *То есть случись что — и наш хваленый бюджет затрещит по швам?*

— У страны есть резервы, позволяющие (если не делать грубых ошибок) справиться с периодом низкой мировой экономической конъюнктуры. Снижение темпов роста с 7 до 3% ВВП не катастрофа, а лишь неприятность. Такое случалось не раз. Американская экономика, крупнейшая в мире, динамично развивающаяся более 200 лет, раз в 5–10 лет демонстрирует отрицательные темпы экономического развития. Это неприятно и для общества, и для властей. Но есть понимание, что так бывает. Для российского общества, при коротком опыте жизни в условиях рыночной экономики, снижение темпов роста, похожее на то, которое произошло в 2001–2002 гг., может обернуться серьезной травмой.

— *У нас к тому же меняется и политическая конъюнктура, связанная с президентскими выборами.*

— В общественном сознании обороты «после» и «из-за того» нередко воспринимаются как синонимы. При неблагоприятном развитии событий в мировой экономике, замедлении экономического роста в сознании элиты и общества может укорениться иллюзия, что это напрямую связано со сменой первого лица государства. В такой ситуации можно сделать немало ошибок.

— *Каких, например?*

— Можно, например, за счет ослабления бюджетной политики и мягкой денежной политики попытаться поддержать прежние темпы роста, потратить международные (золотовалютные) резервы для сохранения номинального курса рубля. За такие ошибки придется дорого платить. Причем не только тем, кто их совершает, но и всей стране.

РЕФОРМЫ ДЕЛАЮТ, КОГДА НЕ ДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ

— *Егор Тимурович, после того, как Вы в конце января выступили у себя на ученом совете Института переходного перио-*

да с докладом о таком прогнозе развития событий в экономике, там, наверху, Вас не пытались пропесочить? Мол, зачем Вы пугаете народ мрачными прогнозами, да еще в период выборов?

— Я не хотел никого пугать. Просто наш институт проанализировал возможные риски для экономики России, оценил пессимистические сценарии развития событий. В рыночной экономике, хотим мы этого или нет, но нам придется приспосабливаться к новым условиям глобального развития. Мы живем в рыночной экономике.

— *Это нашу-то экономику, сидящую в основном на сырьевой игле, Вы называете рыночной?*

— Конечно, рыночная. И она растет. Если вы думаете, что, скажем, итальянская экономика совершенна, — это заблуждение. Французская тоже несовершенна.

— *Значит, правильно делает наше правительство, что почивает на нефтяных лаврах. И так хорошо, зачем еще какие-то реформы затевать?!*

— Структурные реформы по многим направлениям действительно остановились — это правда. Но реформы, проведенные в 2000–2003 гг., были успешны. Налоговая реформа, легализация частного земельного оборота, появление Стабилизационного фонда... Это много для любой крупной страны. Основа нынешнего благополучия в экономике — не только нефтяные деньги.

— *Так зачем было останавливаться?*

— Правительство устает от реформ. Реформы — это перемены, а это всегда больно, политически нерентабельно. То, что во время второго срока президентства Владимира Владимировича Путина структурные реформы затормозились (нельзя сказать, что совсем остановились), для меня сюрпризом не стало. Только совсем молодые люди думают, что реформы проводят, чтобы войти в историю великим реформатором. Взрослые понимают, что реформы проводят тогда, когда их нельзя не проводить. Потому что никто и никогда тебя за реформы не поблагодарит.

— *По себе знаете?*

— Когда я работал в правительстве, было ясно, что без реформ не обойтись. Будет совсем плохо. Проводить реформы для собственного удовольствия мне не доводилось никогда.

СТАБФОНД ПУСТИТЬ НА ПЕНСИИ?

— Любимый упрек наших патриотов: зачем мы не размещаем средства Стабфонда у себя в стране, а кормим американскую и прочую экономику?

— Нефтяная Норвегия по индексу человеческого развития — самая развитая страна в мире. Норвежская бюрократия имеет репутацию самой некоррумпированной в мире. Как вы думаете, сколько процентов норвежского Глобального пенсионного фонда (аналога российского Стабилизационного фонда) избиратели доверили размещать собственной бюрократии?

Ни одного. Ни одной кроны. Деньги размещаются по всему миру, вкладываются в прозрачные инвестиционные инструменты. Они не доверяют своей бюрократии выделять деньги на проекты с неясными перспективами доходности. Ведь речь идет о пенсионных деньгах. Почему мы должны вложение средств, важнейшее перспективное использование которых — обеспечение устойчивости пенсионной системы, доверить нашей бюрократии, с ее не столь приличной репутацией?

— Что же мы за страна такая?! Мало денег в казне — плохо. Нефтедолларов куры не клюют — тоже голова пухнет. Нет бы увеличить пенсии, чтобы старики хотя бы под конец жизни пожили хорошо!

— Пенсии растут. Был бы счастлив, если бы наши пенсии были не хуже западных. В последние месяцы много писал о том, как сделать нашу пенсионную систему устойчивой на долгие годы.

— И как же?

— Средства Фонда национального благосостояния направить на формирование накопительной части пенсионной системы. Чтобы, когда цены на нефть упадут, нам не пришлось бы говорить пенсионерам: извините, больше платить не можем.

— Россия переживает потребительский бум, кажется, народ одержим только тем, где и что купить. Можно ли говорить, что с гражданским обществом мы рас прощаались?

— Мы сделали паузу. Когда реальные доходы последние девять лет растут темпами, превышающими 10% в год, власти обычно популярны. Чтобы в такой ситуации народ их не поддерживал, надо постараться. Некоторое время общество будет в первую очередь

забочено тем, что и почем купить, а не правами и свободами. Но когда в стране динамичный рост экономики и быстро растут доходы, люди некоторое время спустя останавливаются и говорят: ладно, я могу и не покупать еще одной пары ботинок, но мне бы хотелось, чтобы меня спрашивали о том, как должна быть устроена жизнь в моей стране.

— То есть либералы пока тешат себя мыслью, что и на их улице будет праздник?

— Мы просто неплохо знаем историю.

«Снижение добычи нефти и газа — непредвиденный властями результат начала ренационализации нефтегазовой отрасли»

Озвученные правительством предварительные итоги первого квартала 2008 г. позволяют сделать вывод, что ситуация на мировых финансовых рынках и даже признаки наступления глобального экономического кризиса затрагивают российскую экономику пока достаточно опосредованно. Долгосрочные прогнозы со стороны как властей, так и многих экспертов в целом также весьма позитивны для России.

Тем не менее защищенность экономики от внешних факторов нельзя переоценивать. Для этого достаточно одного аргумента, который приводит директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар: в течение следующего года возможности получения длинных денег для крупных корпораций будут ограничены, что закономерно приведет к замедлению экономического роста в стране. По сути, это может стать первым серьезным испытанием для модели рыночной экономики, которая создавалась в России, начиная с 2000 г..

— Егор Тимурович, насколько сопоставима опасность ситуации на внешних рынках с кризисами, которые стране уже пришлось пережить с конца 80-х годов?

— Полезно всегда быть готовым к кризису. В мореплавании существует правило, что когда корабль проходит «узкости», его должен вести капитан — потому что он отвечает за безопасность судна. Когда мировая экономика находится в состоянии неопределенности — правительству надо быть предельно осторожным с экономической политикой. Для России, у которой 80% внешнеторгового оборота приходятся на нефть, нефтепродукты, газ и металлы — т. е. товары, цены на которые колеблются в очень широком диапазоне, — это особенно важно.

Имя журналиста, бравшего интервью, в журнале не указано. — Прим. ред.
Опубликовано в: Нефть и капитал. 2008. № 5. Май.

На мой взгляд, мы прилично подготовлены к неблагоприятным изменениям мировой конъюнктуры. Сегодня Россия не является, как Советский Союз конца 80-х годов, заложником того, что происходит на мировых финансовых рынках. Накопленные объемы золотовалютных резервов, Стабилизационный фонд дают нам серьезные рычаги управления рисками. Другое дело, что надо управлять ситуацией, а не только иметь такую возможность.

— Но именно Вы были, пожалуй, первым экономистом, кто в начале года открыл профессиональную полемику по поводу реальности угроз для России со стороны финансовых и сырьевых рынков. На Ваш взгляд, правительство недооценивает ситуацию, настаивая на позитивных прогнозах?

— Я обсуждал эту тему. Меня не всегда точно цитировали. Мне, в частности, приписывали слова, что в России неминуема экономическая катастрофа. Ничего подобного я не говорил. Сказал о том, что будет замедление мирового экономического роста, поэтому для России, экономика которой зависит от рынка сырья, существуют угрозы. Их надо оценивать, взвешивать, при необходимости корректировать экономическую политику. На мой взгляд, российские финансовые и денежные власти адекватно оценивают ситуацию. Пока риска серьезных ошибок в бюджетной и денежной политике не вижу.

— Полезны или вредны (в первую очередь сырьевым и фондовым рынкам) преждевременные разговоры об американской рецессии, при том, что разброс экспертных «ставок» на вероятность ее наступления — от 0 до 50%?

— Рецессия — это технический термин. Обычно считают, что ее наступление наиболее точно определяет в США National Bureau of Economic Research. Если NBER говорит, что рецессия «есть», профессиональное сообщество обычно с этим соглашается. Разумеется, при свободе слова есть другие оценки происходящего в экономике США.

Что именно скажет американское бюро, проанализировав происходящие (по итогам не менее двух кварталов. — Ред.) изменения динамики ВВП в США — для России не важно. Для нас важно замедление глобального экономического роста. Оно уже очевидно, по этому поводу даже не заключают пари. Можно спорить о том, насколько серьезным будет замедление темпов экономическо-

го роста, будет ли оно сопоставимо с кризисами 1998 или 2001 гг. Об этом профессионалы спорят. Но кто может быть убежден, что именно его прогноз окажется правильным?

— Можно ли было не допустить или отсрочить очередной глобальный спад, если только в самом деле он мог сдемонизировать всего лишь от «ошибок» американских банкиров, превративших свой рынок ипотеки в фаст-фуд?

Существует цикл экономической конъюнктуры. Это реальность, с которой имеют дело, по меньшей мере, на протяжении двух последних столетий. Раз в некоторое количество лет — с неоточно установленными временными интервалами, которые колеблются между пятью и десятью годами, — темпы роста мировой экономики замедляются. По этому поводу написаны десятки тысяч квалифицированных трудов. Природа экономического цикла до конца не выяснена.

Циклические изменения по своим характеристикам меняются. В последние 25 лет волатильность темпов экономического роста в США снизилась. Тем не менее периоды экономического подъема и спада производства — это пока имманентное свойство рыночной экономики.

Поводы к началу снижения темпов экономического роста могут быть разными. Скажем, в прошлом цикле мировой экономической конъюнктуры (в 2001 г.) это был крах акций высокотехнологичных компаний в США. Взрыв «мыльного пузыря», подкрепленный террористическими актами 11 сентября. Текущий кризис спровоцирован крахом второсортных ипотечных бумаг на финансовом рынке США. Но это лишь повод. Причина — глубже. Применительно к экономической конъюнктуре существуют и «длинные» циклы, описанные Николаем Кондратьевым в 20-х годах прошлого века. Это гениальная гипотеза, но именно гипотеза. До сих пор нет окончательного подтверждения тому, что наряду с среднесрочными циклами (5–10 лет) есть колебания экономической конъюнктуры в диапазоне 50–60 лет.

— Какие обязательства в связи с конъюнктурными рисками ложатся на крупные корпорации, определяющие доходы бюджета и состояние российского ВВП?

— Надеяться, что можно, как два года назад, получить длинные и дешевые деньги на Западе — иллюзия. Надо жить в реальном

мире, а в нем существуют серьезные проблемы с банковской системой, с ликвидностью. Поэтому надо быть очень осторожным с привлечением дорогих денег. Возможно, стоит отложить некоторые затратные проекты.

Снижение деловой активности крупных корпораций скажется на темпах экономического роста в стране. Но российская экономика и так перегрета. Это видно по всплеску инфляции в прошлом году, об этом говорят результаты конъюнктурных опросов, которые проводит наш институт.

Конкурирующий импорт мешал только 23% предприятий, что стало минимумом для предыдущих восьми кварталов (рис. 1). (Егор Гайдар показывает графики.)

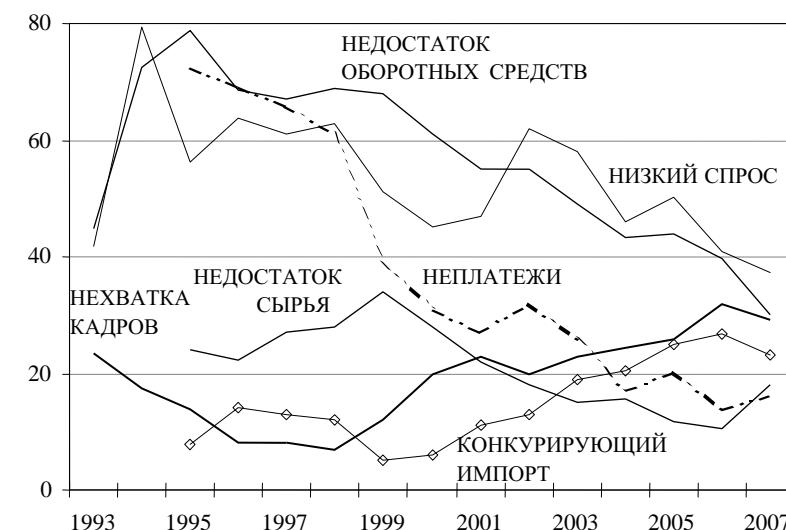

Рис. 1. Помехи росту производства (среднегодовые данные)
Примечание. 2007 г. только I квартал.

С апреля 2007 г. в российской промышленности регистрируется абсолютная нехватка мощностей. Доля предприятий, у которых производственных мощностей недостаточно для удовлетворения ожидаемых объемов спроса, превышает долю предприятий, которые считают свои мощности избыточными по отношению к предполагаемым объемам продаж (рис. 1, 2). Заметим, что

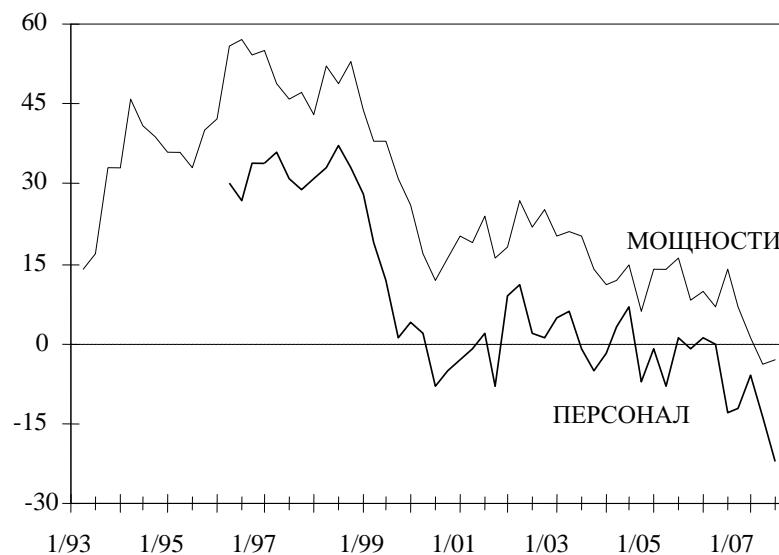

Рис. 2. Балансы оценок мощностей и персонала
(Баланс = Избыточно – Недостаточно)

кадров российской промышленности не хватает уже давно. Мощности, создававшие до последнего времени определенный «запас свободного хода», не требующие инвестиций, исчерпаны. Растущий спрос в ближайшие годы удовлетворить будет не просто.

В связи с этим в снижении темпов экономического роста до уровня долгосрочно устойчивых темпов ничего страшного не вижу.

— Насколько критичны уже возникшие проблемы с зарубежными долгами госкорпораций? В частности, только «Роснефти» (читай: госбюджету) предстоит в течение года погасить порядка 20 млрд долл., взятых в том числе на покупку активов *а.*

— Это проблема. Долги госкорпораций обычно рассматривают как аналог государственных обязательств. Объяснить логику, в соответствии с которой государство энергично гасит собственные долги и при этом госкорпорациям позволяет быстро наращивать свои долги, — трудно. Надеюсь, что эта политика изменится.

— Что может ее изменить?

— Решение российских властей.

— Какое решение?

— Это вопрос к нынешнему и вновь избранному президентам России. После того как начался процесс ренационализации нефтяного сектора — по странному стечению обстоятельств, у нас прекратился рост добычи нефти.

— Но, возможно, такая задача уже не стоит: не добыча, так цены растут, кроме того — это в духе новой энергетической стратегии.

— Эта логика имеет право на существование. Но в том случае, если бы это было результатом осознанного решения. Если бы российские власти сказали, что в создавшихся условиях нам не надо наращивать добычу углеводородов, а надо ее сокращать. О таких решениях не знаю. Поэтому имею право полагать, что снижение добычи нефти и газа — непредвиденный властями нашей страны результат начала ренационализации нефтегазовой отрасли.

— Обоснованы ли ожидания, что нефтяной рынок рано или поздно обрушится из-за перегрева?

— Прогнозы цен на нефть — дело опасное для профессиональной репутации.

— Может ли быть вариантом ответа: цены на энергоносители не упадут ни при каком сценарии мировых событий — по причине сокращения их запасов?

— Нет, не может. Потому что, во-первых, это не очевидно, а во-вторых — это не то, что реально влияет на цену углеводородов. Еще раз хотел бы подчеркнуть: я не утверждаю, что цены на нефть упадут. Но нет гарантий, что этого не произойдет.

Можно процитировать прогнозы Всемирного банка: «Результаты расчетов ВБ свидетельствуют, что последний сценарий при падении нефтяных цен до 60 долл. за баррель гарантирует превращение РФ в чистого должника уже в 2018 г. В рамках базового сценария вероятность стать должником достигает 50%» (Богетич Желько. Выступление на конференции в ГУ ВШЭ¹ 2 апреля. 2008 г.) — и согласиться с вероятностью того, что они верны.

— Ваша оценка государственных целевых программ, нацпроектов и всевозможных «стратегий до 2020 г.», которые по существу тоже

¹ Желько Богетич, экономист, гражданин Черногории; в рассматриваемый период — главный экономист Всемирного банка по России. — Прим. ред.

несут риски увеличения госрасходов при не вполне ясной перспективе мировой конъюнктуры.

— Многое из того, что заложено в национальные проекты и стратегические программы, разумно. Хорошо то, что теперь перспективные доходные возможности бюджета и перспективные расходные обязательства до 2020 г. как-то увязаны. По меньшей мере, есть гипотезы, за счет чего мы собираемся финансировать расходные программы. К сожалению, результаты долгосрочного анализа печальны. Они показывают, что сохранение нынешнего благополучного состояния российских финансов в среднесрочной перспективе не гарантировано.

— Есть ли возможности решить проблему «абсорбционной способности» экономики, на тему чего полемизируют экономический и финансовый блоки правительства? То есть, как разорвать замкнутый круг, когда, имея кучу инвестиционных денег, ни государство, ни бизнес не могут найти им приложения: новое строительство сдерживается отсутствием инфраструктуры, инфраструктура упирается в дефицит энергоснабжения и т. д.

Рецепты простые; они, к сожалению, банальные: сокращать уровень коррупции, повышать уровень доверия к собственной судебной системе, укреплять гарантии частной собственности. Если мы это сделаем, возможности роста экономики в долгосрочной перспективе будут зависеть не только от ресурсных отраслей. Наша экономика сможет с толком использовать дополнительные деньги.

— Приняты ли к такому состоянию экономики неэффективные или слишком растянувшиеся во времени структурные реформы, и прежде всего реформы естественных монополий?

— Оценка реформ, как и их итоги в различных секторах, разная. В электроэнергетике реформа близка к завершению. В РЖД реформы двигаются, но медленнее, чем хотелось бы. В «Газпроме», на мой взгляд, — просто стоят.

Если говорить о «Газпроме», то падение добычи природного газа можно компенсировать за счет наращивания производства независимыми производителями газа. Нужно расширить эту нишу (для сравнения: в США на долю независимых производителей приходится 3/4 всей добычи газа. — Ред.), предоставить независимым компаниям возможность заключения долгосрочных контрактов, гарантирующих доступ к газопроводам хотя бы на внутренний рынок. Второй резерв

есть, и на днях был озвучен самим «Газпромом»: смещение акцента с финансовых вложений на вложения собственно в добычу газа.

— Какой будет роль иностранных инвесторов в нефтегазовой сфере в связи с меняющейся мировой ситуацией, а также с учетом нового закона об ограничении иностранных инвестиций в стратегических отраслях?

— Текста закона, признаюсь, пока не видел. Но мне приходилось обсуждать эту тему с руководителем одной из крупнейших мировых нефтедобывающих компаний. Он сказал примерно следующее: вы, конечно, делаете все, что можете, чтобы мы не инвестировали в вашу нефтегазовую отрасль. И добавил: «Но вы стараетесь недостаточно».

— Во всех стратегических отраслях (помимо энергетики — в жилищном и дорожном строительстве, во всех сферах транспорта) активизировалось создание государственных корпораций. Цели — «повышение эффективности бюджетных вложений» и т. д. Какой будет отдача?

— Мы сталкиваемся с серьезными проблемами в жилищном строительстве. Была принята разумная программа развития ипотечного кредитования. Но в Москве реализовать хотя бы один жилищный проект без участия городских властей непросто. Если это так, то надо ли удивляться тому, что цены на жилье столь быстро растут? Конечно, московский пример — самый яркий, но если вы думаете, что в других крупных российских городах ситуация радикально отличается, должен вас разочаровать: к сожалению, нет.

— И, наконец, насколько корректны — именно в данный момент — попытки властей перенастроить налоговую систему? Например, Минфину, который в известной мере противится снижению НДС, поручено до августа просчитать последствия снижения этого налога на 2% ВВП, при этом существует предложение заместить эту часть налоговых потерь нефтяными деньгами.

— НДС — это налог, который практически не зависит от конъюнктуры мировых цен на нефть. Поступления по нему вне зависимости от того, что завтра случится с нефтяными фьючерсами, стабильны. В то время как НДПИ и экспортные пошлины — это налоги, которые сильно зависят от внешнего фактора, которым российские власти управлять не могут. Ставить экономику нашей страны в зависимость от вещей, которые: а) непредсказуемы, б) неуправляемы — на мой взгляд, ошибка.

Власть расслабилась

Чем грозит России мировой экономический кризис? Как побороть инфляцию? Почему госкорпорации — это плохо? На вопросы «Аргументов недели» отвечает директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

КРИЗИС — ЭТО НОРМАЛЬНО

— Эксперты предрекают глобальный экономический кризис. Чего ждать?

— Замедление мирового экономического роста — свершившийся факт. Здесь нечего обсуждать. Темпы экономического роста в США снизились, и это, как обычно, на протяжении последних десятилетий, влияет на ситуацию в мире. В апреле Международный валютный фонд в третий раз снизил прогноз глобального экономического роста. Мировой ВВП в 2008 г. увеличится не на 5,2%, как предполагалось, а лишь на 3,7%.

— Как это скажется на России?

— Одно можно сказать точно — приток капитала в страну уменьшится. В прошлом году к нам пришли 82 млрд долл. В 2008 г. будет меньше — данные I квартала это подтверждают. С точки зрения борьбы с инфляцией сокращение притока капитала полезно. Вопрос — каковы будут масштабы. Многие эксперты полагают, что в 2008 г. он сократится до 30 млрд долл. Если так, бояться нечего. Но есть и другие прогнозы. Может начаться отток денег из России. Нельзя исключить, что баланс капитала станет отрицательным. Тогда возникнут серьезные проблемы в банковской системе, у крупных корпораций. У многих из них — большие и «короткие» долги. Долги выплатят. Но для этого потребуются средства Стаби-

Имя журналиста, бравшего интервью, в газете не указано. — Прим. ред.

Опубликовано в: Аргументы недели. 2008. № 24. 10–17 июня.

лизационного фонда, золотовалютные резервы. Все это может негативно сказаться на устойчивости курса национальной валюты, темпах инфляции.

— Что будет, если мировой кризис растягнется на несколько лет?

— У финансовой системы нашей страны есть запас прочности. В ближайшие три года мы сможем справиться с возможными рисками. Но лишь если будем проводить разумную экономическую политику. Мы не должны допускать ошибок.

— Каких?

— Во-первых, не надо впадать в истерику, понимать, что, в условиях замедления экономического роста в мире, снижение его темпов в России — нормальное явление. Когда в США была предыдущая рецессия, темпы нашего экономического роста снизились более чем вдвое. В 2000 г. ВВП России вырос на 10%, в 2002 г. — лишь на 4,7%.

Это не надо расценивать, как катастрофу, пытаться компенсировать ухудшение мировой конъюнктуры лихорадочными изменениями во внутренней финансовой политике. Это приведет к ускорению инфляции, нарастанию проблем в банковской системе.

Во-вторых, нужно браться за нерешенные проблемы российской экономики. У нас недостаточно защищена частная собственность, низкое качество судебной системы, непрозрачны решения государственного аппарата. Сохраняется немало препятствий развитию малого бизнеса. Реформы, позволяющие решить эти проблемы, создадут базу долгосрочного, устойчивого экономического роста.

— Готова ли власть за это взяться?

— Речь Дмитрия Анатольевича Медведева в Красноярске внушает надежды. На мой взгляд, акценты в ней расставлены правильно. Но я давно занимаюсь экономической политикой и предпочитаю судить о происходящем не по словам, а по делам. В ближайшие месяцы такая возможность представится. Летом станет понятно, насколько власть готова решать ключевые институциональные проблемы.

СЧЕТ ЗА ВЫБОРЫ

— Кто основной «виновник» высокой инфляции в нашей стране? Может быть, это безудержный рост мировых цен на продовольствие?

— Он оказывается, но важнее другое. В прошлом году государственные расходы увеличились на 20%. Причем, это в реальном исчислении, с поправкой на инфляцию. Когда «выпускаешь на волю» такие деньги, нечего кивать на подорожание продовольствия.

До 2006 г. мы эффективно сдерживали рост государственных расходов. Инфляция либо снижалась — в среднем на 2% в год, либо не росла. Но в 2007 г., в ходе избирательного цикла, был начат ряд крупных расходных проектов. Расширилось число проектов финансирования за счет Инвестиционного фонда, увеличились расходы на финансирование государственных корпораций. После этого инфляция начала расти.

Мы дорого заплатим за ошибки, которые сделали в прошлом году. В первом квартале этого года инфляция уже достигла 6,3%. Ускорилось укрепление рубля по отношению к ведущим мировым валютам. Оно может пойти темпами, с которыми обрабатывающие секторы экономики не справляются.

Нарастить инфляцию легко, снизить трудно. Форсированный рост бюджетных расходов в 2007 г. можно было бы объяснить логикой политической ситуации, выборами. Но реальные доходы населения уже девятый год динамично растут. Было ясно, что нынешняя власть выигрывает избирательную кампанию и без таких бюджетных вливаний.

Есть и еще один фактор, влияющий на рост цен, — постепенное повышение тарифов на услуги естественных монополий. Но его влияние на инфляционные процессы, по нашим расчетам, меньше других.

— Наверное, дело не только в том, что госрасходы растут. Важно, как они контролируются.

— Непрозрачность государственных расходов — серьезная проблема. Хотел бы, чтобы многие секретные статьи российского бюджета стали открытыми для общества. Это позволило бы эффективней бороться с коррупцией. Но надо признать, что сегодня мы расходуем деньги лучше, чем несколько лет назад. После принятия Бюджетного кодекса, после того, как заработало Казначейство, государственные средства стали расходоваться более эффективно.

— Качество управления золотовалютным запасом и деньгами в резервных фондах вызывает сомнения.

— Мировая финансовая система сейчас неустойчива. В этой ситуации, на мой взгляд, наши власти сделали все, что могли. Например, они успели нарастить долю евро в резервах до того, как начался резкий рост его курса, раньше, чем это сделали многие другие крупные страны. Я разговаривал с руководителями зарубежных центробанков: в этом они нам завидуют.

Под обломками СССР

— Прошло почти 20 лет после реформ начала 1990-х годов. Все ли, сделанное Вами тогда, было правильным?

— Нет. Тогда мы не могли опереться на опыт десятков стран, которые 20 лет выбираются из-под обломков социалистической экономики. Сейчас мы понимаем неизмеримо больше, чем осенью 1991 г.

— Что бы Вы сделали по-другому?

Мы по-другому бы либерализировали внешнюю торговлю в январе 1992 г. Иначе расставляли бы акценты в приватизационной политике.

Но жили ли бы мы после этого в другой стране? Думаю, нет. Базовые проблемы были заложены в социалистический период нашей истории. Из-за них к началу 1990-х годов советская экономика развалилась. СССР стал банкротом. Читал документы советского правительства того времени. Главная проблема была: где взять деньги, чтобы зафрахтовать суда, которые привезут зарубежное продовольствие. Валютные резервы кончились. Внутри страны взять зерно для снабжения городов было невозможно. Этого мы не могли изменить. Ждать было нельзя. Перед страной стояла угроза голода.

— Нет ли у Вас ощущения, что сейчас происходит откат назад, отказ от реформ?

— Думаю, увеличение доли государства в экономике, все большая забюрократизация бизнеса — ошибка. В каком-то смысле основы для нее заложили мы. Реформы 1990-х годов оказались успешными, власть позволила себе расслабиться. Когда у тебя больше 500 млрд долл. золотовалютных резервов, а за плечами 10 лет динамичного экономического роста, можно позволить себе делать ошибки. Это не значит, что их нужно делать.

— Как Вы относитесь к системе госкорпораций?

— Скептически. Наш государственный аппарат и в стране, и за рубежом имеет репутацию коррумпированного. Это не значит, что все чиновники воруют. Но репутация не возникает из ничего.

Сначала добейтесь, чтобы государственный аппарат хотя бы в собственной стране считали неподкупным. Потом увеличивайте долю государственного участия в экономической деятельности. Помните при этом, что опыт мирового экономического развития показывает, что это неэффективная стратегия.

В 1990-е годы в России провели приватизацию. Когда ее начинали, ключевым словом при описании ситуации в нефтяной отрасли было — «катастрофа». Оно встречалось и в официальных документах. Нефтедобыча тогда падала на 10% в год.

Возможно, приватизацию провели неправильно. Но после нее главной проблемой в отрасли стало: не слишком ли быстро растет нефтедобыча в России? Не приведет ли это к ценовой войне с ОПЕК? Когда в нефтяной отрасли начался процесс ренационализации, добыча нефти перестала.

— Что будет с российской экономикой в ближайшие годы?

— Она будет достаточно стабильной. Уровень жизни населения не снизится. Но в долгосрочной перспективе все зависит от того, удастся ли властям нашей страны избежать серьезных ошибок.

Все не могли стать миллиардерами

Президент Российской Федерации отправил депутатам и министрам свое первое бюджетное послание. Больше всего Дмитрия Медведева волнуют рост цен, высокая инфляция и мировые рынки. Он напомнил коллегам, что российской экономике еще далеко до развитых экономик мира. По некоторым прогнозам, Россия вошла в опасный период, который вполне может окончиться новой экономической и политической катастрофой. Егор Гайдар по-своему оценивает риски, надвигающиеся на Россию. Он считает, что в отличие от революционных 90-х, когда все риски были на поверхности, угрозы 2000-х размыты. Кто сегодня в России нервничает из-за возможности близкой рецессии в США, если баррель нефти дороже 100 долларов?

О современных рисках корреспондент «Избранного» беседует с директором Института экономики переходного периода Егором Гайдаром.

Независимые от собственных интересов

— Егор Тимурович, в январе Вы утверждали, что период благоприятной внешней экономической конъюнктуры для России заканчивается. Прошло несколько месяцев. Россия близка сегодня к катастрофе?

— Говорил, что темпы мирового экономического роста замедляются. Сегодня с этим согласны больше экспертов, чем в то время, когда я это сказал. Российская экономика движется в направлении диверсификации, обрабатывающие отрасли растут быстрее, чем добывающие. Но при этом мы по-прежнему зависим от конъюнктуры рынка нефти, газа и металлов. А эти рынки сильно зависят от темпов мирового экономического роста. Между тем при обсуждении проблем экономической политики в нашей стране мировой конъюнктуре на протяжении последних лет уделялось немного внимания. А от нее зависят цены на товары, составляющие

Интервью брала Евгения КВИТКО.
Опубликовано в: Izbrannoe.ru. 2008. 24 июня.

80% нашего экспорта, от них в значительной степени зависит бюджет нашей страны. Если завтра скажут, что цены на нефть упали вдвое — а в прошлом году они дважды падали и дважды поднимались в таких масштабах — и поэтому вам не будут платить зарплату, вряд ли это кому-то понравится. Тем, кто жил в Советском Союзе, падение цен на нефть в четыре раза удовольствия не доставило.

— В 1985-м?

— Да, в конце 1985-го — начале 1986-го. Собственно тогда и был предопределен крах Советского Союза. Никто не знает, упадут цены на нефть или нет. Но нельзя проводить экономическую политику в стране, зависимой от конъюнктуры сырьевых рынков, игнорируя такие риски. Повторять ошибки Советского Союза не стоит.

— Пока, кажется, еще ничего драматического не произошло?

— Рецессии последних двух десятилетий были мягкими, но это не значит, что они были не значимыми. Скажем, в мире в 1998 г. немного замедлился экономический рост — для России это обернулось снижением бюджетных доходов и дефолтом по долговым обязательствам.

Сомнений в том, что сегодня мировая конъюнктура существенно хуже, чем была год назад, нет. Некоторые индикаторы указывают на то, что рецессия может оказаться жестче, чем в 2001 г.

Объятия вплоть до удушения

— В декабре 1992 г. Вы дали интервью «Литературной газете»¹ и сказали: «От того, как поведет дело новое правительство, в значительной степени зависит, окажется ли наша деятельность очень трудным прологом к более-менее успешному развитию или просто эпизодом, который ведет в никуда». 15 лет прошло, и уже не так интересно оценивать правительство Черномырдина. Важно, как Вы теперь оцениваете свои усилия — как «пролог» или «эпизод в никуда»?

— Результат есть: российская экономика 10 лет динамично растет. Это рыночная экономика с частным сектором и конвертируемой валютой, она интегрирована в глобальную экономику.

— Вы считаете, это не случайность, подаренная хорошей нефтяной конъюнктурой?

— Нет, экономический рост начался при низких ценах на нефть. Если посмотреть на динамику развития 28 постсоциалистических стран, среди которых есть и импортеры, и экспортёры нефти, то везде был приблизительно один сценарий: крутой спад, связанный с крахом предшествующей системы, затем восстановительный рост и затем рост инвестиционный. В России рост возобновился в 1997-м, был прерван кризисом, связанным с финансовыми проблемами в Юго-Восточной Азии, с падением цен на нефть. В 1999-м он восстановился и с тех пор продолжается.

— Трудно поверить. Рост российской экономики — следствие политики властей?

— Конечно. Аномально высокие цены на нефть, подобные ценам брежневских времен, появились только с 2004 г. К этому времени за нами было уже несколько лет устойчивого, динамичного экономического роста.

— Мне кажется, два основных фактора, которыми завершились все усилия реформаторов 90-х, сегодня налицо. Россия превратилась в экономику крупнейших госкорпораций. А все ключевые места заняты ставленниками силовых ведомств. Вы согласны?

— Согласен. Эта тенденция, на мой взгляд, вредна для развития России. Но финансовое положение государства пока позволяет делать ошибки.

— До какого момента?

— Пока цены на нефть выше 100 долл. за баррель. Потом придется за эти ошибки платить. Я не принимал решения о залоговых аукционах, но именно поэтому могу сказать об их результатах. До того как была приватизирована нефтяная отрасль, в стране катастрофически падала нефтедобыча. После приватизации — может быть, мы ее проводили неправильно — ключевым стал вопрос, как сделать, чтобы добыча нефти не росла слишком быстро, чтобы избежать ценовой войны со странами ОПЕК. Теперь эта проблема решена — добыча нефти и газа благодаря недавним экономико-политическим ошибкам растя перестала.

— Рейдерство — и крупное государственное, и мелкое — сегодня основной способ перераспределения капитала. Вы предвидели такой «этап»?

— Я предполагал, что есть такой риск, писал об этом. Написал книгу «Государство и эволюция», где пытался рассказать: когда

¹ См.: Гайдар Е. Чтобы не было бедных//Литературная газета. 1993. 13 января. См. в этом томе. С. 595.

собственность и власть четко не разделены, это опасно для экономики. В последнее время собственность и власть объединены в России теснее, чем мне бы хотелось.

— Наверное, сегодня можно прогнозировать последствия? Политическая линия новой — условно говоря, новой — власти ясна.

— Риск есть. В какой степени он реализуется, покажет время.

— Вы сегодня консультируете действующую власть? Президента Медведева? Новый политический «дуэт»?

— Наш институт включен в процесс обсуждения некоторых экономико-политических решений.

— Насколько реально людей, находящихся сегодня у высшей власти, в чем-то убедить, перенаправить?

— По каким-то проблемам можно, по каким-то — нет.

Заботы жителя империи

— Стремительное проникновение государства в частные капиталы сопровождается мощным плачем по исчезнувшей империи. О том, что распад Советского Союза был ошибкой, теперь говорит даже миддл-класс. Вы написали книгу «Гибель империи» с интересной и сильной аргументацией. Тем не менее непонятно, чем объяснить популярность имперской темы сегодня? Не тупостью же людей?

— Не тупостью. Не надо заниматься самоуничижением, столь характерным для России, и думать, что мы одни такие несчастные. Достаточно перелистать работы по Французской революции XVIII в., чтобы понять: крушение старого режима вначале всегда представляется частью общества как что-то красивое и романтичное. Многие знали, что предшествующий режим был отвратительным. Но за его крахом наступает период безвластия, когда нет полиции, армии, на улицах беспорядки, рост преступности. В стране гиперинфляция, бюджетные обязательства не выполняются. Общество устает от подобных потрясений, растет спрос не на свободу, а на порядок, дееспособную власть. Революция — это катастрофа. За нее приходится платить. Но реставрационные режимы редко бывают долгосрочно устойчивыми. Какое-то время общество готово терпеть любую власть, если она обеспечивает хоть какой-то порядок, но по историческим меркам недолго.

Реставрационный режим, пришедший на смену революционно-малому ельцинскому, сформировался в России в последние несколько лет. Кстати, с точки зрения экономики сроки сопоставимые. После революции 1917 г. экономический рост начался в конце 1922 г., после хорошего урожая и введения золотого червонца. Крах советского режима произошел в 1991 г., а рост начался в 1997-м.

— Но сейчас 2008-й. А народ в большинстве постсоветских стран даже намного активнее, чем прежде, жалеет о распаде Союза.

— Когда 10 лет подряд динамично растут реальные доходы, а они растут, самое время помечтать о восстановлении империи. В начале — середине 90-х думали о том, не выгонят ли завтра с работы и как дожить до следующей зарплаты. Тогда было не до мечтаний об имперском величии.

— Но не все в России знают о динамично растущих доходах. Есть люди в регионах, очень тяжко живущие.

— Конечно. Проблем немало: депрессивные регионы, бедность, преступность. Там, где живется особенно тяжко, люди редко задумываются об имперском величии.

Должен признаться в ошибке. Был убежден: после краха Советского Союза переход к рыночной экономике будет тяжелым, тем, кто возьмется за реформы, «спасибо» никогда не скажут. Но полагал, что когда и если удастся создать предпосылки динамичного экономического роста, мы получим и социальную опору устойчивости демократической системы — средний класс. Именно он создает антидемократические авантюры в политике невозможными. Мы просчитались.

— Но ведь нельзя недооценивать и PR-машину, работающую на восстановление «былого величия».

— Но и переоценивать ее не стоит. Конечно, работает. Но знаете, на коммунистическую власть тоже работала хорошо отлаженная PR-машина. Это ей помогло?

— Какой финал может быть у реставрационной работы?

— Она вредна для страны. Мы на фоне своей постимперской ностальгии умудрились добиться того, что соседи нас не любят. Можно на них обидеться, а можно и задуматься: отчего они наперегонки бегут в НАТО?

Реставрация империи невозможна. Руководство Сербии в конце 1980-х — начале 1990-х годов сделала ставку на радикальный серб-

ский национализм. Получило поддержку. Но хорватский президент получил не меньшую поддержку, сказав, что ни одного сантиметра хорватской земли сербы не получат. Тогда пришлось воевать. Но когда югославская народная армия сказала сербскому руководству, что, если надо воевать, давайте нам 250 тыс. сербских резервистов, выяснилось, что к этому никто не готов.

Никто в России не собирается отправлять своих детей на войну за восстановление империи. Все, что говорится об этом, — пустые слова. Но слова опасные. Боюсь, отношения, которые сложились у нас с Украиной, Грузией, многими другими соседями, в значительной степени связаны с тем, как ведет себя Россия.

ПЕРЕВАЛ ВЫСОТОЙ В 200 ЛЕТ

— Как и 15 лет назад, в названии вашего института присутствует «экономика переходного периода». Тогда было примерно понятно, откуда и куда переходим. А сейчас?

— Исходя из того, как мы понимаем переходный период, в России он завершен. Для нас это крах социалистической экономики, постсоциалистическая рецессия, начало восстановительного роста, переход к инвестиционному росту. Все это в России произошло. И все же мы решили Институт не переименовывать. Во-первых, его название — уже бренд, «торговая марка». Во-вторых, пройдя постсоциализм, мы вернулись отнюдь не к стабильной экономике, а к реальности, которую Саймон Кузнец назвал «миром современного экономического роста». А это мир переходного периода, только глобального. И длится он уже примерно 200 лет.

— Когда завершился переходный период в России?

— Условно говоря, когда начался резкий рост инвестиций — примерно в 2003–2005-х годах.

— В каких еще постсоветских странах переходный период завершен?

— Практически во всех. За исключением специфических случаев, вроде Белоруссии, Узбекистана, Туркмении, где сохранилась старая структура принятия экономических решений. В больших постсоциалистических странах рыночная экономика сформирована и динамично растет.

О ТЕХ, КОГО ТЕРЯЛИ ПО ДОРОГЕ

— Есть важный вопрос для тех, кто все начал в 90-х. Об оправданности либеральной политики. Тогда она виделась панацеей, теперь о ней часто говорят как о главном виновнике всех неприятностей, бывших и настоящих.

— Меня ругают за проведение либеральной политики. Но вот, что забавно: те, кто меня в ней упрекают, регулярно называют меня «псевдолибералом». Но если я псевдолиберал, значит, настоящий либерал — это неплохо?

Знаете, когда у нас велиалиберальную политику, до начала реформ, — добыча нефти сокращалась в год на 50 млн т. И советское правительство обсуждало вопрос о том, что делать, если совсем закончатся деньги. Как быть с советскими дипломатами — и платить им нечем, и вывезти не на что. Сейчас у нас другие проблемы. Может быть, оттого, что мы проводили либеральную политику, создали частную собственность, рыночную экономику, конвертируемую валюту?

Мы прошли тяжелый этап в развитии нашей страны. Общество не обязано понимать разницу между словами «из-за» и «после». После того, как крах советской экономики стал реальностью, наше сограждане не были обязаны понимать, что реформы необходимы, чтобы преодолеть кризис, и не являются его причиной.

— В начале 1990-х я вложила свой ваучер в известную тогда компанию «Московская недвижимость». Несколько месяцев назад выяснила, что мои дивиденды за прошедшие 15 лет составили 26 руб. Это ведь тоже вопрос успеха реформ и приватизационного процесса?

— Мне не нравилась идея ваучерной приватизации. Не нравилась она и Анатолию Борисовичу Чубайсу. Писал тогда об этом. Но мы пришли в правительство, когда уже существовало законодательство о приватизации, и бесплатная приватизация там была прописана. Мы столкнулись с дилеммой: либо сказать, что не согласны с принятым законодательством, останавливаем легальную приватизацию. Но тогда продолжается спонтанная приватизация, при которой просто все растащат «красные директора». Этот процесс шел. Либо говорим: ладно, поверим в теорему Коуза, которая гласит, что если собственность распределена, то раньше или позже она окажется в руках тех, кто ею наилучшим образом распоря-

дится. Будете смеяться, но российский опыт — лучшее подтверждение этой теоремы.

— *А мои 26 руб.?*

— После приватизации начался экономический рост. Дивиденды от приватизации вы сегодня получаете не этими 26 руб., а своей зарплатой. В конце 1991 г. средняя зарплата в России составляла 7 долл. И половина людей, по данным опросов ВЦИОМа, считали, что их ждет голод, отсутствие электричества и тепла.

Есть иллюзия, что все могли стать миллиардерами? На самом деле это было опасное занятие — заниматься бизнесом в то время. Тех, кого по дороге убили, теперь не вспоминают. Но все знают тех, кто оказался достаточно «крутыми», чтобы теперь иметь предприятия с растущим производством и быстро, как на дрожжах, растущей капитализацией. Но этот бизнес нужно было сделать.

«Расслабились — и тут же получили по морде»

Мировая финансовая система переживает непростые времена. Крупнейшая экономика — американская — испытывает серьезные проблемы, при этом доллар становится все дешевле. Стоимость сырья остается высокой, замедляется экономический рост и ускоряется инфляция. Насколько глубоки и долгосрочны эти тенденции и как они отражаются на российской экономике, рассказал журналу «The New Times» директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Сегодняшнее положение дел в мировой экономике во многом зависит от цены на нефть. А она вопреки многим прогнозам колеблется у рекордно высоких отметок. Как долго будет продолжаться подобный тренд?

— Прогнозирование цен на нефть — опасная вещь для профессиональной репутации. Лучшая работа, которую мне довелось читать о цене на нефть, а я читал их сотни, посвящена тому, почему ее нельзя прогнозировать. Участники рынка вкладывают огромные средства, чтобы получить точную аналитику. От ее качества зависит, выиграют они или потеряют миллиарды долларов. Но точных прогнозов пока делать никто не научился. Это своеобразный рынок с разной эластичностью по цене в короткой и долгосрочной перспективе, к тому же сильно изменившийся за последние 20 лет. В начале 1980-х годов рынка нефтяных фьючерсов не существовало. Он появился после того как ушли в прошлое долгосрочные контракты по нефти.

На этот рынок пришли спекулянты. Я использую этот термин в сугубо биржевом смысле: спекулянты — люди, которые берут на себя риски, выигрывая либо проигрывая. Сегодня из-за объема фьючерсных контрактов рынок нефти функционирует подобно финансовому рынку. А финансовые рынки волатильны. Там вели-

Интервью брали Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Андрей КОЛЕСНИКОВ.
Опубликовано в: The New Times. 2008. № 29. 21 июля.

ка роль игроков, для которых горизонт принятия решений — от одного дня до недели. Их не волнует, что будет с рынком через год или даже через месяц: они через 5 дней закроют свои контракты.

КРУТО ВНИЗ

— Но, принимая решения даже на день вперед, надо руководствоваться какой-то информацией. На что ориентируются спекулянты?

— Информация на нефтяном рынке запутанна и противоречива. Из ОПЕК и Международного энергетического агентства приходят разные данные об объемах добычи, о резервных мощностях. Поэтому рынок склонен реагировать на простые индикаторы, скажем, на последние недельные данные о запасах нефти в США. Глобальные тенденции, открытие новых месторождений, изменение спроса и предложения игроков волнуют меньше. В связи с этим прогнозировать рынок невозможно. Можно лишь сказать, что здесь действует стадный инстинкт. Каждый участник ждет, пока остальные решат, что рынку пора идти вниз. После того, как это случится, физических ограничений для глубины падения цены не будет. Некоторые аналитики пишут о том, что уж ниже 60 долл. за баррель мы цены больше не увидим, поскольку серьезные деньги вложены в проекты, которые окупаются только на таком уровне. Да наплевать ключевым участникам рынка на то, какие проекты окупятся или не окупятся! Надо понять — чем дальше цена нефти идет вверх, тем больше риска, что она не просто пойдет вниз, а покатится круто.

— Есть мнение, что еще немного — и экономики ряда государств, из числа тех, что послабее, просто не выдержат нынешнего уровня нефтяных цен и рухнут. Но пока этого не происходит. Насколько мировая экономика адаптировалась к цене барреля от 100 долл. и выше?

— В целом адаптировалась неплохо — и это сюрприз. Если бы лет пять назад кто-нибудь устроил опрос экспертов на тему, способна ли мировая экономика без глобального кризиса адаптироваться к уровню цен на нефть 130–140 долл. за баррель, — был бы консенсус в том, что это невозможно. Нет, она, конечно, и сейчас реагирует на этот уровень цен. Замедление экономического роста в мире — реальность. Впрочем, подобное случается не в первый раз.

Замедлению мирового роста в 2001 г. также предшествовало существенное увеличение цен на нефть.

ПЛАТА ЗА РАСХОДЫ

— Россия вроде бы заинтересована в высоких ценах на нефть: с ними связаны рост ВВП, поступления в бюджет, укрепление рубля... А усматриваете ли вы в нынешнем уровне нефтяных цен угрозы для российской экономики?

— Такие угрозы есть. Я пришел работать в российское правительство после того, как цены на нефть упали в 4 раза — где-то до 18 долл. за баррель, Советский Союз обанкротился. Если бы мне тогда сказали, что в условиях высоких цен на нефть управлять нефтезависимой страной тоже очень непросто, я бы не поверил. Сейчас вижу, насколько это тяжело. Растет политическая поддержка любых расходных проектов: политикам приятно принимать на себя такие обязательства. Трудно объяснить, что если сегодня цены на нефть высокие, это не значит, что они будут такими всегда. Если ты сегодня принял на себя расходные обязательства, их потом трудно отменить. А речь идет о цене на нефть — параметре, от которого наш бюджет сильно зависит. Именно поэтому странам, экономика которых связана с состоянием сырьевых рынков, надо проводить консервативную финансовую политику.

— Как в этом отношении можно оценить нашу финансовую политику?

— Пока она проводится прилично. Правда, в 2007 г. наделали ошибок: видимо, под влиянием выборов решили, что можем себе позволить увеличить бюджетные расходы. Казалось бы, профицит бюджета большой, и с финансовой точки зрения нам ничего не угрожает. Но такие темпы увеличения расходов приводят к росту инфляции. Это и произошло: позволили себе расслабиться, резко — на 20% в реальном исчислении — нарастили бюджетные расходы. Тут же получили по морде. И до сих пор получаем. Есть инерционная инфляция, связанная именно с программой увеличения бюджетных расходов прошлого года.

— Но ведь инфляция растет по всему миру?

— Да, мы наблюдаем глобальный инфляционный тренд, который накладывается на наш российский, что только усугубляет ситуацию.

А также серьезно осложняет принятие решений, направленных на борьбу с замедлением экономического роста. Мы столкнулись с угрозой стагфляции, аналогичной той, что была в мировой экономике во второй половине 1970-х годов, когда экономика не растет, зато растут цены. Надо понимать, что налицо серьезный вызов.

— *При этом в экономическом блоке российского правительства идут дискуссии: не мешает ли борьба с инфляцией экономическому росту.*

— Такие разговоры идут всегда и везде. Вопрос в том, какое решение принимает политическое руководство. Вы думаете, в китайском политическом руководстве не было дискуссии о том, стоит ли заплатить за борьбу с инфляцией торможением экономического роста? Но в октябре прошлого года там было принято твердое и однозначное решение, что если за снижение аномально высокой, по китайским меркам, инфляции надо заплатить уменьшением темпов экономического роста, то они заплатят, потому что иначе потом придется платить больше. Я с таким подходом согласен.

Риски на будущее

— *Какие еще риски Вы видите для нашей экономики?*

— Прежде всего это риск нестабильности банковской системы. Не надо интерпретировать мои слова так, как будто я прогнозирую банковский кризис. Я говорю о другом — о рисках, связанных с изменением баланса по капитальным операциям по сравнению с прошлым годом, о возможности того, что подобные изменения будут резкими на фоне финансовых потрясений, происходящих в мире. Эти риски можно регулировать. У Центробанка достаточно инструментов для управления ликвидностью банковской системы. И у нас компетентное руководство ЦБ. В прошлый раз, когда мы столкнулись с подобной проблемой в начале октября прошлого года, оно оперативно справилось с ситуацией. При этом надо понимать, что Центробанку приходится соблюдать баланс, решая одновременно две противоречивые задачи: с одной стороны, не допустить банковского кризиса, а с другой — добиться постепенного снижения инфляции.

— *Как Вы оцениваете ситуацию на международном валютном рынке, в частности, продолжающееся ослабление доллара по отношению к другим мировым валютам?*

— Не в слабости доллара проблема валютного рынка, а в том, что он пока не адаптирован к увеличению роли Китая в мировой экономике. Рассказывать китайскому руководству, как надо вести курсовую политику, — занятие бесперспективное. Но то, что при серьезном росте доли экономики этой страны китайский юань не конвертируем по капитальным операциям, — серьезная проблема. Вместо того, чтобы адаптироваться к росту доли Китая в мировой экономике естественным образом — за счет укрепления курса юаня, финансовый мир реагирует на это истерически. Отсюда и масштабные колебания курса доллара и евро.

— *И как на этом фоне смотрится российский рубль?*

— То, что наши денежные власти делают в курсовой политике, на мой взгляд, разумно. Они не объявляют своей курсовой политики. В противном случае она становится слишком прогнозируемой, удобной для спекулянтов, которые могут начать играть в сторону как укрепления курса рубля, так и в сторону его ослабления. Курс рубля ориентирован не на доллар, а на корзину валют. По отношению к ней он достаточно стабилен в номинальном выражении.

— *Возможно, стоит более резко укрепить рубль, чтобы обуздать инфляцию?*

— Такие рецепты хорошо смотрятся в аналитической статье. В реальной жизни это рискованная игра. Трудно предугадать, что получится в результате. Можно получить и резкое увеличение контрактов на закупку рубля, соответственно — рост притока спекулятивного капитала, ускорение инфляции. Возможно, сейчас, в условиях мирового финансового кризиса, можно поэкспериментировать с такой политикой, исходя из гипотезы, что она сработает на фоне утечки спекулятивного капитала на американский рынок. Но я бы, например, на месте председателя ЦБ на такие эксперименты не решился. Ведь отвечать за последствия придется ему, а не тем, кто пишет теоретические статьи.

В зоне турбулентности

— *Насколько реальна цель, поставленная нашим руководством, — сделать рубль региональной резервной валютой?*

— Сделать рубль аналогом доллара и евро — задача в среднесрочной перспективе не решаемая. А придать рублю в мировой финан-

совой системе роль, подобную той, что играют фунт стерлингов, канадский или австралийский доллар, — реально. Это уважаемая роль резервной валюты второго плана. Россия сейчас всерьез обсуждает вопрос о том, чтобы в наши валютные резервы включить швейцарский франк. Понятно, что за швейцарским франком стоит вековая история стабильности. Рубль пока такой историей похвастаться не может. Ставить задачу сделать рубль мировой резервной валютой за два года бессмысленно. А сделать это лет за 15 — если проводить разумную и ответственную финансовую политику, — задача, имеющая решение.

— Могут ли потрясения на финансовых рынках развернуться в полномасштабный мировой кризис, который похоронит все экономические прогнозы?

— Великую депрессию спрогнозировать невозможно. Но многие авторитетные экономисты утверждают, что мир вступает в одну из самых серьезных депрессий за последние десятилетия. Это не значит, что они окажутся правы. Но действительно многие показатели, от которых зависит самочувствие мировой экономики, отвратительны. То, что мы находимся в зоне турбулентности мировой экономики, — факт общепризнанный. Вопрос в том, насколько глубокой окажется депрессия, насколько сильно она скажется на сырьевых ценах, на потоках капитала... Но мы живем уже в другом мире по сравнению с 2006 г. В нем надо быть предельно мобилизованным, ответственным, не позволять себе ошибок в экономической политике.

Дефолт победителей

Десятилетний юбилей дефолта проходит на фоне очередного нестроения в мировой финансовой системе. Впрочем, в 2008 г. российская экономика крепче на несколько порядков, и вряд ли ее ожидает повторение августа 1998-го. Кстати, тот факт, что импульс нынешнему экономическому росту был задан разрушительными последствиями того самого дефолта, не отрицают сегодня даже самые непримиримые оппоненты. Другое дело, что дискуссия о причинах и виновниках финансовой катастрофы десятилетней давности и не думает утихать. Егор Гайдар в августе 1998-го являлся одним из экспертов, кто порекомендовал правительству Кириненко объявить дефолт.

— Егор Тимурович, так чем был дефолт — спасительным «кровопусканием» либо роковым ударом?

— Это была финансовая катастрофа, но она имела объективные предпосылки: кризис, связанный с крахом СССР, банкротством советской экономики и тяжелым периодом адаптации к новым условиям. Кризис имел место на всем постсоветском пространстве. Другое дело, что разным странам потребовалось разное время, чтобы стабилизировать финансы, создать новые институты, предпосылки динамичного роста, который наблюдается в последние 10 лет.

— Но многие страны обошлись при этом без дефолта.

— В конце 1994 г. была развилка: пытаться или нет остановить инфляцию до того, как по политическим причинам мы сможем навести порядок в бюджете. И я, и Анатолий Чубайс, и руководство ЦБ много отдали бы за возможность сократить бюджетный дефицит и свести риски инфляции к минимуму. Помню карикатуры на меня в разных изданиях или в «Куклах», где я, как заведенный, повторяю: нам нужен бездефицитный бюджет. Но трудно было этого

Интервью брала Валерия СЫЧЕВА.
Опубликовано в: Итоги. 2008. № 33. 12 августа.

добиться из-за позиции парламентского большинства, лобби. Мы все же прекратили эмиссионное финансирование бюджета. Это был один из самых серьезных шагов по остановке экстремально высокой инфляции и соответственно запуску восстановительного экономического роста. Эксперимент был опасным, но вынужденным.

— Понимали ли в правительстве масштабы финансовой катастрофы в случае неуспеха?

— Понимали риски, хотели подкрепить жесткую денежную политику жесткой бюджетной. Но этому помешали сразу два роковых обстоятельства. Прежде всего президентские выборы 1996 г., которые, как обычно бывает, привели к ослаблению бюджетной политики, а значит — оценке страновых рисков как повышенных. Последовал отток капитала и рост ставки по ГКО. Когда мы вышли из выборов, рынки сочли, что политическая стабильность обеспечена и можно приходить в страну. К лету 1997 г. казалось, что все сработало и пик нестабильности пройден. Но грянул кризис в Юго-Восточной Азии, и в ноябре мы столкнулись с массовым оттоком капитала. Было ясно, что Россия в опасном поле: любая неточность, ошибка может обойтись дорого.

— А ошибки были?

— Конечно, были. Но в подобной ситуации полностью избежать их непросто. Андрей Илларионов рассказывал о том, как он предсказал дефолт. Это чистая правда. Но не стоит думать, что, скажем, тогдашнее руководство ЦБ хуже него видело риски. Другое дело, что когда финансовая система находится на грани катастрофы, надо быть очень осторожным со словами. Илларионов был одним из тех, кто был хорошо осведомлен об опасности ситуации. Таких людей было, наверное, человек двадцать. Но подавляющее большинство из них полагало, что риски нельзя публично обсуждать в условиях острого финансового кризиса. Когда авторитетные, причастные к выработке экономической политики специалисты начинают об этом говорить, финансовая катастрофа становится неизбежной. Инвесторы в таких ситуациях дают указания выводить деньги с рынка.

— Был ли иной выход? Скажем, Бразилия дефолта избежала, хотя оказалась примерно в том же положении.

— Да, у нас с Бразилией были сходные проблемы. Но ее финансовые власти чуть быстрее и точнее реагировали на ситуа-

цию — там был политический консенсус. В России же у правительства не было парламентского большинства. Помнится, за месяц до событий 17 августа мой старый друг Стенли Фишер, тогда первый заместитель директора — распорядителя МВФ, спросил меня: «Неужели ваши элиты не могут договориться, с тем чтобы предотвратить столь серьезную угрозу?». Я ответил: «У нас парламентское большинство составляют коммунисты, которые получают голоса бедных. Поэтому забудьте о том, что они придут к нам на помощь, чтобы предотвратить кризис, который приведет к тому, что бедных станет больше».

— Тем не менее летом 1998-го все же выделил России еще один кредит.

— Анатолий Чубайс совершил чудо: в фантастически короткие сроки согласовал с МВФ выделение нового кредита в 22 млрд долл. Кстати, он совершенно не хотел заниматься кризисом, уже работал в РАО «ЕЭС». Но крупные российские предприниматели, употребившие все силы, чтобы снять его с должности в правительстве, пришли к нему же с просьбой: спасай.

— Но дал лишь 4,8 млрд.

— Такие транши предполагают договоренности о мерах по стабилизации финансового положения страны-получателя. Наше правительство пришло с этим в Думу и ушло ни с чем. В общем, рынок к началу августа получил двойственный сигнал. С одной стороны, мы договорились с МВФ, с другой — стало ясно, что российские власти не могут выполнить условия этого контракта. С 5 августа начался панический отток капитала и соответственно катастрофическое падение объема золотовалютных резервов. Стало ясно, что если ничего не делать, то через несколько дней мы так или иначе будем вынуждены объявить дефолт, как Советский Союз в 1991 г., просто потому, что у нас не останется ни копейки. Альтернатива — попытаться выйти из этого положения, пусть через катастрофу, но не сопоставимую по масштабам с той, что случилась в 1991-м. Что, собственно, и было сделано.

— Когда и кому пришла в голову идея заморозить внутренний долг?

— Ключевые дискуссии начались в пятницу, 14 августа вечером, уже после закрытия бирж во избежание утечки информации. Они разворачивались в очень узком кругу, включая руководство правительства, Минфина и ЦБ. Обсуждение было продолжено в субботу

утром на даче у главы правительства Сергея Кириенко. Утечка пошла где-то с двух часов в субботу, после того как было проведено совещание в чуть более широком кругу — ведь нужно было готовить соответствующие документы. Довольно тяжелый переговорный процесс, в том числе на международном уровне, завершился решением правительства и ЦБ, обнародованным 17 августа.

Кстати, само по себе оно никаких катастрофических последствий не несло: в первые пять дней не было ни обвального падения рубля, ни резкого ускорения инфляции, ни паники. Но потом Борис Ельцин, которого я глубоко уважаю, под влиянием некоторых людей принял решение отправить правительство Кириенко в отставку. Это была катастрофа. Дело не в том, хорошо было то правительство или нет, но на переправе коней не меняют. Именно с ним МВФ согласовывал пакет помощи России. Отставка, по сути, обесценила эти договоренности, и это прекрасно понимали все игроки рынка. А тут еще заявление потенциального кандидата в премьеры о контролируемой эмиссии. Вот после этого мы действительно получили четырехкратное падение курса рубля, дополнительный отток капитала и резкое ускорение инфляции. Так что ключевым моментом, спровоцировавшим кризис, было даже не решение о дефолте, а отставка правительства.

— Оправданы ли слухи о том, что правительство Кириенко было специально назначено «под дефолт»?

— Это не так. Да, Сергей Кириенко был назначен, когда риск кризисного развития событий был очевиден. Так же было и с правительством, в которое в свое время пришел работать я. Иначе трудно представить, почему 60-летние «крепкие хозяйственники», которые управляли прежними правительствами накануне кризисов, паковали чемоданы и уходили, передав бремя правления молодым людям.

— Почему власти в феврале 1998 г. проигнорировали предложение Госдумы о реструктуризации внутреннего долга?

— Дело в том, что вся эта болтовня больше всего помогала кризису. Представьте себе, что вы — инвестор, и в парламенте страны, в которую вы вложили деньги, начинает обсуждаться вопрос о том, не стоит ли на 10 лет реструктурировать долговые обязательства. Каким через пять минут будет ваше решение?

— Согласны ли Вы с выводами Временной комиссии по расследованию обстоятельств дефолта о том, что это решение было принято без соответствующих процедур и согласований?

— Такие решения нельзя принимать по процедуре. В противном случае его авторам придется отвечать за то, кто и сколько своровал на разных этапах согласования.

— А как быть с выводами той же комиссии о нарушении режима секретности, в частности — информационной утечке в направлении международных финансовых организаций?

— Нам позарез нужны были согласования с ними: мы остро нуждались в кредитах. Миссия МВФ прибыла в Москву 15 августа — вечером в субботу, когда биржи были закрыты, и мы добились согласования решения о дефолте с МВФ в ночь на воскресенье, до открытия торгов. Конечно, какой-то утечки информации, условно говоря, на азиатские биржи, полностью исключить было нельзя. Также возникли внутренние проблемы в МВФ. Один из его руководителей в это время, к несчастью, оказался в самолете и был вне связи. Мы решили эту проблему к 5 утра понедельника, 17 августа. То, что какая-то информация могла утечь, в полном объеме исключить нельзя.

— Каков «сухой остаток» дефолта?

— Последствия кризиса оказались краткосрочными. Рыночная экономика России в отличие от 1991 г. среагировала на девальвацию рубля не остановкой производства, а его увеличением и вытеснением импорта. Рост восстановился через несколько месяцев после дефолта на фоне очень низких нефтяных цен и продолжается уже 10 лет. Если бы меня сегодня спросили: было бы лучше, если бы мы вытащили экономику без дефолта, как бразильцы, то я бы не ответил. Возможно, я, как и тогда, продолжал бы настаивать на попытке избежать дефолта. Но надо учесть, что бразильцы в результате получили гораздо большие проблемы и более низкие темпы экономического роста, чем у нас.

— Каковы уроки дефолта? Учитывались ли они в последующей финансовой политике?

— Главный урок простой: нельзя долго сочетать жесткую денежную политику для снижения инфляции и мягкую бюджетную. Нынешние финансовые власти этот урок извлекли. Иначе откуда у нас Стабфонд и третий в мире золотовалютные резервы?

— Стоит ли сегодня верить во всемогущество Стабфонда и золотовалютных запасов?

— Во всемогущество — нет. Но в то, что мы создали себе резервы, которые делают наше положение неизмеримо более устойчи-

вым, — безусловно. В какой степени эффективно мы используем накопления, будет зависеть от проводимой экономической и денежной политики.

— Затронет ли Россию мировой кризис?

— Уже затронул. Если в прошлом году мы получили приток капитала в 82 млрд долл., то в этом году точно не будет таких объемов. В некотором смысле это не так уж и плохо, потому что дает надежду на снижение инфляции. Но, с другой стороны, создает проблемы с ликвидностью. Однако пока у ЦБ достаточно резервов, чтобы справиться с любыми вызовами.

— Ожидается ли корпоративные дефолты? Стоит ли их гасить за счет государственных резервов?

— Я бы предпочел, чтобы наши госкорпорации сами озабочились погашением долгов. Но это важнейшая, на мой взгляд, забота правительства. Оно, наконец, начало обсуждать эту тему. На протяжении последующих полутора лет мы сможем регулировать эту проблему за счет накопленных резервов. Другое дело, если речь пойдет о длительном падении цен на наши основные экспортные товары. Сами по себе резервы для компенсации таких потерь, конечно, недостаточны. Но при разумной политике они позволяют адаптироваться к происходящему без катастроф. Мы в нашем институте делали соответствующие разработки по просьбе финансово-денежных властей и пришли к выводу: даже при самом худшем развитии событий в перспективе двух лет повторения чего-то подобного августа 1998 г. не произойдет. Может последовать замедление роста зарплат, темпов экономического роста, трудности в банковской системе. Возможно и номинальное ослабление рубля к корзине валют. Но все это — без катастроф.

Егор Гайдар: «Информационную войну мы проиграли»

Несмотря на победу России в пятидневном грузино-осетинском военном конфликте, остальной мир благодаря западным СМИ продолжает считать нашу страну не защитницей своих граждан в Южной Осетии, а агрессором и державой-оккупантом. В причинах проигрыша России другой войны — информационной, а также в том, почему российско-грузинские отношения стали абсолютно никакими, «Неделя» попыталась разобраться, дозвонившись до известного экономиста, а в прошлом и премьер-министра России Егора Гайдара.

— Егор Тимурович, Вас не удивило, что практически весь мир, с подачи известных СМИ, сравнивавших наши военные операции в Южной Осетии с вводом советских войск в Венгрию и Чехословакию, смотрит на нас с подозрением?

— Нет, не удивило. Мы живем в достаточно жестком мире, в том числе и жестком информационном. И это надо было предвидеть, с этим работать, и здесь, мы, в отличие от «горячей» войны, войну за информацию проиграли.

— А почему?

— Были недостаточно умелыми, недостаточно готовыми. И недостаточно понимали, как устроен информационный мир, что реально важно для выигрыша информационной войны. Конечно, сказалось то, что в грузинском руководстве очень много людей, говорящих на хорошем английском языке, которые апеллируют вполне понятно к американским ценностям, к их образу жизни, а у нас этого не было. Все, что смогли сделать грузины профессионально, — это убедить американцев, что речь идет об акте агрессии со стороны России, и сделали это, к сожалению, очень качественно.

Интервью брал Сергей КОЧНЕВ.
Опубликовано в: Челнинская неделя. 2008. № 34. 22 августа.

— О каком качестве информации может идти речь, когда американские каналы показывают Цхинвал, но говорят при этом, что на экране город Гори! Стоит ли наказывать за этот служебный подлог журналистов?

— Ну что вы! На мой взгляд, конечно, лучше говорить правду. Но если вы думаете, что вас в реальной жизни всегда будут поощрять за то, что вы говорите правду, то это не совсем так. Это будет происходить, но не сразу.

Понимаете, война есть война, это жестокая реальность. Информационная война — это часть войны, и ее надо также выигрывать. И когда ты объясняешь другу, почему ты проиграл информационную войну, это лучше сделать на лестнице.

— В принципе, это уже понятно всем. Каким средствам массовой информации Вы отдавали предпочтение в дни конфликта?

— Я смотрел и российские телеканалы, и западные. Но беда наших СМИ состояла в том, что они были целиком ориентированы на нашего зрителя и сделали это замечательно, справились хорошо. А что касается воздействия на войска противника, тут было хуже.

— Осознает ли Грузия, что из-за этого конфликта она надолго рассорилась с Россией?

— Да, это непростой для грузин момент.

— Но почему в Грузии нет сил, выступающих за тесное и, казалось бы, очень выгодное сотрудничество с нашей страной?

— Радикальный национализм — это очень эффективное политическое оружие на фоне постимперского пространства. И в связи с этим те люди, которые в России разыгрывают карту русского национализма, ничем принципиально не отличаются от тех, кто разыгрывает карту радикального грузинского национализма. Это люди абсолютно безответственные, они очень опасны, но при этом политически достаточно эффективны. Крах любой империи — это всегда большой риск, и играть на проблемах, которые возникают после него, довольно легко. А проблемы, которые нормальные люди, не связанные с политикой, потом вынуждены решать, гораздо сложнее.

— Если Грузия давным-давно перестала быть нашим другом, то кто теперь для нас США с их антироссийской риторикой? Мы стали врагами?

— Считаю, что это неправильная точка зрения: мы объективно заинтересованы в сотрудничестве с США, как и США заинте-

ресованы в объективном сотрудничестве с нами. У нас есть масса серьезных общих проблем — от нераспространения ядерного оружия до сотрудничества по урегулированию мирового продовольственного кризиса. Да, у нас может быть много разногласий по разным вопросам, но они всегда случаются. И делать из России врага для Америки или наоборот — это не в интересах наших стран.

— Значит, пока это исключительно нездоровая реакция?

— Да, она излишне эмоциональная, и время все расставит на свои места.

— Егор Тимурович, а важна ли была для России поддержка ее действий в мировом сообществе? Такое впечатление, что нас практически никто не поддержал.

— Это было важно. Но отсутствие поддержки России — это следствие наших же ошибок во внешней политике, которых мы за последние годы наделали немало. Но на ошибках учимся, и нам нужно не обижаться на весь мир, а извлекать из ошибок уроки.

Кризис — это механизм очищения экономики от слабостей

Талант экономиста в том, чтобы предсказывать развитие событий, а потом объяснять, почему не случилось то, что он предсказывал. А вот Егор Гайдар, выступая в январе на ученом совете Института экономики переходного периода (ИЭПП), весьма точно спрогнозировал начало мирового кризиса. О том, как ему это удалось и что будет дальше, директор рассказал «The New Times».

Доклад, посвященный рискам развития российской экономики, был подготовлен еще в октябре 2006 г. Дело не в особом даре предвидения. Мы убеждены в том, что цикличность развития мировой экономики важна для страны, в существенной степени зависящей от притока и оттока капиталов, от цен на нефть, нефтепродукты, газ и металлы.

Некоторые коллеги упрекают нас в том, что мы, пережившие катастрофу 90-х годов, связанную с крахом советской экономики, обладаем деформированным сознанием и все время думаем о катастрофах, которых не будет. Мы действительно были вынуждены разбираться с последствиями банкротства Советского Союза. Этот опыт и заставил нас системно анализировать риски устойчивости развития страны. Один из сценариев, который был описан в нашем докладе 2006 г. (самый пессимистический), сейчас реализован с точностью до цифр.

Новый необъяснимый мир

Наша оценка рисков стала базой для создания Стабилизационного фонда, накопления золотовалютных резервов. Если бы денежные власти не накопили эти резервы, они были бы не в силах

Имя журналиста, бравшего интервью, в газете не указано.
Опубликовано в: The New Times. 2008. №42. 20 октября.

противостоять нынешним обстоятельствам непреодолимой силы, как были неспособны противостоять им советские власти после резкого падения цен на нефть в 1985–1986 гг. Сейчас российские власти обладают ресурсами, позволяющими противостоять кризису, и они пытаются их использовать — не идеально, но достаточно эффективно.

Сегодня аналитики проводят параллели между нынешним кризисом и теми, которые сотрясали планету в XX в. Но надо понимать, что мы живем в быстро меняющемся мире. Конечно, можно провести параллели и с кризисом 1907 г., и с Великой депрессией, и они будут разумными. Но следует учитывать, что мир 1907 г. — это мир золотовалютного стандарта. Мир Великой депрессии — это мир кризиса золотовалютного стандарта. Мы живем в ином мире, где нет каркаса золотовалютного стандарта, позволяющего обеспечивать денежную стабильность, где курсы ведущих мировых валют плавающие. Как этот новый мир работает, никто еще толком не понимает. Никто не смог спрогнозировать ни мексиканский кризис 1994 г., ни кризис в Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг. Нынешние трудности — это новый вызов, требующий поиска адекватных ответов.

Главное — банковская система

Многие ищут истоки проблем в ипотечном кризисе, разразившемся в США еще год назад. Однако я считаю, что серьезный ответ на вопрос об истоках нынешнего кризиса можно дать не раньше чем через год. Это требует специального и серьезного анализа. Конечно, мягкая денежная политика в США, направленная на то, чтобы сгладить рецессию 2001 г. и минимизировать возможные циклические колебания, способствовала накоплению крупных проблем в американской финансовой системе и реальном секторе. Такая политика создала базу для образования нескольких мыльных пузырей.

Если говорить о возможных последствиях финансового кризиса для России, то принципиально важна стабильность банковской системы. Когда кризис закончится, можно будет разбираться, кого наказывать. А во время тяжелого финансового кризиса надо сохранить доверие вкладчиков к банковской системе. Иначе за от-

существие этого доверия заплатим дороже. Все остальное — что будет с валютным курсом, с фондовым рынком — это производные вопросы.

Когда все это закончится

Ответа на вопрос, сколько продлится кризис на мировых финансовых рынках, не знает никто. Экспертные оценки показывают, что выход из кризиса вероятен в четвертом квартале 2009 г.

Пока мы ждем замедления темпов роста в реальном секторе российской экономики. Отток капитала и снижение цен на энергоносители создают благоприятный фон для борьбы с инфляцией. Ее снижение возможно с лагом в 6–9 месяцев. Но здесь сталкиваются два противоположно направленных фактора: с одной стороны, снижение притока капитала и падение цен на нефть приводят к сокращению темпов роста денежной массы, с другой — проблемы в банковской системе требуют от ЦБ мер по ее поддержке. Денежные власти должны найти тонкий баланс между сохранением стабильности банковской системы и снижением инфляции.

ДОРОГИЕ ДЕНЬГИ

Нашей экономике предстоит научиться жить при дорогих деньгах. Это означает снижение темпов экономического роста, другую ситуацию на рынке труда. Среднестатистическому россиянину придется жить в условиях, когда инфляция, вероятно, будет ниже, процентная ставка по его вкладам в реальном исчислении выше, темпы роста реальных доходов ниже, шансы, что он потеряет свое рабочее место, выше.

Тем, кто занят в коммерческом секторе, нужно готовиться к тому, что их бонусы окажутся нулевыми. В экономике и для предприятий, и для физических лиц важна доступность кредита. Сейчас он практически отсутствует. Меры Центрального банка, связанные с повышением ликвидности банковской системы, дают определенные шансы на восстановление кредитного рынка, но не гарантируют решения этой проблемы. Риски, о которых много говорят в последнее время, в том числе и коррупция при распределении средств, выделяемых государством, имеют место. С этими рисками

надо работать, минимизировать их. Большая ошибка думать, что если вы дали деньги трем государственным банкам, то проблемы банковской системы решены.

Трудно прогнозировать, как будет меняться валютный курс. Это будет зависеть от того, насколько продолжительным окажется замедление темпов роста в мире. Обычно в случае замедления мирового экономического роста финансовые активы переводятся в ценные бумаги стран, обладающих мировыми резервными валютами. Сейчас резервные валюты — это доллар и евро, резервные валюты второго плана — фунт стерлингов, иена, швейцарский франк. Рубль пока не является мировой резервной валютой. Если принять гипотезу, что замедление экономического роста — это краткосрочный феномен, то нет смысла терять деньги на комиссиях, связанных с изменением структуры активов. Если принять гипотезу, что мы вступили в длительный период низких темпов экономического роста, то стратегия должна быть иной.

ОКНО ДЛЯ РЕФОРМ

Мир выйдет из кризиса более жестким. Кризис — это механизм очищения экономики от слабостей. Будет улучшен менеджмент крупнейших компаний, будут сокращены издержки, повышенено качество продукции. России придется конкурировать в более жестком мире. Это вызов, который при правильном понимании происходящего властями и деловой элитой заставит сделать отечественную экономику более конкурентоспособной. В какой степени мы окажемся готовы ответить на этот вызов — покажет время.

Пока можно констатировать, что у государства, которое активно приходит в экономику на волне кризиса, возникает серьезный соблазн там задержаться. Напомню: в 1991 г., когда обанкротился Советский Союз, государство почти целиком владело экономикой. Это бремя оказалось ему не под силу. Мне не кажется, что наше государство сегодня намного эффективнее, чем в 1990–1991 гг.

Кризисная ситуация открывает окно возможностей. Кризис 1998 г. я и мои коллеги восприняли именно как окно возможностей. Реформы, которые не проходили до того по политическим соображениям, в результате кризиса оказались реализованными — от налоговой до реформы систем фискального федерализма. Сей-

час ситуация схожая. Кризис позволяет всерьез работать над программой необходимых для страны реформ, забыв о политических ограничениях. Сегодня в повестке дня пенсионная реформа, реформа «Газпрома», ЖКХ, новая волна приватизации, военная реформа, сокращение круга бюджетных статей, которые являются секретными, прозрачность процедуры принятия государственных решений, гарантии частной собственности, независимость судебной системы. Все это в докризисные времена обсуждалось, но было нереализуемо на практике.

Кризис приведет к политическим последствиям. Управлять Россией при цене на нефть 140 долл. за баррель и 70 долл. за баррель — это разные задачи. Это изменит условия работы российских властей. Возможны два сценария развития событий — либерализация режима и попытка его ужесточения. Не знаю, по какому пути пойдет наша страна, но могу определенно сказать: если стратегией, которую выбирают власти, становится ужесточение режима, то это будет ошибкой. Ужесточение режима может быть успешным в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе этот курс лишь прокладывает дорогу к новым потрясениям, которых в России XX в. и так хватало.

Поэтому надеюсь, что кризис отрезвит российские власти, элиту, граждан. Что сократится объем популизма в экономической политике, проявится более трезвый подход к расходным программам бюджета, менее слышным станет барабанный бой во внешнеполитической риторике.

Отказ от либеральной политики стоит дорого. Нынешний кризис нельзя отрывать от предшествующих 200 лет экономической истории. Они показали, что создание либеральных институтов открывает дорогу многократному, по сравнению с предшествующими тысячелетиями, ускорению экономического роста. Ускорение экономического роста, урбанизация, рост продолжительности жизни, связанные с созданием либеральных институтов (условно говоря — по Адаму Смиту), вносят дополнительные элементы нестабильности, связанные с изменениями мировой конъюнктуры. Но даже в условиях кризиса стоит помнить, что пока эти институты отсутствовали, никакого среднедушевого роста ВВП на протяжении тысячелетий не было.

«ПОГОДА» НА ЗАВТРА

Если говорить о долгосрочном прогнозе развития мировой экономики, то страны, которые имеют преимущества догоняющего развития, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия, вероятно, будут расти быстрее, чем мировая экономика в целом. Пока ничто не убеждает меня в том, что мало-мальски прилично управляемые страны, которые имеют потенциал догоняющего развития, не будут постепенно приближаться к странам-лидерам.

Возможно, что появятся новые растущие рынки. БРИК — это же не закрытый перечень. Просто это самые крупные из развивающихся рынков. Но есть и другие. Например, Южная Африка.

Мировая экономика пройдет еще не через один кризис. Надо учитывать, что наиболее распространенный диапазон проявления периодов замедления темпов экономического роста на протяжении последних 200 лет — от 5 до 10 лет.

Над иерархией ситуаций

Влиятельный журнал «Foreign Policy» в 2008 г. опубликовал рейтинг 100 интеллектуалов, в текущий момент оказывающих наибольшее влияние на человечество. В перечень «лучших умов мира» вошли специалисты в разных областях знания, кто, абстрагируясь от сферы своих интересов, воздействует на понимание процессов в других отраслях. Здесь политологи, экономисты, философы, писатели, журналисты... Из них 36 проживают в Северной Америке, по 4 — в Латинской Америке и Африке, в Азии — 12 и т.д. В Европе — 30, трое из них живут в России. Первой в российском списке идет фамилия — Гайдар Егор Тимурович. Хотя не только этим определялся выбор эксперта для участия в обсуждении одного из важнейших антропологических определений — значения интеллектуализма в вопросах взаимосвязи политики и экономики. Роли личности в реформаторстве общественных и государственных структур. Плюсов и минусов в традиционном историческом списке отечественных политиков, называемых экономическими новаторами, среди которых Петр I, Екатерина II, Александр II, П.А. Столыпин, А.И. Рыков, А.Н. Косыгин и Е.Т. Гайдар. Еще хотелось услышать мнение убежденного либерала по поводу состояния культуры в условиях свободного рынка, стоимости интеллекта и каверз предпринимательства. Ему — слово.

Религиозно-философский агностицизм, глубоко грустное и великое «не знаю», быть может, так же ценные в очах Всевышнего, как молитвы молящихся и исступленность боговдохновенных.

Константин Бальмонт

Политика — это сила. Имею в виду не просто способность применять насилие, но способность, зависимую от финансирования подобных действий. А в какой степени возможно или нужно их финансировать, диктует состояние экономики. Конечно, политика и экономика взаимосвязаны. В истории человечества зависимость

Интервью брал Андрей ЦАРЕВ.
Опубликовано в: Персона. 2008. № 6–7. 21 октября.

менялась. Одна из асимметрий мира, существовавшая несколько веков назад, состояла в том, что кочевые народы имели крупный военный потенциал в силу навыков, которые объединяли скотоводство и военное дело. Они обладали превосходством, неоднократно ими показанным перед экономически развитыми, более богатыми, но оседлыми народами. Так было до времени, называемого периодом «пороховых империй». С этого момента вопрос о том, кто и сколько сможет мобилизовать финансовых ресурсов для военных действий, стал определяющим для исхода войны. Крупный государственный деятель, Ж. Монне, один из основателей европейского сообщества, представлявший Европу в США в первые годы Второй мировой войны, написал в мемуарах, что, когда ему удалось включить американцев в мировую войну, главные вопросы были решены. Остальное — дело техники. Победа, по его мнению, была обеспечена.

Если назвать имя человека, оказавшего огромное влияние на экономическую историю последних двух веков, — это Адам Смит. Развитие событий в Северо-Западной Европе было ключевым в запуске механизма, который называется «современный экономический рост». Он характеризуется резким, не на процен ты, а в разы ускорением темпов экономического развития. Адам Смит, сыгравший ключевую роль в истории Европы, не был политиком. Но если посмотреть материалы заседаний британского парламента того времени, видно, что ссылки на Адама Смита были важнейшими аргументами в дебатах об экономической политике.

Стоит назвать и имя Карла Маркса. Он был серьезным и ярким экономистом, человеком, активно участвовавшим в мировой политике. Многое из написанного Марксом оказалось неправильным. Но притягательность марксизма заключалась в том, что он, как думали его последователи, открыл так называемые железные законы истории. Что это такое? Это экономический механизм, подтверждающий наличие непреложных правил развития исторического процесса. У Маркса этот тезис был сформулирован более деликатно. Его последователи высказывались более грубо и прямолинейно. Идеи, доминировавшие в марксистском видении мира конца XIX — начала XX в., во многом закладывали логику действий партии большевиков в канун революции и Гражданской войны. По «железным законам истории» Маркса в том варианте, который

разделяли марксисты в конце XIX в., менее развитые государства повторяют путь развития более развитых стран, показывающих им дорогу в будущее. Отсюда тяжелая проблема для российских марксистов. Согласно учению, экономическое будущее развивающихся стран одно — капитализм. Оно предопределено «железными законами». А капитализм — это обнищание трудового населения, социальная дифференциация, масса социальных недугов. И что же, теперь марксисты должны помочь такому развитию событий?

Марксизм к тому времени был влиятельным и притягательным учением. Маркс писал свои работы, адресуясь к пролетариату развитых стран. Россия к этому времени такой не была. Но он был проницательным человеком. В какой-то момент он понял, что ошибся, социальной революции в Англии не будет, в других развитых странах тоже, проблемы социальной дестабилизации характерны для ранних этапов индустриализации. С этого времени начал учить русский язык, интересоваться российскими делами, понял, что страны, проходящие ранний этап индустриализации, такие как Россия, потенциально могут стать местом социальной революции.

И Адам Смит, и Карл Маркс оказали сильное влияние на ход политических событий конца XVIII — начала XXI в.

Огромную роль в развитии событий во второй половине XX в. сыграла Маргарет Тэтчер. Она была ярким политиком, не была тонким интеллектуалом, но сумела поменять идеологический ландшафт в одной из крупных мировых держав. К тому времени, когда она пришла к руководству консервативной партии, на протяжении многих лет существовал консенсус между лейбористами и консерваторами по основным вопросам экономической политики. Идея, что, чем больше воздействие государства на экономику, тем лучше, доминировала. М. Тэтчер, прислушиваясь к советам тех экономистов, которые в этом сомневались, радикально повернула вектор экономической политики. Даже руководство ее партии такое решение поддержало с трудом. Но она была волевым человеком, сумела воплотить свои идеи в жизнь, ограничить рост государственных расходов, изменить налоговую политику. Реформы были успешными. Они во многом задали образец поведения в мире на следующие десятилетия. В том же направлении стала действовать администрация Р. Рейгана. Тренд роста государственных расходов,

начавшийся в 60–70-х годах XIX в., был изменен. В современном цивилизованном мире доля государства в расходах и доходах ВВП велика, это неизбежно, но по меньшей мере была остановлена тенденция к ее постоянному наращиванию.

Можно назвать примеры успешного соединения в одном лице хорошего экономиста и политика. Людвиг Эрхард — экономист, который стал министром финансов. Он ликвидировал дефицит в Германии, создал базу для динамичного экономического роста, того, что называется «германское экономическое чудо». Но это исключение. Могу привести пример блестящего экономиста, который оказался не слишком удачным экономическим политиком, — И. Шумпетер. Он был министром финансов Австрии во время гиперинфляции, пытался ее остановить и не смог.

В список отечественных политиков, серьезно разбирающихся в экономике, добавил бы А. Чубайса. Что касается исторических личностей, могу назвать имя премьера российского правительства Сергея Юльевича Витте — политика начала XX в. С. Витте провел успешную денежную реформу, стабилизировал российскую финансовую систему. Он готовил интеллектуальную базу для земельной реформы П. Столыпина. Личные отношения Витте и Столыпина складывались нелегко, они были разными людьми, но во многом делали общее дело.

К концу 20-х годов XX в. российская экономическая школа была одной из лидирующих в мире. Можно посмотреть, сколько ссылок на работы ведущих экономистов России 1920-х годов приводится сегодня. Что с ней случилось, известно. Вместо создания новых научных школ, ее лидеры разъехались по сталинским лагерям. Многих из них просто расстреляли. Альберт Вайнштейн просидел в лагерях 17 лет. Кондратьев и Юровский не выжили. После того, как Вайнштейн вышел из лагеря, он оставался источником экономической культуры в СССР. Но в целом экономическую школу вырубили. Восстанавливать ее непросто. Одно дело, когда есть научные традиции, преемственность. Другое, когда нет ничего.

На фоне слабых традиций отечественной экономической науки стали развиваться события, связанные с крахом Советского Союза, советской экономики, с переходными процессами, с началом нового экономического роста. В России многие ориентируются на стандартные западные модели, пригодные для устойчивых рыночных

экономик. Они не приспособлены для анализа переходных процессов. Но пришло время отталкиваться от практики. Мне приходилось писать об особенностях отечественных традиций, их влиянии на наше экономическое развитие. Но выход один — лучше учиться и больше работать.

По вопросу о коммерциализации культуры. Здесь нет универсальных защитных мер. Это вопрос морали. Интеллект при рыночной экономике — востребованный продукт. Суть в том, на каких условиях вы готовы его продавать. Если просто ради денег, у вас один рынок. Предлагаете на своих условиях — другой. Во втором случае будете получать меньше денег. Действуют экономические законы. Репутация стоит дорого.

Всегда есть выбор потребителей для предлагаемого вами продукта. У каждого производителя — своя аудитория. Осталось выбирать. Есть и вызовы, и риски. Вспомним подъем европейской культуры — Ренессанс, который тесно связан с началом формирования капитализма в Западной Европе. Утверждать, что капитализм и культура несовместимы — значит исказить историю.

В условиях рынка часть культурных продуктов ориентируется на наиболее рентабельные его сегменты. Те, кто знают историю и экономику, понимают, что современное массовое кинопроизводство создается в первую очередь для подростков. Это плохо для качества фильмов. Происходит коммерциализация части культуры. Но что это, вся культура? А Мариинский театр? Искусство асимильтично связано с повседневной жизнью. В 1920-х годах советское социалистическое государство поддерживало искусство авангарда. Но русский авангард связан с трагедией революций, с крушением «серебряного века» и Гражданской войной. Люди, творившие в то время, прошли через страшные испытания. Не хочу, чтобы для повышения качества современного искусства, страна испытала бы подобную трагедию.

В зоне серьезной турбулентности

Егор Гайдар уверен, что российская экономика при определенных условиях сможет избежать катастрофы

Автор шоковой терапии начала 1990-х годов Егор Гайдар объяснил «Деловому Петербургу», почему он считает, что нынешний экономический кризис не приведет к катастрофе в экономике России.

— Егор Тимурович, будет ли текущий кризис более суровым для России из-за ее интегрированности в мировую экономику? В 1998 г. можно было заимствовать средства у мировых финансовых институтов — сейчас денег нет ни у кого.

— Мы создали собственную подушку безопасности — Резервный фонд. Она во много раз толще той, на которую можно было рассчитывать в 1998 г. Весь объем кредитов, которые мы обсуждали с Международным валютным фондом, был несопоставимо меньше сегодняшнего резервного фонда.

— Насколько катастрофична, на Ваш взгляд, текущая экономическая ситуация?

— Не считаю ситуацию катастрофической. В отличие от 1998 г. у нас нет коротких государственных долгов. У нас неизмеримо большие золотовалютные резервы, накоплен Стабилизационный фонд. Если не делать грубых ошибок (а я не вижу оснований, почему власти должны их делать), катастрофы не будет.

— Какого уровня достигнет инфляция?

— Думаю, что в результате вынужденных мер Центрального банка инфляция повысится на 1–2%. Отток иностранного капитала с российского рынка одновременно создает проблемы банковской

Интервью брала Ирина СИЛАЧЕВА.
Опубликовано в: Деловой Петербург. 2008. 22 октября.

системе, но и сдерживает инфляцию. Поэтому радикального ускорения темпов инфляции я не ожидаю.

— *Ожидает ли нас рост потребительских цен, как в 1998 г., и где будет их потолок, ведь они уже сравнялись со среднеевропейскими?*

— Это будет зависеть от того, как мы будем проводить тарифную политику, как будет складываться ситуация на рынке нефти, нефтепродуктов и газа. Потенциал для снижения темпов роста цен в России есть. То, в какой мере он будет использован, будет зависеть от качества бюджетной политики. Если мы будем повторять ошибки 2007 г., когда резко выросли бюджетные расходы в реальном исчислении, то инфляция будет оставаться на высоком уровне. По результатам этого года видно, что власти извлекли некоторые уроки, поэтому есть повод надеяться на возвращение предыдущего тренда — сокращение темпов инфляции примерно на 2% в год.

— *То есть кризис никак не отразится на благосостоянии населения?*

— Отразится. Его неизбежным следствием будет сокращение темпов экономического роста. Оно уже происходит. Результатом будет и отток капитала из России и с развивающихся рынков в целом. Но мы с этим справимся. Резкого роста безработицы не будет. Падение темпов роста производства вероятно, но это не катастрофа. Оно будет во всем мире.

— *В чем Вы видите причину кризиса?*

— Россия интегрирована в мировую экономику, на нее оказывает влияние то, что происходит. То, что мировая экономика находится в стадии замедления, было понятно еще с октября прошлого года. Хотя многие эксперты в это не верили.

— *Что нужно для выхода из кризиса?*

— Для мировой экономики в первую очередь необходимы точные и скоординированные действия США и Европы. Для России, чтобы минимизировать последствия этого кризиса, сделано немало, в первую очередь — созданы крупные золотовалютные резервы и Стабилизационный фонд. Теперь нужно точное управление экономической политикой с пониманием того, что мы находимся в зоне серьезной турбулентности на финансовых рынках. На мой взгляд, денежные и финансовые власти нашей страны с этой задачей справляются.

— *Не станет ли следствием кризиса усиление государственноценитичности нашей экономики?*

— Мне выбор такой стратегии представляется ошибочным. В условиях кризиса государство сокращает свои обязательства, чтобы укреплять бюджетную политику, повысить доверие рынков к надежности своих бумаг.

— *Как рекомендуете пережить плохие времена? Куда вкладывать средства?*

— Рублевые депозиты, надежные банки с неявной государственной гарантией.

— *Как низко упадет фондовый рынок? Появятся ли новые «голубые фишки»?*

— О падении — не комментирую такие вещи. Новые «голубые фишки» возникнут не раньше, чем стабилизируется мировая финансовая система. Думаю, это произойдет через год. Ими могут стать компании инновационного сектора, они появятся, но для этого нужно время.

— *Что должны сейчас делать топ-менеджеры?*

— Избавляться от непрофильных активов, наращивать ликвидность, сокращать задолженность по краткосрочным обязательствам.

— *Банки говорят о кризисе ликвидности. У кого можно взять деньги?*

— Если крупные структуры не хотят реализовывать непрофильные активы, не надо называть это кризисом ликвидности. Проблема с ликвидностью есть, но Центробанк оперативно регулировал три последние кризиса ликвидности. Нет оснований полагать, что он не урегулирует четвертый и пятый.

— *Какие три кризиса Вы имеете в виду?*

— Те, которые начались с начала октября прошлого года на фоне общего кризиса ликвидности и оттока капитала с развивающихся рынков. Собственно по датам я называть не буду. Слава Богу, если вы этого не помните, то и нашим читателям это ни к чему.

— *Под влиянием кризиса может возникнуть новая политическая сила, представляющая интересы бизнес-сообщества?*

— Кризисные явления в экономике способствуют консолидации среднего класса, улучшению качества экономической политики. Насколько наш средний класс сможет этим воспользоваться, покажет время.

Егор Гайдар: «Катастрофы не вижу»

— Егор Тимурович, в эти дни любой читатель газеты, увидев в анонсе имя Гайдар, поймет, что разговор будет о кризисе. Реформы Гайдара так или иначе привели к тому, что мировой кризис — это и наш кризис. Не жалеете, что являетесь в какой-то мере виновником происходящего?

— Не жалею. То, что происходит сегодня в мире, нельзя отрывать от реалий последних двух веков. На протяжении тысячелетий главным элементом нестабильности было колебание урожаев. Библейская притча про тучные и худые годы — отражение реальности аграрных обществ. Урожаи непредсказуемы, уровень жизни низкий. Неурожай может привести к голоду и резкому повышению смертности. В последние два века ситуация изменилась. Колебания урожаев в отдельных странах влияют на жизнь людей, но в более развитых странах их влияние ограничено.

Это результат того, что называется современным экономическим ростом. Резкое ускорение его темпов сначала в наиболее развитых странах Западной Европы, а потом и широко по миру стало результатом сформирования институтов, которые называют «капитализм». Четкие гарантии частной собственности создали стимулы к инновациям и инвестициям. Это очевидный факт. Но у современного экономического роста есть и оборотная сторона: набор развитых рыночных инструментов связан с регулярными изменениями экономической конъюнктуры, существенными колебаниями темпов экономического роста, а иногда и их отрицательными значениями. Так было на протяжении последних двухсот лет. Пока нет оснований полагать, что ситуация на протяжении ближайших десятилетий изменится.

— А эти изменения зависят от Бога или от человека?

Интервью брал Сергей НИТОЧКИН.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 2009. 22 января.

— Не от Бога. Они могут происходить вследствие самых разных факторов. Например, рецессия 2001 г., как и нынешняя рецессия в США, необычна с точки зрения опыта экономического развития предшествующего полувека.

— *То есть предсказать невозможно?*

— Можно пытаться предсказать. Раз в 5–10 лет экономика крупнейшей в мире страны или крупнейших в мире стран существенно замедляется, и это...

— *Это экономический закон.*

— Это не закон. Но это реальность. Если двести лет так было, то с какой стати полагать, что больше так не будет? Последняя рецессия в США 2001 г. была довольно мягкой. Но она привела к падению темпов экономического роста в России примерно вдвое. Но когда вы имеете мягкую рецессию (которая затушена потоком долларов), вы должны быть готовы к тому, что следующая рецессия мягкой не будет.

— *Простите, так, выходит дело, вот эта ипотечная беда — она могла быть затушена с минимальными потерями?*

— Думаю, что не могла. Когда произошел крах рынка высокотехнологичных акций в Соединенных Штатах, усугубленный затем событиями в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., у Соединенных Штатов были большие резервы финансового маневра. В 2007–2008 гг. достаточно финансовых резервов, чтобы быстро справиться с рецессией, не было. Бюджетный баланс на фоне войны в Ираке был отнюдь не столь благоприятным, как к началу 2001 г.. Есть некие базовые проблемы, которые забросать деньгами трудно. Они накопились. Власти США делали ошибки. За них, к сожалению, пришлось расплачиваться всем.

— *Так вот, у меня как раз был следующий вопрос, на который Вы сейчас, впрочем, и отвечали. Кто виноват или что тут виной: воровство, некомпетентность, безответственность людей или некий неподвластный человеку закон экономического развития?*

— Неподвластный человеку закон экономического развития.

— *И тем не менее, скажем, Великая депрессия, чудо немецкое... Были, собственно, уже придуманы вполне действующие — ну, для данной ситуации — методы борьбы или по крайней мере...*

— Вы очень точно употребили слова «для данной ситуации».

— *Она всегда разная.*

— Именно. Кризис 2001 г. отличается от кризиса 2008–2009 гг.
 — А знали ли мы вообще про кризис 2001 г.? Вот так, как сейчас мы знаем, что живем в состоянии жуткого кризиса?
 — Я знал.
 — Но Вы по долгу службы и потому, что вы — Гайдар, а мы?..
 — Подавляющее большинство населения страны не знало.
 — Вот именно.

— Могу рассказать почему. Теория кризисов — важнейшая часть экономической теории последних двух веков. Мировая экономика меняется. Меняется и природа кризисов. Кризисы второй половины XX в. были достаточно стандартны и прилично изучены. Уже к 80-му году их научились предсказывать. Суть их была проста. Правительство, Центральный банк под давлением общественного мнения наращивает бюджетный дефицит, денежную массу. Попросту говоря, печатает деньги. Это приводит к повышению инфляции, что вредно для экономического роста. Падает спрос на деньги, создаются дополнительные риски для инвестиций. Тогда центральные банки и правительства принимают решение затормозить инфляцию. Приходится применять непопулярные меры, ограничивать бюджетные расходы, отказываться от ряда социальных программ. В краткосрочной перспективе темпы экономического роста замедляются, но инфляция идет вниз, процентные ставки повышаются. Это не слишком нравится обществу, но позволяет создать предпосылки для нового этапа экономического роста. К таким кризисам и обществу, и элиты привыкли.

Бывали и аномалии. Скажем, южноазиатский кризис 1998 г., который потом распространился на Россию, Бразилию, Аргентину и многие другие страны, никто толком не предсказывал. Он был необычным. Этот кризис почти не затронул ни Америку, ни Европу, он лишь в ограниченной степени сказался на темпах мирового экономического роста. Хотя развитие событий в нашей стране было драматичным.

Кризис 2001 г., который затронул мировую экономику гораздо сильнее, тоже был необычным. Осознанного решения европейских или американских властей тормозить инфляцию ценой снижения темпов экономического роста не было. Рецессия в США была порождена иными причинами.

Кризис, который начался в 2007 г., тоже необычный. Он не явился результатом решения денежных властей Соединенных Штатов

или Европы сдерживать инфляцию ценой снижения темпов экономического роста.

Мы живем в динамичном, быстро меняющемся мире. Капитализм начала XIX в. — это одно, капитализм середины XX в. — другое, капитализм конца XX в. — третье.

— То есть то, что сейчас большой спрос на «Капитал» Маркса, — это ошибка?

— Нет, это правильно. Потому что эта книга-то очень глубокая. Неправильная, но глубокая.

— Своеобразная оценка.

— Пытаться по «Капиталу» Маркса понять, как надо действовать в условиях нынешнего кризиса, — неразумная затея.

— Я имел в виду, Егор Тимурович, все-таки совсем конкретный вопрос. Кризис — мировой, как совершенно очевидно уже, да? Он затронет совершенно всех. Но будет ли всем миром решаться вопрос кризиса или каждая страна будет выбираться самостоительно? И возможно ли это?

— Лидеры и руководители финансовых властей 20 крупнейших мировых экономик недавно организовали две встречи. Одну — в Бразилии на уровне министров финансов, другую — в Вашингтоне на уровне руководителей стран, чтобы согласовать позиции. Есть понимание того, что проблема глобальная. Диалог необходим, это очевидно. Злорадствовать, что в американской экономике есть проблемы, — это все равно что уподобиться подростку, который на зло маме хочет отморозить себе уши. Я не вижу, чтобы руководство нашей страны или наши денежные власти, финансовые власти так себя вели. Мы понимаем, что оказались в одной лодке.

— Простите, а тогда — пошлины на иномарки... Это же явное противоречие.

— Это ошибка. Тактическая ошибка. Результат действия лоббистов. Неправильное решение. Но тем не менее это не значит, что мы не понимаем необходимости согласованных действий по выходу из глобального кризиса.

— А цена на бензин — на 5% меньше, когда в три раза дешевле нефть?

— Если вам нужен перечень ошибок наших властей, я, уверяю вас, могу вам его представить, и он будет длинный. Это ошибки. Но тактические ошибки. Перейти от мышления, характерного для

периода необычно высоких темпов экономического роста, экстремально высоких цен на основные экспортные товары — в первую очередь на нефть, когда доходы бюджета растут как на дрожжах, когда руководство привыкло к тому, что все его любят и можно принимать только популярные решения, к управлению экономикой страны в условиях кризиса — непростая задача. Есть инерция мышления.

— Так что важнее все-таки для государства: то, как оно стоит само по себе, или социальное положение трудящихся масс, говоря языком недавнего прошлого?

— От того, что положение государства в финансовой сфере ухудшится, положение трудящихся масс не улучшится. В данном случае трудящиеся массы и государство тоже в одной лодке. И если государство начнет сейчас делать глупости, чтобы угодить трудящимся массам, расплачивающимся за это все равно будут в конце концов люди, потому что никаких других источников покрытия государственных обязательств, кроме доходов трудящихся масс, у государства нет.

— То есть разделять интересы государства и населения...

— Конечно, нельзя. Сохранение стабильности банковской системы, финансовой системы — приоритет не только для государства, но и для тех, у кого есть вклады в Сбербанке. Я как человек, которому всю жизнь, видимо, суждено отвечать за то, что Советский Союз разбазарил средства, которые должны были обеспечивать вклады в Сбербанке, не хотел бы, чтобы нынешнее государство повторило ошибки, которые сделало советское государство, накопившее огромные вклады в Сбербанке и при этом полностью утратившее валютные резервы.

— Теперь еще такой вопрос. Самый животрепещущий: сколько продлится кризис?

— Этого никто не знает. Кризис необычный по происхождению. Опираться на опыт предшествующего полувека, уже не говоря о двух веках, рискованно. По-видимому, это будет самый тяжелый кризис (большинство экспертов так считает) со времен Великой депрессии. Последняя официальная оценка протяженности кризиса, сделанная Международным валютным фондом, — до IV квартала 2009 г. Возобновления роста американской экономики и постепенного увеличения темпов роста мировой экономики ждут

к этому времени. Но мне приходилось разговаривать с теми экспертами, которые составляли эти прогнозы. Не представить соответствующие материалы они не могли, но у меня не сложилось впечатление, что они сами уверены в их точности.

— Оптимистично. А вот еще такой вопрос. Вы сказали, что американская экономика сначала начнет расти, потом Европа... Значит, очевидно, все-таки разные государства будут выбираться по-разному. А наша специфика российская поможет нам быстрее выбраться из кризиса или, наоборот, мы самыми последними из этой ямы будем выползать?

— Есть два основных, важнейших канала влияния мирового кризиса на Россию. В январе прошлого года мы это обсуждали на ученым совете нашего института. Первое: цены на основные экспортные товары России — нефть, нефтепродукты, газ, металлы — сильно зависят от колебаний мировой экономической конъюнктуры. Мы это говорили тогда, в январе 2008 г., и многие эксперты с нами спорили — говорили, что мы забываем об Индии, Китае, о том, что спрос на топливо и сырье в этих странах растет, и в связи с этим цены на нефть, превышающие 100 долл., гарантированы — скорее они будут в районе 200 долл. Предшествующий опыт показывает, что при замедлении мирового экономического роста цены на наши основные экспортные товары сильно зависят от мирового спроса. Поэтому такие утверждения не представлялись нам убедительными. Это тот случай, когда я хотел бы оказаться неправым. К сожалению, этого не случилось. Падения цен на нефть в три раза большинство экспертного сообщества не предвидело.

Второе: приток-отток капитала. В 2007 г. у нас был рекордный приток капитала. Больше 82 млрд долл. В прошлом году огромный отток капитала. Особенно в IV квартале. Больше 130 млрд долл. К счастью, мы накопили необходимые резервы, чтобы управлять такими не зависящими от нас колебаниями потоков капитала. Если бы всего этого не было — при тех изменениях уровня цен, которые стали реальностью в 2008 г., таких изменениях направляемых потоков капитала, кризис 1998 г. представился бы веселой детской прогулкой на лужайке...

Мы подошли к этому кризису с гибким курсом национальной валюты, с крупными накопленными резервами, понимая, что конъюнктура рынка наших основных товаров и конъюнктура рынка ка-

питала могут в любой момент измениться независимо от нашей воли. И потому при всех проблемах, которые есть и будут в следующем году, пока мы способны управлять кризисом, не допустить катастрофы. Изменение курса рубля с 23 до 33 за доллар — это еще не катастрофа. Это нормальная реакция денежных властей на изменения конъюнктуры рынка основных экспортных товаров.

— Кстати, как еще подскочит курс? Это очень волнует народ.

— Я знаю рабочие прогнозы, подготовленные нашим институтом. Но так как мое мнение влияет на поведение людей, то я в условиях кризиса на такие вопросы не отвечаю. Могу сказать, что не вижу угрозы дефолта.

— Понятно. Кстати, десять лет назад Вы мне давали интервью, когда только назначили Кириенко, — ему было трудно делать первые шаги, и мы назвали этот материал «Бег в мешках»¹. Исходя из афоризма, что при беге в мешках побеждает не тот, кто быстрее бегает, а тот, кто быстрее бегает в мешках. Тогда наши премьеры, в общем, бегали в мешках. Сейчас наш премьер бегает с той скоростью, с какой он хочет бегать. Он хорошо подготовлен физически. А экономически подкован так же?

— Он хорошо экономически подкован. Он восемь лет был президентом, не считая тех месяцев, когда он был премьером. Он вынужден был решать массу экономических проблем. Он решал их с разной степенью успешности. Иногда очень успешно, иногда не очень. Но у него большой опыт, знания экономической реальности и страны, и мира. Главная проблема, на мой взгляд, для нынешних властей — то, что весь опыт был накоплен в условиях тучных лет. Сделано немало разумных вещей, какие-то неразумные вещи, но опыт накоплен в благоприятных условиях. То, в какой степени Россия справится с кризисом — лучше или хуже других, — зависит от того, в какой степени наше руководство привыкнет жить в иных, более тяжелых условиях, во время тощих лет. Мне кажется, что наше руководство это начинает понимать. Если не поймет, то жизнь научит.

— Кому, как не Вам, который как раз управлял страной в самые что ни на есть не тучные годы...

¹ См. Гайдар Е. Т. Бег в мешках//Комсомольская правда. 1998. 5 мая, а также т. 8 настоящего собрания сочинений. С. 663.

— Тощие годы, да.

— ...кому, как не Вам, лучше знать, что требуется для того, чтобы все-таки ей управлять. Помню, Вы говорили тогда в каком-то интервью, что выясняете, пришли ли баржи с хлебом и будет ли на два дня хлеба в Нижнем Новгороде. Вот чем приходилось заниматься премьер-министру. А каково придется в подобной ситуации человеку, привычному к тучным годам?

— Ему потребуется время, чтобы адаптироваться. К моменту моего назначения в правительство практически всей элите было ясно, что ситуация катастрофическая. И населению тоже. Самым употребительным на заседаниях правительства перед тем, как я туда был назначен, было слово «катастрофа». По опросам ВЦИОМа, большая часть населения страны ждала голода, холода, социальных беспорядков. Поэтому мне, как и многим моим коллегам, было совершенно очевидно, что мы назначены в правительство кризисными менеджерами. С какой бы стати иначе шестидесятилетние крепкие хозяйственники, всю жизнь боровшиеся за власть, вдруг ушли бы в тень: пусть, мол, эти молодые ребята теперь экономикой страны поуправляют?.. Да, ситуация была ужасная, но я не был избалован тучными годами. А нынешнему руководству страны — еще раз подчеркиваю: считаю его компетентным — требуется время на адаптацию. Потому что управлять Россией при цене в 140 долл. за баррель и с ценой 40 долл. за баррель — это разные занятия. Я думаю, что они сумеют справиться. При всех своих разногласиях с некоторыми решениями правительства или администрации я категорически не принимаю логику «чем хуже, тем лучше». Надеюсь, что они сумеют собраться, приспособиться и справиться с кризисом не хуже, чем другие страны, которые тоже зависят от цен на сырьевые ресурсы.

— Егор Тимурович, я тут своему другу, бизнесмену средней руки, задал такой вопрос: почему эти миллиардеры — несколько случаев было — кончают с собой, хотя вроде бы для обычного человека потеть из 25 млрд 24,99 — это вполне ничего?..

Он ответил: они почувствовали, что стоят хуже, и это непереносимо. Шахматный термин такой: стояу хуже, чем стоял...

— Дело в том, что для них это ведь вся жизнь. Они же зарабатывали эти деньги не для того, чтобы купить яхту. Это был для них смысл жизни — показать, что ты лучший, самый успешный, самый замечательный, что твои соперники и конкуренты глупее тебя.

А когда вдруг выясняется, что дело потеряно, ему наплевать, что у него есть яхта, в заначке 100 млн долл., можно спокойно жить пенсионером. Нет. Для него это крах всей жизни.

— Вот я и спрашиваю: не стало ли наше руководство «стоять хуже» и не может ли это как-то повлиять на принятие решений?

— Мне кажется, что оно это понимает. Оно стало «стоять хуже». Но одно дело — когда тебе надо продавать свой бизнес; другое дело — когда ты управляешь кризисом в ядерной державе. Тут пулю в лоб себе не пустишь: безответственно.

— С одной стороны. А с другой стороны — всеми обожаемый рейтинг выше крыши. А теперь вдруг оказывается... Ведь народ же не будет разбираться, кто, что и почему. Был хороший, а, как выяснилось, оказался не такой хороший, а стал даже и очень плохим.

— Есть самая страшная фраза, которую жена может сказать своему мужу. Она звучит так: «Я тебя предупреждала».

— Значит, Гайдар сказал: катастрофы не будет?

— Катастрофы не вижу. Если не считать катастрофой, скажем, падение валового внутреннего продукта примерно теми же темпами, которыми будет падать валовый внутренний продукт в Европе, то катастрофы не будет.

— В общем, не будет.

— Надо понять, что никто не давал точного научного определения катастрофы. Если говорить не просто о серьезном падении экономического роста, а о дефолте, катастрофическом росте безработицы — нет, пока не вижу.

— А вот довольно частный вопрос. Многие считают, что в нынешней ситуации амбициозный и безумно дорогой проект проведения Олимпийских игр в Сочи не совсем к месту. Может, отказаться и направить средства, например, в агропромышленный комплекс? Или потеряем лицо и мало что приобретем?

— Потеряем лицо и мало что приобретем, но проект надо осуществлять без лишней роскоши, тщательно контролируя расходы, выбирая наиболее экономичные решения.

— Но вернемся к самому первому вопросу. Вы не жалеете, да, что затеяли всю эту историю с Россией, и теперь мы вынуждены думать о кризисах?

— Нам следовало думать о кризисах в условиях советской экономики. Крах советской экономики был предопределен падением

цен на нефть в 85–86-м годах. Думать, что мы когда-то были независимы от мировой экономики, а потом вдруг стали зависимыми, — ошибка.

— Но Вы кое-что изменили в устройстве России, поэтому...

— Да, я считаю, что к этому кризису мы были готовы заметно лучше, чем к кризису середины — конца 80-х годов, связанному с падением цен на нефть.

— Уже хорошо. Значит, хотя бы ради этого стоило стараться.

— Справляться с кризисом, когда у тебя золотовалютный резерв в 30 млн долл. или 550 млрд, — это разные вещи. Когда у тебя фиксированный валютный курс или когда валютный курс гибкий, им можно маневрировать — это опять же разные задачи.

P.S. Выключив диктофон, я не удержался и снова спросил Гайдара о сроках. Он ответил байкой о Жукове. Водителя маршала ближе к концу войны одолевали: «Улучи момент, спроси у своего, когда война кончится?». Однажды, после утомительной поездки, маршал вышел из машины, потянулся и сказал: «Когда война, ..., кончится?!

Доллар не рухнет ни при каких условиях

Нынешний экономический кризис для россиян уже далеко не первый. Нам есть с чем его сравнивать: в конце 1980-х — перестройка, в начале 1990-х — «шоковая терапия», потом достопамятный август 1998 г. Известный ученый-экономист Егор Гайдар рассказал читателям «Известий» о том, когда экономика начнет выходить из кризиса, какая судьба ждет американский доллар и как может выглядеть новая мировая финансовая система.

«Мир теперь будет другим»

— *Скоро ли российская экономика начнет выходить из кризиса?*

— Это трудно прогнозировать. Состояние российской экономики сильно зависит от мировой. В первую очередь от цен на сырьевые ресурсы, которые определяют платежный баланс страны. Во вторую — от баланса притока и оттока капитала. Поэтому кризис у нас закончится тогда, когда из него начнет выходить и остальной мир.

Базовая гипотеза, которой придерживается значительная часть экспертного сообщества, сводится к тому, что это может произойти между IV кварталом 2009 г. и первой половиной 2010-го.

— *A Ваша точка зрения?*

— Эта гипотеза имеет право на существование, но это не более, чем гипотеза. Экономические кризисы случаются в мире раз в 5–10 лет на протяжении по меньшей мере двух веков. Однако состояние мировой экономики постоянно изменяется. Кризисы, происходившие на протяжении 40 лет после окончания Второй мировой войны, были хорошо изучены, ими уже научились управлять. Кризисы последних 15 лет стали другими по своей природе, и для их анализа и прогнозирования не накоплено достаточно сведений.

Интервью брал Павел АРАБОВ.
Опубликовано в: Известия. 2009.10 февраля.

— *То есть лет через пять мы, как к группу, привыкнем и к этому новому виду экономических кризисов и будем переносить их гораздо легче?*

— Кризисы приходят и уходят, даже такие масштабные, как Великая депрессия. Сейчас очевидно, что нынешний кризис стал наиболее жестким с того времени. Им надо управлять. Мир теперь будет уже другим.

«Мировые финансовые институты оказались слишком слабыми»

— *Премьер Владимир Путин в Давосе предложил изменить финансово-экономическую систему мира — такой «новый Бреттон-Вудс» (в 1944 г. в городе Бреттон-Вудс была создана нынешняя основанная на долларе международная система денежных отношений и торговых расчетов. — П. А.). Как могла бы выглядеть новая модель?*

— Эта тема обсуждалась на протяжении последних лет. Российские власти в дебатах активно участвовали — это некоторые решения по реформе МВФ и Всемирного банка. Эти институты сегодня оказались недостаточно капитализированными и при всем их авторитете не обладали должной степенью доверия в мире. Это привело к тому, что мировые финансовые институты оказались слишком слабыми, чтобы управлять кризисом.

Бреттон-вудская система формировалась в момент, когда Соединенные Штаты и Европа доминировали в экономике мира. Под это она и была выстроена. Сейчас ситуация изменилась, соотношение ВВП развитых и развивающихся стран стало иным. Пытаться сохранить систему, сформированную еще в 1944 г., в условиях, когда мир меняется, — это ошибка. Всем придется приспосабливаться к другому миру, в котором правило «США и Европа решают, остальные прислушиваются» не будет работать.

— *Созданы уже варианты такой новой системы?*

— Это переговорный процесс. Путь достижения компромиссов по таким важным вопросам, как критерии определения правил мировых финансовых институтов, — тема для серьезного обсуждения. Главное — чтобы правила воспринимались всеми ключевыми участниками процесса как понятные и справедливые.

Российская позиция по этому поводу была зафиксирована в статье министра финансов Алексея Кудрина в британской деловой газете

те «The Financial Times» в сентябре 2007 г. Она же была ответом на статью директора-распорядителя МВФ Доминика Стросс-Кана. С тех пор переговоры продолжались, но достигнутых компромиссных решений оказалось недостаточно. Идти придется дальше.

— *К какому моменту, по-Вашему, нужно разработать «новый Бреттон-Вудс»?*

— Сейчас уже поздно. Лучше было бы договориться весной 2008 г. Но теперь все внимание сосредоточено на решении проблем текущего кризиса. Вернуться к работе над контурами новой мировой финансовой инфраструктуры удастся лишь с началом восстановления роста мировой экономики.

«Мы к кризису готовы»

— *Дайте оценку действиям российского правительства, направленным на помочь экономике. Что, по-Вашему, можно сделать еще, а от чего лучше отказаться?*

— Действия разумные, хотя есть и ошибки. Главное — мы оказались к кризису готовы. Именно для того, чтобы справляться с такими вызовами, мы и создавали Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, накапливали золотовалютные резервы Центрального банка, которых в таком масштабе никогда не было у Советского Союза. Они и позволяют нам управлять кризисом.

Но кризис это и механизм, который разъясняет власти и на уровне государства, и на уровне частных корпораций, что жизнь — штука жесткая. Идея, будто можно остановить реформы в экономике, дорого стоит стране. Здесь я имею в виду усилия по обеспечению права частной собственности, стимулов к инвестициям, прозрачности механизма принятия государственных решений, легитимности судебных решений, отказ от понятных и эффективных процедур контроля над бюджетными расходами. Рассчитывать на то, что цены на сырьевые товары будут высокими всегда, — это ошибка. Надеюсь, что российская власть извлечет в связи с этим уроки из кризиса.

— *Удержит ли Центробанк стоимость бивалютной корзины на заявленных 41 руб.?*

— Можно спорить, в каком режиме проводить снижение рубля. Но оно было необходимо. Стоимость российского экспорта упала. Но это сделало равновесный курс рубля сформированным. Дер-

жаться он может и месяц, и полгода, и год. Если посмотреть на количество рублей в стране, то становится очевидным — у Центробанка остается достаточно резервов, чтобы переиграть любого валютного спекулянта. ЦБ вообще в последние годы полностью контролировал курс. Снижаться осенью он начал именно потому, что Банк России принял решение плавно понизить курс рубля.

«За долларом стоит долгая история финансовой стабильности»

— *Какова вероятность, что в нынешней экономической обстановке власти откажутся от доллара или сильно его девальвируют? Говоря по-другому: когда рухнет доллар?*

— Не рухнет ни при каких условиях. Будет колебаться по отношению к другим валютам, расти, снижаться, но США никогда от доллара не откажутся, и никакого его «крушения» не будет.

За долларом стоит долгая история финансовой стабильности. Именно это позволяет ему быть мировой резервной валютой. Отказываться от доллара никто не будет. Тем более, что и государственный долг США по мировым меркам вовсе не запредельный. Крупный — согласен, но не чересчур. Вспомните, как в начале 2000-х годов активно обсуждалось, что рынок государственных ценных бумаг США вот-вот исчезнет. По этому поводу были написаны сотни интересных статей. Но надо помнить, что изменение экономической конъюнктуры — вещь регулярная, что за периодом слабого роста мировой экономики и низких цен на сырье начнется обратный процесс. Раньше или позже мировая экономика вступит в новую полосу роста. И главным мотором станет ускорение американской, европейской и китайской экономик.

— *Если сравнивать нынешний кризис и кризис 1998 г. с точки зрения обычного человека, какой выглядит хуже?*

— Если бы мы не создали резервные фонды и золотовалютные резервы, то нам теперь было бы хуже. Но они у нас есть. Кризис серьезный, но до августа 1998 г. — применительно к развитию событий в России — ему далеко. Когда рубль обесценивается на 30% — это неприятно, а когда в 1998-м он падал в 4 раза, когда у ЦБ практически не было валютных резервов — это было опасно для общества.

Он-лайн конференция в «Новой газете»

— «Положение в экономике очень сильно напоминает эпоху позднего СССР, когда потребовалось принимать жесткие решения. Готовы Вы снова взяться за это дело, и если да, то на каких условиях?» — задает вопрос наш читатель.

— Я предпочел бы, чтобы за это взялись мои коллеги, которых я уважаю, которые младше меня и в меньшей степени отвечают за те тяжелые решения, которые пришлось принимать после банкротства Советского Союза в начале 90-х годов. Если надо будет, чтобы я им помог, — естественно, помогу.

— Каков сейчас коридор возможностей?

— Сейчас, в отличие от того, что мы имели в 1991 г., есть работающая рыночная экономика. Она не совершенна, в ней есть масса изъянов, но она более адаптивна к имеющимся условиям мира, чем была советская экономика. Интеграция в глобальный мир создает новые риски, но делает экономику более устойчивой. У нас есть значительные золотовалютные резервы, гибкий валютный курс. В связи с этим — при том, что кризис, видимо, самый жесткий и тяжелый за несколько последних десятилетий, — у нас есть возможность к нему приспособиться. Это непросто, но возможно.

— Наш читатель, ссылаясь на мнение Андрея Илларионова, утверждающего, что с властью, наносящей ущерб своей собственной стране, сотрудничать нельзя, спрашивает, разделяете ли Вы эту точку зрения?

— Не разделяю. Я видел, что было с моей страной, после того, как власть нанесла немалый ущерб экономике. Знаю, что такое неуправляемый бардак в напичканной ядерным оружием стране, что такое банкротство ядерной державы. Никогда не приму тезис «чем

Конференцию вели Андрей ЛИПСКИЙ, Алексей ПОЛУХИН. Состоялась 19 февраля 2009 г.

Опубликована на сайте <http://www.novayagazeta.ru/st/online/431460/30.html>

хуже, тем лучше!». Даже если власть несовершenna, лучший выход, если она сама себя усовершенствует, чем если она просто развалится. Когда она разваливается, возникают страшные риски для нашей страны, мира.

— У людей есть смутное подозрение, что наступит полный обвал мировых валют. Понятно, что они будут падать только относительно друг друга, но, видимо, люди предполагают, что если упадет доллар, то соответственно вырастет курс рубля по отношению к нему.

— Существуют две основные, мировые резервные валюты, конвертируемые по всем операциям — это доллар и евро. Есть резервные валюты второго плана: британский фунт, йена, швейцарский франк, шведская крона, австралийский доллар, канадский доллар. Курсы этих валют будут колебаться, в условиях кризиса — это неизбежно. Фундаментальная проблема у мировой финансовой системы сейчас — это неконвертируемость юаня по капитальным операциям. При всех остройших сегодня проблемах в китайской экономике тот факт, что доля Китая в мировом ВВП на протяжении следующих 10 лет будет возрастать, — очевиден. В том, что юань будет в среднесрочной перспективе конвертируемой валютой по капитальным операциям — практически убежден. Это изменит ситуацию с распределением мировых валютных резервов, приведет к тому, что доля резервов, номинированных в юанях, возрастет. Это будет хорошо для устойчивости мировой экономики.

Картины безумных катастроф, связанных с валютными курсами, представляются малоубедительными. Несмотря на то что американская экономика была главным мотором кризиса, деньги уходят именно в американскую экономику, в казначейские обязательства США, потому, что это наиболее ликвидный и надежный инструмент.

— А насколько правильной была политика российских властей по проведению плавной девальвации рубля?

— Политика постепенного снижения курса рубля была правильной. Можно обсуждать вопрос о том, не надо ли было снижать его быстрее и соответственно, надо ли было тратить столько валютных резервов на поддержку курса национальной валюты. Но в целом эта политика была направлена на повышение устойчивости национальной экономики.

— Стоит ли ожидать дальнейшего ослабления рубля в дальнесрочной перспективе?

— Это зависит от того, что будет происходить на рынке нефти. При нынешних ценах на нефть я бы не ожидал дальнейшего снижения курса национальной валюты.

— Как бы Вы оценили эффективность тех мер, которые применяются нашим правительством по борьбе с кризисом?

— Макроэкономическая стратегия выстроена правильно. Мы отреагировали на кризис ужесточением бюджетной политики, отказом от глупостей в налоговой политике, которые могли произойти накануне кризиса и были бы крайне опасны, пересмотром бюджетной трехлетки, повышением реальной процентной ставки, ослаблением курса национальной валюты. Все это правильные, адекватные меры. Кстати говоря, они, в общем, так и оценены мировым сообществом. Но, при этом, зачем надо было раздавать столько денег российским корпорациям? Это вопрос, на который ответа не знаю.

— Очевидным является то, что усиливаются различные формы государственного вмешательства в экономику. Если даже признать, что это правильно в нынешней ситуации, нет ли опасности, что государство в экономику войдет, а потом из нее не вернется?

— Такая угроза существует, но у нас рыночная экономика. А рынок — это жесткая конструкция, которая наказывает за ошибки быстро. Когда мы начинали приватизировать нефтяную отрасль, на правительстве обсуждался вопрос, что мы будем делать, когда Россия станет нетто импортером нефти из-за катастрофического падения добычи. После того, как мы приватизировали нефтяную отрасль, российским властям пришлось обсуждать вопрос, как избежать ценовой войны с ОПЕК. Добыча начала расти слишком быстро. Когда мы начали ренационализировать нефтяную отрасль, этот вопрос был снят, добыча расти перестала. Это показывает, что частная собственность более эффективна, чем государственная. Кризис — это и механизм обновления, отрезвления. Пока кризиса нет, вы можете позволить себе делать немало глупостей. После кризиса вы возвращаетесь в более жесткий мир, в котором живут корпорации, выжившие после кризиса, которые сократили персонал, убрали бонусы менеджменту, наладили контроль за расхода-

ми, улучшили качество выпускаемой продукции. Именно с ними придется конкурировать.

— Некоторые считают, что в связи с тем, что надо решать внутренние проблемы, России был бы полезен некоторый изоляционизм.

— Наша экономика встроена в глобальную, много отраслей нашей промышленности зависят от импортных комплектующих. Если мы пойдем по пути изоляционизма, то остановится немало предприятий, в том числе расположенных в моногородах. Все это я видел в период краха Советского Союза, знаю, как это бывает. Великая депрессия проложила дорогу соревнованию в том, кто будет большим протекционистом. За это мир долго заплатил. Надеюсь, мы сумеем избежать повторения соревнования в масштабах протекционизма.

— Почему мы не использовали возможность так называемых «тучных» лет для того, чтобы провести некую диверсификацию нашей экономики?

— Не совсем точно, что мы упустили этот шанс. Если посмотреть статистику последних лет, можно увидеть, что производство в обрабатывающих отраслях российской экономики росло быстрее, чем в добывающих. Процесс диверсификации шел. Другое дело, что этот процесс требует времени и постоянства усилий. Резкое укрепление курса рубля объективно бьет по несырьевым отраслям экономики. Существенное снижение номинального курса рубля — вклад в создание предпосылок развития реального сектора, не связанного с сырьем. Это улучшение перспективы вложения инвестиций в обрабатывающие отрасли.

— Насколько возможен выход из экономического кризиса без серьезного пересмотра политической системы, без наполнения реальной жизнью демократических институтов, без реальной свободы слова, наконец?

— Из кризиса можно выйти и без этого. А вот создать предпосылки устойчивого экономического роста на следующие 20 лет — невозможно. Есть мировой опыт последних двух веков. Он показывает, что если есть надежно гарантированные права частной собственности, свободные рынки, легальная система, которой вы доверяете, — то тогда вы динамично развиваетесь. А если этого нет, то раньше или позже возникают проблемы. Когда в ходе Крымской войны в Черное море вошел английский броненосный флот, а ему противостояли наши парусники — это было приговором режиму, который не хотел изменяться.

Егор Гайдар: «За рюмкой ключевые вопросы не решались»

В этом году исполняется 20 лет со дня подписания Беловежских соглашений, окончательно оформивших распад Советского Союза. Что происходило тогда в Беловежской пуще? Об этом незадолго до своей смерти Егор Гайдар разговаривал с публицистом Олегом Морозом. Текст этой беседы Олег Мороз передал для публикации сайту Радио Свобода. Он включен также в книгу Олега Мороза «Так кто же развалил Союз?», которая издана в 2011 г. в России (Москва) и в США (Нью-Йорк).

— Советский Союз прекратил существование 8 декабря 1991 г. Вы готовили свои экономические реформы, ориентируясь на то, что он сохранится, или уже предполагая, что распад неминуем?

— До августа 1991 г., скорее, исходя из того, что страна сохранится в целости. После 22 августа 1991-го — исходя из того, что крах Советского Союза уже произошел. Вообще-то тема возможного распада Советского Союза стала подниматься в наших внутренних дискуссиях уже с 1988 г. Но я тогда еще считал, что Советский Союз в каком-то трансформированном виде будет сохранен. В значительной степени это стало казаться невероятным после того, как Михаил Сергеевич Горбачев отказался от союза с Борисом Николаевичем Ельциным в реализации программы «500 дней». А то, что Союз сохранить, по всей видимости, не удастся, для меня стало абсолютно ясно 22 августа 1991 г. В это время распад Союза уже фактически произошел.

— Но в тот момент он ведь еще не совсем произошел.

— Как это он не совсем произошел? Если на следующий день Кравчук вызвал к себе командующих тремя расположенными

Интервью брал Олег МОРОЗ 25 февраля 2009 г.
Воспроизведется по тексту, представленному на сайте Радио Свобода (<http://www.svobodanews.ru>) 5 апреля 2011 г.

на Украине военными округами и сказал им, что теперь они подчиняются ему! А после этого подчинил себе пограничную службу и таможню, через которую проходила основная часть товаропотока Союза. Если в то же самое время то же самое сделали Прибалтийские страны.

— Ну, Балтийские республики к тому времени были уже отрезанным ломтем.

— Ну, а что — у нас таможня на границе с Прибалтикой была, что ли, оборудована? Далее, центральные банки союзных республик перестали оглядываться на Госбанк и начали печатать деньги. У Союза не было никаких налоговых поступлений... Это что — существующая страна?

— То есть никаких вариантов уже не было?

— Да. Возможен был кровавый сценарий. Российское руководство могло начать делать то, что предложил Вощенов, пресс-секретарь Ельцина.

(В скобках напомню, что сразу после путча, 26 августа 1991 г., пресс-секретарь Ельцина Павел Вощенов сделал заявление: в случае, если республики прекратят союзнические отношения с Россией, она «оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ; сказанное относится ко всем сопредельным республикам, за исключением трех Прибалтийских...». Вощенов пояснил, что это заявление касается главным образом Крыма, Донбасса и Северного Казахстана, в которых живет значительное число россиян. — О.М.)

— Он же не от себя это предложил.

— Я не думаю, что от Ельцина.

— Ну, как так — пресс-секретарь предлагает от своего имени такие серьезные вещи.

— Ну это же все-таки революционная ситуация. Она необычная. Там нормальные бюрократические законы не действуют. Я очень сильно сомневаюсь, что он согласовывал это с Борисом Николаевичем.

— В таком случае Борис Николаевич должен был сразу же опровергнуть заявление Вощенова, дезавуировать и выгнать его с работы.

— Ну в общем-то он его и дезавуировал и очень быстро выгнал с работы...

— Все-таки у меня было ощущение, что через Вощенова был просто вброшен пробный шар. Такое ведь часто бывает: вбрасывают что-то через пресс-секретаря, референта, помощника.

— Это же было через семь дней после фактического краха Союза. Был полный бардак в стране. Вы посмотрите, кто какие мнения высказывал во время Февральской революции 3 марта 1917 г.

— В период между путчом и 8 декабря, когда было подписано Беловежское соглашение, Ельцин маневрировал. Он склонялся к тому, с одной стороны, чтобы максимально ослабить союзный Центр, с другой — чтобы все-таки сохранить какое-то государственное единство. Не было ли непреодолимого противоречия между этими двумя целями?

— Да, ситуация была очень тяжелая и сложная. Во-первых, было ясно, что надо принимать очень серьезные решения. Во-вторых, было ясно, что существует очень серьезная ответственность. В этой ситуации вот так вот встать и сказать: ладно, сегодня в 19 часов вечера я принял решение распустить Советский Союз, ну, это было тяжело, как Вы понимаете. Он колебался, конечно. Колебался. Сказать, что у него была какая-то твердая линия, что со всем этим делать, как из этой ситуации вырулить, было нельзя. В то же время ясно было, что и далее тянуть с этим в связи с фактическим крахом Советского Союза, обозначившимся 22 августа, было нельзя. Только 8 декабря, я думаю, он принял окончательное решение (т. е. в день подписания Беловежских соглашений. — О.М.).

— В какой мере разрушительную роль для Союза сыграло противостояние Ельцина и Горбачева, желание Ельцина отрешить Горбачева от власти?

— Да, у них были тяжелые личные отношения, но я не думаю, что это было существенным фактором.

— Есть же такая версия, что Ельцину хотелось во что бы то ни стало отстранить Горбачева от власти и для этого, мол, он развалил Советский Союз.

— Советский Союз он не развалил — он оформил его развал. Вместе с Кравчуком и Шушкевичем.

— Но все-таки в какой-то мере вражда с Горбачевым подталкивала Ельцина в его действиях в эту сторону?

— Распад СССР — это все-таки был достаточно объективный процесс. А Борис Николаевич был человеком с вполне государственным мышлением, и для него было гораздо важнее как-то решить вопрос с Советским Союзом, чем бороться с Горбачевым. Другое дело, что в общественном сознании все представляло так, что за все происходившее в это время отвечают Горбачев и Ельцин.

— Когда Вы лично подключились к беловежскому процессу?

— Я подключился не к беловежскому процессу, а к процессу принятия решения о том, что делать с Советским Союзом, когда он де-факто уже очевидно не существовал — в силу того, что не было ни границ, ни таможни, ни единой денежной системы, ни налоговых поступлений... Собственно говоря, это мое подключение произошло в сентябре 1991 г.

— Значит, после путча?

— Да, после путча. После путча мне было ясно, что в таком положении ядерная держава существовать не может, что нужна некая ясность в том, как устроен механизм принятия решений, когда в стране острейший экономический кризис, быстро падает добыча нефти, практически исчерпан золотовалютный резерв, старая система не работает, новой еще нет. И здесь нужны решения немедленные, которые не терпят длинной-длинной процедуры согласований между государствами, объявившими о своей независимости. Реально это могло растягиваться на месяцы, из-за чего в стране может возникнуть голод и гражданская война. Собственно и я, и другие — мои единомышленники — пришли к выводу, что нам нужна реальная российская государственность. Как ее оформлять — это отдельная история. Но если у нас не будет механизмов контроля собственной территории, собственных границ, собственных денег, собственных налоговых поступлений и т. д., то мы ситуацию не удержим. Это была моя позиция. Но в принципе со мной был согласен и Борис Николаевич.

— Как я понимаю, эта позиция была изложена в Вашем известном документе под названием «Стратегия России в переходный период» (позже он получил неофициальное название «меморандум Бурбулиса»).

— Да, это было в сентябре 1991 г. Борис Николаевич в это время был в Сочи. К нему летал Бурбулис, который и познакомил его с этим документом. Потом, когда Ельцин уже вернулся из Сочи и пригласил меня для разговора — это было где-то 15–20 октября, — я понял, что он читал нашу записку. Мы с ним обсуждали экономические проблемы России.

— Когда Вы ехали в Беловежье, в Вискули, Вы знали, что там будет?

— Нет, не знал. Борис Николаевич просто попросил меня полететь с ним в Минск, сказав, что есть идея встретиться там с Крав-

чуком и Шушкевичем и обсудить с ними вопросы взаимодействия в этих сложившихся кризисных условиях.

— А Вы уверены, что тогда уже упоминалось имя Кравчука? Сначала ведь Ельцин собирался встретиться только с Шушкевичем.

— Нет, к тому времени, когда Борис Николаевич дал мне указание с ним лететь, Кравчук уже упоминался.

— В печати сообщалось, что там всего-навсего будут экономические переговоры между Россией и Белоруссией и заключение соответствующего соглашения.

— Ну, это действительно был первый этап нашей поездки. Сначала же мы полетели не в Вискули, а в Минск. В Минске у нас действительно были консультации именно с белорусами по экономической тематике, а уж потом мы поехали в Вискули.

— Вы не располагали информацией, что произойдет в Вискулях?

— Нет. Это было вне сферы моей компетенции.

— Некоторые участники тех событий (Кравчук, Шушкевич, Кебич) уверяют, что все произошло достаточно спонтанно — никто ничего заранее не планировал. Так ли это? Кебич утверждает, что «все знал один Ельцин».

— Ну, прежде всего Ельцин не все знал.

— Ну имеется в виду: он знал, что разговор пойдет не только о поставках нефти и газа, но и кое о чем более серьезном — о трансформации Союза.

— Было ощущение, что у Бориса Николаевича было твердое понимание того, что эту проблему надо решать. Он понимал, что проблема есть, он понимал масштабы ответственности, но у него не было какого-то твердо выработанного окончательного решения... Ясно было, что предстоит переговорный процесс, что надо будет договариваться, что надо быть достаточно гибким... То, что надо договариваться, было ясно всем участникам встречи. Но какой будет форма договоренности, в общем по состоянию на вечер 7 декабря никто не знал.

— Российская делегация готовила заранее какие-то разработки?

— Была некая неофициальная бумага, подготовленная Сергеем Шахраем, в которой содержались некоторые юридические контуры Беловежских соглашений. Эта бумага не была ни с кем согласована, включая и Бориса Николаевича Ельцина. Просто, когда мы обговорили в общем виде ситуацию, Шахрай предложил ее в ка-

честве базового документа. Так что мы подробно по этому документу шли, редактировали его. Он во многом и лег в основу текста этих Соглашений. Хочу подчеркнуть — не юридического решения, а собственно текста.

— А у украинцев были какие-то предварительные разработки? Кравчук утверждает, что были.

— Возможно, и были, но они их не представили. Собственно, украинская делегация в тот первый вечер вообще не принимала участия в работе над текстом документа. Они колебались. Работали мы и белорусы. Украинцы подошли к той даче, в которой я жил...

— Но через порог не переступили...

— Через порог не переступили. Не решились.

— Вообще-то это странно: ведь Кравчук был основным тараном, который пробивал всю эту ситуацию с разваливающимся Советским Союзом, пробивал в сторону окончательного его разала.

— Ну, дело в том, что они же не знали, что конкретно мы хотим там подписывать. В связи с этим у них и были колебания. А утром следующего дня Борис Николаевич и соответственно Кравчук и Шушкевич получили подготовленный нами предшествующей ночью черновик, вариант текста. С этим вариантом они и стали работать. Сам же текст в окончательном виде — это, конечно, результат совместной работы Ельцина и других лидеров.

— Кравчук пишет в своих мемуарах: «За ужином (7 декабря. — О.М.) решили официальные вопросы отложить на утро. В десять утра 8 декабря мы сели за стол переговоров». Между тем, согласно Петру Кравченко (бывшему министру иностранных дел Белоруссии, который участвовал в переговорах. — О.М.), все принципиальные вопросы были решены как раз за ужином (причем ужин был с довольно обильной выпивкой). Ночью готовился текст документа, а утром было лишь редактирование и подписание. Кто прав?

— Я бы сказал, что у каждого есть своя доля правды. Кое-что действительно было решено за ужином. Все три ключевых участника переговоров, на мой взгляд, были весьма напряженны. И как раз никакого обильного употребления спиртных напитков я не заметил. Ну, естественно, все выпили по рюмке водки... Но в общем все были напряжены, потому что понимали, что ситуация сложная. Я бы сказал так: нет, конечно, ключевые вопросы за ужином 7 декабря не были решены. Там был общий обмен мнениями о си-

туации, не более того, т. е. говорилось о том, что Советский Союз не функционирующее государство и с этим надо что-то делать. Вот с этим все согласились. Дальше, как я уже сказал, мы и белорусские коллеги, пригласив украинских экспертов (они не приняли приглашения), пошли готовить некий документ, который бы юридически оформлял то, о чем принципиально говорили вечером. Но сама формула документа, текст документа — они, конечно, к вечеру не были готовы, они были готовы где-то к двум часам ночи.

— Согласно Кравчуку, утренние переговоры начались с того, что он познакомил всех с результатами украинского референдума о независимости Украины. Все были поражены этими результатами, особенно тем, что за независимость дружно проголосовали русскоязычные регионы. Именно это «стало поворотным моментом сложной встречи», именно тогда, как пишет Кравчук, «мы все подсознательно почувствовали, что сегодня будет решена дальнейшая судьба Союза». Ельцин и Шушкевич ничего не говорили и только выжидательно смотрели на Кравчука. Тогда-то украинский президент и предложил перейти к непосредственному обсуждению будущего соглашения и ознакомил присутствующих с разработками «его команды».

— Память ведь изменяет иногда, особенно когда речь идет о таких деталях, кто с кем пикировался, кто что сказал.

— Но у Вас не было впечатления, что схема разговора была именно такова?

— Нет, у меня не было такого впечатления. Никто, конечно, не смотрел Кравчуку в рот. Хотя Борис Николаевич действительно пытался выяснить у него, возможно ли после украинского референдума какое-то сохранение Союза. И действительно Кравчук сказал, что после референдума это не является темой обсуждения... А дальше уже было общее обсуждение, что с этим делать.

— Действительно ли белорусская сторона — Шушкевич, Кебич — не играла никакой существенной роли в переговорах, как об этом пишет Кравченко, так что все решали только Ельцин и Кравчук?

— Я бы так не сказал. Белорусская сторона была одним из соавторов самого текста базового соглашения. Его, собственно, как я уже сказал, разрабатывали российская и белорусская стороны.

— Я имею в виду разговор за ужином 7 декабря. Говорили в основном Ельцин и Кравчук. Шушкевич почти не участвовал в разговоре.

— Это в основном действительно так и было. Шушкевич вообще очень переживал происходившее.

— Он был сторонником сохранения Союза, не так ли?

— Он не был сторонником, но он не был и противником. У него была фраза, которую он сказал — я, конечно, могу ошибиться в словах, но смысл ее был следующим: «Вы большие, а мы не такие большие. Мы примем любое решение, которое вы согласуете между собой. Но вы вообще понимаете меру ответственности, которую вы берете на себя?».

— Это когда он сказал? За ужином?

— Я сейчас пытаюсь вспомнить... Нет, он сказал это не за ужином. Он сказал это на следующий день.

— Перед подписанием Соглашения?

— Да. Перед подписанием.

— Ну т. е. его роль была все-таки второстепенная. Фактически «беловежских зубров» было не три, а два... Действительно ли в правительственный резиденции Вискули не оказалось ни пишущей машинки, ни машинистки, так что подготовленный Вами текст пришлось писать от руки?

— Ну, это же была ночь.

— Но все-таки такое соглашение готовится.

— А никто ведь не договаривался, что будет готовиться соглашение... Поэтому машинистка появилась только утром.

— Ее привезли из канцелярии заповедника...

— Ну, я не знаю этих деталей... Знаю только, что, когда она появилась, мне пришлось диктовать ей подготовленный нами текст. У меня отвратительный почерк, и она не могла его разобрать.

— Так что все-таки Вы не просто редактировали Шахрай — Вы писали с чистого листа?

— Текст Шахрай был базой. Но в целом мы вместе действительно писали с чистого листа.

— А кого все-таки можно считать главными авторами текста? Вы помните?

— Да, конечно. Это Бурбулис, Козырев, Шахрай, Кравченко, Мясникович, я... Еще несколько человек. Всего человек десять.

— Действительно ли с самого начала атмосфера в Вискулях была тревожной — все опасались, что Горбачев может принять какие-то силовые меры против «заговорщиков»? Вам известно, что

находившийся в составе белорусской делегации председатель Белоруссии Эдуард Ширковский по спецсвязи регулярно информировал Горбачева о происходящем и предлагал ему арестовать участников переговоров? Как это вообще могло быть? Ведь все находившиеся там вроде бы были друг у друга на виду? Был там и небезызвестный Коржаков, от внимания которого, наверное, не ускользнули бы действия белорусского коллеги. Если Горбачева действительно постоянно информировали о происходящем в Вискулях, чем объяснить такую бурную его реакцию, когда он обо всем узнал непосредственно от Ельцина?

— Обстановка действительно была тревожная. Было понятно, что речь идет об очень ответственном решении. Ясно было, что кто-то наверняка кого-то в Москве информирует о происходящем. Я не уверен, что председатель белорусского КГБ информировал непосредственно Горбачева — скорее, кого-то из своих начальников в центральном КГБ. Крючкова тогда уже не было... Возможно, Бататина.

— А технически это было возможно? Ведь аппараты были не у всех.

— Аппараты были не у всех, но были — все-таки это правительственный резиденция. А потом у председателя КГБ есть свои каналы связи.

— Ну, а что касается реакции Горбачева: если его постоянно информировали, что происходит в Вискулях, чего было так возмущаться, когда ему позвонили Шушкевич и Ельцин, сообщили о подписании Соглашений?

— Ну, одно дело, когда к президенту идет поток сообщений, — ведь он получает огромное количество информации, — а другое, когда он все это слышит непосредственно от президента России, причем он это говорит не только от своего имени, но и от имени двух других лидеров.

— Действительно ли после подписания Соглашения, как пишет Кравченко, «несмотря на всю историческую важность этого события, лидеры России, Украины и Беларусь не скрывали друг от друга охватившей их тревоги», и Ельцин откровенно озвучил то, что волновало всех остальных: “Нужно скорее разлетаться! Нас не должны накрыть здесь всех вместе”?

— Ну, именно этих слов я не слышал, но то, что там были понимание значимости происходящего и соответственно тревога, это, конечно, так.

— Почему вообще Горбачев не прибег к силовым мерам, чтобы воспрепятствовать ликвидации Союза? Благородство не позволило или духа не хватило? Или просто трезво оценил свои возможности?

— А у него был хотя бы один боеспособный полк?

— Ну, Шапошников ведь еще был министром обороны.

— Шапошников сказал ему, что армия не будет вмешиваться в эти события.

— А Горбачев требовал от него поддержки?

— Очень мягко.

— А Вам не кажется, что это вообще было не в его стиле — прямо прибегать к силе? Тбилиси, Баку, Вильнюс... Он как-то все время стоял в стороне, оставался в тени.

— Да, конечно, таков был его стиль. А потом ведь совсем незадолго перед этим случился путч — 19–21 августа его осуществило ближайшее окружение Горбачева. И надеяться на то, что кто-то через такой короткий срок выполнит его приказ и применит насилие против только что избранного российского президента и, без всякого сомнения, самого популярного политика России, было просто несерьезно. Ни один танк не сдвинулся бы с места.

— То есть был трезвый расчет. Хотя его помощники — Андрей Грачев, Анатолий Черняев — уверяют, что им двигали благородные мотивы, он не хотел крови.

— Им, конечно, виднее, они с ним работали больше, чем я, они все это видели изнутри, но я бы сказал так, отталкиваясь от того, что я знаю, — вполне возможно, что он не хотел крови, но то, что при этом у него не было и никаких ресурсов, чтобы применить насилие в отношении Ельцина и Кравчука, это совершенно ясно.

— Одно с другим совпадает.

— Да, он, вероятно, и не хотел применять силу, но уж точно не мог применить ее.

— Что Вы сами тогда переживали? Было ли у Вас ощущение, что это исключительный исторический момент? Была ли у Вас уверенность, что все делается правильно, или имелись сомнения на этом счет? Вы гордитесь тем, что вам довелось стать участником тех исторических событий?

— Понимаете, территориальное деление — это всегда трагедия. Поэтому сказать, что ты гордишься... Ну, это просто трагедия жизненная, потому что масса семей оказываются разделенными,

живут в разных государствах. У них возникают проблемы с элементарными контактами. Масса людей оказываются живущими в странах, которые теперь считаются чужими. Так что сказать, что этим можно гордиться, нельзя. Я горжусь тем, что тогда удалось избежать масштабной гражданской войны по югославскому сценарию, да к тому же в ядерной стране. Вот этим я действительно горжусь и считаю, что это было сделано правильно, что это спасло нашу страну от возможных гибельных потрясений.

— Но это постфактум. А каковы были ощущения в тот момент?

— Ощущение того, что мы делаем то, что надо. Если ядерная сверхдержава де-факто уже не существует, потому что утрачены все основные элементы государственности, то ее лучше мирно и легально распустить. Ощущение огромной ответственности, которую все, кто участвует в этом процессе, берут на себя, и ощущение тревоги — как все это будет утверждено парламентами.

«Как потратить»

— Егор Тимурович, нынешний кризис уже назван одним из самых тяжелых за последние полвека минимум. Вот уже и олигархи разоряются...

— Это последнее, по поводу чего я пролью скучную мужскую слезу.

— Не пришла ли пора менять модель развития экономики в целом?

— Кризисы — характерная черта развития мировой экономики на протяжении последних двух веков. Об этом не стоит забывать. Принимать программы экономического развития без учета этого фактора — ошибка. Особенность кризисов в постиндустриальном обществе в том, что они по своей природе меняются, как вирусы. Поэтому кризис 1998 г. в Юго-Восточной Азии и вызвал такой шок — он «мутировал», другой по природе, чем изученные кризисы второй половины XX в., которые, как правило, были сознательно организованы финансовыми властями ведущих стран. Такие кризисы — это реакция на популизм, ослабление денежной политики. Но это не значит, что сценарий всякий раз будет повторяться. Все ждали кризиса в районе 2007–2010 гг. (прогнозировать с точностью до месяца еще пока не научились), потому что в 2001 г. обрушился рынок NASDAQ, что тоже предрекали, в 2007-м лопнул «пузырь» второсортной ипотеки. Кризисы — это фактор, который нужно учитывать, и надо знать, что делать, когда конъюнктура на мировых рынках станет неблагоприятной. К счастью для России, опыт 80–90-х годов не прошел даром и мы подошли к этому кризису подготовленными. Сколько обсуждалось: зачем нам нужен Стабфонд? Зачем властям такие крупные золотовалютные резервы? Раздайте! Думаете, только российские популисты говорили об этом? Аналогичные вопросы мне задавали и в Международном валютном фонде, и в Мировом банке. Теперь, думаю, ответ очевиден. Но даже наличие резервов не дает гарантии, что мы легко

Интервью брала Светлана СУХОВА.
Опубликовано в: Итоги. 2009. № 10. 2 марта.

выйдем из кризиса — это самый тяжелый кризис за последние 60 лет.

— То есть смены экономической модели не нужно? Где же тогда будут делать «легкие» или «быстрые» деньги?

— Сейчас наступил тяжелый период адаптации — легких денег какое-то время не будет. Напротив, будет сокращение занятости, объемов ВВП. Мировая экономика будет приходить в соответствие с изменившимися условиями. Когда «мыльные пузыри» прорываются, приходится к этому адаптироваться. Нельзя тратить намного больше, чем зарабатываешь. Уходят в прошлое расчеты на то, что ипотечные кредиты кто-то оплатит за тебя. К этому приходится привыкать. Новой экономической модели не нужно. То, что надо, это более жесткое регулирование рынка деривативов — производных финансовых инструментов. Нужны серьезные изменения в мировой финансовой инфраструктуре. Ее капитализацию надо нарастить, а механизм принятия ключевых решений привести в соответствие с реалиями изменившегося мира.

— Недавно в Давосе обсуждались возможные варианты выхода из кризиса. Один из распространенных рецептов — усиление роли государства в экономике.

— А кто и на каких примерах показал, что серьезное усиление участия государства в постиндустриальном обществе способствует долгосрочному ускорению экономического роста? Другое дело, что во время кризиса увеличение роли государства — объективный процесс, но он оправдан только, если сразу ставить стратегическую задачу разгосударствления экономики после того, как пиковая точка кризиса пройдена.

— В государство выкупает доли в крупнейших банках...

— А потом собирается приватизировать их на высоком уровне конъюнктуры, когда можно будет продать доли в этих банках за хорошие деньги, за счет этого сократить государственный долг.

— Еще один из рецептов — дедолларизация экономик.

— Это и не нужно, и невозможно. То, что корзины валют, на которые ориентируются мировые финансовые рынки, будут расширяться, дифференцироваться, неизбежно. В золотовалютных резервах стран, вероятно, будет расширяться доля валют, не относящихся к доллару (например, швейцарского франка или японской иены). Но радикальных мер по дедолларизации, когда американ-

ская экономика по покупательной способности или по текущему курсу валют — это 20–25% мировой экономики, ожидать не стоит. Такие предложения от лукавого.

— Еще один «рецепт» — не из гуманных — война или теракт.

— Такие риски существуют. Оценить их трудно.

— Падение производства в развитых странах, прежде всего в США, — это одно из худших последствий кризиса?

— Два века назад доминировало представление, что самое важное в экономике — это сельское хозяйство. Сейчас это не так. Сегодня в наиболее развитых странах, которые являются, кстати, и производителями и экспортерами продовольствия, сельское хозяйство составляет лишь 3–4% от ВВП. Все меняется. Идея «все зависит от промышленного производства» была интересна в XIX в., но не сейчас. В постиндустриальном обществе главное — это сфера услуг, все, что связано с телекоммуникациями, здравоохранением, образованием и т.д.

— В чем, по-Вашему, особенности России в прохождении нынешнего кризиса?

— Есть два взаимосвязанных риска, реализовавшихся в прошлом году. Это зависимость платежного и финансового баланса страны от цен на энергоносители (нефть, нефтепродукты, газ), а также металлы, и изменчивость направления потока капитала. Когда цены на нефть высокие, капитал в нефтедобывающую страну прибывает быстро, но как только цены на сырье (нефть) падают, инвестиции столь же быстро уходят. Россия к такому повороту событий готовилась — был создан Стабилизационный фонд, затем преобразованный в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Мы накопили крупные золотовалютные резервы. Это позволяет сегодня управлять ситуацией — тяжело, непросто, но без катастроф.

— А если резервы кончатся? Они тратятся такими темпами...

— Если правительство не будет делать грубых ошибок, не закончатся. Чтобы в этом убедиться, надо открыть сайт Центробанка и посмотреть соотношение нашей денежной базы, денежной массы и золотовалютных резервов.

— Допустим, резервы убывают не столь быстрыми темпами, но они и не прибавляются — цена на нефть по-прежнему низкая...

— К тому же ее невозможно прогнозировать. Никто не умеет это делать. Те, кто заявляет обратное, или лгут, или просто некомпетентны. Дело не в том, что никто не старается. Рынок нефтя-

ных фьючерсов — сотни миллиардов долларов. Можете представить, сколько те люди, которые на нем работают, готовы заплатить за качественную экспертизу? Но рынок нефти устроен своеобразно, так что прогнозы тут часто дают сбой.

— *Даже если нельзя спрогнозировать, можно повлиять. Это уже научились делать.*

— Иногда получается, а иногда нет. Именно поэтому страна, зависящая от конъюнктуры мирового нефтяного рынка, должна иметь большую подушку безопасности.

— *Вторая будоражащая умы тема — курс рубля и основных валют.*

— Центробанк имеет достаточно инструментов управления валютным курсом. Все, что происходит на этом рынке, происходит по инициативе ЦБ России.

— *Правильно ли я поняла, что Центробанк, по-Вашему, будет и дальше «придерживать» падение рубля?*

— Надо быть реалистом и понимать, что ты не можешь бесконечно играть против рынка. Но сейчас тактический перевес на стороне ЦБ.

— *И такая тактика себя оправдывает? Стоит ли вообще держать рубль?*

— Его не держат — он упал.

— *Но мог бы упасть больше.*

— Мог бы, и такое желание у рынка есть. С другой стороны, Центробанк может остановить такие стремления и сделать это легко. Впрочем, масштабы девальвации рубля пока сопоставимы с тем, что произошло в других странах, зависящих от экспорта сырьевых товаров.

— *Есть мнение, что в случае быстрого падения рубля российская экономика только выиграла бы, а кризис был бы пройден быстрее и с меньшими последствиями.*

— Я понимаю эту логику, более того, я ее разделял. Но Центробанк решил иначе, так что сейчас уже бесполезно это обсуждать.

— *Анализируя антикризисный план правительства, на чем бы Вы рекомендовали сосредоточиться и что, возможно, сделать иначе?*

— Я посоветовал бы властям быть более финансово консервативными. Мы в несимметричном положении по отношению к странам, обладающим резервными валютами. Надо не переписывать американские или европейские планы, а вырабатывать собствен-

ную политику. К счастью, многие из тех, кто формирует экономическую политику в России сегодня, это понимают. Возвращаюсь: наши позиции с такими странами несимметричны. Оказаться в их круге можно будет только после нескольких десятилетий финансовой стабильности, но не сейчас. Это значит, что если они могут позволить себе ослаблять бюджетную и денежную политику, снижать процентные ставки и разрабатывать в условиях кризиса масштабные инвестиционные программы, то Россия этого себе позволить не может. Если нет печатного станка, который может создать сколько угодно долларов или евро, то, действуя так же, ты быстро растратишь золотовалютные резервы, получишь радикальное обесценивание национальной валюты, тяжелый банковский кризис, рост процентной ставки и быстрое падение производства. Мы таких ошибок пока не делали. Так что когда США снижают процентную ставку, а мы ее повышаем, то мы действуем правильно, хотя и несимметрично. Если мы радикально обвалим рубль, никому лучше не станет.

— *Не обязательно поддерживать банки и валюту. Есть, например, путь Казахстана.*

— Там долго поддерживали курс, а потом его уронили. У меня нет уверенности, что это было лучшее из возможных решений. Во время кризиса лучше не лишать банки поддержки государства. Банковский кризис был предсказан в России давно, и надо было многое делать раньше, чтобы его избежать или минимизировать потери. Сейчас радикализм не нужен. Есть вещи, которые реализуются в условиях, когда все мало-мальски нормально, и которые не делаются, когда пациенту проводят тяжелую операцию. Сейчас такой случай. Так что никакие игры с банковским сектором, на мой взгляд, сегодня недопустимы. А потом надо будет разобраться, кто прав, кто виноват, усилить надзор. Но не сейчас.

— *Похоже, что государству предстоит выбирать — или банки, или промышленность. Предприниматели уже жалуются на повышение ставок и на то, что выделенные государством деньги до адресатов не доходят — оседают на валютных счетах банков.*

— Для меня приоритет сейчас — стабильность банковского сектора. Не спорю, что у промышленности свои серьезные проблемы, но опыт показывает, что если дать сигнал о ненадежности банков, промышленности будет только хуже. Так что банки надо поддерживать. Все остальное нормализуется с течением времени. Главное — не вмешиваться

слишком активно методами прямого управления экономикой. Важный приоритет — обеспечение денежной и бюджетной стабильности.

— Но как это сделать в условиях столь низкой цены на энергоносители?

— Мы жили в условиях такой цены на энергоносители в 2003 г. Экономика динамично росла.

— Ситуация тяжелая, а России выдает миллиардные кредиты странам — Белоруссии, Украине, Киргизии... Мы в состоянии сейчас давать в долг?

— Я бы этого не делал. С точки зрения цифр, потянем, конечно. Весь вопрос в объеме ошибок, которые можно совершить. Недавно обсуждал эту тему со своими друзьями, которые имеют отношение к руководству банковским сектором. Они высказали мысль, что ошибаться мы будем, пока золотовалютные резервы не сократятся до 300 млрд долл. Я высказываю иное мнение — до двухсот.

— Если нельзя повлиять на нефтяные цены, может, есть шанс вернуть капиталы?

— Если идти по пути повышения реальной процентной ставки и ужесточения бюджетной политики. Чтобы решить эту задачу, необходимо продемонстрировать миру, что рубль устойчив.

— Вы — сторонник повышения процентной ставки, мотивируя тем, что в России невозможны те же методы, какие применяют страны, печатающие резервные валюты. Но тогда почему по этому же пути идет Китай, также снижающий ставку?

— Глобальный экономический кризис — это ситуация, в которой национальное руководство должно выбирать свои приоритеты. В 2008 г. китайское руководство приняло решение, что снижение аномально высокого, по стандартам страны, уровня инфляции является приоритетом. За это можно заплатить снижением темпов экономического роста. В начале 2009 г., на фоне резкого ухудшения положения на рынке труда, руководство изменило свою позицию. Но мы и Китай находимся в разном положении с точки зрения платежного и финансового баланса. Китай в гораздо меньшей степени зависит от цен на сырьевые товары. Золотовалютные резервы страны в последние месяцы не сокращались. Мы в более сложной ситуации. Золотовалютные резервы России за последние месяцы сократились примерно на 200 млрд долл. В этой ситуации имитировать китайскую политику для нас непозволительная роскошь.

«Играть против рубля бессмысленно»

— Как Вы относитесь к идее московского мэра Лужкова — государство должно воспользоваться ситуацией и скупить упавшие в цене активы олигархов?

— Количество ошибок, которые можно сделать, проводя экономическую политику, велико. Однако кризис их ограничивает. Правительство РФ, как мне кажется, начинает осознавать новую реальность. Поэтому не думаю, что оно последует рекомендациям Ю.Лужкова.

— Прогнозируете ли Вы новую волну приватизации после кризиса?

— Я надеюсь, что после завершения кризиса, когда цены на активы восстановятся, государство задумается о снижении участия в экономике, о приватизации. Если мы хотим на долгий срок сохранить социально-политическую стабильность в России, это надо делать. Госсобственность — один из ресурсов стабилизации пенсионной системы. Кризисы приходят и уходят, но нельзя забывать о решении долгосрочных проблем.

— В какой форме можно использовать госсобственность?

— Моя позиция состоит в том, что ресурсы от продажи собственности надо не тратить, а вложить в накопительную часть пенсионной системы, расширив доступ к ней тех поколений, которые сейчас в нее не включены. Это не проедание, а создание резервов, то, что делают наши норвежские соседи.

— Что бы Вы посоветовали правительству, которое как раз сейчас пересматривает бюджет на 2009 г.?

— При пересмотре бюджета, надо проявить максимально консервативный подход к расходам. На экспертном уровне такое понимание существует, но речь идет о тяжелом политическом выборе. Если ты принимаешь политические решения, хочется не слушать

Интервью брал Андрей ЛИТВИНОВ.

Опубликовано в: Smart Money (Россия). 2009. 2 марта.

экспертов, которые говорят столь неприятные вещи, удобнее верить, что кризис скоро закончится. Но базироваться на опыте экономических кризисов второй половины XX в. сегодня не стоит. Это самый жесткий кризис после Второй мировой войны.

— Может ли государство, сохраняя высокий уровень расходов, поддержать экономику на плаву?

— Государство могло бы своими расходами поддержать спрос в экономике, если бы у нас была резервная валюта. Есть риск ошибки в том, чтобы переносить на российскую ситуацию антикризисные меры, принимаемые в США и странах ЕС, у которых такие валюты есть. У них одни возможности, у нас — другие. Если мы будем копировать их решения, ни к чему, кроме сокращения золотовалютных резервов, это не приведет. У нас деньги уйдут в долларовые активы и никакое ФСБ с этим не справится.

— Как Вы оцениваете политику во время кризиса?

— ЦБ действовал в целом рационально, одновременно повышая реальную процентную ставку и ослабляя курс рубля. Можно сказать, что мы достигли некоего равновесия. При нынешнем уровне денежной базы, денежной массы и ЗВР участники рынка поняли, что ЦБ может сделать все что угодно и играть против рубля бессмысленно.

— Спасибо.

Мир выйдет из кризиса более жестким

— В условиях неопределенности, царящей на рынках, многие инвесторы предпочитают «уходить» в золото. Прогноз швейцарского банка — в пятилетней перспективе цена поднимется до 2,5 тыс. долл. за унцию. Однако Вы не раз писали, что золото — крайне волатильный товар. Так можно ли сейчас делать на него ставку?

— Люди в условиях кризиса обычно подвержены паническим настроениям, что объяснимо: привычный мир изменился, а семью кормить по-прежнему надо. Поведение людей в этой ситуации не всегда является рациональным. Кто-то ищет спасения в золоте, кто-то вкладывается в доллары, кто-то — в кофе, кто-то — в тюльпаны... Какие вложения наиболее надежны? Кто его знает! Никто вам точного ответа на этот вопрос не даст. Лучший совет — это диверсификация. Раскладывание яиц по разным корзинам ведет к минимизации рисков. При росте рисков инвесторы отдают предпочтение не доходности, а ликвидности и надежности финансовых инструментов.

— Разве золото не отвечает требованиям надежности и ликвидности?

— Сегодня золото — ликвидный товар, его можно продать в любой день. Но так было не всегда. В 90-х годах прошлого века его было трудно продать, и центральные банки ведущих мировых держав договаривались о лимитах на продажу золота, чтобы не обвалить его цену.

Несовременный стандарт

— Сейчас много говорят о том, что Международный валютный фонд готов продать большие объемы своих золотых резервов, чтобы

Интервью брали Евгения АЛЬБАЦ, Дмитрий ДОКУЧАЕВ.
Опубликовано в: The New Times (Россия). 2009. № 11. 23 марта.

выручить деньги на помощь странам, пострадавшим от кризиса. Вы допускаете такой ход событий?

— МВФ не будет выбрасывать большие объемы золота на продажу, чтобы не подорвать рынок. Но при благоприятной рыночной конъюнктуре фонд может осторожно продавать небольшие партии золота.

— *Как на это посмотрят Соединенные Штаты, обладающие самыми большими запасами золота в мире?*

— Спокойно. Масштабы продаж золота, которые сегодня может осуществить МВФ, не слишком велики. Для США это безопасно.

— *А как Вы относитесь к слухам, что США сами могут пойти на выпуск гособлигаций с золотым покрытием, чтобы создать некую альтернативу доллару, который, по словам Джорджа Сороса, может рухнуть?*

— Не верю в такое развитие событий. При всех сегодняшних проблемах американской экономики, за долларом стоит длинная историческая стабильность. Собственно, мы видим: как только ухудшается конъюнктура в мире, курс доллара по отношению к евро укрепляется. Доллар — валюта с максимально ликвидным рынком обязательств с фиксированным доходом. Поэтому многие, в том числе и в России, если не знают, что делать, предпочитают уходить в доллары. Мне трудно представить, чтобы в этой ситуации американские власти добровольно отказались от главного, что стоит за долларом — традиции стабильности, — и начали эксперименты с новыми финансовыми инструментами. За рублем не стоит традиция 100-летней стабильности — и это сказывается на том, как ведут себя рынки в условиях кризиса. Казалось бы, у нас все было неплохо: большие золотовалютные резервы, некатастрофическая бюджетная ситуация, разумная денежная политика. Тем не менее, за время кризиса мы получили отток капитала более 100 млрд долл.

— *То есть Вы противник возвращения к «золотому стандарту»?*

— Да, противник. В свое время именно «золотой стандарт»¹ обеспечил миру денежную стабильность и заложил основы современного экономического роста в странах Западной Европы. Но потом выяснилось, что беспрецедентное ускорение экономического роста меняет условия экономической жизни. И дальше привязывать

денежную систему к тому, когда и где откроют месторождение золота или серебра, стало опасно для мировых финансов. Эта опасность проявилась в полном объеме во время Великой депрессии. Из нее мир вышел без «золотого стандарта». Окончательно он ушел в прошлое после 1971 г.

— *Однако именно отмена «золотого стандарта» позволила национальным центральным банкам печатать деньги, в результате нался финансовый пузырь...*

— ...И сейчас мы расхлебываем последствия этого. Но мы должны искать пути решения сегодняшних проблем не в прошлом. Нам надо учиться жить в мире плавающих курсов валют, открытых рынков капитала.

Непознанные кризисы

— *Разве предыдущие кризисы человечество этому не научили?*

— Кризисы, которые мир переживал в 50-х—90-х годах прошлого столетия, были достаточно понятны для профессионалов. Они — разные по интенсивности, но механизмы их были изучены. А сейчас финансовый мир изменился, и в его нынешнем виде — с плавающими курсами основных валют и открытым рынком капитала — он сформировался совсем недавно: в 80-х годах прошлого века. В 90-х годах и в МВФ, и в администрации США работали блестящие экономические команды. Но они проморгали и финансовый кризис в Мексике в 1994-м, и кризис в Юго-Восточной Азии в 1997-м. И нынешний кризис никто толком не предсказал, по крайней мере по времени и формам развертывания.

— *Можно ли нынешний кризис сравнивать с Великой депрессией?*

— Во всяком случае, мировое экспертное сообщество сходится в том, что это будет самый жесткий кризис со времен Великой депрессии.

СЛЕДИТЕ ЗА АМЕРИКОЙ

— *В середине марта несколько дней подряд рос индекс Доу-Джонса, многострадальный Citibank показал по итогам квартала прибыль, предсказывает, что рецессия в США закончится в 2009 г. Значит ли это, что кризис уже достиг дна?*

¹ О «золотом стандарте» см. подробнее в «The New Times» № 3 от 26 января 2009 г. и № 7 от 23 февраля 2009 г. — Прим. редакции журнала.

— Я, естественно, читаю материалы МВФ, посвященные кризису. Кроме того, у меня есть возможность иногда говорить с людьми, которые их пишут. Я бы не сказал, что у них есть твердая уверенность в том, что кризис проходит низшую точку. Думаю, что нынешний рост Доу-Джонса — это флюктуация, а не начало тренда, и дна рынок еще не достиг. Но, подчеркну, это моя догадка, а не знание.

— *А Вы понимаете, когда начался кризис?*

— То, что на рынке американской ипотеки могут возникнуть проблемы, было ясно еще в 2007-м. Но тогда преобладала точка зрения, что американская экономика перестала сильно влиять на мировую, особенно на Китай и Индию. Жизнь показала, что это не так, что развитие событий в Китае (в большей степени) и Индии (в меньшей) все-таки зависят от ситуации в США. Ключевой точкой кризиса стала ситуация с инвестиционным банком *Lehman Brothers*, который американские власти отказались спасать.

— *А Вы бы спасали?*

— О таких вещах всегда удобно говорить постфактум. С позиций сегодняшнего дня, всего того, что мы знаем о последствиях банкротства *Lehman Brothers*, возможно, это стоило сделать.

— *Что станет индикатором того, что кризис закончился?*

— Есть три важнейших индикатора в экономике США, за которыми надо следить. Первое — изменение потребительских настроений: люди начнут делать покупки. Далее — перелом динамики цен на недвижимость: они снова должны пойти вверх. Прекращение роста безработицы и начало роста занятости. Думаю, что практически сразу же закончится кризис и в России — это вопрос пары месяцев.

Минус десять

— *Как глубоко может упасть в этом году российская экономика?*

— Если мы говорим о ВВП, то по итогам года будет минус 3% как минимум. А если учесть, что по итогам 2008-го был рост 6,7%, то суммарно за год мы упадем почти на 10%. Падение промышленного производства, думаю, составит не менее 10% по году.

— *Поясните, что означают эти цифры с точки зрения экономической ситуации в стране?*

— Они означают резкое сокращение производства автомобилей (оно уже упало на 70%). Существенное снижение производства всего, что нужно для производства автомобилей (например, стали). Снижение объемов строительства, производства металлургии, текстильной промышленности, химии...

— *Вы не упомянули корпоративные долги, по которым в ближайшие полтора года предстоит выплатить 170 млрд долл.*

— Если эти долги корпоративные, то пусть корпорации их и платят. А если не могут платить, пусть отдают активы — непрофильные по крайней мере. Конечно, их не надо продавать сейчас — при крайне неблагоприятной конъюнктуре рынка. А с точки зрения властей, надо прямо заявить: да, мы возьмем у компаний в качестве залога непрофильные активы, но потом, когда выправится ситуация на фондовых рынках, сразу их продадим. Это не решит всех финансовых проблем корпораций, но, по меньшей мере, сделает долгосрочную финансовую политику прозрачной и даст понятный сигнал рынку.

ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ

— *Многие активы сейчас сильно потеряли в цене и стоят буквально копейки. Значит ли это, что для бизнесменов настало время их покупать?*

— В принципе, да: кризис — это то время, когда делаются большие состояния. Конечно, если есть ликвидные активы и нет крупных краткосрочных долговых обязательств.

— *Почему в мире так сильно обесценились машиностроительные активы, особенно высокотехнологические?*

— А кому нужна во время кризиса машиностроительная продукция? Зерно нужно, так же как ритейл, одежда, лекарства... А на машиностроительную продукцию спрос будет расти лишь по мере выхода из кризиса — значит, явно не в ближайшее время.

— *В экспертном сообществе говорят, что мир выйдет из кризиса другим. Каким?*

— Более жестким. Выживут те предприятия, которые сумеют сократить издержки, повысить производительность труда, качество продукции, адаптироваться к изменяющемуся спросу, забудут о бонусах для руководителей, станут очень осторожны отно-

ситься к дивидендам. С такими предприятиями нашим надо будет научиться конкурировать.

— *И есть ли у наших предприятий шанс?*

— Шанс есть.

— *Когда закончится рецессия?*

— Года через четыре — практически гарантированно, лет через десять — абсолютно гарантированно.

— *Учелеет ли Европейский союз?*

— 70 на 30 — что да. Хотя риски его существования сейчас велики, как никогда.

— *Сохранятся ли мировые финансовые институты: Всемирный банк, ?*

— Да, но будут реформированы.

— *Организация Объединенных Наций?*

— Тоже будет реформирована.

— *NATO?*

— Сохранится, причем, полагаю, без особых реформ.

— *Будет ли усиление противостояния между Россией и США?*

— Думаю, что нет. У нас слишком много общих глобальных интересов, вне зависимости от того, любим мы друг друга или нет. Первые шаги новой американской администрации и ответы на них российских властей дают надежду, что мы готовы совместно обсуждать ключевые вопросы мировой политики.

— *Будет ли в России либерализация режима?*

— 50 на 50.

Егор Гайдар: «Кризис приведет к изменению существующей системы»

ПЛАНЕТА САРАКШ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

— *Ваши впечатления от фильма «Обитаемый остров»?*

— Фильм в целом понравился. Проблема с экранизациями прозы Стругацких в том, что очень талантливые режиссеры все время борются с авторами, хотят показать, что они не менее великие художники. Это заслуживает уважения, но мне не очень нравится. Мне нравится проза Стругацких. «Обитаемый остров» хорошо поставлен, и он действительно поставлен по первоисточнику.

— *У Вас не возникло ощущения, что планета Саракши похожа на современную Россию?*

— Я предпочел бы уклониться от ответа, пока неизвестно, будет ли снята вторая серия.

— *Она снята, должна выйти в апреле.*

— Тогда я могу сказать, что очень похоже. Я не понимаю, как при нынешнем информационном режиме такой фильм мог выйти на экраны... Но, конечно, нынешний режим более мягкий, чем во времена Главлита.

— *А как Вы относитесь к идеологеме «прогрессорства»? Была ли она Вам когда-нибудь близка?*

— Я люблю все написанное Стругацкими. Но если вы хотите меня спросить, было ли то, что мы делали, когда начинали реформы в России, как-нибудь связано с линией прогрессорства, — твердо могу ответить «нет». Во времена тяжелейшего кризиса, связанного с крахом советской экономики, нам было не до прогрессорства.

Интервью брал Владимир ФЕДОРИН.

Опубликовано в марте 2009 г. на сайте журнала «Forbes» (Россия) <http://www.forbes.ru/interview/8191-krizis-privedet-k-izmeneniyu-sushchestvuyushchei-sistemy>

— Насколько я могу судить, прогрессорство как идеология было привлекательно для значительной части советской интеллигенции 1970-х.

— Это не было элементом практической политики, это творчество. Так они выстраивали свои миры. Не надо проводить параллелей между событиями в России конца 1980-х — начала 1990-х и прогрессорством. Почти все известные реформаторы, которые принимали участие в экономической политике России последних 20 лет, любили и читали Стругацких. Но это не значит, что они были заражены идеей прогрессорства.

— Почему ведомство прогрессоров называется у Стругацких *Галактической Безопасностью, Гебе?*

— После публикации «Гадких лебедей» на Западе у Стругацких были тяжелые проблемы с тем, чтобы их печатали. Многие годы они писали в стол. И я думаю, что здесь был флирт с организацией, которая давала санкцию на публикации. Это моя догадка, не более того: ни Аркадий Наташевич, ни Борис Наташевич мне этого не говорили. Начать нужно с изменения отношений власти с обществом.

— Мы оказались в гораздо более жестоком кризисе, чем тот, о котором Вы предупреждали год назад. Придерживаетесь ли Вы по-прежнему мнения, что он приведет к трансформации системы, сложившейся в России за последние 20 лет?

— Системы менялись. Одна, далеко не идеальная, сложилась в 1991–1999 гг. Ее можно назвать «олигархический капитализм». Другую систему, которая начала формироваться с 2000 г., можно назвать бюрократическим капитализмом. Думаю, что нынешний кризис приведет к изменению существующей системы. Надеюсь, это произойдет мягко, без катастроф и революций.

— Как бы Вы описали оптимальную модель политической трансформации?

— Оптимальный сценарий: власть осознает, что надо поворачивать на общий путь мирового политического развития, систему разделения властей, восстанавливать влиятельную и свободную прессу, делать работу государственного аппарата более прозрачной, сокращать сферу секретности, восстанавливать реальные демократические механизмы. Начать нужно с изменения отношений власти с обществом: 10% роста реальных доходов, который

был реальностью последних лет, не будет. Возможно, они сократятся. Плохая модель — это когда власть реагирует на кризис репрессиями против оппонентов. Подобная политика в урбанизированных, грамотных обществах для власти кончается плохо, вопрос только когда.

— Насколько быстрой должна быть трансформация?

— Подобные процессы лучше проходят, когда они растянуты во времени. Когда они занимают не три дня, которых хватило, чтобы в России рухнул царский режим между 25 и 28 февраля 1917 г., и не три дня, которые были нужны, чтобы рухнул советский режим в августе 1991 г. Реформы, которые идут организованно, растягиваются на многие месяцы и годы, зато они прокладывают путь к более устойчивому состоянию общественной жизни.

— Кто может стать субъектом либерализации?

— Покажет жизнь. Политическая элита реагирует на меняющуюся ситуацию. Жизнь руководителей России в июле прошлого года, когда нефть стоила 145 долл. за баррель, и их жизнь сегодня различаются. К этому трудно сразу приспособиться. Приятно верить, что в стране хорошо, потому что ею правят столь компетентные, замечательные люди, отличающиеся этим от своих предшественников. Когда жизнь меняется в худшую сторону — а она существенно изменилась в худшую сторону, и не по вине, собственно, российских властей, а просто потому что мировая экономика циклична, — требуется по меньшей мере несколько месяцев, чтобы осознать, что реалии изменились, нужен другой механизм принятия решений. Позитивно то, что как бы руководители нашей страны ни отзывались о 90-х годах, все они вышли из 90-х. Они руководили экономикой крупных городов либо страной в целом в условиях острейшего кризиса, связанного с крахом советской экономики, и способны, на мой взгляд, понять, что надо вспоминать старое. По-моему, они дают сигналы, что поняли. Это, например, пересмотр бюджетной трехлетки, повышение процентных ставок.

— Повышение ставки — это попытка реактивного управления с целью сбить девальвационные ожидания. В чем тут отход от прежнего курса?

— Это реактивная мера, но это разумная и правильная реакция. В условиях кризиса многое приходится делать именно в таком режиме.

— Существует масса вариантов мирной трансформации авторитарных режимов: чилийский, польский, тайваньский, испанский. Во всех этих случаях благополучный исход был обеспечен путем диалога власти и оппозиции. У нас власть все последние годы защищала политическое пространство. Кто же теперь будет ее собеседником?

— В изменившихся экономических условиях оппозиция неизбежно сформируется. Где была оппозиция в Чили, когда Пиночет решил провести референдум по конституции? Диктатор полностью контролировал силовые структуры, экономический рост был динамичным. Тем не менее он вступил в диалог с оппозицией. Результатом стал референдум, который он проиграл, после чего ушел от власти. Конечно, формирование дееспособных партнеров по диалогу, с которыми имеет смысл разговаривать, — серьезная задача. Но как раз в условиях кризиса задача, казавшаяся неразрешимой, становится разрешимой. Все понимают, что речь идет о серьезной трансформации, а не о том, сколько у кого будет депутатских мандатов. Речь о судьбе страны.

— Конечная цель политической реформы?

— Воссоздание открытой демократии. Она была крайне несовершенна в 1990-е годы, но она существовала. Разве у нас в 90-е не было свободной прессы? Это же смешно. Да, часть ее контролировали олигархи, но она была. И с ней приходилось считаться.

— Кто станет инициатором политического диалога — Кремль или Белый дом?

— Не хочу гадать. Жизнь покажет.

— Но Вы ведь наверняка задумывались об этом.

— Я задумывался об этом и потому, что не знаю точного ответа, предпочитаю держать свои мысли при себе.

— В современной России все ветви власти — придаток власти исполнительной. Парламент штампует решения, вносимые правительством. Суды контролируются Кремлем. С чего начинать построение сильных институтов? С досрочных выборов по новым правилам в Думу? С реформы судебной системы?

— С восстановления свободы слова. В первую очередь с отказа от цензуры на телевидении, в многотиражных газетах.

— Вы имеете в виду, что, прежде чем выходить на новые выборы, общество должно открыто обсудить накопившиеся проблемы?

— Да. Я надеюсь, что журналистское сообщество, наученное горьким опытом, будет на этот раз более ответственным, чем в 1990-е годы, когда свобода слова свалилась с неба и было очень велико желание сделать карьеру на том, что теперь можно говорить то, за что вчера можно было лишиться права на профессию.

— У политической элиты, у высшей бюрократии, у деловой элиты рыльце в пушку. При независимом судопроизводстве и независимой от конъюнктуры правоохранительной системе многие из них рискуют потерять кто состояние, кто свободу. Это значит, что они будут сражаться за этот режим до конца. Не кажется ли Вам, что для бескровной трансформации нужно проводить амнистию, возможно, с последующей люстрацией, чтобы политический и деловой классы могли дальше жить, не оглядываясь на накопленные вагоны компромата?

— В известном смысле это идея испанского компромисса. Без этого вряд ли можно было бы добиться относительно мирной трансформации режима. Там люди договорились подвести черту под прошлым. Кто что делал во время Гражданской войны и после, договорились забыть. Эта идея кажется разумной, но есть много вопросов: необходимо найти формулу компромисса, партнеров по компромиссу, гаранта компромисса. Не всегда это работает. Пример Чили показывает, что компромисс может быть нарушен. Если мы ставим задачу мирной и нереволюционной трансформации России в демократию, подобная формула компромисса, конечно, должна быть выработана. Нечто похожее на испанский пакт Монклоа — не худший выход для России.

— Должна ли этому предшествовать политическая реформа, чтобы у власти появились те самые партнеры по компромиссу?

— Никогда нельзя загадывать. Это выяснится в конкретном политическом процессе. Формулы из политологических учебников здесь не работают. Нужно понять, кто договаривается, с кем, на каких основаниях, что происходит после этого. Важно принять стратегическую линию на демократическую трансформацию, а дальше решать конкретные политические и технические вопросы.

Подготовить программу структурных реформ
не составляет труда

— Какие самые серьезные ошибки были совершены либералами в 2000-е годы?

— Я их, честно говоря, не вижу. У либералов были какие-то инструменты влияния на власть, и они их разумно использовали. Если вы говорите об ошибках, совершенных властью в целом, то, конечно, это была остановка структурных реформ в 2003–2004 гг., линия на ренационализацию собственности. Ничего хорошего это российской экономике не принесло.

— Я имел в виду сюжет со Стабилизационным фондом, созданным благодаря усилиям и экспертизе либералов. Кажется неслучайным, что авторитаризм в стране стал усиливаться одновременно с появлением Стабфонда, создавшего у власти иллюзию, что можно больше никого не слушать: жизнь и так удалась.

— Авторитаризм стал усиливаться не из-за создания Стабилизационного фонда, а из-за скачка цен на нефть. Стабилизационный фонд был создан прямо перед скачком цен. Сейчас Стабфонд — важнейший инструмент управления кризисом. Я категорический противник подростковой идеи отморозить уши назло маме. Нам не нужна была финансовая катастрофа в России. Наша страна сильно зависит от двух параметров — конъюнктуры рынков нефти, газа, металлов и от притока/оттока капитала. Было ясно, что рано или поздно конъюнктура изменится в негативную сторону. Можно было занять позицию: вот и прекрасно, получите крах российской экономики и вместе с этим крах антимонопольного режима. Я переживал крах одного антимонопольного режима, он назывался Советский Союз. И совершенно не хотел бы переживать это второй раз. Всегда надо думать о стране, а не только о режиме. Стране, столь зависящей от нестабильных, непредсказуемых сырьевых рынков, в условиях благоприятной конъюнктуры нужно создавать Стабилизационный фонд — неважно, какой в стране режим. Я могу во многом расходиться с режимом, но не собираюсь наносить ему ущерб, давая непрофессиональные советы. Это безнравственно по отношению не к режиму, а к людям. Сбережения в случае краха потеряют не представители режима, они уж как-нибудь справятся с задачей их сохранения. Сбережения потеряют люди. Я в своей жизни довольно долго отвечал за утраченные сбережения Советского Союза. Знаю, что они были утрачены советским руководством, читал по этому поводу много документов, цитировал их в своей книге «Гибель империи». Переживать подобное еще раз, просто для того чтобы насолить не совсем любимому режиму, не собираюсь.

— Кризис только разворачивается, непонятно, когда и где будет очередной всплеск и виток. Мы не знаем, когда мир начнет выходить из кризиса, и любому руководству в этих условиях нужно определяться с тем, как оно распределяет свои силы по решению краткосрочных и долгосрочных задач. Как совместить краткосрочную и долгосрочную перспективу в экономической политике?

— Надеюсь, что из кризиса мы выйдем с пониманием того, что нужны серьезные структурные реформы, и программа таких реформ будет подготовлена. Сделать это не составляет труда: достаточно создать рабочую группу, которая начинает работать над программой институциональных реформ, основы которой известны. Там ничего принципиально нового выдумывать не надо. Многое было включено в нереализованную часть «программы Грефа» 2000 г. Не нужно суетиться. В условиях тяжелого кризиса это все равно повестка завтрашнего дня. Если говорить о практической политике, сегодня главное — управление кризисом, чтобы он не дожел до катастрофы. Думать, что мы сможем урегулировать кризис с помощью глубоких институциональных реформ, наивно. Власть и так может дать бизнесу значимые сигналы. Освобождение Бахминой¹ для улучшения инвестиционного климата будет значить больше, чем любые декларации. Это сигнал о том, что власть хочет восстанавливать правопорядок, справедливость суда.

— В путинскую восьмилетку люди из списка *Forbes* чрезвычайно преуспели.

— Если не лезли в политику. Правда, сейчас масштабы их преуспеяния начинают быстро сжиматься. Они преуспели, но перестали быть олигархами. У тех, кто хотел остаться олигархом, никакого процветания не было: один в Лондоне, другой, условно говоря, в Израиле.

— Все эти богатые люди зачастую действительно лучшие. Они не боялись рисковать в 1990-е, когда цена ошибки была запредельно высока.

¹ Бахмина Светлана Петровна — юрист; в 2006 г. была осуждена по ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата») в рамках так называемого «дела ЮКОСа», не получив предусмотренной Законом отсрочки исполнения приговора (как мать малолетних детей). После массовой протестной кампании (было собрано без малого 100 тыс. подписей) в 2008 г. получила условно-досрочное освобождение. — Прим. ред.

— Все, кто сделал ошибку, давно уже на кладбище.

— И вот сейчас эти сильные, умные, ловкие, хитрые люди — одна из главных опор путинского режима.

— Да, конечно.

— Но это значит, что политическая трансформация в России будет сопровождаться реакцией против капитализма и капиталистов.

— Такой риск существует.

— Какая из двух угроз — «левый поворот» или националистическая революция — кажется вам более опасной?

— Я не очень люблю цитировать Иосифа Виссарионовича Сталина, он не мой любимый герой, но на сходный вопрос он ответил: «Оба хуже».

— Оба хуже, а какой опаснее?

— Правый мне нравится меньше. Левый поворот очень опасен для страны, для перспектив ее развития, а правый опасен для мира.

— Иными словами, Вы не верите в то, что в России возможен цивилизованный гражданский национализм — как в той же Восточной Европе, где он стал одной из движущих сил капиталистической трансформации?

— Боюсь, что у нас не националисты, а нацисты. Надо иногда вспоминать историю. В стране, которая была центром территориально интегрированной империи, где больше 20 млн людей оказались в других странах, чтобы не было риска радикального национализма по образцу Германии 1930-х гг. ... Да с какой стати?

— Последние четыре года вы посвятили подготовке к событиям, разворачивающимся на наших глазах. Вы выпустили книжку про гибель империи, Вы предсказали глобальную рецессию. Над чем Вы работаете сейчас?

31 марта мы будем представлять книгу, посвященную экономической политике путинского президентства. Это наша традиционная красная книга, две таких мы уже выпускали по разным периодам. Мы долго думали, делать ли книгу о нынешнем кризисе, пока он не завершен. Это занятие опасное при продолжающейся рецессии, именно потому, что он не завершен. С другой стороны, тема горячая и элите и обществу требуются разъяснения. Поэтому мы завершаем работу над книгой, посвященной первому этапу финансового кризиса. Понимаем, что года через два ее надо будет переписывать, но мы все-таки решили, что представим ее обществу,

а дальше будем работать над продолжением. Меня также попросили о возможности переиздать мою книгу «Государство и эволюция» и дописать туда несколько глав, посвященных деинституционализированным обществам, революциям и краху институтов. Я это сделал и собираюсь книгу представить.

ЕВРОПА НЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ РОССИЮ В ЕВРОСОЮЗЕ

— Какие элементы экономического наследия Путина обязательно нужно сохранить?

— Общие контуры налоговой системы. Она достаточно приличная, является образцом для подражания во многих странах мира: плоский подоходный налог, простая система налога на прибыль. Не нужно искажать налог на добычу полезных ископаемых, корректировать НДС. Нужно сохранить общие контуры системы фискального федерализма. Они неидеальны, нуждаются в совершенствовании по частностям, но все-таки эта система намного проще и понятнее, чем та, которая существовала 10 лет тому назад.

Общие контуры земельного законодательства. Земельный кодекс несовершенен, он слишком сложен, но сам факт укоренения правил частного земельного оборота надо сохранить. Стабилизационный фонд, общие контуры финансовой стабильности, ответственной бюджетной политики. Бюджетный кодекс. Все это я бы сохранил.

— В «Гибели империи» вы изображаете перестройку вынужденным актом, на который Горбачев пошел под давлением нарастающего финансово-экономического кризиса. Это правильная интерпретация Вашей позиции?

— Она чуть упрощена. Конечно, кризис платежного баланса Советского Союза, который последовал за падением нефтяных цен, оказал фундаментальное воздействие на все, что происходило в СССР между 1985-м и 1991 г. Но был и другой фактор — оптимизм нового руководства, наложившийся на крупномасштабную финансовую катастрофу. У Горбачева была иллюзия, что он сейчас все наладит, ведь к руководству пришли молодые люди, умные, лучше образованные, чем их предшественники. Эта взрывчатая смесь и определила течение событий. Новые руководители в полной уверенности, что они знают, что делать, а у них все начинает разваливаться под руками.

— Почему в Восточной Европе удалось построить более-менее чистые, некоррумпированные режимы, провести более-менее честную приватизацию, а в России это сделать не удалось?

— Я поклонник венгерской приватизации. Считаю, она была проведена прилично, так, как я хотел бы ее провести в России. Но вы спросите мнение венгерского общества о том, как была проведена приватизация в Венгрии. Большая часть общества скажет, что она была проведена ужасно, отвратительно, абсолютно несправедливо. То же относится фактически к любой восточноевропейской стране. В некоторых из них приватизация действительно была проведена лучше, чем в России. Но после социализма получить систему отношений собственности, к которой общество будет относиться как к справедливой, нерешаемая задача. Справедливой частную собственность делает традиция.

— Но почему в отличие от России Восточная Европа, не принявшая итогов приватизации, не испытала отката к авторитаризму, когда на волне критики реформаторов к власти приходят спецслужбы или просто «сильные личности»?

— У них был важнейший якорь — перспектива членства в Евросоюзе. Никакого членства в Евросоюзе, если приходят автократы, быть не могло. И общество, и элиты это понимали. У нас такого якоря не было. У них был и второй якорь. Они были сателлитами империи. Ее крах для них был обретением национальной независимости. Мы были центром империи. Это несимметричная ситуация.

— Может, нам тоже стоит заявить о стремлении вступить в Евросоюз?

— Эта задача нереализуема. Хорошо знаю позицию европейской элиты по этому поводу, обсуждал ее неоднократно. Европа не хочет видеть Россию в Евросоюзе. Она для Евросоюза слишком большая, изменит его слишком сильно. Обсуждать эту идею на научных конференциях можно. Всерьез ее никто обсуждать не готов. Сейчас появилась новая разумная инициатива — посмотреть на переработанную Энергетическую хартию. Это очень сильный шаг в сторону Европы, но это именно договоренности о правилах дружеского добрососедства, а не вопрос об интеграции России в Европу.

— России негде взять внешний якорь?

— Это наша судьба. Надо с ней жить.

Не надо думать, что последние десять лет все держалось исключительно на высоких ценах на сырье

— Мировой финансово-экономический кризис дал толчок к переоценке существующих реалий в нашей стране. Пелена тучных лет спала. В одной из своих статей Вы пишете, что Англия на рубеже XIX в. была мировым лидером, фунт — мировой валютой. При этом замечаете, что английскому правительству надо было понимать, что это не на века. Какие шансы у России?

— России сейчас не надо претендовать на роль лидера, это, на мой взгляд, нереалистично. Стране предстоит адаптироваться к условиям мирового финансового кризиса, кризиса реальной экономики. Это тяжелая задача. После краха советской экономики мы прошли переходный этап, на смену которому пришел период высоких темпов экономического роста. Он начинался еще при низких ценах на нефть. Не надо думать, что последние десять лет все держалось исключительно на высоких ценах на сырье. В 1999 г. цены на нефть были ниже исторически средних уровней, а экономический рост начался. Начался рост производства в обрабатывающих отраслях. В последние годы он был заметно выше, чем в добывающих. В конце 2003-го, начале 2004 г. этот рост был поддержан выходом цен на нефть на аномально высокий уровень. В этой ситуации можно было поверить, что высокие по историческим меркам цены будут гарантированы навсегда. Можно найти немало квалифицированных работ, написанных в конце 2007-го начале 2008 г. о том, что из-за растущего спроса в Индии и Китае высокие цены на нефть обеспечены.

Интервью брала Наталья ТАРАКАНОВА.

Опубликовано в: Управление персоналом. 2009. № 3. Март.

В январе 2008 г. на заседании ученого совета Института экономики переходного периода мы обсуждали тему, связанную с потенциальным влиянием замедления глобального экономического роста на динамику цен на экспортные товары России. Тогда многие эксперты с нашими выводами не соглашались. Теперь возражений стало меньше.

Сегодня стране важно адаптироваться к новым условиям. Это не первый и не последний кризис в истории рыночной экономики мира на протяжении последних двухсот лет. Они повторяются. Тема кризисов в мировой экономической системе, их цикличности — предмет споров в профессиональной среде. Но то, что падение, а затем ускорение темпов роста ведущих мировых экономик происходит последние двести лет, как правило, на протяжении периода в 5–10 лет — вряд ли кто-то будет оспаривать.

Во второй половине XX в. причиной замедления темпов экономического роста обычно была реакция денежных и финансовых властей на ускорение инфляции. В 2000 г. ситуация изменилась. В 2001 г. рецессия была сравнительно мягкой. Есть эксперты, утверждающие, что ее и не было вовсе. Наиболее авторитетные организации, такие как Национальное бюро экономических исследований США — официальный арбитр в определении времени начала и конца рецессий в Америке, пользуются более тонким инструментарием, чем тот, о котором рассказывают студентам экономических ВУЗов. Оно утверждает, что рецессия в США в это время — факт. На ее фоне темпы экономического роста в России упали вдвое. Америка могла себе позволить ответить на рецессию резким ослаблением денежной политики. Процентная ставка к моменту начала рецессии была высокой, бюджет в хорошем состоянии. В это время активно обсуждался вопрос, как будет выглядеть мировая финансовая система, когда государственный долг США будет равен нулю, исчезнут наиболее надежные инструменты управления ликвидностью. Именно то, что рецессией 2001 г. управляли путем резкого ослабления бюджетной и денежной политики, во многом обусловлен динамичный глобальный экономический рост 2002–2007 гг. Зная экономическую историю можно было предположить, что следующая рецессия будет более жесткой. Замечу, что механизмы двух последних рецессий были разными и во многом необычными. Первая была связана с крахом рынка акций высокотехнологичных компаний и подкреплена террористическими атаками 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, вторая — с падением рынка второсортного ипотечного кредитования, который привел к банковскому кризису в США.

Не стоит забывать, что мы живем в меняющемся мире. Между 50-ми и 90-ми годами важнейшим элементом экономической политики, который влиял на ускорение/замедление мирового экономического роста, было ускорение инфляции в ведущих мировых экономиках под влиянием разных причин: ослабление бюджетной политики, Вьетнамская война, программы социальных расходов. Чтобы сократить темпы инфляции, надо было ужесточить кредитную политику, увеличить процентные ставки, сокращать масштабы денежного предложения. Все это вело к замедлению экономического роста, безработице, за этим следовало постепенное восстановление экономического роста на новых основаниях при более низких темпах инфляции. Идеи о том, что рост экономики Китая и Индии позволит надеяться на то, что изменение колебаний в экономической активности в США не будет влиять на мировые темпы экономического роста, которые были популярны осенью прошлого года, оказались ошибочными.

Экономика США по-прежнему остается крупнейшей в мире. Те факторы, которые влияют на масштаб экономической активности Штатов, по-прежнему важны для всего мира, включая Россию. Нам придется жить в этом мире с пониманием, что это не первая рецессия в мировой истории, не десятая и не двадцатая, что все это было и, если не делать глупостей, раньше или позже пройдет.

— В Англии 200 лет назад текстильная промышленность была локомотивом развития. Постепенно ее передавали в развивающиеся страны, типа России. На смену приходили новые технологии. Некоторые экономисты говорят об эпохе новой экономики — имеется в виду производство и обмен информацией как новая экономическая отрасль, создающая полезную стоимость. Какие отрасли, на Ваш взгляд, станут таким локомотивом выхода из кризиса? Что будет в будущем?

— На такие вопросы не отвечаю. В начале XX в. на них отвечать было легко. Надо посмотреть, какие отрасли более развиты в странах-лидерах экономического роста, и сделать вывод, что надо делать в своей стране. Например, вы выясняете, что вам нужны же-

лезные дороги. Чтобы обеспечить их строительство, необходимо наладить производство чугуна и стали. Тогда такая стратегия работала. Но в конце XX в. на фоне стремительных технологических изменений она перестала быть результативной. В СССР квалифицированные специалисты смотрели на то, что происходит в высокотехнологичных сферах в США, старались вкладывать огромные деньги в то, чтобы создать производство электроники, подобное американскому в нашей стране. Но к тому времени, когда мы его создали, выяснилось, что отстали лет на двадцать. Развитие в этом сегменте пошло другим путем — через персональные компьютеры. Думать, что сегодня можно строить промышленную политику экономического развития так, как это делали в начале двадцатого столетия, — несерьезно.

— Журнал «Эксперт» изложил концепцию взрывного развития экономики длиной в 20 лет, за которые основные фонды и технологии устаревают и наступает двадцатилетний спад экономического развития. Так, скажем, в Америке кризис закончился в 33-м году, после чего наступил 20-летний этап развития основных фондов. В России после войны экономика восстановилась к 60-м годам и основные фонды 20 лет мощно работали, а к 80-му году они устарели, и наступил кризис. В эту концепцию попытались встроить все мировые кризисы. Ваш комментарий.

— Знаком с работами, посвященными тому, что я назвал бы «кондратьевскими» циклами. «Кондратьевские» работы блестящи и интересны. Правильны ли они? Не знаю. Для ответа на этот вопрос нет достаточной статистической базы. Для анализа коротких 5–10 летних циклов есть достаточно информации. Это не значит, что мы все понимаем в коротких циклах. Мир меняется, меняются валютные отношения между странами, ушел в прошлое золотовалютный стандарт, за этим последовала Великая депрессия. Сложности есть, но есть и солидная статистическая база. Прогноз, связанный с длинными циклами, я воспринимаю как интересную, талантливую, но не подтвержденную гипотезу.

— Как Вы оцениваете потенциал современных российских бизнесменов, владельцев бизнеса?

— Как правило, это компетентные люди.

— Они уже заменили «красных» директоров?

— В значительной степени да.

— Чем они отличаются от своих предшественников?

— Они больше адаптированы к вызовам рыночной экономики. У них меньше предрассудков, связанных с тем, что систему, которая обанкротилась на рубеже 1980–90-х можно восстановить. Они лучше понимают важность для бизнеса всего, что связано с финансами, кредитными обязательствами, платежеспособностью, маркетингом. «Красные директора» в силу отсутствия опыта работы в рыночных условиях, как правило, понимали все это хуже. Современные бизнесмены приобрели опыт работы на рынке, но для них это тоже глобальный кризис.

— Как Вы считаете, когда Америка преодолеет кризис? Первая в него вошла и первая выйдет?

— Как это было в последние лет пятьдесят, американская экономика одновременно главный мотор в мировой экономике в условиях роста и главная проблема в условиях его замедления. Ответа на этот вопрос никто не знает. Есть доминирующее в экспертном сообществе мнение, связанное с тем, что Америка начнет выходить из рецессии в IV квартале этого года. В личном общении имел возможность убедиться, что эксперты, отстаивающие эту точку зрения, не убеждены в своей правоте. За последние 50–60 лет этот кризис беспрецедентен по масштабам и последствиям. Вопрос — как и кто может с уверенностью прогнозировать ситуацию, где необходимые для этого статистические данные?

— А что Вы скажете о нашумевшей рекламной компании нанотехнологий?

— Я доверяю Анатолию Борисовичу Чубайсу. Если бы не он отвечал за это дело, я бы предположил, что это все кончится провалом. Анатолий Борисович на моей памяти несколько раз решал задачи, которые информированным экспертам представлялись неразрешимыми. Помню, как один авторитетный человек, сидя у меня на даче шесть лет назад, объяснял мне, как и почему с правовой, финансовой и политической точки зрения реформировать РАО ЕС невозможно. Тогда возразил, что если бы за это взялся не Чубайс, я бы с его мнением согласился. Но дело в том, что помню, как другой авторитетный человек сидел у меня в кабинете в январе 1992 г. и объяснял, что задача приватизации российской экономики неразрешима. Не идеально, не так как хотели, но мы эту задачу ре-

шили. Задачу обеспечения эффективной работы в области высоких технологий в России нужно решать.

— *Интересно было бы узнать Вашу оценку современного состояния системы высшего образования в России?*

— Оно разное. Специфика советско-российского образования, как среднего, так и высшего, состояла в том, что было элитное образование на уровне высших мировых стандартов — это 2-ая математическая школа в конце 1960-х годов или мхмат в то же время, физтех сегодня. И была средняя образовательная система для всех. В чем специфика советского образования по отношению к тому, что происходило в наиболее развитых странах в 1960–1970 гг.? У нас не было демократии. В Европе, США в конце 1950-х годов укоренилось представление о том, что образование можно использовать в качестве инструмента, обеспечивающего социальное выравнивание. Элита для себя сохраняла платное образование, а для всех остальных она устанавливало одинаковые условия получения знаний со средним уровнем преподавания, утверждая, что нельзя делать привилегированные школы, что каждый должен ходить в школу по месту жительства. После чего возникло множество проблем с образовательной системой — перечитайте то, что пишут про Вашингтонское образование, вам все будет ясно. Идея, что мы выделим маленькую часть платного образования, и вся элита будет учиться платно, а остальные будут ходить в школу по месту жительства, не зависимо от того, хороша она или плоха, — сильно сказалась на качестве образования в Европе, США и Канаде. С этим пытались бороться в Англии во времена М. Тэтчер, но в целом доминировала тенденция общего образования единого для всех. Те, кто были оппонентами этого решения, обращали внимание на то, что подавляющее большинство конгрессменов и сенаторов, которые выступают за эту идею, отправляют своих детей в платные частные школы.

У нас в советские времена элита понимала, что никакой демократии нет, мнение общества ее не волновало. Главным был вопрос о том, получат ли их дети хорошее образование, будут ли подготовлены специалисты, полезные в военно-промышленном комплексе. Отсюда система элитных столичных школ — вторая, седьмая, пятьдесят седьмая, многие другие. Подобные были и в регионах. Были программы физтеха по отбору наиболее талантливых ребят

из провинции и работа с ними. Эта структура сохранилась. Сегодня это наше сравнительное преимущество. Выпускников ведущих российских вузов охотно берут на работу в Европу или Америку. Российские компании заинтересованы в привлечении хорошо образованных специалистов. Число выпускников того же физтеха, уезжающих за границу, с каждым годом сокращается — спрос в стране на них такой, что смысла ехать в США нет. Конечно, проблемы в области образования — в первую очередь не элитного — существуют. Но в целом система оказалась достаточно инерционной. Это позволило не без потерь, но пережить тяжелый кризис, который был связан с крахом СССР.

— *Ваше мнение по поводу изменения кадровой политики в условиях кризиса. Прогнозы по дальнейшим увольнениям.*

— Увольнения неизбежны. Безработица будет расти. Кризис на то и есть кризис. В таких условиях надо быть гибким. Следует понимать, что мечты о повышении зарплаты, новых бонусах мало реализуемы, придется экономить. Зарплату достаточно быстро повышали на протяжении предшествующих десяти лет. До уровня 1998 г. она не упадет. Под это надо подстраивать решения, связанные с ипотечным кредитованием, потреблением, покупкой дорогих вещей. Точно одно: уровень жизни недавних лет повторится еще не скоро — если в 2010-м, то это будет удачей.

— *Что пожелаете нашим читателям?*

— Спокойствия в условиях кризиса. Самый худший способ ведения дел в подобной ситуации — паника. Понимания, что реальность изменилась, будет намного жестче, чем она была в предшествующие годы. И в то же время осознания, что кризисы приходят и уходят.

— *Спасибо.*

Егор Гайдар: «Я предпочел бы мягкие, постепенные реформы...»

— Уважаемый Егор Тимурович, в своем выступлении в Госдуме Владимир Путин сказал, что банки постепенно восстанавливаются. Можно ли говорить, что тем самым в споре двух партий — короткого кризиса и длинного кризиса — премьер-министр поддержал первых? Не является ли это определенным рубежом в дискуссии?

— Рубеж дискуссии на подобные темы подводит только сама экономика. При всем моем уважении к точке зрения любого из руководителей нашего государства я считаю, что им не так просто определить, пройден пик кризиса или нет. Хотелось бы верить в то, что они окажутся правы.

— Тем не менее: есть ли реальность под заявлениями о затишье кризиса?

— Конечно, есть. Только в условиях масштабных кризисов никто никогда не знает, что является паузой, а что — началом выхода из кризиса. Некоторые признаки стабилизации ситуации были налицо и несколько месяцев назад. Насколько они окажутся устойчивыми — лучше судить месяца через четыре.

— Как известно, позиции министра финансов и руководителей ЦБ существенно расходятся. Чем можно мотивировать эти различия? Это ошибки в прогнозах или дело в разных экономических стратегиях?

— Эти люди по должности обязаны высказывать свое мнение. Я как частное лицо, могу сказать, что не знаю ответа на вопрос, какой будет глубина кризиса и его протяженность. Они вынуждены отвечать хоть как-то. При этом излишне оптимистично полагать, что они стопроцентно уверены в своих ответах, хотя и стараются выдать максимально точные прогнозы.

Интервью брали Борис МЕЖУЕВ, Любовь УЛЬЯНОВА.
Опубликовано в: Русский журнал. 2009. 13 апреля.

— Существуют ли расхождения между интересами реального сектора экономики, финансового сектора экономики и собственно государства?

— Конечно, существуют. Государство сделало выбор — приоритет финансовой стабильности и стабильности банковской системы. Если говорить о реальном секторе, то нужно разграничивать краткосрочные и долгосрочные последствия.

В краткосрочной перспективе реальный сектор хочет получить деньги из бюджета или из золотовалютных резервов ЦБ. Но если поставить под угрозу финансовый сектор, допустить развитие событий по сценарию 98-го года, но в больших масштабах, то долгосрочные ущербы для реального сектора могут быть неизмеримо больше. Я уже не говорю об интересах вкладчиков.

— Напоминает ли эта ситуация конфликт реального и финансового секторов в США?

— В некотором смысле — да. Хотя наш ответ на происходящее асимметричен американской и европейской реакции. Американцы и европейцы снижают процентную ставку, помогая реальному сектору. Мы же, напротив, процентную ставку повышаем.

Но американцы и европейцы обладают мировыми резервными валютами, скажем, швейцарцы, англичане, японцы — резервными валютами второго плана. Рубль пока таковым не является.

Для нас проводить симметричную по отношению к Америке политику — огромный риск. Когда нет резервной валюты, снижение процентной ставки и наращивание бюджетных расходов может привести к дополнительному оттоку капитала из страны. За этим последует неконтролируемая девальвация рубля, с утраченными сбережениями, расстройством банковской системы, недоступностью для предприятий закупки импортных компонентов, с вынужденными остановками и массовыми увольнениями. Этого сценария хотелось бы избежать.

— А как в связи с этим Вы относитесь к идее Алексея Улюкаева о скупке государством «токсичных активов»?

— Стратегически это разумно. Нам сейчас главное — не допустить банковской паники. Когда кризис будет пройден, мы разберемся с тем, кто и как выдавал кредиты, как велась политика конкретных банков. Не исключено, что некоторые банки будут вынуждены сменить собственников и менеджеров. Но это не сегодня.

— Чревато ли продолжение нынешней политики серьезными социальными последствиями?

— Такие риски, действительно, существуют.

Правда, Россия — это не Исландия, которая на протяжении десятилетий не сталкивалась с серьезными кризисами. Множество взрослых россиян, а их дети через родителей знают, что такое экономический кризис. Именно поэтому, несмотря на радикальные изменения динамики доходов и резкое ухудшение ситуации на рынке труда, у нас пока не было серьезных крупных социальных потрясений, особенно связанных с насилием.

— В интервью «Русскому журналу» Жак Аттали высказался за национализацию банков. И в России многие говорят о необходимости создания государственной банковской корпорации. Почему Вы не согласны с такой позицией?

— Я бы не доверил российскому государственному аппарату, на который и соотечественники, и иностранцы смотрят как на крайне коррумпированный, разбирающийся с кризисом в банковской системе.

Если бы показатели доверия к российскому государственному аппарату (по данным ВЦИОМ и международных организаций) начали устойчиво расти, я был бы готов всерьез обсуждать этот сценарий. Крайне опасно отдать деньги банковской системы государственному аппарату, а потом начать улучшать его качество. Можно было бы обсуждать эту стратегию, если бы речь шла о Норвегии или Новой Зеландии.

— Многие считают, что саммит «Двадцатки» был неудачным. Как Вы оцениваете решения саммита?

— Результаты саммита превзошли мои ожидания. Была продемонстрирована достаточно консолидированная позиция, в частности, по вопросу укрепления мировой финансовой инфраструктуры. МВФ и МБ недостаточно капитализированы для того, чтобы справляться с кризисами такого масштаба. Значит, надо менять механизмы принятия ими решений.

Именно это и было сказано на «Двадцатке». Важно само согласие по поводу того, что меры прошлого года — это паллиатив, а не решение проблемы.

— Выступая в Госдуме, премьер-министр предложил задержать реформу единого социального налога. В свое время Вы говорили, что

не нужно отменять налог на добавленную стоимость. Как Вы сегодня оцениваете ситуацию с налоговой реформой в России?

— Это очень правильное решение — не идти на реформу НДС на кануне финансового шторма. НДС — это самая устойчивая, не зависящая от конъюнктуры нефтяного рынка часть нашей налоговой системы. Идея, что можно все переложить на НДПИ, экспортные пошлины и, условно говоря, налог на прибыль, была очень соблазнительна в июне прошлого года, когда цены на нефть были в районе 140 долл. за баррель. Только она не учитывала вероятное изменение этих цен и вытекающие из этого проблемы с бюджетом, с зарплатами учителей, врачей, с довольствиями для военнослужащих. Следующие месяцы показали, насколько реальна эта угроза. Я очень рад, что российские власти не сделали серьезной ошибки.

— А существуют ли возможности диверсификации российской экономики? Если да, то какие здесь могут быть стратегии?

— Конечно, существуют. Но экономическая диверсификация возможна только при улучшении качества российских институтов. Нужны приличные гарантии частной собственности. Нужна убежденность в том, что судебная система является справедливой и не подконтрольной исполнительной власти. Нужна свободная пресса, которая обеспечивает снижение уровня коррупции государственного аппарата. Нужно сокращение уровня секретности в выработке государственных решений. Нужна большая доля частного сектора, потому что он лучше работает в России, чем государственный.

В нефтяную отрасль вкладывают деньги при любом качестве институтов. Даже в Нигерии, хотя вряд ли там институты совершенны.

— Логично предположить, что в условиях социального кризиса на свободных выборах победит кто угодно, но не либеральные силы.

— Я же не говорю, что свободные выборы надо проводить послезавтра. Восстановление демократических институтов должно быть постепенным. Я бы начал с восстановления свободы прессы, затем с прекращения репрессий по отношению к негосударственным организациям, с либерализации социальной жизни. И только потом подходил бы к либерализации собственно политического режима.

В отличие от многих других я имел отношение к управлению Россией в условиях, когда рухнул социалистический режим. И я со-

вершенно не хотел бы повторения чего-либо подобного. Я предположил бы мягкие, постепенные реформы, позволяющие избежать нового витка деинституционализации.

Я недавно закончил работу над книгой «Институты и смуты», посвященной анализу ситуаций в разных обществах, в которых рухнули институты прошлого режима. Причем рухнули мгновенно, как, скажем, в России между 27 и 28 февраля 1917 г. Пока к масштабной смуте кризис не привел. Но смуту прогнозировать вообще очень трудно.

— Вы стояли у истоков создания институтов новой России. Неужели можно сказать, что они не прошли тест на прочность?

— Конечно, нет. Они еще молодые. Институтам придает прочность только традиция. При этом они должны быть не просто устойчивыми, но и гибкими. Как, скажем, английская политическая система, которая сформировалась после «Славной революции» XVII в. и потом пережила безумные изменения в стране и мире.

Нынешний кризис — самый жесткий со времен Великой депрессии

Что ожидает Россию в ее пути по преодолению кризиса и какие еще шаги необходимо предпринять руководству страны по выведению государства из опасной зоны? За какой чертой может наступить катастрофа для граждан? Об этом в эксклюзивном интервью газете «Труд» рассказал экс-глава правительства России, директор Института экономики переходного периода Егор Тимурович Гайдар.

— Кризис — это болезнь. Насколько верно такое сравнение? Если оно работает, то каковы диагноз и способы лечения?

— Кризисы последних двух веков — это неотъемлемая часть динамичного экономического роста. Когда есть бурное развитие, есть и издержки — неустойчивость, неопределенность. Известно, что такое болезненное состояние возникает с определенной периодичностью — обычно раз в 5–10 лет. Нынешний кризис стоит в этом ряду, но он необычайно жесткий, самый жесткий со времен Великой депрессии. Если говорить о России, то это первый в нашей стране глобальный экономический кризис после краха социализма. И мы страдаем, как и весь мир. Есть показатели, которые в свое время, как градусник у больного, покажут нам, что глобальная экономика пошла на поправку. Это предпринимательская уверенность, сокращение обращающихся за пособием по безработице, рост цен на недвижимость, данные по положительным прогнозам роста ВВП, которые публикует Международный валютный фонд. Эти данные по экономике, прежде всего США, в свое время покажут нам, что дело идет к выздоровлению. Конечно, таких показателей больше, но эти — главные.

О способах лечения говорить сложно — это все равно, что ставить вопрос о том, как проводить тяжелую операцию на сердце.

Интервью брал Григорий КАКОВКИН.
Опубликовано в: Труд. 2009. 17 апреля.

Объяснить это нельзя. Это каждый раз конкретное решение. Эффективность мер зависит от того, как на них реагируют сотни миллионов хозяйствующих субъектов по всему миру.

— *Пришел ли к чему-нибудь консилиум экономистов? Есть ли общий взгляд на то, что делать?*

— Тема в экономическом сообществе обсуждается, но нет универсальных решений. Не надо думать, что кто-то знает стопроцентно надежные рецепты.

— *В чем специфика российской ситуации?*

— У нас другое положение, чем в развитых экономиках. Их валюты являются мировыми резервными. Они могут их напечатать. Наш рубль, может быть, в перспективе станет таковой, но не сейчас, не скоро. У нас, по сравнению с Европой и США, несимметричная реакция на кризис. Они наращивают денежное предложение, снижают процентные ставки, увеличивают бюджетные ассигнования. Мы, напротив, увеличиваем процентные ставки, доводим их до уровня инфляции, пересматриваем бюджетную трехлетку, с тем чтобы не допустить разбалансирования бюджетных расходов. У нас разные экономики, разные подходы к выходу из кризиса. В целом пока мы действуем правильно.

— *То есть Вы, Егор Тимурович, спокойны?*

— Наша задача — не наделать глупостей, не начать раздавать деньги, спасать всех и вся. Сейчас явный приоритет — сохранение финансовой устойчивости банковской системы.

— *В России, всегда был один приоритет — производство. Это некий фетиш для закрытой экономики, а вы говорите о финансах как об основе выхода из кризиса. На производстве тысячи людей, а банковская сфера — это единицы.*

— Кризис банковской системы и государственных финансов сильнейшим образом бьет по производству, это и произошло в Советском Союзе. Он рухнул именно в результате финансовой несостоятельности, пустого государственного кошелька.

— *Но теперь мы видим тенденцию вхождения государства в производство ради его спасения, а если оно войдет и в банковскую сферу, не вернемся ли мы к тому, от чего ушли почти 20 лет назад?*

— Никто еще не доказал, что российское государство может быть эффективным собственником. Можно раздавать деньги, пока есть возможность, но рано или поздно они заканчиваются. Тогда мы

можем оказаться в пропасти, подобной той, в которой оказался Советский Союз. Можно говорить о прелестях сырьевой экономики, но надо понимать, что страна зависит от цен, колеблющихся в не-прогнозируемом диапазоне. Если вы хотите иметь сырьевую экономику, будьте готовы к ее краху. Вы столкнетесь с тем, что нечего будет платить армии, учителям, врачам. Удержать власть в такой ситуации удается не всегда.

— *Сейчас во всем винят Запад, от него пришла «зараза».*

— Обижаться на Запад бессмысленно. Надо управлять кризисом, понимать, что зона ответственности национальных политиков — это защищать свою экономику от чужих ошибок. Единого мнения у элиты по этому вопросу нет. С одной стороны, мы готовились к кризису, накапливая миллиардные валютные резервы, понимая, что ситуация на сырьевых рынках нестабильна, а с другой — не меняли структуры экономики. Очень хорошо, что у нас есть финансовая подушка безопасности, но мы готовы к кризису в меньшей степени, чем это было бы необходимо.

— *Как можно управлять кризисом, если в России нет ни одного государственного института, которому можно было бы доверить деньги и быть уверенными, что они будут использованы по назначению и эффективно?*

— У нас компетентные финансовые власти. Они неплохо управляют кризисом. Теперь многие поняли, что создан инструмент, необходимый для решения нынешних проблем. Никто не знает, сколько продлится кризис. Я не знаю ни одного человека в мире, которому бы я доверял и который может сказать, когда закончится кризис и какой объем финанс нам необходим, чтобы с ним справиться. Порадоваться можно одному: любой кризис рано или поздно кончается. Есть кулуарное мнение, что к концу первого полугодия следующего года появятся первые признаки улучшения ситуации. Но полностью полагаться на этот прогноз не стоит.

— *К какой же экономике мы придем в результате?*

— К более жесткой. С более низкими зарплатами и более высокой производительностью труда, с издержками, не позволяющими иметь корпоративные яхты и самолеты, без высоких бонусов. Выживут те, кто сумеет так сделать. Возможно, предприятиям, живущим за счет протекционизма и непрозрачности, придется непросто. Кризис лечит. А кто не лечится, тот погибает. Я далек от того,

чтобы заранее определять победителей и проигравших. Наш российский автопром может выжить, но принципы едины для всех. Сможет он контролировать издержки, переструктурироваться, значит, автомобильная отрасль в России будет существовать и развиваться.

— Но ведь есть еще и безработица. Где в случае ликвидации предприятий окажутся люди? За какой чертой наступает катастрофа?

— Есть два показателя, характеризующих безработицу. Число официально зарегистрированных безработных, обратившихся за пособием, и их общее число. Больше верю числу официально зарегистрированных. Если человек не зарегистрировался и не претендует на пособие, значит, у него есть на что жить. В последнее время очереди за пособием выросли. Сказалось и то, что мы увеличили размеры пособия, доступ к нему был упрощен. Но при учете этих фактов на рынке труда есть проблемы: занятость сокращается. Абсолютной цифры по стране, исходя из которой можно было бы сказать, что ситуация чревата социальным взрывом, не существует. Но в отдельных городах может сложиться тяжелая обстановка. Если сравнивать Великую депрессию и нынешнюю ситуацию в России, надо помнить, что тогда безработица была главным злом, а мы, россияне, еще никогда не сталкивались серьезно с этой проблемой. Она была и в период перехода, и в кризис 1998 г. второстепенной. Серьезным злом общество считало инфляцию, потерю реальных доходов, но не массовую безработицу. Рынок труда в России оказался достаточно гибким. В малых городах и деревнях было тяжело, но в больших и средних городах массовой безработицы не было. Сейчас такая опасность существует. Осознание глубины кризисных проблем идет. Но у общества и страны есть преимущество. Недавно мы пережили кризис, связанный с крахом СССР, и все еще это хорошо помним — закалка осталась. Психологически нам легче, но власть и население понимают, что безработица связана с проблемами бедности. Их придется решать, тратить валютные резервы. У нас пока ограничен опыт решения этих проблем. И в Китае, и в Индии, и в Европе есть разные пути борьбы с бедностью, но основной принцип такой: надо давать не рыбу, а удочку. Отсюда программы по микрокредитованию бизнеса.

— Легко сказать. Сколько об этом говорят, а среда как была агрессивна для малого бизнеса, так и осталась. Даже не понятно, чего наверху больше — цинизма или невежества в этом вопросе?

— Невежества, наверное, уже нет, есть расслабленность. Но расширение малого бизнеса — это административно решаемая задача. Если бы Чубайсу поручили, то через пять лет мы имели бы результат, который бы нас устраивал. В условиях кризиса это приоритетная задача. Повторюсь: механизмы отработаны. Более того, в России уже все действует, но частично. Одно дело, когда цена нефти — 145 долл., а когда 40 долл., осознание приходит и во властные коридоры, и становится понятно, что самозанятость — это ключевая задача.

— А какова, на Ваш взгляд, индивидуальная программа борьбы с кризисом для каждого отдельного человека? Что ему надо делать или не делать для того, чтобы пережить тяжелые времена?

— Первое: постарайтесь погасить свои долги, особенно если они в валюте. Если надо для этого что-то продать — продайте. Второе: будьте готовы к изменениям ситуации на рынке труда. Не надо быть абсолютно уверенным в том, что ваше рабочее место сохранится за вами. Ищите запасные варианты, имейте стратегию выхода, понимайте, куда в случае неблагоприятного развития ситуации можно устроиться, чтобы прокормить себя и семью. Не бойтесь не-престижной работы, главное — ее иметь. Третье и самое важное: будьте рациональны в своих тратах. Ко всему относитесь без истерии — это худшая линия поведения в условиях кризиса.

Егор Гайдар: «С мерами стимулирования экономики надо повременить»

Директор Института экономики переходного периода доктор экономических наук Егор Гайдар делится своими впечатлениями от антикризисной политики правительства.

— Егор Тимурович, в США был план Полсона, теперь план Обамы. В Европе нет «именных» планов, но тем не менее антикризисные программы там явлены публике и имеют четкие количественные параметры. У нас ничего подобного нет.

— Не вижу в этом проблемы. Мы начали готовиться к кризису раньше многих. Все, что было сделано в 2000-е годы, было во многом подготовкой к кризису.

Вы наверняка читали и в российских, и в западных источниках сетования, как неправильно ведут себя российские власти, накапливая валютные резервы и создавая Стабилизационный фонд. Об этом говорили не только наши левые экономисты, но и, например, эксперты МВФ и Мирового банка. Сейчас очевидно, что все они в своей критике ошибались.

Видимо, потому что мы пережили крах Советского Союза, тяжелую финансовую катастрофу 1998 г., понимали, что такое риски, связанные с непредсказуемостью сырьевых рынков, мы проводили политику накопления финансовых резервов. Именно эти резервы сегодня позволяют управлять кризисом.

Российским властям не нужно было принимать специальных антикризисных программ — они их приняли и начали реализовывать давно.

— То, что мы видим на протяжении последних месяцев в экономической политике правительства — это колебания из стороны в сто-

Интервью брал Александр ПОЛЯНСКИЙ.
Опубликовано в: Босс. 2009. № 4. Апрель.

рону: от попыток поддержать всех и все, до рассуждений о том, что мы сегодня в состоянии заниматься только макроэкономической стабильностью — и затем новых разговоров о стимулирующих мерах в виде госгарантий, кредитов реальному сектору и т. д...

— Проводить экономическую политику в условиях глобального экономического кризиса не просто, даже если руководство страны к этому, как в нашем случае, прилично подготовилось. По этому поводу всегда возникают дискуссии — так происходит везде.

Моя позиция определена: в нашей ситуации — ситуации страны, которая не обладает мировой резервной валютой, приоритетом становится макроэкономическая стабильность, устойчивость рубля, сохранность золотовалютных резервов. Это важнейшая предпосылка скорого, насколько это возможно, выхода экономики из кризиса.

— Насколько все-таки с Вашей точки зрения остра проблема оркестровки команды, которая занимается экономической политикой? Потому что у Путина, Медведева, Шувалова, Дворковича, Кудрина, Набиуллиной, Игнатьева мы слышим особые акценты экономической политики, по сути дела, даже особые представления о ее проведении.

— Идет дискуссия. Она происходит в закрытом режиме, но иногда ее отголоски прорываются на публику. Мне кажется, что тем, кто отвечает за экономическую политику страны, удастся добиться консенсуса.

— Многие эксперты жалуются, что правительство и при проведении антикризисной политики не обращаются к мнению широкого профессионального сообщества.

— В условиях кризиса надо прибегать не к мнению широкого экспертного сообщества, а к мнению квалифицированного экспертного сообщества. В комиссии, которую возглавляет Игорь Иванович Шувалов, есть высококвалифицированные экономисты. Они способны прочитать и послушать то, что говорят другие эксперты, воспринять их аргументы. Но устраивать новгородское вече из экспертов и решать вопросы голосованием — это не лучший путь.

— Сегодня понятно, что США будут реализовывать сценарий выхода из кризиса, сопровождающийся высокой инфляцией и обесценением своей валюты.

— Европа, несомненно, тоже пойдет по этому пути, хотя и не в таком радикальном ключе как Америка, из-за относительной новизны

евро и риска того, что доверие к евро может быть подорвано. Но доллар и евро — мировые резервные валюты, ослабление денежной политики и американского правительства, и Евросоюза практически неизбежно.

— Они будут экспорттировать инфляцию, «вымешивать» ее на развивающиеся страны. И некоторые эксперты считают, что другим государствам, в том числе России, во избежание срыва в гиперинфляцию ни в коем случае нельзя заниматься стимулирующей политикой. Какова Ваша точка зрения?

— С этим утверждением согласен. Мы не можем дублировать политику эмитентов двух мировых резервных валют. Мы с ними находимся в разном положении. Эмитенты резервных валют могут себе позволить стимулирующую политику, даже, я бы сказал, должны ее себе позволить.

— Со всеми этими почти нулевыми процентными ставками?

— Да. А мы ее себе позволить не можем — потому, что, еще раз повторю, у нас нет мировой резервной валюты. Чтобы нам ее получить, нужно как минимум полвека денежной стабильности. Если Россия будет дублировать их политику, она просто утратит золотовалютные резервы и получит катастрофические последствия для нашей экономики.

— Инфляционные последствия?

— Не только — еще последствия для сбережений населения, которые обесцениваются; последствия для реального сектора экономики, который не сможет покупать необходимые комплектующие; последствия для рынка труда: когда остановятся предприятия в моногородах, с занятостью населения ничего хорошего не произойдет.

— Как Вы оцениваете шаги правительства и в сфере денежно-кредитной политики?

— В целом — позитивно.

— То есть мягкая девальвация — это была правильная политика?

— Я был за более жесткую. Но ЦБ было принято иное решение. Так называемая мягкая девальвация уже проведена. И сейчас дискутировать об этом бессмысленно. Единственное, что замечу: я бы не употреблял слово «девальвация». Девальвация — термин, обозначающий снижение фиксированных курсов валют. Правильнее говорить о снижении курса.

— О приведении курса к его рыночному уровню?

— Мы просто привели соотношение рубля к корзине валют в соответствие тому, что произошло на рынке сырьевых товаров.

— В соответствие с внешней конъюнктурой, которая сложилась для наших товаров?

— Конечно.

— Но ведь снижение курса тоже создало серьезные инфляционные факторы.

— Без сомнения: подорожали импортные товары, импортные комплектующие для наших товаров, импортное оборудование. Это серьезный инфляционный фактор. Но такое развитие событий менее инфляционно опасно, чем сценарий, когда мы бы просто утратили золотовалютные резервы, и нечего было бы противопоставить атаке против рубля. Самое неразумное было бы, имея резервы, держать рубль во что бы то ни стало, упираться до последнего, а потом, когда резервов не останется, обрушить курс рубля к бивалютной корзине.

— Многие считают, что фактор мягкости, постепенности снижения курса привел к более значительному обесценению рубля, чем, если бы мы резко изменили курс.

— Это правда. Я был сторонником более резкого снижения курса к корзине основных резервных валют именно по этой причине. Но при этом понимаю моих коллег, которые, ссылаясь и на политические, и на экономические факторы, выдвигали другую стратегию. Не могу сказать, что они абсолютно неправы. В конце концов, они отвечают за последствия.

— Сегодня в нашей стране очень высокие процентные ставки. Более того, Банк России их уже дважды повышал. Бизнес, многие политики и эксперты говорят о необходимости снижения ставок.

— В современной ситуации я против снижения процентных ставок. Мы просто получим ускорение оттока капитала из России. Нам нужно сохранить финансовую стабильность. Мы и так получили в прошлом году радикальное изменение направления потока капитала, из экономики ушли миллиарды долларов.

От того, что мы утратим золотовалютные резервы, никому лучше не станет. На мой взгляд, процентная политика ЦБ верная. Понимаю, что высокие процентные ставки — это неприятно, что они имеют негативные последствия для реального сектора. Но пока

мы не добьемся изменения направления потока капитала, снижать их нельзя.

— Сейчас одна из самых острых проблем — высокие ставки по кредитам. 200 млрд долл., выделенные через банковскую систему на поддержку реального сектора, до него фактически и не дошли. Что нужно сделать, с Вашей точки зрения, чтобы они все-таки дошли до предприятий?

— Я против каких-то специальных мер. Того, что увеличена ликвидность банковской системы, достаточно. Дальше ситуацию должен регулировать рынок. Нужно отдавать себе отчет в том, чего мы хотим. Гарантий по вкладам, а они в высокой степени сконцентрированы в крупнейших банках? Или помочь реальному сектору?

Денежные и финансовые власти пошли по пути помочь в первую очередь банкам — высказались фактически в пользу первого пути. Можно с этим спорить. Но я аргументы в пользу приоритета защиты банковской системы понимаю и принимаю.

— Потому что банковская система — это святое?

— Дело не в святости, а в том, что если рушится банковская система, после этого реальный сектор рушится автоматически. Убежден, что сегодня для нас важнейший фактор — устойчивость финансовой системы. В переводе на простой язык, главное — сохранность вкладов, которые есть у населения России и у юридических лиц.

Что бывает, когда вклады населения и юридических лиц ничем не обеспечены, знаю не понаслышке. Именно на этом фоне был назначен в 1991 г. в российское правительство. Было ясно, что тех куцых то ли 26 млн долл., то ли 31 млн долл., которыми вклады «обеспечены», не хватит даже на оплату фрахта судов для завоза зерна, чтобы в стране не начался голод.

Для меня вопрос сохранности сбережений принципиален. То, что сейчас делает руководство страны, направлено в первую очередь на сохранность вкладов и стабильность финансовой системы. Мне кажется, что это важно и для текущей социальной стабильности, и для перспектив экономического роста.

Понимаю, насколько ситуация в реальном секторе сегодня тяжела в силу кредитного кризиса в стране. Но оттого, что мы развалим банковскую систему, лучше никому не станет.

— Для того чтобы получать доходы на рынке, банки должны кредитовать. А сейчас они из-за ставок вынуждены делать это под такой процент, что разместить кредиты не могут.

— Ставка процента высока. Но есть и другая сторона медали — высок процент по вкладам. Довольно долго у нас в стране была отрицательная реальная ставка по депозитам.

— Но тем не менее вклады в банки несли.

— Да, потому что доходы населения росли темпами около 10% в год, оставались излишки, не идущие на текущее потребление. Сейчас мы вынужденно, не по своей воле переходим к режиму положительной реальной процентной ставки, стимулирующей сбережения, а не потребление. Но ситуация, при которой реальная процентная ставка негативна, с точки зрения долгосрочных перспектив экономического процесса, не нормальна. При инфляции 13%-ная ставка должна быть хотя бы 14%.

— Правильно ли мы делаем, что гарантируем не все вклады? Что гарантируем и рублевые, и валютные депозиты, тем самым, повторствуя образованию запасов валюты?

— То, что было сделано по гарантиям вкладов — это разумное, компромиссное решение. То, что Россия не ввела, в отличие от многих стран, безлимитное гарантирование вкладов, но существенно увеличила объемы гарантий; то, что она распространяла их и на рублевые, и на валютные вклады, считаю правильным.

— Как Вы оцениваете принимавшиеся правительством меры налогового стимулирования, прежде всего те меры общезэкономического характера, которые касаются НДС?

— Тема, связанная с радикальным снижением ставки НДС, была поднята в выступлениях действующего Президента Д. Медведева и Премьер-министра В. Путина весной прошлого года. В это время было широко распространено мнение о том, что высокие цены на нефть и связанные с этим высокие доходы от налога на добычу полезных ископаемых, от экспортных пошлин на энергоносители гарантированы навсегда.

Однако то, что, еще не понимая глубины кризиса, руководство не стало снижать ставку НДС, было ответственным шагом. Особенно на фоне длительных дискуссий о том, что при поступлениях в бюджет от экспорта нужно снизить, а то и вообще отменить этот минимально зависящий от цен на нефть налог.

При той массированной атаке на НДС, которая была со стороны лоббистов всех мастей, руководство страны приняло ответственное решение.

— *Насколько актуален сейчас вопрос, поднятый президентом Дмитрием Медведевым на Госсовете в Иркутске — о предоставлении государственных гарантий в качестве мер поддержки реального сектора?*

— Я бы относился к этому инструменту осторожно. Когда увижу, что золотовалютные резервы выросли если не до прежнего уровня, то хотя бы до уровня более 400 млрд. долл.; когда сменится тренд потока капитала — начнется его приток, тогда стимулирующие меры можно будет обсуждать. Пока мы не остановили падение золотовалютных резервов, я бы был с подобными инструментами стимулирования крайне осторожен.

— *То есть главная задача сейчас — изменить тренд?*

— Верно. Мы вышли на уровень более или менее равновесного валютного курса. Центральный банк убедительно демонстрирует, что он управляет ситуацией, что он провел операцию по снижению курса, но дальше не собирается продолжать эту политику.

Как только будет ясно, что участники рынка оценили твердость намерений денежных властей прекратить играть на понижение курса рубля, можно будет обсуждать меры стимулирования экономики. Пока с этим лучше повременить.

— *Насколько вероятны опасные социально-политические последствия нашего кризиса? Акции массового социального протеста, политический кризис?*

— Не берусь прогнозировать. Подчеркну, что управлять Россией при цене на нефть 140 долл. за баррель и 40 долл. за баррель; когда реальные доходы населения растут на 10% в год и когда они снижаются — две большие разницы. От того, в какой степени власти способны адаптироваться к изменившимся экономическим реалиям, будет зависеть качество управления страной.

Никаких потрясений моей стране не желаю. Надеюсь, что власти осознают новые реальности, станут действовать ответственно и скоординированно.

Тяжелый выбор

Самый серьезный риск в экономике — линия на ренационализацию, в политике — усиление репрессий. «Я верю, что мы выберем путь постепенного расширения свободы слова и ограничения роли государства в экономике», — говорит директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

«Вы были до Хрущева или после?» — такой вопрос задала мне недавно одна молоденькая журналистка с телеканала «Культура», — смеется Гайдар. — Поразительно, в какой степени прошлое не входит в память молодых людей. У них своя картина мира. Она отличается от нашей, потому что они не жили в то время и не понимают тех реалий».

Егор Гайдар был одним из тех, на кого лег груз ответственности за первые реформы в российской экономике. Сегодня он директор Института экономики переходного периода, одной из самых авторитетных исследовательских структур в России. Мы пригласили Гайдара в редакцию, чтобы выяснить его отношение к происходящему в стране.

О ПЕРСПЕКТИВЕ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

— Егор Тимурович, Вы видите серьезные ошибки в реакции российских властей на кризис?

— Власти опоздали примерно на шесть-девять месяцев, надо было начинать раньше. Люди, которые отвечают за финансово-политику, прекрасно знали суть моего выступления в январе 2008 г., где я подробно объяснял, что этот кризис нас сильно затронет. Кроме опоздания по большому счету ошибок не было. Начиная с сентября, реакция была достаточно адекватной, включая решения о повышении процентной ставки, плавном снижении курса рубля. Я предлагал другой путь — более радикальное обесценение рубля с тем, чтобы сломать тенденцию, не создавать ситуацию, при

Интервью брал Дмитрий ТОЛМАЧЕВ.
Опубликовано в: Эксперт Урал. 2009. № 17. 11 мая.

которой все участники рынка понимают: надо играть против рубля, так как он обесценится. Но у моих друзей, которые работали в органах власти, свои аргументы, далеко не бессмысленные. Здесь мы разошлись во мнениях. Они провели снижение курса так, как считали нужным. Правда, потеряли треть золотовалютных резервов.

— *А почему опоздали, если понимали?*

— Когда вы имеете за спиной несколько лет экономического роста, высоких темпов увеличения золотовалютных резервов, а вам говорят, что в мире какие-то проблемы и скоро будет тяжело, вам не хочется в это верить. Так приятно слушать советников, которые твердят: мир не зависит больше от Америки, никакой рецессии там не будет, а если и будет, то нас она не заденет.

— *Ситуация продолжает быстро меняться, и времени на принятие решений все меньше. В этих условиях риски неверного выбора возрастают.*

— Стратегически наиболее серьезный риск — линия на ренационализацию. Причем это проблема не чисто российская, а мировая. Объяснить, почему государство должно давать деньги крупным компаниям, не получая в залог их собственность, непросто. Но если при определенных условиях эта собственность перейдет государству, ею нужно будет управлять, а наше государство этого не умеет. Что делать? Дать четкий и понятный сигнал инвесторам: как только рыночная конъюнктура выпрямится, эти активы будут проданы с использованием честных и прозрачных процедур.

— *И когда же она начнет выпрямляться? Когда пойдут вверх цены на нефть? Или есть какие-то другие механизмы?*

— Мы не в состоянии сами преодолеть кризис, российская экономика для этого недостаточно велика. Сделать так, чтобы мы вышли из кризиса раньше, чем мировая экономика, не получится. Максимум того, что мы можем, это пережить кризис с минимальными издержками. Нужно реалистично пересмотреть бюджет в регионах: не стоит надеяться, что из Москвы придут огромные деньги на решение всех проблем Свердловской области. Если власти это поймут, мы пройдем этот период без крупных социально-политических потрясений.

Что касается цен на нефть, то прогнозировать их — самое опасное занятие для профессиональной репутации экономиста. Вы представляете масштабы рынка нефти, сколько в него вложено,

сколько денег потрачено на то, чтобы научиться его прогнозировать? Всех лучших специалистов давно уже пригласили, и за большие деньги. Есть замечательное исследование МВФ, где проведен анализ предшествующего прогнозирования. Так вот, лучшие прогнозы цен на нефть — это прогнозы, исходящие из модели «пьяной походки», т. е. случайных колебаний вокруг нынешней цены. Она дает плохие результаты, но остальные — еще хуже. Поэтому вы меня не спрашивайте, какими будут цены на нефть, этого никто не знает.

— *Как Вы относитесь к усилению протекционизма в мире и особенно в России?*

— Мы провели встречу «двадцатки» и там договорились не повышать таможенные пошлины. А через пять дней ввели дополнительные барьеры по автомобилям. И если кто-то думает, что никто этого не заметит, это не так. Я надеюсь, мир одумается и не станет повторять ошибки, которые были сделаны во время Великой депрессии, их цена будет высока.

— *Сейчас активно обсуждается вопрос о необходимости введения новой мировой валюты. Как Вы оцениваете перспективы этой идеи?*

— Если переводить разговор в практическую плоскость, то он сводится к одному простому вопросу — когда юань станет конвертируемым по капитальным операциям. Я подробно обсуждал эту тему с руководством Центрального банка Китая и убежден, что для себя они стратегически это решение приняли. Вопрос в том, в какие сроки и как они это сделают. Когда это произойдет, юань превратится в одну из трех мировых резервных валют наряду с долларом и евро. Рубль, если мы не будем делать глупостей, с течением времени станет резервной валютой второго плана. А для изобретения каких-то новых мировых валют нужны мировой центральный банк и мировое правительство. Я пока таких перспектив не вижу.

— *Все чаще в последнее время говорят о том, что государство должно изменить систему распределения полномочий и ответственности по линии федерация — регионы — муниципалитеты. Но есть правило — в кризис систему не меняют: изменение усиливает все риски, а значит, нужно действовать в рамках имеющейся системы управления, какой бы плохой она ни была.*

— Согласен с обоими тезисами. Естественно, во время кризиса глубокие институциональные изменения крайне опасны. Надо по-

нять, что придется извлечь уроки из кризиса и подготовить программу, которая начнет реализовываться сразу после него, когда откроется окно политических возможностей, когда все поймут, что нас очень сильно ударило и надо сделать так, чтобы в следующий раз ударило не столь сильно. Хотя бы провести те реформы, которые были намечены на второй срок президентства Путина, но не реализованы. Однако сначала следует затушить пожар.

О СВОБОДЕ СЛОВА

— В статьях и публичных выступлениях Вы часто говорите о необходимости демократизации и расширении свободы слова, причем предлагаете начинать с телевизионных каналов. Не кажется ли Вам, что кризис не совсем удачное для этого время и не стоит ли для начала выстроить эффективный диалог внутри элиты, той же «Единой России», перед тем как пускать в телевизор всех кому не лень?

— Что делается в «Единой России», они сами разбираются. А вот в том, что свобода слова важна для борьбы с коррупцией, я убежден. Борис Николаевич Ельцин, которого я глубоко уважаю, свою мощную харизму, позволяющую в одиночку выигрывать выборы у всего административного ресурса страны, вложил не в строительство династии Ельциных у власти, а в то, чтобы спасти страну от катастрофы. Причем он понимал, чем заплатит за этот выбор, хотя и не в полной мере. Вы вспомните информационную атмосферу того времени. Если вы думаете, что она мне нравилась, так нет. Это была разморозка после десятилетий отсутствия свободы слова, связанная с этим безумная безответственность журналистики. Если сравнить нашу журналистику с американской, вы увидите, что наша была свободной от всего, включая ответственность. Но сейчас не то время. Если мы начнем постепенно снижать уровень запретов, уверен, что журналистское сообщество на это отреагирует более ответственно, чем после краха тоталитарной империи.

— Прозрачность информационного поля — важная предпосылка для того, чтобы были шансы на снижение коррупции. В прошлые годы разве не было коррупции? Но когда была свободная пресса, ее нельзя было игнорировать: все сразу вываливалось на экран.

— В последние годы для меня оставалось загадкой, зачем нужны манипуляции с избирательным процессом и свободой слова, когда

реальные доходы и так росли на 10% в год. А сегодня, когда доходы растя перестали, увеличивается безработица, перед властями встает очень непростой выбор. Первый вариант — поднять уровень репрессий. Это опасная тактика: дело всегда заканчивается тем, что у тебя не оказывается под рукой одного надежного полка. Второй вариант — постепенная трансформация режима, расширение свободы слова, разделение различных ветвей власти, независимость судебной системы. Это дает шансы на сохранение политической стабильности, на то, что мы еще раз не получим заварушку вроде тех двух, что пережили в XX в. Я надеюсь, мы пойдем по второму пути. Это не какая-то экзотика: по нему в свое время успешно прошли Испания, Чили, ряд других стран.

— Путь, о котором Вы говорите, предполагает, что в стране есть сила, с которой действующим властям можно договариваться, как это было, например, в Испании, где франкисты заключили с коммунистами пакт Монcloa. В нашей стране такой силы нет.

— Мы не обсуждаем вопрос сегодняшнего дня, да и завтра никакой демократизации в России не произойдет. Но реальные доходы людей падают, и политическая ситуация будет меняться. Скорее она будет другой, и вероятно тогда появятся люди, с которыми можно будет договариваться.

— А если бы у нас в стране была другая политическая система, глубина кризиса оказалась бы иной?

— Если бы мы не затеяли историю с «ЮКОСом» и сворачиванием свободы слова, то прошли бы этот кризис с меньшими потерями. У меня на этот счет никаких сомнений. Когда мы провели приватизацию нефтяной отрасли, обсуждался вопрос, как избежать ценовой войны с ОПЕК из-за быстрого роста в России нефтедобычи. После «ЮКОСа» вопрос ценовой войны снялся сам собой. У нас перестала расти добыча.

— В одном из интервью Вы говорили, что освобождение экс-юриста Елены Бахминой будет означать для инвестиционного климата России намного больше, чем любые официальные заявления. Ее освободили, и что дальше?

— Пока условно досрочно. Но даже условное освобождение это шаг вперед.

После победы. Какой станет экономическая карта мира после кризиса

— Егор Тимурович (если мне, конечно, не изменяет память), в свое время Вы предсказали нынешний глобальный кризис. Какой мир и какую экономику Вы видите в посткризисный период?

— Я вижу более жесткую экономику. Кризисы мирового развития это реальность последних 200 лет, это всегда реакция на возникающие проблемы динамичного, беспрецедентного по мировым масштабам экономического роста. Мировая экономика на протяжении последних двух столетий меняется. Кризисы начала XX в. происходили на фоне глобального мира золотовалютного стандарта. Кризис 20–30-х годов был связан с несовместимостью золотовалютного стандарта с реальностями меняющегося мира. Кризисы 50–80-х годов были связаны с проблемами Бреттон-Вудской системы и ее постепенным закатом.

Кризисы, которые возникали, начиная с 90-х годов, были иными по природе. Мы их не очень хорошо понимаем. Прекрасная команда экономистов, которая работала в администрации президента США Билла Клинтона и в МВФ, просмотрела как кризис в Мексике в 1994 г., так и кризис 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии, который потом распространился на страны СНГ и Латинскую Америку. Это не говорит о недостаточной квалифицированности этой команды. Их недосмотр больше связан с тем, что кризисы были рождены новой реальностью, которую приходилось осознавать.

Последний кризис, который берет начало с 2007 г. и, судя по всему, продолжится дальше, стал, по мнению мирового экспертного сообщества, самым жестким со времен Великой депрессии. В нача-

ле 2008 г. было немало экспертов, которые пытались убедить общество в том, что Россия будет «тихой гаванью», что кризиса не будет вовсе, что даже если он и случится, то динамичный рост Китая и Индии поможет мировой экономике, что падения спроса на основные сырьевые товары, которые так важны для нашего экспорта, не будет. Сейчас, думаю, говорить об этом не стоит. Мы столкнулись с тяжелым мировым экономическим кризисом. Насколько он будет глубоким и протяженным, покажет время.

После 10 лет экономического роста мы столкнемся в этом году с серьезным падением ВВП. После десятилетия роста реальных доходов населения мы вынуждены жить в условиях их снижения.

К этому кризису мы неплохо подготовились. Чтобы этот кризис не застал нас врасплох, мы создали крупные золотовалютные резервы. Для этого был создан Стабилизационный фонд, который потом был преобразован в Резервный фонд и в Фонд благосостояния будущих поколений. Все это позволило нам к этому кризису адаптироваться. Мы достаточно прилично управляем нынешним кризисом.

Другое дело, что корпорациям, которые сумеют к кризису приспособиться, придется сокращать численность занятых, повышать производительность труда, улучшать качество контроля над расходами, снижать издержки на престижное потребление. Те российские корпорации, которые сумеют приспособиться к реальности изменившегося мира, имеют шанс выжить.

— На экономическом форуме в Санкт-Петербурге Президент Дмитрий Медведев заявил, что «нынешний кризис, несомненно, приведет к переформатированию мира». Как, по-Вашему, какие в ближайшие годы появятся «новые модели» экономического развития и кто там будет задавать тон?

— Увеличение доли Китая, Индии, Бразилии, России в мировой экономике задано. Если власти этих стран не сделают крупномасштабных ошибок, то доля стран БРИК в мировой экономике будет возрастать. К этому придется адаптировать и мировую финансовую инфраструктуру.

— А есть ли вообще будущее у БРИК?

— БРИК — это не закрытая группа стран. Не надо забывать о Турции, Южной Африке, роль которых в экономике будет возрастать. Конечно, по численности населения эти государства смотрятся

Интервью брал Александр ЧУДОДЕЕВ.

Опубликовано (с сокращениями) в: Итоги. 2009. № 28. 6 июля.

¹ Часть обмена мнениями (в нем участвовали Е. Гайдар, М. Дмитриев и Я. Бергер), проведенного редакцией журнала «Итоги». Данный текст — вопросы и ответы, завизированные Е. Т. Гайдаром после беседы с журналистом. — Прим. ред.

весыма внушительно. Но их ВВП существенно ниже, чем стран-лидеров экономического роста. То, что их доля в мире будет возрастать, тоже очевидно.

— *Вы согласны с тем утверждением, что Китай будет первым выходить из кризиса и может бросить серьезный вызов лидерству?*

— Это покажет жизнь. Китай — динамично развивающаяся экономика, но в этой стране есть серьезные проблемы — такие как проблема банковской системы, потенциального кризиса «мыльного пузыря». Надеюсь, что китайские власти справятся с этими проблемами. Это будет и в интересах России. Но гарантить по этому поводу никто дать не может.

— *Многие эксперты предсказывают, что нынешняя мировая модель экономического развития вот-вот канет в Лету. Предсказывается возникновение новых «центров», в частности, появление «оси Вашингтон–Пекин» или треугольника Берлин–Москва–Париж и так далее. Каково ваше отношение к подобным проектам?*

— Все это гадания на «кофейной гуще». То, что мир будет изменен, очевидно. Все остальное — лишь сценарные прогулки.

— *Насколько совместимы экономики Китая и Америки, как и экономики России и Европы? Какова будет роль России в посткризисный период?*

— Экономики Китая и Америки тесно взаимосвязаны, тесно взаимосвязана и экономика России с Европой. Если, с точки зрения безопасности, для нас важнейшим партнером является США, то в экономике для нас надолго важнейшим партнером останется Евросоюз. Россия — крупнейшая страна постсоветского пространства. У нас немало формальных и неформальных связей со странами СНГ. Большая часть населения постсоветского пространства — русскоязычна и связана с русской культурой. Так что, нам сам Бог велел быть здесь региональным лидером.

— *Как Вы оцениваете тот факт, что Москва сменила формат переговоров по вступлению России в ВТО?*

— На мой взгляд, менять переговорную позицию по ВТО — ошибка.

— *Сохранят ли за собой США долларовый «печатный станок» или, возможно, появится новая (или новые) мировая резервная валюта?*

— Думаю, что появление новой мировой резервной валюты вполне возможно. Называться она будет юань. Это произойдет тогда,

когда китайские власти примут решение о его конвертируемости по капитальным операциям. Это не значит, что юань будет единственной резервной валютой. Доллар, как и евро, сохранят свое место в качестве резервной валюты первого плана. Юань приобретет такую же роль. Это изменит конфигурацию мирового финансового пространства, сделает его более устойчивым. Что касается рубля, то, если мы будем вести разумную и ответственную политику, рубль будет резервной валютой второго плана — такой же, как швейцарский франк, шведская крона, фунт стерлингов, канадский и австралийский доллар.

Егор Гайдар: «Тон власти стал меняться»

Урок, который кризис задал власти, — это модернизация экономики и либерализация жизни.

— Вы неоднократно говорили о том, что и очень дешевая нефть — 20 долл. за баррель, и дорогая — 100 долл. и выше лишают нашу экономику перспектив, что идеальная цена для нас — 40–50 долл., когда и деньги есть на текущие расходы государства, и все осознают необходимость реформ. Сейчас нефть вновь пошла вверх. У Вас не возникает ощущения, что у нынешней российской власти прошел страх перед кризисом?

— Российская власть по этому поводу разделена. Часть российской правящей элиты — довольно многочисленная и влиятельная — верит в то, что пик кризиса позади и что можно в связи с этим поработать с бюджетом и золотовалютными резервами.

Есть часть российской власти, которая понимает, что стимулирующий пакет экономических мер в США, Европе, Китае и Японии на несколько месяцев позволит взять ситуацию под контроль. Но при этом существуют проблемы в европейской банковской системе, в секторе корпоративных обязательств с фиксированным доходом, которые будет непросто регулировать. Будет ли кризис с одной волной или с двумя волнами, никто не знает. Мы, как страна, зависящая от конъюнктуры сырьевых рынков, должны быть готовы к худшему сценарию.

— Вы придерживаетесь пессимистического взгляда на ситуацию?

— Я бы назвал его осторожным. Мы должны быть готовы к тому, что станем свидетелями двухволнового кризиса. После стабилизации последних месяцев этого года можно столкнуться с новой волной кризиса в начале 2010 г.

Интервью брал Павел ШЕРЕМЕТ.
Опубликовано в: Огонек. 2009. № 8. 6 июля.

— В начале года эксперты просили подождать до осени, чтобы делать более или менее точные и долгосрочные прогнозы. Но осень уже близка, и все-таки неопределенность сохраняется. Опять противоречивые прогнозы — от самых пессимистических до самых оптимистических.

— За это время ситуация изменилась. В начале 2008 г. многие эксперты говорили, что рецессии в США не будет. В последнее время не видел публикаций в авторитетных СМИ в подобной тональности. То, что мы столкнулись с самой глубокой рецессией в США со времен Второй мировой войны, никто из квалифицированных экспертов не отрицает. Специалисты, которые рассказывали год назад, что Китай и Индия вытащат мировую экономику на фоне кризиса в США, затихли. Оптимизма в оценках мировой экономической ситуации поубавилось.

— А как же те влиятельные российские политики и чиновники, которые уверяют нас, что кризис достиг дна и сейчас начнется если не возрождение России, то хотя бы стабилизация? На чем основан их оптимизм?

— Если кризис закончился, то самое время заниматься дележом золотовалютных резервов. За этим стоят серьезные интересы. Но эта политика, если учесть непредсказуемость мировой экономической ситуации, может привести к катастрофе.

— То есть они нас вводят в заблуждение?

— У них есть свои материальные интересы.

— Ручное управление экономикой, которое мы наблюдаем последние месяцы, Вы и Ваши товарищи в 90-х годах тоже использовали?

— Мы занимались ручным управлением экономикой, тем, что происходило на конкретных предприятиях, разбирались с каждой стачкой на угледобывающих шахтах. Но разница между тем временем и нынешним заключается в размере золотовалютных резервов. У нас их не было. У нынешней власти они есть. Но даже при таких резервах, как сейчас, к вмешательству в дела предприятий надо относиться осторожно. Большие золотовалютные резервы расслабляют. Они создают соблазны. Когда у тебя нет валюты, то и в голову не приходит вмешиваться в дела каждого предприятия. Когда золотовалютные резервы выросли в 1000 раз, можно раздавать кредиты и субсидии директорам заводов и хозяевам предприятий, подкрепляя их реальными денежными ресурсами.

— Мы демонстрируем разный подход по сравнению с американским правительством. Там банкротят General Motors, у нас спасают олигар-

хические конгломераты или АВТОВАЗ. Насколько это оправданно и почему так происходит?

— Это сложный вопрос. Не уверен, что американцы правильно поступили, допустив банкротство одного из крупнейших инвестиционных банков Lehman Brothers. Мы сделали приоритетом стабильность банковской системы. На мой взгляд, поступили правильно. Мало того, что мы получили падение рынка наших основных экспортных товаров. Нам еще не хватало банковской паники. Мои коллеги упрекают меня в том, что от вмешательства государства пострадало качество банковской системы. Но с этим мы разберемся, когда мировая экономика выйдет из глобального кризиса. Сейчас разбирается с качеством российской банковской системы — последнее дело. Кого надо будет посадить за решетку за неправильные решения в банковской деятельности, лучше решить через несколько лет, когда финансовый кризис уйдет в прошлое.

— А промышленность? Как быть с неэффективными предприятиями?

— Промышленности придется жить в более жестком мире. Мировая промышленность выйдет из кризиса с лучшим контролем над затратами, с более высокой производительностью труда. И нам предстоит конкурировать с более эффективными предприятиями. Не надо каждое решение о сокращении занятости согласовывать с властями. Иначе наши крупные предприниматели столкнутся с нерешаемыми финансовыми проблемами, в результате будут вынуждены закрыть свои предприятия.

— Вы говорите о необходимости модернизации. Но модернизация неизбежно сопровождается закрытием неэффективных предприятий и ростом социального напряжения. И призрак памятных Вам шахтеров вновь начинает бродить по России. Существует ли какая-то золотая середина между необходимостью модернизации и сохранением социальной стабильности?

— Золотая середина — это либерализация режима. Если у вас возникают серьезные экономические проблемы, вы либо увеличиваете гнет политического давления, что в конечном итоге ведет к краху режима, либо постепенно проводите политическую либерализацию. Чтобы люди могли говорить и слышать, чтобы они понимали происходящее, а основные печатные издания и телевизионные каналы отражали реальность происходящего в стране, нужны функционирующая демократия, федерализм, местное самоуправление.

— Этот шаг требует ответственности, готовности к тому, что политический век у власти не бесконечен.

— Конечно. Но смена элиты в Испании после Франко не носила катастрофического характера, хотя там рисков было не меньше.

— Вы видите, что правящая элита готова к либерализации?

— Придется приспосабливаться к новой реальности. Править Россией при цене на нефть в 145 долл. приятно. Управлять нашей страной, когда цена в два раза ниже, — нелегкое испытание. Преимущество нынешней элиты в том, что она вышла из 1990-х годов. Нынешние чиновники работали в условиях тяжелейшего экономического кризиса, который последовал за банкротством Советского Союза. Они грамотные. Могли быть расслабленными, когда жизнь казалась хорошей, но это не значит, что у них не было опыта кризисного управления.

— Но ужесточение режима — это более простой ответ на нынешний вызов.

— Но самый опасный.

— Примеры Белоруссии или других стран показывают, что это может продолжаться довольно долго.

— Ключевые слова — довольно долго. Но не навсегда.

— Но ведь Ваши оппоненты считают: возможна модернизация без политической либерализации, пример — Китай.

— В Китае ВВП на душу населения примерно вдвое ниже, чем у нас. На этом уровне ВВП, при низком уровне образования населения авторитарный режим может быть устойчивым. Китайское руководство прекрасно понимает, что задача демократизации Китая — стратегическая, главная на ближайшие десятки лет.

— Как Вы оцениваете диалог власти с обществом по поводу кризиса?

— До осени 2008 г. общая тональность была оптимистической, руководство страны говорило, что кризис нас не затронет. С октября она стала меняться. То, что изменение акцентов в публичной политике произошло, бесспорно. С осени 2008 г. падение производства, инвестиций, ВВП стало очевидным. Официальные материалы Минфина, Госкомстата это подтверждают.

— Почему мы, объявив о вхождении в ВТО вместе с Белоруссией и Казахстаном, фактически заморозили этот переговорный процесс, особенно накануне приезда Барака Обамы? Мы разочаровались в ВТО или нам не надо в ВТО?

— Хорошо знаю историю этого процесса. Не хочу здесь ее обсуждать. Запад крайне удивлен нашим решением. Мы на протяжении лет вели конструктивные переговоры. Наши переговорщики — квалифицированные люди, понимали, что подобный поворот ставит крест на нашем членстве в ВТО в ближайшее время. Обычно вступление в эту организацию увеличивает темп роста ВВП примерно на 0,5%. Считаю принятное решение неразумным. Мы обо всем договорились с американцами, с Евросоюзом, китайцами — нашими основными торговыми партнерами. Но у нас возникают новые проблемы с отдельными членами ВТО. Не надо удивляться, что у нашей страны могли возникнуть несимметричные ответы. Но это не значит, что они кажутся мне разумными.

— *Многие ждали, что кризис приведет к очищению, к отмиранию каких-то неэффективных предприятий, но государство протягивает руку помощи олигархам. Означает ли это, что олигархический капитализм в России сохраняется?*

— Пока да. Но кризис не закончился. Нам придется жить в другом мире. Мы накопили золотовалютные резервы, которые позволяют оказывать помощь привилегированным предприятиям. Не могу сказать, что мне это нравится. Не для этого создавался Стабилизационный фонд.

— *Вновь встал вопрос о курсе российского рубля. 30 руб. за доллар — это плохо или хорошо?*

— Необходимо следить за ценой на нефть. Если цена на нефть упадет, мы плавно, управляемо отпустим курс рубля. Все, что происходило с курсом рубля, было полностью в руках ЦБ. В какой-то момент, когда цена на нефть резко упала, ЦБ принял решение о снижении курса рубля. Когда цена на нефть стала возрастать, он решил увеличить курс рубля. При соотношении наших золотовалютных резервов и денежной массы ЦБ делает с курсом то, что считает нужным.

— *Нынешний кризис дает шанс либералам оправдаться в глазах российского народонаселения, доказать правоту их действий в 90-х годах?*

— Меня меньше всего волнует имидж либералов в России. Мы недавно собирались узким кругом либералов и обсуждали этот вопрос. Считаю, что намного важнее, чтобы страна вышла из кризиса сильной и модернизированной.

Мы через 10 лет: олигархи перевоспитаются, пенсии вырастут?

РЕПРЕССИИ — В ИНТЕРНЕТ

— *Егор Тимурович, почему нет альтернативы позиции «раз не помогаете народу, то хотя бы не мешайте ему»?*

— Мы пережили тяжелый кризис, связанный с банкротством Советского Союза, исчерпанием золотовалютных резервов. Пережили угрозу голода, Гражданской войны. А сейчас столкнулись с тем, что сопоставимо с Великой депрессией конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Жизнь последнего десятилетия была бархатной. Когда реальные доходы населения растут на 10% в год, трудно не быть популярным. Когда доходы начинают падать на 10% в год, ситуация меняется. Тогда у вас остаются два альтернативных сценария политических решений. Первый — ужесточение репрессий.

— *Известны сталинские репрессии. Неужели и сегодня возможно что-то подобное?*

— Возможно ужесточение контроля над Интернетом, средствами массовой информации, над митингами, демонстрациями, некоммерческими организациями. Это идея части политической элиты, которая плохо исторически образована. Надеюсь, что наши власти на это не пойдут. Мы в XX в. пережили две революции. Каждая была связана с попытками ужесточения репрессий. Самый типичный пример — август 1991 г., ГКЧП, закончившийся катастрофой. Так было и 28 февраля 1917 г. Можно пытаться в третий раз устроить что-нибудь подобное. Результат будет плачевным. Но есть второй вариант — дать стране шанс на устойчивое развитие на протяжении многих лет. Он осуществим.

Интервью брала Виктория НИКИТИНА.

Опубликовано в: Аргументы и факты. 2009. 8–14 июля.

— А может получиться так, что мы вообще не выйдем из кризиса?

— Мы должны из него выйти. Было написано немало о том, что нам не нужен Стабфонд, надо потратить его на инфраструктурные проекты. К счастью, он был создан, сохранен и послужил «подушкой», которая смягчила падение российской экономики. Теперь причины, по которым нашей стране — с экономикой, зависящей от трудно прогнозируемых цен на нефть, нужны значительные валютные резервы, ясны и подростку.

— Кстати, совершенно не понятно: все прогнозируемо, а нефть — нет. Может, это лукавство?

— Нет. Цену на нефть нельзя предугадать из-за разной эластичности спроса и предложения в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Объясню на простом примере: вы привыкли ездить на работу на автомобиле. Если цена на бензин вырастет в 3 раза, вы вряд ли сразу измените свои привычки. Но если выяснится, что это надолго, то вы купите машину с более экономичным двигателем.

— У Вас есть ощущение, что сейчас все решается «методом тыка»: попробовали туда пойти — не получилось, попробовали сюда — тоже не получилось.

— Управлять Россией в условиях, когда цены на нефть упали в 3–4 раза, и управлять Россией, когда они выросли в 3–4 раза, — разные задачи. Нужно время, чтобы привыкнуть к новым реалиям.

— Правительство Примакова тоже действовало в условиях кризиса, и денег в стране вообще не было. И олигархи не толпились в приемной. Как же решили проблемы? Может и сейчас так же надо?

— Олигархи понимали, что денег в стране нет. Что им было толпиться у власти? (улыбается. — «АиФ») Но к этому времени была создана система частной собственности, приватизирована промышленность, добыча нефти перестала падать, начала расти. Тогда важнейшим стал вопрос — как избежать ценовой войны с ОПЕК. Затем мы начали рационализировать нефтяную отрасль. Добыча сырья расти перестала.

— Исходя из Вашего второго сценария, государству надо полностью отказаться от привычек регулировщика. Но тогда — усилятся другой перекос: каждая отрасль в руках какого-то клана.

— А кто сказал, что не надо регулировать экономику? Госконтроль — это правила, которые вырабатывали на протяжении двух

последних веков. Но надо адаптироваться к меняющемуся миру. Например, во время Великой депрессии отказались от золотовалютного стандарта. В 1971 г. выяснилось, что Бреттон-Вудская система (доллар стал одним из видов мировых денег, наряду с золотом. — «АиФ»), сформированная в середине 1940-х годов, перестала работать. Пришлось адаптироваться к новой ситуации, где есть плавающие курсы резервных валют и нет золотовалютного стандарта.

— Допустим, осознали, что не мы решаем за время, а, увы, оно за нас. И что дальше?

— Первое, что нужно делать, — принять во внимание новую роль Китая в мировой экономике, то, что юань должен стать одной из мировых резервных валют. Второе: Россия в условиях кризиса должна продолжать консервативную денежную политику.

— На сколько лет назад нас отбросит после того, как мы снова влезем в долги за рубежом? Неужели другого выхода нет?

— В этом нет ничего страшного. Но возникающие проблемы предполагают необходимость серьезных мер по повышению эффективности госрасходов.

— У нас этого никогда не было. С чего бы нас посетит такая «эффективность»?

— Почему не было? В начале 2000 г. мы провели одну из самых эффективных налоговых реформ, которая стала образцом для многих стран. Ко второму сроку президентства Путина подготовили программу по повышению эффективности бюджетных расходов. Министерство экономики 12 раз вносило ее в правительство, и столько же раз ее обсуждали на заседании кабинета министров. Но, в условиях резкого скачка вверх цен на нефть, было бы странно, если бы эту программу реализовали.

— Зато сейчас она пришла бы очень кстати. А то есть ощущение, что научились лишь собирать налоги в бюджет. А Вы бы на что предложили урезать госраты?

— Приведу анекдотический пример. Советский Союз был крупнейшим в мире импортером зерна. Поэтому наши сельскохозяйственные атташе располагались там, где были наши основные поставщики. Сейчас Россия снова стала одним из крупнейших экспортёров зерна. И борьба за сырьевые рынки — наш важнейший

внешнеэкономический приоритет. Как вы думаете, где в это время располагаются те, кто должен отстаивать интересы страны?

— *Там же?*

— Да. Это мелочь, но она показательна.

РЫНОК ВСЕГО ЛИШЬ СОЛОМКА?

— *Людей увольняют, цены растут, воры-домушники расцвели буйным цветом... Сколько народ еще может терпеть?*

— Вопрос в том, сколько времени понадобится власти, чтобы понять, что народ не будет терпеть вечно.

— *Многие говорят, что надо срочно вводить прогрессивный налог, чтобы пополнить казну доходами от богачей.*

— Когда мы ввели плоскую шкалу (одинаковую для всех физлиц.—«АиФ») подоходного налога в 13%, получили резкий рост доходов бюджета. Вы хотите в условиях тяжелого кризиса снижения бюджетных доходов изменить эту ситуацию? Я бы не советовал.

— *Если окажетесь в Белом доме, какие меры примете?*

— Что должен был сделать — попытался сделать.

— *И все-таки?*

— Эти меры легко озвучить, но трудно реализовать. Необходимо обеспечить разделение властей. Я работал в парламенте. Знаю, что через него в начале 2000-х годов Закон о монетизации льгот никогда бы не прошел. В Бюджетном комитете работали люди, которые понимали суть дела, задали бы немало вопросов, заставили бы Министерство финансов на них отвечать. После чего в том виде он никогда бы не был принят. Следующий ход — сокращение числа закрытых статей бюджета. Они самые неясные и потенциально коррумпированные. И третье — это реальные шаги к обеспечению независимости судебной власти.

— *Олигархов проще перевоспитать.*

— Да.

— *С одной стороны, олигархи руководят предприятиями, которые дают работу половине страны. С другой — они ведут себя так, что настроили против себя всю страну. Когда-нибудь в России появится культура богатства?*

— По опыту других стран могу сформулировать гипотезу, что она появится. Но это зависит от людей, которых называют в Рос-

сии олигархами. Надо понять, что те, кто реально руководит крупным бизнесом, получили советское образование, поэтому и ведут себя, как капиталисты из советской пропаганды: «владелец заводов, газет, пароходов, мистер Твистер-миллионер».

— *Цель пенсионной реформы больше напоминает рекламный ход, нежели реальное увеличение доходов россиян. А можно сейчас взять и по-настоящему увеличить пенсию? Разва в два сразу? Есть такие ресурсы у страны?*

— Нет. Но можно постепенно, в течение лет 10, радикально увеличить накопительную часть пенсии с помощью неспешной распродажи госактивов. (Никто до сих пор не смог убедить меня, что госкомпания управляет своими активами лучше частных.) Необходимо это делать сейчас, когда рынок внизу. Но когда он выправится — а он выправится, тогда давайте распродадим часть госактивов, чтобы направить вырученные средства на накопительную часть пенсии.

— *Вернемся к началу нашей беседы. Допустим, мы пошли по пути демократии и, конечно, сразу начали набивать себе шишки. Где бы соломки подстелить?*

— Мы создали рыночную экономику — это как раз и есть соломка. И она поможет справиться с проблемами даже при нынешнем уровне экономического образования населения.

— *То есть когда-нибудь наша рыночная экономика перестанет помещаться в рамки «здесь купил, а там продал в два раза дороже»?*

— Она уже этим не ограничивается. Есть немало динамично растущих отраслей экономики, например пищевая промышленность, розничная торговля.

Судьбоносные разилки

Интервью, данное Е. Т. Гайдаром незадолго перед смертью в ходе совместной с А. Б. Чубайсом работы над книгой «Разилки новейшей истории России».

— Егор Тимурович, в ноябре 1991 г. Вы заняли пост заместителя председателя Правительства России. В это время одной из самых острых была проблема обеспечения продовольствием городов. Почему именно она?

— Это естественно. При любых революциях народ брался за вилы не по политическим мотивам, а потому, что есть было нечего. Экономическая несостоятельность государства нередко становилась главной причиной народных недовольств. В экономически благополучных странах люди не бунтуют. К моменту раз渲ала СССР прилавки магазинов были пусты. Во многих городах и регионах страны пришлось вводить хлебные карточки — почти как в блокадном Ленинграде. В конце 1991 г. суверенитет России сформировался на фоне острого дефицита продовольствия. Зерна могло хватить лишь до начала февраля 1992 г., причем при максимально жестком режиме его использования.

— Это можно назвать естественным финалом социалистической системы хозяйствования или результатом политического краха советской системы?

— Наверное, и тем, и другим, или, переходя к более ранней истории, последствиями неверного выбора пути в прошлые времена. В 1928–1929 гг. страна уже стояла перед подобной разилкой. Тогда страна готовилась к ускоренной индустриализации, проведение

Интервью брали Петр ФИЛИППОВ, Татьяна БОЙКО в июле 2009 г.
Опубликовано в: История новой России. Очерки, интервью. В 3 т. Т. 1/Под общ. ред. П. С. Филиппова. СПб.: Норма, 2011.

которой требовало колоссальных средств. Взять их решили в деревне.

Но взять можно по-разному. Один вариант — пойти по пути, который потом в экономической науке получит название «китайский»: развивать частное крестьянское хозяйство, рыночную экономику со стабильной валютой, основанной на золотом стандарте, — и все это при сохранении политического контроля коммунистической партии. Альтернативный вариант — демонтировать в деревне неповинные экономические институты, а зерно взять силой.

В руководстве не было единого мнения по решению этого стратегического вопроса. Он обсуждался на высшем уровне. Аргументы в пользу первого варианта были достаточно весомыми. НЭП показал свою эффективность, производство продовольствия заметно выросло, народ не голодал. В крестьянской стране, где большая часть армии была крестьянской, силой брать хлеб в деревне казалось делом крайне рискованным — вплоть до опасности утраты политического контроля над ситуацией.

В то же время получение из деревни больших объемов хлеба для экспорта было трудноразрешимой задачей. Крестьянские хозяйства, даже причисленные к «середняцким», были малопроизводительными и мелкотоварными. Бессмысленно было ожидать, что они станут наращивать инвестиции в производство в условиях, когда за это могли причислить к кулачеству, лишить избирательных прав, сослать. Реализация в деревне либерального экономического курса требовала хотя бы частичных перемен политического курса — либерализации режима, возврата к осужденному партией лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!». Для политического руководства страны это было непросто.

Иное дело — линия на демонтаж крестьянского хозяйства и силовое изъятие хлеба из деревни. Идеологически она была ближе многим партийным лидерам, для которых недавний отказ от военного коммунизма казался лишь тактической уступкой, причем временной.

Победили сторонники силового решения зерновой проблемы. Крестьянство к тому времени, в отличие от 1921 г., было разоружено. А в процессе массового изъятия хлеба выяснилось, что в нево-

оруженной деревне даже крестьянская по составу армия послушно выполняет приказы власти.

Последствия оказались катастрофическими. Под лозунгом «Или мы станем сильными, или нас сомнут!» Сталин разгромил деревню, выжал из нее все, что было возможно, причем методами, беспрецедентными в экономической истории по жестокости. Голод 1932–1933 гг., по сути, был устроен властью. Рыночное сельское хозяйство, которое только и могло обеспечить продовольственную безопасность державы, в России было уничтожено, а крестьянство обречено на деградацию, обусловленную полукрепостническими условиями.

— Однако у этого выбора и сегодня немало защитников. Главный аргумент: иначе страна не провела бы индустриализацию достаточно быстро, следовательно, не успела бы подготовиться ко Второй мировой войне.

— Этот аргумент при всей его жестокости не лишен убедительности. Но при анализе сложившейся альтернативы надо учитывать исторический контекст и взаимосвязанность решений того времени.

Перспективу будущей войны не стоит считать фатальной. Во всяком случае, ни Америка, ни Франция, ни Англия, только-только оправившиеся от Первой мировой войны, нового военно-го конфликта не хотели. Это убедительно показала политика умиротворения, которой придерживались Франция и Англия во время событий в Австрии, а потом — в Чехословакии.

В мире имелись два других источника нестабильности: Германия, страдавшая постимперским синдромом, и Япония, которая быстро наращивала экономическую мощь и желала конвертировать ее в политическую силу.

В Германии ключевым вопросом, от которого зависело, будет она воевать или нет, было создание коалиции между социал-демократами и коммунистами, которые вместе контролировали половину избирателей. Было ясно, что при создании такой коалиции эта страна никогда не начнет войну против Советского Союза. Но Сталин был категорическим противником любого сотрудничества коммунистов и социал-демократов и наложил на такое соглашение табу. Это помогло ему настоять на жесткой политике в отношении советской деревни. Выбор «китайского пути» — политики,

которую тогда в СССР предлагали Бухарин и Рыков, означал отказ от коммунистических догм, включая лозунг мировой революции.

Эта тема никогда не обсуждалась открыто, как слишком деликатная. Но если бы в 1928–1929 гг. в СССР взяла верх линия Бухарина и Рыкова на либерализацию политики в отношении крестьянства, а в перспективе — и на отказ от наиболее одиозных коммунистических догм, включая лозунг мировой революции, история, возможно, развивалась бы по иному сценарию.

Альтернатива заключалась в следующем: мы отказываемся от мировой революции, разрешаем создание в Германии коалиции коммунистов и социал-демократов и приводим ее к власти. После чего Германия надолго, может быть, навсегда, перестает быть угрозой для СССР. А наша страна получает возможность проведения индустриализации без спешки, спокойно и постепенно, не уморив голодом 6 млн человек в 1932–1933 гг. И неминуемость катастрофы Второй мировой войны исчезает. Но сталинское табу на союз социал-демократов и коммунистов в Германии, наоборот, проложило нацистам дорогу к власти¹. Со всеми вытекающими последствиями...

Другой вариант был возможен и на Дальнем Востоке, в отношении Японии. Рост ее влияния сильно беспокоил Соединенные Штаты. И если бы в 1930-х годах в СССР произошла смена политического курса в бухаринско-рыковском стиле, США могли бы стать стратегическим союзником Советского Союза — в противовес усилившейся милитаризации Японии. После чего шансы на развязывание Японией крупномасштабной войны — особенно на севере, который ей не очень интересен, а не на юге, где еще можно было попытаться решить проблему обеспечения нефтью, свелись бы практически к нулю.

Разумеется, все это — лишь предположительные варианты, никто не знает, как события развивались бы в реальности. Но развилка была именно такая.

¹ В Германии на парламентских выборах 1928 г. национал-социалистическая партия получила только 12 мест. А 12 ноября 1932 г. уже завоевала наибольшее количество голосов (33,09%), и Гитлер 30 января 1933 г. был назначен канцлером. Этого не случилось бы, если бы коммунисты (16,86%) и социал-демократы (20,44%) выступили единым фронтом. Но Сталин категорически запрещал коммунистам такую коалицию. — Прим. ред.

— Получается, что все самые большие несчастья в мире, включая Вторую мировую войну, случились из-за того, что 80 лет назад на одной из исторических развилок наша страна свернула «не туда»?

— История, как известно, не терпит сослагательных наклонений. Но для нашей страны этот поворот действительно был роковым. Даже если перечислить ближайшие последствия, картина получается тяжелой. Прежде всего произошло вторичное закрепощение крестьянства, у которого отбирали хлеб для продажи на экспорт в условиях мирового кризиса по низким ценам. «Побочный результат» — голод 1932–1933 гг., унесший около 6 млн жизней на Украине и в Центральной России. Правда, на «хлебные» деньги была проведена ускоренная индустриализация страны, построены многочисленные заводы. Но еще одним «побочным результатом» стала сама Вторая мировая война, в которой СССР потерял 30 млн жизней. Хотя, не спорю, благодаря индустриализации страна технически подготовилась к войне...

В крестьянской стране сформировался общественно-политический строй, при котором крестьянство, большинство населения (сельское население в СССР преобладало до конца 1950-х годов), получало нищенские доходы, на порядок ниже городских. На этот слой общества не распространились социальные гарантии в виде пенсий, социальных пособий, возможность получить квалифицированную медицинскую помощь. Все толковые девочки и мальчики мечтали сбежать из деревни в город.

Результатом стало беспрецедентное в мировой экономической истории падение продуктивности сельского хозяйства. И если Российская империя была крупнейшим в мире экспортером зерна, то Советский Союз стал крупнейшим его импортером, ввозил зерна больше, чем Китай и Япония, вместе взятые.

Обрабатывающие отрасли промышленности не научились производить товары, которые можно было продавать за рубеж за свободно конвертируемую валюту. Потому наш зерновой импорт и импорт продовольствия в целом все годы напрямую зависели от нефтяного экспорта. Позже к нему прибавились нефтепродуктовый и газовый экспорт, вывоз необработанного круглого леса, черных и цветных металлов. Словом, страна стала сырьевым придатком высокоразвитых экономик.

Однако цены на сырьевые товары крайне нестабильны, колеблются в широком диапазоне. В 1985–1986 гг. они резко упали: на нефть — примерно в 4 раза с осени 1985 по весну 1986 г. Страна оказалась перед новой развилкой.

— *Быть или не быть?*

— Обрисую ситуацию. К 1985 г. советская экономика уже была интегрирована в мировую, полностью зависела от внешних поставок продовольствия и комплектующих: от импорта зерна, мяса, масла, сахара зависело снабжение населения, от поставок высокотехнологических производств — состояние промышленности. Все это покупалось на «нефтедоллары». На мировом рынке упали цены на нефть — наш основной экспортный товар.

Что делать? Этот вопрос советское руководство тогда почти не обсуждало, по крайней мере так следует из архивных материалов. Анализ показывает, что на той развилке у СССР было три альтернативных пути.

Первый путь, самый разумный, если основываться на экономической составляющей, — отказаться от советской империи в Восточной Европе, снизить бартерные поставки нефти и газа, увеличить продажи углеводородов в страны, способные платить конвертируемой валютой. Это было непросто. Стратегически, исходя из экономических соображений, можно было выбрать этот путь, а политически, в реалиях 1986 г. — абсолютно невозможно. Если бы генеральный секретарь вынес на пленум такое предложение, то при своей должности он оттуда точно бы не вышел. Ведь это означало отказ от результатов Второй мировой войны!

Второй путь — повысить внутренние цены на продовольствие, сократив потребность в его импорте. Это решение надо было принимать в условиях, когда потребление продовольствия было мало эластично по цене: повышение цены на мясо на 10% совершенно не гарантировало снижения его потребления. Поэтому требовался «перелет» — резкое и масштабное повышение цен. У власти уже имелся негативный опыт начала 1960-х годов, который привел к массовым беспорядкам, в Новочеркасске — к потере контроля над ситуацией. В случае нового повышения цен на продовольствие было неясно, удастся ли власти сохранить контроль над Москвой и Ленинградом.

Третий путь — резко сократить военные расходы, срезать инвестиции в ВПК, т. е. остановить там инвестиционные программы, перестать использовать никель, медь, платину, палладий, черные металлы в производстве вооружений. И все это направить на экспорт. Разумеется, это было чревато конфликтами с истеблишментом плюс, возможно, тяжелыми проблемами в моногородах. Тем не менее эту тему «мягко» поднимали на обсуждениях в ЦК КПСС. Но было ясно, что и такое решение означало политическое самоубийство.

В итоге решили не выбирать ни один из трех путей, а занимать деньги на Западе. Тем более, что их пока давали. До этого времени кредитная история Советского Союза была приличной. Но рано или поздно деньги закончатся. Можно занимать год, два, три. Потом кредиторы скажут: «Ну, а теперь отдавайте». Что и было заявлено советскому руководству на рубеже 1988/1989 г. После чего коллапс советской экономики, а затем и банкротство Советского Союза стали сначала неизбежностью, а затем объективной реальностью. Вопрос был лишь в конкретных сроках.

— В результате появилось правительство во главе с президентом Борисом Ельциным и первым вице-премьером Егором Гайдаром. Что это было — «ликвидационная комиссия», созданная после банкротства?

— Ситуация следующая: де-факто Советского Союза больше нет, де-юре он существует. Но сразу после августовского путча в 1991 г. Леонид Кравчук, председатель Верховного Совета Украины, вызвал к себе командующих тремя украинскими военными округами, где была сосредоточена значительная часть современной советской военной техники, и заявил, что теперь они подчиняются украинским властям. Хотя Министерство обороны СССР по-прежнему полагало, что все войска в стране подчиняются союзному руководству, украинские власти де-факто подчинили себе пограничную службу на территории Украины. То есть внешняя граница на этом направлении стала украинской, а внутренней не было вообще. В Прибалтике советская погранслужба тоже перестала функционировать, как и таможня.

Полный кавардак творился в финансовой сфере. Госбанк СССР не контролировал денежную эмиссию, которую осуществляли центральные банки союзных республик. А союзное правительство

не получало налоговых доходов. Характерный факт, о котором мне рассказывал заместитель министра финансов СССР по бюджету Василий Барчук: он был вынужден отправить конвой с заключенными, не выдав конвойным ни проездных, ни суточных, ни продовольствия. У него просто не было денег. Государства не существовало! У него не было армии — ни одного полка, который гарантированно выполнил бы отенный с самого верха приказ.

Учтем, что советское государство строилось и функционировало на идее безграничного всевластия Центра. Стоило Центру чуть-чуть ослабеть — и система перестала функционировать. Зачем председатель колхоза будет кому-то поставлять зерно, если знает, что за непоставку его не снимут с работы и не посадят в тюрьму? А других стимулов не было. Нельзя же было всерьез считать стимулом деньги, которые ничего не стоили, за что их называли «деревянными»? В результате после августовского путча — буквально на следующей неделе — практически остановились заготовки зерна.

Именно поэтому власти, пришедшие к руководству страной, сразу начали обсуждать ситуацию с продовольствием, которого не хватило бы до весны. Первая идея, которая в таких случаях приходит в голову, — купить его за границей. Но в стране не было валюты. Перед распадом СССР валютные резервы Госбанка колебались в пределах 26–100 млн долл. Подчеркиваю: не миллиардов, а миллионов. И это — стратегический резерв великой страны! Купить хлеб было не на что. Можно было попробовать попросить в долг. Но при таком бардаке потенциальным заимодавцам непонятно, кто будет отдавать деньги.

Зерна нет, денег нет, кредитов нет — живи, как знаешь! На этом фоне и было сформировано наше правительство. Дальше естественный вопрос уже к нам: что делать в этой ситуации? Ни в одном учебнике ответа на него вы не найдете.

Через несколько лет в Калифорнийском университете мне пришлось прочесть лекцию по российской макро- и микроэкономической политике 1991–1992 гг. на семинаре, который много лет ведет профессор Арнольд Харбергер. Среди слушателей были его бывшие ученики, некоторые из которых доросли до высоких постов в своих странах, вплоть до министров финансов и председателей центральных банков. Обрисовав ситуацию в начале 1990-х годов. в нашей стране в подробностях, я спросил этих опытных людей, что бы

они сделали на моем месте? Министр финансов большой латиноамериканской страны ответил, что лично он сразу бы застрелился. Все остальные решения заведомо хуже.

— *Решение, которое приняло в итоге Ваше правительство, известно: либерализация цен. Но было ли оно единственным, безальтернативным?*

— Наверное, можно было последовать примеру большевиков и послать продотряды с пулеметами в героический поход в деревню за зерном. Но мы знали, чем закончился прошлый такой поход. А теперь страна была начинена ядерным оружием. Мы не могли себе позволить развязать гражданскую войну. К тому же было ясно: как только мы встанем на этот путь, а там точно без крови не обойдется, никакой кредитной помощи от наиболее развитых стран мира не получим. Этот канал будет для нас перекрыт прочно и надолго.

На такой путь мы не встали. И даже не обсуждали всерьез эту тему. Но зерна-то не было. И я регулярно получал записки, что запасов хлеба в таком-то городе — на три дня, в другом — на два дня... Какое-то количество хлеба есть в деревне. Но купить его можно лишь за ту цену, которую деревня считает приемлемой. Значит нужно либерализовать цены, что является мерой заведомо непопулярной (об этом говорили все опросы ВЦИОМ), но технически не сложной. Опасно политически — да. За это ты всю дальнейшую жизнь будешь платить по счетам. А технически в экономической политике нет ничего более простого, чем либерализация цен.

Но дальше ожидает следующая развилка, на одном из указателей которой начертано: «Гиперинфляция!». И это серьезно. Экономическая история знает случаи кризиса продовольственного снабжения городов при свободных ценах — когда (и если) деньги слишком быстро обесцениваются. Ведь при гиперинфляции, когда деньгами оклеивают стены вместо обоев, крестьяне не продают за них продовольствие, сколько денег им ни предложи, потому что знают: через день-два цена, которую им предложат, окажется еще выше.

Остановить гиперинфляцию тоже несложно, если есть политическая воля: нужно просто перестать печатать деньги. Конечно, это требует сокращения государственных расходов, что вряд ли было популярной мерой. Но технически в обычной ситуации трудностей здесь нет.

Однако новое российское государство оказалось в ситуации, похожей на ту, что пережили две европейские страны после краха Австро-Венгерской монархии. В Австрии и Венгрии появились два эмиссионных центра, соревновавшихся в том, кто больше напечатает денег. Одна лишь Чехословакия — страна, также отколовшаяся от экс-империи, быстро ввела собственную валюту и избежала гиперинфляции. А Венгрия и Австрия пережили тогда труднейший период.

В распадавшемся СССР положение было еще хуже: реально имелось 15 столиц союзных республик — т. е. 15 центров, каждый из которых имел возможность эмитировать безналичные рубли уже без всякого контроля союзного Госбанка. И эти деньги, хотя и безналичные, имели хождение по всей территории СССР.

Для лучшего понимания представьте: мы с США оказались в общей долларовой зоне. И российский Центробанк эмитирует безналичные доллары в любом количестве, а потом переводит их на банковские счета отечественных предприятий и российских граждан. Теоретически после этого Россия может скупить всю Америку, ничего не поставляя туда взамен кроме тех долларов, которые сама и напечатает.

Точно так же в распадавшемся СССР каждая республика получила возможность скупить все остальные — на деньги, которые сама же «рисует». Это хорошо известная ситуация подробно описана в экономической литературе. Самые сильные стимулы к тому, чтобы эмитировать побольше денег, появляются у самых малых экономик, входящих в единую валютную зону. Они начинают паразитировать на ситуации, экспортируя инфляцию в наиболее крупные экономики. В нашем случае это была Россия. Причем контролировать «чужую» эмиссию в такой ситуации невозможно. Сначала требуется разделить денежные системы: перейти от межфилиального оборота к корреспондентским счетам и т. д. А на это нужно время.

В общем, положение — хуже губернаторского. России нужен рынок продовольствия, но он невозможен без устойчивых денег, а их нет. Мало того, что нам достался солидный «денежный навес» в наследство от Советского Союза. Мы еще и не знали, сколько необеспеченных денег вбросят в экономику России другие республики. Расчеты показывали: чтобы технологически наладить систему контроля за импортом инфляции, требуется примерно 9 месяцев и столько же — для введения новых, собственно российских денег.

Очевидного решения не было. Потому первый вариант наших предложений заключался в том, чтобы с 1 января 1992 г. «приотпустить цены»: большую их часть оставить контролируемыми, но существенно увеличить долю свободных цен. А полную либерализацию совместить с введением российской национальной валюты примерно с 1 июля 1992 г., когда это технически можно будет сделать. Такова была база нашей программы в октябре — начале ноября 1991 г., когда мы еще не были правительством, а только группой экономистов, ищущих пути решения проблемы.

Но в ноябре, когда был сформирован новый кабинет, еще раз проанализировав ситуацию с продовольственным снабжением страны, мы поняли, что разработанная стратегия не годится. Не доживем мы с имеющимися проблемами ни до новых денег, ни до нового урожая. Значит надо идти на предельно рискованный вариант: размораживать цены в условиях, когда мы не контролируем денежную массу.

— *На что же Вы рассчитывали?*

— Во-первых, на инерцию. На то, что у руководителей центральных банков республик есть некие представления об ответственной финансовой политике, исходя из которых они сами будут ограничивать себя в «рисовании» рублей. Во-вторых, была надежда договориться с ними — не о том, что они вовсе не будут эмитировать рубли, а помягче: мол, давайте будем осторожнее. В-третьих, нужно было самим проводить предельно жесткую бюджетную политику. Все-таки Россия — это примерно 62% советской экономики. Если мы резко сократим основные направления расходов — оборона, инвестиции, сельскохозяйственные субсидии, даже образование со здравоохранением, то, может быть, прорвемся.

У нас, кстати, не было в тот момент цели затормозить инфляцию. Задача была проще: сделать так, чтобы за деньги продавали хлеб. И мы ее решили. Конечно, попутно возникла ситуация, при которой профессор в Москве получал в несколько раз меньше, чем профессор в Киеве. Долго это продолжаться не могло. Но для того, чтобы дожить до нового урожая, до момента, когда мы хотя бы технически сможем контролировать приток в Россию эмитированных в республиках рублей, решения оказались верными.

— *Проблема была не в профессорах, основной удар пришелся не на них. Люди, работавшие в оборонном комплексе, до сих пор*

с ужасом вспоминают 1992 г., когда оборонный заказ был обрезан «под корень». И рассматривают этот шаг «правительства Гайдара» как подрыв обороноспособности страны.

— Их можно понять. Но надо помнить и понимать другую сторону проблемы: какая могла быть обороноспособность у государства, которое просило у цивилизованного мира гуманитарную помощь? Обычно ее просят нищие страны, сталкиваясь с угрозой голода. А в 1990 г. в том же ряду оказался Советский Союз — еще до своего фактического и юридического распада. То есть «подрыв обороноспособности» начался задолго до «правительства Гайдара» — это хорошо задокументировано. Заметьте: гуманитарную помощь нам поставляли страны, которые еще недавно рассматривались в качестве потенциальных противников СССР. Ну, какие вам нужны военные расходы в такой ситуации? Для чего и как вы собираетесь воевать со странами, у которых просите гуманитарную помощь, в том числе для того, чтобы накормить собственную армию?

Конечно, решение нашего правительства резко сократить военные расходы было тяжелым. Генералы, когда я им об этом сообщил, были крайне удивлены и сказали мне, что это — политический вопрос. Я ответил: «Тогда считайте, что это — политическое решение». А Политбюро больше нет, апеллировать некуда. Это было тяжело и для военно-промышленного комплекса. Зато мы не умерли с голода.

Как мы и предполагали, политическая плата была огромной. Еще осенью 1991 г. мы обсуждали ключевой вопрос: позволят или не позволят нам провести столь кардинальные и болезненные реформы? Ведь наша команда была, по существу, «технической» — никто нас не выбирал, а значит, в любой момент могли уволить. Политиком, на котором все держалось, был Ельцин. Причем политиком невероятно популярным. Выиграть выборы в столице и других крупных городах с оглушительным 90%-ным результатом в условиях, когда против него работала вся власть и вся пропагандистская машина, мог только он.

Нам предстояло убедить Бориса Николаевича конвертировать свою популярность в проведение жесточайших мер, необходимых для предотвращения катастрофы в России. И мы его убедили. Хотя вряд ли он понимал в полной мере, какую цену ему придется заплатить и насколько это будет тяжело ему лично. В январе 1992 г.,

после либерализации цен — крайне непопулярной меры, — он поехал по России. Приехал в Нижний Новгород, зашел в магазин поговорить с народом. Он привык, что его любят, а там сплошной ор. Президент пытается что-то объяснить — бесполезно. Потом, как рассказывал сопровождавший его Борис Немцов, вышел, сел в машину и сказал: «Господи! Что же я наделал!». Тем не менее он и тогда не отрекся от сделанного и продолжал поддерживать рыночные реформы.

— Критики гайдаровских реформ утверждают, что *катастрофичность ситуации была обусловлена либерализацией цен в условиях монополизированной до предела экономики. Мол, сначала надо было провести приватизацию и только потом либерализовать цены.*

— Очень хотелось бы узнать, как и чем они кормили бы Москву, Петербург, Нижний Новгород и другие крупные города пока проводили бы демонополизацию и приватизацию? Хотя бы до июля. И в какие сроки собирались провести приватизацию и демонополизацию — между январем и июлем? Но ведь это смешно...

Разные реформы требуют разной протяженности во времени. Либерализовать цены можно с сегодня на завтра. Чтобы провести приватизацию — даже с той энергией, с которой ее проводил Анатолий Чубайс, нужно несколько лет. А демонополизовать экономику в России толком не удалось до сих пор, хотя прошло почти два десятка лет.

Конечно, можно написать красивую программу — типа «500 дней», в которой заводы и фабрики, колхозы и совхозы, торговля и коммуналка приватизируются в срок между 1 января и 1 марта. Следующий месяц — до 1 апреля — отводится на демонополизацию... В программе-то написать можно. Сделать нельзя!

— Вашему правительству до сих пор ставят в вину и неверно проведенную приватизацию. Дескать, ее результатом стало колоссальное обогащение кучки приближенных к власти олигархов, а бывшее государственное имущество так и не получило эффективных собственников.

— Приватизацией «по-российски» я тоже недоволен. Но могло быть и хуже, если бы 100% экономики просто перешло в руки директоров. А такая опасность была реальной. Если посмотрите опросы ВЦИОМа того времени, то на вопрос: «Кто является хозяином вашего предприятия?», больше половины опрошенных отвечали:

«Директор». При этом сами директора тоже искренне считали себя хозяевами и сознательно шли к тому, чтобы стать ими легально. Возможности у них для этого были, и немалые, включая мощнейшее лобби в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов.

Мы же считали, что они будут плохими хозяевами, потому что никогда не работали в условиях рынка, далеко не все сумеют приспособиться к ним. Максимум на что они способны — финансово обескровить свои предприятия, вывести активы. И в стране вместо «общенародной», т. е. ничьей, собственности появилась бы квазичастная, непрозрачная, не торгуемая собственность, которая еще очень долго не могла бы перераспределиться в пользу наиболее эффективного собственника.

По-моему, приватизационная развилка была такая: либо мы делаем директоров хозяевами предприятий де-юре, что было проще всего, либо все-таки пытаемся ограничить их права в соответствии со здравым смыслом, представлениями о нормально работающем рынке и об элементарной справедливости.

Это была одна из труднейших развилок. Мы с Анатолием Чубайсом долго обсуждали, что делать. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» был уже принят Верховным Советом, но нам он не нравился. Мы хотели проводить приватизацию за деньги, прозрачно — тому, кто предложит наибольшую сумму. Я был противником ваучерной приватизации по ряду причин, и многие мои тогдашние опасения позже сбылись. Но сама идея оказалась популярной, и большинство населения, как показывали опросы ВЦИОМа, ее поддерживало. Еще бы: предложение разделить собственность поровну между всеми — разве может быть что-нибудь лучше в России?

Было ясно и другое: идея денежной приватизации в то время не имела шансов пройти через Верховный Совет. И если бы мы все-таки остановили ваучерную приватизацию и предложили депутатам альтернативный закон, реальным итогом дебатов стала бы приватизация «красными директорами» основной части собственности на основе действовавшего законодательства: выкуп за рубль, на себя, на жену и т. д.

После тяжелых обсуждений мы решили, что приватизация на основе хотя бы каких-то прозрачных правил будет все-таки лучше. Это было плохим решением — выбором из двух зол. И мы вы-

брали меньшее. А было оно правильным или нет — остается вопросом и ныне. Но лично я считаю его правильным.

— Давайте уточним. Перед Вами был выбор между политикой и экономикой: ваучерная приватизация давала правительству политические дивиденды — поддержку населения, без которой трудно было бы продолжать реформы. Этот вариант не требовал конфронтации с парламентом, отношения с которым у правительства оставались довольно напряженными. Но экономические результаты ожидались, мягко говоря, скромные.

При денежной приватизации все наоборот: продажа собственности за реальные деньги принесла бы экономические дивиденды, пополняя казну и обеспечивая предприятиям эффективных собственников. Но о народном одобрении пришлось бы забыть. Более того, было неизвестно, удалось ли бы вообще реализовать такой вариант приватизации. Такой была развилка?

— Да. Хотя вариантов могло быть больше. Мы теперь имеем опыт 28 постсоциалистических стран, и у каждой были свои особенности. Например, венгры реализовали денежный вариант приватизации, и ее результаты мне очень нравятся. Но если вы думаете, что это нравится венграм, — так нет! Мой хороший знакомый, который работал в венгерском правительстве, сказал: «Венгерская приватизация — это ужасно! Ничего хуже не бывает!». И я вполне понимаю причину его недовольства: в результате получилось, что венгерская промышленность ныне принадлежит не венграм.

— А почему в ходе российской приватизации не был использован шанс вернуть россиянам дореформенные сбережения, замороженные в Сбербанке? В последние годы их владельцам выдавались какие-то копейки в виде «предварительных компенсаций». Но ведь были предложения обменивать эти вклады на акции крупных приватизируемых предприятий — таких, как «Газпром».

— Для этого надо было отказаться от принципа равенства прав, который был положен в основу ваучерной приватизации как наиболее справедливый. Вместо него пришлось бы устроить «соревнование кошельков», неизвестно каким способом наполненных. Кстати, в самом начале реформирования экономики мы столкнулись с любопытным феноменом резкого притока личных денег на вклады. Отдельные приrostы были просто астрономическими по тем временам — на миллионы рублей! Потому что люди думали:

с деньгами все ясно, грохнутся, ничего от них не останется. А вклады вдруг останутся?

Теперь представьте, что в самом начале «общенародной приватизации» власть заявляет: собственность будем распределять в зависимости не от числа «едоков» в семье, а от того, сколько миллионов ты успел положить на вклады. Причем откуда эти миллионы, проверить было практически невозможно.

— У Вашего правительства был еще один бесценный опыт — рабоча с оппозиционным парламентом, который принимал «в штыки» большинство Ваших идей и предложений. И постоянно подталкивал правительство на популистские шаги, которые вели страну к катастрофе. В этой ситуации возникает вопрос: а нужен ли такой парламент стране?

— При всех моих очень непростых отношениях с Верховным Советом могу сказать, что в целом дееспособный парламент страны нужен. Да, правительству было непросто проводить через него документы. Но это значит, что мы должны были более тщательно их готовить, содержательно аргументировать. Через грамотный, взыскательный, требовательный парламент было бы просто невозможно провести, например, так называемый закон о монетизации льгот, где расходы, как потом выяснилось, оказались заниженными в разы.

— Вряд ли кто-то будет возражать против высокопрофессионального парламента. Но что делать, когда российское население, не имея механизма отбора профессионалов, сплошь голосует за популистов, за тех, кто выдвигает неосуществимые, но красивые лозунги. И мы упираемся в этот тупик непрофессионализма. Видите ли Вы пути решения этой проблемы, хотя бы в будущем, хотя бы в принципе?

— Ясно, что в стране, где долгие годы профессионального парламента не было, люди не понимают, что, если хотят жить лучше, они должны выбирать не тех, кто громче кричит, а тех, кто ответственен. Этот вопрос решается только со временем, методом проб и ошибок: выбираешь популиста — получай соответствующие результаты! Лучше всего это видно на примере отказа от выборности губернаторов. На мой взгляд, это серьезная ошибка, даже несмотря на риск того, что неопытное население может выбрать проходимца.

Но со временем, при сохранении выборности, население начинает понимать: будет в домах тепло или нет, зависит от того,

кого мы выбрали. Будет регион развиваться или стагнировать, насколько улицы городов окажутся безопасными, дороги — широкими и гладкими, тоже зависит от нашего выбора. Но это не приходит сразу, не делается ни за год, ни за два. Требуется время. Время и усилия.

— *Первый период создания реального парламентаризма в новейшей России завершился в октябре 1993 г., когда президент Ельцин своим указом распустил недееспособный и реакционный Верховный Совет, а тот объявил об отрешении президента от должности. Результатом стало вооруженное противостояние, закончившееся кровопролитием. Почему Ельцин довел ситуацию до критической точки? Ведь разыгнувшуюся на которой можно было избежать будущей кровавой конфронтации между президентом и парламентом, Россия миновала значительно раньше — после провала августовского путча и развала . Именно тогда, как утверждают многие эксперты, возникли юридические основания для распуска Съезда народных депутатов, который многие называли «второсортным». Имея в виду, что лучшие из лучших российских политиков уже вошли в состав Съезда народных депутатов, а российскому парламенту достались те, что остались. Когда рухнул СССР и союзный съезд остался не у дел, в предложениях о проведении в России новых свободных выборов не было недостатка. Однако президент оставил все, как есть. Почему?*

— Действительно, многие весьма авторитетные и уважаемые эксперты называют «ключевой ошибкой Ельцина» то, что он сразу после августовских событий не распустил Съезд народных депутатов России.

Но давайте вспомним тогдашние реалии. Съезд сам не собирался распускаться, а у Ельцина по действующей Конституции не было прав на его принудительный распуск. И не было силовых возможностей — ни одного боеспособного полка, который выполнил бы его указ. Да и граждане России, включая самых горячих сторонников Ельцина, не поняли бы и не приняли таких действий. Как же можно без конституционных оснований, да еще и насилием распускать Съезд народных депутатов и Верховный Совет, которые только что поддержали президента во время августовских событий!

Тем не менее в российском правительстве эта тема обсуждалась. Мы пришли к солидарному мнению: пока не отрегулирована про-

блема легитимности Советского Союза при фактическом его распаде, любой серьезный конфликт исполнительной власти с Верховным Советом породит такой бардак, какого Россия давно не видела в своей истории. Следовательно, вопрос о распуске съезда мы, правительство, даже не будем поднимать. Я и сегодня считаю принятые тогда решения правильным и единственным возможным.

— *Может быть, это следовало сделать в декабре 1991 г. — после официального распада, но до начала российских экономических реформ? Вы же не могли не видеть, что тот состав Верховного Совета, настроенный контрреформаторски, наверняка серьезно осложнит работу правительства. Что и произошло.*

— Это было бы не менее рискованно и политически неправильно. Первым реальным реформистским актом нашего правительства стала либерализация цен, которую большинство населения восприняло негативно, хотя она была абсолютно необходима для спасения России. Представьте, какой была бы реакция, если бы чуть раньше или чуть позже мы распустили Верховный Совет, да еще без конституционных оснований!

К сожалению, нам пришлось начать болезненные реформы в ситуации двоевластия. В стране был популярный президент, получивший на выборах 57% голосов, — и это при активнейшем противодействии партийной верхушки, которая тогда еще имела в своих руках немалый административный ресурс. И были не столь популярные, но абсолютно легитимные Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, которые не желали отвечать за принятые исполнительной властью очень непопулярное решение — отмену административного регулирования цен.

Отвечал за это президент — не только как глава верховной власти, но и как человек, намеренно возглавивший в тот момент российское правительство. Тем самым он «вызвал огонь на себя», поставил свою популярность под удар огромной разрушительной силы. Разве мог он на этом фоне, без опоры на мнение народа или хотя бы на какие-нибудь президентские силовые структуры, тогда еще даже не созданные, пойти на распуск парламента и съезда?

Не желая допустить насилиственного развития событий, Ельцин выбрал иной путь — путь компромисса с парламентским большинством. Компромисс был достигнут на апрельском 1992 г. Съезде народных депутатов, когда наша команда, составлявшая костяк пра-

вительства, предъявила, по сути, ультиматум обеим сторонам: мы уйдем, если есть такое желание у съезда и президента, и тогда сами разбирайтесь с экономикой...

Ельцину это крайне не понравилось, но он... промолчал. Взял паузу, которую умел держать, как никто другой. Большинство съезда быстро осознало, что в случае нашего ухода ответственность за дальнейшее развитие событий ляжет на них. К чему депутаты были абсолютно не готовы. Именно поэтому съезд пошел на попятную, заявив о пересмотре своих решений, о том, что в целом он поддерживает экономическую политику, проводимую правительством.

Ситуация от этого не поменялась, а «заморозилась» на короткое время. В стране оставалось двоевластие: с одной стороны, вроде есть полномочные президент и правительство, с другой — есть съезд, который может принять к своему рассмотрению любой вопрос и решить его, как депутатам заблагорассудится.

— *Парламент вмешивался в прерогативы исполнительной власти?*

— Сколько угодно — и не всегда по злой воле депутатов. Многих «правил игры» они просто не знали или их тогда вообще не существовало. Например, сегодня в России действует Бюджетный кодекс, который четко прописывает бюджетный процесс, включая прохождение закона о бюджете через парламент. Кодекс определяет, что любые решения, связанные с увеличением расходов бюджета, должны согласовываться с правительством, которое обязано назвать источники финансирования или объявить, что их нет. Это нормальная ситуация.

А в 1992 г., когда мы обсуждали на пленарном заседании Верховного Совета бюджет на текущий год (правда, обсуждение велось в июне, но это — другая тема), депутаты всего за час-полтора приняли поправки, которые увеличивали бюджетные расходы на 9% ВВП. Поправки принимались не только без согласования с правительством, но даже без какого-либо серьезного обсуждения самими депутатами, «с голоса». И как в таких условиях можно было вести разумную финансовую политику?

Не удивительно, что законодательная и исполнительная власти регулярно входили в клинч. Чем дальше, тем яснее становилось, что страна нуждается даже не в другом составе депутатского корпуса, а в других взаимоотношениях парламента и правительства,

в других законах, в другой Конституции. И это оказывало огромное влияние на весь политический процесс в России вплоть до 3–5 октября 1993 г.

— *Но ведь было соглашение, заключенное в декабре 1992 г. Почему оно не сработало?*

— Я сам вел переговоры, сам его согласовывал, подписывал и сам пытался реализовать. Расскажу историю его появления. Сначала в мой кабинет на Старой площади пришел глава Конституционного суда Валерий Зорькин и спросил, готов ли я пожертвовать креслом премьера для того, чтобы ликвидировать нынешний политический кризис. Я ответил, что за урегулирование политического кризиса готов пожертвовать не только премьерским креслом, но и гораздо большим, при условии, что это не будет капитуляцией Ельцина. По моему мнению, обеим сторонам нужен согласованный компромисс, который станет выходом из конституционного тупика. А за моей отставкой дело не станет.

Решили организовать в Кремле переговоры между исполнительной и законодательной властями под руководством Зорькина как нейтральной стороны. Переговоры провели, долго договаривались и вышли, на мой взгляд, на приемлемую формулу компромисса. На бумаге она выглядела витиеватой, а фактически сводилась к моей отставке в обмен на согласие депутатов принять новую Конституцию. Причем было предусмотрено, что, если Верховный Совет и президент придут к согласованной позиции по тексту Конституции, он выносится на всенародный референдум. Если не сумеют договориться, на референдум будут вынесены и президентский, и парламентский варианты.

Свою отставку я фактически менял на ельцинскую Конституцию. Ибо в ситуации 1992 г., когда популярность Ельцина была достаточно высокой, у меня не было сомнений, что Россия проголосует за его вариант Конституции. Кстати, тот вариант был гораздо менее пропрезидентским, более сбалансированным, с большим уважением к принципу разделения властей по сравнению с вариантом, подготовленным после октябрьских событий и принятым в декабре 1993 г.

— *Получается, что к началу 1993 г. была подготовлена новая развилка, после которой Россия могла реформироваться относительно бесконфронтационно. Что же помешало?*

— Мои переговоры с Верховным Советом, как и идея в целом, не нравились ни Ельцину, ни Хазбулатову. Ельцину — потому, что там была моя отставка, а он ее не хотел в принципе. Хазбулатов понимал, что будет покончено с двоевластием, а это ему было невыгодно. Тем не менее они подписались под этой договоренностью, после чего за нее проголосовал Съезд народных депутатов. На мой взгляд, тем самым была найден хороший выход из политического кризиса — без гражданской войны.

Но уже на следующем Съезде народных депутатов Хазбулатов заявил, что достигнутое соглашение было политической ошибкой, которую нужно исправить. К тому времени депутаты мою отставку уже получили — и соблюдать договоренность им было «ни к чему». Вместо вынесения на всенародное голосование новой Конституции, после долгих дебатов съезд предложил провести референдум о доверии. И все последующие события, включая бои в Москве 3–5 октября, стали следствием этих решений съезда.

— Но ведь и референдум мог стать развилкой для бескровного поворота к дальнейшим реформам, поскольку большинство россиян проголосовало за Ельцина.

— Для «той стороны» это было полной неожиданностью. Учтем, что сами вопросы референдума были сформулированы Верховным Советом, некоторые из них носили откровенно издевательский характер — например, «Поддерживаете ли вы экономическую политику, которая проводится в России после 2 января 1992 года?». Но к изумлению многих политиков и экспертов, включая большую группу депутатов и аппаратчиков Верховного Совета, россияне сказали: «Да».

— Почему же и после всенародного одобрения президент не распустил Съезд народных депутатов, а пошел на новые, долгие и мучительные переговоры, которые все равно ни к чему не привели?

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Мне в тот момент представлялось, что в ситуации, когда народ однозначно высказал свое мнение, надо было немедленно распустить Съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначать новые выборы.

Наверное, Борису Николаевичу тоже было ясно, что дальнее нужно назначать выборы и принимать новую Конституцию. Но как конкретно это сделать? Народ-то высказался, однако проблему это не решало, так как по действовавшей Конституции результаты референдума не являлись документом прямого действия.

По-моему, в сложившейся тогда обстановке можно и нужно было просто не пропускать депутатов в их кабинеты. К тому же за два года президентства удалось сформировать силовые структуры, готовые выполнять приказы Верховного Главнокомандующего. Однако у Ельцина было серьезное внутреннее «табу» на применение силы против своих же граждан. Ему казалось, что все можно сделать цивилизованно. Поэтому он не распустил съезд, а созвал Конституционное совещание для подготовки новой Конституции. По-моему, он был неправ. Но таким было его решение, и я понимаю мотивы.

Обратите внимание еще на одну деталь: президент не хотел насилия даже после того, как противостояние с хасбулатовским Верховным Советом достигло «точки кипения», и 21 сентября 1993 г. ему пришлось издать Указ Президента РФ № 1400 о роспуске парламента. Даже тогда он не приказал очистить здание парламента, а заявил, что парламент должен разойтись сам.

Дальше случилось то, что случилось. И это — еще один урок будущим политикам: нельзя безнаказанно проходить ключевые развилки наугад, в надежде, что рано или поздно любая из тропинок приведет к выбранной цели. Привести-то она, может быть, и приведет, но цена будет уже иной.

— Перейдем от политики к экономике. Какие другие развилки в решениях власти были значимы для нашего общества в то время?

— Одной из самых острых и болезненных проблем на протяжении многих лет оставалась финансовая стабилизация. Там было несколько судьбоносных развилок. В частности, осень 1994 г. еще раз показала риск инфляционного финансирования государственного бюджета.

— Демонстрация получилась очень убедительной: «черный вторник» октября 2004 г., когда рухнул валютный курс и сбережения россиян сократились на третью, до сих пор считается одним из наиболее памятных событий того времени. Хотелось бы услышать Ваше мнение о предыстории «черного вторника»: что, где и когда пропустили российские власти, какое неправильное решение позволило ему состояться?

— «Черный вторник» действительно был предрешен раньше — на одной из ключевых развилок конца 1993 — начала 1994 г., когда правительственный кабинет Виктора Черномырдина приостановил, а затем свернул экономические реформы. Хотя ситуация в то время была наиболее благоприятной для их форсирования.

Напомню: в декабре 1993 г. страна получила новую Конституцию, которая реально давала президенту серьезные полномочия в проведении экономической политики. В новом парламенте (Государственной думе) пропрезидентская партия «Выбор России» имела крупнейшую фракцию и при желании могла образовать коалицию в поддержку реформ.

Одновременно в высшем руководстве страны шла острая дискуссия по этому вопросу. Те, кто разделял мою позицию, считали: нам сейчас тяжело, но из кризиса двоевластия выбрались. У президента появились широкие конституционные полномочия. Значит именно сейчас можно и нужно проводить те реформы, о которых ранее не могли даже мечтать: останавливать инфляцию, формировать новую налоговую систему, легализовать частный земельный оборот, реформировать и сделать более прозрачной систему финансового федерализма.

А наши оппоненты, которых тоже было немало в окружении президента, убеждали его в том, что народ устал, надо дать ему передышку. Не следует сейчас делать решительных шагов, ведь как-то живем — можем, и слава Богу!

Вот такие линии были предложены президенту двумя группами. Лидером первой был ваш покорный слуга, а второй — Виктор Степанович Черномырдин. Увы, мы тогда проиграли: не сумели убедить руководство в нашей правоте, целесообразности линии на решительное продолжение реформ. После чего в январе 1994 г. я ушел в отставку с поста первого вице-премьера и министра экономики.

Дальше за выбор «другой линии» пришлось заплатить, в том числе «черным вторником». Иного не могло быть: если ты накачиваешь экономику деньгами, не вполне понимая, как при этом будет обеспечена финансовая стабильность, рано или поздно жди, что все это взорвется. Что и произошло осенью 1994 г.

— Тем не менее «черный вторник» форсировал поворот к финансовой стабилизации.

— Действительно, эта проблема вышла на первый план. В политических и правительенных кругах, в беседах с руководством МВФ мы активно обсуждали, имеет ли смысл в сложившейся ситуации предпринять попытку радикальной финансовой, денежной стабилизации. То есть не затормозить, а остановить рост инфляции. Но было понятно, что останавливать инфляцию, не имея надежно-

го контроля за бюджетным дефицитом, рискованно. Тем не менее, договорились, что мы хотим, во-первых, остановить инфляцию, во-вторых, кардинально сократить бюджетный дефицит — правда, не до нуля.

Ситуация была предельно сложной, потому что в качестве «якоря» мы использовали номинальный курс рубля по отношению к доллару. То есть мы перестали опускать рублевый курс. Но мешала инфляционная инерция и сильные инфляционные ожидания. Когда я говорил, что курс рубля по отношению к доллару может начать укрепляться уже в начале 1995 г., мало кто в это верил.

А золотовалютные резервы быстро сокращались. Правда, к январю 1995 г. они были несопоставимы с тем объемом, который нам достался в конце 1991 г. от советского правительства. Но уже снизились примерно до 2 млрд долл., что было близко к критическому порогу. Это был серьезный стимул к тому, чтобы сдаться, отпустить или, как минимум, резко снизить валютный курс — и тем самым поставить крест на предпринятой попытке переломить ситуацию.

Ключевое решение в тот момент принял Анатолий Чубайс. Мы думали, что можем не удержать ситуацию без радикального снижения курса. Он сказал: «Давай попробуем продержаться еще 24 часа». Ему так показалось: если 24 часа продержимся, то и дальше все будет нормально. И мы продержались, чем, как оказалось, переломили ситуацию. Ибо на следующие сутки был отмечен рост резервов. И затем началось укрепление реального курса рубля.

Позже нам пришлось вводить валютный коридор, хотя в программе, принятой нами и Международным валютным фондом, который нас поддерживал финансово, коридор не предусматривался — там речь шла о поддержке плавающего курса рубля. Но после выхода из кризиса начала 1995 г. динамика курса переломилась, началось быстрое укрепление номинального курса рубля — что ваш покорный слуга и предсказывал, причем публично.

Это укрепление стало меня беспокоить, оно становилось избыточным и могло спровоцировать спекуляцию на переоцененном рубле. Спекулянты могли решить, что рубль укрепился избыточно и пора играть на его понижение. В результате вместо того, чтобы получить финансовую, денежную стабильность, мы оказались бы в ситуации непредсказуемых колебаний курса национальной валюты, что вредно для реального сектора экономики.

Выход был найден: мы провели переговоры с МВФ и ввели валютный коридор — уже не для того, чтобы избежать обесценения рубля, а с целью не допустить его избыточного укрепления.

— Российской экономике пришлось пережить еще одно колоссальное потрясение в августе 1998 г., когда рухнула выстроенная государством пирамида МММ. Кстати, возводиться она начала в 1995 г., после решения правительства прекратить финансировать бюджетный дефицит за счет кредитов Центрального банка и с той же целью перейти на заимствования средств у коммерческих банков, фирм и корпораций и даже населения в виде государственных кредитных обязательств. Известная и вполне рыночная практика. Вопрос: в мере, которую должна была знать или хотя бы чувствовать власть. Где, по Вашему мнению, тот предел, переходить который правительство было не вправе?

— Точный ответ на этот вопрос дать невозможно. Мы анализировали развитие событий в российской экономике 1996–1998 гг. Но даже серьезные исследования специалистов нашего Института экономики переходного периода не позволяют однозначно ответить на вопрос, когда нормальная система заимствования средств на внутреннем рынке для финансирования бюджета стала тем, что в экономической теории называется схемой Понзи¹. То есть чем-то подобным действиям Мавроди.

Общеэкономические показатели свидетельствуют: что по крайней мере до ноября 1997 г. это еще не была схема Понзи, ибо процентные ставки по ГКО быстро падали, а соотношение внутреннего долга и ВВП не было необычным для стран нашего уровня развития. Фактором риска представлялась короткая дюрация — увеличенная доля короткого долга. Но и она не была аномально высокой.

— Не кажется ли Вам, что само создание рынка перекосило экономику, привело к ненормальной ситуации на финансовом рынке?

— Рассмотрим ситуацию подробнее. Сначала правительство, у которого появилась возможность покрывать бюджетный дефицит внутренними заимствованиями посредством выпуска ГКО,

перешло к проведению довольно мягкой бюджетной политики. Это усугубилось лоббизмом прокоммунистического большинства в парламенте, принятием Думой безответственных решений по увеличению государственных расходов — в те годы Бюджетный кодекс не был столь строгим, как теперь. Естественно, денег постоянно не хватало, и правительство расширяло рынок ГКО. Причем проценты по кредитным обязательствам государства устанавливались настолько высокими, что с ними не могли конкурировать по прибыльности кредиты, выдаваемые предприятиям.

Банки быстро поняли, где хлеб гуще намазан маслом, и перестали выдавать кредиты реальному сектору — в пользу гораздо более высокодоходных игр на рынке ГКО. Предприятия оказались на голодном кредитном пайке — со всеми вытекающими последствиями.

— Следует ли из всего этого, что решение о создании рынка изначально было порочным?

— Это была очень рискованная политика. Более ответственной была бы политика сокращения и бюджетных расходов, и заимствований на внутреннем рынке. Но по политическим причинам тогда она была невозможна. К тому же вспомним, что именно в 1997 г. в России начался экономический рост, рост промышленного производства. Мировое сообщество признало успехи России в выходе из кризиса, а Анатолия Чубайса назвали лучшим министром финансов в развивающихся странах.

Правда, как вскоре выяснилось, это же сообщество не сумело предвидеть, что в Юго-Восточной Азии вот-вот разразится мощнейший экономический кризис, и не предугадало тяжесть его последствий — в том числе степень влияния на другие экономики.

Думаю, что без азиатского кризиса мы бы не получили дефолт в 1998 г., поскольку внутри России не было серьезных предпосылок к негативному развитию событий. Скорее наоборот: в 1997 г. у нас началось резкое снижение ставок по ГКО, а валютный курс рубля стабилизировался. Были основания надеяться, что линия, выработанная в 1995 г., сработала в «плюс». Статистика 1997 г., обнародованная позже крупнейшими инвестиционными банками, работавшими тогда в России, была позитивной.

Но был и такой фактор, как динамичная ситуация на мировых финансовых рынках, в которые мы уже были тесно интегрированы.

¹ Схема Понзи (иногда — Понци), одна из первых в истории финансовых пирамид, учрежденная американцем итальянского происхождения Чарльзом Понзи. Выражение стало нарицательным: во многих странах называть ту или иную финансовую операцию «схемой Понзи» означает оскорбление, обвинение в мошенничестве. — Прим. ред.

ны. Любые неприятности, даже происходившие на другой половине земного шара, могли сразу же отразиться на экономике России.

— Экономический кризис в Юго-Восточной Азии, «зацепивший» Россию примерно в октябре — ноябре 1997 г., наша страна встретила в приличном состоянии — похожем на то, в котором тогда находилась Бразилия. Но почему Бразилия вышла из кризиса без дефолта, а мы — с дефолтом?

— Не менее любопытный вопрос: в такой ситуации для страны лучше выйти из кризиса с дефолтом или без него? Ведь Россия, пройдя через дефолт, затем вошла в период гораздо более динамичного экономического роста, чем Бразилия, которая вышла из кризиса с «гордо поднятой головой», но с большими долгами и серьезными расходами на их обслуживание.

Но в историческом плане ключевым для нас остается вопрос: почему бразильцам удалось обойтись без дефолта, а нам нет? Тем более что дефолт — это травма не только для экономики, но и для населения. За ним стоят утраченные сбережения значительной части населения.

Этот вопрос можно обсуждать с технической точки зрения: когда, какие решения были приняты или не приняты, кто допустил ошибки. На мой взгляд, бразильские финансовые власти более адекватно реагировали на кризис. Конечно, они имели больший опыт работы в условиях рыночной экономики и лучше понимали, как она устроена, за считанные часы принимали решения, на которые у российских властей уходили недели.

Но главной российской бедой в этой ситуации оказалось отсутствие в нашем обществе консенсуса по ключевым вопросам. У нас было правительство, которое при Черномырдине, а потом при Кириненко, хотело и пыталось справиться с кризисом, не всегда понимая, что для этого надо делать, допуская ошибки. А в Госдуме царили иные настроения. Парламентское большинство было коммунистическим. С небольшим перевесом, но все же... Коммунистический избирательный блок — это в первую очередь малообеспеченные люди. Чем их больше в стране, тем больше голосов на выборах получают коммунисты. Они были заинтересованы в том, чтобы в стране все было плохо: чем хуже населению — тем больше избирателей голосуют за КПРФ.

Помню, в июле 1998 г. Стэнли Фишер (тогда первый заместитель руководителя МВФ), с которым у меня дружеские отношения, говорил мне, что обычно в стране, которую накрывает кризис, происходит политическая консолидация вокруг антикризисной программы. Даже самые ярые политические противники гораздо легче идут на контакты и компромиссы, заключают «водяное перемирие», соглашения о согласованных антикризисных действиях. Идейные разногласия и споры переносятся на «потом» — мол, когда страна выйдет из кризиса, начнем снова заниматься своими политическими проблемами. «А почему у вас-то не так?», — спрашивал меня Стэнли.

Речь шла о конкретном примере. Тогда Анатолий Чубайс при моем участии договорился с МВФ о выделении России крупного стабилизационного кредита. Его получение давало нам надежду на то, что страна выйдет из кризисной ситуации более или менее благополучно — во всяком случае, без дефолта. Но такой кредит включает требования к стране-получателю принять организационные, а иногда и политические меры, которые дают кредитору уверенность в том, что деньги будут возвращены.

Так было и на этот раз. Правительство пошло с перечнем этих мер в Думу, но коммунистическое большинство заявило, что «этот капиталистический ультиматум» принимать не будет. Правительство резонно возразило, что тогда у нас случится экономическая катастрофа! И получило в ответ: «Это ваши проблемы».

Стэнли удивлялся, так как в других странах со схожей ситуацией всегда удавалось провести подобный пакет через парламент. Пришлось сказать ему правду: «Наши парламентарии хотят, чтобы было хуже. У них имеются прагматические и политические интересы в дальнейшем ухудшении ситуации в стране. Надеяться на то, что они примут что-нибудь из пакета, нацеленного на ее улучшение, — иллюзия. Поэтому давай смотреть, что можно сделать без принятия законов, в рамках указов президента и решений правительства. Это мы сможем обеспечить».

— МВФ этот уровень показался недостаточно высоким? Ведь полноценного кредитования Россия так и не получила, в результате чего угодила в дефолт.

— Все было проще и смешнее: в самый ответственный момент Россия попала в нелепую ситуацию, которая классически харак-

теризует «роль личности в истории», в данном случае — в истории нашего дефолта.

После того как мы практически договорились с МВФ о кредитах на основе президентских и правительственные гарантий, Сергей Кириенко (очень компетентный, на мой взгляд, премьер, но не имевший на тот момент большого опыта работы в сфере государственных и международных финансов) сделал правильную вещь: пригласил к себе 12 влиятельных и важнейших для российского рынка инвесторов, чтобы объяснить им, как мы — с помощью кредитов МВФ — собираемся справиться с кризисом.

Один из его коллег (не буду называть имен) подготовил материалы для предварительной раздачи инвесторам и накануне встречи повез их согласовывать в московский офис МВФ. А там кураторы — обычные чиновники среднего звена — говорят: «Материалы нас не устраивают, потому что здесь то-то и то-то, на наш взгляд, неправильно». Коллега Кириенко тут же внес эти поправки вместо того, чтобы связаться со мной. Я бы позвонил руководству МВФ и объяснил, почему предлагаемые их чиновниками корректировки будут катастрофическими.

Инвесторы получили бумагу, которая «не билась» по цифрам, более того — был виден финансовый разрыв, который ничем не покрывался. Естественно, на встречу с премьером они пришли с большими подозрениями, а после встречи стали дружно закрывать российские активы и выводить деньги с рынка. На рынке тут же поднялась паника, которая и привела к неминуемому дефолту.

Казус произошел всего-навсего из-за того, что один человек не позвонил другому. Мы наверняка урегулировали бы проблему: просто требовалось объяснить руководству МВФ, что значит для инвесторов та самая бумага, получив которую, они дальше должны были нести юридическую ответственность за то, что не утратят деньги кредиторов и акционеров.

Такой вопрос не могли решить чиновники среднего уровня, его следовало перевести на уровень высшей бюрократии, вплоть до президентов. Убежден, что я урегулировал бы его в течение нескольких минут.

— В 1992 г. Вы занимались созданием принципиально новой для нашей страны системы налогообложения, приспособленной к реалиям

рыночной экономики, причем при высокой инфляции. Спустя несколько лет, уже как депутат Госдумы Вы принимали участие в разработке Налогового кодекса. Какие здесь встретились развилики?

— Первая была связана с выбором: вводить или нет налог на добавленную стоимость одновременно с либерализацией цен? По этому поводу у нас развернулась дискуссия с коллегами из МВФ, которые были скорее против. Я провел несколько совещаний в правительстве и принял решение, что надо вводить НДС. К тому времени оборотные налоги на фоне высокой инфляции практически вышли из-под контроля государства. Нам нужен был крупный общегосударственный источник доходов в федеральную казну. Таким источником мог стать только НДС.

Приводились контраргументы: мы административно не готовы, законодательство по НДС абстрактно и размыто. Высоки риски, что НДС мы введем, но получим минимальные доходы. К тому же мы предлагали по нему высокую ставку (28%) просто потому, что в стране бушевал финансовый кризис, и казне требовались финансовые поступления.

Тем не менее мы ввели именно 28%-ный НДС. И тем самым, я думаю, предотвратили в 1992 г. паралич денежного обращения в стране. А это и было нашей главной задачей. Ставку мы потом снизили.

Но введение НДС было лишь частью общей задачи — определения стратегии реформы налоговой системы. Когда берешься за это в стране, где на протяжении многих десятилетий не было рыночной налоговой системы, придумывание ее из головы — задача, не имеющая решения. Неизбежно приходится брать налоговые системы рыночных экономик и адаптировать их к условиям своей страны. Так была сформирована и налоговая система, которую мы ввели в России в 1992 г. Хуже или лучше, но она работала.

По мере накопления опыта становилось ясно, что система функционирует отвратительно. Причина простая: мы ее позаимствовали у стран, которые были «демократиями налогоплательщиков», где налоговая система формировалась не теми, кто собирает налоги, а теми, кто их платит. Именно налогоплательщики, исходя из своих интересов, а только потом — из интересов общества и государства, решали, как лучше устроить систему сбора налогов. Они могли позволить себе создание сложных, запутанных налоговых

систем, где высокие налоговые ставки сочетаются с массой льгот по уплате налогов.

Известно, что за каждой льготой стоят чьи-то интересы. Но если вы с самого начала без принуждения договорились, что уплата налогов — не вынужденное зло, а общественная необходимость, что налоги требуются для финансирования общегосударственных нужд, то можете иметь сложную и запутанную систему. Ибо она создавалась не в качестве «капкана» для уклоняющихся, а в интересах налогоплательщиков.

В России же налоговая система традиционно основана на ином принципе. Она импортирована к нам татаро-монголами.

— *Налоги — дань, а не складчина?*

— Именно так. Монголы заимствовали эту модель в Китае, а потом распространяли по всем покоренным землям и народам. Мы попытались поломать эту не лучшую традицию и начали внедрение, условно говоря, европейско-американской модели — с предельно высокими ставками и массой возможностей их снизить, а то и вообще с уходом от налогов. В результате создалась парадоксальная ситуация, при которой предприятия, легально и добросовестно уплачивавшие все налоги, стали неконкурентными в сравнении с теми, кто уходил от налогов с помощью различных хитростей и лазеек.

Мы решили пойти другим путем: в отличие от европейцев и американцев радикально снизить верхние планки налоговых ставок и столь же радикально сократить число налоговых льгот и исключений.

Я позвонил Анатолию Чубайсу, который тогда был руководителем администрации президента, и сказал, что реформу надо подготовить ко второму сроку президентства Ельцина. Попросил назначить руководителем группы реформаторов Сергея Игнатьева — в то время помощника президента по экономике. После чего работа началась, и к концу января 1997 г. основные концептуальные положения были сформулированы. Весной Ельцин упомянул о них в президентском послании, затем от имени президента они были внесены на рассмотрение в Госдуму. Но не прошли из-за отсутствия парламентского большинства, готового поддержать правительство.

Тогда было решено переработать их в более последовательные и радикальные предложения, не рассчитывая на их реализацию в обозримой перспективе. Это были времена правительства Евгения Примакова. Мы не сомневались, что его кабинету наши предложения — с плоской шкалой подоходного налога, резким снижением налога на прибыль и ликвидацией льгот по нему, радикальной реформой системы обложения природных ресурсов — ни к чему.

Однако в реальной жизни никогда не знаешь, как могут повернуться события. В 1999–2000 гг. сначала премьером, а потом президентом стал Владимир Путин. Ему была нужна экономическая программа. Наша программа налоговых реформ оказалась единственной проработанной — с подготовленными законопроектами и проектными расчетами. Так она оказалась востребованной и была воплощена в 2000–2002 гг.

— *Почему, разрабатывая Налоговый кодекс, Вы остались приверженцем НДС, а не взяли за основу налог с продаж, как у американцев?*

— Потому что я прекрасно знаю американских специалистов по налогообложению, причем лучших. Они стонут от своего налога с продаж. США не переходят к НДС потому, что это конституционно невозможно: нужно вносить поправки в Конституцию, ведь косвенные налоги — прерогатива штатов.

— *Вы внесли в Налоговый кодекс презумпцию невиновности налогоплательщиков, хотя она присутствует в налоговых законодательствах немногих государств. Но российская административная и судебная практика оставляют от этой нормы крайне мало. Как презумпцию невиновности превратить из декларации в реальность?*

— Я колебался при обсуждении вопроса: включать ли презумпцию невиновности в Налоговый кодекс? Действительно, это необычная практика. Многие высококвалифицированные специалисты говорили, что такую норму вряд ли стоит вносить из гражданского права в Налоговый кодекс. Налоги не собираются на основе гражданского права.

Принимая решение, я исходил из того, что если мы включим такую норму в кодекс, никакой нормальный налогоплательщик без серьезного повода не станет судиться с налоговыми органами. Но для налогоплательщика она будет дополнительным аргументом

том, если налоговые органы начнут злоупотреблять своими полномочиями.

Эта норма, внесенная в Налоговый кодекс, чуть-чуть изменила баланс прав и обязанностей в пользу налогоплательщика. Но далее, как это часто бывает в России, вопрос начал упираться в качественный состав налоговой службы, в реальную практику налогового администрирования, в «управляемость» судебной системы. Не вижу, что еще требуется дополнительно прописать в законе, чтобы сделать ситуацию более сбалансированной. Это вопрос административной практики и общей политической культуры представителей власти и самих граждан.

Режим может рухнуть неожиданно, за два дня

Слово «стабильность» стараниями правительственного агитпропа получило у нас уже едва ли не ругательный оттенок. Между тем мы хорошо помним, что такая нестабильность, вызванная крушением государственных институтов. Возможно ли повторение подобного сценария в нашей, ставшей чересчур стабильной стране?

Об этом мы побеседовали с Егором Гайдаром, директором Института экономики переходного периода, автором книги «Смуты и институты», посвященной как раз истории русских — и не только — революций.

— Егор Тимурович, что было исходной мотивацией для подготовки работы «Смуты и институты»: чисто академический интерес или современные политические и экономические процессы?

— Сочетание того и другого. Мы переживаем тяжелый глобальный кризис, который создает риски, в том числе риски стабильности политических институтов. Когда общество переходит из режима, при котором реальная зарплата на протяжении десяти лет растет по 10% в год, к режиму, когда она начинает сокращаться, ВВП после длительного периода стабильного роста снижается, профицитный бюджет сменяется дефицитным, это имеет политические последствия.

В такой ситуации возникает развилка. Власть, которой раньше даже не требовалось масштабных манипуляций, чтобы регулярно побеждать на выборах, может пойти двумя путями. Первый — ужесточение режима, второй — постепенная либерализация. Моя работа с политической точки зрения во многом посвящена тому, какие риски создает выбор первого пути.

Интервью брал Алексей ПОЛУХИН.
Опубликовано в: Новая газета. 2009. 19 ноября.

Мне пришлось руководить российским правительством в условиях смуты, краха предшествовавшего режима. Хотел на историческом материале, который включает в себя опыт как русских революций, так и других подобных событий, показать, что режим может неожиданно рухнуть в течение двух дней. Например, 26 февраля 1917 г. никто не ожидал крушения царского режима. К вечеру 28 февраля оно стало очевидной реальностью. То же произошло в Советском Союзе 21 августа 1991 г. Те, кто не имеет подобного опыта, не представляют, как в такие времена устроена жизнь. Это было хорошо понятно на примере действий американцев в Ираке. Я был там, знаю ситуацию, историю принятия решений. Те, кто принимал решения о начале военных действий, не понимали, что крушение даже отвратительного режима — это и крушение всего установившегося порядка: исчезновение полиции с улицы, несуществующая армия, таможенная служба, отсутствие контроля границ, хаос в экономике, высокая инфляция.

Моя книга в первую очередь — предостережение. России, которая пережила две катастрофы, не нужна третья. Хочу, чтобы это понимала и руководящая страной элита, и те, кто с ней не согласен.

— А был ли определенный алгоритм действий, который позволил бы власти избежать катастрофы, если бы она, конечно, предчувствовала ее возможность?

— Думаю, нет. Как раз потому, что такого предчувствия, повторюсь, не бывает ни у кого. Депутаты, собравшиеся в Париже в 1789 г., ни в коем случае не хотели краха монархии. Они хотели реформ, ликвидации налоговых привилегий аристократии, но ничего подобного тому, что произошло во Франции после взятия Бастилии, они себе не могли представить, у них это не укладывалось в головах.

— И в итоге остались без голов.

— Да. И в России в 1917 г. никто не предвидел революции. К примеру, Ленин буквально за три недели до Февральской революции выступал в Швейцарии, сказал буквально: мы, старики, конечно, не доживем до революции, но вы, молодые, обязательно. Можно сделать скидку на то, что Ленин долгое время был в эмиграции, но если проанализировать все, что говорили и писали в Петрограде в начале февраля, станет очевидно: революции никто не ждал и в России.

Так же, кстати, мало кто ждал краха ГКЧП. Это никак не вытекало из логики российской истории. За два года до августовских событий произошли известные события в Китае. Там протестующих подавили танками. И почему в России все должно произойти иначе, лично мне утром 19 августа 1991 г. было непонятно.

— Можно ли сделать вывод, что любые попытки режима по усилению охранительных структур, как идеологических, так и силовых, бесполезны?

— Они могут дать краткосрочные результаты. Но стратегически создают риски для самого правящего режима. Раньше или позже выясняется, что у него нет ни одного надежного полка. В 1917 г., когда развивались ключевые события, связанные сначала с борьбой за власть, а затем с борьбой за власть между большевиками и Временным правительством, ни одна из сторон не могла выставить хотя бы надежную бригаду. Кутепов, преданный царю офицер, безусловно, готовый стрелять по толпе из пулеметов, получил приказ прекратить беспорядки. Он просил бригаду. Бригады не нашлось, дали сводный отряд. Тут же выяснилось, что в сводном отряде пулеметы без глицирина, стрелять из них нельзя. Такие вещи и происходят в условиях краха режима.

— Скажите, в чем первопричина таких конфликтов? Они изначально развиваются внутри элит, между группами, обладающими властью и собственностью и стремящимися к их дальнейшему перераспределению?

— Это всегда специальный вопрос. Это может быть окончание династического цикла, как в Китае, неурожай, как в России при Борисе Годунове, трудности снабжения продовольствием столицы и армии, как в предреволюционном Петрограде или в позднем Советском Союзе, где многие города снабжались по нормам блокадного Ленинграда.

Это не значит, конечно, что экономические трудности — непременная предпосылка смуты. Многие режимы при прочих равных их переживали. В первую очередь режимы с развитыми демократическими институтами. Например, в Англии в Первую мировую войну тоже было плохо с продовольствием, но там недовольные люди знали, что у них есть инструмент смены власти — выборы. Ни в России, ни в Германии, ни в Австро-Венгрии подобных инструментов не было. Эти режимы рухнули.

— В работе «Государство и эволюция» Вы разобрали марксистские догмы в их империалистической сущности. А как бы Вы могли определить современный российский капитализм?

— Он, к сожалению, не решил одну из важнейших проблем, которая стояла перед страной после краха Советского Союза, — разделение власти и собственности. Именно этот принцип послужил основой беспрецедентного в мировой истории ускорения экономического развития, которое произошло на рубеже XVIII–XIX вв. и во многом сформировало современный мир со всеми его основными характеристиками: доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг, уровень урбанизации, показатели образования, детской смертности, продолжительности жизни.

Предприниматели, как им и положено, обеспечивали экономический рост, а власть — правопорядок, обороноспособность страны, социальную поддержку населения.

В России проблему разделения власти и собственности не удалось решить ни в девяностых годах, ни в двухтысячных. Сначала мы имели избыточное влияние крупных собственников, олигархии, затем власть начала избыточно влиять на экономику, причем не с точки зрения ее регулирования, а с точки зрения прямого вмешательства. И та, и другая система внутренне неустойчивы и не способствуют долгосрочным позитивным перспективам развития страны. Я пытался объяснить это в книге, написанной в 1994 г.

— Нынешний правящий класс, прошедший через процесс бюрократический приватизации, заинтересован в легитимации собственности?

— Да, и в этом есть база для оптимизма. Если не заинтересован, то элита думает только о том, как хорошо будет жить на Карибских островах. Но гарантий того, что в случае краха режима тебя не выдадут новой власти с тех же островов, не существует. Отсюда и стремление к легитимации, которая не может быть быстрой, требует серьезных последовательных усилий.

— Каковы отношения между теми, кто пережил период равнодушия олигархов, и новыми крупными собственниками? Объединяет ли их цель сохранить завоеванное?

— Отношения могут быть разными. В 1991–1993 гг. главным достижением было то, что нам удалось избежать гражданской вой-

ны. Сегодня мы как общество по-прежнему заинтересованы, чтобы между элитами не было конфликта, чтобы они поняли: постепенное разделение собственности и власти и либерализация режима нужны им самим.

— Вопрос времени действительно ключевой. Но осталось ли у нас это время?

— У нас был шанс, и он в какой-то степени был реализован. Россия — это не Советский Союз, режим мягче, свобод у граждан больше и, главное, экономика — при всех «но» — все-таки рыночная. Да, важная проблема раздела власти и собственности не решена, но это не повод опускать руки.

— А кризис может как-то повлиять на ход этого болезненного процесса?

— Конечно. Ведь нынешняя власть пришла, когда начался период долгого устойчивого роста, связанный, кстати, не столько с ценами на нефть, сколько с выходом из постсоциалистической рецессии, созданием новых экономических институтов. В этой ситуации естественным было приписать все достижения себе. Показательно, что в 2002–2004 гг. роль нефтяного фактора была минимальна, а с 2005 г. она резко пошла вверх, в то время как структурный рост, напротив, замедлился. Это очевидное следствие перелома в отношениях власти и собственности. Теперь нефтяных сверхдоходов стало меньше, и общество и власть будут вынуждены приспособливаться к изменившейся ситуации. Вопрос в том, как быстро власть это осознает.

«На волшебную палочку надеяться не стоит»

Экономические прогнозы на 2010 год от Егора Гайдара

«НЕ НАДО МЕШАТЬ СЛАБЫМ БАНКРОТИТЬСЯ»

Директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар был гостем «The New Times» в минувшем марте (подробнее см. № 11 от 23 марта¹), разговор, естественно, шел о кризисе. О том, какие из тех прогнозов сбылись, а какие нет и что ожидает экономику в 2010 г., Егор Гайдар рассказывает «The New Times» в декабре. (За несколько дней до кончины.— Прим. ред.)

— Егор Тимурович, и в Послании президента, и в ходе «прямой линии» премьера из уст первых лиц страны звучал тезис о том, что пик кризиса остался позади. Согласны ли Вы с такой оценкой?

— Пройден ли пик кризиса — пока не ясно. В экономических кругах ведется активная дискуссия о том, будет ли быстрое восстановление экономики или вторая волна кризиса, или последует длинная пауза в мировом экономическом росте. Каждую из этих гипотез отстаивают вполне квалифицированные и информированные специалисты, из чего следует только один вывод: никто точно не знает, что будет. Поэтому я бы был предельно осторожен в оценках.

Самый жесткий

— Преподнес ли Вам какие-то сюрпризы сам ход кризиса в этом году?

Интервью брал Дмитрий ДОКУЧАЕВ.

Опубликовано в: The New Times (Россия). 2009. № 46–47. 21 декабря, а также в Интернете <http://newtimes.ru/articles/detail/13331/>

¹ См.: Гайдар Е. Мир выйдет из кризиса более жестким // The New Times (Россия). 2009. № 11. 23 марта, а также с. 473 этого тома. — Прим. ред.

— Он оказался существенно жестче, чем я ожидал. Очевидно, что мы переживаем самый тяжелый кризис в мировой истории со времен Великой депрессии.

— Жестче по каким параметрам?

— По динамике снижения валового внутреннего продукта в России и мире; по темпам роста безработицы в США и России, по динамике падения цен на недвижимость в США и Европе, по влиянию на банковскую систему в мире.

— Как, на Ваш взгляд, пережила кризисный год российская экономика?

— В целом экономическая политика властей была достаточно разумной. Другое дело, что их реакция на кризис запоздала примерно на 6–9 месяцев. Многие меры, которые они начали принимать осенью 2008 г., например повышение базовой процентной ставки, ослабление курса рубля по отношению к корзине валют, надо было начинать еще той весной.

— В своем мартовском интервью «The New Times» Вы прогнозировали, что по итогам года в России спад будет 3%, а промышленного производства — до 10%. На самом деле падение оказалось более сильным — около 9 и 12% соответственно¹. Почему промышленный спад в России оказался более глубоким, чем в других странах «большой двадцатки»?

— По двум основным причинам. Первая — это зависимость нашей экономики от сырьевых рынков. Они очень сильно реагируют — по спросу, по ценам, по производству — на конъюнктуру глобального экономического роста. Международный валютный фонд снизил свой прогноз динамики ВВП за последние 14 месяцев на 5%. Это огромная цифра. Соответственно кардинально поменялась конъюнктура всех сырьевых рынков — от нефти до металлов. Это очень существенно повлияло на платежный баланс нашей страны, доходы которого в большой мере зависят от экспорта сырья.

Вторая причина — изменение направления потоков капитала. Инвесторы, которые в эпоху высоких цен на углеводороды активно вкладывают деньги в страны, зависящие от сырьевых товаров, в условиях кризиса начинают не менее активно их выводить. Имен-

¹ Это не совсем точно. По данным Росстата, в 2009 г. соответствующие цифры составили 7,8 и 9,3%. — Прим. ред.

но поэтому мы имели в докризисном 2007 г. приток 82 млрд долл., а в 2008 г. отток превысил 130 млрд долл.

ГРУЗОВИК С КАРТОШКОЙ

— *Перед какими рисками российская экономика стоит сейчас, на рубеже 2010 г.?*

— Главная проблема сейчас не в достижении тех или иных макроэкономических показателей, а в микроэкономической адаптации предприятий. Отечественные компании должны быть готовы к гораздо более жесткой международной конкуренции. Ведь кризис переживают только те компании, которые сумеют снизить расходы, повысить качество и конкурентоспособность своей продукции, сконцентрируют производство на наиболее эффективных видах деятельности. Если наши предприятия не сделают того же самого, им будет очень трудно конкурировать в этом изменившемся мире.

— *Что-то непохоже, чтобы у нас банкротились даже откровенно слабые предприятия или банки. Наоборот, правительство их всех пытается поддержать на плаву — даже идущий ко дну «Авто». Вы такую политику правительства тоже считаете разумной?*

— Нет. Я говорил о том, что у нас проводится разумная политика в области макроэкономики — в том, что касается бюджета, валютного курса, процентной ставки. Но я ничего не говорил о разумности политики в микроэкономике.

— *Какой же она должна быть?*

— Не надо мешать слабым предприятиям и банкам банкротиться. Не надо мешать предприятиям, если они хотят сконцентрировать производство на наиболее эффективных элементах своего бизнеса за счет неэффективных. Не надо ждать, пока губернатор разрешит закрыть убыточное производство — он никогда этого не сделает, потому что боится социальных проблем. Но при этом надо думать о том, как приспособливать социальную политику, политику помощи занятости и создания новых рабочих мест, микрокредитования к условиям, когда будет высвобождено значительное количество занятых.

— *Как Вы оцениваете ситуацию с безработицей в России?*

— Достаточно тревожно. Я верю в показатели официально зарегистрированной безработицы, потому что полагаю, что если у чело-

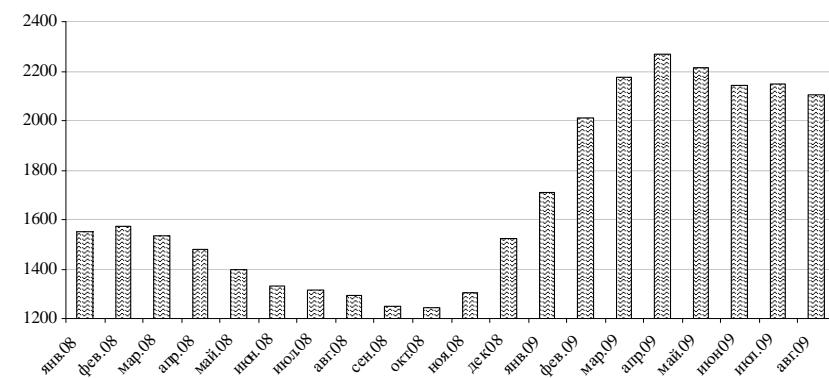

Рисунок. Численность официально зарегистрированных безработных в государственных учреждениях службы занятости населения, январь 2008 — август 2009 г. (на конец месяца, тыс. человек)

Источники: 1. Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_02/Main.htm).

2. Минздравсоцразвития России (www.minsdravsoc.ru).

века не остается источников дохода, то он обращается за пособием на биржу труда. А если не обращается, значит, он где-то занят — в «серой» экономике или в домашнем хозяйстве — и не собирается искать рабочее место. Так вот показатели официально зарегистрированной безработицы в этом году начали расти крайне высокими темпами (см. рисунок, лежавший на столе Егора Тимуровича — *«The New Times»*), и я думаю, что этот рост продолжится и в 2010 г.

— *И ведь по мановению волшебной палочки рядом с обанкротившимся заводом эффективный не создашь. Есть ли какие-то рецепты, чем занять в таком случае потерявших работу людей?*

— Конечно, на волшебную палочку надеяться не стоит. Никаких чудес: надо предпринимать очень серьезные усилия по развитию микрокредитования малого бизнеса. Именно малый бизнес должен в таких ситуациях создавать рабочие места. Этим уже занимаются некоторые банки, в том числе такие крупные, как ВТБ. Создана структура кредитных кооперативов. Так что не надо ничего изобретать. Но сейчас объемы этого микрокредитования должны быть увеличены по меньшей мере в несколько раз, что непросто, ведь это специфический тип кредитования, когда нет веществен-

ногого залога. Ваш залог — это Ваша репутация в местном бизнес-сообществе: Вас должны знать как человека, который отдает долги. И тогда пожалуйста, инвестируйте Ваши деньги хоть в инновационную деятельность, хоть в грузовик, на котором Вы будете возить картошку из деревни в соседний город.

Риски сбывающиеся и несбывающиеся

— Осенью многие ждали второй волны кризиса. Говорили о том, что банки, отягощенные плохими долгами, — слабое звено экономики. Но пока с банками ничего страшного не случилось. Случится ли в 2010 г.?

— В целом пока обошлось. Наши денежные власти поступили разумно, сделав устойчивость банковской системы и предотвращение паники вкладчиков важнейшим приоритетом своей работы, и в общем добились результата: у нас не было банковской паники в нынешнем году — это факт. Думаю, что эта финансовая политика будет продолжаться и дальше, потому что нам на фоне кризиса только банковской паники не хватало.

— Но ведь плохие долги никуда не делись. Пессимисты утверждают, что они все равно продолжают накапливаться в активах банков и если не сегодня, то завтра банковская система обязательно «рванет».

— Риск накапливания плохих долгов существует. Но я бы на месте денежных властей предпочел разбираться с ним уже после того, как основная волна кризиса пройдет. Понятно, что у нас есть огромные проблемы в банковской системе и что хватает банков с плохими кредитными портфелями. Но это все не повод для паники.

— Недавние события, связанные с дефолтом дубайского фонда¹, заставили экономистов всего мира приглядеться к новым финансовым пузырям. Грозит ли такая опасность России?

¹ Эпизод мирового финансового и экономического кризиса. В конце ноября 2009 г. возникла угроза дефолта дубайского государственного инвестиционного фонда, т. е. суверенного дефолта самого эмирата. Это отразилось на ценах на нефть, биржевых индексах, в том числе российских, но не на долго: к середине декабря благодаря финансовой помощи соседних стран угроза дефолта отпала. — Прим. ред.

— Хочется надеяться, что нет. Во всяком случае, до сих пор Банк России довольно умело, на мой взгляд, маневрировал процентной ставкой. ЦБ существенно поднял процентную ставку осенью 2008-го — в условиях нарастания кризиса. Что стало барьером на пути оттока капитала. А в последнее время он ее шаг за шагом снижает.

— Рубль то девальвируется, то укрепляется, то снова слабеет по отношению к другим мировым валютам. Что будет происходить с курсом рубля в следующем году?

— Судя по всему, Центробанк старается не слишком сильно давить на валютный рынок. То есть в целом курс движется туда, куда и должен в соответствии с тенденциями спроса и предложения. При этом, конечно, Центробанк использует золотовалютные резервы для того, чтобы колебания курса не были избыточными, не порождали паники, с одной стороны, и спекулятивных волн — с другой. Денежные власти спокойно относятся к тому, что когда немного подрастает цена на нефть, то и курс рубля несколько повышается к корзине валют, и соответственно наоборот. ЦБ не пытается жестко управлять валютным рынком, хотя при имеющемся объеме золотовалютных резервов (447,8 млрд долл. на 1 декабря 2009 г.) вполне может управлять им, как захочет.

— Бюджет этого года, как известно, был дефицитный. Дыру размером почти в 3 трлн рубл. задерживали за счет средств Резервного фонда. То же самое будет происходить и в 2010-м. При этом министр финансов заявил, что к концу следующего года этот фонд скорее всего будет исчерпан...

— Министр финансов обязан говорить правду. Вот он ее и сказал.

— Но что будет с бюджетом после того, как обнулится Резервный фонд? Ведь никто не гарантирует, что к тому времени начнется промышленный рост, а социальные обязательства выполнять надо.

— Такое вполне может быть. Сегодня, когда у властей есть еще Резервный фонд, остается в загашнике Фонд национального благосостояния и имеются немалые золотовалютные резервы, довольно просто говорить о том, что мы социальные обязательства никогда не отменим и даже будем их наращивать. Но если эти «подушки безопасности» сдуются, придется как-то адаптироваться. Я надеюсь, что такого не случится. И большинство аналитиков склонны полагать, что к концу 2010 г. мировая экономика все-таки

выйдет из глобального кризиса. Если так, наших резервов хватит, чтобы пережить следующий год без очень тяжелых последствий. Но только надо отдавать себе отчет, что это фактор, который от нас не слишком-то зависит. И если все резервы кончатся раньше, чем начнется экономический рост, нам придется по одежке протягивать ножки — в том числе в социальной сфере.

— Вы говорите, что выход из кризиса от нас не зависит. А вот, скажем, выздоровление промышленности зависит от действий правительства?

— Конечно, зависит. Надо понимать: в нефть будут вкладывать везде и всюду. Мировой опыт показывает, что для этого не надо ни нормальной судебной системы, ни некоррумпированной бюрократии, ни даже элементарного правопорядка. А вот если Вы хотите, чтобы инвесторы вкладывались в высокотехнологичные производства, то будьте любезны обеспечить гарантии прав собственности, разделение властей, прозрачность принятия государственных решений, свободную прессу, которая может обратить внимание на коррупцию в государственном аппарате, и т. д. Все это очень легко сказать и совсем непросто сделать.

— В связи с этим я хочу вернуться к еще одному Вашему мартовскому прогнозу: тогда Вы оценивали вероятность того, что из кризиса Россия выйдет с более либерализованным режимом, как 50 на 50. Ваша оценка не изменилась?

— Не изменилась, вероятность такая же.

Егор Гайдар: «Я бы воздержался от прогнозов по срокам окончания экономического кризиса»

Продолжаем публикацию материалов о мировом финансовом кризисе. Сегодня гость «Партнера» — известный российский политический деятель и экономист Егор Тимурович Гайдар.

В беседе с нашим корреспондентом он анализирует сложившуюся экономическую ситуацию в России и за ее пределами.

— Уважаемый Егор Тимурович, нынешний мировой кризис часто сравнивают с Великой депрессией 30-х годов прошлого века в Америке, но тогда, насколько мне известно, кризис затронул только США. Действительно ли мы наблюдаем мировой финансовый кризис впервые?

— Нет, конечно. Великая депрессия сказалась на всей мировой экономике и привела к существенным изменениям темпов экономического роста, так что это был глобальный и масштабный кризис. Пока нет оснований говорить о том, что то, с чем мы столкнулись сегодня, это Великая депрессия. Но то, что это самый мощный кризис за последние десятилетия, совершенно очевидно!

— Кризис — явление, связанное с объективными причинами? Что, по Вашему мнению, послужило основной причиной его начала?

— Мы живем в постоянно меняющемся мире и достаточно хорошо понимаем, как он, по большому счету, устроен. Это быстро растущий мир, но вместе с тем каждые 5–10 лет мы сталкиваемся с существенным замедлением темпов роста. Понимание того, что мы (раньше или позже) столкнемся с кризисом, и то, что кризис будет серьезным потрясением наших национальных экономик, было важнейшим элементом разумной экономической политики

Интервью брал Евгений КУДРЯЦ.
Опубликовано в: Партнер. 2009. № 12. Декабрь.

последних десятилетий. Кризисы в меняющемся мире тоже измениются. Мир без золотовалютного стандарта, с плавающими курсами мировых резервных валют, с открытым капиталом возник сравнительно недавно — не более 30 лет назад. Такой мир мы пока знаем плохо. Мы еще только накапливаем необходимые знания для того, чтобы понимать, как он устроен.

Многие кризисы последнего двадцатилетия не были предсказанными экспертными сообществами, так же как не был предсказан, скажем, мексиканский кризис, кризис в Юго-Восточной Азии, а если вспоминать постсоветское пространство, то можно сюда отнести и дефолт 1998 г. Не был предсказан и кризис 2001 г., т. е. мы пока не слишком хорошо научились прогнозировать кризисы нового поколения.

Все это в полной мере относится и к кризису, начавшемуся в 2008 г. Конечно, уже осенью 2007 г. было ясно, что у американской экономики — крупнейшей экономики мира — есть серьезные проблемы, связанные с кризисом второсортной ипотеки, и что они практически неизбежно отразятся на рынке недвижимости, в сфере банковской системы и т. д. Тем не менее до начала осени 2008 г. очень многие эксперты говорили о том, что мирового кризиса не будет, что если он даже и произойдет в США, то никак не отразится на мире в целом, что есть фактор Китая и Индии, что вряд ли он скажется на ценах на сырье и энергоресурсы. К сожалению, это оказалось далеко не так!

— Насколько смягчает кризис наличие новой европейской валюты — евро? Многие годы мир ориентировался только на доллар, и если бы сегодня не было евро, то ситуация, скорее всего, была бы намного хуже?

— Евро, без всякого сомнения, помогает, но если бы Китай, обладающий одной из самых мощных экономик в мире, ввел конвертируемую валюту и юань участвовал бы в международных валютных операциях, то это тоже существенно помогло бы!

— Не так давно пошли разговоры о возможности создания некой новой общей наднациональной валюты. Насколько реально ее появление и насколько серьезно можно говорить об этом сегодня?

— Мне кажется, что появление новой наднациональной валюты нереально. Для ее внедрения нужно сначала создать дееспособное наднациональное правительство. Мне не кажется это эффе-

тивным. То, что действительно можно и необходимо сделать, — это, конечно, усилить мировую финансовую инфраструктуру и такие ее элементы, как МВФ, Мировой банк, существенно повысить уровень капитализации, изменить порядок и структуру принятия решений международными организациями, причем именно международными, а не теми, которые воспринимаются вне Европы и США в качестве инструментов американо-европейского доминирования в мире.

— Есть ли у российского кризиса какие-либо национальные особенности в сравнении с кризисом в других странах мира?

— Конечно, есть! Они связаны с тем, что наша экономика в значительной степени зависит от сырьевых рынков. Это не значит, что нет экономического роста в России, начавшегося в 1999 г. и связанного с высокими ценами на нефть. Экономический рост начал набирать обороты еще при низких ценах на нефть, но, конечно, для российского платежного баланса и бюджета цены на нефть всегда крайне важны!

— Сейчас многие говорят о том, что началась новая фаза кризиса, что мы достигли так называемого дна. А что действительно происходит на сегодняшний момент?

— Утверждать это очень трудно. Да, были приняты очень серьезные меры по стимулированию спроса в Соединенных Штатах Америки и странах Европы. На фоне этих шагов есть некоторое улучшение экономического положения, но такие шаги нельзя делать каждый день, иначе можно разрушить свою финансовую систему. Ответ на вопрос, будет ли следующая волна кризиса или ее не будет, покажет время!

— Некоторые ведущие отечественные экономисты, в частности Михаил Хазин, говорят о том, что в Америке и России опять включили печатный станок и таким образом пытаются выйти из создавшегося положения. Наверно, это не самый лучший способ в данной ситуации?

— Это в большей степени касается Америки, а не России. В России подобного не происходило, и это правильно, потому что рубль не является мировой резервной валютой, и мы должны проводить корпоративную денежную политику, а не пытаться стимулировать совокупный мировой спрос. Включать или не включать печатный станок — дело стран, обладающих мировыми резервными валю-

тами, в первую очередь таких, как Соединенные Штаты Америки и государства Евросоюза.

— В начале нашей беседы Вы уже говорили о том, что одной из причин кризиса является несовершенная ипотечная система: кредиты просто перестали возвращать. Вообще долгие годы Америка жила в долг. Как Вы думаете, будет ли в связи с кризисом эта политика пересмотрена?

— Американские власти, на мой взгляд, принимают совершенно обоснованные меры по стимулированию свободного спроса в условиях кризисного сжатия. Мне кажется, что эта политика имеет свои пределы, но по состоянию на сегодняшний день она спасает Америку.

— И последний вопрос: каков Ваш экономический прогноз на 2010 г. для России и всего мира?

— Я боюсь, что снижение темпов экономического роста в России примет отрицательный характер. Я считаю, что российские власти пока делают то, что необходимо, чтобы это явление, связанное в том числе с мировой глобальной системой, для России было бы наименее опасным. Что же касается глобальной экономической конъюнктуры, то в сложившейся ситуации, когда неясно, будет ли у нас вторая волна кризиса, я бы воздержался от подобного прогноза!

— Большое спасибо за интересную беседу!

ДОПОЛНЕНИЯ*

«В этой игре ставки слишком высоки»

С вице-премьером правительства России беседует обозреватель «Литературной газеты».

— Егор Тимурович, с момента начала экономической реформы минуло уже больше полутора месяцев. Какой главный вывод можно сделать из этого ее начального периода?

— Главный экономический вывод — вывод о том, что союзный рубль не безнадежен, что его можно спасти. А наиболее важный вывод политический — то, что наше общество оказалось намного умнее, в нем гораздо больше здравого смысла и понимания, чем это обычно многие себе представляли. И наконец, может быть, мы вправе сделать и третий вывод — дистанция между интеллигенцией и народом, которая была немыслимо огромной во время революции 1917 г. и сразу после нее и которая привела к трагической кровавой каше, сейчас очень существенно сократилась. Интеллигенция, по-прежнему боящаяся своего народа, считающая его темным, глупым, бестолковым, не способным к какому-то пониманию, а потому несколько истеричная, сталкивается с народом, который все-таки очень сильно продвинулся вперед, очень многое осознал, очень многое понял.

— Довольно неожиданный вывод. Вы полагаете, есть основания для столь широких обобщений?

— Думаю, что есть.

— Приступая к экономической реформе, Вы, конечно, предвидели, что на Вас обрушится ураганный огонь критики противников этой реформы. Но одно дело — предвидеть, а другое — испытать это

* Ниже дополнительны публикуются интервью Е. Т. Гайдара, обнаруженные благодаря любезной помощи сотрудников газетного архива редакции «Литературной газеты» уже тогда, когда соответствующий по хронологии том собрания сочинений был сдан в печать.

Интервью брал Олег МОРОЗ.

Опубликовано в: Литературная газета. 1992. № 8. 19 февраля.

на деле. Сопротивление ведь не ограничивается критикой тех или иных Ваших действий — Вас стараются оскорбить, уязвить, унизить, вывести из себя. Руцкой назвал Вас и Ваших коллег в правительстве «учеными мальчиками в розовых штанишках», Хасбулатов — абсолютно некомпетентным и совершенно недееспособным правительством. На митингах уже можно видеть плакаты: «Народ объегорен, народ обгайдарен». Явилась ли такая «базарная» форма критики неожиданностью для Вас? Задевает ли она Вас? Способны ли Вы ее выдержать? Вообще чувствуете ли в себе достаточно силы и твердости, чтобы не отступить перед этим оголтелым сопротивлением? Прибегаете ли к каким-либо системам психотренинга, чтобы повысить свою психологическую устойчивость?

— Чувствую в себе вполне достаточно твердости без всякого психотренинга. Задевает ли все это меня? Может быть, когда я закончу свои дела на посту вице-премьера и оглянусь на то, что обо мне писали и говорили, мне это будет больно и неприятно. А сейчас груз огромной ответственности, очень жесткие рамки, определяемые текущей работой, не позволяют все это замечать, придавать этому особенное значение. Психотренинг действует как бы сам собой. Помню, когда я ни за что такое не отвечал, неизмеримо менее значительные вещи могли меня вывести из себя, побудить на какие-то немедленные ответные действия. А сейчас я слишком хорошо понимаю масштаб игры, я слишком хорошо понимаю, что дело не в личностях, а в интересах, поэтому вся эта «критика» проходит почти мимо сознания, по периферии его.

— Выступая недавно на митинге возле Белого дома, Василий Селюнин¹ сказал, что нынешнее российское правительство — это первое на его памяти квалифицированное правительство. Он, наверное, хотел как лучше, хотел Вам помочь, но эффект, я думаю, получился обратный — теперь-то уж Вам точно не простят, никогда не простят. Кстати, согласны ли Вы с оценкой Селюнина?

— Я думаю, что это не совсем так. Мне кажется, правительство Косыгина, например, было квалифицированным для той ситуации, в которой оно работало. И сталинские правительства были

квалифицированными для соответствующих ситуаций. Правительство Рыжкова тоже в некотором смысле было квалифицированным. Но вместе с тем все правительства переходного периода — начиная с 1985 г. — оказались поразительно неквалифицированными просто потому, что перед ними были поставлены задачи, которые они не умели решать. Тут нужна была другая квалификация. И наше преимущество не в том, что мы квалифицированы. Мы крайне неквалифицированы во многих вещах, причем очень важных для управления государством, хотя бы в самой технологии управления. Мы просто квалифицированы в понимании элементарных экономических зависимостей, логики происходящего, в видении критических точек, в способности прогнозировать и принимать решения не под влиянием сугубо поверхностных факторов, а ориентируясь на существо дела.

— Вы очень великодушны к своим предшественникам. А правительства Павлова и Силаева?

— По моему глубокому убеждению, они пришли к управлению тогда, когда сделать в экономике вообще было практически ничего невозможного. Возник паралич экономической власти: союзное правительство еще обладало контролем над подавляющей частью экономики страны, но уже было абсолютно не способно проводить какую бы то ни было осмысленную политику. Что касается правительств республик, в том числе России, они, в сущности, не имели аппарата управления, не контролировали макроэкономику, ни за что не могли отвечать и тоже были не в состоянии проводить осмысленную политику.

— Кто и что Вам больше всего мешает в проведении реформы? Чья поддержка наиболее ценна? Ощущаете ли Вы поддержку Ельцина? Нет ли у Вас предчувствия, что в один прекрасный день он лишит Вас такой поддержки — причем не из принципиальных, а из чисто политических, тактических соображений?

— Пока самой ценной для нас, лично для меня является поддержка президента. Без его поддержки мы просто не могли бы ничего сделать, это надо четко себе представлять. И я не понимаю, почему мы должны думать о людях плохо: президент показал способность принимать политически очень рискованные решения, брать за них ответственность на себя лично, а не сваливать ее немедлен-

¹ Василий Илларионович Селюнин (1927–1994) — известный публицист, активный сторонник демократических преобразований и экономических реформ в России, депутат Государственной думы 1-го созыва. Е. Т. Гайдар посвятил его памяти книгу «Государство и эволюция». — Прим. ред.

но на своих подчиненных. Я не понимаю, почему мы должны исходить из гипотезы непорядочного поведения президента.

— *Дело не в порядочности или непорядочности. Шахматист жертвует фигуру, видя, что ее трудно защищать, что она становится в тягость, ухудшает общую позицию.*

— А, ну это другое дело. Как вы понимаете, самое главное для нас — это успех реформы и сохранение политической стабильности, демократических институтов. Остальное все преходящее.

— *Как Вы считаете, почему Ельцин решил включить в правительство именно Вашу команду, а, допустим, не команду Явлинского или Сабурова? Нет ли тут какого-то замысла, сходного с замыслом тренера в эстафетном беге: на первом этапе побежит этот, на втором — тот, на третьем — тот?.. Или по-другому: нет ли у Вас ощущения, что Вашими костями собираются вымостить переправу через болото, по которой пройдут другие?*

— Опыт показывает, что на разных этапах преобразования и стабилизации действительно решаются разные задачи. Часто их решают разные правительства. Я не вижу в этом ничего плохого. Сейчас наше правительство твердо намерено работать — и работать устойчиво, ориентируясь на перспективу. Но это не значит, что мы собираемся, как члены Политбюро, сидеть здесь вечно и умереть в этих кабинетах. Сменятся задачи — потребуются другое правительство, другие люди.

Почему выбор пал именно на нас — это трудный вопрос. Его лучше бы задать президенту. Я думаю, что тогда было такое время (октябрь-ноябрь прошлого года), когда никому особенно не хотелось взваливать на себя эту ношу: для всех было очевидно, что придется принимать очень неприятные решения.

— *В последнее время председатель парламента Хасбулатов все чаще стал обращаться к экономическим вопросам. Помимо прочего, может быть, еще по той причине, что он по специальности экономист. Как Вы оцениваете его как профессионала в экономике?*

— Я предпочел бы уйти от этого вопроса, потому что если я скажу, что я оцениваю его высоко, подумают, что я пытаюсь подхалимствовать перед Верховным Советом. Если я скажу, что оцениваю низко, это будет оскорбительно и неуважительно по отношению к главе высшей законодательной власти. Могу лишь сказать, что

статьи Хасбулатова в начале перестройки, без всякого сомнения, были прогрессивными и шли в русле намечавшихся реформ.

— *Недавно Хасбулатов собрал синклит из академиков и членкоров, чтобы обсудить ход экономической реформы. Как Вы оцениваете заключения и рекомендации, выданные этим синклитом?*

— Многое из того, что там было сказано, абсолютно правильно. Но вот какая странная вещь. Со всеми этими людьми мы долгие годы бок о бок работали. Многие из них — наши учителя. У нас с ними есть профессиональное взаимопонимание. Но, видимо, такова специфика власти: когда ты к ней приходишь, все почему-то начинают считать тебя полным идиотом и объяснять тебе такие элементарные вещи, которые никогда бы не решились объяснять в те времена, когда ты у власти не был. В общем-то, с ними трудно спорить, если только не принимать во внимание реальную обстановку. Например, Николай Яковлевич Петраков объясняет нам, что цены нельзя было размораживать, не накопив запас. Мне хочется спросить его: как можно было в реальной ситуации декабря, во-первых, не размораживать цены (они разморозились бы сами собой), а во-вторых, накопить какие бы то ни было запасы? Как это можно было сделать реально? Кого повесить, кого расстрелять? Кого простилировать?

— *Волкогонов назвал вас «правительством младших научных сотрудников». Ощущаете ли Вы почтительную робость перед академиками и членкорами, такими как Абалкин, Стараян, тот же Хасбулатов?*

— Потом кто-то его поправил: дескать, у власти сейчас «правительство старших научных сотрудников». Если быть точным, то мы правительство директоров институтов, заместителей директоров и заведующих лабораториями. Никакой робости перед академиками мы, конечно, не испытываем. В серьезной науке, как вы знаете, обходятся без чинов.

— *Как Вы относитесь к созданию «теневого кабинета»¹? Как к очередной психической атаке на Ваш кабинет?*

¹ По-видимому, имеется в виду следующий эпизод. В январе 1992 г. С. Юшенков и П. Филиппов (близкие друзья и соратники Гайдара) пытались сформировать как бы резервный «теневой кабинет» демократических сил, который, по замыслу, был бы способен заменить правительство Ельцина-Гайдара в случае его падения. Но, может быть, речь шла о попытках сформировать «теневые ка-

— Очень спокойно относимся. Сейчас много «теневых кабинетов». Только ленивый их не создает.

— *Ощущаете ли Вы какое-либо давление со стороны «патриотов» и антисемитов?*

— Давления не ощущаем, но глухую ненависть, конечно, ощущаем.

(Помощник вице-премьера С. Колесников вставляет: «Звонки раздаются. С угрозами...»)

— *Вы не ответили на один из моих предыдущих вопросов: что Вам все-таки больше всего мешает?*

— Что мешает? Коррупция в аппарате управления.

— *На всех уровнях? В том числе правительственном?*

— Нет, к счастью, у меня нет сомнений в порядочности правительства. Но правительство — это все-таки поверхностный слой. А нижние слои деморализованы. Есть, конечно, и честные люди, но деморализованных слишком много. Махнувших на все рукой, твердо решивших, что надо стричь купоны, пока есть возможность. Всякому сильному государству нужен нормальный аппарат управления. А у нас аппарат больной. Всевластие бюрократии неизбежно кончается полным развалом в организации работы государства. Так что деморализация аппарата власти на всех уровнях — это, пожалуй, наиболее серьезная проблема.

— *На нее можно посмотреть и несколько иначе. Сейчас власть проявляет полное бессилие перед наглым саботажем. Но ведь при таком бессилии никакие реформы не провести, все будет идти сикось-накось. Предполагается ли тут что-нибудь изменить?*

— Я бы не согласился, что власть проявляет полное бессилие. Если бы это было так, действительно ничего сделать бы не удалось. Однако за минувшие с момента начала реформы полтора месяца удалось сделать немало, причем по ключевым направлениям. Это значит, что против саботажа действовать можно. Но я совершенно с вами согласен, что центр тяжести сейчас должен переходить на обеспечение элементарного порядка, элементарной дисциплины в аппарате власти.

бинеты» (официально они были объявлены несколько позднее) В. Жириновским, «Гражданским союзом», С. Умалатовой и другими — их в то время действительно было много. — Прим. ред.

— *К какой модели ближе всего происходящая сейчас в России реформа — к германской послевоенной, к японской, к польской? Или она, как всегда, самобытна?*

— В некотором смысле она самобытна. Нигде не было реформы, которая сопровождалась бы разделением одной страны на 15 стран, выяснением сложных отношений между этими странами, ответственности по общим долгам... Нигде сложнейшая, тяжелейшая реформа не проводилась при наличии огромного ядерного потенциала и при необходимости решать труднейшие проблемы международной безопасности. Вместе с тем многое в нашей реформе вполне стандартно, соответствует обычным стабилизационным программам. Общие закономерности близки к тому, что в свое время осуществлялось в Германии, и к тому, что делается в Польше, в Болгарии.

— *Какая географическая карта стоит у Вас перед глазами, когда Вы занимаетесь реформой, — карта России или?*

— Карта СНГ. К сожалению, сейчас для нас проблема взаимоотношений в рамках СНГ критически важна. Отношения России с другими членами СНГ волнуют меня сегодня несравненно больше, чем отношения ее со всем остальным миром. Развал СНГ может послужить той миной, которая подорвет все наши преобразования.

— *Никто не может понять, в чем причина нерешительности и топтания перед порогом приватизации. Такое ощущение, что перед людьми какая-то невидимая черта, через которую никто не осмеливается перешагнуть. Сначала раздаются бодрые заявления: «Все, начинаем приватизацию! Через две недели будет то-то. Через два месяца — то-то». В Москве мы слышали такие заявления и от Попова, и от Лужкова, и от Пияшевой, и от нового министра Буравлева¹. Но проходит краткий срок — и все глухо.*

— Мы никогда не делали заявлений, что приватизацию можно провести быстро. Это тяжелый, длинный процесс. Для его про-

¹ Лариса Ивановна Пияшева (1947-2003) — экономист и публицист, участник демократического движения 1990-х годов, критик гайдаровских реформ (особенно — приватизации «по Чубайсу») с позиций более решительного экономического либерализма; считала правительство Гайдара «слабым, нерешительным, и, главное, насквозь пропитанным элитистской идеологией». Константин Эдуардович Буравлев (род. 1947), инженер-строитель, в 1992–1995 гг. был первым заместителем мэра г. Москвы, руководителем комплекса экономических реформ. — Прим. ред.

ведения требуется много квалифицированных людей. Сейчас эти люди в дефиците. Главное, что мы попытались сделать, — это создать заинтересованность в приватизации. Откорректировали механизм исполнения, сняли ряд преград. У нас нет более важной стратегической задачи, чем приватизация. Но мы ведь не чудотворцы. Польша топтаясь в деле приватизации в течение года. Хотя малую приватизацию провела довольно быстро. И мы не должны тут медлить. Но это дело местных органов власти. Мы тут, конечно, проявляем медлительность. Однако в целом приватизация повсюду проходит медленно и тяжело. Если через два года мы будем иметь экономику с мощным, доминирующим частным сектором, то я буду считать, что это феноменальный результат.

— Со всех сторон мы слышим, что цены вообще нельзя было отпускать без приватизации, что это грубая экономическая ошибка.

— Это мнение, которое существует только в нашем Отечестве. Оно создано исключительно средствами массовой информации. Это противоречит всем канонам экономики. Что такое либерализация цен? Это одномоментный акт политической воли. А приватизация — долгосрочный процесс. Либерализация привязана к объективному факту — к утере контроля со стороны власти за распределением ресурсов (именно такова была у нас ситуация в конце года). Приватизация к этому совершенно не привязана. Ну откуда, из какой книжки это вычитано, что приватизацию надо ставить впереди либерализации цен?

— Считается, что установленные Вами налоги дестимулируют производство. Дескать, основная их цель — преодоление бюджетного дефицита. Когда они могут быть заменены стимулирующими налогами?

— Вообще-то, стимулирование не задача налогов. Но то, что мы сделали, — это налоги максимально стимулирующие. Налог на добавленную стоимость — это налог на конечного потребителя. По отношению к производителю он нейтрален. Разумеется, он создает для него проблемы, когда у него не покупают продукцию, поскольку она произведена с высокими затратами. Но это проблема стимулирования производителя: если бы налог был ниже, мы стимулировали бы его производить с высокими затратами. Что действительно дестимулирует — это чрезмерно высокий налог на предпринимательскую, на посредническую деятельность. Это,

конечно, пережиток прошлого, это от эпохи дефицитной экономики. И надо входить в парламент с просьбой снизить его до нормального.

— Вы повысили шахтерам зарплату до 6 тыс. руб. После этого бывший президент Союза, у которого пенсия, как известно, 4 тыс., должен почувствовать себя нищим и обездоленным. Я уж не говорю о тех, у кого зарплата или пенсия 342 руб. и ниже. Начинается новый виток соревнования доходов и цен, новый виток инфляции. Обязательно ли повышать зарплату такими резкими скачками?

— Переговоры с шахтерами начались на фоне общего истерического всплеска о неслыханном, немыслимом десятикратном, двадцатикратном повышении цен (на самом деле они выросли в среднем в 3,5 раза). Правительство было в предельно уязвимом положении. И я отнюдь не счастлив от тех решений, к которым пришла наша согласительная комиссия. Однако первоначальным требованием шахтеров было увеличение зарплаты в шесть раз, лишь потом они согласились ее снизить. Но и трехкратное увеличение — это, конечно, сильный инфляционный фактор, который повлечет дальнейшее увеличение цен. Я надеюсь, что в будущем шахтеры проявят достаточно мудрости, ибо если резкое повышение зарплаты будет продолжаться, это приведет к падению конкурентоспособности угля, падению спроса на него и массовой безработице среди шахтеров.

— Не приведут ли корректировки реформы — проведенные и намечаемые — к тому, что она будет сведена на нет, как это всегда у нас бывает с различными радикальными затеями?

— Корректировки носят в основном косметический характер. Свести же на нет всю реформу, я думаю, уже нельзя. Запустив однажды рыночный механизм, вновь возвратиться к системе распределения и директивных цен очень трудно и, мне кажется, невозможно. Другое дело, что реформу можно сделать очень неплодотворной. Можно очень долго раскачивать финансовую лодку, сделать экономику страны хронически высоконинфляционной, такой, где слаба предпринимательская деятельность, куда не идет иностранный капитал, но вернуть все на старые рельсы, я думаю, практически нельзя.

— Недавно мы встречались с членами Конституционного суда, и у меня создалось ощущение, что они собираются отменить Ваше

решение о снижении налога на добавленную стоимость для ряда продуктов питания, которое влечет значительное увеличение расходной части бюджета.

— Что ж, я не могу скрыть, что это было не мое решение. Я уважаю Конституционный суд. Он показал, что способен отстаивать законность, в том числе тогда, когда ее нарушает исполнительная власть. С чисто экономической точки зрения я не думаю, что решение о снижении налога такое уж страшное, хотя любое вмешательство в только что построенную налоговую систему крайне нежелательно.

— Некоторые республики уже предпринимают весьма экстравагантные шаги в области экономики. Оправдан ли, на Ваш взгляд, роман Кравчука с аятоллами? Я имею в виду планы строительства нефтепровода Иран — Украина.

— Мы всячески приветствуем любые решения, направленные на укрепление экономического суверенитета любой страны из стран СНГ. Если кто-то думает, что Россия очень пострадает от сокращения экспорта нефти на Украину, то я полагаю, что мы этот удар переживем, особенно имея в виду нынешние цены этих поставок.

— Кому, на Ваш взгляд, следует отдавать приоритет во внешнеэкономических отношениях за пределами? Не однажды приходилось слышать, что единственная страна, от которой можно получать действительно весомую помощь, — это Япония, не переживающая сейчас спада (в США и Европе, как известно, такой спад происходит). Однако на пути к такой помощи стоит проблема островов. Как Вы смотрите на эту ситуацию?

— Япония просто объективно является крупнейшим экспортером финансовых ресурсов для всего мира, так уж устроена ее макроэкономика. Вторым поставщиком традиционно была ФРГ, но сейчас все ее ресурсы вовлечены в перестройку бывшей ГДР. Все остальные экспортеры капитала — Швейцария, Саудовская Аравия, — конечно, не идут в сравнение. Поэтому с точки зрения финансового рынка мы в высшей степени заинтересованы в развитии отношений с Японией. То, что на этом пути стоит проблема «северных территорий», достойно всяческого сожаления.

— Некоторые говорят, что последним отчаянным шагом к спасению может быть возврат Японии островов в обмен на какую-то гигантскую сумму типа 200 млрд долл.

— Во-первых, я никогда не слышал о таких предложениях с японской стороны, во-вторых, мне не доводилось слышать, чтобы такие идеи всерьез обсуждались в российском руководстве. Что касается цифры 200 млрд долл. ... Таких сумм просто «не бывает». Если какой-то человек говорит, что он даст вам в долг тысячу рублей, вы с ним будете разговаривать, а если он скажет, что готов дать вам 2 млрд долл., вы, наверное, подумаете о некоем заведении, куда его надо направить.

— Как быть с газетами? Вы решили с ними покончить? Я имею в виду очередной сокрушительный удар — повышение цены на бумагу до 20 тыс. за тонну. Вы как член демократического правительства, которое было приведено к власти в том числе демократической прессой, не чувствуете долга перед ней?

— Я не чувствую долга перед прессой в политическом смысле: раз нас привели к власти, то мы, дескать, должны в первую очередь давать печати подачки из бюджета. Аналогичные упреки мы слышим, например, и от ученых: мы ведь в какой-то степени правительство профессиональных научных работников. Напротив, логика жизни требует от нас быть особенно жесткими по отношению к тому, что нам дорого больше всего. Если я буду жесток по отношению к сельскому хозяйству и в то же время буду щедро увеличивать ассигнования на науку — такую позицию мне будет тяжело защитить, в том числе и в парламенте. То же и с прессой. Разумеется, мы очень хотели бы ее поддержать и будем делать все, что возможно. Как вы знаете, за счет каких-то маневров мы уже предотвратили повышение стоимости подписки. Но выделить крупные многомиллиардные суммы, чтобы решить все проблемы печати, чтобы снять с нее заботу о выживании в условиях рынка, мы не в состоянии. Что касается производителей бумаги, будем принимать против них антимонопольные меры. Однако спасти все издания, конечно, не удастся. Выживут только те, кто сумеет адаптироваться к условиям рынка.

— Несколько вопросов личного характера. Вы не жалеете, что согласились войти в правительство? Вам интересна эта работа?

— Не жалею. Работа интересная. Интересно делать реально то, о чем ты всю жизнь думал, читал, писал.

— Став вице-премьером, Вы впервые вступили на поприще политической деятельности. Ощущаете ли Вы себя сейчас политиком или еще не совсем?

— Нет, все-таки я не чувствую себя политиком. Я чувствую себя человеком, который просто делает свое дело. У меня нет никаких политических амбиций.

— Тем не менее пост вице-премьера — это политический пост. Не мешает ли Вам на этом посту то обстоятельство, что у Вас явно отсутствуют черты импозантности, вальяжности, представительности, которые во многом определяют успех государственного деятеля в глазах народа (вспомним хотя бы облик «благородного рыцаря» Рыжкова)? Чем Вы стараетесь это компенсировать?

— Поскольку, как я уже сказал, я не считаю себя политическим деятелем, то не страдаю из-за отсутствия перечисленных вами черт. А вообще реакция общества на политика — это хорошо изученная сфера, хотя у нас она до недавних пор была мало известна. То, что сейчас у нас стали появляться импозантные политики, политики, которые хорошо смотрятся, говорит о том, что к нам проникает и эта демократическая струя. Рослые, представительные, импозантные политические деятели — это прекрасно. Я искренне рад таким переменам. Сам я никогда бы не смог, например, выиграть выборы, и надеюсь, никогда не буду пытаться это сделать.

— Вы уже стали объектом пародий. Пародируют, например, Вашу манеру причмокивать во время выступлений (видимо, когда Вы волнуетесь). Это говорит о наступлении известности, славы. Как Вы к этому относитесь?

— Самокритично. Я действительно причмокиваю, когда волнуюсь. А к общественному вниманию и известности отношусь спокойно. Они ведь достались мне по наследству. Меня с детства преследовали слова: «Как же так — внуk Гайдара и так плохо пишет!». Или что-то так еще плохо делает. Мне это настолько надоело, что я стал золотым медалистом. А потом без четверок кончил университет. Так что отношение к известности спокойное.

— Льстит ли Вам сравнение с отцом польской реформы Бальцеровичем?

— Что-то я не слышал, чтоб меня с ним сравнивали. К Лешеку я отношусь с глубочайшим уважением. Считаю, что он сделал свое дело. Кстати, он предупреждал меня о многих подводных камнях реформы, о многих личных неприятностях, с ней связанных. В частности, помню такую его фразу: «С этого времени все профессора экономики будут твоими врагами».

— Считаете ли Вы, что провал реформы может повредить Вашей карьере?

— Ну какая у меня может быть карьера? Научная карьера? В конце июля прошлого года я ушел в отпуск и сел писать книжку о проблемах и перспективах постсоциалистической экономики. Ведь то, что происходит сейчас, составляет довольно резкий контраст с представлениями нашей либеральной интеллигенции, в том числе экономической, скажем, начала 80-х годов. Тогда всем было ясно, что система себя исчерпала. Представлялось ясным и то, что в некотором смысле она будет вечно, потому что идеологически и политически она непреродолима; но если вдруг она когда-то исчезнет, тут сразу и наступит счастье или очень скоро наступит. Так вот тяжелый экономический кризис, который обрушился на всю Восточную Европу при переходе от социализма к постсоциализму, в некотором смысле оказался сюрпризом. Вместе с тем, если подробно проанализировать логику тоталитарной системы, ее внутренние взаимосвязи, тот набор проблем, который сейчас приходится решать, видишь, что это не случайно, что это отражает некие глубинные закономерности. Так что мои «карьерные» вожделения — когда-нибудь закончить эту работу. Вот и все.

— Но уж академиком Вас точно не изберут, даже после издания этой книги.

— Боюсь, что нет. Хотя, насколько я знаю, я до сих пор остаюсь другом и любимым человеком академика-секретаря Отделения экономики Станислава Сергеевича Шаталина.

— Кстати, кто был Вашим учителем в науке? И кого из экономистов старшего поколения Вы больше всего цените?

— Учителем был только что названный мною Станислав Сергеевич. А ценю многих, например Револьда Михайловича Энтова. Это один из самых образованных, самых квалифицированных в России экономистов, хотя он мало известен широкой публике.

— И снова о политике. Ряд признаков говорит о том, что правые¹ ведут целенаправленную подготовку насилиственного свержения нынешнего российского руководства. Призывы к такому свержению открыто раздаются в печати, на митингах (пример тому — последний

¹ В то время, в переломные дни, «правыми» называли сторонников прежней коммунистической власти, т. е. фактически левых по общепринятой терминологии. Лишь позднее все стало на свои места. — Прим. ред.

митинг на Манежной площади). Как Вы считаете, правительство органически неспособно предпринять хотя бы что-то для предотвращения угрозы, защитить себя и нас или в какой-то момент в нем все-таки может проснуться инстинкт самосохранения?

— Я считаю, что правительство способно, должно, обязано предотвратить подобные угрозы.

— Вы полагаете, что оно не страдает недугом либеральной мягкотелости?

— Ну конечно, на нем лежит огромный груз либеральной мягкотелости. Что тут говорить. Это вполне понятно в нашей стране, с нашей историей, с нашими традициями. Но все-таки, я думаю, опыт нас чему-то учит, в том числе тому, что прекраснодушное либеральничанье в такой острый, критический момент неуместно.

Егор Гайдар: «Чтобы не было бедных...»

Накануне Нового года в гостях у «Литературной газеты» побывал Егор Тимурович Гайдар, человек, с именем которого связан переход от шестилетних многообещающих программ и лозунгов к первым действительно реальным шагам в области экономических преобразований, человек, чье имя вызывает у одних клокочущую ненависть, у других — глубочайшее уважение и восхищение. По традиции, на встречу с интересным гостем собирались члены редакционной коллегии, ведущие сотрудники редакции, наши зарубежные коллеги.

А. УДАЛЬЦОВ, главный редактор «ЛГ». У всех у нас в памяти те 40 минут, которые попросил президент, чтобы решить, кого он выдвинет на пост премьер-министра. Что Вы почувствовали, когда узнали, что прощаетесь с должностью? Облегчение? Сожаление? Досаду? Или какие-то иные чувства?

Е. ГАЙДАР. Облегчение я почувствовал позже. И радость от того, что теперь за все уже отвечаю не я. А тогда, честно говоря, было лишь беспокойство за судьбу дела, которые мы начали. Не паника, не ощущение, что все рухнуло, а беспокойство за то, как будут развиваться события дальше. Ведь от того, как поведет дело новое правительство, в значительной степени зависит, окажется ли наша деятельность очень трудным прологом к более или менее успешному развитию или просто эпизодом, который ведет в никуда.

Д. САЙМС, американский политолог. Нет ли у Вас ощущения, что Вы начали проводить реформы, не сообразуясь с политическим и, если хотите, моральным контекстом своей страны? И Ваш конфликт с Верховным Советом связан не только с его консерватизмом, но и с некоторой Вашей недооценкой реального положения вещей?

Е. ГАЙДАР. Нет, честно Вам скажу, совсем нет. Наши действия в огромной степени опирались на анализ той реальной социально-экономической ситуации, в которой страна оказалась осенью

Опубликовано в: Литературная газета. 1993. № 1–2. 15 января.

1991 г. Вы вспомните. Август, развалившийся Союз, полностью утраченная эффективность органов госуправления. Абсолютно неэффективные и никогда ничем не управлявшие российские структуры. Полностью разваленная финансовая система. Сжимающийся рынок, сокращающаяся добыча угля, агонизирующая экономика. Отсутствие нормативной и организационной базы для приватизации. Если вы вспомните эту ситуацию, то увидите, что в значительной степени наши действия были и вынужденными, и заданными. Мы ведь получили отнюдь не оскорбляющий меня, но мало заслуженный упрек в доктринерском монетаризме за действия, которые, строго говоря, никак не связаны с нашими экономическими убеждениями. Любому человеку независимо от его убеждений должно быть совершенно ясно, что в такой ситуации единственный выход — это попытаться запустить рыночный механизм.

С. КОЭН, американский историк. Среди Ваших консультантов был американец Джейфри Сакс. Не странно ли: американец при российском правительстве? А о Саксе у нас говорили так: любое правительство, где появляется Сакс, скоро падает, а сам он получает очередные дивиденды.

Е. ГАЙДАР. При всей моей глубокой симпатии к Саксу и благодарности за его помощь, я никогда не согласился бы возложить на него и грана ответственности за наши дела. Привлечение западных консультантов — нормальная практика, и, надеюсь, новое правительство ее поддержит. Но могу сказать, что никакие консультанты не заменяют и не могут заменить людей, которые принимают решения. Они нам советовали, но решения принимали только мы сами.

А. УДАЛЬЦОВ. А сверяли Вы свои действия с критикой Ваших коллег-экономистов — нет, не в Ваш адрес, а в адрес Вашей политики? Или все-таки работали, так сказать, с чистого листа, как команда, которая пишет новую музыку?

Е. ГАЙДАР. Ну, разумеется, и сверяли, и смотрели все, что программно-аналитического создается рядом. Самое глупое считать, что никто ничего интересного тебе сказать не может. Ну а критика? Я прекрасно помню, как люди (не стану называть их имена), обвинявшие нас — как же это мы либерализовали цены, не проведя предварительно приватизацию, — еще в октябре 1991 г., до нашего прихода, буквально в истерических тонах требовали от Б. Н. Ель-

цина, чтобы он немедленно, через три дня, либерализовал цены, а иначе все рухнет.

Ю. СОЛОМОНОВ, заместитель главного редактора «ЛГ».

Из всех критических высказываний в Ваш адрес мне больше всего запомнилось выступление Михаила Гефтера в «Итогах», где он упрекнул Вас в несколько однобоком, что ли, подходе к руководству правительством. Вы, мол, были зациклены на финансовой реформе и не осуществляли той полифонии функций, которая требуеться от руководителя правительства. Так вот, контролировали ли Вы действия силовых министров? Ибо выступление на съезде, скажем, Баранникова произвело на меня кошмарное впечатление. Опять, значит, , опять происки, диверсии, воздействия и так далее. В качестве и. о. премьера вы влияли, ну, скажем, на идеологию этих ведомств?

Е. ГАЙДАР. У нас были, так сказать, президентские министерства, министерства, которыми непосредственно руководил президент. Это Министерство обороны, Министерство безопасности, Министерство иностранных дел и в меньшей степени Министерство внутренних дел. Это не значит, конечно, что правительство не обсуждало их работу, нет, обсуждало, но в первую очередь с точки зрения финансовой, материального обеспечения, сокращения или увеличения ассигнований и т. д.

Ю. КУЛИКОВ, заместитель главного редактора «ЛГ». Хасбулатов месяца два назад сказал, что правительства у нас нет, каждый министр действует сам по себе. А один известный экономист, помню, делился своими наблюдениями: стоит Гайдару пальцем пощелкать и каждый министр встает чуть ли не во фронт. Кто из них прав?

Е. ГАЙДАР. Думаю, ни тот, ни другой. Обстановка в правительстве в общем была нормальная. В целом работа была достаточно дружная, командная.

А. УДАЛЬЦОВ. А чья была инициатива ввести в правительство Хижу и Черномырдина? Можете вспомнить?

Е. ГАЙДАР. Могу. Хижу назвал я, а Черномырдина — Борис Николаевич.

А. УДАЛЬЦОВ. Егор Тимурович, ситуация, в которой Ваше правительство начало действовать, была, разумеется, крайне тяжелой. Но сегодня я перечитал интервью с Вами Олега Мороза, напечатан-

ное в «ЛГ» в середине февраля, и там Вы выглядите, ну, что ли, неоправданно оптимистичным. Говорите, что цены скоро повысятся в 3–3,5 раза, а они на некоторые товары повысились в 100–200 раз. Не будем скрывать, в народе есть и раздражение, и осуждение. Сегодня, по прошествии года, Вы бы пересмотрели какие-то свои позиции? Этот год Вас чему-то научил? Вы видите какие-то ошибки, которые допустило Ваше правительство?

Е. ГАЙДАР. Без всякого сомнения. О части из них я уже говорил на съезде¹. Во-первых, мы с самого начала переоценили возможности микроэкономической адаптации государственных предприятий к новым реальностям, с которыми столкнулись. Нам надо было уже в декабре начинать широкую пропагандистскую, разъяснительную кампанию, объяснять, что предприятия будут жить в другом мире, что дальше нельзя рассчитываться платежными поручениями, что надо переходить на другие формы расчета, что сегодня всякий раз необходимо думать; платежеспособен ли ваш потребитель? Конечно, с другой стороны, я сам себе могу возразить: ну что это за наив такой! Разве в декабре прошлого года вообще можно было объяснить людям, что они станут жить в другом мире? Все были твердо уверены, особенно директора, что все останется строго так, как есть, строго как было. Так же будет идти бартер, деньги по-прежнему ничего не будут значить. По-прежнему директор будет метаться в поисках маттехрессурсов и т. д. Это было настолько ясно, что все наши попытки объяснить что бы то ни было встречали отпор отцов: «Ну, мальчишки, ну совсем не знают жизни». И тем не менее я считаю, что мы недооценили масштаб проблем, переоценили способность предприятий адаптироваться самостоятельно. Второе — конечно, по наличке. Это был острейший кризис весной. Ведь первое, что я сделал, когда пришел в свой кабинет, — вызвал председателя Гознака и с ним обсуждал проблемы, связанные с переходом на купюры высокого номинала. Но потом состоялось заседание Президиума Верховного Совета и там устроили дикий разнос: «Вмешиваетесь в компетенцию Верховного Совета, раскручиваете инфляцию», и т. д. Конечно, надо было не сдаваться, еще в декабре устроить большой скандал по этому поводу, добиваться нормальных решений по подготовке купюр высоких номина-

лов. Тогда бы мы в мае-июне не столкнулись с таким тяжелейшим кризисом¹. Далее, серьезная наша ошибка — цены на энергоснабжители. По большому счету цены на нефть надо было отпускать еще в январе. И ничего страшного не случилось бы. Была система квотирования, цены внутренние и внешние у нас раздельны. И если хочешь сдержать рост внутренних цен, всегда можно ввести более высокий экспортный тариф. Но тогда мы на это пойти не решились, полагая, что сейчас вот немножечко все устоится, а потом мы мягко, где-нибудь в феврале их отпустим. В феврале их можно было отпускать совершенно спокойно. На фоне общей ценовой петролянки января-февраля это прошло бы почти незамеченным. Ну, скажем, цены за январь выросли бы не в 3,5 раза, а в 4,5 раза. Это что, катастрофа? Однако и в феврале топливники меня уговорили: «Ну давайте чуть-чуть подождем, до конца отопительного сезона». А дальше возникла очень опасная ситуация, когда повышение цен уже объявлено, но еще не сделано. В январе предприятия еще не знали, что такая либерализация цен. Они воспринимали либерализацию цен только как освобождение цен на их собственную продукцию. «Ну хорошо, либерализуйте цены, а мы уж тогда покажем, мы потребителю такие цены выставим, что он рад не будет». А после февраля они уже стали понимать, что либерализация цен — это одновременно и либерализация цен на потребляемые ими самими ресурсы. И тут вот возникла основа той мощнейшей коалиции против правительства, которое собирается, мол, разрушить отечественную экономику, превратить ее в сырьевой придонок и т. д. Этого, конечно, нельзя было допустить. Ну и серьезные просчеты во внешнеэкономическом регулировании. Но знаете, очень уж хотелось создать культурное внешнеэкономическое регулирование, чтобы налоги не в валюте платить, а в собственных национальных деньгах. Такую нормальную систему экспортных тарифов, как в общем полагается в мало-мальски культурной переходной экономике. Однако и здесь мы перестарались, недоучли реальных проблем этой экономики, где платежи идут не день, а три недели, а иногда и три месяца, где очень низка платежная дисци-

¹ Кризис наличности состоял в том, что предприятия и учреждения, даже имея на счетах средства для выплаты заработной платы, не могли этого сделать, потому что у них не было наличных денег. Это, естественно, вызывало массовое недовольство. — Прим. ред.

¹ Имеется в виду VII Съезд народных депутатов, состоявшийся 1–14 декабря 1992 г. — Прим. ред.

плины, где нет эффективных законов о банкротстве и т. д. Вот, если по-крупному говорить, наши основные, главные ошибки.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ, член редколлегии «ЛГ». С точки зрения экономической науки все это, возможно, совершенно правильно. Ну, а с социальных позиций? Если выйти из кабинетов на улицу, то мы увидим, что за тот год, когда Вы были во главе правительства, рост цен превысил раз в пять как минимум повышение зарплаты, т. е. уровень жизни многих людей катастрофически упал. В то же время происходит обогащение небольших категорий дельцов, причем обогащение не за счет производства, а за счет перепродажи. Водки по 150 руб., как она сегодня стоит, в магазинах нет, зато в киосках есть по 300 руб. Как же все-таки совместить экономическую целесообразность, необходимые реформы с реальной жизнью человека, его потребностями?

Е. ГАЙДАР. Многие из этих вещей являются более или менее неизбежными. Жизнь она такая, какая есть, и больше никакая. Молодой капитализм, который мы строим, никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благостным сразу. К нему надо идти постепенно. И новая буржуазия сначала будет такой, какая она есть. Как правило, в первую очередь спекулятивной, потому что никакие крупномасштабные вложения в производство эта буржуазия не станет делать, пока мы не создадим минимальный уровень финансовой стабильности. При темпах роста цен, составляющих десятки процентов в месяц, самое разумное поведение, это, конечно, поведение спекулятивное. Вложение капитала в первую очередь в посредническую деятельность. Теперь о падении уровня жизни. Без всякого сомнения, оно произошло и было достаточно серьезным. Вместе с тем и тут надо быть реалистами, четко оценивать и базу, и фактические масштабы, и последствия этого пути. Если, скажем, мы будем сравнивать с реальной базой декабря 91-го года, то уровень реальных доходов сейчас снизился почти в 2 раза, примерно на 48%. Это вроде бы очень трагичное снижение уровня жизни. Но скажу так: если бы такое трагичное снижение уровня жизни было реальным, то никакая социальная политика и пропаганда правительства не спасла бы нас от социальных катализмов, которые не позволили бы проводить какие бы то ни было реформы. Дело, однако, в том, что на самом деле никакого реального уровня доходов декабря 1991 г. не существовало. Что такое реальный уро-

вень доходов в декабре 1991-го? Это государственные цены, деленные на выплачиваемую государством заработную плату. Что такое государственные цены в декабре 1991 г.? Да полная фикция. Это то, чего не существовало в природе. Для того чтобы согласиться с этим, надо признать, что в декабре 1991 г. реальные доходы населения были в 1,7 раза выше, чем в 1985 г., что в декабре 1991-го мы стали почти в 2 раза лучше жить, чем в 1985 г. Кто-то готов в это поверить? Не готов. Трудно. Конечно, доходы сократились, и существенно сократились, на фоне падения производства, сокращения импорта и т. д., но не в 2 раза. Качество жизни в 2 раза не упало.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Упало в большей степени. Мы все это знаем хотя бы по тому количеству мяса, молока, яиц, масла, которое мы могли купить на зарплату в 1991 г. и можем сегодня. Разница большая.

Е. ГАЙДАР. А где Вы могли тогда купить мясо? Где вы его доставали?

А. БОРИН, обозреватель «ЛГ». Вы говорите о спекуляции. Но ведь в нашем уголовном законе 1920-х годов спекуляция понималась совсем иначе — имелись в виду какие-то действия, которые препятствуют выходу товара на рынок. Но и с такой спекуляцией никакой борьбы сегодня, мне кажется, не ведется.

Е. ГАЙДАР. Да, это абсолютно точно поставленная проблема, но, к сожалению, очень трудно решаемая. Два раза мы обсуждали ее на правительстве. Что можно было сделать? Расширить права контролирующих систем — милиции, налоговой инспекции и т. д.? Ну будут они хорошо, еще лучше кормиться. А результат? Простыми решениями тут ничего не добьешься, поможет лишь макроэкономическая стабилизация. Да и вообще, упрощенное, элементарное понимание очень сложных вещей всегда опасно. Вот нам говорили: «Почему вы начали либерализацию цен, не надев на монополистов налоговые намордники?». Но налоговый намордник на монополиста до либерализации цен, на мой взгляд, чистейшей воды утопия. Любой человек, обладающий материальным ресурсом, а не деньгами, которые никому не нужны, в условиях подавленной инфляции является монополистом. И идея, будто можно наладить эффективный контроль за монополистом вне начавшего хоть как-то работать рынка — абсолютно утопичная идея. Как можно надеть узду на монополиста? Только одним способом: заставить его бегать

кругами и искать того, кто сделает ему заказ, заплатит ему деньги, прокормит его рабочих. Другого не дано.

А. УДАЛЬЦОВ. И все-таки, за что сегодня прежде всего надо браться? За спад производства или за цены?

Е. ГАЙДАР. Без всякого сомнения, за цены, потому что без финансовой стабилизации любые разговоры о подъеме производства абсолютно беспочвенны. А падение производства? Сейчас, когда я уже не премьер, могу признаться в одной страшной вещи: с августа производство у нас не падало. А если исключить военную продукцию, то даже росло. Вообще же в такой сверхмилитаризованной экономике падение производства неизбежно. Я только не понимаю: от того что у нас в 38 раз сократилось производство танков, действительно произошла трагедия? Именно здесь наша главная проблема? Нет, конечно. Если говорить о действительно стратегических наших проблемах, то их, на мой взгляд, по крайней мере две. Во-первых, дифференциация доходов. Процесс этот крайне неприятный, хотя и неизбежный на фоне перехода к рыночной экономике. Возникают чрезвычайно, непомерно высокие доходы нового формирующегося класса, что создает условия для хронической социально-политической нестабильности. Этую проблему, видимо, придется решать любому правительству. Как? Наверное, в первую очередь повышая адресность социальных программ с тем, чтобы доводить дотации до реально нуждающихся. И, наконец, вторая стратегическая проблема – отсутствие капитала.

С. МЕРИНОВ, заместитель заведующего отделом внешней политики. Об этом еще граф Витте говорил.

Е. ГАЙДАР. Да. Но граф Витте мог выкачивать деньги из сельского хозяйства. А мы откуда? Наше сельское хозяйство за 70 лет вконец разграблено. Брать из бюджета? Но если финансируем развитие за счет бюджетного дефицита, то это не финансирование развития, это перекладывание денег из одного кармана в другой. За счет добровольных сбережений населения? Весь мир так развивается. Но у нас еще долго сохранится низкая норма сбережения доходов населения. И потому, что народ бедный, и потому, что в этом смысле у нас существуют очень дурные традиции. Значит, бюджет должен иметь собственные здоровые доходы. Вот этого мы и пытались добиться.

О. МОРОЗ, член редколлегии «ЛГ». Не могли бы Вы прокомментировать первые шаги Верховного Совета и Черномырдина после Вашего ухода? Завышение бюджетного дефицита, льготные кредиты на 200 млрд руб. топливно-энергетическому комплексу и т. д.?

Е. ГАЙДАР. Я бы разделил шаги нового правительства и шаги Верховного Совета. Действия Верховного Совета идут в русле того, что он делал на протяжении последнего года. И, честно говоря, задают малоприятный фон нашего развития на ближайшее время. В первую очередь я бы выделил стабилизацию цен на хлебопродукты. Когда люди хотят сделать глупость, они непременно найдут, где эту глупость сделать. Просто надо чуть-чуть больше знать ситуацию с запасами не просто зерна, а, скажем, продовольственной пшеницы. И абсолютную невозможность для нас восстановить практику скармливания хлеба скоту, если мы не хотим серьезных проблем и перебоев с хлебом весной. Или, скажем, отказ мобилизовать ресурсы пенсионного фонда. Это продолжение все той же странной политики по принципу: чем хуже, тем лучше. Я-то, признаюсь, надеялся, что теперь, взяв на себя больше ответственности, парламент хоть чуть-чуть приведет свои действия в соответствие с логикой и здравым смыслом. Но пока, к сожалению, этого не происходит. Кредит в 200 млрд? Ну, в общем, он был предопределен и раньше. Весь вопрос, с какой интенсивностью он будет использован. Когда я сдавал Виктору Степановичу дела, то говорил, что если он этот кредит использует, условно говоря, на протяжении следующих двух недель, это будет очень опасно. А если, скажем, с декабря по март, то макроэкономический дисбаланс в принципе не усилится, все ляжет нормально. А вообще-то говоря, мы все максимально заинтересованы в том, чтобы дела у правительства Черномырдина шли как можно лучше. И вся наша надежда на то, что правительство это окажется еще лучше, чем надеются его сторонники, и, уж конечно, лучше, чем о нем думают его самые злые противники.

А. БОРИН. Примиренческая, хотя и не слишком вписывающаяся в компетенцию Конституционного суда миссия В. Зорькина на съезде вызвала широкое одобрение: действительно, должна ли торжествовать юстиция, когда гибнет мир? Но я себя спрашиваю: а как развивались бы события, если бы такой тяжелый компромисс все-таки не состоялся? Кто бы выиграл в конечном счете?

Е. ГАЙДАР. Я думаю, что в рамках чисто политической конфронтации президент скорее всего победил бы. За 2–3 дня съезд достаточно много сделал, чтобы всерьез мобилизовать против себя общество. Но выиграл бы президент ценой очень серьезных политических потрясений с тяжело предсказуемыми последствиями. И на фоне такого острого политического противостояния, которое неизбежно пронизало бы всю Россию, проводить осмысленную экономическую политику, тем более стабилизационную политику, стало бы в принципе невозможно.

Ю. СОЛОМОНОВ. Из хорошо информированных источников известно, что в ходе работы съезда Вы встречались с политсоветом Гражданского союза. Лично мне не кажется, что Гражданский союз представляет собой реальную политическую силу, скорее, это результат умелой политической мифологии.

Е. ГАЙДАР. Я с вами совершенно согласен, Гражданский союз в определенном смысле является мифом. Но, как всякий политический миф, овладевший массовым сознанием и созданный в значительной степени благодаря хорошей рекламе, пропагандистской кампании, он, будучи мифом, становится и политической реальностью. Это структура, у которой, видимо, нет реальной широкой базы на местах. И его реальное влияние на депутатов весьма ограничено. Если Гражданский союз, скажем, агитирует, чтобы выступить против гнусного антнародного правительства национальной измены, то, конечно, большая часть депутатов с удовольствием проголосует за это. Но если, паче чаяния, по каким-то причинам Гражданский союз решит, что надо договориться с этим правительством, и предложит сделать это, то очень большая часть тех же депутатов никогда к этому не прислушается. Реально, я думаю, Гражданский союз оказывает влияние на позицию 50–60 депутатов.

О. МОРОЗ. В печати появлялось сообщение о том, что Вы проводите консультации с различными политическими партиями, как бы стремясь задним числом найти у них политическую поддержку. Это так?

Е. ГАЙДАР. Нет, я не веду никаких политических консультаций. Просто после отставки меня попросили принять ряд людей, политических активистов. Раньше, к сожалению, такой возможности я не имел.

О. МОРОЗ. А кому из них Вы больше всего симпатизируете?

Е. ГАЙДАР. Я очень благодарен тем политическим силам, которые на протяжении этого тяжелейшего года твердо поддерживали курс на радикальные реформы, и в первую очередь «Демократической России». Но все же надо признать: политических партий пока у нас нет.

Л. ГРАФОВА, обозреватель «ЛГ». Надеетесь ли Вы когда-нибудь вернуться снова на пост премьера?

Е. ГАЙДАР. Честно говоря, нет.

А. УДАЛЬЦОВ. Вам уже достаточно?

Е. ГАЙДАР. В общем да...

Ю. СОЛОМОНОВ. Мне не очень нравится сопоставление Гайдара-деда и Гайдара-внука, которое сегодня вовсю обыгрывают журналисты. И все-таки я хочу спросить: Ваш дед, как человек своего времени, хотел, чтобы не было богатых, а Вы?

Е. ГАЙДАР. За нами большой и тяжелый исторический путь. И сегодня любой нормальный человек хочет, чтобы не было бедных.

Второй Октябрьской революции Россия не выдержала бы

В гостях у «Литературной газеты» первый вице-премьер правительства Егор Гайдар.

Мятеж. «Белый дом мечтал о народном восстании»

А. УДАЛЬЦОВ, главный редактор «ЛГ». Подводя итоги октябрьским событиям в Москве, многие аналитики считают: в борьбе за власть руководители Белого дома использовали боевиков, а президент был вынужден подавить мятеж. Но есть и другое мнение (об этом пишут и на Западе): да, разумеется, на улицы вышли экстремисты и откровенные фашисты, но одновременно наблюдались и элементы народного восстания, вспыхнувшего ввиду тяжелого экономического положения страны. Разделяете ли вы такую точку зрения?

Е. ГАЙДАР. Нет, я эту точку зрения не разделяю. Думаю, что именно иллюзия надежды на массовую народную поддержку была тем фактором, который подвел лидеров коммунистов и националистов к принципиально неверной оценке ситуации. Отсюда ошибочные действия, которые, в конце концов, закончились их сокрушительным поражением.

Начиная с марша голодных очередей ноября — декабря 1991 г. эти лидеры действительно искренне были убеждены, что нашу политику народ не может поддерживать, более того, должен восстать. И они обязаны быть во главе восстания.

Вы помните, как позже критики говорили: пусть президент проведет референдум, получит свои 20% голосов. Ставка была сделана на то, что единственная прибыльная политика — это политика

Опубликовано в: Литературная газета. 1993. № 44. 3 ноября.

оппозиции по отношению к проводимому курсу. Именно отсюда, кстати говоря, поразительный просчет с постановкой на апрельском референдуме по собственной инициативе оппонентов второго вопроса — о доверии социально-экономической политике. В максимально провокационной форме, с заведомой уверенностью в том, что на такой вопрос можно получить только отрицательный ответ. Но в результате сами спрашивающие оказались в проигрыше.

То же самое было во время событий с 21 сентября по 4 октября. Конечно, шла массовая мобилизация сторонников Белого дома. Отправлялись красные дружины из городов и весей России, из зарубежных государств. И в какой-то момент стало казаться, в том числе тем людям, которые этим процессом управляли, что действительно есть народная поддержка. И вот-вот грянет народная революция против режима авторитарного, продажного и т. д. Этого не случилось, массовой народной поддержки не было. На защиту Белого дома пришли 5 тыс. боевиков, а не десятки тысяч граждан, как в августе 1991 г. И это, мне кажется, было важнейшим фактором, который определил поражение.

А. САБОВ, обозреватель «ЛГ». Считаете ли Вы необходимой ту меру, к которой прибегнул президент 21 сентября? Не было ли все-таки возможности для компромисса?

Е. ГАЙДАР. У меня было твердое убеждение: с теми силами, которые контролировали Белый дом, компромиссы невозможны. Они достигаются с людьми, которые, если ты шагаешь навстречу, тоже делают маленький шагок к тебе, не стоят на месте. А уж с теми, кто шаги навстречу принимает за слабость и делает два шага назад, компромиссы немыслимы.

Белый дом вел дело к вполне понятной развязке, провоцировал президента России, известное субботнее выступление спикера было сугубо провокационным¹. Именно поэтому, кстати, у меня появилось большое беспокойство: раз противник сознательно тебя

¹ Речь идет о хамской выходке Р. И. Хасбулатова, который 18 сентября, выступая на совещании представителей Советов всех уровней, прокомментировал назначение Гайдара так: «Борис Николаевич [Ельцин] подписал этот свой указ вот под этим делом» (после чего последовал характерный щелчок по горлу...). Сегодня даже многие сторонники антиельцинской оппозиции признают, что после этого какие-либо возможности примирения между конфликтующими сторонами были исчерпаны. — Прим. ред.

провоцирует, то правильно ли выбран момент, чтобы принимать ответные меры?

Ю.ЩЕКОЧИХИН, член редколлегии «ЛГ». В августе 1991 г. Вы и я были вместе, а в октябре 1993-го — нет. В тот час, когда Вы призывали всех выйти к Моссовету, я выступал по радио «Эхо Москвы» и говорил, чтобы москвичи оставались дома, потому что в той ситуации звать на улицу было, по-моему, не очень нравственно. Почему Вы обратились с таким призывом? Не были уверены в своих силах? Не могли как первый вице-премьер контролировать милицию, армию? Или причина другая (я об этом говорю с грустью) — может быть, для того, чтобы никто не подумал, что это военный переворот, а не народная революция? В общем, происшедшее для меня даже сегодня большая загадка.

Е.ГАЙДАР. Существуют вещи, о которых пока трудно подробно говорить. Потому что есть правительенная солидарность. Есть совместная ответственность за происходящее. Есть набор ограничений, которые не позволяют многое рассказать. Когда-нибудь, если будет возможность, я подробно опишу события 3–4 октября. А сейчас позволю себе ответить в рамках имеющихся у меня возможностей.

После сокрушительного поражения заговорщиков очень легко и приятно делать рациональные выводы. Теперь мы живем в изменившемся мире, где победа стала элементом реальности. И кажется, что все остальное — какие-то химеры, иллюзии. Мол, мы не могли проиграть, а они были обречены. Но если бы, не дай Бог, победили они, это тоже был бы элемент реальности. И не мы, а кто-то другой подробно бы делал рациональные выводы, почему они должны были победить, почему у беспомощной демократической власти не имелось, как в 1917 г., другого шанса.

Обсуждая события 3–4 октября, надо четко представлять: жесткой заданности победы одной из сторон не было. А если так, то абсолютно бессмыслены любые разговоры о том, кто и что мог сделать. Мир стоял на пороге исторического поражения демократии. Говорить о действиях или бездействии милиции, армии, их ответственности имеет смысл только тогда, когда вы сделали все, что можно, чтобы переломить ситуацию.

О.МОРОЗ, член редколлегии «ЛГ». В передаче «Без ретуши» недели три назад я задавал Вашему шефу Черномырдину вопрос, на ко-

торый не получил исчерпывающего ответа. Может быть, Вы ответите. Из 6580 человек, которых задержали после 3–4 октября и которые содержались в милиции, почти все сразу же были выпущены. Осталось человек 20 в Лефортове, в изоляторе. Что это означает? Разве не было толп, которые грабили, били, жгли, убивали? Разве не было так называемых защитников Белого дома, которые стреляли в солдат, прохожих, в зевак? Может, это все нам померещилось? Мятежников отпустили — это что, идея гуманизма? Но не могли же начальники отделений милиции сами принять такое решение. Значит, была какая-то команда. Может быть, от Ельцина?

Е.ГАЙДАР. Думаю, тут следует вести речь не о команде Ельцина, скорее — о необходимости оформления ордеров на арест, которые выдаются в прокуратуре. Принцип независимости прокуратуры действует, несмотря на чрезвычайное положение. Насколько я знаю, прокуратура интенсивно ведет следствие, выясняет роль тех, кто не арестован. Арест был выбран в качестве меры пресечения небольшой части путчистов. В отношении других просто возбуждено уголовное дело. Прокуратуре надо дать возможность достаточно оперативно и качественно подготовить соответствующие дела и представить их в суд. Потому что мы с вами даже в условиях не совсем обычного положения вряд ли можем выступить в роли суда.

Я полностью с вами согласен. Мы все видели, знаем, что произошло, что было много убийц, они должны нести ответственность. Но раздавались такие призывы: давайте сегодня, учитывая специфику времени, закроем глаза на всякие процессуальные, юридические подробности и соображения. Такое решение было бы вредным с точки зрения перспектив российского общества.

И.ГАМАЮНОВ, обозреватель «ЛГ». По сообщениям печати, Белый дом защищали бойцы батальона «Днестр», вызванного из Тирасполя. Тираспольчане узнавали этих людей на телевидении. Каким образом они ответят за свои действия? И ответят ли?

Е.ГАЙДАР. Если прокуратура представит достаточно свидетельств того, что эти люди замешаны в преступлениях на улицах Москвы, у нас будут возможности добиться их ареста. Какие? Известен принцип международных санкций. Скажем, ливийский народ совершенно не виноват в том, что руководство страны отказывается выдавать правосудию подозреваемых в терроризме.

Но санкции-то применены. Если мы не собираемся прибегать к экстремальным методам, то приходится прибегать к экономическим.

Л. ВЕЛИКАНОВА, редактор отдела «ЛГ». Сколько все-таки трупов было в Белом доме? В прессе называются разные и страшные цифры. Газеты ведут расследования, намекают на то, что трупы куда-то сплавили через подземные ходы. Имеется ли у Вас точная информация? Будет ли на этот счет официальное заявление?

Е. ГАЙДАР. Не могу сейчас назвать цифры. Но, во всяком случае, мне ничего не известно о том, что кто-то «сплавлял» тела по каким-то ходам. Знаю точно: из депутатов никто в ходе штурма не погиб.

В. ПОЗНАНСКИЙ, корреспондент «Радио «Россия». Я далек от того, чтобы распространять безумные слухи. Но то, что сейчас скажу, я слышал своими ушами на пресс-конференции, которую давали главные редакторы временно закрытых газет. Редактор «Гласности» заявил: на стадионе «Астмапарк» (бывшем «Красная Пресня») ОМОНом или другими частями были расстреляны 6,5 тыс. участников мятежа! Причем на вопрос одного из корреспондентов — существуют ли доказательства? — прозвучал ответ: да, у нас достаточно свидетелей.

Е. ГАЙДАР. Это, по-моему, наглядно свидетельствует: журналисты запрещенных изданий продолжают врать столь же вдохновенно, как делали это во все другие времена.

Экономика. «Инфляцию можно сбить быстро, если действовать осмысленно»

С. БОБРОВСКИЙ, редактор отдела экономики «ЛГ». Видите ли Вы проблему индексации сбережений? Если да, то как собираетесь ее решать?

Е. ГАЙДАР. Лобового решения, разумеется, не существует. Увеличить денежную массу в соответствии с уровнем цен? Тогда он, естественно, вновь повысится в соответствии с изменившейся денежной массой. Поймать себя за хвост в этом случае невозможно. Значит, надо искать какие-то неинфляционные ресурсы. К сожалению, дополнительных источников для этих целей практически нет. Но мы, например, думаем над механизмом, который увязы-

вал бы жилищные субсидии со сбережениями, обесцененными в 1992–1993 гг.

С. БОБРОВСКИЙ. А не рассматривался ли вариант решения этой проблемы через приватизацию самого Сбербанка?

Е. ГАЙДАР. Рассматривался. Эта идея относится, в отличие от многих, к числу не лишенных смысла. Но, к сожалению, отнюдь не решает проблем, которые появляются у вкладчиков.

А. УДАЛЬЦОВ. Как Вам сегодня видится развитие нашего сельского хозяйства? Каковы его перспективы?

Е. ГАЙДАР. Ситуация фундаментально изменилась. Раньше мы постоянно обсуждали тему: надо накормить город, надо накормить. Сегодня этого нет. Но есть проблема высоких издержек. Есть проблема импортной конкуренции. Она наносит ущерб отечественному товаропроизводителю. Есть проблема открытия рынков для экспорта отечественной сельхозпродукции. Есть проблема колоссальной социальной неустроенности сельского хозяйства. Но это уже не проблемы голода.

Собственно, за последние два года, как ни странно, при постоянных разговорах о кризисе сельского хозяйства в нем начали развиваться те процессы, о необходимости которых десятилетиями писали, в том числе и на страницах любимой мною «Литературной газеты». Мы бесконечно много говорили о неэффективной структуре отечественного кормопотребления, о том, что оно, вопреки русским традициям, переместилось с зеленых кормов на зерно. Писали, а 30–40 млн т зерна в год импортировали. И так все шло.

Два года никаких постановлений по этому поводу мы не принимали. Но логика жизни, заработавший рынок привели к фундаментальным изменениям. Увеличилась роль зеленых кормов, перераспределено стадо в пользу личного подсобного хозяйства, где животноводство более эффективно. Никакой революции вроде не произошло. А импорт резко сократился. Больше того, по некоторым культурам есть избытки, появилась возможность экспортировать продукцию.

Я, честно говоря, всегда скептически думал о возможности революционных изменений в отечественном сельском хозяйстве. Зато начался процесс постепенной трансформации, отказа от безумной расточительности. Он проявился в резком сокращении привлечения техники на уборку, энергопотребления.

Если говорить о долгосрочной перспективе, то это структурная перестройка, увеличение доли частного хозяйства, мягкая трансформация колхозов и совхозов (там, где они сохраняются) в реальные кооперативы, свертывание неэффективных производств, открытие внешнего рынка. Если говорить о каких-то приоритетах, то в следующем году ими, конечно, станут отказ от рецидивов госзаказа на поставку сельхозпродукции и формирование нормального зернового рынка.

А. УДАЛЬЦОВ. Появилось сообщение об ужесточении правил хождения валюты в будущем году. Что делать владельцам?

Е. ГАЙДАР. Главное — не суетится. То регулирование, которое вводится с января 1994 г. в валютной области, предельно мягкое. Если можно выстроить шкалу мягкости регулирования хождения иностранной валюты, то мы здесь будем близки к рекордсменам. Ограничения распространяются только на покупки в иностранной валюте. Вы можете ее хранить, менять, вывозить из страны, ввозить, рубли менять на СКВ. Но для того, чтобы купить что-то, вы должны зайти в соседнее обменное бюро, обменять доллары на рубли. Во многих странах приняты гораздо более жесткие меры.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ, зам. главного редактора «ЛГ». Недавно мы получили официальную бумагу, где говорится: страны ближнего зарубежья за проведенную подпиську не рассчитываются с «Роспечатью» и поэтому с 1 ноября она либо прекращает доставку газет в Украину и другие государства Содружества, либо предлагает нам пересыпать газету подписчикам бывших республик ... бесплатно, за свой счет, что равносильно экономическому самоубийству. Так что же происходит?

Е. ГАЙДАР. Когда вы выписываете газету в Канаде, вам не приходит в голову, что за нее можно не платить. Или платить чем-то другим, кроме российских рублей, или канадских, или американских долларов, или другой конвертируемой валюты. А вот «зайчиками» — нет соответствующего соглашения. В связи с этим проста ситуация с Литвой, Латвией, Эстонией. Они ввели нормальную валюту. У нас есть соответствующие межбанковские отношения. Латэлементарно переводится в рубль, рубль переводится в лат.

Нет никаких экономических и финансовых препятствий таким расчетам и с государствами Содружества. Но есть неопределенность в денежных отношениях.

В. ПОЗНАНСКИЙ. Инфляция продолжается, курс доллара остается примерно на одном уровне. Я понимаю благородную задачу укрепить рубль. Но долго ли Вам удастся обесценивать вместе с рублем и долларом?

Е. ГАЙДАР. Есть одна базовая специфика курса доллара: он изначально предельно завышен. По состоянию на декабрь 1991 г. средняя зарплата у нас составляла около 6 долл. В 1992 г. постепенно, после того как рынок начал работать, соотношение паритетов цен было примерно 1 к 10.

Сегодня возникает объективная возможность использовать валютный курс в качестве якоря в борьбе с инфляцией. Скажем, цены на телевизоры росли и растут. Уже 320 долл. средняя цена отечественного телевизора. Но дальше особенно не вырастешь. Вступает в дело эффективная импортная конкуренция. Такая же картина с холодильниками и машинами. И если не поддаться соблазну бурного увеличения импортных тарифов, то дальше ценам расти нельзя. Конечно, если продолжать в крупных масштабах создавать избыточные деньги, то этот якорь сорвется. Но подкрепив его осмысленной бюджетно-финансовой политикой, мы можем довольно быстро сбить инфляцию.

Л. ГРАФОВА, обозреватель «ЛГ». А у цен на жилье есть такой «якорь»?

Е. ГАЙДАР. Нет. Цены на жилье — товар, по которому почти нет импортной конкуренции. Их динамика — это всегда вопрос развития внутреннего рынка.

ВЫБОРЫ. «МЫ ПОСТАРАЕМСЯ НЕ ДОПУСТИТЬ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ПРОТИВНИКОВ ДЕМОКРАТИИ»

А. УДАЛЬЦОВ. Егор Тимурович, девиз Вашего блока «Выбор России»: свобода, собственность и законность. Свобода? За нее наверняка и Шахрай, и Травкин, и Зюганов. Собственность? Еще неизвестно, какая. Законность? После того, что мы пережили в последние недели, каждая партия выступит за законность. В чем же тогда изюминка Вашего девиза?

Е. ГАЙДАР. Из меня не выйдет предвыборного агитатора. Мне легче рассказать о сути экономической стратегии.

При всех разговорах о нарастающем кризисе, о том, что все сейчас развалится, умрет, у многих появилось ощущение временного равновесия, новой жизни. Частная собственность, частный сектор — не рыцари без страха и упрека, но они есть, растут и будут расти. Система рынков сложилась. В очереди стоять не надо. Перед товаро-ведом уничтожаться тоже не обязательно. Все смеялись, смеялись, а рубль-то — конвертируемая по текущим операциям валюта. Экономика открытая. Экспорт растет.

Что же с экономикой будет дальше? Она ведь сложилась как рыночная, хотя и с несколькими болячками. Самых серьезных, пожалуй, три. Первая — высокая и непривычная дифференциация цен. Раньше социальный статус определялся прежде всего положением в иерархии власти. Общество пока не привыкло к тому, что уровень жизни людей зависит от того, сколько они имеют денег.

Вторая серьезная болячка — экономика очень инфляционна. Инфляция — налог на держателей денег. Это процесс, при помощи которого у вас ежемесячно изымают ровно столько денег, сколько требует месячный индекс инфляции. Инфляция имеет тенденцию саморазгоняться. Это та угроза, которая все время существует, то, чего иностранные инвесторы так боятся.

И третья неприятность: в условиях высокой инфляции никакие долгосрочные производственные капиталовложения невозможны. Когда у вас ежемесячная инфляция больше 20%, вы можете вкладывать деньги в операции с валютой, в операции экспортно-импортные сроком не более трех месяцев. Поэтому никаких крупных инвестиций быть не может.

Что делать? Где ключевые точки восстановления экономики? Традиционный российский ответ в стиле государственников, умеренных людей: давайте усилим роль государства, увеличим государственные капиталовложения, обеспечим приоритетное развитие отраслей.

Беда с этим ответом, который дают многие наши оппоненты, состоит в том, что он абсолютно не учитывает одного фундаментального обстоятельства — того, что уровень налоговой государственной нагрузки на экономику и так пределен. Выше он быть не может — иначе будет просто стимулировать уклонение от уплаты налогов.

Если этот путь закрыт, то остается другой — частные капиталовложения. При их помощи можно обеспечить рост, постепенно создать ресурсы. Но это значит, что частные капиталовложения перестают быть частным делом, а становятся вопросом будущего России. Следовательно, необходимо надежно защищать частную собственность, создавать нормальную низкоинфляционную экономику, при которой инвестиции осмыслены. Это суть программы нашего блока.

Ю. КУЛИКОВ, зам. главного редактора «ЛГ». Существует такая точка зрения: члены президентско-правительственной команды поделили роли и сферы влияния. Шахрай взял на себя регионы, Вы — Москву, Попов и Собчак — Петербург. А после выборов вы все объединитесь. Или же дело в другом — в правительстве действительно серьезные разногласия?

Е. ГАЙДАР. У нас очень нестандартная ситуация. Первый раз правительство уходит в предвыборную гонку в условиях реально формирующейся многопартийности! Создан новый, необычный фон, к которому надо привыкать и адаптироваться. Это чрезвычайно тяжело, в том числе в сферах правительства. Нет опыта, коалиционный кабинет, члены которого представляют свои партии, — это в других странах. У нас нечего подобное еще предстоит ввести в жизнь.

Правительство без разногласий не бывает. Это орган, в котором неизбежно скрещиваются реальные социальные противоречия, сталкиваются разные взгляды.

Разумеется, мы будем пытаться делать все для того, чтобы шел нормальный диалог демократических политических сил, чтобы не допустить на фоне нашей полемики прихода к власти людей, которые являются общими противниками свободы и демократии. Мы будем пытаться взаимодействовать. Но, с другой стороны, я думаю, что процесс создания реальных партий в России сейчас нужен.

Л. ГРАФОВА. Вы говорите, ситуация для Вас необычна, но со стороны она выглядит неэтичной. Почему правительство обязательно должно участвовать в выборах? Вы не чувствуете неловкости, что Ваш блок явно получит преимущество? И потом это же немыслимо — сочетать депутатскую деятельность с работой вице-премьера!

Е. ГАЙДАР. Вот тут, пожалуй, я не могу с Вами согласиться исходя именно из нашего российского опыта. Ничего нет необычного в том, чтобы министры были депутатами. Такое случается. Разница между парламентской и президентской республиками — это ведь дискуссионная проблема. Франция президентская или парламентская? При ее стиле, системе отношений между партиями она и та, и другая. Если быть совсем точным, то министров там выбирают в депутаты, после этого они из депутатов становятся министрами. Как только перестают быть министрами, вновь становятся депутатами, т. е. там связи между министром и парламентским корпусом очень тесные.

В реальной российской жизни при формальном разделении я очень боюсь повторения логики эволюции российского парламента. Сколько человек мы взяли в правительство по настоятельным требованиям парламента, чтобы в кабинете были их представители! Через месяц это были люди, которых ненавидели в парламенте больше, чем кого бы то ни было, потому что они были своими, а стали чужими. Разрыв между парламентом и правительством очень опасен. В конце концов из-за него мы очень много заплатили в 1993 г.

Л. ГРАФОВА. Это было из-за несовершенства Конституции. А сейчас будет другой Основной закон.

Е. ГАЙДАР. Я не верю в конституции, которые исключают какие-то противостояния. Во всяком случае не в России и не в ближайшее время.

Л. ЮЗЕЛЛ, журнал «Кроссроуд» (США). Русский народ узнает точный текст конституционного проекта 10 ноября. Парламент не играет роли! Субъекты Федерации тоже. Как сегодня возможно создать настоящую солидную и легитимную Конституцию?

Е. ГАЙДАР. Только история покажет, в какой степени та Конституция, которую мы примем, будет солидной, долгой. Мы прекрасно помним опыт многих стран, где были написаны блестящие, самые гуманные, самые демократические конституции, которые, впрочем, не имели никакого отношения к практике их политической жизни.

Ю. ЩЕКОЧИХИН. Сегодня очень много разговоров о том, что в регионах будут избраны люди из мафии. Но, может быть, ее лега-

лизация неизбежна? Или нет? Как здесь быть? И как быть с проблемой коррупции?

Е. ГАЙДАР. Проблема на самом деле очень серьезная. Я видел, как быстро, к сожалению, «амортизируются» хорошие и честные ребята. Как быстро они оказываются опутанными сетями обязательств, взаимных услуг. Эта беда, во-первых, результат общего идеологического кризиса. Во-вторых, это проблема нищего государства, очень большого и очень бедного, где плохо оплачиваются чиновники. И в-третьих, это следствие рецидивов. Рынок еще замешан на колоссальной воле безбрежного государственного регулирования, когда у чиновника имеется огромное количество поводов: дать-не дать, разрешить-не разрешить и т. д. Тем самым создаются идейный базис, мощный стимул и широкие возможности.

Через это проходили многие страны. Я помню разговор с одним из «отцов» японского экономического чуда — премьер-министром Накасоне. Он мне объяснял, что, наверное, мы не понимаем, какую огромную роль в развитии Японии после войны сыграла теневая экономика. Так что, увы, здесь мы не уникальны. И во вполне развитых странах проблема существует.

Мне кажется, надо работать по всем трем направлениям. Идеология постепенно будет формироваться. Пройдет реформа госаппарата, сократится его численность, выйдем на нормальные, мало-мальски достойные условия оплаты. Почему я такой энтузиаст последовательных мер? Потому что слишком хорошо знаю: за красивыми словами — «надо регулировать», «контролировать» — стоит обычно страстное желание брать. Так что для России максимальные ограничения возможностей «брать» или «не брать» — это еще и вопрос морали, устойчивости общества.

Егор Гайдар считает: в России происходит экономико-политический переворот

Вот уже месяц после начала чеченских событий Егор Гайдар с небывалой активностью бьет в набат, предупреждая россиян о беспрецедентной опасности, нависшей над страной в связи с авантюрой кремлевских правителей в северокавказской республике.

— Егор Тимурович, на днях Вы сказали, что в результате чеченских событий в России может установиться тоталитарный режим. На сколько серьезна эта угроза?

— Я считаю такую угрозу вполне серьезной, иначе я о ней не говорил бы. Во-первых, этот режим может понадобиться авторам чеченской авантюры для того, чтобы уйти от ответственности. Во-вторых, когда развязываются такого рода авантюры, особенно когда они приводят к масштабным жертвам, тогда вступает в действие некая жесткая логика событий, которая сама собой, независимо от личностных и конъюнктурных моментов, приводит к авторитаризму, к лозунгам типа «Сначала наведем порядок в Москве, потом по всей России!»

— Откуда, как Вы считаете, исходит главная угроза диктатуры — от самого Ельцина, от тех, кто им манипулирует?

— Обсуждать это бессмысленно. Перед августовским путчем 1991 г. трудно было заранее сказать, кто конкретно станет инициатором грядущего переворота, но было ясно, что угроза его экстремально высока. Так и сегодня вполне очевидно, что опасность разрушения еще остающихся слабых демократических институтов в связи с событиями в Чечне резко возросла.

— Что нужно сделать для спасения демократии?

— Разумеется, изменить проводимую сейчас политику.

Интервью брал Олег МОРОЗ.

Опубликовано в: Литературная газета. 1995. № 1–2. 11 января.

— Политику в отношении Чечни?

— В первую очередь. Но вообще-то необходима общая смена политических парадигм, которые стали все более и более настойчиво насаждаться с конца 1993 г. Именно с этого времени стал осуществляться поворот к последовательно номенклатурному государству с негарантированными правами собственности, к государству, где собственность распределяется и перераспределяется по усмотрению начальства. Рука об руку с этим повелось наступление на права человека, стала насаждаться ксенофобия во внутренней политике, агрессия во внешней, возобновились попытки силой решать сложнейшие национальные вопросы.

— По-видимому, в русле этой политики укладывается и появление на российской авансцене нового персонажа — свеженазначенного председателя Госкомимущества В. Полеванова с его идеями деприватизации, национализации «неправильно приватизированного имущества»?

— Да, вполне укладывается. Если мы сейчас начнем перебалансировать эту очень хрупкую структуру отношений собственности, которая у нас сложилась, это будет, пожалуй, одним из самых опасных вариантов развития событий в экономике. Отношения собственности — вообще очень деликатная структура. Она складывается десятилетиями и столетиями. Ввиду того, что этот слой «чернозема» — отношения собственности — был у нас уничтожен, перед нами стояла почти неразрешимая задача каким-то образом, без социальных потрясений, добиться распределения прав собственности, формирования их рынка. Эта почти неразрешимая задача была в России решена. Сейчас любая радикальная ревизия полученных результатов будет означать хаос в отношениях собственности, удар по легитимации отношений собственности, серьезнейший удар по любым перспективам частных капиталовложений в российскую экономику. Одна только эта ревизия способна свести на нет какие бы то ни было шансы на экономический рост в России, по крайней мере экономический рост на базе частных инвестиций. И на долгое время.

— Есть ли что-то рациональное в программе В. Полеванова? Ведь он, в частности, уверяет, что многие предприятия были приватизированы с различного рода нарушениями, которые надо исправить. Наверное, нарушения в самом деле есть.

— Это вопрос вполне конкретный. Выявление и устранение нарушений — нормальная рутинная работа, естественная часть кон-

трольных функций Госкомимущества. Однако программа, заявленная его новым руководителем и предусматривающая крутой передел собственности по целым секторам российской экономики, выходит далеко за рамки упомянутой рутинной работы.

— Как Вы считаете, программа В. Полеванова — это его личная инициатива или за ним стоят какие-то крупные силы?

— Конечно, за ним стоят крупные силы, в этом нет никаких сомнений. Отношения собственности — это всегда отношения, тесно переплетенные с властью, это стержень проводимой экономической политики. И всегда существуют интересы, направленные на то, чтобы изменить отношения собственности. Так что позиция В. Полеванова — позиция не индивидуальная, а опирающаяся на группы интересов. И, как я уже сказал, она довольно четко коррелирует с тем общим поворотом в политике, который осуществляется с конца 1993 г.

— Если вернуться к Чечне... Недавно первый помощник Ельцина Илюшин высказался в том духе, что вот, мол, те, кто выступает против военных действий в этом регионе, ничего не могут предложить взамен для решения чеченской проблемы.

— Я могу сказать так. Почти все, что можно предложить взамен, было бы менее разрушительно для российского государства, чем то, что происходит в Чечне сегодня. Любое другое решение было бы менее опасным для Российской государственности, чем то, которое реализуется сейчас. Естественно, предложений существует целый спектр, но обсуждать их в общем плане сегодня бессмысленно. То, что надо сейчас сделать, вполне очевидно: надо прекратить варварские бомбардировки и обстрелы и посадить противоборствующие стороны за стол переговоров.

— В последнее время постоянно повторяется одно и то же обвинение в адрес политиков, выступающих против войны в Чечне: дескать, ими движут предвыборные амбиции. В сущности, это же сказал и Ельцин в своем недавнем обращении. Мне показалось, что при этом он не в последнюю очередь имел в виду и Вас.

— Я не знаю, кто кого имел в виду. Это разговор, который можно вести по принципу «Сам дурак!», т. е. заявить авторам чеченской авантюры, что они затеяли ее, чтобы получить маленькую победоносную войну и тем самым укрепить свой авторитет, повысить свой рейтинг. По-моему, этот разговор вообще малоуместен. Не надо мерить всех по своей мерке.

Раскол демократов ведет к катастрофе

На вопросы обозревателя «Литературной газеты» отвечает председатель партии «Демократический выбор России».

— С какими политическими силами помимо тех, с кем уже обединились в предвыборном блоке, Вы предполагаете координировать свои действия в рамках предстоящей кампании по выборам в Госдуму? Какие принципы могут служить основой для единения и координации?

— Потенциальными партнерами для нас являются все те политические силы, которые занимают схожую с нами позицию по следующим основным вопросам. Первое — укрепление рынка в России. Второе — защита частной собственности, укрепление связанных с ней гарантий. Третье — стабильная национальная валюта, установка роста цен как важнейшая политическая задача. Четвертое — мирная внешняя политика. Пятое — сохранение демократических институтов: свободы прессы, свободы слова.

— Возможно ли создание широкой предвыборной коалиции демократических сил? Широкого предвыборного блока? Что этому мешает?

— Ситуация несимметрична. Мы выступаем за объединение, наши партнеры пока против. Мы считаем, что объединению мешает неумение различить стратегические и тактические приоритеты. Очень ярко это проявилось в недавно опубликованной в «Известиях» статье Г. Явлинского «В расколе демократов трагедии нет». Да, у нас есть стратегические разногласия по многим важным вопросам. Действительно существенные разногласия. И через пять лет они будут очень значимыми. Скажем, мы правоцентристская сила, а есть левоцентристские силы... Но эти различия между нами

Интервью брал Олег МОРОЗ.

Опубликовано в: Литературная газета. 1995. № 29. 19 июля.

обретут принципиальную важность лишь после того, как будут решены другие вопросы, имеющие для России первоочередную важность. Например, будет ли у нас вообще рынок, будет ли вообще частная собственность, будет ли вообще демократия.

— Согласно прогнозам, на предстоящих выборах в Думу демократы могут потерпеть серьезное поражение. Как Вы полагаете, в полной мере осознается такая опасность в демократическом лагере? Служит ли она реальным стимулом к объединению или порождает лишь чувство обреченности? В состоянии ли демократы сделать выводы из неудач прошлых выборов или урок не пошел впрок?

— Да, ощущение опасности есть. Я думаю, что многие политики демократического спектра понимают реальность такой угрозы. Мне, например, она понятна в полной мере. Если я на что-то и надеюсь, то на здоровый инстинкт самосохранения моих коллег из демократического лагеря. А в какой степени это сработает — жизнь покажет. Может быть, Вы помните, накануне прошлых выборов 1993 г. я неоднократно говорил, что надо не между собой разбираться, а бороться против реальных противников, скажем, против коммунистов и радикальных националистов. И тогда мои потенциальные партнеры много раз в прессе высказывали свое категорическое несогласие с этим: «Ну вот, Гайдар пугает нас коммунистами... Какие могут быть коммунисты? Их давно уже нет...».

— Не кажется ли Вам, что коммунисты, аграрии, жириновцы проявляют большую склонность к объединению, чем демократы различных оттенков? В чем тут дело?

— У них тоже есть свои проблемы. Против них сейчас начнет работать тот синдром, который на предшествующих выборах работал против нас: ощущение близкой победы сразу порождает страстное желание разобраться с ее плодами... Так что, я думаю, для наших оппонентов проблема взаимодействия на парламентских и особенно на президентских выборах будет очень непростой.

— Если отвлечься от недавнего скандала между Вами и Явлинским и все-таки еще раз — хотя бы теоретически — рассмотреть модель возможного взаимодействия Вашей партии и блока «Яблоко», какие основные противоречия фундаментального характера, могущие послужить препятствием для такого взаимодействия, тут просматриваются?

— Конечно, у нас есть идеологические разногласия. «Выбор России» — партия по своей природе правоцентристская. «Яблоко», на мой взгляд (хотя это надо уточнить у Григория Алексеевича), движение скорее левоцентристское по программным установкам, по отношению к инфляции... Вот вокруг этого и идет борьба, как во всех стабильных демократиях. Однако эти стратегически очень значимые вопросы сегодня не являются доминирующими. Доминируют совсем другие вопросы — те, по которым мы едины. Непонимание этого и служит главной помехой.

— Не могли бы Вы все-таки назвать 3–4 позиции, по которым имеется расхождение, но которые сегодня в тактическом плане столь уж значимыми не представляются?

— Пожалуйста. Скажем, роль государства в экономике. Если посмотреть наши программные документы, мы за более экономичное, компактное государство, — государство, где меньше чиновников, т. е. меньше трат на них. «Яблоко» — за большую роль государства, соответственно за более высокие налоги, хотя социал-демократы и левоцентристы об этом обычно не любят говорить. Вот, пожалуй, первое, наиболее серьезное разногласие. Далее, мы за более жесткое проведение политики остановки инфляции и финансовой стабилизации, остановки роста цен. «Яблоко» более уклончиво подходит к этому вопросу, как бы оставляет себе базу для компромисса. Это тоже характерно для левоцентристских политических сил. Здесь второе стратегическое разногласие. Но, еще раз подчеркну, это, по-моему, отнюдь не доминирует на сегодняшней политической сцене, потому что и то государство, которое видим мы, и то государство, которое видит «Яблоко», в колossalной степени отличаются от того государства, которое мы имеем сегодня, которое нависает над обществом.

— А каковы расхождения во взглядах на тактику ведения предвыборной кампании?

— У нас разные позиции. За «Выбором России» много реально сделанного, соответственно много ответственности и за начатые реформы, и за то, что они были остановлены нашими оппонентами. За «Яблоком» меньше сделанного, поэтому меньше ответственности. Это и определяет разницу в тактике, в лозунгах.

— Каковы препятствия, связанные с личностными особенностями — Вашими и Явлинского?

— Я не думаю, что это также вопрос доминирующий. С моей стороны никаких препятствий нет.

— *Много же говорится, что все упирается в амбиции.*

— В мои амбиции не упирается. У меня нет никаких амбиций. Я всегда выступал за единство демократических сил и не выдвигал никаких ультиматумов на пути к этому единству. Честно говоря, я не хотел бы бросать камень и в Григория Явлинского. Скажу еще раз, не думаю, что дело здесь исключительно в амбициях. Скорее, в смешении стратегических и тактических задач.

— *По-моему, Вы не всегда придерживались такой точки зрения. В ноябре прошлого года, отвечая Елене Георгиевне Боннэр, призывавшей Вас, Явлинского и Бориса Федорова к единению, Вы написали в газете «Сегодня»: «Когда движение (демократическое. — О.М.) идет на спад, усиливается разброд, распадается связь и начинают превалировать амбиции, подчас трагикомические и просто анекдотические»¹.*

— Я имел в виду, что если серьезной является угроза краха демократических институтов, то для демократических политиков в этой ситуации не научиться взаимодействовать значило бы проявлять поразительное легкомыслие, свидетельствующее о том, что обсуждать свои разногласия в концлагере для них, видимо, приятнее, чем договариваться о единстве действий до того, как они туда попадут.

— *Какие проблемы создает то обстоятельство, что рейтинг Явлинского выше, чем Ваш, и что он давно заявляет о своем намерении баллотироваться в президенты?*

— Никаких. Сейчас мы решаем проблему парламентских выборов. Мы предлагаем не обсуждать пока проблему выборов президента. Мы готовы обсудить ее после парламентских выборов, когда их результаты жестко выявят политические реальности, покажут, кого поддержат избиратели. Мы готовы к диалогу.

— *Тем не менее человек, который нацелился на президентские выборы, несколько иначе ведет подготовку и к выборам парламентским. Для него это как бы праймериз, предварительная проверка отношения избирателей к его персоне.*

— Мы готовы рассматривать парламентские выборы как праймериз по отношению к выборам президентским. Что касается рейтингов, рейтинги были разные. Скажем, результаты выборов 1993 г. были существенно отличны от результатов соцопросов, проводившихся незадолго перед ними. Вместе с тем я вполне серьезно отношусь к проблеме подбора, выдвижения и поддержки того кандидата от демократов, который будет иметь шансы быть избранным. Гораздо легче это сделать, когда имеются результаты парламентских выборов.

— *А Вы сами не собираетесь баллотироваться в президенты?*

— У нас есть решение партии по этому поводу. Я думаю, что оно абсолютно верно. Мы считаем, что вопрос о кандидатуре на президентских выборах надо решать после выборов парламентских, потому что обсуждение этого вопроса сейчас не базируется на реальном понимании, знании того, что происходит в политической жизни России, на знании уровней политической поддержки. Такое обсуждение объективно провокационно, разделяет потенциальных союзников. Повторяю, мы готовы рассматривать парламентские выборы в качестве праймериз к президентским выборам, но только не обсуждать сейчас конкретные кандидатуры на пост президента.

— *Вы не связываете с высоким рейтингом Явлинского его довольно четко просматриваемое нежелание объединяться с кем бы то ни было в предвыборный период? Мне не раз приходилось слышать, что идея объединения для Явлинского непродуктивна, поскольку при этом он может раствориться среди других политиков, менее популярных.*

— Мне понятна эта линия рассуждения. Напомню, что она была строго реализована накануне выборов 1993 г. Рейтинг Явлинского тогда также был самый высокий. И что же? На этих выборах блок «Яблоко», скажем так, не одержал сокрушительной победы. Получил лишь 7% с небольшим. Так что на проверку эта логика оказывается не такой уж продуктивной. Все это уже было.

— *Но Явлинский в упомянутой Вами статье уверяет, что, если бы на выборах 1993 г. демократы выступили одним монолитным блоком, за этот блок проголосовало бы меньше людей, чем за «Выбор России», «ПРЕС» и «Яблоко» в сумме.*

¹ См.: Мы обречены на единство. Ответ Елене Боннэр. Наст. собр. соч. Т. 6. С. 202. — Прим. ред.

— Все это умозрительные расчеты. Я-то убежден в чем: раскол среди демократов очень сильно дезориентирует наших потенциальных сторонников, демобилизует их. «Раз вы не можете договориться между собой, то мы вообще ни за кого не пойдем голосовать». В результате как раз те социальные группы, на которые мы могли бы опереться, будучи дезориентированными, снижают свое присутствие на выборах. Поэтому-то мы, я бы сказал, с необычайной назойливостью, навязчивостью все время говорим: дорогие друзья, можно иметь массу тактических соображений, но от разобщенности проиграем мы все. Съездите в любой провинциальный город — вас везде спросят: «Почему не можете договориться? Почему не можете действовать вместе? Почему не можете согласовать позиции? Вы понимаете, что тем самым подрываете ваши общие позиции?» И вот я хочу, чтобы наши потенциальные партнеры все это видели очень хорошо.

Нам коалиция не нужна. Мы ее не добиваемся для себя. У нас наиболее дееспособная на сегодня федеральная структура, которой нет, пожалуй, ни у какого другого демократического блока. И для нас любая договоренность о совместных действиях — это некая проблема. Но мы готовы наступить себе на всевозможные мозоли, потому что понимаем свою ответственность как самой большой, самой дееспособной демократической структуры за решение этой задачи.

— У Вас есть какие-то аналитические данные, какой Ваш электорат и какой электорат «Яблока»?

— Конечно, есть. В принципе наши электораты довольно сходны. У нас, как и у «Яблока», электорат сравнительно высокообразован, сравнительно высококвалифицирован, он более городской, чем сельский, он сконцентрирован главным образом в больших городах, а не в малых, больше на севере и в центре, чем на юге... Но есть и некие различия. Скажем, в уровне социального оптимизма. Наш электорат более оптимистичен, чем у «Яблока».

— Некоторые из Ваших потенциальных союзников полагают, что кооперироваться с Вами невыгодно, поскольку за Вами тянутся хвост начатых Вами реформ — эти реформы для рядового избирателя пока что обернулись больше потерями, чем выгодами.

— Я понимаю эти соображения. Но, с другой стороны, за нами вроде бы сделанное реальное дело. На прошлых выборах, при всем

том, что на нас лежал тот же самый груз, мы почему-то получили больше голосов, чем все другие демократические блоки вместе взятые.

— Многие Ваши потенциальные союзники строили прошлую предвыборную кампанию на оголтелой критике «Выбора России». Ожидаете ли Вы того же самого на этот раз? Или Ваши критики поймут, что занимаются самоедством?

— Надеюсь, что поймут. Надеюсь, что нам удастся договориться о неких общих принципах проведения избирательных кампаний хотя бы в среде потенциально демократических сил. Действительно, наши критики ничего не получили в прошлой кампании и вряд ли что-нибудь получат сейчас.

— В какой степени платформой для объединения может служить критика действий президента и правительства вообще и в Чечне, в частности?

— Она, конечно, может быть базой для диалога и объединения, но надо понимать, что критика — орудие разнонаправленное. Скажем, мы критикуем правительство и президента, аграрники тоже критикуют. Вряд ли это может послужить для нашего широкого избирательного объединения. С другой стороны, скажем, партия социальной демократии едва ли будет активно критиковать президента: она его поддерживает. Для меня это обстоятельство не налагает запрета для диалога и объединения с этой партией в предвыборный период. Еще раз разъясню нашу позицию. Да, мы видим угрозу российской демократии. Мы ее хорошо чувствуем. Мы, как ответственные силы, хотим противопоставить этой угрозе единые солидарные действия. Эти действия нужны не нам, не блоку «Выбор России», не партии «Демократический выбор России». Помоему, они нужны России, нужны всем, кто разделяет элементарную ответственность за судьбу российской демократии. Чтобы потом не пришлось рвать на себе волосы и объяснять, как бездарно мы упустили те исторические возможности, которые имели.

— Много говорят о координации действий демократов в одномандатных округах — той, которой не удалось добиться на прошлых выборах. Как Вы полагаете, сейчас удастся ее добиться?

— Очень надеюсь.

— Что-нибудь делается для этого?

— Мы дали установки на места, разослали соответствующие письма. Наши парторганизации получили общие указания о переговорах со всем, что жизнеспособно, о поддержке единых кандидатов. По отдельным регионам такие договоренности у нас уже есть.

— Ваш бывший коллега Олег Бойко утверждал в одном из интервью, что после выборов будет еще более плохой парламент, еще более плохой президент. Согласны ли Вы с ним?

— Все открыто. Политическая ситуация в России сейчас очень нестабильна. Уровень поддержки любой политики очень низкий. Все будет в огромной степени зависеть от того, что станут делать политики в предстоящий период.

— Как Вы оцениваете такую точку зрения Бойко: следует отложить выборы парламента и президента года на два?

— Категорически с ней не согласен.

— Он высказывал ее, еще будучи деятелем «Выбора России»?

— Естественно, высказывал. И я никогда ее не поддерживал.

«Если к урнам придет не более 40 процентов избирателей, Россия вернется к очередям и пустым прилавкам»

Лидер избирательного блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы» отвечает на вопросы обозревателя «Литературной газеты».

К ЧЕМУ МЫ ПРИШЛИ

— Как Вы оцениваете социально-политическую обстановку в стране накануне выборов? Представляется ли она Вам достаточно стабильной или, напротив, взрывоопасной?

— Она мне представляется достаточно стабильной, внушающей небеспорчевые надежды на экономический подъем в 1996 г. Это оценки и мои, и многих серьезных независимых аналитиков. На это позволяют надеяться и существенное снижение темпов инфляции, и начало репатриации капитала из-за рубежа обратно в страну, и быстрый рост экспорта, и начало роста в тех видах производства, которые всегда во всем мире служат локомотивом экономического подъема. Я имею в виду в первую очередь быстрый рост жилищного строительства и производства легковых автомобилей в этом году. Короче говоря, в сфере экономики фундаментальные предпосылки подъема сформированы.

Каковы сегодня главные сдерживающие факторы? Пожалуй, прежде всего — политическая нестабильность, непредсказуемость предстоящего развития и в связи с этим — отсутствие надежных гарантий частной собственности. Именно политическая нестабильность удерживает сейчас процентную ставку, скажем, по государ-

Интервью брал Олег МОРОЗ.
Опубликовано в: Литературная газета. 1995. № 49. 6 ноября.

ственным ценным бумагам на аномально высоком уровне и тем самым позволяет получать крупные прибыли, не вкладывая деньги в национальную экономику, сдерживает крупные вложения капитала в отечественную промышленность и соответственно инвестиционный спрос на наши машины и оборудование.

К сожалению, этот фактор — политическая нестабильность — будет сказываться и в ближайшие месяцы, вплоть до июня 1996 г. При всем при том — это показывают и опросы — уровень ожидания катастроф и потрясений за последние годы существенно снизился. Происходит адаптация к новой жизни.

— Каковы, на Ваш взгляд, главные достижения и главные неудачи нынешней власти?

— Я бы разделил достижения власти законодательной и исполнительной. К основным достижениям первой я бы отнес то, что удалось принять Гражданский кодекс. Это конституция частной собственности. Несмотря на некоторые упущения, Гражданский кодекс сегодня уже позволяет собственнику защищать свои права в суде по многим направлениям.

Если говорить о власти исполнительной, она, пожалуй, сумела извлечь некоторые уроки из своих ошибок. С точки зрения экономической политики, 1994 г. был абсолютно провальным. После выборов 1993 г., видимо, под влиянием их результатов правительство метнулось в сторону финансовой безответственности, результатом чего стали известные события: резкое падение курса рубля, огромная инфляционная волна осени и зимы 1994–1995 гг., резкое снижение жизненного уровня, сильнейший удар по реальной зарплате и реальным доходам. Однако в 1995 г. правительство все-таки стало на путь более ответственной финансовой политики, далеко не безупречной по исполнению, с серьезными ошибками, но все-таки открывающей дорогу для финансовой стабилизации и соответственно для подъема производства.

Наиболее серьезным поражением нынешней власти я считаю то, что она не смогла остановиться перед началом войны — войны, которая нанесла серьезнейший удар по российской государственности, российской экономике и которая, это важнее всего, стоила нам десятков тысяч жизней. Второй негативный момент — нынешняя власть все-таки оказалась неспособной провести набор жизненно

необходимых реформ, в свое время незавершенных нашим правительством из-за малого отпущеного ему срока.

ЧТО НАМ ТРЕБУЕТСЯ

— Какие первоочередные меры, с Вашей точки зрения, необходимо принять для достижения стабильности в экономике, замедления спада производства, для повышения жизненного уровня людей?

— Мы сейчас имеем причудливо переплетенные власть и собственность в экономике. Их отношения очень напоминают те, которые традиционны для обществ восточного типа. Это, конечно, уже не коммунистический атавизм, но еще и не западное общество. Здесь общество и власть как бы наполовину слиты. Главную роль тут играют не эффективность производства, не качество продукции, не способность контролировать издержки, а индивидуальные льготы, взятки и связи в структурах власти. Именно они определяют экономическое положение того или иного предприятия. Деньги, распределяемые из бюджета по чьему-то усмотрению, льготные кредиты, бюджетные ссуды, внеконкурсный механизм распределения государственных заказов, индивидуальные налоговые льготы, индивидуальные льготы по таможенным тарифам — все это дает чиновнику огромную власть, возможность распределять государственные деньги по своему усмотрению.

Если это так, то экономика совершенно неизбежно криминализируется. Если ты честный и не умеешь давать взятки, ты находишься в заведомо неравных условиях со своим конкурентом, ты не сможешь соревноваться с ним на равных. Он не платит налоги, а ты должен платить. Он не платит импортные пошлины, а ты должен платить. Ты не получаешь денег из бюджета, а он получает. В этих обстоятельствах ты должен либо закрыться, уйти из бизнеса, либо научиться давать взятки точно так же, как и он.

Именно вот эта незавершенность жизненно необходимых либеральных преобразований воспроизводит общество и экономику восточного типа — с мощной вороватой бюрократией и находящимся под ее пятой неизбежно криминализированным бизнесом.

Для того чтобы рынок работал не на взятку, а на экономический рост, необходимо провести комплекс мероприятий, которые позволили бы выровнять условия игры, отобрать у чиновников пра-

во распределять и делить по своему усмотрению. Попросту говоря, необходимы конкурсные механизмы распределения государственных ресурсов, государственных инвестиций, жесткая прописанность механизмов расходования каждой государственной копейки, бюджет гораздо более подробный, чем тот, который принимается сегодня, позволяющий реально контролировать использование государственных ресурсов, максимальная универсализация налогового и таможенного режимов... Короче говоря, необходим набор антикоррупционных мер, дающий возможность оздоровить и государственную власть, и экономику, и само общество. Без этого экономический рост в России будет крайне затруднен.

Вторая группа необходимых мер — налоговая реформа. Сегодня наша налоговая система устроена, как решето. Кто не хочет платить налог, тот и не платит. На законных и полузаконных основаниях. Честные платят очень высокие налоги, недопустимо высокие... У нас огромное количество дырок, позволяющих освободить от налогообложения традиционно самые налогоэффективные товары, скажем водку, табак. Ими торгуют, за небольшими исключениями, только те организации, которые освобождены от налогов. В результате в российском бюджете доля налогов от продажи таких товаров аномально низка. Она такой не была никогда в истории России — ни при царе, ни при большевиках. Если вы позволяете выводить из-под налогов водку, табак, газ, то никакими самыми высокими налогами на другие товары вы не компенсируете эти потери. Получается, что этой налоговой системой вы дестимулируете честность.

Стало быть, первое, что надо сделать, — резко ограничить налоговые льготы. Второе — резко сократить число налогов (к счастью, это уже заложено в проекте Налогового кодекса). Третье — на этой базе резко упростить налоговую систему, улучшить собираемость налогов. Четвертое — снизить общий уровень налоговых ставок. Пятое — ввести упрощенную систему налогообложения для малого и среднего бизнеса, что позволило бы создать базу для формирования среднего класса в России. И, наконец, шестое — создать надежные правовые гарантии для налогоплательщика. Мы внесли в Думу проект соответствующего закона. Он позволяет налогоплательщику бороться с произволом чиновника.

Третье, что необходимо сделать для создания предпосылок экономического роста, — это, разумеется, установить четкие и надежные гарантии частной собственности. Без них люди не будут вкладывать свои деньги в производство. Они их всегда будут крутить в спекулятивных операциях. Кое-что-здесь сделано, но очень многое еще предстоит сделать. Нужно, чтобы вступил в силу закон о ценных бумагах (он уже прошел через Думу), закон об акционерных обществах (вокруг него идет долгая борьба). Нужен закон о защите вкладчиков, который защитил бы тех, кого обманывали и обманывают финансовые пирамиды и ненадежные банки. Нужен закон об ипотеке, который открыл бы дорогу кредитованию жилищного строительства. Ну, и в первую очередь, конечно, нужен комплекс законов, надежно гарантирующих частную собственность на землю. Отсутствие их — сильнейший удар по отечественному аграрному сектору, по инвестициям в национальную экономику, по самой стабильности банковской системы, потому что это подрывает надежность залога. Вот это, пожалуй, сегодня важнейшие меры, которые необходимы для того, чтобы создать базу для экономического роста.

Наряду с этим нужны, конечно, шаги для социально справедливого распределения результатов этого роста. И здесь я остановился бы на двух вещах. Первое — это реформа системы социальной защиты. Сегодня она у нас безадресная, увязана с нуждаемостью. Мы пытаемся как бы поддержать очень многих, но при этом поддерживаем крайне неэффективно, тратим на это очень много денег. А в результате те, кто действительно нуждается, так и остаются самыми бедными и живут ниже уровня прожиточного минимума. Главное, что здесь надо сделать, — жестко увязать пособия по малообеспеченности с уровнем нуждаемости, всемерно ограничить безадресные дотации, направлять эти средства на помощь тем, кому действительно трудно.

Еще одно направление, важное для того, чтобы результаты экономического роста были социально справедливо распределены, — это изменение приоритетов бюджетной политики. Сегодня у нас колоссальная часть бюджетных средств — и федеральных, и региональных — тратится на поддержку неэффективных предприятий. Между тем в мире нет ни одной успешно работающей экономики, чья продуктивность обеспечивалась бы за счет массового со-

хранения неэффективных предприятий, за счет массового вложения в них средств, которые забирают у тех, кто работает хорошо и эффективно, и перераспределяют в пользу работающих плохо. Это не нужно никому, в том числе самим слабым предприятиям. Не будем вводить себя в заблуждение. Чаще всего мы помогаем не предприятиям, мы помогаем директорам-неумехам сохранить свое кресло. Пора поломать такой порядок.

Основа преступности — взятка

— Как Вы полагаете, что нужно сделать, чтобы начать, наконец, реальную борьбу с преступностью?

— Важнейшая база преступности в России — это организованная преступность. Даже хуже преступности уличной. Ведь кто такие эти стриженые мускулистые ребята, которых мы часто видим на улицах? Это ведь наемная армия организованной преступности. А оргпреступность всегда имеет своим источником коррупцию. Так было во всем мире, и так есть сегодня в России. Когда мы выделяем безадресные налоговые льготы, мы должны понимать, что они пойдут не на спортсменов, не на инвалидов — эти люди получат максимум 5%. Большая же часть этих средств как раз и пойдет на содержание тех самых крутых ребят, которые представляют такую угрозу для порядка в стране. И в связи с этим суть предлагаемой нами стратегии борьбы с преступностью — это устранение базы ее, устранение источников коррупции, мощнейший удар по организованной преступности как основы всей преступности.

Мы, конечно, понимаем, что это отнюдь не вся проблема. Наша фракция провела через Думу Уголовный кодекс. Мы добились преодоления вето Совета Федерации, и я очень надеюсь, что президент его подпишет. Это современный документ. Он открывает дорогу для борьбы с многими видами преступлений, перед которыми прежде мы были беспомощны, просто хотя бы потому, что они не были описаны нормально в законодательстве, таких преступлений, жертвами которых стали миллионы людей. Скажем, ложное банкротство... Короче, этот документ, позволяет привести наше законодательство в соответствие с изменившимися условиями жизни.

Нужно и еще довольно много, чтобы борьба с преступностью стала в России эффективной. Требуются серьезные меры по реорганизации в самом Министерстве внутренних дел. Оно должно стать гораздо более открытым для общественного контроля. И, конечно, гораздо менее коррумпированным.

Но стержень всего, что необходимо сделать, еще раз подчеркну, — это убрать источник организованной преступности, порвать связь между собственностью и властью.

— В своих программах Вы много внимания уделяете военной реформе. В чем суть Ваших предложений?

— Мы сейчас имеем армию, в которой не хотят служить офицеры, потому что они не могут заниматься своим делом, скажем, боевой подготовкой. Армию, в которую матери не хотят отпускать своих сыновей, в которую не хотят идти служить сами юноши. Мы имеем армию большую, дорогую и предельно неэффективную. Армию, которая сама собой недовольна. Что здесь надо сделать? По нашему убеждению, нужна серьезная военная реформа. Основное направление ее — сокращение численности вооруженных сил, включая сюда внутренние войска и пограничников, примерно до 1 млн человек, упрощение структуры управления, резкое сокращение количества штабов, круга обслуживающих подразделений, отказ от огромного натурального хозяйства Министерства обороны, начиная от военных совхозов и кончая военными заводами строительных материалов. На этой базе можно обеспечить средства, достаточные для боевой подготовки, реального выполнения социальных гарантий для военнослужащих, обеспечения поставок современной боевой техники. Военная реформа должна создать базу для перехода к профессиональной военной службе.

Понимаю, что все это нельзя сделать ни за месяц, ни за два. Это требует серьезной работы и немалого времени — согласно нашим расчетам, примерно семи лет. Но мы убеждены, что начинать работу в этом направлении необходимо. Только в таком случае мы можем получить армию меньшую по численности, но такую, которая будет эффективна и которой будет гордиться страна.

— Как Вы считаете, почему нынешние власти не принимают всех перечисленных Вами мер — и в области экономики, и по части борьбы с преступностью, и по военной реформе?

— По одной элементарной причине. Для реализации этого тура серьезных, глубоких и либеральных по своему направлению реформ нужны воля, осознание сути проблем, перед которыми стоит Россия, и готовность брать на себя ответственность за эти решения. Почти все готовы, в общем, выступить, скажем, против налоговых льгот. Но, к сожалению, очень мало тех, кто готов взять на себя тяжесть ответственности за ликвидацию каждой конкретной налоговой льготы. К сожалению, очень много тех, кто выступает за приоритеты социальной сферы в любое время, кроме того момента, когда происходит голосование по бюджету, и очень мало тех, кто готов всерьез сократить разбазариваемые ассигнования и дотации и действительно бросить деньги на поддержку, например, науки, культуры, образования, здравоохранения.

— Совершенно фантастическая ситуация установилась в Чечне — ни войны, ни мира... В чем Вы видите выход из положения?

— Гораздо легче разбить кувшин, чем потом его склеить. Точно так же гораздо легче начать войну по глупости, чем потом эту войну закончить.

Приведу здесь такую аналогию — Афганистан. Мы вошли туда в 1973 г. Свергли короля. Потом вперлись еще раз — в 1978-м. Привели к власти левое правительство. Потом еще — в 1979-м. Ввели свои войска. Уже давно их вывели, а что там сделать, как расхлебать заваренную нами кровавую кашу — этого никто не знает. Так и в Чечне. Залезть туда было легко, а вылезти очень трудно. Там нет простых решений. Вот почему мы и выступали так решительно против этой войны еще в самом начале, пожалуй, самыми первыми, что понимали: в результате мы придем к ситуации подобного типа, которая будет постоянно кровоточить, на которую мы будем тратить огромные деньги и из которой не будет простого выхода.

Тем не менее я убежден, что, несмотря ни на что, надо продолжать политику диалога, избегать любых конфронтационных действий, пытаться перетянуть на свою сторону наиболее умеренную часть чеченского общества (отнюдь не все там хотят воевать до последнего чеченца). Конечно, все это очень трудно делать нынешнему российскому правительству, на конести которого и разбомбленные больницы, и десятки тысяч убитых ракетными и бомбовыми ударами. Но все равно другого пути я не вижу.

Коммунисты, вперед?

— Вы уже второй раз участвуете в избирательной кампании. Чем, на Ваш взгляд, нынешняя кампания отличается от предыдущей? Равноценны ли они по своему значению?

— В нынешней кампании — я имею в виду цикл парламентских и президентских выборов — решается гораздо больше, чем решалось в прошлой. Вообще в мире не так часто случаи, когда на демократических выборах решается многое. Как правило, на весах лежат вещи довольно тривиальные. В истории XX в. буквально по пальцам можно пересчитать выборы, на которых всерьез решалась судьба страны. Тут можно назвать, например, выборы 1932 г. в США или 1933 г. в Германии¹. В России и случаев-то таких, пожалуй, не было. В 1993 г. были важные выборы — выбирали парламент на два года, но судьба страны на них не решалась. А вот в этом цикле выборов — 1995—1996 гг. — Россия действительно по ряду причин оказалась на развилке двух очень разных дорог, и то, какую она выберет, окажет огромное влияние на ее судьбу в XXI в.

— Социологические опросы, как известно, показывают, что в симпатиях населения нынче первенствуют коммунисты. Совпадают ли Ваши собственные впечатления от встреч в российских регионах с данными этих опросов?

— Совпадают. Это действительно так. Электорат коммунистов довольно большой, он неплохо организован. Активен. Но я убежден, что он имеет весьма ограниченный потенциал роста. Потому что я фактически не вижу его среди молодых. КПРФ — это партия, которая может прорваться к власти в этом избирательном цикле, и только в этом. Если она к ней не пробьется, то навсегда останется партией социального протesta.

— Мы знаем, что в ряде стран Восточной Европы, Прибалтике к власти сейчас пришли бывшие коммунисты. Последний пример — избрание Квасьневского президентом Польши. Нынешнее тяготение

¹ Егор Тимурович, видимо, оговорился. На самом деле судьба Германии решилась выборами 1932 г., после которых Гитлер стал премьер-министром. Мартовские выборы 1933 г. проходили в условиях, когда фашисты уже были у власти, ввели драконовские законы и начали строить концлагеря. — Прим. ред.

российских избирателей к красным — это тот же самый процесс или какой-то иной?

— Да, тот же самый. Логика его вполне понятна. Коммунисты обычно уходили от власти в условиях экстремального экономического кризиса; иначе они от нее не ушли бы. После этого демократические правительства получали тяжелую миссию расплачиваться за перебитые горшки, разгребать большое количество грязи и расхлебывать неприятности. Выполняя эту миссию, они, совершенно естественно, бывали вынуждены принимать непопулярные меры, и в связи с этим, вполне понятно, возникала обратная волна. Разница между Россией и Восточной Европой заключается вот в чем. Там посткоммунистические партии эволюционировали в сторону социал-демократии. В том числе и потому, что это всегда были партии вассальные. Они всегда ассоциировались не с национальным господством, а с национальным унижением, с оккупационным режимом. А вот в России, где была материнская империя и где соответственно коммунистическая партия была партией имперской, эволюция пошла отнюдь не в сторону социал-демократии, а в сторону национал-социализма. И это, конечно, делает ситуацию отнюдь не симметричной.

— Какие результаты выборов в Думу Вы сочли бы катастрофическими? Насколько они вероятны?

— Катастрофической можно будет считать ситуацию, если коммунисты и их союзники получат надежные 226 голосов и вместе с колеблющимися — больше 300 голосов. Такая ситуация не исключена, хотя ни в коей мере не неизбежна. Очень многое будет зависеть от явки избирателей. Если придет процентов 40, то, я думаю, этот результат почти предрешен. Если придет процентов 70, он крайне маловероятен.

— Не опасаетесь ли Вы фальсификации выборов?

— Опасаюсь. Эта проблема дала о себе знать уже на выборах 1993 г. Будем делать все возможное, чтобы обеспечить контроль за голосованием.

— Какова вероятность полного отката от проведенных в стране за последние годы реформ в случае возврата к власти рыцарского ордена Серпа и Молота?

— Знаете, устойчивый, стабильный социализм на десятилетия построить им, разумеется, не удастся. А вот восстановить предель-

ный беспорядок, скажем, образца 1990 г. — это вполне в их силах. Они могут нанести мощный удар по рыночным отношениям, снова воспроизвести дефицит, очереди, карточки, неконвертируемую валюту. Когда все это проявится, народу такое положение дел, естественно, придется не по вкусу и потребуются козлы отпущения, «виноватые» во всем. В связи с этим, кстати говоря, не грех перечитать кое-какие исторические книжки и вспомнить, что «враги народа» в 1929 г. в первую очередь появились как вредители рабочего снабжения, т. е. как люди, которые должны были отвечать за то, что вот при нэпе товары были, а теперь почему-то исчезли...

Кроме того, потребуется ввязаться в какие-то внешнеполитические авантюры. В частности, возникнет надежда, что маленькая победоносная война позволит списать на нее все экономические невзгоды. Но беда в том, что все маленькие победоносные войны, как правило, обрачиваются большими и кровавыми. Для России это особенно характерно.

— Большинство людей, по-видимому, лишено даже малой толики исторической памяти: они не помнят ни бессудных расстрелов, ни лагерей, занимавших едва ли не половину страны, ни пустых магазинов, ни километровых очередей, ни «колбасных электричек», устремлявшихся со всех сторон в Москву, т. е. всего того, что было при коммунистах, и все равно готовы тупо голосовать за них. Какие выводы должен сделать политик из этого факта — столь короткой народной памяти? Вообще не апеллировать к прошлому? Обещать лишь благополучное будущее?

— Ну, во-первых, у людей разная память. Я действительно с многими разговаривал во время своих поездок... Вы правы, блокировка памяти происходит, и вместе с тем очень быстро вспоминают реальное положение дел, как только им о нем напоминаешь. Именно на это я и надеюсь, потому что, как ни странно, чем ближе победа коммунистов, чем реальнее эта угроза, тем как бы ярче восстанавливается память. Те же самые люди, которые явно не помнят реалий 1990 г., когда им объясняешь, как элементарно это все может вернуться, вдруг осознают те реалии не как совсем забытое прошлое, а как нечто вновь стоящее прямо у порога их дома. То самое, с чем мы родились, жили десятилетиями и с чем, были уверены, умрем.

— Так ведь невозможно все объяснить и все напомнить каждому из 50–60 млн избирателей.

— Да, это великая проблема. Тем не менее все равно будем пытаться напомнить... Кроме того, надо иметь в виду еще одно. Коммунистический режим мог жить только на постоянной подпитке. Он ведь был на редкость непродуктивным и развалился-то он в тот момент, когда все ресурсы, которые можно было из страны выкачать, он выкачал, когда развалил отечественное сельское хозяйство, посадил страну на зависимость от импортного зерна, выкачал дешевую нефть Самотлора, набрал 108 млрд долл. кредитов, вывез золотой запас, валютные резервы. И вот в этот момент развалился. Уже отсюда ясно, что возврата хотя бы к относительно стабильным 70-м годам сейчас быть не может, потому что все то, за счет чего эта видимая, кажущаяся стабильность обеспечивалась, давно разбазарено.

ДРУГОГО НАМ НЕ ДАНО

— Когда мы беседовали с Вами в прошлый раз — где-то в конце марта, еще на дальних подступах к предвыборной кампании, — Вы высказали большую тревогу в связи с разобщенностью демократических сил. Увеличилась или уменьшилась эта тревога за прошедшие месяцы? Сейчас, наверное, уже достаточно ясно, к чему привела такая разобщенность (хотя окончательные итоги можно будет подвести только после выборов)?

— Тревога не увеличилась и не уменьшилась — просто оказалось, что мы были правы. Наши оценки, к сожалению, оправдались.

— Нельзя ли что-нибудь сделать хотя бы сейчас, в последний момент перед выборами? Ведь вполне очевидно, что абсолютное большинство объединений и блоков демократического толка не преодолеет 5%-ный барьер и окажется за бортом Думы. Разве не разумно в такой ситуации снять свои списки с голосования и признать потенциальных избирателей отдать голоса за тех, кто имеет реальные шансы попасть в нижнюю палату парламента, — за «Яблоко» или за «Демвыбор России»?

— Мы пытаемся сегодня договариваться о взаимодействии в отдельных мажоритарных округах. Где-то это удается, где-то нет. Что касается голосования по партийным спискам, хотелось бы

надеяться, что и тут что-то можно сделать. Мы ведем такие консультации. Я надеюсь, что по крайней мере какая-то часть блоков демократической ориентации, явно не имеющих шансов быть избранными, осознает это и примет разумное решение. Хотя все это даже технически не так просто. Для этого требуется созвать съезд соответствующего блока.

— Я знаю, что Вы неохотно говорите о президентских выборах. И все-таки, согласитесь, но-настоящему вопрос о власти будет решаться в июне, а не в декабре. Не стала ли сейчас, в самый канун парламентских выборов, более ясной ситуация с выборами президентскими? Какие основные политические силы сойдутся в соперничестве за президентский пост? Кого Вы могли бы назвать в качестве реальных кандидатов на него? Вы по-прежнему не определились с тем, чью кандидатуру будете поддерживать?

— Мы давно определили свою позицию и не хотим от отказываться. Вопрос о президентских выборах мы начнем обсуждать ровно через день после того, как будут подведены итоги выборов парламентских.

— Не кажется ли Вам, что в связи с ухудшением здоровья президента возрастает опасность государственного переворота?

— Я не думаю, что эта угроза сейчас актуальна. Гораздо серьезнее сегодня угроза чисто электоральной победы сил, которые, однажды использовав демократические правила игры для своей победы, в дальнейшем могут забыть их.

— По-видимому, можно считать общепризнанным, что демократическое движение в России сейчас переживает спад. Как Вы думаете, насколько он глубок? Есть ли шансы остановить его, вызвать новый подъем? Согласны ли Вы с утверждением, что демократия — это вообще для России нечто чужеродное?

— Нет, я с этим категорически не согласен. Прекрасно понимаю, что у России, где демократических традиций на протяжении веков не было, путь к устойчивой демократии будет очень непростым. Но самое глупое, что можно сделать, — это бросаться немедленно топтать саму идею российской демократии, говорить, что если вот она у нас такая некрасивая получилась, давайте ее сдадим куда-нибудь в детский дом. Это наш общий ребенок. Он с плохой наследственностью, он не очень хорошо воспитан. Но другого все равно не будет. Надо за него бороться и пытаться сделать его лучше.

Есть ли шансы? Да, без всякого сомнения. Совершенно убежден, что если пройдем нормально вот этот избирательный тур, то следующий окажется для демократии в России гораздо более легким.

Если же, паче чаяния, к власти прорвутся антидемократические силы, долго они не удержатся. Конечно, будет нанесен сильнейший удар по перспективам России в XXI в., будет огромный риск, но все равно мы выберемся обратно на путь к свободе, рыночной экономике и демократии. Другого пути в XXI в. у России нет. Это совершенно очевидно показал век XX.

Так что демократия в России все равно победит. Другое дело, сколько это будет еще стоить нашей стране.

Егор Тимурович Гайдар

Собрание сочинений в пятнадцати томах

Том 10

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *Ф. Н. Морозова*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элоев*

Компьютерная верстка *А. В. Генералова*

Подписано в печать ___.2014. Формат 70×100/16
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 52,7.

Тираж 3000 экз. Изд. № 1058. Заказ № .
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел
тел. (495)433-25-10, (495)433-25-02
com@anx.ru
www.domdelo.org

ISBN: 978-5-7749-0864-6

9 7 8 5 7 7 4 9 0 8 6 4 6